This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

The Library

of the

University of Wisconsin

Ю. П. Петровъ.

КУРСЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Учебное пособіе.

Изданіе второе, исправленное, дополненное и доведенное до 1904 года.

Цѣна 2 р.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографія А. Э. Винекке, Екатерингофскій пр., д. 15.
1905.

Санкт-Петербургъ, 26-го Августа, 1905 г.

17084
7092

Предисловіе къ первому изданію.

Въ настоящее время, по требованію учебныхъ плановъ М. Н. Пр. исторія русской словесности въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ проходится не систематически, не по учебнику, а преподаваніе ея состоитъ въ чтеніи образцовъ съ историческими объясненіями. Вслѣдствіе этого появленіе нашей книги могло бы считаться излишнимъ. Но, издавая ее, мы только руководились желаніемъ — помочь тѣмъ ученикамъ, которые хотѣли-бы сгруппировать и сохранить въ нѣкоторой системѣ неизбѣжно отрывочныя объясненія преподавателя и, кромѣ того, восполнить случайные пробѣлы въ своемъ знаніи. Слѣд. книга наша вовсе не есть учебникъ, а только пособіе. Правда, въ ней недостаетъ библіографическихъ указаній, но мы считаемъ ихъ излишними именно въ настоящее время послѣ появленія въ печати слѣдующихъ изданій: 1) Исторія русской литературы Академика А. Н. Пыпина, четыре тома (1898—1899), 2) Исторія русской словесности А. Филонова, (1903), 3) Исторія русской литературы XIX стол. Ник. Энгельгардта 2 тома (1902—3). Всѣ эти книги достаточно богаты библіографическими указаніями. — Въ заключеніе считаемъ нужнымъ оговориться, что книга наша не новое произведеніе; она есть только сокращеніе нашей же книги: „Курсъ исторіи русской литературы“ изд. 1892 г. 552 стр. При сокращеніи мы внесли нѣкоторыя поправки и добавленія, отчасти пользуясь также упомянутыми сочиненіями.

К. П. Петровъ.

1904 г.

Предисловіе ко второму изданію.

Первое изданіе нашей книги, напечатанное въ прошломъ 1904 году только въ количествѣ 300 экземпляровъ и опредѣленіемъ Ученаго Комитета М. Н. Пр. отъ 30 ноября „допущенное въ ученическія, старшаго возраста, библіотеки среднихъ учебныхъ заведеній“ уже все разошлось. Такъ какъ въ настоящее изданіе, доведенное до 1904 года, нами внесено много новыхъ именъ и къ нему приложенъ довольно обширный указатель,— это значительно увеличило объемъ книги и побудило насъ повысить ея цѣну.

К. П. Петровъ.

17 авг. 1905 г.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
§ 1.	Предметъ исторіи русской словесности . .	1
§ 2.	Раздѣленіе русской словесности по происхожденію и по содержанію	—

Отдѣлъ I. Словесность устная.

§ 3.	Главнѣйшіе виды словесности устной. . .	3
§ 4.	Пѣсни. Раздѣленіе ихъ	—
§ 5.	Пѣсни обрядовыя.	—
§ 6.	Пѣсни бытовыя или семейныя. Разбойничьи.	5
§ 7.	Пѣсни богатырскія или былины	7
§ 8.	Богатыри старшіе	—
§ 9.	Богатыри младшіе	8
§ 10.	Пѣсни историческія	10
§ 11.	Сказки	12
§ 12.	Пословицы, поговорки, загадки, заговоры .	15
§ 13.	Изученіе народной словесности	18

Отдѣлъ II. Словесность книжная.

А. Древній періодъ.

§ 14.	Начало книжной словесности. Характеръ ея въ древнемъ періодѣ.	—
§ 15.	Древнѣйшіе памятники письменности. . .	20
§ 16.	Раздѣленіе исторіи древней книжной словесности на отдѣлы	21

Отдѣлъ I.

Отъ начала письменности до полов. XVI стол.

§ 17. Важнѣйшія литературныя формы. — Проповѣди 22
§ 18. Лѣтописи . . . . . —
§ 19. Житія святыхъ. Умильныя повѣсти. . . . 24
§ 20. Путешествія ко Св. мѣстамъ. Паломникъ Игумена Даніила 25
§ 21. Поученіе Владиміра Мономаха 26
§ 22. Слово о полку Игоревѣ. 27
§ 23. Духовные стихи и легенды. 30

Отдѣлъ II.

Съ половины XVI стол. до начала XVIII-го.

§ 24. Раздѣленіе этого періода 32
§ 25. Словесность въ Московской Руси . . . . —
§ 26. Словесность Юго-Западной Руси 33
§ 27. Переходъ Юго-Западнаго просвѣщенія въ Москву 35
§ 28. Основаніе русскаго театра. 36
§ 29. Переводныя и оригинальныя повѣсти. . . 37

Б. Новый періодъ.

§ 30. Значеніе Реформы Петра В. Годъ, съ котораго должно начинать первый періодъ . 38

I. Время отъ Петра Вел. до Ломоносова.

§ 31. Мѣры Петра В. для распространенія просвѣщенія 39
§ 32. Отношеніе современной литературы къ Реформѣ. Духовные писатели: Ѳеофанъ Прокоповичъ и Стефанъ Яворскій. . . . 40
§ 33. Кантемиръ. 41

II. Время отъ Ломоносова до Карамзина.

а. Эпоха Импер. Елисаветы Петровны.

стр.

§ 34. Характеръ эпохи. Внесеніе къ намъ ложно-классическаго направленія 42
§ 35. Ломоносовъ. Значеніе его въ исторіи русскаго просвѣщенія. 44
§ 36. Біографія Ломоносова . . . . . —
§ 37. Сочиненія его а, ученыя 45
§ 38. Сочиненія б, ораторскія и поэтическія . . 47
§ 39. Борьба Лом. за русское просвѣщеніе. . . 48
§ 40. Сумароковъ. Заслуги его для просвѣщенія литературы 49

б. Эпоха Импер. Екатерины II.

§ 41. Просвѣтительный характеръ эпохи. Направленія словесности 52
§ 42. Сатирическіе журналы 54
§ 43. Импер. Екатерина II, какъ писательница . 55
§ 44. Фонъ-Визинъ. Біографія его 56
§ 45. Комедіи фонъ-Визина Бригадиръ и Недоросль. 57
Остальныя сочиненія фонъ-Визина 59
§ 46. Державинъ. Біографія его 60
§ 47. Сочиненія Державина. Общія ихъ свойства. 61
§ 48. Важнѣйшія его оды 63
§ 49. Общее значеніе Державина 65
§ 50. Второстепенные писатели Екатерининскаго времени. . . . . —

Литература XIX столѣтія.

I.

Эпоха Императора Александра I-го.

§ 51. Характеръ Имп. Александра. Внутреннія преобразованія 70

стр

§ 52. Литературная критика этого времени. . . 72
§ 53. Карамзинъ. Біографія его. Личный характеръ. Періоды его литературной дѣятельности 73
§ 54. Карамзинъ—литераторъ 75
§ 55. Карамзинъ—историкъ 79
§ 56. Заслуги Карамзина 83
§ 57. Второстепенные писатели эпохи Импер. Александра I-го. 86
§ 58. Непосредственное знакомство съ иностранной литературой 91
§ 59. Жуковскій. Біографія его 92
§ 60. Романтизмъ 95
§ 61. Литературная дѣятельность Жуковскаго . 97
§ 62. Батюшковъ 100

Усиленіе національнаго элемента въ поэзіи.

§ 63. Крыловъ. Его біографія 101
§ 64. Литературная дѣятельность Крылова . . . 102
§ 65. Грибоѣдовъ. Оживленіе драмы и сценическаго искусства въ первой четверти XIX стол. 104
§ 66. Біографія Грибоѣдова. . . . . —
§ 67. Комедія Грибоѣдова „Горе отъ ума“ . . . 105

II.

Эпоха Императора Николая I-го.

§ 68. Характеръ эпохи. Начало поэзіи національно-художественной. 108
§ 69. Пушкинъ. Біографія его. 109
§ 70. Періоды его литературной дѣятельности . 114
§ 71. Произведенія лирическія. . . . . —
§ 72. Произведенія эпическія 121
§ 73. Произведенія драматическія 129

стр

§ 74. Произведенія прозаическія 131
§ 75. Значеніе Пушкина въ русской литературѣ. 132
§ 76. Второстепенные лирическіе поэты Пушкинской школы 133
§ 77. Кольцовъ 135
§ 78. Лермонтовъ. Біографія его. 137
§ 79. Произведенія Лермонтова 139
§ 80. Гоголь. Біографія его. 145
§ 81. Литературная дѣятельность Гоголя 148
§ 82. Сравненіе Гоголя съ Пушкинымъ 159
§ 83. Значеніе Гоголя въ русской литературѣ . —
§ 84. Романъ, повѣсть и драма въ эпоху Пушкина и Гоголя 161
§ 85. Критика. 165
§ 86. Журналистика 166

Русская литература послѣ Пушкина и Гоголя.

§ 87. Оживленіе литературы. Литер. направленія: а) натуральное, б) славянофильское, в) западническое. 167
§ 88. Критика сороковыхъ годовъ. Бѣлинскій. . 172
§ 89. Журналы 179

Литература сороковыхъ—семидесятыхъ годовъ.

§ 90. Условія литературнаго оживленія 181
§ 91. Литературные періоды разсматриваемой эпохи 182
§ 92. Важнѣйшіе писатели сороковыхъ годовъ . 183

А. Писатели романовъ и повѣстей.

§ 93. Тургеневъ. Біографія его . . . . . —
§ 94. Раздѣленіе произведеній Тургенева на группы 184
§ 95. Произведенія Тургенева. 185
§ 96. Гончаровъ. Біографія его 193

стр.
§ 97. Произведенія Гончарова 194
§ 98. Л. Н. Толстой. Біографическія свѣдѣнія о немъ 200
§ 99. Литературная дѣятельность его 201
§ 100. Достоевскій. Біографія его 211
§ 101. Литературная дѣятельность 212

Б. Важнѣйшіе лирическіе поэты.

§ 102. Значеніе ихъ 219
§ 103. А. С. Хомяковъ . . . . . —
§ 104. Ѳ. И. Тютчевъ 220
§ 105. Гр. А. К. Толстой . . . . . —
§ 106. Ап. Ник. Майковъ 222
§ 107. А. А. Фетъ 225
§ 108. Полонскій 226
§ 109. Мей 227
§ 110. Огаревъ 229

В. Важнѣйшіе драматическіе писатели.

§ 111. Островскій . . . . . —
§ 112. Гр. А. К. Толстой 239
§ 113. Аверкіевъ. Чаевъ 241

Г. Остальные выдающіеся писатели 40—70-хъ годовъ.

§ 114. Литература, касающаяся крестьянскаго быта. —
§ 115. Даль (Казакъ Луганскій) . . . . . —
§ 116. Григоровичъ 242
§ 117. Литература по женскому вопросу. Нестроевъ. Дружининъ. Искандеръ 245

III.

Эпоха Императора Александра II.

§ 118. Характеръ эпохи 246
§ 119. Салтыковъ (Щедринъ) 248
§ 120. Писемскій 253

стр.

§ 121. Некрасовъ 258

§ 122. Плещеевъ 260

§ 123. Литература драматическая. Соллогубъ. Львовъ. Потѣхинъ А. Потѣхинъ. Н. Пальмъ. Антроповъ. Соловьевъ Н. Шпажинскій. Курочкинъ Н. С. Повѣсти и драмы Потѣхина А. изъ крестьянскаго быта. Драматическія пьесы Сухово-Кобылина и Манна 261

§ 124. Писатели разночинцы - шестидесятники. Помяловскій 264

§ 125. Второстепенные писатели, этой группы: Шеллеръ (Михайловъ). Засодимскій. Станюковичъ. Боборыкинъ. Марковъ. Немировичъ-Данченко. Терпигоревъ (С. Атава). Лейкинъ. Всев. Крестовскій . . 267

§ 126. Литература женскаго вопроса. Авдѣевъ. Слѣпцовъ 269

§ 127. Литература, касающаяся крестьянства. Марко Вовчокъ (Марковичъ). Успенскій Н. Якушкинъ. Слѣпцовъ. Благовѣщенскій Н. Горбуновъ. Данилевскій Г. П. Мельниковъ (Андрей Печерскій). Лѣсковъ (Стебницкій). Энгельгардъ А. Н. Рѣшетниковъ. Левитовъ. Наумовъ. Погосскій. 271

§ 128. Писатели изъ народа. Шевченко. Никитинъ. 279

§ 129. Лирика гражданской скорби. Розенгеймъ . 280

§ 130. Историческій романъ. Костомаровъ Н. И. Мордовцевъ. Карновичъ. Гр. Саліасъ. . 281

§ 131. Изображеніе стариннаго быта. Аксаковъ С. Т. Соханская (Кохановская) 282

§ 132. Лирика чистаго искусства. Щербина. Переводчики: Гербель. Вейнбергъ. Михайловъ. Курочкинъ. Минаевъ Д. Д. 285

стр.

§ 133. Литературная критика. Добролюбовъ. Ап. Григорьевъ. Страховъ. Критики Р. Слова и Дѣла. 288

Беллетристика 80-хъ (1881—1894) годовъ.

§ 134. Общій ея характеръ 291

А. Писатели романовъ и повѣстей.

§ 135. Новодворскій. Гаршинъ Альбовъ. Баранцевичъ. Петропавловскій. Эртель. Мачтетъ. 293
§ 136. Короленко. Потапенко. Маминъ-Сибирякъ . 297
§ 137. Чеховъ. Щегловъ. Кругловъ. Бѣжецкій. Случевскій. Льдовъ 301
§ 138. Изображеніе простонароднаго быта. Глѣбъ Успенскій. Златовратскій 306
§ 139. Историческіе романы 309

Б. Лирическіе писатели.

§ 140. Надсонъ. Виленкинъ (Минскій). Фофановъ. К. Р. Буренинъ. Апухтинъ 310

В. Писатели драматическіе.

§ 141. Суворинъ, Буренинъ, М. Чайковскій, Ѳедотовъ и пр. 314
§ 142. Критика. Скабичевскій. Буренинъ 316

Краткій очеркъ литературы послѣдняго времени 1894—1904 годовъ.

§ 143. Современная эпоха. 317
§ 144. Общій взглядъ на истекшій XIX вѣкъ . . —
§ 145. Второстепенные писатели. Каразинъ. Гаринъ-Михайловскій. Пѣшковъ (М. Горькій). Будищевъ и пр. 325

стр.

§ 146. Владиміръ Соловьевъ 328
§ 147. Второстепенные писатели повѣстей, разсказовъ и очерковъ, характеризующихъ общество 329
§ 148. Изображеніе крестьянства 342
§ 149. Тюремный и арестантскій бытъ. 352
§ 150. Отношенія Россіи къ Дальнему Востоку . 353
§ 151. Разсказъ Хохлова „Бѣловодское царство“ . 355
§ 152. Лирика послѣдняго времени . . . . . —
§ 153. Драма 357
§ 154. Сочиненія историческаго содержанія . . . 359
§ 155. Писательницы. 360
§ 156. Литература переводная 366
§ 157. Изученіе литературы 372

Заключеніе:

Алфавитный указатель писателей I
Алфавитный указатель литературныхъ произведеній 8

Исторія русской словесности.

§ 1. Исторія русской словесности разсматриваетъ словесныя произведенія русскаго народа съ цѣлью объяснить, какъ, вмѣстѣ съ духовнымъ, политическимъ и общественнымъ развитіемъ народа, они измѣнялись, и со стороны содержанія, и со стороны формы.

§ 2. Русская словесность, подобно словесности другихъ образованныхъ народовъ, дѣлится: 1) по происхожденію и 2) по содержанію.

1. По происхожденію она дѣлится на устную и книжную, или литературу. Къ устной словесности относятся созданія народнаго ума и фантазіи, передаваемыя отъ одного поколѣнія къ другому. Личность пѣвца, или разсказчика, здѣсь выдѣляется очень слабо; это созданія наивныя, чуждыя сатиры и аллегоріи. Словесность книжная, наоборотъ, есть созданіе одного лица, писателя, выражаетъ его личныя мысли, чувства и стремленія, можетъ заключать въ себѣ сатиру и аллегорію; передается письменно или печатно и составляетъ принадлежность автора. Средину между словесностью устной и книжной составляютъ: 1) произведенія народныя, образовавшіяся подъ литературнымъ вліяніемъ, напримѣръ, духовные стихи (объ Іосифѣ Прекрасномъ, о Богачѣ и

Лазарѣ, о Егоріи Храбромъ); 2) художественная обработка народнаго эпоса (Иліада и Одиссея, Рыцарскія поэмы, Сказки Пушкина, Жуковскаго, былины Алексѣя Толстого).

2. По содержанію словесныя произведенія дѣлятся на прозу и поэзію. Различіе между ними состоитъ въ томъ, что проза изображаетъ дѣйствительную жизнь человѣка и природы съ цѣлью дать о ней понятіе. Она не допускаетъ вымысла. Поэзія изображаетъ ту же дѣйствительную жизнь, но въ идеальныхъ образахъ. Проза раздѣляется на описаніе, повѣствованіе, разсужденіе и ораторскую рѣчь. Поэзія раздѣляется на эпическую, лирическую и драматическую. Надо замѣтить, что раздѣленіе на прозу и поэзію относится преимущественно къ словесности книжной; въ народной преобладаетъ поэзія, потому что народъ свою мысль выражаетъ большей частью въ образахъ. Указанные роды и виды словесныхъ произведеній не различаются рѣзко другъ отъ друга, а болѣе или менѣе сливаются.

Отдѣлъ 1. Словесность устная.

§ 3. Главнѣйшіе виды устной словесности суть пѣсни, сказки и пословицы.

§ 4. Пѣсни раздѣляются на обрядовыя, бытовыя, богатырскія, называемыя у народа старинами, а въ наукѣ — былинами, пѣсни историческія и духовные стихи.

§ 5. Обрядовыми пѣснями сопровождались религіозные обряды нашихъ предковъ въ періодъ язычества. Содержаніемъ ихъ служили или молитвенныя обращенія къ божеству, въ честь котораго совершались обряды, или разъясненіе смысла и порядка различныхъ дѣйствій обряда. Обрядовыя пѣсни славянъ, народа, издавна земледѣльческаго, связаны съ движеніемъ солнца, когда одни времена года смѣняются другими, и происходятъ явленія, оказывающія вліяніе на удачный или неудачный исходъ полевыхъ занятій. Таковы: поворотъ солнца съ зимы на лѣто въ началѣ декабря, наступленіе весны, развитіе производительныхъ силъ природы лѣтомъ.

День возрожденія солнца предки наши чествовали зажженіемъ костровъ по городамъ и селамъ. Впослѣдствіи этотъ праздникъ, называемый коляда [должно быть отъ слова коло, или *около* и *ѣхать*, *ѣду*], пріурочился къ святкамъ. Къ колядскимъ пѣснямъ присоединились подблюдныя, или гадательныя. Сюжетомъ ихъ служило

предвѣщаніе замужества или женитьбы. Святки, какъ дни, предшествующіе Новому году, служили временемъ гаданій о долѣ, какую онъ принесетъ съ собою. Были еще пѣсни игорныя, напримѣръ: „А я золото хороню“. Въ нынѣшнихъ дѣтскихъ играхъ, напримѣръ въ фанты, въ веревочку, сохранились остатки прежнихъ дѣйствій, но пѣснями они не сопровождаются. Пѣсни весеннія изображаютъ борьбу весны съ зимою. Борьба выражается въ томъ, что соломенное чучело, представляющее зиму, сжигаютъ или топятъ въ рѣкѣ. Съ появленіемъ первыхъ признаковъ весны начинаютъ зазывать ее. Дѣвушки и дѣти взлѣзаютъ на крыши амбаровъ, выходятъ на холмы и пригорки и оттуда причитываютъ: „Весна, весна красна, приди весна съ радостью, съ великою милостью“. Въ сохранившихся донынѣ хороводныхъ пѣсняхъ только слова: „дидъ, ладо“, служащія припѣвомъ, намекаютъ вѣроятно на языческія божества. Содержаніемъ ихъ служатъ преимущественно любовь и бракъ, или объясненіе игры. Въ Егорьевъ день [23 апрѣля] сохранился языческій обрядъ и въ пѣсняхъ поется, что святой Юрій отмыкаетъ землю, низводитъ росу и роститъ травы и хлѣбъ; онъ начинаетъ полевыя работы, онъ же ихъ и оканчиваетъ. Май и начало іюня посвящались тоже богинѣ весны. Въ христіанскія времена эти празднества отнесены къ семику, на седьмой недѣлѣ послѣ Пасхи, и къ Троицѣ. Главный обрядъ въ семикъ— завиваніе вѣнковъ, сопровождаемое пѣсней:

„Благослови, Троица, Богородица,
„Намъ въ лѣсъ пойти,
„Намъ вѣнки завивать.
„Ай дидъ, ой ладо,
„Намъ вѣнки завивать и цвѣты сорывать“.

Семикъ еще считается праздникомъ русалокъ. Русалокъ теперь считаютъ въ народѣ душами младенцевъ, умершихъ некрещенными, дѣтей, проклятыхъ родите-

лями, утопленницъ и пр.—Наконецъ въ срединѣ лѣта, слѣдовательно около Иванова дня (24 іюня), праздновали Купалу и пѣли купальскія пѣсни. Въ ночь на Ивана Купалу, по народному повѣрью, вѣдьмы собираются на шабашъ, цвѣтетъ папоротникъ, цвѣтъ котораго имѣетъ чудную силу указывать скрытые въ землѣ клады. На поляхъ зажигаютъ костры, чрезъ которые прыгаютъ парни и дѣвушки, бросаютъ въ воду вѣнки, гадая по нимъ о будущей своей судьбѣ; зажигаютъ колесо и скатываютъ его съ горы. Съ принятіемъ христіанства языческіе праздники пріурочились къ христіанскимъ (Святки къ Рождеству Христову, праздникъ Ивана Купалы — къ кануну Іоанна Предтечи 23-го іюня), а обряды, тоже смѣшавшись съ христіанскими, обратились въ простые обычаи, игры; тому же подверглись и обрядовыя пѣсни, такъ что и до-нынѣ народъ, поющій ихъ, видитъ въ нихъ только праздничную забаву (гаданье на святкахъ въ Свѣтланѣ Жуковскаго, гаданье Татьяны въ Евгеніи Онѣгинѣ).

§ 6. Важнѣйшія явленія въ жизни язычника, начиная отъ рожденія до смерти, сопровождаются особыми обрядами и пѣснями. Изъ этихъ пѣсенъ, называемыхъ бытовыми, самое важное значеніе имѣютъ вообще семейныя и преимущественно свадебныя. Въ нихъ отражаются, и древнія вѣрованія и положеніе женщины, и условія домашняго быта. Въ первое время, вслѣдствіе враждебности семей или родовъ, приходилось жениться на родственницахъ, о чемъ свидѣтельствуетъ лѣтописецъ Несторъ, говоря о звѣринскихъ нравахъ Древлянъ. Потомъ эта ступень родовой враждебности уступила мѣсто другой формѣ брака — союзу между лицами разныхъ семей и родовъ. Но и въ это время бракъ былъ возможенъ только путемъ умыканія, т. е. насильственнаго захвата чужихъ женщинъ. Это видно въ пѣсняхъ, гдѣ невѣста упрашиваетъ своего брата заградить путь дороженьку, чтобы недругамъ погубителямъ нельзя было ни пройти, ни

проѣхати. Она проситъ также своихъ подруженекъ схоронить ее отъ лихого наѣздника, отъ чужаго чужанина, т. е. жениха. — Затѣмъ наступилъ болѣе мирный видъ брака: купля — продажа. Женихъ изъ наѣздника превращался въ купца, а невѣста представляла собою товаръ, который осматривали женихъ и его родственники на такъ называемыхъ смотринахъ. Братъ невѣсты продавалъ ее жениху, и въ одной пѣснѣ невѣста говоритъ: „Зачѣмъ вы меня продали, прогуляли мою волюшку?“ Но во всякомъ случаѣ бракъ считался неизбѣжнымъ опредѣленіемъ судьбы, судомъ Божіимъ, и отъ того женихъ назывался суженымъ, а невѣста суженою. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ положеніе молодой женщины въ чужой семьѣ, на чужой сторонѣ, было въ большинствѣ случаевъ очень печальное. Жалобы на эту горькую долю въ семьѣ мужа составляютъ одинъ изъ главныхъ мотивовъ семейной пѣсни. „Чужа дальняя сторонка тоской кручинушкой изусѣяна, горючими слезами поливана; на чужой сторонѣ надо быть вѣковѣчной ключницей, вѣковѣчной платьемойницей“. Названіе лютый свекоръ, лютая свекровь, сдѣлалось поговоркою. Не всегда впрочемъ захватывали невѣсту силою. Наступила пора брака по свободному выбору и соглашенію между родителями жениха и невѣсты. На эту форму брака указывается въ пѣсняхъ:

— „Выбирай, мое дитятко, — говоритъ мать невѣстѣ; — выбирай изъ гостей незнакомыхъ знакомаго, изъ молодыхъ молодого, наряднаго“. И добрый молодецъ въ свою очередь, полюбивъ дѣвицу, тоскуетъ, какъ горькая кукушечка, а дѣвица не хочетъ съ нимъ разстаться.

Тяжелое положеніе въ семьѣ или обществѣ, происходившее отъ крѣпостного права съ его произволомъ, а иногда удаль, или хмѣльная чарка заставляли нѣкоторыхъ бѣжать въ лѣсъ, или степь, идти въ разбойники, въ ту вольницу, которая такъ долго была на Руси грозой общественнаго порядка. Эта жизнь выразилась въ

пѣсняхъ удалыхъ или разбойничьихъ, какова напримѣръ: „Не шуми, мати, зеленая дубровушка“.

§ 7. Какъ бытовыя пѣсни изображаютъ семейный бытъ, такъ пѣсни героическія, или богатырскія, изображаютъ бытъ общественный. Эти пѣсни, называемыя былинами (правильнѣе называть ихъ старинами) заключаютъ въ себѣ какъ отклики болѣе древней старины, такъ и указанія на времена позднѣйшія. Напримѣръ Илья Муромецъ выступаетъ на сцену, то какъ богатырь кіевскаго князя, то какъ атаманъ разбойниковъ, или, наконецъ, какъ сибирскій казакъ. Слѣдовательно въ былинахъ мы видимъ смѣшеніе различныхъ эпохъ, отчего встрѣчаются въ нихъ такъ называемые анахронизмы, т. е. ошибки противъ времени. Такъ какъ былины поются въ различныхъ мѣстахъ и подъ вліяніемъ мѣстныхъ обстоятельствъ и историческихъ событій, то понятно, что рядомъ съ анахронизмами встрѣчаются и варіанты, такъ какъ одни и тѣ же событія въ разныхъ мѣстностяхъ изображаются различно.

§ 8. Въ русскомъ народномъ эпосѣ различаются два поколѣнія богатырей: старшихъ и младшихъ. Старшіе, сравнительно съ младшими—громадной величины и неимовѣрной силы. Важнѣйшіе изъ старшихъ: Святогоръ, Вольга Святославовичъ и Микула Селяниновичъ. Святогоръ обладаетъ необычайнымъ ростомъ. Грузно ему отъ силушки, какъ отъ тяжелаго бремени.—Если бы—говоритъ онъ—я тягу нашелъ, я бы всю землю поднялъ. Но когда ему на пути попадается маленькая сумочка переметная, онъ пытается поднять ее, но отъ натуги увязаетъ по колѣни въ землю и погибаетъ. – Вольга обладаетъ не столько силою, сколько хитростью – мудростью. Оборачиваясь звѣремъ, птицею и рыбой, онъ совершаетъ искусные ловы, а, оборотившись мурашикомъ, подготовилъ успѣшный исходъ нападенію на индійское царство.—Микула изображаетъ земледѣльца. Различіе между этими двумя богатырями особенно выдѣляется въ той пѣснѣ, гдѣ говорится о

ихъ встрѣчѣ. Сошку, оставленную въ землѣ Микулою, не могутъ поднять тридцать молодцовъ изъ дружины больги, а Микула вынимаетъ ее одною рукою и бросаетъ за ракитовый кустъ. Есть разница и въ коняхъ: боевой конь Вольги не успѣваетъ за лошадкой Микулы, воспитанной дома и пріученной къ тяжелому сельскому труду.

Эти три богатыря, указывая своими чертами на древнѣйшую миѳическую эпоху, въ то же время представляютъ собою различныя ступени въ развитіи народной, русской жизни. Святогоръ характеризуетъ жизнь кочевую. Онъ угрязъ въ землю, когда эта жизнь смѣнилась бытомъ осѣдлымъ. Микула Селяниновичъ есть представитель первыхъ временъ осѣдлаго быта и переходъ отъ стихійной силы богатырской къ силѣ нравственной; хотя у него есть переметная сумочка—принадлежность кочевой жизни, но онъ уже сельскій житель, занимается хлѣбопашествомъ. Вольга представляетъ начало княжеской дружины и княжеской власти. Въ немъ на первомъ планѣ не страшная сила, а хитрость.

§ 9. Изъ младшихъ богатырей главнѣйшіе: Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ и Алеша Поповичъ. Пѣсни о нихъ пріурочены къ землѣ русской и ея древнѣйшей исторіи. Главная въ нихъ мѣстность — городъ Кіевъ, куда стекаются богатыри изъ разныхъ областей и городовъ. Этимъ народное творчество выразило то единство, къ которому въ кіевскій періодъ нашей исторіи стремился народъ, группируясь вокругъ излюбленной семьи князя Владиміра. Онъ въ пѣсняхъ называется „красное солнышко“. Владиміръ не принимаетъ участія ни въ какомъ подвигѣ; вся дѣятельность перенесена на богатырей. Когда представляется нужнымъ дать какое нибудь порученіе, Владиміръ совѣтуется съ богатырями, спрашиваетъ ихъ, кого бы послать. Главное содержаніе богатырскихъ пѣсенъ составляетъ борьба со степными народами. Это борьба вѣковая, сначала съ Хозарами,

потомъ съ Печенѣгами, Половцами, Татарами. Границею между Русью и враждебными сторонами служатъ богатырскія заставы, т. е. сторожевые города на южной окраинѣ.

Во главѣ заставы стоитъ Илья Муромецъ, выбранный сотоварищами въ начальники, а богатыри называются наборною братіею. Стоя на заставѣ, они высматриваютъ звѣря или нахвальщика и выбираютъ, кому на него идти. Если нѣтъ желающихъ, то идетъ самъ Илья. Онъ старше другихъ богатырей, сильнѣе и въ то же время великодушнѣе. Не думаетъ онъ о чести, а только о славѣ родной страны, подвигами не хвастаетъ, врага только пугаетъ, стрѣляя не въ него, а въ кряковистый дубъ. Онъ сидѣлъ сиднемъ 30 лѣтъ и потомъ, получивъ силу или посредствомъ чуднаго напитка, или меча кладенца, или дыханія какого-нибудь богатыря, совершаетъ необыкновенные подвиги. Первый изъ этихъ подвиговъ—побѣда надъ Соловьемъ разбойникомъ; второй—борьба съ жидовиномъ, вѣроятно, съ богатыремъ изъ земли Козарской; третій подвигъ — освобожденіе Кіева отъ царя Калина, который иногда смѣшивается съ Батыемъ, а иногда съ Мамаемъ; есть еще былина о борьбѣ съ Идолищемъ поганымъ, подъ которымъ, очевидно, разумѣется язычество.

Другой богатырь—Добрыня Никитичъ изъ Рязани, рода княжескаго. Пѣсня прославляетъ его благородство, честность на бою, по которой онъ не прибѣгаетъ къ обманамъ и лукавымъ средствамъ при встрѣчѣ съ противникомъ. Онъ не горделивъ и не спѣсивъ, знаетъ какъ съ богатырями съѣхаться и какъ богатырю честь отдать. Изъ его подвиговъ наиболѣе замѣчательны два: двукратный бой съ летучимъ огненнымъ змѣемъ-Горынычемъ, живущимъ въ пещерѣ; другой—исполненіе порученія князя Владиміра съѣздить въ орды немирныя и очистить прямоѣзжія дороги отъ разныхъ полудикихъ народовъ.

Не особенно привлекательными чертами характеризуется Алеша Поповичъ. Хотя ему придается прозвище „смѣлаго“, но онъ больше выступаетъ съ свойствами несимпатичными. Вѣжество у него не рожденное. Онъ женскій пересмѣшничекъ, судейскій перелестничекъ, у него глаза завидущіе, руки загребущія. При встрѣчѣ съ Тугаринымъ Змѣевичемъ онъ снялъ богатое платье съ лютаго врага и надѣлъ на себя, за что едва не поплатился жизнію, потому что его товарищи приняли Алешу за самого Тугарина.

Между кіевскими богатырями встрѣчаются заѣзжіе: Чурило Пленковичъ, Дюкъ Степановичъ и Соловей Будимировичъ. Всѣ они отличаются красотой, богатствомъ, многочисленностью дружины, и всѣмъ этимъ любятъ одинъ передъ другимъ хвастаться.

Отъ кіевскихъ пѣсенъ отличаются новгородскія: о Садкѣ, богатомъ гостѣ, и Василіи Буслаевичѣ. Первый олицетворяетъ собою новгородское богатство, а второй — вольную, буйную жизнь новгородцевъ.

Послѣднею былиною слѣдуетъ признать былину о томъ, какъ перевелись богатыри на Руси. Они перевелись оттого, что, загордившись своими подвигами, стали вызывать силу нездѣшнюю, небесную. Явилось два воителя; Алеша Поповичъ напалъ на нихъ, разрубилъ пополамъ: стало четверо и живы всѣ. Видя, что сила все растетъ и растетъ, могучій витязь испугался, побѣжалъ въ каменныя горы и самъ окаменѣлъ.

§ 10. Пѣсни богатырскія смѣнились пѣснями историческими, въ которыхъ дѣйствуютъ не богатыри съ чудесною обстановкою, а личности, болѣе близкія къ обыкновеннымъ людямъ, болѣе реальнымъ образомъ связанныя съ извѣстной эпохой и ея событіями, нерѣдко носящія историческія имена и совершающія подлинныя историческія дѣйствія. Хотя такія пѣсни называются историческими, но въ нихъ еще сохранился элементъ чудеснаго и употреблются тѣ же богатырскіе пріемы

и тотъ же самый языкъ. Историческія пѣсни начинаются съ татарской эпохи. Такова пѣсня про князя Романа Дмитріевича и жену его Марью Юрьевну, похищенную татарами и спасающуюся изъ плѣна черезъ разныя воды, при помощи колоды бѣлодубовой. Пѣсня О Щелканѣ Дудентьевичѣ основана на дѣйствительномъ событіи. Это Шевкалъ — сборщикъ податей при ханѣ Узбекѣ; пожалованный отъ хана Тверью, онъ началъ ее безчестить, позорить, ругаться, насмѣхаться. Озлобленные Тверитяне разорвали его на части. Тутъ ему смерть и случилась, ни на комъ не сыскалась. (Впрочемъ за него впослѣдствіи пострадалъ тверской князь Алексадръ Михайловичъ).

Другая эпоха, возбудившая народное творчество, была эпоха Ивана Грознаго. Въ одной пѣснѣ поется про его женитьбу въ ордѣ на Марьѣ Темрюковнѣ. Братъ невѣсты Кострюкъ, въ качествѣ нахвальщика, вызываетъ русскихъ поединщиковъ. Выступившіе противъ него два неказистыхъ, хроменькихъ добрыхъ молодца не только побили татарскаго царевича, но и „вылупили его изъ платья“, такъ что онъ со стыда убѣжалъ. Другая пѣсня разсказываетъ о взятіи Казани, причемъ встрѣчается личность Ермака. Это, конечно, анахронизмъ, но Ермакъ представленъ вѣрно. Боясь отвѣта за удалое свое ремесло, онъ рѣшается завоеваніемъ Сибири заслужить предъ грознымъ царемъ вину свою. Третье событіе — столкновеніе Ивана Грознаго съ сыномъ, тоже Иваномъ. Царь похваляется, что онъ вывелъ на Руси измѣну, но похвальбѣ его противорѣчатъ слова Ивана Ивановича, который говоритъ, что, когда отецъ ѣздилъ по улицамъ и всѣхъ до единаго казнилъ и вѣшалъ, царевичъ Федоръ Ивановичъ ѣздилъ по другимъ улицамъ и совѣтовалъ народу прятаться въ погреба глубокіе. Царь приказалъ казнить сына лютою смертію. Исполнителемъ казни явился Малюта Скуратовъ, но бояринъ Никита Романовичъ спасаетъ царевича.

Гораздо скуднѣе пѣсни, касающіяся послѣдующихъ эпохъ, напримѣръ пѣсни о Дмитріи Самозванцѣ, о Ксеніи Годуновой, даже о Петрѣ Великомъ и Суворовѣ и пр. Пѣсня о Дмитріи Самозванцѣ представляетъ его противникомъ и презрителемъ народныхъ вѣрованій и обычаевъ, и объясняетъ такимъ образомъ то негодованіе, какое онъ возбудилъ противъ себя въ народѣ.— Пѣсня о горькой участи царевны Ксеніи Борисовны Годуновой даетъ понятіе, какъ на основѣ эпической могла зародиться народная лирика. Тутъ излагается не событіе, а чувство, именно чувство радости при наступленіи весны. Вообще, чѣмъ позднѣе эпохи, которыхъ касаются народныя пѣсни, тѣмъ менѣе въ нихъ поэтическаго достоинства. Значитъ, хотя съ распространеніемъ грамотности и образованія, народъ продолжаетъ, иногда даже болѣе прежняго, интересоваться событіями политической и общественной жизни, но интересъ этотъ онъ выражаетъ не поэтическимъ творчествомъ, а оживленными разговорами о томъ, что напечатано въ правительственныхъ сообщеніяхъ и газетахъ.

§ 11. Пѣснѣ противоположна сказка. Она считается складкою, т. е. вымысломъ, созданнымъ фантазіею, между тѣмъ, какъ пѣсню народъ называетъ былью, дѣйствительностью. Въ самомъ дѣлѣ, въ сказкѣ преобладаетъ фантастическій элементъ. Мѣсто дѣйствія: чудесныя царства, хрустальные дворцы; дѣйствующія лица: бага-яга, которая ѣздитъ въ ступѣ, погоняя пестомъ и заметая слѣдъ помеломъ, Кащей безсмертный, шестиглавый змѣй, жаръ-птица, коверъ самолетъ, живая и мертвая вода. Такое обиліе фантастическаго элемента даетъ иногда поводъ называть сказку безсмысленнымъ вымысломъ, достойнымъ вниманія только дѣтей и людей необразованныхъ. Не такъ относится къ ней наука. Ученыя изслѣдованія доказали, что сказки имѣютъ значеніе весьма серьезное. Въ нихъ мы находимъ миѳическія воззрѣнія того времени, когда народъ

обоготворялъ стихіи и силы природы, представляя въ разныхъ видахъ солнце, луну и звѣзды, громъ и молнію, вѣтеръ, дождь, снѣгъ, и борьбу силъ природы въ разныя времена года. Герои и героини сказокъ являются съ солнцемъ, мѣсяцемъ и звѣздами во лбу, и между дѣйствующими лицами часто являются силы природы. Баба-яга управляетъ вѣтрами, какъ своими прислужниками. Южный вѣтеръ помогаетъ найти отыскиваемую красавицу. Вѣтеръ, градъ и громъ сватаются за красавицъ, или женятся на трехъ сестрахъ — царевнахъ и учатъ ихъ брата мудрости. Красныя дѣвицы, похищаемыя дракономъ, суть небесныя свѣтила, закрываемыя темными тучами. Очарованіе, усыпленіе, окаменѣніе— это замираніе растительной и плодотворной силы природы и общее ненормальное состояніе природы во время зимы. Враги, съ которыми сражаются герои, суть: змій, Кащей безсмертный, водяной, или морской царь. Фантазія олицетворяла въ нихъ вредныя проявленія силъ природы, препятствующія свѣту и теплотѣ и останавливающія дѣйствіе плодотворной силы земли. Сапоги скороходы, или самоходы, коверъ самолетъ—образъ вѣтра и быстро летящей тучи. Живая вода—образъ росы и весенняго и лѣтняго дождя, оживляющаго природу. Скатерть самобранка—символъ богатства и растительности природы во время весны и лѣта.

По формѣ изложенія сказка есть простой, легкій прозаическій разсказъ. Рѣчь въ ней отрывистая и, такъ какъ сказка не поется, а разсказывается, то въ ней очень мало особенностей поэтическаго языка.

По своему содержанію сказки раздѣляются на миѳическія, бытовыя, или нравоописательныя, и сказки о животныхъ.

а) Въ миѳическихъ сказкахъ дѣйствующими лицами являются или олицетвореніе силъ природы, или особыя сверхъестественныя существа, напримѣръ: царь морской, лѣшій, баба-яга. Эти существа предвидятъ будущее, мо-

гутъ по произволу вызывать въ природѣ тѣ или другія явленія, и своими чудесами помогать или вредить герою, который стремится добыть какую-нибудь чудную красавицу или какую-нибудь невиданную диковинку, напримѣръ, оленя золотые-рога, живую и мертвую воду.

б) Бытовыя сказки могутъ быть раздѣлены на два разряда. Въ одномъ, древнѣйшемъ, въ чудесныхъ фантастическихъ образахъ сохранился слѣдъ миѳологическаго взгляда на природу. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ бываетъ обыкновенно младшій изъ трехъ братьевъ дурачекъ, нелюбимый и гонимый старшими братьями, но покровительствуемый судьбою. Другія сказки повѣствуютъ о трехъ сестрахъ; изъ нихъ двѣ старшія стараются всѣми силами извести младшую, но сами попадаютъ въ вырытую для нея яму; или о мачихѣ, которая ненавидитъ свою падчерицу и хочетъ погубить ее, но падчерица, посланная ею на съѣденіе бабѣ-ягѣ, умѣетъ расположить ее къ себѣ, а мачиха губитъ свою родную дочь. Нравственная идея этихъ сказокъ заключается въ сочувствіи къ тому, кто незаслуженно терпитъ напасти, при своей правдивости страдаетъ отъ неправды, или, не смотря на всѣ свои хорошія качества, не можетъ осилить бѣдности и горя.

Въ другомъ разрядѣ бытовыхъ сказокъ, фантастическій элементъ утратился и содержаніе обратилось въ чисто житейское, бытовое. Сюда относятся разсказы о продѣлкахъ солдатъ, воровъ, разныхъ докъ, потѣшающихся надъ простофилями; таковы же сказки о татарахъ, цыганахъ, которые всегда оказываются глупѣе русскаго и дѣлаются жертвой его шутокъ.

Съ теченіемъ времени сказки теряютъ наивность и простоту взгляда, ровность и спокойный тонъ: онѣ постепенно становятся выраженіемъ разныхъ взглядовъ и направленій и наконецъ получаютъ характеръ сатирическій. Къ такимъ сказкамъ относятся, напримѣръ, сказка о Шемякиномъ судѣ, о Ершѣ Ершовичѣ Щетин-

никовѣ. Въ первой увѣковѣчены беззаконныя дѣйствія галицкаго князя Дмитрія Шемяки. На его судѣ убогій обвиняется богатымъ братомъ въ разныхъ дѣяніяхъ, хотя они произошли большею частію отъ неосторожности. Сказка о Ершѣ представляетъ сатиру на судопроизводство древней Руси. Она имѣетъ форму тяжебнаго дѣла и изложена складомъ и языкомъ оффиціальныхъ бумагъ того времени, съ соблюденіемъ юридическихъ терминовъ и пріемовъ.

в) Особый отдѣлъ образуютъ сказки о животныхъ. Первобытный человѣкъ смотрѣлъ на природу, какъ на существо одушевленное, считалъ сходными съ собою тѣхъ звѣрей, съ которыми ему приходилось вести борьбу. По его понятіямъ, въ лѣсу живутъ особыя звѣриныя общества съ своими нравами и обычаями, съ своимъ языкомъ и знаніями, одаренныя разумомъ и посвященныя въ обычаи и обстоятельства человѣческой жизни. Сказки о животныхъ существуютъ у всѣхъ народовъ, но у нѣкоторыхъ, особенно у восточныхъ, онѣ очень рано получили литературную обработку. Впослѣдствіи изъ нихъ, какъ извѣстно, образовалась басня. Кромѣ того поэты дѣлали попытки придать сказкѣ о животныхъ литературный характеръ. Таковы у насъ сказки Жуковскаго, Ершова и Пушкина.

§ 12. Къ числу небольшихъ по объему, но важныхъ по значенію произведеній народной словесности, относятся пословицы, поговорки, загадки и заговоры (или заклятья).

а) Пословицы суть краткія и мѣткія изреченія, въ которыхъ выражаются сужденія, выведенныя изъ наблюденія и опыта и относящіяся къ различнымъ сторонамъ народной жизни, — общества и семьи. Ихъ нѣсколько разрядовъ: 1) Въ нѣкоторыхъ древнѣйшихъ пословицахъ отразились слѣды миѳическихъ вѣрованій. Напримѣръ: „солнце днемъ работаетъ, а ночью отдыхъ беретъ“. „Который богъ вымочитъ, тотъ и высушитъ“.

2) Историческія пословицы сохранили въ себѣ воспоминанія о тѣхъ событіяхъ, которыя почему либо оставили свой слѣдъ въ жизни народа. Древнѣйшіе образцы ихъ находимъ въ Несторовой лѣтописи, гдѣ онѣ названы притчами, напримѣръ: Путята крести новгородцевъ мечемъ, а Добрыня — огнемъ. Есть пословицы, относящіяся ко времени татарщины, ко времени запрещенія при Борисѣ Годуновѣ крестьянамъ свободнаго перехода отъ одного помѣщика къ другому; есть пословицы, относящіяся къ полтавской битвѣ и къ войнѣ двѣнадцатаго года. 3) Между пословицами, относящимися къ общественной жизни, нѣкоторыя выражаютъ взглядъ народа на значеніе общества или міра. Таковы: „что міръ порядилъ, то Богъ разсудилъ". „Міръ великъ человѣкъ"; „на міръ и суда нѣтъ". Есть пословицы, рисующія старинное судопроизводство, произволъ и лицепріятіе. Напримѣръ: „не бойся суда, а бойся судьи". 4) Изъ семейныхъ пословицъ, однѣ указываютъ на положеніе женщины, дополняя мотивы свадебныхъ пѣсенъ; другія напротивъ указываютъ на свободный выборъ жениха, напримѣръ: человѣкъ по сердцу— половина вѣнца; жена моя—полъ-села для меня. 5) Нравственныя понятія народа выражаются въ пословицахъ о правдѣ и кривдѣ (неправдѣ). Напримѣръ: „правда со дна моря выноситъ"; „правда свѣтлѣе солнца". Нѣкоторыя пословицы выражаютъ горькое чувство оттого, что въ жизни очень нерѣдко приходится встрѣчать противорѣчіе искреннимъ стремленіямъ къ добру. Напримѣръ: „правда не на міру стоитъ, а по міру ходитъ"; „правда въ дѣло не годится, а въ кіотъ поставить да молиться". Рядомъ съ пословицами о правдѣ и кривдѣ стоятъ пословицы о богатствѣ и бѣдности. Напримѣръ: „деньги, что каменья—тяжело на душу ложатся"; „богатый совѣсти не купитъ, а свою сгубитъ".

Мысль пословицъ выражается двоякимъ образомъ: или прямо, напримѣръ: „У Бога милости много", или

аллегорически, напримѣръ: „плеть обуха не перешибетъ“; „повадился кувшинъ по воду ходить, тамъ ему и голову сломить“. Форма пословицъ состоитъ обыкновенно въ мѣрной, складной рѣчи. Этотъ складъ выражается, какъ въ расположеніи словъ, такъ и въ ихъ созвучіи—въ риѳмѣ, въ аллитераціи (аллитерація есть риѳма въ началѣ фразы, напримѣръ: въ корытѣ многоли корысти“?).

б) Поговорки отличаются отъ пословицъ тѣмъ, что сами по себѣ не имѣютъ значенія, напримѣръ: „во всю ивановскую, хоть веревки вей, какъ куръ во щи, какъ двѣ капли воды“.

в) Загадки составляютъ одну изъ первоначальныхъ формъ поэзіи у каждаго народа. Особенно въ большомъ уваженіи онѣ были у восточныхъ народовъ, какъ признакъ мудрости и того, кто задаетъ загадку, и того; кто ее отгадываетъ. Соломонъ и царица Савская испытываютъ мудрость другъ друга посредствомъ загадокъ; отвѣты оракуловъ у грековъ имѣли также форму загадокъ. Загадки любопытны тѣмъ, что въ нихъ выражаются древнѣйшія представленія народа о разныхъ явленіяхъ, напримѣръ: изъ окна въ окно золотое веретено—это о солнечномъ лучѣ; заря заряница, красная дѣвица ворота запирала, по полю гуляла, ключи потеряла, мѣсяцъ видѣлъ, солнце скрыло — это о зарѣ и росѣ. Въ настоящее время загадки не имѣютъ серьезнаго значенія и служатъ забавой.

г) Заговоры, или заклятья, относятся къ области народнаго знахарства и сохраняются колдунами и знахарками. Они суть остатки еще языческой старины, когда обоготворялись разныя силы и явленія природы, когда вѣрили, что посредствомъ молитвенныхъ словъ и обрядовъ можно привлечь къ себѣ благотворное вліяніе этихъ силъ и остановить вредное. Въ заговорахъ постоянно обращаются къ солнцу, мѣсяцу, звѣздамъ, зарѣ, огню, грому, упоминаютъ Океанъ—море, островъ Буянъ, камень-латырь (янтарь).

§ 13. Въ заключеніе о народной поэзіи можно сказать, что, съ распространеніемъ образованія, народное творчество ослабѣваетъ, даже самъ народъ къ своимъ пѣснямъ и сказкамъ относится съ пренебреженіемъ, предпочитая имъ печатную книгу. Не такъ къ народной поэзіи относится образованное общество. Оно высоко цѣнитъ плоды народнаго творчества, тщательно ихъ собираетъ, объясняетъ по нимъ характеръ и бытъ народа и ходъ его историческаго развитія. Результатомъ этого сочувствія являются обширные сборники произведеній народнаго творчества и обширныя о нихъ изслѣдованія. Мы съ благодарностью вспоминаемъ имена собирателей народной словесности: Сахарова, Снѣгирева, Калайдовича, Рыбникова, Афанасьева, Гильфердинга, Варенцова, Безсонова, Е. Барсова, А. И. Соболевскаго, и изслѣдователей: Буслаева, Пыпина, Тихонравова, Ореста Миллера, Всеволода Миллера, А. Н. Веселовскаго и пр.

Народная поэзія вдохновляла и музыкальныхъ художниковъ, которые или сочиняли музыку на народныя пѣсни, или брали изъ народнаго эпоса сюжеты для оперъ. Стоитъ только вспомнить имена Варламова, Верстовскаго, Гурилева, Глинки, Даргомыжскаго, К. Ю. Давыдова, Р. Корсакова и пр.

Отдѣлъ II. Словесность книжная.

А. Древній періодъ.

§ 14. Книжная словесность у насъ, какъ и у всѣхъ другихъ народовъ, не развилась постепенно изъ словесности народа, а явилась результатомъ посторонняго вліянія. У насъ, подобно другимъ европейскимъ народамъ, она возникла подъ вліяніемъ Христіанства, принесеннаго къ нашимъ предкамъ—славянамъ изъ Византіи трудами первоучителей, братьевъ Кирилла и Меѳодія, жившихъ въ половинѣ X вѣка. Они сначала просвѣтили

христіанской вѣрой Болгаръ и Моравовъ, для которыхъ составили азбуку, перевели Священное писаніе, богослужебныя книги и поученія византійскихъ проповѣдниковъ. Когда и въ Русь при Владимірѣ Святомъ (988 года) перешла христіанская вѣра чрезъ византійскихъ и болгарскихъ проповѣдниковъ, туда перешли отъ болгаръ и всѣ переведенныя первоучителями и ихъ учениками книги. Съ этого началось наше просвѣщеніе. Возникщее на христіанской почвѣ, ученіе совершалось преимущественно духовенствомъ и по книгамъ духовнымъ. Это сообщило древне-русской образованности, а черезъ нее и древне-русской словесности, религіозно-церковное направленіе, главнымъ образомъ, нравоучительное; цѣли научныя, сообщеніе свѣдѣній, почти вовсе не имѣлись въ виду. Исключеніе представляетъ развѣ „Шестодневъ“ Іоанна Экзарха Болгарскаго—объясненіе шести дней творенія, и „Палея“, изложеніе ветхозавѣтной исторіи. Впослѣдствіи разбросанныя по разнымъ книгамъ научныя свѣдѣнія стали группироваться въ такъ называемыхъ Азбуковникахъ (зародышъ энциклопедическаго словаря). Сочиненія свѣтскихъ лицъ отличались тоже нравоучительнымъ характеромъ. Такъ какъ Христіанство мы приняли отъ грековъ, у которыхъ столицею тогда была Византія (Константинополь), то и первый періодъ нашей словесности называется византійскимъ. Изъ Византіи перешли къ намъ не только книги духовнаго содержанія, но и другіе отдѣлы: легенды, т. е. разсказы религіознаго характера, украшенные фантазіею (такъ называемые апокрифы), и свѣтскія повѣсти, напримѣръ, о Троянской войнѣ, объ Александрѣ Македонскомъ и пр. Византійскій характеръ словесности продолжался до половины XVI столѣтія, а съ этого времени къ нему присоединилось вліяніе польское. Польша познакомила насъ съ повѣстями, романами и сказаніями, которыя, въ переводахъ и передѣлкахъ, распространены были въ западной Европѣ. Кромѣ

того, вліяніе Польши отразилось на схоластическомъ направленіи школьнаго образованія, на особомъ характерѣ проповѣднаго слова, на усвоеніи драматическихъ пьесъ и на введеніи силлабическаго стиха.

§ 15. Древнѣйшими памятниками письменности были у насъ Остромирово Евангеліе, переписанное діакономъ Григоріемъ для новгородскаго посадника Остромира, и два сборника, или Изборника, Святослава. Они содержатъ въ себѣ отрывки изъ твореній святыхъ отцовъ церкви, статьи религіозно-нравственныя, напримѣръ, о постѣ, о чтеніи книгъ, о правовѣріи, статьи философско-историческія и др. Постепенно кругъ литературныхъ произведеній сдѣлался шире. Ихъ можно раздѣлить на слѣдующіе отдѣлы: 1) проповѣди святыхъ отцовъ церкви, особенно Василія Великаго и Іоанна Златоуста; 2) Толкованія на Евангеліе и Посланія Апостольскія. Они были нужны потому, что въ Св. Писаніи многое имѣло иносказательный и символическій смыслъ; толкованія излагались въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Признаки такой формы изложенія видны въ „Бесѣдѣ Трехъ Святителей", въ „Голубиной книгѣ"; даже и впослѣдствіи это видимъ въ катехизисахъ Петра Могилы и Митропол. Филарета; 3) хроники, излагавшія ветхозавѣтную исторію, исторію древнихъ царствъ и византійскую; 4) сборники вродѣ нашихъ журналовъ, называемые большею частію пчелами. Это были сборники мудрыхъ изреченій изъ Священнаго писанія, отцовъ церкви и древнихъ философовъ, касавшіяся самыхъ разнообразныхъ предметовъ религіи и нравственности; 5) апокрифы, напримѣръ, Соломоновы суды, Слово о древѣ крестномъ, Хожденіе Богородицы по мукамъ; наконецъ 6) разныя свѣтскія повѣсти, сочиняемыя для развлеченія.

Эти разнообразныя формы византійской литературы оказали вліяніе и на нашу словесность. Напримѣръ, у насъ появились проповѣди, въ которыхъ говорилось о

томъ же, о чемъ говорили Василій Великій и Іоаннъ Златоустъ. Наши лѣтописи, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ шла рѣчь о другихъ государствахъ, пользовались византійскими хрониками, напримѣръ, хроникою Георгія Амартола. Пчелами, или сборниками изреченій, руководились: и въ проповѣдяхъ и въ обыкновенномъ разговорѣ. Апокрифы оказали вліяніе даже на народную словесность: въ ней появились духовныя пѣсни, или стихи, распѣваемые въ древности каликами перехожими, а теперь слѣпыми нищими у церквей, во время храмовыхъ праздниковъ. Только памятники литературы свѣтской, мірской, долго оставались безъ вліянія на нашу литературу потому что духовенство осуждало ихъ, какъ чуждые строго религіозному характеру тогдашняго просвѣщенія.

§ 16. Древній періодъ книжной словесности, простирающійся отъ принятія Христіанства (988 г.) до начала XVIII стол. (до заложенія Петербурга Петромъ В. въ 1703 г.)., можетъ быть раздѣленъ на два неравныхъ отдѣла. Первый—отъ начала письменности до половины XVI стол. Здѣсь особенно важны столѣтія X-е, XI-е и XII-е, когда политическая, общественная и литературная жизнь широко и свободно развивалась въ Кіевѣ и Новгородѣ. Съ первыхъ годовъ XIII столѣтія началось монгольское иго, которое до основанія потрясло народную жизнь и значительно задержало ея развитіе, такъ что и литература послѣдующихъ трехъ съ половиною столѣтій не представляетъ выдающихся явленій. Въ это время центръ тяжести народной жизни переходитъ отъ южно-русскаго племени къ великорусскому и происходитъ постепенное возвышеніе Москвы съ ея самодержавіемъ. — Во второмъ отдѣлѣ, обнимающемъ только полтора столѣтія, значительно оживаетъ народная жизнь, а вмѣстѣ съ нею просвѣщеніе и литература на сѣверо-востокѣ (въ Москвѣ) и на юго-западѣ (въ Кіевѣ). Поэтому второй отдѣлъ распадается на два подраздѣленія: сѣверо-восточное и юго-западное.

Отдѣлъ I.

Отъ начала письменности до половины XVI столѣтія.

§ 17. Литературная дѣятельность этого времени выразилась слѣдующими родами сочиненій: проповѣднымъ словомъ, посланіями къ отдѣльнымъ лицамъ, лѣтописными повѣствованіями, житіями святыхъ, описаніемъ путешествій и поэтическимъ сказаніемъ (Словомъ о полку Игоревѣ). Проповѣди уже съ самаго начала являются въ двухъ направленіяхъ: безъискусственномъ и искусственномъ, подражавшемъ византійскому духовному краснорѣчію. Образцомъ перваго служатъ: одно поученіе Луки Жидяты (XI вѣка), поученія Ѳеодосія Печерскаго (тоже XI вѣка) и Серапіона (XIII вѣка). Образцами подражательнаго направленія служатъ: 1) сочиненіе митрополита Иларіона, современника Ярослава Мудраго, о законѣ, данномъ чрезъ Моисея, и о благодати, данной чрезъ Іисуса Христа. Эти предметы объясняются символами, напримѣръ Агари и Сарры, солнца и луны. Такое изложеніе мыслей посредствомъ сравненія символовъ заимствовано отъ византійскихъ проповѣдниковъ; слово Иларіона считается лучшимъ ораторскимъ произведеніемъ. Его сравниваютъ даже съ рѣчами Карамзина, напр. съ Похвальнымъ словомъ Имп. Екатеринѣ II-й; 2) сочиненія Кирилла Туровскаго, прозваннаго русскимъ Златоустомъ. Они тоже представляютъ верхъ ораторскаго искусства. Сочиненія Иларіона и Кирилла суть нѣчто выдающееся, подобно Слову о полку Игоревѣ.

§ 18. Самый обширный и богатый содержаніемъ отдѣлъ древней книжной словесности составляютъ лѣтописи. Онѣ тогда назывались Повѣстями временныхъ лѣтъ, или Временниками. Первоначальная лѣтопись приписывается Нестору, монаху Кіево-печерскому, жившему въ концѣ XI и въ началѣ XII столѣтія. Подлинникъ ея не

дошелъ до насъ, а только списокъ, сдѣланный Сильвестромъ и послужившій оригиналомъ для послѣдующихъ лѣтописцевъ, которые, списавши эту лѣтопись, продолжали излагать событія уже своей мѣстности: Ростова, Суздаля, Волыни. Поэтому начальная лѣтопись представляется во множествѣ списковъ съ варіантами, появившимися подъ вліяніемъ тѣхъ мѣстностей, гдѣ лѣтопись Несторову продолжали послѣдующіе лѣтописцы. Первыя страницы Несторовой лѣтописи касаются сначала древняго міра вообще, излагаютъ исторію древнѣйшихъ государствъ, напримѣръ, Египта, Ассиріи, Вавилоніи, Греціи и Рима, и потомъ исторію славянъ и наконецъ Россіи. Событія не обозначены годами; счетъ годовъ начинается съ 852 года и ведется не съ Рождества Христова, а съ сотворенія міра. Сначала событія изложены весьма кратко, въ родѣ замѣтокъ въ календаряхъ, но года обозначены точно. Постепенно разсказы становятся подробнѣе, благодаря разнообразнымъ источникамъ, которыми лѣтописецъ пользовался. Эти источники были: 1) устные, напримѣръ, о походахъ Олега, Игоря и Святослава на грековъ, о мести Ольги, о Крещеніи Владиміра. Кромѣ этого Несторъ слышалъ много разсказовъ современниковъ, посѣщавшихъ Кіевскій монастырь, особенно престарѣлаго воеводы Яна; 3) письменные: лѣтописныя замѣтки, взятыя изъ разныхъ краткихъ записей, которыя велись грамотными монахами въ разныхъ мѣстахъ; договоры Олега и Игоря съ греками, житія Свв. Владиміра, Бориса и Глѣба, поученіе Владиміра Мономаха. Во второй половинѣ XI вѣка Несторъ писалъ уже, какъ современникъ, а частью и какъ очевидецъ событій.

Характеръ изложенія соотвѣтствуетъ званію лѣтописца и свойствамъ его образованія. 1) Лѣтописецъ, благочестивый монахъ, смотритъ на свою Повѣсть съ религіозной точки зрѣнія, предлагая ее, какъ свидѣтельство о премудромъ Промыслѣ Божіемъ и

вмѣстѣ, какъ назидательное поученіе; высшею причиною историческихъ событій служитъ праведный судъ Божій. Благія мысли и добрыя чувства возникаютъ по дѣйствію небесной силы; напротивъ нечистые помыслы и злыя чувства суть внушенія діавола. Явленія природы напримѣръ, появленіе кометы, затменіе, и бѣдствія, напримѣръ, голодъ, моръ, землетрясеніе, считаются знаменіями и объясняются, какъ предупрежденія или какъ наказанія за грѣхи, и должны обращать человѣка къ покаянію. 2) Кромѣ религіозности разсказъ лѣтописца отличается безпристрастіемъ, искренностью, правдивостью въ передачѣ событій, спокойствіемъ и простотою взглядовъ (лучшую характеристику древняго русскаго лѣтописца мы находимъ въ 5-й сценѣ драмы Пушкина Борисъ Годуновъ). 3) Подражая библейскому разсказу, лѣтописецъ нерѣдко прибѣгаетъ къ разговорной формѣ. 4) Языкъ лѣтописи церковно-славянскій, но подвергшійся вліянію южно-русскаго. Замѣтно, что въ передачѣ событій, особенно современныхъ, преобладаетъ живой народный русскій языкъ, а въ размышленіяхъ, въ сужденіяхъ о фактахъ, очевидна стихія славянская, напоминающая языкъ Библіи.

Съ образованіемъ государства въ сѣверо-восточной Руси лѣтопись принимаетъ оффиціальный характеръ и переходитъ въ „Разрядныя книги". А современникъ Іоанна Грознаго Митрополитъ Макарій сдѣлалъ сводъ лѣтописей въ такъ называемыхъ Степенныхъ книгахъ (царствованія Государей расположены по степенямъ родства).

§ 19. Кромѣ лѣтописей были у насъ и другія повѣствовательныя сочиненія. Изъ нихъ заслуживаютъ вниманія: а) Житія святыхъ и б) такъ называемыя украшенныя или умильныя повѣсти.

а) Житія святыхъ были любимымъ чтеніемъ нашихъ предковъ, которые видѣли въ нихъ поучительные примѣры святой жизни. Первыми по времени житіями слѣдуетъ

назвать жизнеописаніе Св. Владиміра, Ѳеодосія Печерскаго, Антонія Римлянина, Авраамія Смоленскаго. Сначала это были краткія записи, или „памяти", сопровождаемыя прославленіемъ святого; изъ нихъ составлялись обширные сборники, которые носили названіе Патериковъ и Прологовъ. Отсюда брали матеріалъ для проповѣдей въ праздники Святыхъ. Это были тоже біографіи съ нравоучительными выводами. Такія чтенія назывались „Синаксарями"; потомъ житія становятся пространнѣе и витіеватѣе. Когда Стоглавый соборъ въ половинѣ XVI столѣтія, при Іоаннѣ Грозномъ, канонизовалъ, т. е. утвердилъ списокъ почитаемыхъ церковью святыхъ, и митрополитъ Макарій издалъ обширную книгу „Четьи Минеи" (мѣсячныя чтенія), установились опредѣленные пріемы изложенія, и къ житіямъ, кромѣ прославленія, стали прибавлять службы святымъ и поученія по поводу событій изъ ихъ жизни. Современникъ Петра Великаго Дмитрій Митрополитъ Ростовскій сократилъ Макарьевскія Четьи-Минеи, сохранивши только біографіи. Въ 50-хъ годахъ XIX столѣтія, житія переведены на русскій языкъ и изданы въ 12 книгахъ по числу мѣсяцевъ. Въ настоящее время многія изъ этихъ житій излагаются отдѣльно и продаются у церковныхъ дверей.

б) Повѣсти объ отдѣльныхъ событіяхъ, или историческія сказанія, называемыя умильными или украшенными, появились почти одновременно съ лѣтописями. Въ XIV вѣкѣ число ихъ умножилось и главнымъ предметомъ ихъ стала борьба Руси съ татарами. Болѣе извѣстны: О житіи и храбрости Александра Невскаго, убіеніе Михаила Черниговскаго и боярина его Ѳеодора въ ордѣ отъ Батыя, сказаніе о Мамаевскомъ побоищѣ и Задонщина. Эти два сказанія сходны съ Словомъ о Полку Игоревѣ, которому очевидно подражаютъ, но по литературному достоинству стоятъ гораздо его ниже.

§ 20. Путешествія ко святымъ мѣстамъ, особенно

въ Іерусалимъ, начались у насъ вскорѣ по введеніи Христіанства. Сопряженныя съ большими трудностями и опасностями, они почитались подвигомъ особеннаго благочестія и сильнѣйшей религіозной ревности. Паломниками назывались въ средніе вѣка всѣ богомольцы, бывшіе въ Святомъ городѣ и возвращавшіеся оттуда съ пальмовыми вѣтвями, съ которыми слушали въ церкви гроба Господня заутреню въ вербное воскресенье. Въ княженіе Святослава Изяславича совершилъ хожденіе въ Іерусалимъ инокъ Даніилъ. Его сочиненіе называется: „Паломникъ", или "Странникъ", или „Хожденіе Даніила русской земли игумена". Святыни и мѣстности описаны подробно и обстоятельно; вѣрность описанія засвидѣтельствована позднѣйшими нашими путешественниками Норовымъ и Муравьевымъ. Правдивость Даніила, соотвѣтствовавшая его искреннему христіанскому чувству и благоговѣнію къ мѣстамъ, освященнымъ жизнію Спасителя, есть несомнѣнное качество его описаній, вмѣстѣ съ наивностью и сильною любовью къ отечеству. Кромѣ Іерусалима, богомольцы отправлялись и въ другія мѣста, напримѣръ на Аѳонскую гору, гдѣ оставались долго и откуда вывозили въ рукописяхъ произведенія византійской литературы.

§ 21. Если дѣло просвѣщенія народа было въ древней Руси въ рукахъ духовенства, то понятно, что изъ среды его вышли и первые писатели. Единственное исключеніе представляетъ выдающійся по своему времени дѣятель, Великій князь Владиміръ Мономахъ (умеръ въ 1125 году). Онъ оставилъ Поученіе, или завѣщаніе дѣтямъ, написанное подъ впечатлѣніемъ княжескихъ усобицъ, которыя раздирали русскую землю и давали дикимъ Половцамъ свободу безнаказанно опустошать южные ея предѣлы. Поученіе это можно раздѣлить на три части. Первая излагаетъ обязанности религіозныя, учитъ смиренію ума, погубленію гнѣва, покаянію. Вторая—даетъ наставленія касательно обязанностей князя: кормить

убогихъ, не убивать, соблюдать крестное цѣлованіе, на войнѣ за всѣмъ смотрѣть самимъ; особенно Владиміръ возстаетъ противъ лѣни. Наконецъ въ послѣдней части князь описываетъ свою собственную жизнь, подробно исчисляя понесенные имъ труды на войнѣ и на охотѣ. Цѣль описанія показать, что единственно по волѣ Божіей князь избѣгалъ опасностей, которымъ такъ часто подвергался. Главная мысль Поученія—преданность волѣ Божіей. Послѣдняя часть, описывающая труды и опасности, невольно напоминаетъ жизнь доблестнаго князя Святослава. Но въ Мономахѣ мы находимъ новыя черты. Онъ не только оберегатель и распространитель своей земли, но и справедливый судья и заботливый ея устроитель; княжескую честь онъ полагаетъ не въ одной воинской славѣ, но и въ справедливости и въ добрыхъ отношеніяхъ къ людямъ. Князь внушаетъ дѣтямъ покаяніе, слезы, постъ, молитву и милостыню; внушаетъ заботу о справедливости на судѣ и о призрѣніи бѣдныхъ и больныхъ. Изображая идеальныя черты князя, Поученіе важно и въ другихъ отношеніяхъ: оно даетъ понятіе о томъ, какой образъ жизни вели первые князья, говоритъ о степени ихъ образованности, о томъ, какія книги были у нихъ въ употребленіи. Многому они учились прямо изъ жизни. Отецъ Владиміра Мономаха, „дома сидя, зналъ пять языковъ“. Наконецъ, въ Поученіи ясно выразилась и личность этого замѣчательнаго князя, глубоко набожнаго, въ высшей степени дѣятельнаго, успѣвавшаго и ходить на войну и думу думать съ дружиной, ѣздить на охоту, смотрѣть за церковной службой, править домашнимъ хозяйствомъ.

§ 22. Самымъ замѣчательнымъ литературнымъ памятникомъ древне-русской словесности слѣдуетъ признать знаменитое Слово о Полку Игоревѣ, породившее обширную ученую литературу, которая имѣла цѣлью объяснить этотъ необыкновенно трудный по изложенію и особенно по языку, но богатый поэзіею литературный

памятникъ. Въ Словѣ описывается неудачный походъ Новгородъ-Сѣверскаго Князя Игоря съ родственниками противъ половцевъ въ 1185 г. Походъ описанъ и въ лѣтописи. Въ общихъ чертахъ описанія сходны. Разница слѣдующая: въ лѣтописи больше крупныхъ и мелкихъ подробностей событія и религіозный взглядъ; въ Словѣ больше говорится о думахъ и печаляхъ русскаго народа, страдавшаго отъ междуусобій и половецкихъ набѣговъ, и духъ преобладаетъ бодрый, воинственный, готовый встрѣтить врага лицомъ къ лицу.—Слово можно раздѣлить на четыре части. Во вступленіи авторъ говоритъ, что онъ намѣренъ разсказывать по былинамъ своего времени, а не по замышленію Баяна, древняго пѣвца; во второй повѣствуется о походѣ Князя и о пораженіи его половцами; воспоминаніе о побѣдѣ Святослава Всеволодовича надъ тѣмъ же врагомъ служитъ переходомъ къ третьей части, которая начинается сномъ Святослава и содержитъ въ себѣ воспоминанія о прежнихъ доблестныхъ князьяхъ и приглашеніе современныхъ Игорю князей вступиться за русскую землю; четвертая часть заключаетъ въ себѣ плачъ второй Игоревой жены Ярославны, разсказъ о бѣгствѣ Игоря изъ плѣна и заключеніе. Оставляя подробности похода, авторъ Слова больше говоритъ о своихъ горькихъ чувствахъ и думахъ по поводу бѣдственнаго состоянія родной страны, вызваннаго походомъ. Пѣвецъ негодуетъ на княжескія усобицы, умоляетъ князя вступиться за обиду своего времени, вспоминаетъ о славныхъ предкахъ.— Авторъ Слова неизвѣстенъ, но несомнѣнно, что онъ былъ проникнутъ глубокимъ патріотическимъ чувствомъ, хорошо зналъ современныхъ ему князей, понималъ отношенія ихъ къ боярамъ и дружинѣ, зналъ характеръ половцевъ и отношенія ихъ къ Руси; онъ владѣлъ сильнымъ поэтическимъ талантомъ. Историческое значеніе Слова не ограничивается согласіемъ его съ лѣтописнымъ разсказомъ: оно вѣрно представляетъ

думы, чувства и политическія стремленія дружинно-боярской Кіевской Руси, которымъ не отвѣчала горькая дѣйствительность.

Поэтическая сторона Слова заключается во-первыхъ, въ глубокомъ чувствѣ, которымъ оно проникнуто, во-вторыхъ, въ прекрасныхъ картинахъ, которыми изображаются событія. Любимая форма при разсказѣ и описаніи—сравненіе. Князь Всеволодъ называется „буимъ, ярымъ туромъ", Игорь и Всеволодъ названы соколами, слетѣвшими съ отцовскаго золотого престола и спутанными желѣзными путами. Тоскующая по мужѣ Ярославна сравнивается съ одинокой кукушкой. Изъ сравненій составляются часто цѣлыя картины, напримѣръ, войско представлено въ образѣ тучи съ громомъ; битва сравнивается съ кровавымъ пиромъ; Игорь князь поскакалъ горностаемъ къ тростнику, бѣлымъ гоголемъ въ воду, кинулся на борзаго коня и скочилъ на него быстрымъ волкомъ. Другой поэтическій пріемъ — одушевленіе и олицетвореніе. Природа сочувствуетъ несчастію князей, солнце застилаетъ войску тьмою путь. Дѣйствующія лица, какъ въ народныхъ пѣсняхъ, обращаются къ разнымъ силамъ природы. Наконецъ въ Словѣ много эпитетовъ и другихъ образовъ, преимущественно южнорусской поэзіи.

Несмотря на то, что Слово о полку Игоревѣ сочинено въ концѣ XII вѣка, много спустя послѣ просвѣщенія Руси Христіанствомъ, въ немъ во всей свѣжести сохранились древне-языческія вѣрованія. Пѣвецъ упоминаетъ о славяно-языческихъ божествахъ Дажьбогѣ, Стрибогѣ, Хорсѣ и Велесѣ.—Языческіе боги являются полными жизни и свѣжими образами. Языкъ—Слова близко подходитъ къ малорусскому нарѣчію; его понять весьма трудно вслѣдствіе древности языка, множества поэтическихъ оборотовъ и затерянности подлинника. Только вниманіе ученыхъ къ этому замѣчательному произведенію и приложеніе къ нему разныхъ пріемовъ

филологической науки, даютъ намъ возможность разобраться въ мысляхъ и картинахъ поэмы. Трудности языка не помѣшали видѣть въ этомъ памятникѣ богатство поэзіи. Его перевели на современный языкъ прекрасными стихами Мей, Майковъ, Минъ и Гербель, а композиторъ Бородинъ на сюжетъ Слова написалъ оперу Князь Игорь.

§ 23. Вліяніе Византійской книжной словесности отразилось у насъ не только на произведеніяхъ первыхъ нашихъ писателей, но и на словесности народной, въ которой, благодаря этому вліянію появились особыя произведенія народнаго ума и фантазіи, это—духовные стихи и легенды.

а) Духовные стихи, т.-е. народныя пѣсни религіознаго содержанія, появились у насъ въ первые вѣка христіанства. Въ древности ихъ распѣвали калики перехожіе (калига — обувь странника), но древніе калики не походили на нынѣшнихъ слѣпцовъ. Каликами, паломниками, странниками, назывались люди неимущіе, дѣлавшіе себѣ профессію изъ хожденія ко святымъ мѣстамъ и монастырямъ, бѣдняки, жившіе на счетъ общественной благотворительности. Въ стихѣ о *Вознесеніи Господнемъ* говорится, что когда нищая братія расплакалась, то Спаситель утѣшилъ ихъ, обѣщая оставить имъ гору крутую, золотую; но Іоаннъ Златоустъ замѣтилъ, что нищіе не съумѣютъ удержать за собою золотую гору, и посовѣтовалъ дать имъ позволеніе просить милостыню именемъ Христовымъ. Основою такого взгляда на нищенство послужили евангельское ученіе, притча о *Богатомъ и Лазарѣ* и изображеніе *Страшнаго суда*.

Духовные стихи можно раздѣлить на три группы. Одни говорятъ о происхожденіи міра, человѣка, о судьбѣ человѣческой души. Важнѣйшій стихъ, сюда относящійся, есть стихъ о Голубиной книгѣ. — Другая группа стиховъ примыкаетъ къ священной исторіи. Напримѣръ стихи: объ Іосифѣ Прекрасномъ, о Рождествѣ Христо-

вомъ, о Богачѣ и Лазарѣ, о Страшномъ Судѣ.—Третья группа говоритъ о святыхъ, напримѣръ объ Алексѣѣ человѣкѣ Божіемъ, о Варлаамѣ и Іоасафѣ, о Князьяхъ Борисѣ и Глѣбѣ. Въ исторіи русскаго просвѣщенія особенно важенъ стихъ о Егоріи Храбромъ. Стихъ состоитъ изъ двухъ пѣсней. Въ первой говорится о мученіяхъ Егорія за христіанскую вѣру, во второй онъ является богатыремъ, разъѣзжающимъ по русской землѣ. Она представлялась Егорію совершенно дикой, не населенной и невоздѣланной: повсюду лѣса дремучіе, горы толкучія, звѣри рыскучіе; хотя онъ ѣздитъ на богатырскомъ конѣ, съ острымъ копьемъ, но употребляетъ его въ дѣло только при встрѣчѣ съ врагами. Даже путешествіе онъ совершаетъ мирнымъ образомъ: распространяетъ вѣру христіанскую, строитъ церкви соборныя, богомольныя, ѣздитъ повсюду съ книгой—Евангеліемъ. Въ немъ народъ представилъ тѣхъ духовныхъ богатырей, героевъ вѣры и просвѣщенія, которые въ давнія времена повсюду являлись въ одеждѣ иноковъ, или мірянъ, въ санѣ князя или епископа, и просвѣщали дикія племена, устраивали города, церкви и монастыри. Таковы были, напримѣръ, Стефанъ Пермскій, Александръ Свирскій, Нилъ Сорскій. Во многихъ духовныхъ стихахъ прославляются отшельничество и жизнь въ пустынѣ.

б) Народныя легенды представляютъ другую форму религіозной народной поэзіи: это прозаическіе разсказы, соотвѣтствующіе сказкамъ. Изъ лицъ ветхозавѣтныхъ легенды разсказываютъ о Ноѣ и Соломонѣ; изъ новозавѣтныхъ—о хожденіи Іисуса Христа и Апостоловъ по землѣ и о разныхъ съ ними приключеніяхъ, о хожденіи Богородицы по мукамъ. Есть легенды о Николаѣ Чудотворцѣ, о Святомъ Касьянѣ, о Святой Параскевѣ Пятницѣ и проч.

ОТДѢЛЪ II.

Съ половины XVI столѣтія до начала XVIII-го.

§ 24. Второй отдѣлъ древней книжной словесности обнимаетъ только полтора столѣтія, но это время весьма важно въ исторіи русскаго просвѣщенія и литературы. Центрами просвѣтительной и литературной дѣятельности являются Москва и Кіевъ.

§ 25. Относительно образованія и словесности въ Московской Руси, XVI столѣтіе ничѣмъ не отличается отъ четырехъ предыдущихъ, но оно требуетъ особеннаго вниманія вслѣдствіе того, что во главѣ управленія и въ высшемъ духовенствѣ появились лица, которыя, благодаря природному уму, образованности и энергіи, глубже своихъ предшественниковъ вникли въ характеръ религіозной, общественной и частной жизни русскаго народа. Въ произведеніяхъ словесности XVI вѣка мы видимъ критическій обзоръ недостатковъ русской жизни и заботу объ ихъ исправленіи и кромѣ того видимъ стремленіе подвести итогъ выработаннымъ издавна началамъ, правиламъ и обычаямъ. Разборъ недостатковъ религіозной, умственной и нравственной жизни сдѣланъ Максимомъ Грекомъ и отцами Стоглаваго собора (названъ такъ потому, что дѣянія собора, изложенныя подробно, раздѣлены на сто главъ или параграфовъ). Недостатки собственно монастырской жизни, куда сталъ проникать мірской элементъ, изложены въ посланіи Іоанна Грознаго въ Кирило-Бѣлозерскій монастырь. Кодексъ древнихъ правилъ касательно семейной жизни излагается въ „Домостроѣ“, книгѣ, написанной Сильвестромъ, однимъ изъ совѣтниковъ Іоанна Грознаго (о сочиненіяхъ Митрополита Макарія, предсѣдательствовавшаго на Стоглавомъ соборѣ, упомянуто выше). Вслѣдствіе соединенія всѣхъ сѣверо-восточныхъ областей въ одно государство, постепенно утвердилось единодержа-

віе, и выработался типъ Самодержавнаго Царя Московскаго; это обстоятельство сопровождалось сильной борьбой между княземъ и боярами; эта борьба особенно обострилась при Іоаннѣ Грозномъ, государѣ, необыкновенно энергичномъ. Она выразилась въ перепискѣ Грознаго съ княземъ Курбскимъ и въ Исторіи Великаго Князя Московскаго, написанной тѣмъ же Курбскимъ, опальнымъ бояриномъ, перешедшимъ на службу къ Польскому Королю.

§ 26. Иной характеръ представляетъ литература Ю.-Западной Руси. Начиная съ половины XVI столѣтія она значительно оживилась вслѣдствіе возникновенія религіозной борьбы. Со времени присоединенія Литовской земли къ польскому престолу, католическое духовенство стало заботиться о введеніи своего исповѣданія между православнымъ населеніемъ Польши и Литвы. Но ему удалось ввести только Унію, ученіе, которое принимало догматы католичества, а обряды сохраняло православные. Монахи іезуитскаго ордена дѣйствовали въ этомъ случаѣ съ такой энергіей и съ такимъ успѣхомъ, что побудили и русское духовенство поступать такъ же. Прежде всѣхъ на защиту своей вѣры поднялись такъ называемыя Братства, которыя старались сохранить русскую народность и православіе. Они стали заводить школы и типографіи. Изъ школъ особенно быстро возвысилась школа кіевская, приведенная въ лучшій видъ митрополитомъ Петромъ Могилою и въ началѣ XVIII столѣтія получившая названіе Академіи. Она приготовляла защитниковъ православія и поддерживала его въ массѣ народа. Въ Кіевской школѣ, по примѣру такихъ же школъ въ западной Европѣ, главнымъ предметомъ преподаванія было богословіе; затѣмъ слѣдовали риторика и философія; но онѣ, какъ и всѣ другія науки, преподавались только примѣнительно къ богословію. Преподаватели употребляли всю силу и гибкость своего ума на то, чтобы догматы религіи

объяснить изъ разума. Такое преподаваніе изощряло умъ, но не давало пищи сердцу. Обученіе велось на латинскомъ языкѣ. Вся эта система преподаванія въ юго-западныхъ школахъ носитъ названіе схоластики. Подъ этимъ именемъ вообще разумѣется средне-вѣковая наука, имѣвшая главнымъ предметомъ упражненіе въ религіозныхъ спорахъ, но ничего не дающая сердцу и воображенію.

Литературныя формы юго-западной словесности были весьма разнообразны. Тутъ, кромѣ разнаго рода рѣчей поздравительныхъ, привѣтственныхъ, благодарственныхъ, прощальныхъ, были стихотворенія и духовныя драмы. Рѣчи отличались искусственностью плана и бѣдностью содержанія. Напримѣръ одна проповѣдь на Успеніе Богородицы состояла изъ объясненія слова „риза", взятаго изъ псалма. Проповѣдникъ перечисляетъ нитки, изъ которыхъ риза была соткана, а каждая нитка есть символъ какой-нибудь высочайшей добродѣтели Небесной Царицы. Въ стихотвореніяхъ (виршахъ) излагались религіозныя и патріотическія чувства. Многія изъ нихъ заключали въ себѣ изложенныя стихами молитвы, напримѣръ Богородице Дѣво. Большею частью ихъ сочиняли и пѣли по поводу радостныхъ или печальныхъ событій въ царскомъ семействѣ.—Гораздо шире и глубже было впечатлѣніе духовныхъ драмъ. Сначала онѣ представлялись только въ школахъ и потому называются школьными. Ихъ не слѣдуетъ смѣшивать съ средне-вѣковыми мистеріями, духовными представленіями, возникшими изъ пасхальныхъ празднествъ. Духовныя драмы возникли изъ стремленія духовенства, съ одной стороны объяснять посредствомъ наглядныхъ представленій догматы христіанской вѣры и важнѣйшія событія священной исторіи, а съ другой—противопоставить эти представленія народнымъ языческимъ зрѣлищамъ. Размѣръ стиховъ, какъ въ виршахъ, такъ и въ духовныхъ драмахъ, былъ силлабическій, свойственный только языку поль-

скому (и французскому), а русскому чуждый. Языкъ всѣхъ этихъ произведеній былъ испещренъ словами латинскими и польскими.

§ 27. Со второй половины XVII столѣтія, съ присоединеніемъ къ Московскому государству Малороссіи, юго-западная образованность стала переходить и въ Москву. Поводомъ къ этому были расколы, ереси, безпорядки и нестроенія въ обществѣ, въ церкви и въ частной жизни. Московскіе цари, начиная съ Бориса Годунова, болѣе и болѣе проникались мыслью ввести въ московскую Русь просвѣщеніе, господствовавшее въ Кіевѣ. Началомъ схоластической литературы въ Москвѣ слѣдуетъ считать прибытіе туда *Симеона Полоцкаго*, приглашеннаго въ воспитатели къ царевичу Ѳеодору Алексѣевичу. Симеонъ Полоцкій былъ человѣкъ многосторонне образованный, краснорѣчивый, умѣющій обращаться въ высшемъ обществѣ. Онъ писалъ противъ раскольниковъ, сочинялъ духовныя драмы, переложилъ въ стихи Псалтырь. Онъ написалъ двѣ комедіи—о Навуходоносорѣ и о Блудномъ сынѣ. Въ первой, въ прологѣ, или „предисловцѣ", содержится обращеніе къ царю Алексѣю Михайловичу, восхваляются его добродѣтели и порицается невѣріе и гордость Навуходоносора. Въ этой комедіи царь Навуходоносоръ выходитъ на сцену со своими боярами и съ шестью вооруженными воинами и приказываетъ устроить статую изъ золота и печь, куда должны быть брошены тѣ, которые не поклонятся статуѣ. Воля царя исполнена. Потомъ, согласно съ библейскимъ разсказомъ, изображается ввержение трехъ отроковъ въ печь, явленіе ангеловъ, пѣснь отроковъ. Видя такое чудо, царь приноситъ покаяніе, поклоняется христіанскому Богу и приказываетъ почитать спасшихся отроковъ. Въ эпилогѣ—благодарность царю за вниманіе и просьба актеровъ о снисхожденіи. Комедія о блудн. сынѣ состоитъ изъ пролога, шести частей и эпилога. Это—представленіе въ лицахъ и дѣйствіяхъ евангельской

притчи. Главный интересъ заключается въ рѣчахъ дѣйствующихъ лицъ, напр. о пользѣ посѣщенія чужихъ странъ. Особенно интересны рѣчи Блуднаго, въ которыхъ выражается жалоба на несвободное положеніе дѣтей въ семействѣ и вообще на стѣснительную обстановку домашней жизни. Любопытно описаніе жизни Блуднаго на свободѣ.—Другой замѣчательный изъ кіевскихъ ученыхъ въ Москвѣ былъ *Епифаній Славинецкій*, дѣятельный помощникъ патріарха Никона въ исправленіи церковныхъ книгъ.—Крупнымъ писателемъ, тоже обличителемъ раскола, является Святой Дмитрій, митрополитъ Ростовскій, написавшій такъ называемый Розыскъ. Ему же принадлежатъ, какъ выше сказано, Малыя Четьи-Минеи. По обычаю своего времени святой Дмитрій писалъ вирши, или канты, и духовныя драмы.

Въ заключеніе скажемъ, что потомство многимъ обязано юго-западному просвѣщенію. Ю. З. Русь вынесла на своихъ плечахъ тяжелую защиту русскаго и православнаго элемента отъ иноплеменнаго и иновѣрнаго гнета, произвела богатую народную поэзію; въ трудныя времена борьбы основала первую правильную русскую школу, которая послужила потомъ образовательному обновленію самой Москвы; дала ревностныхъ помощниковъ Петровской реформѣ и пр.

§ 28. Въ концѣ XVIII столѣтія положено основаніе русскому театру. Его устроилъ бояринъ Матвѣевъ при дворѣ царя Алексѣя Михайловича. Нѣмецкій пасторъ Грегори, съ помощью и при участіи Юрія Михайлова, собралъ около 70 дѣтей разныхъ служилыхъ и торговыхъ иноземцевъ и съ ними разучилъ комедію объ *Эсфири*. Зданіе театра называлось: „*Комедійная хоромина*“ и находилась въ селѣ Преображенскомъ. Въ слѣдующемъ году открыта была цѣлая школа. Кромѣ комедіи объ Эсфири или такъ называемаго Артаскерксова дѣйства, были представлены Юдифь, Товій, Дѣйство объ Іосифѣ, объ Адамѣ и Евѣ. Послѣ Алексѣя Михайловича,

заглохшее театральное дѣло было возстановлено Петромъ Великимъ.

§ 29. Усилившееся съ половины XVI столѣтія сближеніе съ Западной Европой содѣйствовало наплыву въ нашу литературу повѣствовательныхъ сочиненій назидательнаго характера. Въ XVI столѣтіи перешелъ къ намъ сборникъ подъ названіемъ „Великое зерцало". Онъ состоитъ изъ повѣстей и притчъ назидательнаго характера, заимствованныхъ изъ духовной исторической литературы и направленныхъ къ утвержденію вѣры, духовной жизни, къ удаленію отъ грѣха и побужденію къ покаянію. „Повѣсть о семи мудрецахъ" тоже состоитъ изъ разсказовъ, соединенныхъ вокругъ царевича, отданнаго на воспитаніе семи мудрецамъ. Любимѣйшая народная сказка „Бова-Королевичъ", имѣвшая множество лубочныхъ изданій, есть передѣлка одного рыцарскаго романа. Содержаніемъ сказки служатъ многоразличныя и чудесныя приключенія Бовы. Но какъ ни популярны были эти западныя повѣсти, онѣ не имѣли вліянія на русскую литературу, потому что выражали чуждый намъ бытъ, чуждые идеалы. Между тѣмъ постепенно возникаетъ и русская повѣсть назидательнаго характера. Сюда относится полулитературная, полународная повѣсть о „Горѣ Злосчастіи". Она походитъ нѣсколько на евангельскую притчу о Блудномъ сынѣ. Здѣсь излагается исполненная неудачъ и угрызеній совѣсти жизнь молодого гостиннаго сына (купца), который не хотѣлъ послушаться добрыхъ совѣтовъ отца и матери, вслѣдствіе чего долго путался. Когда онъ наконецъ разбогатѣлъ, къ нему подобралось Горе-Злосчастіе и въ разныхъ видахъ преслѣдовало его. Оно оставило гостиннаго сына только тогда, когда онъ рѣшился идти въ монастырь. Повѣсть богата картинами быта, поэтическими образами Горя, олицетворяющаго совѣсть, и, наконецъ, господствующимъ здѣсь грустнымъ тономъ, соединеннымъ съ ироніей. Настоящей повѣстью изъ обыкновенной жизни,

безъ участія сверхъестественныхъ силъ, является Исторія о россійскомъ дворянинѣ Фролѣ Скобѣевѣ, какъ онъ изъ бѣднаго сталъ богатымъ, обманомъ женился на Аннушкѣ, дочери богатаго стольника и царскаго любимца Нардинъ-Нащокина, какъ родители жены простили мужу его обманъ и даже укрѣпили за нимъ все свое имущество. Такихъ повѣстей о продѣлкахъ плутовъ перешло къ намъ много съ Запада черезъ Польшу.

Новый періодъ книжной словесности.

§ 30. XVIII и XIX столѣтія составляютъ новую эпоху въ исторіи русской гражданственности и литературы. Въ эти два столѣтія Россія гораздо быстрѣе, чѣмъ прежде, переходитъ отъ своего отдѣльнаго замкнутаго существованія къ непосредственному общенію съ Зап. Европой. Быстротою этого перехода наше отечество обязано генію Петра Великаго и мудрости нѣкоторыхъ его преемниковъ, продолжавшихъ слѣдовать тому пути, на которомъ великій преобразователь сдѣлалъ исполинскій шагъ. Реформа Петра В. важна не столько тѣмъ, что съ нею явился у насъ притокъ европейскаго знанія, сколько тѣмъ, что она возбудила наши собственныя силы, которыя скоро, послѣ извѣстнаго періода подражанія и заимствованія, стали стремиться къ собственной дѣятельности и творчеству.

Если необходимо начинать историческій періодъ извѣстнымъ годомъ и событіемъ, то мы считаемъ удобнѣе всего начать новый періодъ нашей словесности 1708 годомъ, когда былъ основанъ Петербургъ, гдѣ жили помощники Петра и исполнители его идей, между тѣмъ какъ приверженцы старины предпочитали оставаться въ Москвѣ и жить, какъ жили ихъ предки.

I. Время отъ Петра В. до Ломоносова.

§ 31. Хотя предшественники Петра Великаго ясно понимали необходимость реформы, но его преимущество состояло въ томъ, что съ западноевропейскимъ образованіемъ онъ познакомился непосредственно, лично, реформы вводилъ рѣшительно, наблюдалъ, чтобы онѣ исполнялись въ точности. Наука XVI и XVII стол. уничтожила старинное русское отвращеніе къ западноевропейскому образованію и приготовила развитыхъ и образованныхъ людей, талантами и знаніями которыхъ Петръ искусно воспользовался. Новое образованіе значительно отличалось отъ прежняго. Наука до Петра преслѣдовала преимущественно цѣли религіозныя, а съ Петра В. она призвана служить цѣлямъ государственнымъ; поэтому къ прежнимъ наукамъ, господствовавшимъ въ схоластическихъ школахъ, присоединились науки медицинская, военная, морская, горная. Такъ какъ Петръ обращалъ главное вниманіе на сословіе военное, то изъ новыхъ училищъ прежде всего открыты были навигаціонное, артиллерійское и инженерное—въ Москвѣ, а въ Петербургѣ—Морская академія. Заботы объ учрежденіи школъ, преимущественно спеціальныхъ, завершились составленіемъ проекта Академіи Наукъ, которая и была открыта при Екатеринѣ I. Академія совмѣщала въ себѣ три учрежденія: академію, члены которой должны производить открытія и усовершенствованія въ наукахъ; университетъ, гдѣ академики читали лекціи для молодыхъ людей славяно-русскаго рода, и гимназіи, гдѣ адъюнкты академіи готовили учениковъ къ университету или учительскому званію. Многихъ молодыхъ людей Петръ посылалъ за границу учиться и по возвращеніи самъ экзаменовалъ и опредѣлялъ къ должностямъ. Петръ обратилъ вниманіе и на азбуку и составилъ новый гражданскій шрифтъ, въ основу котораго принялъ буквы латинской азбуки. Съ Петромъ Великимъ нача-

лась и первая русская газета — „Русскія Вѣдомости“. Наконецъ, по распоряженію государя, было переведено на русскій языкъ много книгъ, въ которыхъ русскіе знакомились съ результатами, достигнутыми въ Зап. Европѣ наукою, искусствомъ и промышленностью.

§ 32. Такъ какъ всѣ средства и силы Петра и русскаго общества въ эпоху Реформы были направлены на практическую дѣятельность, то понятно, что и литература имѣла дѣловой характеръ. Цѣль ея была—объяснять и защищать Реформу отъ приверженцевъ старины, относившихся къ ней враждебно. Въ этомъ духѣ поступали современные Петру образованные люди, обучившіеся въ схоластическихъ школахъ; это были духовные ораторы, важнѣйшіе защитники Реформы. Цѣлью ихъ проповѣдей было — объяснить плодотворное значеніе разныхъ мѣропріятій геніальнаго государя. Въ этомъ отношеніи выше другихъ стоялъ Феофанъ Прокоповичъ, архіеп. Новгородскій, который не только сочувствовалъ реформамъ, но и служилъ имъ своимъ словомъ, какъ самому дорогому и задушевному дѣлу. Главное достоинство его проповѣдей состоитъ въ современности содержанія и въ сочувствіи къ реформамъ. Въ своихъ проповѣдяхъ онъ защищалъ путешествіе Петра за-границу и отправленіе туда же русскихъ людей для образованія; доказывалъ пользу и необходимость флота для Россіи; объяснялъ значеніе войны съ Швеціею, придавая особенную важность побѣдѣ подъ Полтавою. По поводу сильнаго ропота, возникшаго послѣ суда надъ царевичемъ Алексѣемъ Петровичемъ, Феофанъ сказалъ слово о власти и чести царской, гдѣ напалъ на противниковъ реформы, объясняя ихъ сопротивленіе неспособностью понимать смыслъ преобразованій.

Строже относился къ реформамъ Стефанъ Яворскій, архіепископъ Рязанскій. Хотя онъ удивлялся генію преобразователя, но не былъ его безусловнымъ поклонникомъ, особенно, если мѣры Петра касались церковной

жизни; напримѣръ, Яворскій осуждаетъ русскихъ, которые, при сношеніяхъ съ иностранцами, увлекаются ихъ религіозными мнѣніями, нравами и обычаями, и въ своемъ словѣ онъ сравниваетъ церковь съ кораблемъ посреди волнующагося моря. Такъ какъ реформы и войны Петра, собственно говоря, весьма тяжело отзывались на простомъ народѣ, котораго обременяли налогами, рекрутской повинностью, притѣсненіями властей, то Яворскій не рѣдко указываетъ въ проповѣдяхъ на такое тяжелое положеніе. — Произведенія свѣтскихъ писателей, защищавшихъ Реформу, имѣли дѣловой характеръ, рисовали черты современнаго общественнаго строя, но они были чужды литературныхъ достоинствъ, а поэзіи въ нихъ и искать было бы напрасно.

§ 33. Первымъ поэтомъ въ новой русской литературѣ слѣдуетъ признать не русскаго человѣка Антіоха Кантемира (1708—1744), современника уже Петра II. Онъ былъ сынъ молдавскаго господаря, перешедшаго въ подданство Россіи послѣ прутскаго похода. К. дома получилъ прекрасное образованіе подъ руководствомъ отца, члена академіи наукъ и автора замѣчательныхъ произведеній, Кондоиди, ученаго греческаго священника, и Ильинскаго, академическаго переводчика. Кантемиръ изучилъ основательно древніе и новые языки и, служа въ гвардіи, посѣщалъ лекціи академиковъ. Приготовленный такъ серьезно, онъ не остался безъ видной служебной дѣятельности: съ небольшимъ 20-ти лѣтъ онъ былъ назначенъ резидентомъ въ Лондонъ, гдѣ много лѣтъ провелъ въ занятіяхъ науками и въ дипломатическихъ сношеніяхъ съ министрами Георга II, братьями Вальполь. Такой высокообразованный человѣкъ и дипломатъ лучше многихъ другихъ могъ понимать недостатки современнаго русскаго общества. Свой взглядъ на нихъ онъ выразилъ въ девяти сатирахъ, въ которыхъ подражалъ Горацію, Ювеналу и Буало. Первая сатира „Къ уму своему“ нападаетъ на разныхъ невѣждъ того времени. Въ ней

сначала характеризуются четыре типа враговъ просвѣщенія, потомъ передается разговоръ между негодованіемъ и умомъ; затѣмъ характеризуются епископъ и судья, лица высокопоставленныя, но тоже не уважающія науки; далѣе изображается печальное состояніе просвѣщенія и господство невѣжества, описываются лица изъ низшаго сословія, весьма недалеко ушедшія по пути знанія, но тѣмъ не менѣе люди съ большими претензіями; въ заключеніе авторъ убѣждаетъ умъ заниматься науками и не пытаться доказывать ихъ пользу. Вторая сатира обличаетъ зависть и гордость дворянъ злонравныхъ; въ третьей изображены типы разныхъ страстей и пороковъ подъ вымышленными именами скупца, мота, любопытнаго, лицемѣра и пр. Въ 9-й сатирѣ рисуется невѣжество и суевѣріе, приведшія русскій народъ къ расколу. Подвергая осмѣянію различныя дурныя стороны человѣческой жизни, Кантемиръ въ то же время указываетъ идеалъ счастливой жизни и изображаетъ нравственную дѣятельность, къ ней приводящую. Этотъ идеалъ—довольство малымъ, умѣренность, золотая середина. Таковъ былъ идеалъ и Горація, во времена котораго въ Римѣ господствовали, съ одной стороны безотрадное ученіе стоиковъ, съ другой—нравственная распущенность эпикурейцевъ.

II.

Время отъ Ломоносова до Карамзина.

а) Эпоха Имп. Елисаветы Петровны.

§ 34. Въ періодъ, слѣдовавшій за эпохой Реформы, въ исторіи русской цивилизаціи и литературы болѣе замѣчательно время Елисаветы Петровны. Къ этому времени господство нѣмецкой партіи въ государствѣ значительно ослабѣло, и престолъ окружили исключи-

тельно русскіе вельможи. Но въ общественной жизни вліяніе нѣмецкое замѣнилось французскимъ; при дворѣ и въ домахъ знатныхъ людей входятъ въ обычай французскіе нравы и французскій языкъ, вмѣстѣ съ тѣмъ начинается господство парижскихъ модъ, и роскошь достигаетъ большихъ размѣровъ. Постепенно французское вліяніе изъ столицы переходитъ въ провинцію и, смѣшиваясь съ невѣжествомъ и грубостью нравовъ до — Петровской Руси, представляетъ поразительный контрастъ, который долгое время служитъ богатымъ матеріаломъ для сатирическихъ сочиненій.

Вмѣстѣ съ французскими модами переходитъ къ намъ и господствовавшее въ то время во Франціи и во всей Западной Европѣ такъ называемое ложно-классическое направленіе, состоявшее въ неумѣломъ, неискусномъ подражаніи греческимъ и римскимъ писателямъ, въ смѣшеніи древняго съ новымъ, языческаго съ христіанскимъ. Представителями его во Франціи были современники Людовиковъ XIII—XVI Корнель, Расинъ, Буало и отчасти Вольтеръ.

Ложный классицизмъ перенесенъ былъ въ русскую литературу въ началѣ XVIII столѣтія, и важнѣйшими его представителями были Тредьяковскій, Ломоносовъ, Сумароковъ, Херасковъ и пр. Оно не чуждо было и благотворнаго вліянія. Въ надутыя формы эпопей, одъ, трагедій, внесено было много общечеловѣческихъ образовательныхъ элементовъ, добытыхъ, какъ древне-классическимъ образованіемъ, такъ и новою европейскою наукою. Кромѣ того, въ этихъ произведеніяхъ просвѣчивали современные европейскіе нравы; въ произведеніяхъ же русскихъ писателей этого направленія мы можемъ найти яркія картины нравовъ и обычаевъ русскаго общества. Итакъ, ложно-классическая литература заслуживаетъ такого же вниманія, какъ и литературы другихъ эпохъ.

Ломоносовъ (1711—1765).

§ 35. Великій русскій человѣкъ Ломоносовъ есть важнѣйшій представитель эпохи Елисаветы Петровны и главный дѣятель на пользу русскаго просвѣщенія въ половинѣ XVIII столѣтія. Если, принявъ во вниманіе многостороннюю ученость Ломоносова, сочувствіе его благу отечества, твердость характера, разнообразную полезную дѣятельность, мы захотимъ во всемъ XVIII столѣтіи искать человѣка, подобнаго ему, мы найдемъ только Петра Великаго. Только въ Петрѣ Великомъ мы видимъ такія напряженныя заботы о благѣ Россіи, такую увѣренность въ силѣ русскаго духа и богатство страны, такое твердое сознаніе важности просвѣщенія, необходимаго для того, чтобы воспользоваться всѣмъ этимъ нравственнымъ и матеріальнымъ богатствомъ. Колоссальная личность Ломоносова неизмѣримо возвышается надъ всѣми дѣятелями столѣтія. Самая жизнь его, исполненная тяжелой неутомимой борьбы за просвѣщеніе Россіи, составляетъ рядъ высокихъ, трогательныхъ и для русскаго человѣка назидательныхъ явленій.

§ 36. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ родился въ Архангельской губерніи, въ селѣ Денисовкѣ, близъ Холмогоръ. Отецъ его былъ рыбакъ. Единственный сынъ, Ломоносовъ часто ѣздилъ съ отцомъ по рѣкѣ С. Двинѣ и Бѣлому морю, перевозя хозяйственные запасы, и часто слышалъ о Петрѣ Великомъ. Онъ скоро обучился грамотѣ, а быстрое и широкое развитіе его душевныхъ силъ обусловливалось особымъ положеніемъ двинскаго края. Здѣсь не было ни помѣстнаго ни крѣпостного права, и чиновники рѣдко заглядывали въ это захолустье. Главное занятіе жителей и теперь составляетъ рыбный промыселъ, который и развиваетъ въ нихъ предпріимчивость, находчивость и отвагу. Эти качества достались и Ломоносову, но изъ него образовался не промышленникъ вродѣ тѣхъ, которыхъ описываетъ Максимовъ („Новоземельскіе моржевые промыслы“ въ книгѣ „Годъ на сѣверѣ“). Пытливый умъ Ломоносова, пораженный величественными картинами сѣверной природы, остановился на нихъ съ

цѣлью выяснить ихъ себѣ. Не найдя отвѣтовъ на свои запросы ни въ грамматикѣ Мелетія Смотрицкаго, ни въ ариѳметикѣ Магницкаго, ни въ случайно попадавшихся въ руки книгахъ, ни наконецъ въ бесѣдахъ съ раскольниками; между тѣмъ слыша, что Петръ заводитъ школы, что ихъ нѣсколько уже давно существуетъ въ Москвѣ и Кіевѣ, — Ломоносовъ бѣжалъ изъ родительскаго дома, приставши къ обозу съ рыбой. Онъ учился сначала въ Москвѣ, въ Спасскихъ школахъ, гдѣ терпѣлъ крайнюю нужду, насмѣшки товарищей, обиды отъ родственниковъ, сѣтовавшихъ на него за то, что покинулъ родную семью. Но Ломоносовъ не былъ вознагражденъ за всѣ эти непріятности: схоластика его не удовлетворяла. Тоже было и въ Кіевѣ. Наконецъ онъ былъ призванъ съ другими учениками Спасскихъ школъ въ Петербургъ, въ Академію Наукъ, а оттуда въ 1736 году посланъ за границу для изученія горнаго дѣла и порученъ съ товарищами руководству философа и математика Вольфа въ Марбургѣ. Кромѣ того, онъ учился въ Фрейбургѣ металургіи. За границей Ломоносовъ пробылъ пять лѣтъ, усердно занимаясь естественными науками, литературой и поэзіей, но свободно предаваться занятіямъ онъ всетаки не могъ. Денегъ, назначенныхъ Академіей Наукъ, онъ не получалъ во-время, между тѣмъ женился, жилъ въ крайней бѣдности, бѣжалъ, попался прусскимъ вербовщикамъ, которые и записали его въ солдаты, вырвался отъ нихъ, прибылъ въ Голландію и оттуда былъ отправленъ въ Петербургъ, явился въ Академію и, когда академики убѣдились, что пять лѣтъ проведены Ломоносовымъ въ Германіи не даромъ, онъ былъ сдѣланъ адъюнктомъ Академіи.

24 года въ званіи академика всецѣло посвящены были Ломоносовымъ на безкорыстное служеніе отечественному просвѣщенію. Всѣ труды его тѣсно связаны съ его жизнью, а жизнь была проникнута однимъ высокимъ стремленіемъ къ благоденствію и славѣ русскаго народа. Во всей разнообразной дѣятельности Ломоносова, благо отечества было на первомъ планѣ, такъ что даже интересы науки, краснорѣчія, поэзіи, являются второстепенными.

§ 37. Сочиненія Ломоносова можно раздѣлить на двѣ группы: ученыя и литературныя. а) Сочиненія ученыя. Главнымъ предметомъ ученой дѣятельности Ломоносова, въ первыя десять лѣтъ службы при Академіи

Наукъ, было естествознаніе, особенно химія и физика, металургія и физическая географія, а съ 1742 года, — со времени знакомства съ Шуваловымъ, въ немъ усиливается наклонность къ занятіямъ исторіей и словесностью. Ученыя изслѣдованія въ его время во всей З. Европѣ имѣли въ виду показать отношеніе науки къ религіи и практическую пользу науки. Припомнимъ сужденія Критона и Сильвана въ первой сатирѣ Кантемира. Съ этихъ двухъ сторонъ смотрѣлъ на науку и Ломоносовъ. Сочиненія его по естествознанію весьма разнообразны: въ нихъ онъ говоритъ о пользѣ химіи, о явленіяхъ воздушныхъ, отъ электрической силы происходящихъ, о рожденіи металловъ отъ трясенія земли, о большой точности морского пути, о вольномъ движеніи воздуха... Многіе вопросы, поднимавшіеся тогда въ области естествознанія, онъ рѣшалъ самостоятельно и оригинально. О его взглядахъ отзывались съ глубокимъ уваженіемъ иностранные ученые, но всесторонняя оцѣнка его заслугъ въ этой области сдѣлана русскими учеными только въ половинѣ XIX столѣтія, по случаю юбилея Ломоносова.

Въ одинаковой мѣрѣ Ломоносова интересовали и словесныя науки: грамматика, риторика (теперь называемая теоріей словесности); кромѣ того, его интересовали вопросы объ отношеніи церковно-славянскаго языка къ русскому и о тоническомъ стихосложеніи, только что введенномъ въ русскую поэзію Тредьяковскимъ и самимъ Ломоносовымъ. Въ разсужденіи „о пользѣ книгъ церковныхъ“ указывается красота церковно-славянскаго языка, значеніе его для такъ называемаго высокаго слова, для пониманія Богослуженія и для сближенія съ другими славянами. Въ грамматикѣ точно отдѣленъ русскій языкъ отъ церковно-славянскаго, введены русскіе грамматическіе термины вмѣсто латинскихъ, обращено вниманіе на разнообразіе областныхъ нарѣчій, изъ которыхъ московское Ломоносовъ считалъ

болѣе другихъ изящнымъ. Риторика имѣетъ то преимущество передъ прежними, что примѣры для нея взяты не изъ латинскихъ и греческихъ писателей, а изъ русскихъ, преимущественно изъ сочиненій самого Ломоносова. Что касается стихосложенія, то Ломоносову слѣдуетъ предпочесть Тредьяковскаго, который яснѣе понималъ его свойства и подробнѣе развивалъ свои мысли, хотя съ другой стороны стихъ Ломоносова гораздо изящнѣе стиха бездарнаго поэта.

§ 38. б., Къ области краснорѣчія относятся два похвальныхъ слова: одно Петру Великому, а другое Елисаветѣ Петровнѣ. Они написаны по правиламъ схоластической риторики: слишкомъ искусственны по плану, тяжелы и утомительны по слогу, главнымъ образомъ отъ того, что наполнены длинными періодами. Въ этихъ періодахъ даже отдѣльныя предложенія составлены по примѣру латинскихъ и нѣмецкихъ. Славянскихъ словъ гораздо больше, нежели русскихъ.

в., Хотя Ломоносовъ, по обычаю того времени, писалъ и поэмы и трагедіи, но вниманіе потомства заслуживаютъ только его оды, духовныя и похвальныя; изъ духовныхъ одъ любопытны два „Размышленія о Божіемъ величествѣ“, одно утреннее, другое вечернее. Въ первомъ излагаются современныя Ломоносову понятія о сущности и образованіи солнца; во второмъ — сначала Ломоносовъ описываетъ красоту звѣзднаго неба и устами ученыхъ объясняетъ то сильное впечатлѣніе, какое на человѣка производитъ эта картина. Во второй половинѣ переходитъ къ объясненію сѣвернаго сіянія, развивая мысль, что это явленіе нарушаетъ извѣстные всѣмъ ученымъ законы природы. Онъ предлагаетъ объяснить его и самъ излагаетъ теоріи, какія въ его время были въ наукѣ. Ломоносовъ увѣренъ, что отвѣты ученыхъ будутъ полны сомнѣнія, и имъ придется сознаться въ своемъ безсиліи и вслѣдствіе этого преклониться

предъ непостижимымъ величіемъ Творца; очевидно, здѣсь Ломоносовъ касается современнаго вопроса о взаимномъ отношеніи науки и религіи. Въ то время многіе, подобно Кантемирову Критону, говорили, что наука ведетъ къ безбожію. — Похвальная ода въ честь Елисаветы важна по содержанію и по формѣ. Въ ней выражены важнѣйшія убѣжденія Ломоносова, напримѣръ, мысль о заслугахъ Петра, о необходимости науки для разработки естественныхъ богатствъ, о томъ, что русскіе молодые люди должны трудиться на поприщѣ науки, чтобы изъ нихъ вышли Платоны и Невтоны, и наконецъ, что науки вообще доставляютъ пользу и наслажденіе. По формѣ эта ода представляетъ образецъ ложноклассической. Здѣсь мы находимъ всѣ ея элементы: и неумѣстное упоминаніе о греческихъ и римскихъ богахъ, и гиперболическіе образы предметовъ, и неестественное олицетвореніе отвлеченныхъ понятій, обиліе троповъ и фигуръ и, наконецъ, славянизмы, безъ которыхъ не могла обойтись ложно-классическая ода.

§ 39. Кромѣ огромныхъ заслугъ Ломоносова на пользу русскаго просвѣщенія и литературы, наше сочувствіе къ нему привлекаетъ и та неутомимая борьба, которую велъ онъ, стараясь привить науку въ своемъ отечествѣ.

При всемъ уваженіи къ Петру, Ломоносовъ ясно видѣлъ тѣ крайности, которыя прямо вытекали изъ подвига Петра, что, напримѣръ, чужеземному отдавалось явное предпочтеніе предъ всѣмъ русскимъ, что руководителями нашего просвѣщенія часто являлись чуждые интересамъ Россіи люди. Всѣмъ этимъ возмущалось въ Ломоносовѣ патріотическое чувство, вызывало академика на горячіе споры, часто принуждало его раздражаться и высказывать рѣзкіе отзывы о такихъ почтенныхъ иностранцахъ, какъ Миллеръ и Шлецеръ. И не всегда изъ борьбы за науку Ломоносовъ выходилъ побѣдителемъ: противники находили въ немъ сла-

бья стороны и пользовались ими. Но борьбу за интересы русской науки и просвѣщенія Ломоносовъ велъ неуклонно до самой смерти, когда уже выступило на сцену новое поколѣніе русскихъ писателей, воспитанныхъ вліяніемъ его просвѣщеннаго генія.

Сумароковъ. (1718–1777).

§ 40. Кантемиръ въ первой своей сатирѣ описываетъ печальное положеніе ученыхъ и художниковъ въ его время: „Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита; ея чуждаются, какъ потерпѣвшіе въ морѣ чуждаются морской службы“. Нѣкоторыя обстоятельства изъ жизни Тредьяковскаго и Ломоносова подтверждаютъ это мнѣніе. На защиту правъ писателя выступилъ современникъ Ломоносова и Тредьяковскаго, Александръ Петровичъ Сумароковъ. Этого самолюбиваго и гордаго своими заслугами писателя оскорбляли съ одной стороны нападки на русскую литературу, съ другой — унизительное положеніе русскаго общества, гордившагося внѣшнимъ европейскимъ лоскомъ жизни и въ то же время сохранявшаго грубыя и даже безнравственныя привычки. Хотя Сумарокову не удалось достигнуть того, къ чему онъ стремился, но тѣмъ не менѣе истинныя и просвѣщенныя стремленія его заслуживаютъ благодарности и уваженія, особенно въ глазахъ потомковъ, которые могутъ безпристрастно относиться къ его заслугамъ.

А заслуги Сумарокова несомнѣнны. Первая заслуга состоитъ въ томъ, что онъ внесъ въ русскую литературу ложно-классическую трагедію. Чтобы видѣть тутъ заслугу, надо обратить серьезное вниманіе, какъ на форму, такъ и на содержаніе этого вида драмы. И со стороны формы, внесеніе къ намъ ложно-классической трагедіи составляетъ заслугу. Напримѣръ, основаніемъ трагедіи является борьба страсти съ долгомъ — явленіе

обычное въ дѣйствительной жизни; соблюденіе трехъ единствъ — времени, мѣста и дѣйствія — усиливаетъ впечатлѣніе пьесы; герои трагедіи — лица, можетъ быть, не натуральныя, не взятыя изъ жизни, но эта идеализація возвышаетъ и облагораживаетъ зрителя. Герои выражаются возвышеннымъ языкомъ: но вѣдь такимъ же языкомъ говоритъ и пророкъ у Пушкина и Лермонтова и поэтъ въ стихотвореніи Пушкина „Чернь". Появленіе вѣстниковъ неизбѣжно потому, что невозможно все буквально представить на сценѣ. Слѣдовательно многое въ формѣ трагедіи имѣетъ свои законныя права. Относительно содержанія это еще справедливѣе. Дѣйствующія лица въ длинныхъ монологахъ говорили о томъ, что обращало на себя вниманіе образованныхъ людей и у насъ и въ Западной Европѣ, напримѣръ, о злоупотребленіи папскимъ могуществомъ, о бѣдствіяхъ, причиненныхъ фанатизмомъ въ Новомъ свѣтѣ при распространеніи христіанства; въ трагедіи „Мстиславъ" высказана мысль о чести, какъ основѣ героическихъ дѣлъ. Пьеса эта, благодаря возвышеннымъ мыслямъ, долго держалась на сценѣ. Въ трагедіи „Хоревъ" находимъ длинную рѣчь о бѣдствіяхъ войны.

Способствуя развитію вкуса и сценическаго искусства, пьесы Сумарокова въ то же время способствовали къ возбужденію въ зрителяхъ благородныхъ чувствъ: патріотизма, чести, благодушія, справедливости. Если прибавить къ этому талантливое исполненіе трагедій Сумарокова такими даровитыми артистами, какъ Волковъ, Дмитревскій, то будетъ понятенъ отзывъ современниковъ, что пьесы Сумарокова нерѣдко заставляли зрителей проливать слезы умиленія и забывать, что возвышенныя мысли высказываетъ какой-нибудь сомнительный Хоревъ, да притомъ александрійскими стихами.

Другая заслуга Сумарокова состояла въ томъ, что онъ внесъ къ намъ сатиру, какъ критику обществен-

ныхъ нравовъ. Эта критика выразилась собственно въ сатирахъ и особенно въ комедіяхъ, изъ которыхъ важнѣйшія: „Опекунъ“ и „Лихоимецъ“. И сатиры и комедіи не пользовались большимъ успѣхомъ по бѣдности содержанія, по несообразностямъ въ дѣйствіи и чуждымъ русскому человѣку обычаямъ и нравамъ, но въ нихъ было много „смѣхотворной остроты“. Сатиры, какъ авторъ самъ говоритъ, имѣли цѣлью „обличеніе презрительныхъ вешей“, которыя происходили или отъ невѣжества, или отъ самонадѣянной поверхностной цивилизаціи. Таковы, напримѣръ, несправедливость судей, высокомѣріе знатныхъ родовъ, слѣпое подражаніе иностранцамъ, литературный педантизмъ. Сатиры его оригинальнѣе комедій. Онѣ любопытны еще тѣмъ, что авторъ, человѣкъ самолюбивый и раздражительный, очень часто говоритъ въ нихъ о своихъ отношеніяхъ къ разнымъ лицамъ.

Сумарокову принадлежитъ еще честь основанія перваго, чисто литературнаго журнала „Трудолюбивая пчела“. Издатель подражалъ англійскимъ образцамъ Здѣсь помѣщена большая часть его сатирическихъ произведеній.

Наконецъ, третью заслугу Сумарокова можно признать въ томъ, что онъ своими пьесами много содѣйствовалъ упроченію въ Россіи сценическаго искусства. Ярославскій купецъ Волковъ (о которомъ было упомянуто), любитель театра, прибывши въ Петербургъ, попалъ въ придворный театръ; когда императрица Елисавета, любившая сценическія представленія, узнала о труппѣ Волкова, ее перевезли въ Петербургъ. На царскосельскомъ придворномъ театрѣ актеры Волкова разыграли нѣсколько пьесъ Сумарокова. Елисавета позаботилась объ усовершенствованіи этихъ актеровъ, изъ которыхъ Дмитревскій былъ впослѣдствіи славою русскаго театра. Наконецъ, въ 1756 году былъ изданъ указъ объ основаніи театра, и Сумароковъ сдѣланъ его

директоромъ. Сумароковъ усердно помогалъ сценическому дѣлу, заботился о внѣшнихъ отличіяхъ актеровъ, защищалъ ихъ отъ нападеній общества, которое трактовало ихъ за комедіантовъ и уличныхъ фигляровъ. Сумароковъ обогатилъ и репертуаръ, составляя пьесы въ подражаніе Мольеру, оперы и драмы. Такъ положено начало русскому сценическому искусству и, хотя пьесы, разыгрываемыя съ того времени на сценѣ, долго еще были чужды національности и художественности, но облагораживающее и возвышающее вліяніе ихъ на общество началось съ перваго появленія на сценѣ русскихъ пьесъ.

По литературному таланту Сумароковъ, конечно, стоялъ гораздо ниже Ломоносова, но его дѣятельность и стремленія не были безплодны для своего времени. Главная заслуга его заключается въ томъ, что, въ трагедіяхъ, сатирическихъ и критическихъ статьяхъ, онъ затрагивалъ живые вопросы, прямо касавшіеся жизни и интересовъ общества. Нападая на современные нравы, разсуждая о предметахъ нравственныхъ, политическихъ и литературныхъ, онъ распространялъ въ мало образованномъ обществѣ здравыя понятія о многихъ вещахъ, а главное, пробуждалъ въ немъ охоту къ чтенію и театру и этимъ, конечно, способствовалъ просвѣщенію общества. Имѣя множество враговъ между современными писателями, Сумароковъ несомнѣнно былъ любимцемъ современной публики.

б) Эпоха Императрицы Екатерины II.

§ 41. Во второй половинѣ XVIII столѣтія, въ достославную эпоху императрицы Екатерины II, хотя продолжалось господство ложно-классическаго направленія, но литературная дѣятельность значительно оживилась, благодаря тому, что въ это время появилось много очень даровитыхъ писателей, а главное въ литературу

и въ общее употребленіе внесены новые идеалы, выработанные философіею и поэзіею „просвѣтительнаго“ XVIII вѣка. Образованіе при Петрѣ Великомъ и первыхъ его преемникахъ имѣло цѣлью сообщать техническія знанія для того, чтобы приготовить необходимыхъ для государства дѣятелей. При Екатеринѣ II имѣлось въ виду распространять въ обществѣ новыя философскія идеи и прилагать ихъ къ государственному, общественному и частному быту. Элементы, которыми можно охарактеризовать направленіе науки и литературы при Екатеринѣ II, суть: 1) французская философія, проповѣдывавшая свободу и равенство и имѣвшая представителями, такъ называемыхъ, энциклопедистовъ (сотрудниковъ Энциклопедическаго словаря, издаваемаго французской академіей), 2) стремленіе къ народности, 3) перенесеніе къ намъ новыхъ литературныхъ формъ, напримѣръ, мѣщанской драмы и, наконецъ, 4) распространеніе масонства, которое явилось, какъ противодѣйствіе французской философіи, сомнѣвавшейся во многомъ, во что отъ начала міра вѣрили и вѣрятъ религіозные и добродѣтельные люди.

Новыми идеями, которыхъ представителями были въ Англіи Бэконъ, Ньютонъ и Локкъ, а во Франціи Монтескье, Вольтеръ, Руссо и другіе, проникласъ глубоко и сама императрица Екатерина Вторая, особа очень даровитая, высоко и разносторонне образованная. Главными явленіями, въ которыхъ выразилось ея сочувствіе новымъ идеямъ, слѣдуетъ признать: во-первыхъ, изданіе Наказа, или наставленія коммиссіи, которая была собрана въ Москвѣ для составленія новаго Уложенія; во-вторыхъ, открытіе новыхъ учебныхъ и воспитательныхъ заведеній, въ чемъ государынѣ особенно усердно помогали Бецкій и Янковичъ де-Миріево.

Литературная дѣятельность вѣка Екатерины II расширилась очень замѣтно, чему примѣръ подавала сама Императрица, написавшая много произведеній, преиму-

щественно сатирическихъ. Въ литературѣ замѣтны три направленія: 1) писатели въ своихъ разнообразныхъ сочиненіяхъ, подъ разными поэтическими формами, преимущественно формами поэмъ, одъ, трагедій, распространяютъ въ обществѣ гуманныя идеи, перенесенныя изъ Западной Европы; 2) руководимые тѣми же основными идеями, они, путемъ очерковъ, сатиръ и комедій, обличаютъ недостатки современнаго русскаго общества; наконецъ 3) въ хвалебной одѣ, въ героической поэмѣ и высокой трагедіи, рисуютъ идеалъ доблестнаго мужа, проникнутаго стремленіемъ къ высокимъ подвигамъ самоотверженія и патріотизма.

Представители литературы Екатерининскаго времени.

§ 42. Не столько по таланту изложенія, сколько по разнообразію содержанія, на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить сатирическіе журналы. Въ первое десятилѣтіе царствованія Екатерины II издавалось очень много журналовъ, подъ разными именами. Важнѣйшіе изъ нихъ: „Всякая всячина“ Козицкаго, „Трутень“ и „Живописецъ“ Новикова, извѣстнаго представителя масонства. Предметами журнальной сатиры служили пороки и недостатки, во-первыхъ, унаслѣдованные отъ древней до — Петровской эпохи, а во-вторыхъ, какъ слѣдствія неправильнаго усвоенія европейской цивилизаціи. Это тѣ же недостатки, которые осмѣивали Кантемиръ и Сумароковъ, только сатира времени Екатерины была суровѣе и руководилась при этомъ не общими соображеніями, а новыми гуманными идеями XVIII вѣка, которыя она старалась провести во всѣ сферы жизни. Корнемъ всѣхъ пороковъ древней русской жизни было невѣжество, какъ слѣдствіе недостатка правильнаго воспитанія. „Трутень“ и „Живописецъ“ описываютъ жестокости помѣщиковъ и старостъ относительно крестьянъ, бѣдность и рабство. Въ „Живописцѣ“ описывается деревня Раззоренная; въ ней страдаютъ дѣти, которыхъ ушедшіе на барскую работу родители оставили однихъ, въ

лукошкахъ, прицѣпленныхъ къ шестамъ, гдѣ они лежатъ безъ всякаго призора и плачутъ. Такъ какъ зло происходило между прочимъ отъ вреднаго вліянія французскихъ гувернеровъ, то и они изображаются въ „Живописцѣ“. Журналъ этотъ напечаталъ между прочимъ „Опытъ моднаго словаря щегольского нарѣчія“, откуда видно, до какого безобразія доходила смѣсь русскихъ словъ и оборотовъ съ иностранными. Рабское подражаніе иностранцамъ соединялось съ презрѣніемъ ко всему отечественному. Поэтому журналы осмѣивали подражательность, стараясь возбудить въ русскомъ обществѣ патріотизмъ, указывали на необходимость изучать свою страну, отечественную исторію, народную поэзію, языкъ. Исторія русской литературы по достоинству оцѣнила эти сатирическіе журналы. Во второй половинѣ XIX столѣтія нѣкоторые изъ нихъ изданы Ефремовымъ и другими библіографами, а Буличъ (проф. Казанскаго университета), Афанасьевъ и Добролюбовъ посвятили разбору ихъ нѣкоторыя изъ своихъ сочиненій.

Императрица Екатерина II. какъ писательница

§ 43. Видное мѣсто между писателями эпохи занимала сама Екатерина II не только по своему высокому положенію, но и по вліянію на общество. Она сначала участвовала въ журналѣ „Всякая всячина“, гдѣ помѣстила рядъ статей въ веселомъ и шутливомъ тонѣ, подъ названіемъ „Были и небылицы“. Въ нихъ много намековъ на современныхъ вельможъ, напримѣръ Шувалова, графа Румянцева. Потомъ она писала оперы и комедіи; изъ послѣднихъ выдѣляется „О время!“. Интересъ ея сосредоточивается на трехъ лицахъ, изображающихъ современные недостатки: Ханжахиной, Чудихиной и Вѣстниковой. По намѣреніямъ автора, въ пьесѣ проводятся и здравыя понятія о вѣрѣ и благочестіи и

вообще разумные взгляды на жизнь. Эти мысли высказываютъ Непустовъ и служанка Мавра. Занявшись воспитаніемъ своихъ внуковъ, Александра и Константина Павловичей, Екатерина издала „Выборныя Россійскія пословицы“ и „Сказки“, между прочимъ О царевичѣ Хлорѣ. Этотъ царевичъ былъ похищенъ какимъ-то киргизскимъ ханомъ, который послалъ его искать розу безъ шиповъ. Дочь хана, царевна Фелица, дала мальчику нѣсколько наставленій и обѣщала прислать на помощь своего сына Разсудокъ. Онъ помогъ царевичу исполнить трудное порученіе; тому же содѣйствовали старикъ и старуха: это—честность и правда, Фелица—счастье, роза безъ шиповъ—добродѣтель. Послѣ этой сказки имя Фелицы было въ поэзіи Державина присвоено самой Императрицѣ Екатеринѣ II. Екатерина II написала еще инструкцію графу Салтыкову, которому поручила воспитаніе внуковъ.

Фонъ-Визинъ (1744—1782).

§ 44. Какъ ни богаты содержаніемъ сатирическіе журналы, „Были и небылицы“ и комедіи Екатерины II, всѣ они стоятъ гораздо ниже сочиненій крупнаго представителя современной сатиры *Фонъ-Визина*, знаменитаго автора „Бригадира“ и „Недоросля“.

Частью изъ „Чистосердечнаго признанія“, написаннаго Фонъ-Визинымъ въ подражаніе „Исповѣди“ Руссо, частію изъ другихъ сочиненій, мы можемъ узнать, подъ какими вліяніями развивался его талантъ. Поэтъ самъ говоритъ, что отецъ его, своимъ примѣромъ и наставленіями, воспиталъ въ мальчикѣ здравый разсудокъ, честность, набожность и самостоятельный характеръ. Чувствительность и остроуміе замѣтны были въ немъ еще въ дѣтствѣ. Воспитаніе въ гимназіи, хотя Фонъ-Визинъ и изображаетъ его довольно каррикатурно, обогатило его значительнымъ запасомъ знаній и развило вкусъ къ словеснымъ наукамъ. На четырнадцатомъ году, въ бытность въ Петербургѣ, Фонъ-Визинъ былъ пораженъ великолѣпіемъ Двора и его увеселеніями, осо-

бенно-же театромъ. Изъ послѣдующей эпохи Фонъ-Визинъ упоминаетъ о столкновеніи съ разными людьми, о ѣдкихъ его сатирическихъ выходкахъ противъ этихъ людей и о множествѣ враговъ, которыхъ онъ нажилъ своею сатирою; но окружающее общество, зараженное вольнодумствомъ, невѣріемъ, легкомысліемъ, не уничтожило въ немъ добрыхъ сѣмянъ, положенныхъ еще съ дѣтства. Огъ увлеченій его удерживали постоянныя головныя боли, наслѣдованныя отъ матери, приносившія много страданій и заставлявшія Фонъ-Визина нѣсколько разъ ѣздить заграницу. Служилъ онъ сперва въ Иностранной коллегіи, потомъ при Кабинетъ-Секретарѣ Елагинѣ, который самъ былъ писателемъ и поощрялъ молодые литературные таланты.

§ 45. Фонъ-Визинъ пріобрѣлъ извѣстность при Дворѣ тѣмъ, что мастерски читалъ свою комедію „Бригадиръ" (1766 г.). Въ лицѣ Бригадира представленъ военный человѣкъ, который, благодаря вольности дворянства дослужившись бригадирскаго чина, вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ, чтобы пользоваться крестьянскимъ трудомъ. Въ лицѣ Совѣтника изображенъ типъ судьи; вслѣдствіе указа Екатерины о строгомъ преслѣдованіи лихоимства и взяточничества, онъ тоже переселился въ деревню, уже пріобрѣтенную прежде, во время службы. Въ этихъ лицахъ, кромѣ прежнихъ свойствъ, замѣтно чувство чиновной гордости, развитое табелью о рангахъ. Въ противоположность имъ, въ лицѣ Совѣтницы и Иванушки, представлена крайность новаго направленія, гдѣ честь и достоинство человѣка основаны на просвѣщеніи, но только просвѣщеніе понималось самымъ уродливымъ образомъ, обращаясь въ какое-то безсмысленное обезьянство. Идеальными лицами (по обычаю комедіи XVIII вѣка) являются Софья и Добролюбовъ. Въ лицѣ ихъ указаны средства противъ развращенія нравовъ — разумное воспитаніе и строгое правосудіе.—Другая, гораздо болѣе важная комедія Фонъ-Визина „Недоросль", написана въ 1782 г., въ эпоху зрѣлости его таланта и во время наибольшаго распространенія въ обществѣ идей Наказа о воспитаніи, образованіи и управленіи. Нѣкоторыя мѣста

комедіи буквально повторяютъ правила Наказа. Въ „Недорослѣ“ такъ же, какъ и въ „Бригадирѣ“, сопоставляются два поколѣнія: старое и новое, и изображаются примѣры домашняго воспитанія, подъ вліяніемъ грубыхъ, невѣжественныхъ родителей, а съ другой — образцы новаго воспитанія, но уже не отрицательно, какъ въ „Бригадирѣ“, а со стороны идеальной. Главныя лица комедіи—Простакова и Стародумъ. Простакова— грубая, взбалмошная женщина, какъ теперь говорятъ, самодурка. Она хвастается тѣмъ, что принадлежитъ къ роду Скотининыхъ, въ которомъ никого не учили, а достаточекъ нажить и сохранить умѣли. Какъ мать и хозяйка, она—„презлая фурія, которой адскій нравъ дѣлаетъ несчастіе цѣлаго дома“. Этотъ нравъ особенно ясно виденъ въ сценахъ съ портнымъ Тришкой, няней Еремѣевной и братомъ Скотининымъ. Съ такимъ же бѣшенствомъ она накидывается на Софью, узнавши, что та получила письмо отъ своего дяди Стародума, котораго считали умершимъ, но онъ оказался живъ. Легко понять, какой сынъ могъ воспитаться подъ наблюденіемъ такой матери. Митрофанушка — „матушкинъ сынокъ“, избалованный матерью, которая заботилась только о томъ, чтобы онъ былъ сыто накормленъ. Изъ него вышло грубое и лѣнивое животное. Опасаясь лишить своего избалованнаго сынка дворянскихъ правъ, Простакова нанимаетъ для него учителей, которыхъ невѣжество изображено въ разныхъ сценахъ, особенно въ сценахъ ученья и экзамена. Но Простакова не умѣла привлечь къ себѣ расположеніе сына. Лишенная власти дѣлать зло, она бросается къ Митрофанушкѣ и обнимаетъ его, но Митрофанушка отвѣчаетъ: „Да отвяжись, матушка! какъ навязалась!“ Это былъ для нея самый жестокій ударъ. Очнувшись отъ обморока, она въ отчаяніи говоритъ: „погибла я совсѣмъ! отнята у меня власть! отъ стыда никуда глазъ показать нельзя. Нѣтъ у меня сына!“ Картину грубаго невѣжества людей ста-

раго воспитанія дополняетъ собою братъ Простаковой, Тарасъ Скотининъ. Порочнымъ или „злонравнымъ“ лицамъ противопоставляются лица добродѣтельныя или благонравныя. Главное изъ нихъ Стародумъ. Хотя его имя означаетъ человѣка, думающаго по старому, и авторъ относитъ его воспитаніе и службу къ эпохѣ Петра Великаго, но этотъ Стародумъ высказываетъ мысли вовсе не старыя, а тѣ, которыя именно принадлежатъ къ Екатерининской эпохѣ. Въ его рѣчахъ выражаются новые взгляды и въ то же время протестъ противъ тѣхъ новомодныхъ идей, которыя получили одностороннее и ложное развитіе. Длинные разговоры его съ Правдинымъ, Софьей и Милономъ, хотя нѣсколько замедляютъ дѣйствіе, но въ свое время они очень интересовали зрителей, выражая лучшія стремленія вѣка. Когда спустя сто лѣтъ, въ 1882 году, пьеса снова была поставлена на сцену, публика интересовалась этими длинными разговорами. Въ нихъ выражаются понятія о воспитаніи и образованіи, о долгѣ и службѣ, и рисуется идеалъ человѣка, истинно образованнаго, любящаго свое отечество и стремящагося всѣми мѣрами быть ему полезнымъ. Другія добродѣтельныя лица суть: Правдинъ, Софья и Милонъ. Они говорятъ очень мало и изображеніе ихъ не отличается рельефностью. Стародумъ и Правдинъ имѣютъ важное значеніе въ пьесѣ, какъ выразители новыхъ идей и необходимые для развязки пьесы. Это лица совершенно идеальныя, не изъ жизни взятыя, но созданныя умомъ автора. Къ недостаткамъ „Недоросля“, равно какъ и „Бригадира“, слѣдуетъ отнести преувеличеніе и каррикатурность, особенно въ изображеніи Скотинина и учителей.

Большая часть остальныхъ поэтическихъ произведеній Фонъ-Визина повторяютъ то, что было сказано въ „Бригадирѣ“ и „Недорослѣ“. Изъ прозаическихъ заслуживаютъ вниманія упомянутое выше „Чистосердечное признаніе“ и цѣлый рядъ писемъ изъ-за границы. Они показываютъ въ авторѣ глубокую

наблюдательность и тонкій критическій умъ. Сужденія его о заграничной жизни иногда строги и суровы, но за то они проникнуты патріотизмомъ, что представляетъ полный контрастъ сужденіямъ разныхъ Иванушекъ и Совѣтницъ.

Державинъ (1743—1816).

§ 46. Знаменитый пѣвецъ „Фелицы" Гавріилъ Романовичъ Державинъ пользовался уваженіемъ не только современниковъ, но и потомства, какъ энергичный, честный и гуманный общественный дѣятель и какъ талантливый поэтъ.

Державинъ называетъ себя потомкомъ татарскаго мурзы Багрима, перешедшаго изъ Золотой орды въ Россію въ княженіе Василія Темнаго. Отецъ его былъ помѣщикъ села Кармоли, верстахъ въ 40 отъ Казани. По смерти отца сосѣдніе помѣщики завладѣли частью оставленной вдовѣ земли, и обиженная женщина нигдѣ не могла найти себѣ управы и защиты. Это обстоятельство имѣло серьезное вліяніе на поэта, который всю жизнь ратовалъ за правду и усердно защищалъ вдовъ и сиротъ. Во время ученія въ первой казанской гимназіи, Державинъ усовершенствовался въ нѣмецкомъ языкѣ (которому выучился еще въ Оренбургѣ), что дало ему возможность познакомиться съ произведеніями нѣмецкихъ поэтовъ, напримѣръ, Геллерта, Клейста, Гердера, Клопштока. Въ 1762 году онъ поступилъ въ Преображенскій полкъ солдатомъ. Когда для усмиренія пугачевскаго бунта посланъ былъ Бибиковъ, онъ взялъ съ собою Державина, какъ знающаго казанскій край. Въ это время онъ сочинилъ рѣчь отъ имени казанскаго дворянства, въ отвѣтъ на рескриптъ государыни, которая, называя себя казанской помѣщицей, объявила, что со своихъ дворцовыхъ волостей она даетъ на службу по рекруту съ каждыхъ 200 душъ. Въ 1777 году Державинъ перешелъ на гражданскую службу въ сенатъ. Составленный имъ проэктъ экспедиціи о государственныхъ доходахъ и расходахъ заслуживаетъ удивленія, показывая, какъ Державинъ въ короткое время достаточно ознакомился съ законами и положеніемъ финансовой части въ Россіи. Между службой онъ занимался и поэзіей и около 1780 года написалъ свои лучшія оды; онѣ прославили его, но и вызвали много завистниковъ и враговъ. Между послѣдними былъ и начальникъ поэта, князь Вяземскій; по его мнѣнію, поэтъ не можетъ быть полезнымъ чиновникомъ. Впро-

чемъ Державинъ и самъ былъ виноватъ въ дурныхъ къ нему отношеніяхъ. Хотя онъ былъ справедливъ и честенъ, но чрезвычайно горячъ; стремясь къ правдѣ, самъ поступалъ несправедливо, а въ справедливомъ дѣлѣ не зналъ мѣры; въ сношеніяхъ съ людьми онъ нерѣдко обнаруживалъ рѣзкость и придирчивость. Въ 1784 году онъ былъ сдѣланъ Олонецкимъ губернаторомъ, потомъ ту же должность занималъ въ Тамбовской губерніи, гдѣ много сдѣлалъ для благоустройства города, самой губерніи и уѣзднаго управленія; даже у себя въ домѣ онъ устроилъ школу, давалъ вечера, на которые собиралъ помѣщиковъ и чиновниковъ; устроилъ театръ, гдѣ между прочимъ 24 ноября, въ день ангела Императрицы, давалась пьеса Веревкина „Такъ и должно". Но и въ Тамбовѣ Д. имѣлъ столкновеніе съ намѣстникомъ Гудовичемъ. Пріѣхавши въ Петербургъ, онъ долженъ былъ оправдываться, а между тѣмъ написалъ нѣсколько одъ и извѣстную пѣсню „Громъ побѣды раздавайся". Императрица помиловала поэта и даже назначила его своимъ кабинетъ-секретаремъ. Но здѣсь стремленіе къ правдѣ, забота о точномъ соблюденіи законовъ, охладили къ нему и Императрицу, которая во многихъ дѣлахъ, сообразуясь съ политикою и различными общественными отношеніями, руководствовалась правиломъ: „живи и жить давай другимъ". Потомъ онъ былъ сенаторомъ, а при Александрѣ I — министромъ юстиціи, хотя реформамъ государя не сочувствовалъ. Послѣднія 13 лѣтъ своей жизни Державинъ провелъ въ отставкѣ, въ своемъ имѣніи Званка (Новгородской губ., въ 5 верстахъ отъ станціи Волховъ). За годъ до смерти, на экзаменѣ въ Царскосельскомъ лицеѣ, Державинъ увидѣлъ Пушкина, который прочиталъ передъ нимъ „Воспоминаніе въ Царскомъ селѣ" и, говоря потомъ объ этой встрѣчѣ съ С. Т. Аксаковымъ, старикъ сказалъ, что скоро явится свѣту второй Державинъ, это — Пушкинъ, который уже въ лицеѣ перещеголялъ всѣхъ писателей. Въ концѣ жизни Державинъ пристрастился къ драматической формѣ, но талантъ его уже ослабѣлъ, и между грудами камней, угля и пепла, только иногда мелькали свѣтлыя искры прежняго огня. Державинъ умеръ 9-го іюня 1816 года. Въ Казани ему поставленъ памятникъ.

§ 47. Сочиненія Державина изображаютъ важнѣйшія событія и всѣхъ главнѣйшихъ дѣятелей царствованія Екатерины II, и поэтому его справедливо называютъ пѣвцомъ Екатерины. Обладая сильнымъ талантомъ, онъ чутьемъ угадывалъ идеи своего времени, проникнутъ былъ глубокимъ чувствомъ народности, а

свои мысли выражалъ въ яркихъ, поразительныхъ образахъ, созданныхъ его блестящей фантазіей. — Поэзія Державина въ своемъ развитіи представляетъ два направленія. Первое идетъ отъ начальныхъ опытовъ въ стихотворствѣ (1770) до оды „Успокоенное невѣріе" (1779), которая служитъ переходомъ ко второму, вполнѣ раскрывшемуся въ одѣ „Фелица". Первыя его лирическія произведенія, напримѣръ, „На рожденіе на Сѣверѣ порфиророднаго отрока" (Александра I), носятъ строго классическій характеръ и возвышенный тонъ, что замѣтно и во второмъ періодѣ, въ тѣхъ одахъ, которыя написаны на побѣды. Съ 1779 г. Державинъ, руководствуясь одами Горація и совѣтами друзей, перешелъ къ простотѣ и естественности, обнаруживая притомъ стремленіе къ шуткѣ и къ народности. Это новое направленіе выражено въ стихотвореніи „Памятникъ" (1796), гдѣ онъ говоритъ, что первый „дерзнулъ въ забавномъ русскомъ слогѣ о добродѣтеляхъ Фелицы возгласить, въ сердечной простотѣ бесѣдовать о Богѣ и истину царямъ съ улыбкой говорить". То же выражается и въ одѣ „Видѣніе мурзы" словами: „и въ шуткахъ правду возвѣщу". Съ начала 90-хъ годовъ въ одахъ встрѣчаются черты Оссіановской поэзіи, а въ старости подражаніе Анакреону. Но при этихъ указанныхъ направленіяхъ въ поэзіи Державина постоянно и рѣзко выражаются народные элементы, особенно въ произведеніяхъ послѣднихъ годовъ. Подражаніе Пиндару отразилось въ возвышенномъ тонѣ, а Горацiо — въ сатирическомъ. Это соединеніе высокаго элемента съ сатирическимъ отличаетъ оды Державина отъ одъ Ломоносова и его послѣдователей, такъ что Фелица, въ которой особенно выразились эти свойства, сдѣлалась образцомъ новой оды. Спустившись съ классическихъ и миѳологическихъ высотъ на землю, она стала сближаться съ настоящей человѣческой жизнію, сдѣлалась проще и естественнѣе, такъ что Д—а можно назвать предшественникомъ Пушкина.

§ 48. Оды Державина можно раздѣлить на хвалебныя, религіозныя и философскія.

Хвалебныя оды составляютъ прекрасный памятникъ царствованія Екатерины. Идея знаменитой оды „Фелица“, была внушена Державину сказкой Екатерины о царевичѣ Хлорѣ, и поэтъ въ первыхъ двухъ строфахъ проситъ Фелицу научить его добродѣтели; затѣмъ изображаетъ ея качества: простоту въ образѣ жизни, постоянныя занятія въ тиши кабинета, удаленіе отъ всего страннаго. Въ противоположность простой и благотворной жизни Екатерины, Державинъ, въ лицѣ самого себя, изображаетъ изнѣженную и полную причудъ, странностей и пороковъ—жизнь ея придворныхъ, имѣя въ виду преимущественно Потемкина, Орлова, Панина, Нарышкина, Вяземскаго. Во второй половинѣ поэтъ описываетъ дѣятельную жизнь Екатерины, ея любовь къ литературѣ, кротость, человѣколюбіе, правосудіе, и противополагаетъ ея дѣйствія правленію Анны и Елисаветы. Съ этою одою связаны двѣ другія: *Благодарность Фелицѣ* и *Видѣніе мурзы*. Въ этой послѣдней, кромѣ оправданій Державина и объясненія касательно его поэтической дѣятельности, мы видимъ портретъ Екатерины, какъ ее тогда изображали лучшіе живописцы, идеалъ счастія, по понятію Державина, и мысль что поэзія должна имѣть цѣлью поученіе. Оба стихотворенія дополняютъ портретъ Фелицы новыми чертами.

Кромѣ Екатерины Державинъ воспѣвалъ и ея сотрудниковъ на разныхъ поприщахъ: военномъ, гражданскомъ и просвѣтительномъ. Потемкинъ изображенъ въ одѣ „*Водопадъ*“ (по случаю посѣщеніе Державинымъ водопада Кивачъ въ день смерти полководца). Ода „*Вельможа*“ написана въ честь Румянцева, а ода *На взятіе Варшавы* — въ честь Суворова. Въ этихъ произведеніяхъ описанія картинъ природы напоминаютъ поэзію Оссіана. Шувалову, котораго Державинъ считалъ своимъ благодѣтелемъ, посвящены „*Эпистола*“ (1781) и „*Урна*“.

Изъ религіозныхъ одъ Державинъ особенно прославился одою „*Богъ*“ (1784). Она произвела всеобщій восторгъ, была выучиваема наизусть, переведена на многіе языки. По объясненію Грота, она есть созданіе совершенно оригинальное въ цѣломъ и только въ нѣкоторыхъ частностяхъ сходна съ произведеніями нѣмецкихъ лириковъ. Къ этой же группѣ слѣдуетъ отнести и тѣ стихотворенія, которыя написаны противъ скептиковъ, напримѣръ, *Успокоенное невѣріе*, *Безсмертіе души*. Подъ конецъ жизни къ религіозному настроенію сталъ примѣшиваться мистицизмъ. Поэтъ вездѣ видѣлъ знаменательные символы, имена и числа, и толковалъ ихъ примѣнительно къ современнымъ событіямъ и лицамъ, напримѣръ, къ Наполеону и Александру Благословенному.—По обычаю своего времени, Державинъ упражнялся и въ переложеніи псалмовъ.

Нравственно-философскія оды имѣютъ поучительный характеръ. Подобно Горацію, Державинъ хвалитъ въ нихъ сельскій трудъ, совѣтуетъ искать счастія въ семьѣ, въ скромной умѣренности и въ золотой серединѣ. Но чаще всего, при изображеніи современной жизни, Державинъ любилъ указывать на бренность земныхъ благъ и скоропреходимость земныхъ наслажденій, на краткость жизни и неизбѣжность смерти. Въ одѣ „*Ко второму сосѣду*“ тоже высказывается мысль о непрочности земного счастія и человѣческихъ замысловъ. Прочную славу человѣка составляютъ его дѣла, и Державинъ въ одѣ: „*Памятникъ герою*“, рисуетъ идеалъ истиннаго величія и достоинства человѣческаго.

Кромѣ одъ у Державина есть цѣлая группа мелкихъ лирическихъ произведеній, составляющихъ, такъ называемую, легкую поэзію; ихъ принято называть еще анакреонтическими и антологическими; лучшимъ изъ нихъ Бѣлинскій считаетъ „*Рожденіе красоты*“. Сюда же относятся *Тишина*, *Вѣнчаніе Леля*, *Похвала Розѣ*, *Кузнечикъ*. Въ этихъ стихахъ много граціи и своеобразной

прелести. Въ этомъ отношеніи Державинъ стоялъ выше современныхъ стихотворцевъ, уступая имъ въ гладкости и легкости стиха. Нѣкоторые изъ нихъ были положены на музыку и распѣвались еще во времена Пушкина (см. оперу Чайковскаго, Пиковая Дама).

§ 49. Державинъ несомнѣнно владѣлъ могучимъ талантомъ, но онъ не получилъ ни научнаго, ни художественнаго образованія. Это былъ самоучка и самородокъ, поражающій блескомъ и цѣльностью своей природы и грубостью внѣшней формы. Глубоко проникая въ сущность вещей, единственно по природному чутью, Державинъ, по недостатку образованія, не могъ иногда разобраться въ разныхъ недоразумѣніяхъ и впадалъ въ противорѣчіе. Напримѣръ, будучи глубоко религіознымъ и вѣрующимъ человѣкомъ, онъ иногда самъ, какъ будто не замѣчая, высказывалъ скептическія мысли, напримѣръ, въ одѣ „*На смерть князя Мещерскаго*". Строгій моралистъ, онъ рисовалъ часто эпикурейскія картины жизни. Та же невыдержанность замѣтна и въ слогѣ: подлѣ величественныхъ образовъ встрѣчаются картины вульгарныя; рядомъ съ пластическими выраженіями, плавными, мягкими и звучными, попадаются выраженія тяжелыя, неуклюжія, запутанныя. Особенно поражаетъ въ Державинѣ наклонность къ гиперболизму. Но недостатки художественной стороны не уничтожаютъ высокихъ достоинствъ содержанія его поэзіи: Державинъ являлся въ своихъ сочиненіяхъ проповѣдникомъ высокихъ общечеловѣческихъ идей, о Богѣ, о безсмертіи души, о правдѣ и долгѣ, а кромѣ того—выразителемъ внѣшней силы и внутренняго величія Россіи въ эпоху Екатерины II.

Второстепенные писатели Екатерининскаго времени.

§ 50. Вокругъ первоклассныхъ писателей второй половины XVIII вѣка группируется нѣсколько второстепенныхъ, дополняющихъ картину развитія литературы.

Авторъ поэмы „Россіада“ Херасковъ (1733—1807) былъ глубоко почитаемъ современниками болѣе, какъ человѣкъ просвѣщенный и гуманный, нежели какъ поэтъ. Въ Россіадѣ воспѣвается покореніе Казани Іоанномъ Грознымъ. Авторъ, очевидно, подражаетъ Иліадѣ, Энеидѣ, Освобожденному Іерусалиму Тасса и Генріадѣ Вольтера, отчего въ поэмѣ много несообразнаго. Іоаннъ Грозный, русскіе казаки и воеводы, а также и защитники Казани, представляются чудесными героями и крестоносцами; подобно Виргилію и Вольтеру, Херасковъ заставляетъ пустынника Вассіана вести царя на гору, въ храмъ добродѣтели, и тамъ, въ книгѣ судебъ, читать будущую судьбу Россіи. Другая поэма „Владиміръ“, изображающая принятіе христіанства при Владимірѣ Святомъ, полна такихъ же несообразностей. Хераскову принадлежитъ еще нѣсколько повѣстей, напримѣръ Нума Помпилій, или Процвѣтающій Римъ. Въ ней авторъ, въ образѣ древняго римскаго царя, изображаетъ Екатерину, которая въ законодательство, воспитаніе и образованіе народа стремилась внести гуманныя начала новой философіи и сама на престолѣ являлась государемъ-философомъ. Бѣдствія революціи изображены еще въ повѣсти: „Царь, или спасенный Новгородъ“.

Къ кружку даровитыхъ писателей, группировавшихся вокругъ Хераскова, относится и Богдановичъ (1743—1803), авторъ знаменитой поэмы „Душенька“. Сюжетъ ея есть передѣлка повѣсти баснописца Лафонтена: „Любовь Психеи и Купидона“, а Лафонтенъ взялъ содержаніе изъ романа Апулея, „Превращеніе золотого осла“. Въ основѣ этихъ превращеній выражается состояніе души, погрязшей въ грѣхѣ, но потомъ очистившейся нравственно. Въ лицѣ Психеи авторъ изображаетъ душу женщины, которая, сдѣлавшись невольницей любви, должна пройти рядъ суровыхъ испытаній, чтобы сдѣлаться достойной невѣстой бога любви. Французскій поэтъ Лафонтенъ, оставивъ въ сторонѣ внутренній смыслъ миѳа, взялъ внѣшнія событія и изложилъ ихъ въ веселомъ, игривомъ стилѣ, согласно съ современнымъ вкусомъ, который любилъ смѣшивать полезное съ пріятнымъ и событія изъ древней миѳологіи и исторіи приспособлялъ къ современнымъ нравамъ. Такъ же поступилъ и Богдановичъ, у котораго Душенька является чисто русской дѣвицей, въ обстановкѣ русскихъ нравовъ, и ея приключенія разсказываются съ соблюденіемъ разныхъ сказочныхъ мотивовъ, съ прибавкой новыхъ прикрасъ и преувеличеній. Въ такомъ искаженномъ видѣ поэмы обоихъ писателей получали характеръ пародій, напоминающихъ бывшія въ 60 годахъ XIX стол. въ модѣ оперетки изъ греческой миѳологіи.

Баснописецъ Иванъ Ивановичъ Хемницеръ (1745—1784), былъ нѣмецъ изъ Хемница въ Саксоніи. Его басни гораздо лучше неуклюжихъ, тяжелыхъ басенъ Сумарокова: онѣ просты и въ разсказѣ и въ языкѣ. Кромѣ тонкой ироніи, здраваго смысла и знанія жизни, въ нихъ есть указанія на современныя событія и на симпатичный характеръ автора, скромный, добрый и честный. Мысль, что въ свѣтѣ имѣютъ успѣхъ только знатные и богатые, что гораздо труднѣе живется скромнымъ и бѣднымъ людямъ, онъ выразилъ въ баснѣ „Гадатель". Но, несмотря на это, Хемницеръ восхваляетъ умъ, трудъ, честность и правду (басня „*Совѣтъ старика*"). Во время путешествія по Европѣ, Хемницеру особенно понравилась трудолюбивая Германія, которую онъ сравнилъ съ ульемъ, гдѣ живутъ трудолюбивыя пчелы. Это впечатлѣніе выражено въ баснѣ: „*Пчела и мудрецъ*". Но, восхваляя умъ и знанія, Хемницеръ возстаетъ противъ хитраго умничанья въ знаменитой баснѣ „*Метафизикъ*". У Хемницера есть серьезныя истины и наставленія, касающіяся общественнаго и государственнаго быта (*Привязанная собака, Паукъ и муха, Волчье разсужденіе*).

Въ драматической поэзіи преемникомъ Сумарокова былъ другъ его *Княжнинъ* (1742—1791), отличавшійся напротивъ скромностью и даже застѣнчивостью. Его образованность и симпатичныя черты характера привлекали къ нему общее сочувствіе. Ученый писатель любилъ поэзію, и молодые поэты находили у него самый теплый пріютъ. Произведенія его суть трагедіи, комедіи и оперы. По таланту Княжнинъ былъ ниже Сумарокова, и отъ того комедіи его представляются довольно грубыми, но въ нихъ много жара, одушевленія и драматическаго движенія. Комедія *Дидона* 40 лѣтъ не сходила со сцены. Въ ней описывается торжество долга и обязанности къ отечеству надъ любовью. На ту же тему о любви къ отечеству написана и трагедія „*Росславъ*". Вообще трагедіи Княжнина, несмотря на множество художественныхъ недостатковъ, охотно слушались публикою и имѣли на нее благотворное вліяніе, представляя величіе души, патріотизмъ, сознаніе долга. Изъ комедій лучшія: „*Хвастунъ*" и „*Чудаки*", а изъ оперъ: „*Несчастіе отъ кареты*" и „*Збитеньщикъ*". Всѣ эти произведенія, изображая современные нравы, пользовались успѣхомъ. Вообще Княжнинъ былъ однимъ изъ передовыхъ образованныхъ дѣятелей Екатерининской эпохи. Онъ былъ сотрудникомъ Бецкаго по воспитательнымъ учрежденіямъ.

Въ царствованіе императора Павла большимъ успѣхомъ пользовалась комедія Капниста (1767—1828) „*Ябеда*", касавшаяся самыхъ вредныхъ и самыхъ распространенныхъ въ то время въ

обществѣ пороковъ — ябеды и взяточничества. Эта пьеса относится къ числу такъ называемыхъ общественныхъ комедій, подобно важнѣйшимъ произведеніямъ Фонъ-Визина, Грибоѣдова и Гоголя. Комедія оканчивается торжествомъ правды и наказаніемъ кривосудія и ябеды. Пьеса эта нажила Капнисту много враговъ и ее поставили на сцену только по приказанію императора Павла.

Во время Княжнина и Капниета произошли измѣненія въ характерѣ драматической поэзіи, начало чему было положено на Западѣ Европы, гдѣ образовалось такъ называемое среднее сословіе, а потомъ и низшее. Изъ жизни этихъ сословій стали брать и сюжеты; героями являлись мѣщане, купцы, ремесленники, мелкіе чиновники. Въ пьесахъ изображались неважныя событія домашней жизни; большое вниманіе обращали на жизнь сердца, такъ что литература получила названіе сентиментальной. Это измѣненіе особенно обнаружилось въ драмѣ. Здѣсь стали смѣшивать трагическое и комическое, какъ это бываетъ въ жизни на каждомъ шагу. Свободно нарушали законъ трехъ единствъ, избѣгали высокаго слога, рѣчь стихотворную замѣнили прозаической. Пьесы этого рода назывались мѣщанскими драмами или слезными комедіями. Въ Россіи средняго сословія не было, но къ нему близко подходили такъ называемые мѣщане, и ихъ—то жизнь послужила новымъ матеріаломъ для драмы. Начало положилъ современникъ Сумарокова и Фонъ-Визина *Лукинъ* (1733—1794). Его пьесы, впрочемъ, успѣха не имѣли. Счастливѣе были *Веревкинъ* и *Клушинъ*, извѣстный въ то время актеръ *Плавильщиковъ* и наконецъ *Аблесимовъ* (1742—1784), авторъ извѣстной комической оперы „Мельникъ". Въ ней много простонароднаго элемента и куплеты изъ нея долго потомъ распѣвались публикой.

Въ исторіи русскаго просвѣщенія въ концѣ XVIII вѣка видное мѣсто занимаетъ издатель *„Трутня"* и *„Живописца"* *Н. И. Новиковъ* (1743—1816). Сначала живя въ Петербургѣ, онъ занимался главнымъ образомъ литературой, а переселившись въ Москву, къ литературѣ присоединилъ широкую образовательную и филантропическую дѣятельность и, кромѣ журналовъ, онъ, какъ патріотъ, стремился знакомить русскихъ людей съ ихъ исторіею. Для этой цѣли въ 1772 году онъ издалъ *„Опытъ историческаго словаря о русскихъ писателяхъ"*, съ котораго, собственно говоря, ведетъ начало разработка исторіи русской литературы. Въ словарѣ Новикова дано мѣсто свѣдѣніямъ біографическимъ, указываются сочиненія писателя и приводится краткая оцѣнка его литературныхъ достоинствъ. Въ 1773 году Новиковъ началъ издавать *Древне-русскую вивліофику*, которой цѣль была: начертаніе нравовъ

и обычаевъ нашихъ предковъ, чтобы мы познали великость духа ихъ, украшеннаго простотою". Въ Москвѣ Новиковъ сблизился съ Шварцемъ, который пріѣхалъ въ Россію съ педагогическими цѣлями. Научившись русскому языку, онъ сталъ заботиться объ образованіи молодыхъ людей и пріобрѣлъ глубокое сочувствіе и благодарность всего московскаго общества. Благотворительная и просвѣтительная дѣятельность Новикова и Шварца была необыкновенно обширна. Чтобы пріохотить молодыхъ людей заниматься науками, Шварцъ въ 1782 году составилъ „Дружеское ученое общество", которое помогало профессору въ его просвѣтительной дѣятельности. Литературная дѣятельность Новикова въ Москвѣ была направлена противъ Вольтера и Руссо. Она выражалась въ журналахъ: „Утренній свѣтъ", „Вечерняя заря", „Покоющійся трудолюбецъ". Но дальнѣйшая судьба Новикова была печальна. Крупный дѣятель въ масонствѣ, онъ подвергся жестокому преслѣдованію и аресту. Императоръ Павелъ освободилъ его въ первый день своего царствованія. Новиковъ прожилъ потомъ еще нѣсколько лѣтъ и умеръ, сохраняя глубокое уваженіе къ наукѣ и къ религіи.

Литература XIX столѣтія.

I.

Эпоха Императора Александра I-го.

---

§ 51. Императоръ Александръ I, вступая на престолъ (12 марта 1801 года), выразилъ готовность управлять Имперіею „по сердцу бабки своей, по ея премудрымъ намѣреніямъ". Поставляя въ единомъ законѣ начало и источникъ народнаго блаженства, онъ предполагалъ, изданіемъ разумнаго, стройнаго законодательства, разсѣять мракъ, обдержащій равно судью и подсудимаго. Понятенъ послѣ этого восторгъ, съ какимъ русское общество (въ лицѣ Державина и Карамзина) встрѣтило зарю новаго царствованія. Самая личность юнаго, прекраснаго, великодушнаго монарха влекла къ себѣ сердца всѣхъ. Въ немъ Екатерина воскресла изъ гроба. Новое царствованіе съ самаго начала заявляло себя дѣйствіями, которыя не могли не произвести на общество сильнаго впечатлѣнія. Указы первыхъ двухъ мѣсяцевъ царствованія говорятъ о мягкой терпимости, справедливости, открыто признаютъ недостатки правленія и высказываютъ желаніе ихъ исправить. Молодого монарха окружали просвѣщенные сотрудники, проникнутые лучшими, даже либеральными стремленіями (Но-

восильцевъ, Кочубей, Строгановъ и др.). Гуманное настроеніе государя и его сотрудниковъ скоро отразилось и на просвѣщеніи и на литературѣ. Прежде всего Александръ явился покровителемъ наукъ и искусствъ. Солидные ученые труды поощрялись наградами, пособіями на изданіе. Въ это время изданы были, между прочимъ, переводы капитальныхъ сочиненій, напримѣръ Адама Смита О народномъ богатствѣ, Беккарія—О наказаніяхъ, Монтескье—Духъ законовъ. Появились сборники указовъ прежнихъ царствованій. Неудивительно, что при такихъ условіяхъ расширялась литературная дѣятельность сравнительно съ предыдущими эпохами: быстро увеличилось число изданій и частныхъ типографій. Народное образованіе сдѣлалось предметомъ особой заботливости государя. Создалось отдѣльное Министерство, и первый министръ, Завадовскій, самъ человѣкъ просвѣщенный и благонамѣренный, окружилъ себя дѣятельными сотрудниками; между ними было нѣсколько молодыхъ ученыхъ и литераторовъ. Помимо заботъ о народномъ образованіи, они продолжали заниматься литературой, какъ члены только что возникшаго Вольнаго общества любителей словесности, наукъ и художествъ. Хотя оно было еще въ зародышѣ, но въ немъ видны уже были двѣ струи: литературная и политическая. Литературное направленіе выражалось сочиненіемъ или разборомъ разныхъ литературныхъ произведеній, большею частью стихотворныхъ, въ чувствительномъ вкусѣ, а политическое—переводами свободомыслящихъ историковъ и публицистовъ XVIII столѣтія и собственными трудами участниковъ. Въ 1804 г. былъ составленъ Цензурный Уставъ, проникнутый идеею о свободѣ печатнаго слова; конечно, въ виду разныхъ явленій внѣшней политики и проникновенія въ Россію либеральныхъ идей, этотъ уставъ въ практическомъ примѣненіи нерѣдко былъ чуждъ единства и послѣдовательности. — Въ первое десятилѣтіе значи-

тельно развилась журналистика. Основались два оффиціальныя изданія: Періодическія сочиненія о успѣхахъ народнаго просвѣщенія и С.-Петербургскій журналъ. Въ послѣднемъ помѣщались оффиціальные указы, доклады и отчеты, а въ неоффиціальномъ отдѣлѣ сочиненія и переводы, относящіеся до государственнаго управленія. Неоффиціальныя изданія: Новости Русской Литературы и Ипокрена (при Московскихъ Вѣдомостяхъ). Въ Ипокренѣ имѣлось въ виду помѣщать соотвѣтственныя, отборныя и оцѣненныя здравою и безпристрастною критикою, сочиненія. Главными сотрудниками были студенты Московскаго Университета. Имъ же принадлежала Утренняя Заря, труды воспитанниковъ Университетскаго Благороднаго пансіона. Издаваемый Карамзинымъ Вѣстникъ Европы можно считать для своего времени журналомъ солиднымъ (см. литературную дѣятельность Карамзина).

§ 52. Представителями литературной критики разсматриваемаго времени можно признать во-первыхъ Карамзина, въ его критическихъ замѣткахъ, помѣщенныхъ въ Московскомъ журналѣ. Шишковъ (первый славянофилъ, противникъ Карамзина въ вопросѣ о слогѣ) тоже владѣлъ сильнымъ критическимъ умомъ, хотя исходившимъ изъ положеній не совсѣмъ правильныхъ. С. Т. Аксаковъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ называетъ тонкимъ, во многомъ справедливымъ и остроумнымъ его разборъ трагедіи Озерова Дмитрій Донской. Жуковскій (въ письмѣ изъ уѣзда къ издателю Вѣстника Европы) выражаетъ мысль, что критика у насъ еще преждевременна. „Критика и роскошь—дочери богатства, а мы еще не крезы въ литературѣ. Замѣтно ли у насъ сіе дѣятельное, повсемѣстное усиліе умовъ, желающихъ производить или пріобрѣтать, которое требовало бы вѣрнаго направленія, которое надлежало бы подчинить законамъ разборчивой критики. Сначала дадимъ свободу раскрыться нашимъ геніямъ, потомъ уже, указы-

вая на красоты ихъ и недостатки, можемъ сказать читателю и автору: восхищайся, подражай, будь остороженъ. Въ этихъ трехъ словахъ заключается вся сущность критики". Замѣчательно, что здѣсь уже употреблено слово „направленіе".—Распространенію здравыхъ эстетическихъ понятій много содѣйствовало появленіе сочиненія Лонгина „О высокомъ", въ переводѣ Мартынова, и „Начертанія теоріи изящныхъ искусствъ" Мейнерса въ переводѣ Сохацкаго.

Карамзинъ (1766–1826).

§ 53. Важнѣйшимъ представителемъ русской литературы въ эпоху Императора Александра I слѣдуетъ признать Карамзина, воспитаннаго подъ руководствомъ Новикова и проникнутаго мыслью, что просвѣщеніе дѣлаетъ человѣка добродѣтельнымъ и счастливымъ. Его литературная дѣятельность, носившая характеръ высокой гуманности и такъ называемаго сентиментализма, имѣла огромное вліяніе на современное общество.

Николай Михайловичъ Карамзинъ, сынъ помѣщика, родился близъ Симбирска. Въ дѣтствѣ онъ читалъ романы, и они усилили его природную чувствительность, оставшуюся главнымъ свойствомъ его на всю жизнь. На тринадцатомъ году онъ былъ отправленъ въ Москву, въ учебное заведеніе Шадена, профессора университета. Здѣсь онъ изучилъ языки французскій и нѣмецкій, посѣщалъ классы университета, гдѣ, кромѣ нравственной философіи, слушалъ отечественную исторію и общія правила словесности. Вмѣсто поѣздки въ Лейпцигъ для слушанія лекцій въ тамошнемъ университетѣ, онъ принужденъ былъ ѣхать въ Петербургъ для поступленія въ гвардію. По смерти отца возвратившись въ Симбирскъ, Карамзинъ игралъ роль въ образованномъ обществѣ, благодаря своимъ талантамъ, начитанности и знаніямъ. И. П. Тургеневъ, боясь вліянія шумнаго общества на даровитаго юношу, убѣдилъ его пріѣхать въ Москву. Тургеневъ ввелъ Карамзина въ общество Н. И. Новикова, состоявшее изъ людей серьезныхъ и благонамѣренныхъ. Въ основанномъ имъ и Шварцемъ „Дружескомъ обществѣ", о которомъ говорено выше, было нѣ-

сколько очень даровитыхъ людей, между прочимъ и другъ Карамзина Петровъ, воспитанникъ московскаго университета, изображенный Карамзинымъ въ прозаической элегіи *„Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона“* и отчасти въ характеристикѣ *Чувствительный* и *хладнокровный*. Этотъ Петровъ и нѣмецкій поэтъ Ленцъ руководили Карамзинымъ въ изученіи разныхъ предметовъ, развили въ немъ эстетическое чувство, познакомили съ современной нѣмецкой литературой и съ Шекспиромъ. Въ это время Карамзинъ перевелъ трагедію Шекспира *„Юлій Цезарь“* и Лессинга *„Эмилія Галотти“*. Въ 1789 году онъ поѣхалъ путешествовать съ цѣлью восполнить недостатки своего пансіонскаго образованія. Въ полтора года онъ посѣтилъ Германію, Швейцарію, Францію и Англію и свои впечатлѣнія изложилъ въ *Письмахъ русскаго путешественника*, впослѣдствіи напечатанныхъ въ издаваемомъ Карамзинымъ Московскомъ журналѣ. Воротясь въ Москву, онъ посвятилъ себя литературѣ, желая доказать, что, и кромѣ служебной дѣятельности, можно быть полезнымъ отечеству. Затруднившись срочной журнальной работой, онъ издавалъ сборники: *„Аглая“*, *„Аониды“*, *„Пантеонъ иностранной словесности“*, *„Пантеонъ россійскихъ авторовъ“* (1794——1801).

При вступленіи на престолъ Имп. Александра I, обѣщавшаго царствовать по „духу своей бабки“, Карамзинъ написалъ Похвальное слово Екатеринѣ II. Въ томъ же 1802 году онъ основалъ журналъ „Вѣстникъ Европы“. Этимъ журналомъ оканчивается первый, собственно, литературный періодъ дѣятельности Карамзина, сдѣлавшій его любимцемъ публики. Въ 1804 году Карамзинъ принялся за сочиненіе русской исторіи. Ему содѣйствовалъ Мих. Никит. Муравьевъ, человѣкъ весьма образованный, съ высоко-нравственнымъ характеромъ, патріотъ, усердно желавшій развитія серьезнаго образованія въ нашемъ отечествѣ. По его ходатайству Карамзинъ получилъ званіе исторіографа съ ежегодною пенсіею въ 2000 рублей. Оставивши всякія постороннія занятія, даже литературу, отказавшись отъ предлагаемой ему профессуры, онъ занялся своимъ трудомъ и въ 1815 году окончилъ восемь томовъ „Исторіи Государства Россійскаго“. Императоръ щедро его наградилъ. Для печатанія Карамзинъ переселился въ Петербургъ. Книга вышла въ свѣтъ въ 1818 г. и въ 25 дней разошлось (по предварительной подпискѣ) 3000 экземпляровъ. Остальные четыре тома явились уже по смерти Карамзина. Между тѣмъ разстроенное усиленными трудами здоровье историка стало ослабѣвать и усилилась меланхолія. Онъ хотѣлъ ѣхать въ Италію, и императоръ Николай, принявшій въ немъ живѣйшее участіе, повелѣлъ изготовить фрегатъ, чтобы от-

везти его въ Марсель. Кромѣ того, ему и дѣтямъ назначена была пенсія, но Карамзинъ уѣхать не успѣлъ и умеръ въ 1826 году. Онъ похороненъ въ Александро-Невской лаврѣ, а памятникъ ему воздвигнутъ въ Симбирскѣ.

Карамзинъ принадлежитъ къ числу самыхъ достопамятныхъ людей русской земли. Не обладая геніемъ Ломоносова и Пушкина, онъ не имѣлъ и недостатковъ, свойственныхъ, какъ геніальнымъ людямъ, такъ и обыкновеннымъ смертнымъ. Своимъ талантомъ, образованностью и высокими нравственными качествами онъ возвысилъ званіе литератора въ нашемъ отечествѣ. Какъ писатель, онъ имѣлъ многихъ противниковъ, но какъ человѣкъ, пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ онъ обнаруживалъ благородство и благорасположеніе къ людямъ, относился къ нимъ привѣтливо и искренно, съ полнымъ радушіемъ и гуманностью. Скромность, отличавшая его, не мѣшала ему сознавать свои достоинства и заслуги; это благородное сознаніе позволяло ему, литератору, смѣло входитъ въ общество самыхъ высокихъ сановниковъ.

Литературная дѣятельность Карамзина дѣлится на два періода: первый начинается съ переводныхъ работъ въ Петербургѣ въ 1792 году и оканчивается „Вѣстникомъ Европы". Здѣсь Карамзинъ дѣйствовалъ, какъ литераторъ. Второй періодъ—дѣятельность К—на, какъ историка.

§ 54. Первымъ литературнымъ опытомъ К—на были переводы, преимущественно съ нѣмецкаго; между прочимъ переведена трагедія Шекспира „Юлій Цезарь". Переводъ снабженъ предисловіемъ, характеризующимъ правильное пониманіе Карамзинымъ Шекспира, въ противоположность господствовавшему убѣжденію, опиравшемуся на авторитетъ Вольтера. Литературныя занятія прекратились, когда Карамзинъ отправился путешествовать. Изъ всѣхъ предметовъ европейской жизни К—нъ особенно интересовался плодами науки и ли-

тературы и ихъ производителями. Многія мѣста, посѣщенныя имъ, нравились ему по воспоминанію о писателяхъ: „съ отмѣннымъ удовольствіемъ“ смотрѣлъ онъ на окрестности Цюриха, вспоминая Геснера, Клопштока, Виланда, Гете. Особенный интересъ находилъ Карамзинъ въ Швейцаріи, странѣ живописной натуры, любви и благополучія. Это — новая Аркадія, осуществленіе мечты о невозмутимости счастія пастуховъ и пастушекъ. Швейцарія интересовала Карамзина еще судьбою и сочиненіями Руссо, „женевскаго гражданина“, имѣвшаго на него значительное вліяніе. Вообще, какъ человѣкъ образованный и наблюдательный, Карамзинъ въ каждой странѣ интересовался тѣмъ, что составляло ея особенность. Кромѣ интересовъ науки и поэзіи, письма содержатъ въ себѣ описаніе различныхъ приключеній и случаевъ, бывшихъ съ Карамзинымъ, пересказъ слышанныхъ анекдотовъ и, такъ какъ все это выражено легкимъ, разговорнымъ языкомъ, то понятно, что „Письма“ пробудили въ русской публикѣ интересъ къ Западной Европѣ и охоту къ чтенію. Письма нравились еще и потому, что проникнуты чувствительностью, или сентиментализмомъ. Начало этому направленію положено Томсоновой поэмой „Времена года“, Ричардсоновымъ романомъ „Клариса“ и сентиментальнымъ путешествіемъ Стерна (1768), который первый внесъ названіе „сентиментальный“. Но письма Карамзина, написанныя въ подражаніе Стерну, сходны съ нимъ вовсе не по юмору, которымъ проникнуты сочиненія англійскаго писателя и къ которому Карамзинъ не былъ способенъ, а потому, что выраженіе личныхъ впечатлѣній автора, его сильнаго чувства, по поводу тѣхъ или другихъ предметовъ, занимаетъ очень видное мѣсто во всѣхъ его письмахъ.

Журналы и Сборники, которые издавалъ Карамзинъ, наполнены были русскими сочиненіями въ стихахъ и въ прозѣ, переводами изъ лучшихъ иностранныхъ

авторовъ, краткими ихъ біографіями и характеристиками, извѣстіями о важнѣйшихъ новостяхъ заграничной и отечественной словесности, хроникой театровъ. Изъ произведеній самого Карамзина, помѣщенныхъ здѣсь, заслуживаютъ вниманія слѣдующія: а) Сентиментальныя повѣсти. Хотя сюжеты ихъ заимствованы изъ русской жизни и исторіи, но изображаются далеко не въ народномъ духѣ, а во вкусѣ и стилѣ повѣстей Жанлисъ и Мармонтеля. Повѣсти „Бѣдная Лиза“ и „Флоръ Силинъ“ изображаютъ простой русскій бытъ. Въ первой описывается несчастная любовь крестьянской дѣвушки Лизы къ молодому дворянину Эрасту. Во второй разсказывается, какъ въ голодный годъ Флоръ Силинъ, крестьянинъ одной деревни, раздавалъ даромъ хлѣбъ бѣднѣйшимъ жителямъ, какъ онъ помогъ жителямъ погорѣвшихъ двухъ деревень, какъ онъ выкупилъ у помѣщика двухъ дѣвокъ и выдалъ замужъ съ хорошимъ приданымъ. Повѣсть „Наталья боярская дочь“ написана Карамзинымъ въ 1792 году, когда онъ началъ уже изучать русскую исторію и хотѣлъ воскресить передъ русскимъ обществомъ старинную русскую жизнь. Повѣсть изъ эпохи покоренія Новгорода „Марѳа Посадница“ ближе къ исторіи, нежели „Наталья боярская дочь“. Ее можно назвать первою у насъ историческою повѣстью. Къ этому же времени относится замѣчательная сказка „Илья Муромецъ“, смѣлая передѣлка народной былины. Повѣсть „Островъ Борнгольмъ“ напоминаетъ старыя рыцарскія баллады, въ которыхъ изображаются рыцарскіе замки со рвами, подъемными мостами, страшными башнями и подземными темницами, гдѣ томятся прекрасныя плѣнницы. Очень лыбопытенъ неоконченный романъ „Рыцарь нашего времени“. Тутъ мы находимъ описанія русской природы и автобіографическія указанія. Особенно хорошо описаніе Волги, на берегъ которой убѣгалъ маленькій Леонъ (Карамзинъ) съ книгой и, сидя въ орѣховомъ кустѣ подъ

тѣнью стараго дуба, читалъ. Въ сборникѣ Аглая между прочимъ помѣщена упомянутая выше элегія въ прозѣ „Цвѣтокъ на гробъ моего Агатона“.

Въ періодъ изданія литературныхъ сборниковъ Карамзинъ, по обычаю своего времени, когда стихи предпочитали прозѣ, упражнялся и въ нихъ, но уже не въ ложно-классическомъ тонѣ, для котораго наступалъ кризисъ. У него мы видимъ очевидные слѣды сентиментализма и даже романтизма. Стихотвореніе „Кладбище“, содержитъ разговоръ двухъ голосовъ: одинъ говоритъ, что тихо въ могилѣ, крѣпокъ сонъ мертвыхъ, сладостенъ, кротокъ; а другой говоритъ, что страшно въ могилѣ и пр. Въ стихахъ Карамзина разлита своеобразная меланхолія. Онъ провозглашаетъ свободу искусства и въ выборѣ предмета пѣсенъ, и въ положеніи стихотворца, который больше не служитъ при Дворѣ, „бѣденъ“, не чиновенъ. Господствовавшая въ тогдашнихъ одахъ ложь замѣнилась „пріятнымъ вымысломъ. Кто можетъ вымышлять пріятно стихами, прозой—въ добрый часъ“. Въ стихотвореніи „Протей“ Карамзинъ ставитъ новое эстетическое начало—безусловной свободы творчества. Отъ жизни надо ожидать настроеній, а не навязывать ей отвлеченныхъ пріемовъ. Невольно при этомъ вспоминается „Эхо“ Пушкина.

Въ этихъ же сборникахъ помѣщено нѣсколько разсужденій Карамзина, напримѣръ, „Что нужно автору?“. Карамзинъ говоритъ, что автору мало талантовъ и знаній: нужно имѣть доброе, нѣжное сердце, если онъ желаетъ быть другомъ и любимцемъ души нашей. Въ разсужденіи „Нѣчто о наукахъ, искусствахъ и просвѣщеніи“ авторъ доказываетъ, что просвѣщеніе ведетъ къ добродѣтели, потому что облагораживаетъ душу, дѣлаетъ ее чувствительною, возбуждаетъ въ ней любовь къ порядку и добру, слѣдовательно ненависть къ порокамъ, разстраивающимъ прекрасную связь общежитія.

Вѣстникъ Европы, изданіемъ котораго начался исто-

рическій періодъ литературной дѣятельности Карамзина, былъ по содержанію серьезнѣе предыдущихъ журналовъ и сборниковъ. Это былъ журналъ не только литературный, но и политическій. Въ политикѣ Карамзинъ обращалъ главное вниманіе на то, что способствуетъ успѣхамъ мира, благоденствію державъ: полезныя учрежденія и новые мудрые законы. Большая часть статей касается Россіи. Самымъ важнымъ сочиненіемъ этого времени слѣдуетъ признать „Разсужденіе о любви къ отечеству и народной гордости", какъ бы составляющее програму исторіи. Оно написано по поводу наблюдаемаго Карамзинымъ въ русскомъ обществѣ недостатка уваженія къ своему, русскому. Въ первой половинѣ доказывается мысль, что только политическая любовь къ отечеству, патріотизмъ, требующій разсужденія, можетъ способствовать пробужденію народной гордости. Во второй историкъ сначала обозрѣваетъ всю прошедшую историческую русскую жизнь, указывая факты, которыми русскіе могутъ гордиться, а потомъ— нашу людскость, тонъ общества, литературу, языкъ, и попутно упрекаетъ русскихъ въ пренебреженіи къ своему и въ пристрастіи къ иноземному. Въ Вѣстникѣ Европы мы находимъ умѣренно-либеральныя сужденія Карамзина о современной политикѣ въ Европѣ, переживавшей результаты французской революціи и возвышеніе Наполеона. Здѣсь Карамзинъ является публицистомъ, руководителемъ общественнаго мнѣнія. Изъ историческихъ статей лучшею по литературному достоинству должно признать „Историческое похвальное слово Имп. Екатеринѣ II. Это образецъ ораторскаго искусства.

§ 55. Капитальный трудъ Карамзина, „Исторія Государства Россійскаго", обнимаетъ всю вторую половину его дѣятельности. Восемь томовъ ея были окончены въ 1815 году, а остальные 4 изданы по смерти автора графомъ Блудовымъ. На это сочиненіе можно

смотрѣть съ ученой и историко-литературной точки зрѣнія.

1) Сравнивая сочиненіе Карамзина съ тѣмъ, что было написано до него, мы видимъ огромность его работы. Въ какомъ положеніи была до него русская исторія? По словамъ Погодина: „библіотеки не имѣли каталоговъ, источниковъ никто не собиралъ, не указывалъ, не приводилъ въ порядокъ; лѣтописи не были изслѣдованы, объяснены, даже изданы ученымъ образомъ; грамоты лежали, разсыпанныя по монастырямъ и архивамъ; хронографовъ никто не зналъ; ни одна часть исторіи не была обработана... археологіи не было въ поминѣ... ни одного вопроса изъ тысячей не рѣшено окончательно, ни одно противорѣчіе не соглашено“. Приложенныя къ каждому изъ двѣнадцати томовъ примѣчанія занимаютъ цѣлую его половину и доказываютъ обширную начитанность и критическую внимательность автора. Массу памятниковъ онъ нашелъ въ первый разъ и впервые ими воспользовался. Многое взято имъ изъ архивовъ заграничныхъ. Многія старинныя слова онъ объясняетъ вѣрно только сличеніемъ текстовъ. Вещественные памятники на столько же его интересуютъ, какъ и письменные; у него даже есть рисунки буквъ Десятинной церкви, изображеніе старинныхъ рублей, буквы зырянской азбуки Стефана Пермскаго. Пользуясь чужимъ матеріаломъ, онъ его тщательно обрабатываетъ.

2) Разсматривая работу Карамзина съ историко-литературной точки зрѣнія, мы обращаемъ вниманіе: а) на его образъ мыслей и б) на искусство, съ которымъ эти мысли онъ излагаетъ.

а) Направленіе исторіи Карамзина выражено его словами: „я писалъ съ любовью къ отечеству, ко благу людей въ гражданскомъ обществѣ и къ святымъ уставамъ нравственности“. Нравственный уставъ внушенный историку несомнѣнно уроками Новикова., господствуетъ

у него надъ всѣми другими законами и побужденіями: даже требованія государственныя онъ ставитъ на второй планъ и только ту политику одобряетъ, которая согласна съ чувствомъ естественной справедливости; коварство, лицемѣріе, хитрость — не политика. Хваля Іоанна Калиту за утвержденіе великокняжеской власти, Карамзинъ не прощаетъ ему смерти Александра Тверского. Съ дурнымъ поступкомъ не миритъ его ни похвальная цѣль, ни успѣшное ея достиженіе. Важнѣйшее величіе дѣятелей—служеніе добродѣтели, важнѣйшее преступленіе—измѣна добродѣтели. Съ этой точки зрѣнія Карамзинъ особенно строго судитъ Іоанна Грознаго, также Годунова, Лже-Димитрія и Шуйскаго.

Но рядомъ съ началомъ нравственнымъ, у него стоитъ и интересъ политическій, утвержденіе самодержавія, благодаря которому, Россія пріобрѣла могущество, независимость и гражданское образованіе. На историческомъ пути нашемъ Карамзинъ различаетъ три періода: въ первомъ періодѣ, до Ярослава Мудраго, Россія, оживленная и возвеличенная единовластіемъ, не уступала въ силѣ и гражданскомъ благоденствіи первѣйшимъ европейскимъ державамъ того времени. Второй періодъ, отъ смерти Ярослава Мудраго до воцаренія Іоанна III, характеризуется удѣльною смутою, междуусобными войнами и татарскимъ игомъ: эти событія ниспровергли прежнее ея величіе. Россія утратила единовластіе и независимость. Она возстановила свою силу и величіе въ третьемъ періодѣ, начиная съ Іоанна III-го, который освободилъ Россію отъ татаръ и водворилъ самодержавіе. Говоря о самодержавіи, авторъ оцѣниваетъ и правителей, воздавая похвалу тѣмъ изъ нихъ, которые больше содѣйствовали его укрѣпленію. Таковы Андрей Боголюбскій, Всеволодъ III и Іоаннъ Калита, но идеаломъ правителя онъ считаетъ Іоанна III, укрѣпившаго Россію духомъ самодержавія.

б) Искусство изложенія мыслей Карамзина вырази-

лось, во-первыхъ, въ томъ, что онъ первый изъ русскихъ ученыхъ изобразилъ въ одной живой картинѣ жизнь нашихъ предковъ: ихъ религію, законы, войны, политическія дѣла, образованіе, литературу, обычаи, суевѣрія и домашній бытъ. Нѣкоторыя историческія лица изображены у него съ удивительною рельефностью, напр. Владиміръ Мономахъ, Дмитрій Донской, Іоаннъ III, Іоаннъ IV, Борисъ Годуновъ. Многія отдѣльныя событія описаны поэтически, напр. введеніе Христіанства, покореніе Казани Іоанномъ IV-мъ, жизнь Іоанна IV-го въ Александровской слободѣ, убіеніе царевича Димитрія. Во вторыхъ все изложеніе одушевлено однимъ господствующимъ чувствомъ—патріотизмомъ: любовь къ отечеству проникаетъ всю Исторію, но особенно замѣтна тамъ, гдѣ авторъ описываетъ состояніе Россіи отъ нашествія татаръ до Іоанна III (томъ V, глава 4) и о временахъ самозванцевъ. Сравнивая положеніе Россіи съ состояніемъ Зап. Европы, онъ пишетъ: „Съ половины XI в. состояніе Европы явно перемѣнилось въ лучшее; а Россія со времени Ярослава до самаго Батыя орошалась кровію и слезами народа". Описывая времена самозванцевъ, съ особенною любовію останавливается онъ на изображеніи такихъ дѣятелей, какъ патріархъ Гермогенъ и кн. М. В. Скопинъ-Шуйскій. О патріархѣ Гермогенѣ онъ пишетъ: „Сей мужъ безсмертный, одинъ среди враговъ неистовыхъ и Россіянъ презрительныхъ, между памятниками нашей славы, въ оградѣ, священной для вѣковъ могилами Димитрія Донского, Іоанна III, Михаила Шуйскаго,—въ темной келіи сіялъ добродѣтелію, какъ лучезарное свѣтило отечества, готовое угаснуть, но уже воспламенивъ въ немъ жизнь и ревность къ великому дѣлу". (Т. XII. гл. VI стр. 292).

Исторія Карамзина произвела сильное впечатлѣніе на современниковъ. Лучшіе люди того времени, напримѣръ Жуковскій и Пушкинъ, отзывались о ней съ восторгомъ; она произвела вліяніе на литературу, давши

матеріалъ для историческихъ романовъ, повѣстей и драмъ, проникнутыхъ взглядами Карамзина. Даже „Борисъ Годуновъ“, Пушкина, по собственнымъ словамъ поэта, вдохновленъ геніемъ Карамзина. Онъ образовалъ цѣлую школу учениковъ, послѣдователей. На его взглядахъ долго воспитывалось молодое поколѣніе, потому что учебники русской исторіи (напр. Устрялова) были только сокращеніемъ его труда. Уже много времени спустя въ сочиненіи исторіографа стали находить недостатки. Напримѣръ, прилагая взглядъ своего времени къ древнему быту, онъ Рюрика называетъ мудрымъ монархомъ, знающимъ политику; о Древлянахъ говоритъ, что ихъ земля цвѣтетъ и благоденствуетъ; факты дѣйствительные не отличаетъ отъ народныхъ преданій; больше обращаетъ вниманія на внѣшнія событія (войны, заключеніе договоровъ, пріемы пословъ), нежели на внутреннюю сторону: на религію, просвѣщеніе, народные нравы и пр. Всѣ эти недостатки объясняются тѣмъ, что во время Карамзина еще не было подробнаго (детальнаго) изученія разныхъ сторонъ исторической жизни русскаго народа.

§ 56. Заслуги Карамзина на пользу русскаго просвѣщенія, языка и литературы, неисчислимы.

а) Карамзинъ преобразовалъ литературный языкъ. Въ „Письмахъ русскаго путешественника“ и въ Повѣстяхъ онъ далъ образцы новаго слога, который и получилъ названіе Карамзинскаго. Въ синтактическомъ отношеніи К. считалъ необходимымъ писать не длинными періодами, какъ Ломоносовъ, а короткими предложеніями, и располагалъ въ нихъ слова сообразно съ теченіемъ мысли, а главное съ законами живого русскаго языка, руководствуясь правиломъ: „пиши, какъ говорятъ“, т. е. старайся сблизить литературную рѣчь съ разговорною. И теперь, спустя сто лѣтъ, мы находимъ сходство рѣчи Карамзина (въ письмахъ и повѣстяхъ) съ нашей литературной рѣчью; насъ утомляетъ только манера Ка-

рамзина прилагательныя ставить послѣ существительныхъ, напримѣръ, „усиліями неутомимыми“, „на враговъ сострадательныхъ“, „государства россійскаго“ и пр. Относительно отдѣльныхъ словъ онъ сократилъ употребленіе славянизмовъ, ввелъ нѣкоторыя иностранныя слова для обозначенія новыхъ понятій, придалъ прежнимъ словамъ иное значеніе, напримѣръ, потребность развитія (ума, понятія), вліяніе (на разумъ, на душу), выработанный (слогъ); образовалъ новыя слова, напримѣръ, промышленность, сосредоточить, достижимый.

Языкъ и слогъ Исторіи Карамзина долженъ быть признанъ образцомъ русской литературной рѣчи: онъ ясенъ, точенъ и въ то же время благороденъ. Карамзинъ тщательно избѣгаетъ иностранныхъ словъ, сочиняя русскія названія даже для общепринятыхъ варваризмовъ; современная рѣчь его украшается вставкою старинныхъ словъ и оборотовъ, вычитанныхъ изъ лѣтописей и другихъ памятниковъ, напримѣръ: *„въ угодность имъ не затворимъ дорогъ въ свою землю“*, *„желаетъ всегда блюсти подъ своею рукою“*, *„избывая мірскія суеты и докуки“*... Карамзинъ ввелъ въ историческій языкъ нѣкоторыя древнія слова: благородіе, остуда (охлажденіе), отечестволюбецъ, исправа (полиція). Величавый тонъ повѣствованія объясняется взглядомъ его на исторію, какъ на „священную книгу народовъ, завѣтъ предковъ потомкамъ“. Мѣстами изложеніе восходитъ на ступень одушевленнаго краснорѣчія, особенно когда идеалы, дорогіе историку, заявляютъ свое торжество, или терпятъ оскорбленіе, а также и тамъ, гдѣ патріотическое чувство его изливается широкою, живою струею.

б) Карамзинъ внесъ въ русскую литературу сентиментальное направленіе. По его примѣру, писатели, оставивши героевъ древности и крупныя явленія общественной жизни, обратились къ природѣ, къ жизни средняго и низшаго сословій, къ простотѣ нравовъ и къ жизни сердца. Такой же интересъ одушевлялъ и

образованное общество. Конечно сентиментальное направленіе было крайностью, впослѣдствіи вызвавшею нападки, но это была естественная реакція направленію ложно-классическому, въ поэмахъ, одахъ и трагедіяхъ изображавшему напыщеннымъ слогомъ великихъ героевъ древности.

в) Карамзинъ пріохотилъ современное общество къ чтенію и развилъ въ читателяхъ литературный вкусъ. Въ его письмахъ было много интересныхъ мелочей, которыя приходились по плечу полуобразованному обществу, а образованное интересовалось его взглядами на просвѣщеніе, на общественную и частную жизнь. Въ повѣстяхъ, кромѣ сентиментализма, видѣли признаки народности, и все было изложено легкимъ, разговорнымъ языкомъ. Развитію литературнаго вкуса Карамзинъ содѣйствовалъ переводами лучшихъ иностранныхъ произведеній, проникнутыхъ изящнымъ вкусомъ, и критическими сужденіями, въ обиліи разбросанными въ его письмахъ, журналахъ и сборникахъ.

Наконецъ г. Карамзинъ способствовалъ пробужденію нравственнаго чувства, т. е. уваженія къ добродѣтели и справедливости, здравыхъ политическихъ убѣжденій и національнаго сознанія; по его понятіямъ, счастье, которое доступно всѣмъ, состоитъ въ умѣньѣ подчинять страсти разсудку. Быть счастливымъ значитъ—быть вѣрнымъ исполнителемъ естественныхъ, природныхъ законовъ, основанныхъ на общемъ благѣ. Съ тяжелымъ чувствомъ Карамзинъ смотритъ на французскую революцію, видя въ ней слѣдствіе страшнаго народнаго деспотизма. Грозныя потрясенія, насильственныя мѣры и крайности были не согласны съ его чувствомъ, образованіемъ и взглядомъ на развитіе государственнаго организма.

Второстепенные писатели эпохи Александра I-го.

§ 57. Первое, что изъ литературной дѣятельности Карамзина отразилось на современной литературѣ, было преобразованіе слога. Оно жестоко вооружило противъ себя перваго защитника старины, академика Шишкова, который возсталъ противъ реформы, сначала въ своемъ сочиненіи *„О старомъ и новомъ слогѣ россійскаго языка“*, потомъ въ совѣщаніяхъ Академіи Наукъ и наконецъ въ учрежденномъ имъ литературномъ обществѣ *„Бесѣда любителей россійскаго слова“*. Карамзина защищали Макаровъ, Каченовскій, Д. В. Дашковъ, своими полемическими статьями, а всѣ новые писатели — подражаніемъ слогу Карамзина. Самъ Кар. не принималъ участія въ этомъ знаменитомъ спорѣ, а занимался усердно своимъ историческимъ трудомъ, которымъ практически опровергъ нападенія враговъ. Когда же по выходѣ 8 томовъ его Исторіи, Академія почтила автора званіемъ своего сочлена, онъ въ торжественномъ собраніи произнесъ замѣчательную рѣчь, совѣтуя академикамъ „исправлять изданные ею словари и грамматику, въ виду перемѣнъ, необходимыхъ по естественному безпрестанному движенію живого слова къ дальнѣйшему совершенству,—движенію, которое пресѣкается только въ языкѣ мертвомъ“.

Изъ лицъ, сочувствовавшихъ реформѣ слога, первое мѣсто принадлежитъ земляку и другу Карамзина И. И. Дмитріеву (1760—1837). Карамзинъ далъ образцы, какъ должно писать въ прозѣ, а Дмитріевъ—какъ должно писать въ стихахъ. Карамзинъ сблизилъ книжную прозу съ разговорнымъ языкомъ общества, Дмитріевъ сообщилъ стихотворной рѣчи ясность, легкость, непринужденное словопостроеніе и пріятность. Это было между прочимъ вліяніе французскаго языка, съ котораго Дмитріевъ преимущественно переводилъ. Ему принадлежатъ пѣсни, сказки, басни, сатиры, эпиграммы. Пѣсни, напримѣръ: „Стонетъ сизый голубочекъ“, „Всѣхъ цвѣточковъ болѣ“... были положены на музыку и имѣли большой успѣхъ, потому что своимъ сентиментальнымъ настроеніемъ пришлись по вкусу публикѣ. Въ сказкахъ: *„Модная жена“* и *„Причудница“*, онъ подражалъ Вольтеру. Басни, переведенныя преимущественно изъ Лафонтена, отличаются легкимъ слогомъ, который отворилъ имъ двери въ образованное общество. Важнѣйшія: *„Дубъ и тростъ“*, *„Чижъ и зяблица“*, *„Пѣтухъ, котъ и мышенокъ“* *„Мышь, удалившаяся отъ свѣта“*, *„Лиса проповѣдница“*, нашли почетное мѣсто въ сборникахъ образцовыхъ сочиненій. Изъ сатиръ его самая извѣстная: *Чужой толкъ*, остроумно осмѣивающая бездарныхъ авторовъ торжественныхъ одъ

Вообще Дмитріеву принадлежитъ честь искуснаго версификатора, хотя поэтическаго таланта у него было мало.

Сентиментальное направленіе произведеній Карамзина тоже оказало вліяніе на литературу. Прежде всего, подражая его „Письмамъ", В. Измайловъ написалъ „Путешествіе въ полуденную Россію". Онъ почти вовсе не думалъ знакомить читателя съ предметами, встрѣчавшимися на пути, а заботился о передачѣ своихъ чувствъ, возбужденныхъ предметами важными и неважными. А два путешествія князя Шаликова—одно въ Малороссію, а другое въ Кронштадтъ—довели сентиментализмъ до комическаго преувеличенія, которое и сдѣлалось предметомъ осмѣянія въ комедіи А. Шаховскаго „Новый Стернъ", въ сатирахъ Горчакова и Долгорукова. Не менѣе подражаній вызвала и „Бѣдная Лиза". Важнѣйшія изъ нихъ: *Бѣдная Маша*, А. Измайлова, *Прекрасная Татьяна, живущая у подошвы Воробьевыхъ горъ*, *Исторія бѣдной Марьи*; *Марьина роща* Жуковскаго—лучшее изъ всѣхъ подражаній. Въ лирической поэзіи сентиментализмъ былъ гораздо живучѣе, благодаря тому, что стихотворенія этого рода, перелагаемыя на музыку, обыкновенно переживаютъ нѣсколько поколѣній. Упомянутыя выше пѣсни Дмитріева и сочиненія профессора словесности, ложно-классика, Мерзлякова: *Среди долины ровныя... Я не думала ни о чемъ въ свѣтѣ тужить...* распѣваются и теперь.

Прежнее, ложно-классическое, направленіе продолжалось и въ эпоху Карамзина, хотя уже было осмѣиваемо. Торжественныя оды писали Дмитріевъ (лучшая „Размышленіе по случаю грома"), Мерзляковъ, Глинка, преимущественно перелагавшій псалмы. Лучшею одою слѣдуетъ признать: *Пѣвца во станѣ русскихъ воиновъ* Жуковскаго. Въ эпическомъ родѣ славилась въ свое время героическая поэма Дмитріева *Ермакъ*. Она поражаетъ неестественностью. Ермакъ уподобляется „морозу, все вокругъ мертвящему" и „столпу, огнемъ палящему", хотя, какъ извѣстно изъ исторіи, завоеваніе Сибири дорого стоило смѣлому казаку. Въ драматическомъ родѣ большимъ успѣхомъ пользовались, въ эпоху войны 1812 года, трагедіи Озерова, особенно „Эдипъ въ Аѳинахъ" и „Дмитрій Донской". По обычаю ложно-классическихъ писателей, Эдипъ и Дмитрій очень напоминаютъ Александра I, Мамай—Наполеона. Всетаки трагедіи Озерова стоятъ выше пьесъ Сумарокова и Княжнина, благодаря сентиментальному направленію и умѣнью изображать женскіе характеры. Озеровъ превосходитъ своихъ наставниковъ расположеніемъ пьесъ, большею обдуманностью завязки и развязки, выдержанностью характеровъ и поэтическимъ одушевленіемъ. Благодаря таланту Озе-

рова, ложно-классическая трагедія еще прочно держалась въ репертуарѣ. Ее усердно поддерживалъ и завѣдывавшій театральнымъ дѣломъ, большой знатокъ и любитель театра, князь А. Шаховской. Но и съ Озеровымъ трагедія не кончилась. Преемниками его были Н. Полевой, Платонъ Ободовскій, Гедеоновъ, Кукольникъ. Успѣху ихъ трагедій много помогла игра актеровъ въ Москвѣ Мочалова, а въ Петербургѣ—В. А. Каратыгина.

Глубокое патріотическое чувство, которымъ проникнута „Исторія" Карамзина, съ особенной живостью пробудилось въ русскомъ обществѣ, въ виду дошедшей до крайности галломаніи (пристрастія къ французскому) и высокомѣрнаго отношенія къ намъ Наполеона. Патріотическое чувство выразилось въ одахъ, въ трагедіи *Дмитрій Донской*, въ *Афинкахъ* графа Ростопчина, въ комедіи Крылова *„Урокъ дочкамъ"* и наконецъ въ журналѣ С. Глинки *Русскій Вѣстникъ*. Его задачею было возбужденіе народнаго духа согражданъ, вызовъ ихъ къ новой неизбѣжной борьбѣ съ Наполеономъ. Была у него цѣль и болѣе серьезная—знакомить русскихъ съ Россіею, изображая доблести русскихъ преимущественно прошлыхъ войнъ, обличая иностранныхъ писателей за ихъ ложныя о насъ мнѣнія и доказывая превосходство своего, русскаго, передъ чужеземнымъ. Дѣйствіе, производимое журналомъ, было огромное. Въ 1812 году юноши—патріоты говорили Глинкѣ: „вашъ Русскій Вѣстникъ воспламенилъ нашъ духъ: помогите намъ жертвовать собою отечеству". Глинка не только писалъ, но и дѣйствовалъ безкорыстно, и за это пользовался необыкновеннымъ довѣріемъ императора Александра. Въ возбужденіи патріотическаго чувства весьма значительную долю слѣдуетъ приписать дѣятельности Шишкова, въ то время, когда онъ былъ статсъ-секретаремъ. Мысли, внушаемыя свыше, онъ проводилъ въ манифестахъ, грамотахъ, рескриптахъ, выходившихъ изъ-подъ его пера. Даже слогъ Шишкова, образованный на старинныхъ книгахъ, сильнѣе дѣйствовалъ на публику, нежели легкій, изящный слогъ Карамзина.

Рядомъ съ этимъ патріотическимъ, охранительнымъ направленіемъ внутренней политики, развилось „творческое"-какъ называлъ его Карамзинъ, т. е. прогрессивное. Починъ его принадлежалъ самому правительству, во главѣ котораго стоялъ гуманнѣйшій государь своего времени. Одной изъ главныхъ и постоянныхъ заботъ государя Александра было освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Кромѣ того, правительство занимали вопросы политики и экономіи. По этимъ вопросамъ было переведено много книгъ. Эти же вопросы разсматривались и журналами: *Духъ журналовъ* и *Сѣверный наблюдатель* и

писателями Куницынымъ, графомъ Уваровымъ, Рѣпнинымъ. Это направленіе, имѣвшее цѣлью прогрессивное движеніе русской государственной жизни, называлось „либеральнымъ", а сторонники—его „либералистами".

Въ одно время съ двумя направленіями, охранительнымъ и прогрессивнымъ, продолжалось направленіе масонское и мистическое. Послѣднее усилилось подъ вліяніемъ философіи Шеллинга и того обстоятельства, что Александръ I былъ признаваемъ въ качествѣ освободителя Европы. Религіозная мистика усилилась: неожиданныя послѣдствія крупныхъ событій, превысивъ мѣру самыхъ пламенныхъ патріотическихъ желаній, направили тогдашнихъ людей къ признанію сверхъестественной силы, дѣйствующей по своимъ предначертаніямъ, наперекоръ законамъ, разсчетамъ и замысламъ. Торжествующій духъ видѣлъ свой первый долгъ въ смиреніи передъ непостижимымъ ходомъ вещей. Самъ государь смотрѣлъ на себя, какъ на избранника свыше, какъ на орудіе Провидѣнія, отрицая вліяніе собственной силы. Были причины развитія мистицизма и въ состояніи господствующей церкви. Мистическое направленіе всегда являлось противодѣйстіемъ формализму и разсудочной теологіи. Духъ вѣрующаго, стѣсненнаго обрядностью и строгой дидактикой, стремится освободить себя отъ того и другого и найти удовлетвореніе въ чисто внутренней духовной религіи. Многихъ не удовлетворяла и богословская наука, въ которой господствовало полемическое направленіе. Мистическое ученіе главнымъ образомъ изложено въ *Сіонскомъ Вѣстникѣ*, въ поэмѣ Хераскова *Владиміръ возрожденный*, въ духовныхъ стихотвореніяхъ Ѳ. Глинки, напримѣръ: *Исканіе Бога. Жизнь анахорета*, и въ поэмѣ его же—*Карелія* или *Заточеніе Марѳы Іоанновны Романовой*. Здѣсь выведенъ монахъ, который посѣщаетъ Марѳу, бесѣдуетъ съ нею и въ послѣднее съ нею свиданіе предрекаетъ будущее величіе царствующаго рода и въ особенности побѣду Александра I надъ Аполліономъ (Наполеономъ), побѣду, одержанную смиреніемъ.

Нельзя сказать, чтобы упомянутые здѣсь современные К—ну писатели пользовались популярностью: ихъ хвалили, изучали въ школахъ, декламировали. Тѣмъ дѣло и ограничивалось. Главная же литература, которою зачитывались, это были романы въ русскомъ переводѣ сатирико-философскіе—Вольтера, Руссо (Новая Элоиза) и сентиментальные—Стерна, Ричардсона, Гольдсмита (Векфильдскій священникъ), Мармонтеля, Флоріана, Жанлисъ, Коцебу, Радклиффъ; оригинальные—Кадмъ и Гармонія Хераскова, Нума Помпилій его же, Русская амазонка, или геройская любовь россіянки, Елена, или рѣдкій примѣръ велико-

душія, Эмилія, или печальныя слѣдствія безразсудной любви. Лучшимъ въ художественномъ отношеніи слѣдуетъ признать романъ А. Измайлова—Евгеній, или пагубныя слѣдствія дурного воспитанія и сообщества.

Вторымъ романистомъ слѣдуетъ признать Г. Т. Нарѣжнаго. Вліяніе Оссіана, а также Слова о Полку Игоревѣ, впервые переложеннаго на современное нарѣчіе Мусинымъ-Пушкинымъ въ 1800 году, замѣтно на первыхъ повѣстяхъ Нарѣжнаго. Въ 1809 году вышла первая книга его „Славянскихъ вечеровъ". Въ ней помѣщено восемь повѣстей; ихъ можно назвать „эпическими поэмами, писанными прозой". Кромѣ „Слова о Полку Игоревѣ" и Оссіана авторъ пользовался и лѣтописями и другими древними памятниками. Онъ стремился внести въ разсказъ элементъ народности, что и выразилось во множествѣ славянскихъ и устарѣлыхъ словъ и даже искусственно созданныхъ архаизмовъ. По содержанію повѣсти представляютъ смѣсь лѣтописныхъ и былинныхъ разсказовъ, мотивовъ западныхъ рыцарскихъ романовъ и самобытнаго творчества автора. Гораздо популярнѣе были его сатирическіе романы. Въ *Бурсакѣ* (1824) вѣрно изображена жизнь въ бурсѣ, порядки и обычаи, въ ней заведенные. Много вѣрныхъ, очень комическихъ сценъ изъ бурсацкой жизни, хотя, конечно, все это гораздо ниже подобныхъ описаній у Гоголя (Вій). Въ романѣ *Два Ивана* (1825) изображается страсть малороссійскихъ помѣщиковъ вести тяжбы, позывать къ суду, кляузничать. Но, изображая современные нравы грубо, хотя и довольно вѣрно, Нарѣжный не всегда нравился читателямъ, какъ и А. Измаиловъ, изображавшій пьяныхъ подъячихъ и квартальныхъ. Болѣе нравились небольшія повѣсти Бенитцкаго напримѣръ *Бедуинъ*, *На другой день*, умныя по содержанію и замѣчательныя литературною отдѣлкою. Вообще романы и повѣсти были многочисленны и разнообразны. Изслѣдователи литературы успѣли даже раздѣлить это богатство на группы, напримѣръ, романы съ приключеніями, нравоучительные, восточныя повѣсти, сентиментальныя повѣсти, романы историческіе, реальные. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ мы находимъ общіе элементы романа: попытки воспользоваться родной исторіей, попытки описанія свѣтской жизни, помѣщичьей, подъяческой и сельской, реальное изображеніе жизни, юморъ, сатиру, дидактизмъ и нравственную тенденцію, попытки рѣшенія вопросовъ воспитанія, наконецъ, изображеніе страстей, жизнь сердца, и мечтательность, чувствительность и романтизмъ. Современники очень любили читать стихотворныя сказки И. Дмитріева „Модная жена" и „Причудница".

Вмѣстѣ съ романами и повѣстями огромнымъ успѣхомъ поль-

зовалась мѣщанская драма. Представителемъ ея былъ необыкновенно плодовитый Коцебу (авторъ и романовъ), котораго переводили и которому подражали. Мѣщанская драма нравилась обще-человѣческимъ содержаніемъ и большею естественностью игры. Изъ оригинальныхъ въ этомъ родѣ на первое мѣсто, по числу пьесъ и успѣху на сценѣ, слѣдуетъ поставить пьесы А. Шаховского, который болѣе тридцати лѣтъ обогащалъ комическій репертуаръ. Онъ былъ членъ Петербургской Театральной конторы по репертуарной части. Ш. учредилъ школу для формированія молодой труппы, самъ сочинилъ до 80 пьесъ, наблюдалъ за ихъ постановкою, давалъ совѣты артистамъ, поощрялъ молодые таланты. Въ его домѣ собирались просвѣщенные любители театра и актеры. Писалъ онъ очень много, обнаруживая наблюдательность, воображеніе, остроуміе, но ему недоставало глубины взгляда, серьезности мысли, за то много указаній на современныя лица и событія. Особенно много написано имъ театральныхъ пьесъ послѣ 1815 года, когда онъ вернулся изъ ополченія. Лучшее его произведеніе „Урокъ кокеткамъ или липецкія воды". Любопытна еще пьеса „Не любо не слушай...." первая написанная вольнымъ ямбомъ. Этотъ размѣръ, особенно удобный для комедій, получилъ потомъ дальнѣйшую обработку въ поэмѣ Батюшкова: „Странствователь и домосѣдъ", въ басняхъ Крылова и доведенъ до совершенства въ безсмертной комедіи Грибоѣдова.—Кромѣ Шаховского огромнымъ и вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ пользовались комедіи Хмѣльницкаго и романиста Загоскина.

Въ поэзіи дидактической уже вышли изъ моды разнаго рода описательныя и дидактическія поэмы, осталась только дидактическая лирика, т. е. собственно такъ называемая сатира; самымъ любимымъ предметомъ нападенія были бездарные писатели одъ (Восточная повѣсть Каибъ Крылова); но эти нападки на стихоманію не имѣли успѣха. Послѣднимъ уже смѣшнымъ представителемъ этого рода былъ графъ Хвостовъ. Болѣе серьезнымъ содержаніемъ и характеромъ отличались сатиры князя Н. М. Долгорукова, Горчакова и Нахимова.

Непосредственное знакомство съ иностранной литературой.

§ 58. Ложно-классическое направленіе, какъ было сказано, возникло изъ невѣрно истолкованной піитики Аристотеля, а также изъ превратно или односторонне понятыхъ образцовъ

древней поэзіи. Чтобы открыть ложь, принятую французами за истину и перешедшую отъ нихъ къ другимъ народамъ, необходимо было ближайшее, непосредственное знакомство съ ученіемъ Аристотеля и съ художественными произведеніями грековъ. Для насъ это было трудно потому, что немногіе изъ нашихъ литераторовъ могли похвалиться филологическимъ образованіемъ и отрѣшиться отъ французскихъ воззрѣній на подлинныя произведенія древнихъ и на способъ ихъ перевода. Однако были и между нашими литераторами такіе, которые своими трудами содѣйствовали знакомству съ античной поэзіей и тѣмъ положили начало освобожденію нашей литературы отъ исключительнаго вліянія французскихъ авторовъ. Между этими лицами заслуживаютъ вниманія: 1) Мерзляковъ (уже упомянутый выше). Онъ издалъ Подражанія и переводы изъ греческихъ и латинскихъ стихотворцевъ. 2) Мартыновъ. Онъ издалъ прозаическій переводъ классиковъ въ 26 томахъ. 3) Н. М. Муравьевъ-Апостолъ перевелъ комедію „Облака" и по поводу этой работы написалъ „Письма изъ Москвы въ Нижній-Новгородъ къ другу"; въ нихъ онъ говоритъ, что французская словесность во многомъ уступаетъ не только греческой, но и всѣмъ другимъ, напримѣръ англійской. Мысли Муравьева-Апостола еще подробнѣе развилъ 4) знаменитый переводчикъ Иліады Гнѣдичъ. Самый переводъ близокъ къ подлиннику. Рѣчь Гомера передана съ большою точностью, но не всегда сохранена простота его. Слогу придана какая-то торжественность внесеніемъ причастій и славянскихъ оборотовъ и даже вновь сочиненныхъ длинныхъ словъ, напримѣръ: лилейнораменная, пространно-властительный; но рядомъ стоятъ и простонародные обороты, напримѣръ: грянулъ въ голову камнемъ. Гекзаметръ Гнѣдича звученъ, плавенъ. Ему же принадлежитъ знаменитая идиллія „Рыбаки". Она написана въ стилѣ „подновленнаго" классицизма допушкинской эпохи; въ немъ полно красоты гармоническое описаніе Петербургской бѣлой ночи, первое, послѣ описаній полярныхъ ночей у Ломоносова, затѣмъ его повторили Пушкинъ (Мѣдный Всадникъ) и другіе писатели

Жуковскій (1783—1852).

§ 59. Ослабленію господства французскаго классицизма въ русской литературѣ содѣйствовала поэтическая дѣятельность Жуковскаго, который, посредствомъ прекраснаго перевода произведеній разныхъ иностран-

ныхъ писателей, раздвинулъ передъ нами поэтическій горизонтъ, открывъ новые богатые источники поэтическаго вдохновенія.

В. А. Жуковскій, сынъ богатаго помѣщика Тульской губерніи Бунина и плѣнной Турчанки, дѣтство свое провелъ въ обществѣ образованныхъ женщинъ, что имѣло очень благотворное вліяніе на развитіе его характера и направленіе его литературной дѣятельности. Сначала онъ учился въ Бѣлевѣ, а потомъ три года въ Москвѣ, въ томъ же пансіонѣ, гдѣ и Карамзинъ. Этотъ пансіонъ, какъ впослѣдствіи и Царскосельскій Лицей, имѣлъ важное значеніе въ исторіи русскаго образованія. Въ пансіонѣ воспитывались: Фонъ-Визинъ, Жуковскій, Дашковъ, Ал. И. Тургеневъ, Князь Одоевскій, Грибоѣдовъ и пр. Въ пансіонѣ Жуковскій изучалъ нѣмецкую и англійскую словесность и самъ участвовалъ въ литературныхъ трудахъ воспитанниковъ пансіона. Возвратясь на родину, въ село Мишенское, неотразимо привлекаемый воспоминаніями дѣтства и любовью къ роднымъ, онъ перевелъ элегію англійскаго писателя Томаса Грея „Сельское кладбище“ (1803); этотъ переводъ поставилъ его въ ряды лучшихъ поэтовъ, положилъ начало новой элегіи и очень понравился читателямъ своимъ гармоническимъ стихомъ. Когда сестра его Протасова вмѣстѣ съ двумя дочерьми, Маріей и Александрой, поселилась въ Бѣлевѣ, туда переѣхалъ и Жуковскій. Здѣсь онъ училъ своихъ племянницъ исторіи, словесности, и читалъ съ ними лучшія сочиненія на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Полюбивши одну изъ нихъ, именно Марію, онъ сталъ мечтать о семейномъ счастіи, и эта мечта не рѣдко была темою послѣдующихъ его лирическихъ произведеній. Свой взглядъ на семейное счастіе онъ выразилъ въ Разсужденіи „Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ?“ и впослѣдствіи въ элегіи „Теонъ и Эсхинъ“ (1814). Изъ Бѣлева Жуковскій переѣхалъ въ Москву и вмѣстѣ съ Каченовскимъ сталъ издавать „Вѣстникъ Европы“; его главный интересъ заключался въ трудахъ самого редактора; Здѣсь была напечатана баллада „Людмила“, подражаніе Бюргеровой Ленорѣ. Впечатлѣніе баллады было почти такое же сильное, какъ впечатлѣніе первой повѣсти Карамзина. Самъ Жуковскій въ подражаніе Карамзину написалъ „Марьину рощу“. Здѣсь лучшее — описаніе заброшеннаго терема. Подобное же находимъ впослѣдствіи у Лермонтова въ описаніи терема Боярина Орши, но уже съ оттѣнками байронизма. Переселившись снова въ Бѣлевъ, онъ наконецъ, въ 1812 году, рѣшился открыть свою любовь и намѣреніе жениться на Марьѣ Андреевнѣ Протасовой;

но встрѣтилъ рѣшительный отказъ со стороны матери, которой онъ приходился роднымъ братомъ. Отказъ не привелъ поэта къ отчаянію или къ разочарованію въ жизни, а только усилилъ въ немъ религіозное чувство; поэтъ утѣшался мыслію, что невозможное для него здѣсь счастіе будетъ достигнуто за гробомъ, куда съ этого времени и переселились его думы. Въ томъ же году Жуковскій поступилъ въ московское ополченіе. Написанный имъ подъ Тарутинымъ *„Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ“* проникнутъ истиннымъ патріотизмомъ и читался всею Россіею съ энтузіазмомъ. Въ 1813 году напечатана баллада *„Свѣтлана“*, а въ 1814—*„Посланіе Императору Александру“* и народный гимнъ *„Боже, Царя храни“*. Императрица Марія Ѳеодоровна, знавшая автора по „Пѣвцу„, приглашала Жуковскаго въ Петербургъ, но „другъ мирныхъ селъ“, предпочелъ „невѣдомую стезю широкимъ путямъ свѣта.“ Между тѣмъ Александра Андреевна Протасова вышла замужъ за литератора Воейкова. Получивъ каѳедру Русской исторіи въ Дерптскомъ университетѣ, Воейковъ переѣхалъ туда съ семействомъ Протасовыхъ, и Жуковскій, не желая оставаться на опустѣвшей родинѣ, послѣдовалъ за ними и жилъ въ Дерптѣ до 1815 года, когда былъ приглашенъ ко Двору и назначенъ чтецомъ при вдовствующей императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ. Въ этомъ же году послѣдователи Карамзина и друзья Жуковскаго основали литературное общество „Арзамасъ“, въ противоположность Шишкову и его сторонникамъ. Въ 1817 году Жуковскій былъ назначенъ преподавателемъ русскаго языка великой княгинѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ (впослѣдствіи супругѣ императора Николая I). Для нея онъ перевелъ стихотворенія лучшихъ нѣмецкихъ поэтовъ и переводы вмѣстѣ съ подлинниками издалъ въ 6 книгахъ, подъ названіемъ: „Для немногихъ“. Смерть Маріи Андреевны Мойеръ поразила его глубокой скорбью, но заставила еще сильнѣе привязаться къ другой племянницѣ, Воейковой. Избранный въ наставники наслѣдника престола, Александра Николаевича, Жуковскій всецѣло предался своей обязанности и обращался къ поэзіи только въ свободные часы и во время поѣздокъ за границу. Въ 1819 году онъ перевелъ *Ленору* Бюргера, *Кубокъ*, *Торжество побѣдителей*, *Жалобу Цереры* и пр. Живя въ 1831 году вмѣстѣ съ Пушкинымъ въ Царскомъ Селѣ, онъ написалъ нѣсколько сказокъ. Въ 1836 году онъ докончилъ Ундину. Въ 1840 году, окончивъ обязанности наставника при цесаревичѣ, онъ отправился въ Германію и черезъ годъ женился тамъ на дочери давнишняго своего друга, полковника Рейтерна, въ Дюссельдорфѣ. Теперь наконецъ осуществилось то счастіе, къ которому

поэтъ стремился съ юности, но котораго судьбѣ не угодно было ему дать. Остальное время своей жизни, проведенное заграницей, онъ посвятилъ поэзіи: перевелъ Одиссею и персидскую поэму *Рустемъ и Зорабъ*. Жуковскій умеръ въ Баденъ-Баденѣ въ 1852 году. Онъ погребенъ въ Петербургѣ, въ Александро-Невской лаврѣ, рядомъ съ Карамзинымъ.

§ 60. Главное значеніе Жуковскаго для русской литературы заключается въ томъ, что, посредствомъ прекрасныхъ художественныхъ переводовъ, онъ внесъ въ нее элементъ романтическій. Слово „романтизмъ" имѣетъ двоякое значеніе: 1) интересъ европейскаго общества и литературы конца 18-го и начала 19 столѣтій къ жизни и литературѣ среднихъ вѣковъ; 2) внутренняя, задушевная сторона жизни человѣка, жизнь его сердца. Первое значеніе относится ко второму, какъ частное къ общему. Въ исторіи литературы оба значенія сливаются. Сюда привходятъ и еще нѣкоторые элементы: сочувствіе къ простой сельской жизни, къ природѣ, интересъ къ своей національной поэзіи, разочарованіе дѣйствительностью, протестъ противъ стѣснительныхъ требованій французскаго классицизма 18-го столѣтія. Мысль о нравственномъ единствѣ человѣчества, высказанная Гердеромъ и развитая въ романтизмѣ, чрезвычайно расширяла научные и поэтическіе интересы: желаніе изучить проявленія человѣческаго духа повело къ неизвѣстному прежде изслѣдованію всеобщей литературы и исторіи и къ обширнымъ переводнымъ предпріятіямъ (особенно у нѣмцевъ). Изученіе древности (Лессингъ и Винкельманъ), распространенное романтизмомъ, давало понятію объ искусствѣ такую широту, какой оно никогда не имѣло прежде, и дало начало новѣйшей эстетической критикѣ. Влеченіе къ идеализированной старинѣ, внушенное потребностью найти единство жизни и идеала, чрезвычайно подвинуло и изученіе дѣйствительной старины и народной жизни. Словомъ романскій (римскій) первоначально названы были европейскіе языки, образовавшіеся отъ слитія

простонароднаго языка съ разными германскими діалектами. Потомъ это названіе перешло и на всю литературу, сохранившуюся на этомъ смѣшанномъ языкѣ. Сначала подъ этимъ разумѣлась народная проза Среднихъ вѣковъ, въ которой понятія христіанскія смѣшивались съ греко-римскими и съ преданіями изъ міра германскаго, гальскаго, нормандскаго. Потомъ явились и поэты, которые обрабатывали, группировали народную поэзію, или брали изъ нея матеріалы для своихъ поэтическихъ созданій, напримѣръ: Аріостъ, Тассъ. Въ эпоху полнаго господства ложноклассической французской поэзіи, эта средневѣковая словесность была въ совершенномъ пренебреженіи. Первые, кто обратилъ на нее вниманіе, были братья Шлегели, во второй половинѣ XVIII столѣтія. Они желали противопоставить ее, какъ національное достояніе, чуждымъ элементамъ и утверждали, что въ средневѣковомъ романтизмѣ Христіанство связывало въ одно и государство, и церковь, и народъ, и науку съ искусствомъ и жизнью; что въ Средніе вѣка всѣ интересы и направленія сходились въ высшемъ пунктѣ религіи, и поэзія, вытекавшая изъ религіи, вездѣ проникала жизнь; что поэтому въ Средніе вѣка, несмотря на рѣзкое разъединеніе сословій феодальныхъ государствъ, всѣ явленія жизни имѣли тѣсную связь съ народной жизнью и пр. Романтики со страстью принялись за разработку и воспроизведеніе средневѣковой жизни, литературы и науки — во всѣхъ ихъ проявленіяхъ; начали собирать средневѣковыя легенды, сказанія, сказки, народныя пѣсни. Къ романтической школѣ примкнули многія замѣчательныя дарованія, хотя она имѣла и многихъ жаркихъ противниковъ.

Въ началѣ XIX столѣтія романтическое движеніе сильно обнаружилось и въ литературѣ англійской. Но тутъ возникла преимущественно поэзія разочарованія— байронизмъ. Эта поэзія имѣла также вліяніе и на нашу

литературу, но только уже впослѣдствіи (Пушкинъ и Лермонтовъ). Во французской литературѣ романтизмъ выразился тоже въ сочувствіи къ средневѣковой поэзіи и къ католическимъ преданіямъ и кромѣ того въ борьбѣ съ ложнымъ классицизмомъ (Викторъ Гюго, Ламартинъ, Альфредъ-де-Мюссе, Шатобріанъ и пр.). Русская литература заимствовалась понемногу разными элементами романтизма, смотря по тому, что отвѣчало ея уровню и ближайшимъ потребностямъ.

Жуковскій же внесъ къ намъ собственно нѣмецкій романтизмъ со всѣми его неопредѣленными стремленіями въ туманное прошедшее, съ порывами отъ земли къ небу, съ фантастическимъ царствомъ разныхъ таинственныхъ силъ и видѣній, мистическою вѣрою въ чудесное и сверхъестественное.

§ 61. 1840 годъ раздѣляетъ литературную дѣятельность Жуковскаго на два періода. Изъ нихъ первый, обнимающій 40 лѣтъ, гораздо важнѣе въ русской литературѣ, нежели второй.

Сочиненія Жуковскаго, относящіяся къ первому періоду, можно раздѣлить на слѣдующіе три разряда: патріотическія оды, элегіи и баллады. Патріотическія оды относятся къ Державинскому направленію. Такова, напримѣръ, упомянутая выше ода „*Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ*“. Сюда же относятся Пѣвецъ въ Кремлѣ, Пѣснь Барда надъ гробомъ славянъ побѣдителей. Здѣсь все еще фигурируютъ мечи, шлемы, щиты, россы, но есть нѣчто и новое, напримѣръ, много лирическихъ мѣстъ о родинѣ, братствѣ, любви, поэзіи. Въ „Пѣсни Барда“ поэтъ взываетъ о мщеніи за Аустерлицкое пораженіе. Тутъ какъ будто предчувствіе нашего освободительнаго похода въ Европу въ 1814 году. Остальные два вида произведеній суть переводы и подражанія. Жуковскій переводилъ изъ Бюргера, Уланда, Рюкерта, Зейдлица, Шиллера, Гете, Вальтеръ Скотта, Байрона. Его переводы на столько глубоко прочувствованныя и

художественно возсозданныя произведенія, что они скорѣе могутъ быть названы оригинальными, чѣмъ переводными. Первыя произведенія Жуковскаго въ элегическомъ родѣ отличаются сентиментальнымъ настроеніемъ. Лучшія, т. е. вполнѣ характеризующія поэта и имѣвшія сильное вліяніе на современную литературу элегіи суть: *Теонъ и Эсхинъ, Путешественникъ, Опять ты здѣсь... Минувшихъ дней очарованье, Узникъ, Таинственный посѣтитель, Элевзинскій праздникъ.* Изъ этихъ элегій въ Теонѣ и Эсхинѣ сгруппированы романтическія идеи Жуковскаго. Сюда относятся: изображеніе духовной стороны жизни человѣка, исканіе идеала въ самомъ себѣ, а не во внѣшнемъ мірѣ, вѣчность любви, сладость воспоминанія, прелесть грусти въ настоящемъ, безпрерывные порывы души къ небу, увѣренность, что земной путь лежитъ къ прекрасной, возвышенной цѣли; кто созналъ эту цѣль, тому вселенная кажется прекрасной, а жизнь — священной. Въ этихъ элегіяхъ видно искусство поэта живописать картины природы и влагать въ нихъ романтическую жизнь. Утро-ли, полдень-ли, вечеръ-ли, или пейзажъ, — все это дышетъ какой-то таинственной, исполненной чудныхъ силъ жизнію.

Баллады скоро пріобрѣли поэту популярность, потому что, благодаря своему фантастическому содержанію, читателямъ были понятны и сильно дѣйствовали на воображеніе. Сюда относятся: *Людмила, Двѣнадцать спящихъ Дѣвъ, Свѣтлана.* Баллада *Эолова арфа* не есть переводъ, но, по богатству романтическаго элемента, по красотѣ и по необыкновенной мелодичности стиха, она не уступаетъ лучшимъ переводамъ, а лучшими считаются тѣ, которыя взяты изъ Шиллера; однѣ изъ жизни германской, напримѣръ: *Кубокъ, Перчатка, Сраженіе со змѣемъ;* другія — изъ жизни греческой, напримѣръ: *Ивиковы журавли, Торжество побѣдителей, Жалоба Цереры.* Заимствованная изъ Вальтеръ-Скотта бал-

лада *Замокъ Смальгольмъ* проникнута мрачнымъ колоритомъ сѣверной поэзіи, между тѣмъ *Шильонскій узникъ* (изъ Байрона), при всей вѣрности подлиннику, при удивительной силѣ и красотѣ стиха, получилъ въ переводѣ Жуковскаго иной духъ и характеръ: страшная картина мрачнаго и холоднаго отчаянія, изображенная Байрономъ, замѣнена здѣсь покорнымъ и тоскливымъ страданіемъ и безвыходной скорбью. — Драматическія сочиненія Жуковскаго суть—большая драма „Орлеанская Дѣва“ Шиллера и „Памоэнсъ“. Въ драмѣ „Орлеанская Дѣва“ Жуковскій придерживается стихотворныхъ размѣровъ подлинника, измѣняющихся нѣсколько разъ въ теченіе пьесы. Лирическія и драматическія мѣста удались Жуковскому болѣе, чѣмъ отвлеченныя разсужденія и афоризмы въ стихахъ, которыми испещрена пьеса Шиллера.

Второй періодъ поэтической дѣятельности Жуковскаго носитъ совершенно иной характеръ. По его собственному выраженію, онъ „изъ мечтательнаго романтика сдѣлался трезвымъ классикомъ“: отъ элегій и балладъ перешелъ къ ровному эпическому разсказу. Въ это время онъ перевелъ *Ундину*, индійскую поэму *Наль и Дамаянти* и героическую повѣсть *Рустемъ и Зорабъ*, одинъ эпизодъ изъ персидской поэмы Шахъ-Наме. Важнѣйшій трудъ его есть переводъ Одиссеи (1847). Онъ сдѣланъ не съ подлинника, а съ подстрочнаго нѣмецкаго перевода. Въ переводѣ Жуковскаго, сравнительно съ переводомъ Гнѣдича, больше безыскусственной красоты, больше художественной отдѣлки въ языкѣ; но у него замѣтна неточность, происходящая частью отъ незнанія языка подлинника, частью отъ меланхоліи, которую мечтательная душа Жуковскаго внесла въ рѣчь Гомера.

Огромную заслугу Жуковскаго составляетъ преобразованіе нашего слога, не только поэтическаго, но и прозаическаго. Мы видимъ у него живость разсказа,

яркость описаній, граціозность положеній, разнообразіе картинъ. По двумъ періодамъ поэтической дѣятельности Жуковскаго, слогъ его представляетъ два отличія: въ пьесахъ романтическихъ, онъ, соотвѣтственно содержанію, по преимуществу музыкаленъ; въ пьесахъ того времени, когда Жуковскій, говоря его словами, изъ мечтателя-романтика сдѣлался классикомъ, онъ по-преимуществу изобразителенъ.

§ 62. Честь вполнѣ художественнаго переводчика раздѣляетъ съ Жуковскимъ К. Н. Батюшковъ (1787—1855). Подъ вліяніемъ современнаго романтизма и поэзіи Оссіана, Батюшковъ написалъ нѣсколько стихотвореній въ этомъ духѣ, напримѣръ: *Тѣнь друга*, *Умирающій Тассъ*, *На развалинахъ замка въ Швеціи*. Уже здѣсь мы видимъ достоинство его поэзіи, именно осязательность, пластичность формы, что составляетъ рѣзкую противоположность неопредѣленности образовъ у Жуковскаго. Но значеніе въ исторіи литературы имѣютъ стихотворенія въ антологическомъ родѣ, переводы изъ Тибулла, Петрарки, Бокаччіо, Парни, что называлось тогда легкой поэзіей. Содержаніемъ ея служатъ радости любви и красоты природы, а форма отличается краткостью, простотою и изяществомъ. Впослѣдствіи къ этому роду принадлежали многія небольшія произведенія Пушкина и первыя стихотворенія Аполлона Майкова. Батюшковъ писалъ и прекрасной прозой; образцомъ ея служитъ извѣстное описаніе Финляндіи, съ которою онъ познакомился во время войны. На этомъ описаніи видны отпечатки сѣверной поэзіи, которою въ то время всѣ интересовались по случаю выхода въ свѣтъ Макферсонова сборника (хотя подложнаго) пѣсенъ Оссіана, сына Фингалова, барда III вѣка.

— —

Усиленіе національнаго элемента въ поэзіи. И. А. Крыловъ (1763—1844).

§ 63. Переводы изъ древней и новой поэзіи расширили предѣлы нашей литературы, указывая многоразличіе художественныхъ образовъ и ослабляя пристрастіе къ классицизму. Но нашей поэзіи недоставало самостоятельнаго развитія, которое достигается наблюденіемъ народной жизни и выраженіемъ ея въ подлинномъ видѣ. Стремленіе къ народности обнаруживалось во многихъ произведеніяхъ прежнихъ писателей, но гораздо выше въ этомъ отношеніи стоятъ сочиненія Крылова, удовлетворяя и чувству народности и другимъ требованіямъ образованнаго вкуса.

Дѣтство нашего знаменитаго „дѣдушки Крылова" прошло въ борьбѣ съ крайней бѣдностью и нравственными нуждами мелкаго чиновничьяго быта, къ которому онъ принадлежалъ по происхожденію. Мать Крылова, по смерти мужа, привезла мальчика на четырнадцатомъ году его жизни въ Петербургъ. Онъ поступилъ на службу, а между тѣмъ свелъ знакомство съ лучшими современными писателями и самъ упражнялся въ литературѣ съ успѣхомъ, благодаря только силѣ таланта: писалъ трагедіи, оды и посланія. На 21-мъ году, оставивши службу, Крыловъ принялся за изданіе журналовъ. Ихъ было три: *„Почта Духовъ"*, *„Зритель"* и *„Петербургскій Меркурій"* (1789—1793). Въ этихъ журналахъ онъ обнаружилъ сатирическій талантъ, наблюдательность и знаніе родного языка. Статьи его были написаны приличнымъ языкомъ, чуждымъ славянизмовъ и галлицизмовъ, которыми испещрена была тогдашняя литература. Потомъ Крыловъ предался праздности, живя то въ Петербургѣ, то въ провинціи. Въ 1806 году онъ опять явился въ столицу и привезъ съ собою двѣ комедіи: *„Модная лавка"* и *„Урокъ дочкамъ"* и переводъ двухъ басенъ Лафонтена: *Дубъ и Трость* и *„Разборчивая невѣста"*. Понявши, что басни ему по силамъ, Крыловъ продолжалъ ихъ писать и написалъ около 200; тридцать были заимствованы у другихъ, а остальныя принадлежатъ ему и по разсказу. Въ 1811 году онъ поступилъ на службу въ Публичную библіотеку, но ничего не работалъ, благодаря тому, что старшимъ по должности былъ аккуратный Гнѣдичъ (переводчикъ Иліады). Крыловъ имѣлъ тамъ казенную квартиру и прожилъ въ ней 30 лѣтъ при одной

обстановкѣ и съ одними привычками. Въ 1841 году Крыловъ вышелъ въ отставку, а въ 1844 умеръ.

§ 64. Литературную дѣятельность Крылова можно раздѣлить на два періода. Къ первому относится изданіе журналовъ, а ко второму—сочиненіе двухъ комедій и басенъ. Сходство между этими періодами заключается въ томъ, что въ обоихъ аллегорическая форма развитія мысли является господствующей, и предметы обличенія почти одни и тѣ-же.

Въ журналѣ *„Почта духовъ“*, главный предметъ — обличеніе иностраннаго воспитанія нашего дворянства; сообщая дворянамъ внѣшній образъ европейца, оно не только не дѣлало ихъ просвѣщеннѣе, но и вытравляло въ нихъ похвальныя черты отечественныхъ нравовъ. Лучшее содержаніе журнала *„Зритель“*, составляютъ статьи самого издателя: *Восточная повѣсть Каибъ* и *Похвальная рѣчь въ память моему дѣдушкѣ*. Послѣдняя иронически восхваляетъ достоинства помѣщика, любителя собакъ и лошадей, умѣвшаго въ короткій срокъ растратить свое имущество, которое крестьяне нажили въ нѣсколько лѣтъ. Въ комедіи *„Модная лавка“* осмѣивается страсть къ французскимъ модамъ и обычаямъ и положеніе французскихъ гувернеровъ и гувернантокъ, которые ловко умѣютъ воспользоваться довѣрчивостью жителей столицы. Предметъ комедіи *„Урокъ дочкамъ“* — невѣжественное пристрастіе къ французскому языку.

Крыловъ, равно какъ и Лафонтенъ, отличается отъ прежнихъ и новыхъ баснописцевъ тѣмъ, что оба они придаютъ одинаковое значеніе и нравоученію и разсказу. По содержанію басни Крылова можно раздѣлить на слѣдующія группы: о трудѣ, о воспитаніи, невѣжествѣ, судопроизводствѣ, объ отношеніяхъ сословій. Немало у него басенъ, написанныхъ по поводу историческихъ событій, особенно войны 1812 года.

По формѣ басни Крылова отличаются художественностью развитія мысли и народностью, какъ въ изобра-

женіи предметовъ, такъ и въ языкѣ. Художественность состоитъ въ ясности выраженія идеи басни, въ драматизмѣ хода дѣйствія, въ типичности изображенія предметовъ, во множествѣ картинъ, каковы, напримѣръ, пѣніе соловья, буря, морозъ, моръ звѣрей, вредъ, наносимый вольнодумными писателями; въ языкѣ много живописности, звукоподражательности. Красоту русскому литературному слогу сообщили еще прежде Крылова Карамзинъ, Жуковскій и Батюшковъ. Собственно Крылову принадлежитъ народность слога. Признаки народности: явленія общечеловѣческой жизни изображаются въ образахъ русскаго быта. Животныя представлены такими, какими мы видимъ ихъ въ сказкахъ. Въ сужденіяхъ преобладаетъ простой, здравый смыслъ, тотъ задній умъ, которымъ крѣпокъ русскій человѣкъ. Во взглядѣ на вещи замѣтна иронія. Относительно языка басни Крылова представляютъ полное богатство народности. Недаромъ ученые, изучающіе языкъ, составляющіе грамматику, примѣры берутъ изъ пословицъ и басенъ Крылова. Самъ Крыловъ часто пользовался народными пословицами, и наоборотъ, многія его выраженія сдѣлались пословицами. Въ построеніи предложеній видимъ черты живого разговорнаго языка (очень часто попадаются безличныя предложенія). Въ этимологіи видимъ свободу въ употребленіи словъ ласкательныхъ, уменьшительныхъ. Вообще для словаря русскаго языка басни Крылова представляютъ неисчерпаемую сокровищницу. Но рядомъ съ этимъ въ языкѣ его басенъ видны остатки риторической школы, напримѣръ, важность, напыщенность тона въ нравоученіяхъ и употребленіе терминовъ изъ миѳологіи (Зевесъ, Юпитеръ, Парнасъ, Музы и проч.).

Грибоѣдовъ (1795—1829).

§ 65. Благодѣтельныя реформы Александра I, знакомство русскихъ съ европейскимъ образованіемъ послѣ достопамятной Отечественной войны, способствовали, какъ было уже говорено, появленію въ русскомъ обществѣ многихъ образованныхъ людей, понимавшихъ, подобно Карамзину, недостатки общественной и частной жизни въ Россіи и пользу просвѣщенія. Къ числу такихъ образованныхъ и энергичныхъ патріотовъ относится и знаменитый авторъ комедіи „Горе отъ ума", Грибоѣдовъ, котораго сильный драматическій талантъ развился, благодаря счастливому положенію нашей драмы и сценическаго искусства въ первой четверти XIX вѣка. Успѣхамъ драмы помогло развитіе общественнаго вкуса къ театру и одновременное появленіе талантливыхъ писателей и артистовъ. Особенной страстью къ театру и заботами о немъ отличался упомянутый выше князь А. Шаховской. Въ его домѣ собирались просвѣщенные любители театра и актеры. Литературныя бесѣды, чтенія драматическихъ пьесъ, разсужденія о ихъ постановкѣ, способствовали развитію драматическаго таланта и въ Грибоѣдовѣ.

§ 66. Александръ Сергѣевичъ Грибоѣдовъ родился въ богатой дворянской семьѣ и принадлежалъ къ высшему московскому обществу. Онъ отъ природы отличался блестящими способностями, которыя были сверхъ того правильно развиты основательнымъ домашнимъ воспитаніемъ и посѣщеніемъ университетскихъ лекцій. Грибоѣдовъ хорошо зналъ языки, серьезно изучалъ политическія науки и съ успѣхомъ занимался музыкой. По примѣру многихъ молодыхъ людей, онъ въ 1812 году поступилъ въ военную службу, но пробылъ въ ней не болѣе четырехъ лѣтъ и возвратился въ Москву. Тамъ онъ пользовался уваженіемъ, благодаря своему основательному образованію, изяществу вкуса, знанію свѣта, особенно благородству характера. Съ 1818 года Грибоѣдовъ служилъ по дипломатической части, сначала въ Персіи, гдѣ занимался изученіемъ персидскаго языка и литературы. Здѣсь онъ составилъ планъ комедіи, изображающей московское общество, „гдѣ всѣ помѣшаны на приличіяхъ, истинно-

изящнаго не понимаютъ, дорожатъ только чинами и быстрыми успѣхами по службѣ и, полагая въ этомъ свой идеалъ, стремятся къ нему, съ забвеніемъ всѣхъ благороднѣйшихъ стремленій". Хотя служба его была успѣшна, но Грибоѣдовъ томился ею и просилъ отпуска въ Россію, куда его влекли литературные интересы. Въ Москвѣ Грибоѣдовъ оставался недолго. Въ 1822 году онъ отправился въ Грузію, чтобы служить при Ермоловѣ. Вторичное возвращеніе въ Москву дало поэту возможность провѣрить прежнія наблюденія и сдѣлать новыя. Постоянно посѣщая самое блестящее общество и примѣняя къ нему свой идеалъ человѣческаго совершенства, ясно имъ сознаваемый и глубоко прочувствованный, онъ не могъ не приходить въ негодованіе, которое и излилось такъ энергически во многихъ монологахъ Чацкаго. Наконецъ комедія „Горе отъ ума" была написана, но цензура ее не одобрила, къ великому огорченію автора, котораго мало успокоило быстрое распространеніе комедіи въ рукописи. Онъ опять возвратился въ Грузію, занялся службою, но скучалъ ея обстановкою, переѣздами. Окружающая дѣйствительность своей пустотой только раздражала его; въ немъ стало чувствоваться разочарованіе, равнодушіе къ жизни, спокойное ожиданіе смерти. Наблюдая Петербургское и московское общество, онъ ясно видѣлъ, что между этимъ обществомъ и простымъ народомъ нѣтъ никакого сходства: какъ будто образованная публика—вовсе не русская. а какой-то другой народъ. Наконецъ ему пришлось опять ѣхать въ Персію. Считая необходимымъ составить себѣ свиту, хорошо знакомую съ восточнымъ бытомъ, новый посланникъ окружилъ себя грузинами и армянами, которые воспользовались такимъ лестнымъ выборомъ только для себя: они стали хлопотать о возвращеніи своихъ родственниковъ, попавшихъ въ плѣнъ; образовались интриги, столкновенія, часто до посланника не доходившія, а между тѣмъ вооружившія туземцевъ противъ представителя Россіи. Быстро и неожиданно для посланника вспыхнулъ мятежъ. Разъяренная толпа городской черни окружила русскій посольскій домъ, избила всю посольскую свиту, въ числѣ 26 человѣкъ, и безчеловѣчнымъ образомъ изрубила самого посланника. Такъ кончилась жизнь замѣчательнаго поэта и выдающагося политическаго дѣятеля.

§ 67. Важнѣйшее произведеніе Грибоѣдова, комедія *Горе отъ ума* долго еще будетъ удовлетворять эстетическому вкусу образованнаго общества, а историческое значеніе упрочено за ней навсегда. Здѣсь изображенъ человѣкъ, который, глубоко проникнувшись новыми

идеями и обладая сильною энергіею, выступилъ на борьбу съ отживающими обычаями, а не относился къ нимъ съ гордымъ презрѣніемъ, какъ поступили впослѣдствіи герои Пушкина и Лермонтова. Подчинившись господствующей теоріи, авторъ положилъ въ основаніе драматической борьбы любовь Чацкаго къ Софьѣ и сожалѣніе Чацкаго, что Софья любитъ Молчалина, а не его; другое нехудожественное качество пьесы—недостатокъ дѣйствія: положеніе дѣйствующихъ лицъ не измѣняется въ теченіе всѣхъ четырехъ актовъ; они мало дѣлаютъ, а много говорятъ. Отсюда и выводилось заключеніе, что „Горе отъ ума" не столько комедія, сколько сатира, превосходно обдуманная, строго правдивая, кипящая огнемъ негодованія. Но какъ бы то ни было, это—весьма яркая картина Московскаго общества первой половины XIX стол. Въ пьесѣ это общество дѣлится на два поколѣнія: господствующее и возникающее. Первое раздѣляется на два кружка. Члены одного принадлежатъ къ старинному московскому барству, воспитанному во французскомъ духѣ; они мелочны, заняты интригами и сплетнями, думаютъ только о сохраненіи репутаціи, о поддержаніи связей. Представителемъ ихъ служитъ Фамусовъ. Изъ этой группы выведено очень много разнообразныхъ лицъ, изъ которыхъ иныя вовсе не принимаютъ участія въ дѣйствіи, но за то весьма типичны. Таковъ самъ Фамусовъ, для котораго образцомъ служитъ дядюшка Максимъ Петровичъ; таковъ же Молчалинъ, носящій тѣ же фамусовскія черты, но уже въ дальнѣйшемъ развитіи, полковникъ Скалозубъ, выгодный женихъ для Софьи въ глазахъ Фамусова между прочимъ потому, что давно полковникъ, а служитъ недавно. Типиченъ Платонъ Михайловичъ—добрый, безхарактерный мужъ, во всемъ покоряющійся своей женѣ; Загорѣцкій — „лгунишка, картежникъ, воръ, да мастеръ угодить". Не такъ много говорятъ и дѣйствуютъ дамы, но, выводя ихъ на сцену,

Грибоѣдовъ съ замѣчательнымъ искусствомъ обрисовываетъ ихъ характеры. Особенно выдаются Наталья Дмитріевна (жена Платона Михайловича), Хлестова, (тетка Софьи, разслабленная старуха), которую утѣшаютъ только сплетни.—Другой кружокъ, изъ котораго на сцену является только Репетиловъ, составляетъ „сокъ умной молодежи". Онъ нисколько не выше общества Фамусова, хотя считаетъ себя выше. Это—молодежь, которая имѣетъ въ виду одну цѣль: пускать пыль въ глаза, щеголять своимъ ухарствомъ и либерализмомъ.

Представителемъ поколѣнія возникающаго, идеаломъ Грибоѣдова, является Чацкій. Его стремленія совершенно противоположны фамусовскимъ или репетиловскимъ. Онъ требуетъ, чтобы молодежь получала серьезное, а не поверхностное образованіе и чтобы образованіе—то было въ рукахъ чисто русскихъ людей. Знаменитые его монологи ясно показываютъ въ авторѣ присутствіе глубокаго чувства національности, враждебный взглядъ на полуобразованность и свѣтскую пустоту, наконецъ глубокую вѣру въ спасительность истиннаго европейскаго просвѣщенія. Хотя убѣжденія Чацкаго, въ высшей степени правильныя, честныя, сдѣлались теперь убѣжденіями значительной части образованнаго общества, но мы должны все-таки сказать, что ему, или точнѣе, самому автору, недоставало объективнаго, спокойнаго взгляда на жизнь. Недостатокъ спокойствія не разъ побуждалъ Чацкаго высказывать убѣжденія по меньшей мѣрѣ странныя, напримѣръ, чтобы у китайцевъ поучиться намъ „премудрому незнанью иноземцевъ", или что слѣдуетъ возвратиться къ старинной русской одеждѣ. Но такихъ сужденій не много. За исключеніемъ ихъ, мысли Чацкаго невольно приковываютъ вниманіе публики. Особенно сильное впечатлѣніе и до сихъ поръ производятъ монологи, выраженные необыкновенно сильнымъ, мѣткимъ, рельефнымъ стилемъ. Поражаетъ наконецъ и самый стихъ, этотъ вольный ямбъ, близкій къ раз-

говорному языку. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи Грибоѣдовъ имѣлъ предшественниковъ въ лицѣ Шаховского, Хмѣльницкаго и особенно баснописца Крылова (о чемъ сказано выше). Прекрасные разборы комедіи принадлежатъ Гончарову („Милліонъ терзаній" въ „Четырехъ очеркахъ") и Алексѣю Веселовскому (Этюды и характеристики. Второе изд. 1903).

II.

Эпоха Императора Николая I-го.

§ 68. Сочиненія Карамзина и его послѣдователей распространили въ русскомъ обществѣ гуманныя начала, сочувствіе къ нравственнымъ идеаламъ, убѣжденіе, что образованіе возвышаетъ духовную природу человѣка и приноситъ ему счастіе; а историческій трудъ Карамзина, появившійся наканунѣ Отечественной войны, способствовалъ пробужденію въ обществѣ и патріотическаго чувства. Когда послѣ войны наступило затишье, передовые люди, проникнутые любовью къ родинѣ, снова обратили вниманіе на разнообразныя явленія въ нашей общественной жизни, мѣшавшія свободному развитію отдѣльной личности. Въ числѣ этихъ явленій на первомъ планѣ стояло крѣпостное право, а затѣмъ неравенство передъ закономъ, произволъ исполнителей его, отсутствіе гласности и пр. Недовольство этими явленіями или отсутствіе надежды, что ихъ устранятъ, повело къ тому, что передовые люди потеряли интересъ къ общественнымъ дѣламъ, разочаровались. Къ этому подоспѣло проникновеніе въ русское общество Байронизма, презрѣнія къ жизни, равнодушія. Хотя правительство иногда сдерживало слишкомъ смѣлые порывы ревнителей общественнаго блага, но, съ своей стороны, дѣйствовало во имя этого же общественнаго блага, руководясь принципами „православія, самодер-

жавія и народности:“ Эти три начала были положены въ основу внутренняго управленія, но, въ виду разныхъ политическихъ вѣяній и событій на Западѣ, примѣнялись къ жизни съ нѣкоторой суровостью; это не мѣшало наукѣ изучать прошедшую и современную жизнь, а поэзіи художественно и въ то же время правдиво ее воспроизводить. Такимъ образомъ направленіе литературы получило названіе художественно-національной. Главнѣйшимъ представителемъ ея былъ величайшій русскій поэтъ А. С. Пушкинъ.

Пушкинъ, представитель поэзіи художественно-національной (1799—1837).

§ 69. 1. Пушкинъ родился въ селѣ Ваземѣ, въ 20 верстахъ отъ Москвы. Прадѣдомъ его по матери былъ негръ Ибрагимъ (Абрамъ), взятый съ другими дѣтьми абиссинскаго князька заложникомъ въ Константинополь. Онъ изображенъ Пушкинымъ въ неоконченной повѣсти „Арапъ Петра Великаго“. Внучка Ибрагима, Надежда Осиповна, вышла замужъ за гвардейскаго офицера Сергѣя Львовича Пушкина. Онъ былъ хорошо знакомъ съ французской литературой и собралъ большую библіотеку французскихъ книгъ, но не чуждался и русской литературы. Онъ принималъ у себя въ домѣ тогдашнихъ русскихъ писателей— Карамзина, Дмитріева, Жуковскаго, Батюшкова, и на французскомъ языкѣ бесѣдовалъ съ ними о русской литературѣ. Воспитаніе А. Пушкина было предоставлено бабушкѣ его Александрѣ Сергѣевнѣ. Она окружила его французскими гувернерами и гувернантками, благодаря которымъ мальчикъ отлично выучился французскому языку и нерѣдко, забравшись въ библіотеку своего отца, по нѣскольку часовъ проводилъ за французской литературой XVII и XVIII столѣтій. Чтеніе этихъ книгъ, зачастую проникнутыхъ вольнымъ духомъ и безбожіемъ, отразилось и на организмѣ и на представленіяхъ впечатлительнаго мальчика. Но здоровая натура переработала эти чуждые элементы, и Пушкинъ не обратился въ великосвѣтскаго француза, какимъ былъ его отецъ, а остался вполнѣ русскимъ человѣкомъ, благодаря между прочимъ вліянію няни Арины Родіоновны, память о которой онъ увѣковѣчилъ многими прекрасными стихами. Она знала, какъ

нельзя короче, весь русскій сказочный міръ и передавала его оригинально, пересыпая свои разсказы поговорками и пословицами. Слѣдовательно, черезъ нее Пушкинъ познакомился съ русскими сказками и усвоилъ все богатство народной рѣчи.

2. Въ 1811 году, двѣнадцати-лѣтній Пушкинъ поступилъ въ только что открытый тогда царскосельскій лицей. Тамъ онъ учился не блестяще: ему недоставало вниманія, усидчивости, выдержки, но скучныя занятія вознаграждались литературнымъ образованіемъ, чему содѣйствовала лицейская библіотека. Эта библіотека, а вмѣстѣ съ тѣмъ тѣсный товарищескій кружокъ, обстановка лицейской жизни, царскосельскіе сады и парки, богатые памятниками блестящей Екатерининской эпохи—все имѣло благотворное вліяніе на развитіе юнаго поэта. Онъ скоро выказалъ свой дивный даръ: сталъ писать стихи, сначала подражая легкой французской лирикѣ, а потомъ и русскимъ лучшимъ поэтамъ: Державину, Жуковскому и Батюшкову. Стихотвореніе *„Подъ вечеръ осенью ненастной“*, написанное въ эту эпоху, многіе изъ насъ помнятъ до сихъ поръ. Нѣсколько стихотвореній: когда поэту было только 15 лѣтъ, помѣщены были въ Вѣстникѣ Европы, тогдашнемъ лучшемъ журналѣ. Жуковскій называлъ Пушкина своимъ учителемъ и дорожилъ его мнѣніемъ. Въ 1815 году на лицейскомъ экзаменѣ въ присутствіи Державина Пушкинъ прочелъ свое стихотвореніе „Воспоминаніе въ Царскомъ селѣ“ и удостоился лестнаго одобренія маститаго пѣвца Фелицы.

3. По выходѣ изъ лицея въ 1817 году, Пушкинъ поступилъ на службу въ иностранную коллегію. Ему не удалось попасть въ среду серьезныхъ людей, стремившихся къ осмысленной жизни: его опутала богатая военная молодежь, преданная свѣтскимъ удовольствіямъ. Жизнь этого общества описана поэтомъ въ первой главѣ романа „Евгеній Онѣгинъ“. Поэтъ не испыталъ и благодѣтельныхъ литературныхъ вліяній и, хотя тотчасъ по окончаніи ученія сдѣлался членомъ литературнаго общества „Арзамасъ“ (гдѣ носилъ прозваніе „Свѣрчка“), но по таланту стоялъ гораздо выше другихъ его членовъ. Между тѣмъ слава Пушкина росла съ каждымъ днемъ, а его стихотворенія, не подчинявшіяся господствовавшимъ въ тогдашней литературѣ мнѣніямъ, и особенно поэма Русланъ и Людмила, вышедшая въ 1820 году, вызвали въ обществѣ цѣлую бурю. Но Пушкинъ не принималъ участія въ возникшихъ спорахъ классиковъ и романтиковъ; по живости своей натуры, интересуясь современной жизнію, поэтъ бралъ близко къ сердцу все, что передъ нимъ совершалось, и выражалъ свое одобреніе или порицаніе мѣткими сатирами и

эпиграммами. Въ результатѣ вышло, что въ 1820 году его перевели на службу въ канцелярію генерала Инзова, жившаго въ Екатеринославѣ и завѣдывавшаго колонистами южнаго края.

4. Съ сожалѣніемъ и даже съ нѣкоторымъ озлобленіемъ Пушкинъ оставилъ шумную столицу и дружескій кружокъ, но скоро утѣшился положеніемъ поэта—изгнанника, въ чемъ было много привлекательнаго. Онъ сравнивалъ свою судьбу съ судьбой англійскаго поэта Байрона, тоже большую часть жизни проведшаго внѣ отечества. Пушкинъ съ любовью изучаетъ Байрона, увлекается его идеями, въ литературной дѣятельности и даже въ отношеніяхъ къ обществу, подчиняется его вліянію; положеніе поэта-изгнанника еще болѣе способствовало прославленію и популярности Пушкина въ русской публикѣ. Четыре года, проведенные въ этомъ изгнаніи, прошли въ безпрерывномъ кочеваніи на югѣ Россіи. Онъ заболѣлъ жестокой лихорадкой и лежалъ въ бѣдной хатѣ, почти безъ призора. Но въ это время черезъ Екатеринославль проѣзжало семейство генерала Раевскаго (извѣстнаго подвигами въ войну 1812 года), которое приняло поэта на свое попеченіе, окружило его дружескими заботами, такъ что это время осталось предметомъ драгоцѣнныхъ воспоминаній въ жизни поэта. Съ семействомъ Раевскаго Пушкинъ проѣхалъ черезъ Землю Войска Донского на Кавказъ, а оттуда черезъ Крымъ отправился въ Кишиневъ, куда была переведена канцелярія Инзова. Новая природа, новая жизнь и новыя впечатлѣнія оживили поэта, дали новую пищу его фантазіи и направили мысль къ болѣе серьезнымъ думамъ. Хотя преданія о его жизни въ Кишиневѣ показываютъ пылкую, увлекающуюся натуру, но онъ успѣвалъ и много читать и много думать, съ замѣчательной строгостью обрабатывалъ свои произведенія, выражая въ нихъ въ самой изящной формѣ впечатлѣнія жизни и природы. Веселье смѣнялось тихой тоской, печаль — восторгомъ упоенія. Умъ его сталъ друженъ съ порядкомъ, поэтъ позналъ и тихій трудъ и жажду размышленій. Дѣйствительно, въ это время талантъ Пушкина быстро возрасталъ и проявлялся все сильнѣе и разнообразнѣе. Два европейскіе поэта въ эту пору особенно привлекали Пушкина и имѣли вліяніе на его поэзію: Байронъ и Андре Шенье. Англійскій поэтъ Байронъ отличался мрачнымъ, разочарованнымъ взглядомъ на жизнь цивилизованнаго человѣка, неумѣвшаго въ теченіе многихъ вѣковъ устроить своего счастья; недовѣріе къ этой цивилизаціи и къ человѣческой природѣ, горькая насмѣшка надъ жизнію, выразились въ его поэзіи. Вліяніе Байрона отразилось на поэмахъ Пушкина, созданныхъ послѣ путешествія по Кавказу, Крыму и Бессарабіи, именно на

характерѣ героевъ этихъ поэмъ. За то собственныя впечатлѣнія Пушкина, въ изображеніи жизни и природы, показываютъ въ немъ замѣчательнаго художника. Изъ Кишинева Пушкинъ нерѣдко ѣздилъ въ Кіевъ и плодомъ этихъ поѣздокъ была прекрасная Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ. Кромѣ Байрона на Пушкинѣ въ это время отразилось вліяніе французскаго поэта Андре-Шенье, котораго онъ называлъ пѣвцомъ любви, дубравъ и моря-пѣвцомъ возвышенной мечты, старавшимся „усвоить себѣ пластическую форму античной поэзіи". Вліяніе Шенье отразилось на антологическихъ стихотвореніяхъ Пушкина. Въ 1823 году Пушкинъ переведенъ на службу въ Одессу, въ канцелярію графа Воронцова. Въ Одессѣ поэтъ по прежнему велъ веселую и разгульную жизнь въ шумномъ товарищескомъ кружкѣ. Но здѣсь онъ не нашелъ той простоты и снисходительности, какія встрѣчалъ при прежнемъ начальникѣ. Учтивыя, но высокомѣрныя отношенія къ званію поэта, отъ котораго требовали не творчества, а исполненія служебныхъ обязанностей, раздражали Пушкина и причиняли ему душевныя страданія, отъ которыхъ онъ освобождался только у себя въ кабинетѣ. Онъ началъ поэму „Цыганы" и романъ „Евгеній Онѣгинъ" (1824). Причисленный къ экспедиціи по изслѣдованію саранчи на мѣстѣ ея появленія, Пушкинъ принялъ это за злую насмѣшку и написалъ рѣзкое письмо къ правителю канцеляріи намѣстника. Пушкина уволили въ отставку съ тѣмъ, чтобы онъ жилъ въ имѣніи своихъ родныхъ, въ селѣ Михайловскомъ (Псковской губерніи, Опочецкаго уѣзда).

5. Пребываніе въ селѣ Михайловскомъ составляетъ вторую эпоху въ жизни поэта. Пушкинъ усердно предался чтенію самыхъ разнообразныхъ и большею частію капитальныхъ сочиненій:—Тацита, Шекспира, русскихъ лѣтописей, Татищева, Карамзина; тогда же, благодаря усердію няни Арины Родіоновны, онъ болѣе прежняго сталъ интересоваться народной поэзіей, сходился съ народомъ и собиралъ сокровища его творчества. Образъ жизни его въ селѣ Михайловскомъ описанъ довольно близко въ 4-й главѣ Евгенія Онѣгина. По сосѣдству съ нимъ жила владѣлица села Тригорскаго П. А. Осипова, женщина образованная; за ея благорасположеніе Пушкинъ платилъ постоянной дружбой, а двѣ ея дочери нашли отраженіе въ Татьянѣ и Ольгѣ. Пушкина развлекали кромѣ того пріѣзжавшіе къ нему сынъ Осиповой, Языковы (оба учившіеся тогда въ Дерптскомъ университетѣ), Дельвигъ, Плетневъ, князь Вяземскій. Въ эти два года были кончены „Цыганы", написанъ „Борисъ Годуновъ" и 4-я глава Онѣгина. При вступленіи на престолъ Имп. Николая I.

Пушкинъ прибѣгъ къ его великодушію. Дворъ въ это время, по случаю коронаціи, былъ въ Москвѣ. Пушкинъ былъ тамъ представленъ государю; государь милостиво принялъ его и разрѣшилъ жить въ обѣихъ столицахъ.

6. Съ 1826 года по 1831 мѣстопребываніемъ Пушкина были то Москва, то Петербургъ. Въ Москвѣ, въ домѣ Веневитиновыхъ, Пушкинъ читалъ Бориса Годунова и сцену Пимена съ Григоріемъ помѣстилъ въ Московскомъ Вѣстникѣ, журналѣ, основанномъ кружкомъ молодыхъ даровитыхъ литераторовъ. Въ 1829 году вышла „Полтава". Помолвленный на Гончаровой Пушкинъ отправился въ свою Нижегородскую деревню Болдино и по случаю холеры прожилъ тамъ до зимы, занимаясь литературой: окончилъ Евгенія Онѣгина, написалъ рядъ повѣстей Бѣлкина, Лѣтопись села Горохина, повѣсть Домикъ въ Коломнѣ, драматическія пьесы и около 30 мелкихъ стихотвореній. Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы, Пушкинъ переѣхалъ въ Петербургъ, который избралъ мѣстомъ своего постояннаго жительства. Онъ опять поступилъ на службу, но изученіе русской исторіи и литературные труды не прекращались; умъ и фантазія работали неустанно. Нѣсколько разъ онъ ѣздилъ въ Москву. Лѣто 1831 года онъ провелъ въ Царскомъ Селѣ, гдѣ написалъ Клеветникамъ Россіи, Бородинскую годовщину и нѣсколько сказокъ. Задумавъ писать исторію Петра Великаго, Пушкинъ приступилъ къ собиранію матеріаловъ, къ разысканіямъ въ архивахъ, а заинтересовавшись Пугачевскимъ бунтомъ, ѣздилъ въ восточную часть Россіи и потомъ издалъ исторію этого бунта (1834), а въ 1836 году помѣстилъ въ своемъ журналѣ „Современникъ" повѣсть „Капитанская дочка". При изумительной его энергіи литературные труды не мѣшали ему поддерживать обширное знакомство и принимать участіе въ свѣтскихъ развлеченіяхъ. Онъ даже прилагалъ особое стараніе о своемъ видномъ положеніи въ свѣтѣ и велъ обширную переписку съ личностями изъ разныхъ сферъ общества... И вдругъ никѣмъ неожиданная смерть пресѣкла молодую, здоровую и крѣпкую жизнь великаго поэта. Онъ сдѣлался жертвой той щекотливости, съ какой относился къ свѣтской жизни. Его горячая натура не могла вынести пущенной въ свѣтъ жалкой сплетни, касавшейся чести его жены. Опасеніе сдѣлаться предметомъ нелѣпыхъ толковъ и, можетъ быть, насмѣшекъ, боязнь видѣть себя въ ложномъ положеніи среди общества, связами съ которымъ онъ дорожилъ—все это волновало Пушкина; были и такіе друзья, которые намѣренно разжигали его. Результатомъ была несчастная дуэль нашего поэта съ сыномъ голландскаго посланника Гекерномъ. Пушкинъ былъ

смертельно раненъ подъ Петербургомъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время происходятъ Удѣльныя скачки, и умеръ чрезъ два дня, 29 января 1837 года. Онъ погребенъ близъ села Михайловскаго, въ Святогорскомъ монастырѣ.

§ 70. Въ литературной дѣятельности Пушкина обыкновенно различаются три періода: 1) періодъ неустановившагося еще направленія, когда онъ находился подъ разными вліяніями французскихъ и русскихъ поэтовъ; произведенія этого времени (1814—1820) носятъ характеръ преимущественно лирическій и оканчиваются поэмой Руслан ъ и Людмила. Второй — періодъ Байроновскаго вліянія; онъ заканчивается созданіемъ поэмы „Цыганы" и 6-й главы романа „Евгеній Онѣгинъ" (1824—1828). Третій періодъ —полная зрѣлость таланта, самостоятельность и народность. Онъ начинается созданіемъ „Бориса Годунова" и имѣетъ характеръ преимущественно объективный, что и высказалось въ цѣломъ рядѣ драматическихъ пьесъ и повѣстей (написанныхъ прозой).—Въ виду многочисленности и разнообразія произведеній Пушкиа и тѣсной связи ихъ съ его жизнью, разсмотрѣніе ихъ удобнѣе примѣнительно къ родамъ поэзіи. Начнемъ съ лирики, проходящей чрезъ всю его разнообразную и кипучую жизнь.

А. Произведенія лирическія.

§ 71. а) Стихотворенія лицейскія. Разнообразныя по содержанію и по формѣ, эти стихотворенія показываютъ въ авторѣ впечатлительную натуру, способную ко всякимъ благороднымъ порывамъ, по временамъ увлекающуюся, но цѣльную и здоровую. По настроенію поэта ихъ можно раздѣлить на два отдѣла: въ первомъ (до 1816 г.) преобладаетъ эротическое направленіе и легкая граціозная форма; второе, наступившее вслѣдствіе сильнаго сердечнаго увлеченія, отличается меланхоличе-

скимъ характеромъ и большею строгостью формы I) Нѣкоторыя изъ этихъ стихотвореній имѣютъ обычную въ то время форму посланія, напримѣръ, Городокъ, Галичу, Моему Аристарху. Въ первомъ вспоминаются поэты, которые наполняли лицейскую библіотеку и увлекали талантливаго читателя. Галичъ преподавалъ русскую и латинскую словесность и помогъ нашему поэту понимать латинскихъ авторовъ. Подъ Аристархомъ разумѣется Кошанскій, извѣстный составитель учебниковъ по исторіи и словесности. Онъ сдерживалъ ученика, увлекавшагося эротическими писателями. 2) Изъ стихотвореній идейнаго содержанія выдаются „Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ“ и „Лицинію“. Изъ „Воспоминанія“ русское общество впервые ознакомилось съ геніальнымъ юношей. Первый, кто пришелъ въ восторгъ отъ этого стихотворенія, былъ Державинъ. Стихотвореніе „Лицинію“ есть вольный переводъ третьей сатиры Ювенала. 3) Пьесы въ ложно-классическомъ стилѣ: Леда, Разсудокъ и любовь, Фавнъ и пастушка и пр. 4) Стихотворенія антологическія: Гробъ Анакреона, Мое завѣщаніе друзьямъ, Роза, Добрый совѣтъ. Стихотвореніе „Роза“, замѣчательно по мастерству, съ которымъ авторъ воспользовался символическими образами такъ называемаго „Языка цвѣтовъ“. 5) Съ 1816 года появляются элегіи, напримѣръ Любовь одна, веселье жизни хладной. Мечты, мечты! гдѣ ваша сладость...? Слыхали-ль вы за рощей гласъ ночной (внесено въ оперу Чайковскаго Евгеній Онѣгинъ). По поводу элегій Пушкина Бѣлинскій замѣтилъ, что онъ „никогда не расплывается въ грустномъ чувствѣ; оно всегда звенитъ у него, но не заглушая гармоніи другихъ звуковъ души и не допуская его до монотонности. Мирное чувство бодрости, не изглаживая совершенно грусти, даетъ ей какой-то особенный освѣжительный и укрѣпляющій душу характеръ. Такова элегія — „Желаніе“ 6) Нѣкоторыя стихотворенія уже могутъ быть названы небольшими

поэмами, напримѣръ, Кольцо, Казакъ, Бова, Наполеонъ на Эльбѣ, Сраженный Рыцарь, Торжество Вакха. Это есть подражаніе Овидіеву описанію торжественнаго шествія Вакха. Казакъ—первый опытъ литературной обработки народной малороссійской пѣсни; „Бова“ напоминаетъ мотивы народной повѣсти и сказку Карамзина Илья Муромецъ.

б) Изъ произведеній послѣдующихъ періодовъ особенно интересны тѣ, въ которыхъ высказался его взглядъ П. на поэта, рядъ элегій, произведенія, описывающія красоты природы, стихи, посвященные любви и дружбѣ, наконецъ патріотическія оды.

аа) Подъ вліяніемъ Жуковскаго, но, главнымъ образомъ Байрона, у Пушкина выяснился высокій романтическій взглядъ на поэта и цѣль его служенія; на Байронѣ онъ воспиталъ высокое чувство независимости и свободы, подъ вліяніемъ котораго уже въ лѣта зрѣлости поэтъ является чуждымъ внѣшнихъ цѣлей поэзіи (лести, поученія, проведенія извѣстныхъ идей), говоритъ о независимости искусства отъ всего, ему чуждаго, и даже отъ жизни съ ея интересами и борьбою. Въ *Разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ* (1824) Пушкинъ отрекается отъ прежнихъ своихъ стихотвореній, которымъ искалъ вниманія красоты, говоритъ, что творчество есть потребность поэтической души, и ближайшее его слѣдствіе—не денежный разсчетъ, а высшее духовное наслажденіе. Въ стихотвореніи *Пророкъ* (1826) изображается пересозданіе всего внутренняго существа человѣка, когда онъ проникается вѣщимъ духомъ пророчества. Въ знаменитомъ стихотвореніи *Чернь* (1828) Пушкинъ опредѣляетъ значеніе поэта и его отношенія къ обществу. Когда чернь, признавая въ поэтѣ высшую натуру, желаетъ, чтобы его пѣсни, проникнутыя божественнымъ даромъ, не раздавались пустымъ звукомъ, а были провозвѣстницами истины, добра и общественной пользы, — поэтъ, называя толпу безмысленной,

погрязшей въ нуждѣ и заботахъ, отказывается ее исправлять, говоря, что онъ рожденъ исключительно „для вдохновенья, для звуковъ сладкихъ и молитвъ“. Та же независимость отъ требованій толпы выражена въ обращеніи къ *Поэту* (1830). Путь его долженъ быть подобенъ свободному пути царя, котораго всѣ дѣйствія безкорыстны и надъ которымъ нѣтъ судьи. Взглядъ на свое высокое назначеніе Пушкинъ выразилъ въ стихотвореніи „*Памятникъ*“ (1836), гдѣ мы находимъ поэтическую апоѳеозу молодого, благороднаго самосознанія генія.

бб) Подвижная, энергическая, богатая силами натура и необыкновенное разнообразіе обстоятельствъ кипучей бурной жизни Пушкина помѣшали ему оставаться въ замкнутомъ мірѣ поэтическихъ идеаловъ и объективнаго созерцанія жизни. Требованія толпы волновали его душу, и вотъ въ немъ обнаруживается разладъ съ самимъ собою, недовольство своею дѣятельностью, разочарованіе въ своихъ силахъ и значеніи, но здоровая, богатая натура беретъ свое, и грусть поэта разрѣшается восторгами жизни, наслажденіемъ поэзіею, благодарностью къ той части общества, которая способна была цѣнить истинно прекрасное. Стихотвореніе „*Я пережилъ свои желанья*“, написанное по случаю окончанія поэмы „Кавказскій плѣнникъ“, выражаетъ разочарованіе и имѣетъ несомнѣнную связь съ тѣмъ чувствомъ недовольства своей прошлой жизнью, которое Пушкинъ высказываетъ нѣсколько разъ въ различные годы. Тяжелая дума о смерти посѣтила Пушкина въ Петербургѣ зимою 1829 года, въ эпоху живой дѣятельности, въ цвѣтѣ силъ таланта, и тогда появилось извѣстное стихотвореніе: *Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ*. Оно оканчивается радостнымъ примиреніемъ съ законами, положенными природѣ и человѣку. Хотя предчувствіе обмануло Пушкина, который еще 8 лѣтъ пользовался жизнію съ ея радостями и печалями, но

все-таки часто возвращался къ своей грустной думѣ. Въ элегіи *Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье* (1830) выражается мысль о приближеніи старости. Здѣсь тяжелая дума находитъ исходъ въ мысли о цѣлительности поэтическаго вдохновенія и любви; источникъ этой элегіи —собственное сердце человѣка, владѣющаго неисчерпаемыми силами, вѣрующаго въ красоту жизни, исполненной мысли, поэзіи и страданія. Примиреніе съ жизнію ясно выражено въ другой извѣстной элегіи. *Вновь я посѣтилъ...* (1835). Оно посвящено изображенію дорогого для него уголка и описанію чувствъ, вызванныхъ сравненіемъ этого посѣщенія съ пребываніемъ 10 лѣтъ тому назадъ. Грустное чувство и здѣсь разрѣшается бодрымъ сознаніемъ при мысли о юномъ потомкѣ, который, проѣзжая, подобно ему, мимо трехъ сосенъ, услышитъ привѣтный шумъ ихъ и вспомнитъ о поэтѣ.

вв) Много стихотвореній Пушкинъ посвятилъ описанію красотъ природы, какъ сѣверной, съ ея осенью и зимними морозами, такъ и южной: Кавказа, Чернаго моря, Крыма. Прощаясь со столицей, онъ выразилъ свое успокоеніе въ стихотвореніи *Деревня* (1819); его занимаетъ не одна праздная вольность, подруга размышленья, но и суровый взглядъ на помѣщичьи злоупотребленія. Извѣстное дѣтямъ стихотвореніе *Зимній вечеръ* (1825) воспроизводитъ одну изъ сценъ въ селѣ Михайловскомъ, гдѣ поэтъ проводилъ многіе зимніе вечера съ своей любимой няней. Стихотвореніе *Зимняя дорога* представляетъ картину родного края, во время поѣздки во Псковъ. Авторъ рисуетъ снѣжныя псковскія поля и характеризуетъ русскую ямщицкую пѣсню, въ которой слышится „то разгулье удалое, то сердечная тоска“. Однообразныя картины скучной осени были способны вдохновлять поэта, и Пушкинъ предпочиталъ ее всѣмъ другимъ временамъ года; она пробуждала въ немъ творчество; для него послѣдній цвѣтокъ милѣе весеннихъ первенцевъ полей. Въ стихотво-

реніи *Октябрь ужъ наступилъ*... (1828) и именно въ 6 и 7 строфахъ Пушкинъ объясняетъ основаніе этой привязанности.

Въ такой же степени Пушкинъ умѣлъ оцѣнить роскошныя красоты и другихъ мѣстностей, которыя онъ видѣлъ во время скитаній по бѣлу свѣту. Антологическое стихотвореніе *Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда* (1820) вызвано воспоминаніями о крымской жизни. Въ стихотвореніи *Къ морю* (1824) Пушкинъ прощался съ югомъ, получивши въ Одессѣ увольненіе отъ службы. Красоты моря описаны кратко и сжато, но главнымъ предметомъ элегіи служатъ сходные съ моремъ властители думъ Пушкина, Байронъ и Наполеонъ. Стихотвореніе *Буря* (1825) изображаетъ бурю на Черномъ морѣ. Оно противоположно описанію вьюги, въ стихотвореніи: *Буря мглою небо кроетъ*, упомянутому выше: въ одномъ уныло дремлющая за веретеномъ старушка, въ другомъ —дѣва, смѣло стоящая въ бурю на верху прибрежнаго утеса; въ одномъ печальная, темная лачужка, въ другомъ—безпредѣльное море и небо, по временамъ озаряемое алымъ блескомъ молніи. Но изъ произведеній, изображающихъ природу, выдается весьма оригинальное стихотвореніе „Анчаръ“ (1828). Въ звучныхъ стихахъ оно повѣствуетъ о покорной жертвѣ самовластія дикаря-владыки, добывшаго цѣною человѣческой жизни ядъ для своихъ стрѣлъ, назначенныхъ на гибель сосѣдей. Въ первой половинѣ описаніе дерева, а во второй—разсказъ о судьбѣ раба, принесшаго ядъ, видимою холодностью тона, производитъ глубокое впечатлѣніе событія мрачнаго и безпощаднаго. Гибель раба смѣняется невозмутимымъ образомъ владыки, самоувѣренному властолюбію котораго нѣтъ предѣловъ. Рабъ, напротивъ, является во всемъ величіи самоотрѣченія, передъ которымъ тускнѣетъ весь блескъ непобѣдимаго владыки.

гг) Живая воспріимчивая натура великаго поэта

глубоко и сильно отзывалась на голосъ любви и дружбы. Въ длинномъ спискѣ его лирическихъ пьесъ мы найдемъ множество женскихъ именъ. Это были тѣ женщины, съ которыми Пушкинъ дѣлился не только восторгами любви, но и серьезными думами и намѣреніями; эти женщины умѣли понимать скорбь разочарованнаго жизнію поэта и въ своей любящей душѣ найти для этой скорби вѣрное лѣкарство. Лучшимъ изъ такихъ произведеній можно считать *Для береговъ отчизны дальней* (1830). По словамъ Бѣлинскаго „едва ли граціозно-гуманная муза Пушкина создавала что-либо благоуханнѣе, чище и вмѣстѣ съ тѣмъ изящнѣе этого стихотворенія и по чувству и по формѣ. Это граціозное выраженіе чувства нѣжнаго, но глубокаго и мужескаго".

Нѣтъ сомнѣнія, что отношенія дружбы имѣли болѣе серьезный характеръ. Между лицами, къ которымъ Пушкинъ обращался съ своими посланіями въ стихахъ, встрѣчаются представители науки и искусства и просто друзья поэта, но такіе люди, которымъ онъ симпатизировалъ, потому что находилъ въ нихъ такіе же взгляды на жизнь и искусство, такія же благородныя стремленія, какія украшали великаго поэта. У него есть посланія къ Баратынскому, Батюшкову, Глинкѣ (М. И), Гнѣдичу, Дельвигу, Жуковскому, Плетневу, Чаадаеву и Языкову.

Наконецъ ду цѣлый рядъ стихотвореній характеризуетъ Пушкина, какъ глубокаго патріота, какъ человѣка, понимающаго значеніе политическихъ дѣятелей. Въ стихотвореніяхъ патріотическаго направленія П. вѣрно оцѣниваетъ внутреннюю политику Петра Великаго (*Въ надеждѣ славы и добра*, *Пиръ Петра Великаго*), характеризуетъ XVIII столѣтіе (*Къ вельможѣ*), объясняетъ значеніе дѣятельности Кутузова (*Передъ гробницею святой*) и Барклая де-Толли (*Полководецъ*), значеніе Отечественной войны (*Бородинская годовщина*). Въ годъ смерти Наполеона (1821) „тоскою душнаго изгнанья" искупившаго

зло, нанесенное его войнами, Пушкинъ примиряется съ бывшимъ нашимъ врагомъ и воздаетъ ему похвалу за то, что онъ „русскому народу великій жребій указалъ“ (*Наполеонъ*). Посланіе *Клеветникамъ Россіи* (1836) написано по случаю польскаго возстанія и мѣръ, принятыхъ противъ него русскимъ правительствомъ и вызвавшихъ цѣлую бурю во французской политической журналистикѣ и въ парламентѣ. Ода выражаетъ народное чувство собственнаго достоинства. Въ ней впервые съ полною ясностью и точностью поставленъ коренной вопросъ русской исторіи, т. е. вопросъ славянскій. Съ рѣзкой прозорливостью русскій поэтъ указалъ причины этой вражды Европы къ намъ, истинный смыслъ нашихъ правъ въ славянскомъ вопросѣ.

Б. Произведенія эпическія.

§ 72. а) Первый періодъ. Первое эпическое произведеніе, обратившее на Пушкина вниманіе публики и подавшее поводъ къ литературнымъ спорамъ, была поэма Русланъ и Людмила (1817—1820). Въ основу ея положено похищеніе красавицы и добываніе ея изъ замка чародѣя — мотивъ, самый обычный въ сказкахъ. Поэма написана подъ вліяніемъ иностранной и русской поэзіи. Изъ иностранной на нее оказали вліяніе сказки Гамильтона и поэмы Аріоста; полетъ Руслана съ Черноморомъ напоминаетъ полетъ Рожера на конѣ Атланта. Слѣды знакомства автора съ русскими сказками — въ похитителѣ красавицы Черноморѣ, напоминающемъ Кащея, въ живой и мертвой водѣ и въ шапкѣ-невидимкѣ. Замѣтно также вліяніе романтическихъ вымысловъ Жуковскаго, игривость легкой поэзіи Парни и страсть къ пародіи и насмѣшкѣ, въ духѣ Богдановича, надъ чопорностью героической поэмы. Не смотря на недостатки, поэма Пушкина съ восторгомъ была

встрѣчена публикой; въ ней, написанной вопреки всѣмъ правиламъ теоріи эпоса, впервые романтическій порывъ фантазіи нашелъ себѣ почву въ русской народной жизни, и русская поэзія стала усваивать истинно народный мотивъ.

б) Во второмъ періодѣ важнѣйшія произведенія въ эпическомъ родѣ суть поэмы, написанныя подъ вліяніемъ Байрона, обстоятельствъ жизни самого Пушкина и личныхъ настроеній. Сюда относятся лирическія поэмы, первыя баллады, сказки, первыя шесть главъ романа „Евгеній Онѣгинъ“ и историческая поэма „Полтава“.

аа) Поэма „Кавказскій плѣнникъ“ (1821), начатая тотчасъ по возвращеніи П. съ Кавказа, задумана, какъ картина мѣстной природы и жизни; это—лучшее въ поэмѣ. Въ характерѣ героя видно вліяніе личной жизни Пушкина: равнодушіе къ наслажденіямъ жизни и оскорбленное самолюбіе поэта — изгнанника. Вліянію собственно Байрона принадлежитъ „пламенный хладъ души плѣнника, жизнь безъ упоеній, безъ желаній; плѣнникъ — жертва страсти; онъ окаменѣлъ для нѣжныхъ чувствъ и хладной улыбкой встрѣчаетъ очи, полныя слезъ“.

бб) Бахчисарайскій фонтанъ (1822—1823) есть поэма лироэпическая, такъ что изображеніе характеровъ замѣнено выраженіемъ настроенія дѣйствующихъ лицъ. Отъ преобладанія лиризма происходило и то, что Пушкинъ не воспользовался идеею разсказаннаго ему крымскаго преданія, — просвѣтленіе дикаря чрезъ высокое чувство любви къ христіанкѣ, его заинтересовало столкновеніе двухъ соперницъ въ любви къ Гирею. Лица напоминаютъ героевъ Байрона. Женскія фигуры тоже навѣяны его героинями: однѣ сильныя, страстныя, предпріимчивыя, порою мстительныя; другія—кроткія, любящія, гармоническія натуры, которыя не могутъ пережить постигшаго ихъ несчастія. Но недостатки въ изображеніи типовъ выкупаются богатствомъ лирическаго

элемента и красотою описаній, напримѣръ, фонтана слезъ, дворца и кладбища, а татарская пѣсня показываетъ талантъ Пушкина въ воспроизведеніи характерныхъ иноземныхъ пѣсенъ.

вв) Въ поэмѣ „Цыганы“ (1824) видна уже значительная самостоятельность Пушкина. Внѣшняя обстановка событія взята изъ личныхъ путевыхъ впечатлѣній во время поѣздки изъ Кишинева въ Измаилъ по Буджакской степи. Хотя дѣйствіе выбрано во вкусѣ Байрона— удаленіе разочарованнаго гражданственностью европейца въ среду народа свѣжаго, первобытнаго, но этотъ европеецъ не представляетъ величія героевъ Байрона: въ немъ одна страсть—эгоизмъ. Это, по словамъ Достоевскаго (рѣчь при открытіи памятника Пушкину), есть несчастный скиталецъ въ родной землѣ, столь исторически необходимо явившійся въ оторванномъ отъ народа обществѣ нашемъ. Гораздо симпатичнѣе, нежели Алеко, старый цыганъ, этотъ сынъ природы, бѣдности, незнающій въ простотѣ сердца о томъ, что радость дается всѣмъ чредою. Алеко говоритъ, что онъ безъ спора не откажется отъ своихъ правъ, хоть мщеніемъ насладится: встрѣтивъ врага надъ морской бездной, столкнетъ его, беззащитнаго, въ волны, не блѣднѣя.

гг) Начавши серьезно заниматься русской исторіей по первоначальнымъ источникамъ, т. е. по лѣтописямъ, Пушкинъ остановился на разсказѣ о смерти Олега и написалъ извѣстную всѣмъ *Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ* (1822). На всемъ этомъ событіи лежитъ гнетущая сила судьбы, и оба дѣйствующія лица — волхвъ и Олегъ — являются ея орудіемъ, одинъ, какъ ея глашатай, другой—какъ ея жертва. Болѣе оригинальна баллада *Утопленникъ* (1828). Нужды и заботы до того очерствили крестьянина, что онъ готовъ оскорбить чувство христіанскаго долга, заставлявшаго похоронить приплывшій къ берегу трупъ; потомъ сознаніе долга снова возникаетъ въ глубинѣ души его. Впечатлѣніе получается траги-

ческое, когда утопленникъ, лишенный погребенія, является за этимъ къ рыбаку среди безсонной ночи.

дд) Въ одно время съ Цыганами начатъ романъ *Евгеній Онѣгинъ*. Пушкинъ началъ его безъ плана, въ шуточной формѣ, но мало по малу романъ выросъ въ широкую картину цѣлаго общественнаго слоя, и въ ней выступили разнообразные русскіе типы и среди нихъ—два законченные образа Евгенія и Татьяны, связанные отношеніями, полными интереса общечеловѣческаго. Въ созданіи типовъ и картинъ романа сказались самыя разнообразныя вліянія, чужія и домашнія. Въ описаніи шумной жизни Онѣгина въ столицѣ (1-я глава) видно вліяніе шуточной поэмы Байрона „Беппо". Въ характерѣ Онѣгина есть сходство съ Чайльдъ Гарольдомъ, а еще больше съ Донъ-Жуаномъ, только нѣтъ присущаго ему желчнаго тона, а есть юморъ, или тонъ элегическій, можетъ быть, навѣянный скитальческою жизнью поэта. Вліяніе русской жизни отразилось на подробностяхъ романа гораздо болѣе, нежели вліяніе Байрона. Обстановка домашней жизни Онѣгина напоминаетъ обстановку жизни отца Пушкина, котораго домъ всегда представлялъ какой-то хаосъ и вѣчный недостатокъ во всемъ, начиная съ денегъ. Гувернантки и гувернеры изъ эмигрантовъ, воспитывавшіе Онѣгина, напоминали тѣхъ, какихъ описывалъ Вигель въ своихъ Запискахъ. Воспитанный ими Онѣгинъ не мечталъ о военной славѣ, а проводилъ время въ шумныхъ оргіяхъ, или въ либеральныхъ таинственныхъ разговорахъ, подобныхъ тѣмъ, о которыхъ Репетиловъ говорилъ Чацкому. Онѣгинъ сначала присталъ къ любителямъ оргій, но скоро, пресытившись, сталъ хандрить, а серьезнымъ дѣломъ заняться все-таки не могъ по непривычкѣ къ труду. Пріѣздъ въ деревню сначала было его занялъ, и Онѣгинъ обрадовался случаю облагодѣтельствовать своихъ крестьянъ экономическими улучшеніями, но не былъ понятъ ни крестьянами, ни сосѣ-

дями-помѣщиками. Несчастнаго скитальца могли бы вознаградить любовь и семейная жизнь, но и онѣ явились не во-время. Оскорбивъ Татьяну холодными совѣтами, онъ только впослѣдствіи полюбилъ ее, можетъ быть, изъ тщеславія, но все-таки не понялъ этой женщины, стоявшей гораздо выше его.

Въ Ленскомъ видно отраженіе чертъ друга Пушкина, Кюхельбекера, нѣжнаго, симпатичнаго, знатока германской литературы. Татьяна и Ольга, изображенныя весьма типично, суть однако дѣйствительныя лица, но возведенныя въ перлъ созданія. На второмъ планѣ романа выступаютъ личности стараго поколѣнія. Отецъ Онѣгина, представитель тѣхъ дворянъ, которые, прокутивъ свои имѣнія, предпочли столичную жизнь, гдѣ, занимая значительныя должности, жили не по средствамъ, вели пустую, разсѣянную жизнь. Дядя Онѣгина—типъ другого рода. Это зажиточный помѣщикъ, деревенскій старожилъ, возбудившій уваженіе племянника развѣ тѣмъ, что оставилъ ему наслѣдство. Сосѣди не могли сойтись съ Онѣгинымъ и сочли его опаснѣйшимъ чудакомъ. Здѣсь тонко отмѣченъ поэтомъ тотъ разрывъ двухъ сферъ одного и того же общественнаго слоя, который (разрывъ) особенно характеризуетъ эпоху 20—30 годовъ. Это явленіе наглядно представлено и въ комедіи Грибоѣдова. Еще полнѣе характеризуетъ провинціальную жизнь семейство Лариныхъ. Просвѣщеніе сюда внесла московская тетка Татьяны, посовѣтовавшая ей читать романы Ричардсона. Ей подражала и мать Татьяны, пока не погрузилась въ мелочи деревенской жизни. Изъ этой сферы вышелъ и Ленскій, котораго отецъ послалъ въ заграничный университетъ; такое воспитаніе сыновей въ то время не было рѣдкостью (Семейство И. П. Тургенева, Буниныхъ). На долю дочери Лариныхъ остались только романы Ричардсона и Жанъ Жака Руссо. И нельзя отрицать ихъ благотворнаго вліянія на Татьяну. Они внушили ей

болѣе возвышенные взгляды на нравственную задачу жизни; они сообщили ей душевное настроеніе, при которомъ счастье полагается уже не въ удовлетвореніи личнаго эгоизма, а въ величіи жизненнаго подвига. Рядомъ съ сентиментальными романами, Татьяна подчинилась вліянію и окружающей житейской среды: тихой семейной жизни въ кругу родныхъ, въ деревнѣ, на рукахъ простодушной няни. Романическія мечты дружно уживались въ Татьянѣ съ преданіями русской старины. Такъ создалась оригинальная личность, которая мыслью переживаетъ новый міръ идей, а чувство коренится глубоко въ родной почвѣ. Все поведеніе Татьяны, вся ея трагическая судьба, есть проявленіе этой высокой по мыслямъ, глубокой по чувствамъ и твердой по характеру натуры. — Въ романѣ мы встрѣчаемъ описаніе и внѣшней стороны средняго помѣщичьяго быта: угощеніе, разговоры про дождь, про ленъ (псковская губернія), про скотный дворъ, мельницу, Троицынъ день, гадательную книгу Мартына Задеки, собираніе въ саду ягодъ, пѣсни дѣвушекъ (Дѣвицы красавицы) — все это взято съ дѣйствительности и составляетъ необходимую обстановку главнаго дѣйствія.

ее) Историческая поэма *Полтава* написана Пушкинымъ въ 1828 году, въ періодъ полной зрѣлости поэтическаго генія. Написанная въ продолженіе нѣсколькихъ недѣль, поэма была плодомъ обстоятельнаго изученія эпохи. Такъ какъ первыя двѣ пѣсни заняты разсказомъ о романической любви Мазепы къ Маріи и о его отношеніяхъ къ ея отцу и матери, то критики предполагаютъ, что психологическая сторона сначала и интересовала Пушкина, а историческая борьба выступала въ сознаніи поэта постепенно. Такимъ образомъ и читателей сначала интересуетъ романическій сюжетъ, а потомъ историческій. Но авторъ не имѣлъ въ виду характеризовать эпоху; цѣль его — прославить личность Петра, котораго онъ и изображаетъ только въ самый

великій моментъ исторической дѣятельности, въ роковую годину Полтавской битвы. На эту цѣль намекаютъ эпилогъ и то огромное значеніе, какое авторъ придавалъ Мазепѣ, представителю личныхъ, эгоистическихъ побужденій, идущихъ въ разрѣзъ съ требованіями общегосударственными. Но раздвоенность интересовъ и дѣйствій не затемняетъ первоклассныхъ достоинствъ поэмы. Почти всѣ дѣйствующія лица созданы художественно. Сцены и картины, напр. картина украинской ночи и поразительный контрастъ между ея благодатною тишиною и мрачными думами Мазепы, Кочубей въ темницѣ, казнь Кочубея и особенно Полтавская битва, столь же художественны. Есть мѣста, полныя драматизма, но въ общемъ преобладаетъ спокойное эпическое созерцаніе жизни, выражающееся даже въ слогѣ, сжатомъ, серьезномъ.

в) Эпическія произведенія третьяго періода представляютъ значительное разнообразіе; въ это время воспроизведены многія народныя сказки, переданы въ прекрасной формѣ подражанія пѣснямъ западныхъ славянъ, написано нѣсколько балладъ, историческихъ и современныхъ повѣстей въ прозѣ и въ стихахъ. Остановимся на произведеніяхъ выдающихся. Въ стихотвореніи *Гусаръ* изложено народное преданіе о кіевскихъ вѣдьмахъ. Здѣсь воспроизведена неподдѣльная наивность, сквозь которую однако замѣтенъ юморъ автора. На мысль повѣсти *Мѣдный Всадникъ* навели толки, послѣдовавшіе за наводненіемъ 7 ноября 1824 года, толки, что Петръ Великій сдѣлалъ ошибку, основавъ столицу въ такой мѣстности, гдѣ ей грозитъ стихія; основателю Петербурга ставили въ вину въ этомъ случаѣ его самовластіе. Состраданіе автора къ личности бѣднаго чиновника, потерпѣвшаго отъ наводненія, сливается съ благоговѣніемъ къ великому монарху, къ его исторической задачѣ.—Главными источниками хорошо всѣмъ извѣстной повѣсти *Капитанская дочка* были документы, кото-

рыми П. пользовался при сочиненіи Исторіи Пугачевскаго бунта, нѣкоторыя устныя преданія и личныя впечатлѣнія поэта при посѣщеніи Оренбурга и Казанскаго края. Въ этой повѣсти, относящейся къ послѣднему періоду творчества Пушкина, геній его достигъ наибольшей высоты, когда первыя условія искусства—простота и естественность. Главныя лица—дочь капитана Миронова и Гриневъ, судьба котораго случайно связывается съ исторіей Пугачева, чѣмъ и воспользовался Швабринъ для обвиненія Гринева. Кромѣ этихъ главныхъ лицъ выведены и удачно очерчены простодушные люди стараго вѣка, проведшіе всю жизнь въ захолустьѣ: Иванъ Кузьмичъ, комендантъ, въ халатѣ обучающій дряхлыхъ инвалидовъ, помощникъ его—кривой офицеръ, Иванъ Игнатьевичъ, исполняющій распоряженія капитанши, наконецъ слуга Савельичъ.

Повѣсть *Пиковая дама* изображаетъ большой свѣтъ. Она превосходитъ другія прозаическія повѣсти Пушкина психологическимъ анализомъ въ изображеніи Германа, этого разсчетливаго инженера, кипящаго страстію, которую онъ подавляетъ всею силою своего духа. Въ этой повѣсти Пушкинъ является предшественникомъ Достоевскаго. Изъ болѣе скромной сферы заимствовано содержаніе пяти повѣстей Бѣлкина, къ которымъ примыкаетъ и *Лѣтопись села Горохина* (1830). Она напоминаетъ „Исторію одного города“ Щедрина (см. ниже). Повѣсти Бѣлкина суть очерки изъ русской жизни, частію низшихъ классовъ, частію провинціальной помѣщичьей и полковой среды. Современная Пушкину критика отнеслась къ повѣстямъ Бѣлкина безъ особаго уваженія, въ виду низменности лицъ и событій, въ виду того, что тамъ описывается пестрый соръ фламандской школы. Но этимъ Пушкинъ началъ новое направленіе, спустившись въ низменную сферу пошлыхъ интересовъ, но смотря на нихъ сквозь призму убѣжденій Бѣлкина. Это есть отрезвленіе поэтическаго

генія, проникшее въ литературу. Изъ него объясняется прозаическій стихъ Некрасова, симпатія къ слабымъ натурамъ Достоевскаго, обнаженный реализмъ Писемскаго, поэтическое воспроизведеніе извѣстнаго быта въ драмахъ Островскаго.

В. Произведенія драматическія.

§ 73. Драматическій талантъ Пушкина замѣтенъ уже во многихъ небольшихъ и крупныхъ произведеніяхъ, каковы: Пѣсня о Георгіи Черномъ, Бѣсы, Утопленникъ, Женихъ, Полтава. Но собственно драмы обнаружили этотъ талантъ въ полной силѣ. Сюда относятся драматическая хроника Борисъ Годуновъ и пьесы Скупой рыцарь, Моцартъ и Сальери, Каменный гость, Пиръ во время чумы и Русалка.

Къ *Борису Годунову* (1825—1831) Пушкинъ относился очень серьезно, долго писалъ, передѣлывалъ и, печатая, приложилъ свои объясненія, какъ бы предчувствуя что пьеса будетъ имѣть вліяніе на преобразованіе нашей драматической системы. Не сочувствуя ложноклассической трагедіи, Пушкинъ нашелъ себѣ оправданіе въ теоріи Августа Вильгельма Шлегеля и хотѣлъ написать романтическую драму, какъ противоположность классической. Въ пьесѣ замѣтно еще вліяніе Шекспировскихъ хроникъ. Борисъ отличается сильнымъ умомъ, самообладаніемъ и активною волею. Онъ понимаетъ нужды государства и заранѣе обдумываетъ каждый шагъ своей политики. Но ему приходится дѣйствовать среди броженія народныхъ стихій, разнесенныхъ по лицу русскаго міра бурею Іоаннова царствованія. Слѣдовательно, кромѣ характера Бориса, интересна и та стихія, которою будетъ поглощенъ самый слѣдъ безумца. Воплощеніемъ этой стихіи является не князь, не бояринъ, какъ это мы видимъ въ историче-

скихъ драмахъ Шекспира, а темный неизвѣстнаго происхожденія вождь, не имѣющій никакихъ видимыхъ правъ на престолъ. Искусство Пушкина выразилось въ томъ, что онъ никакими политическими дарованіями не выдвинулъ на первый планъ самозванца и этимъ существенно отличается отъ своего образца. Кромѣ Шекспира, Пушкинъ слѣдовалъ Карамзину. Это слѣдованіе выразилось главнымъ образомъ въ пользованіи примѣчаніями къ Исторіи Карамзина, весьма богатыми для характеристики эпохи. Нарушивъ единство времени и мѣста, Пушкинъ сохранилъ единство дѣйствія, подъ которымъ разумѣлъ единство общаго впечатлѣнія пьесы на зрителя.

Изъ небольшихъ драматическихъ пьесъ высокими поэтическими достоинствами особенно выдаются: Скупой Рыцарь (1830), Моцартъ и Сальери (тогда же) и Русалка (1828—32). Скупой рыцарь изображаетъ средневѣковой дворъ. Дѣйствующими лицами являются скупой отецъ и сынъ, молодой рыцарь, которому нужны средства, чтобы являться на турниры. Благополучный выходъ изъ трагическаго положенія невозможенъ, хотя сынъ, безупречный въ нравственномъ смыслѣ, искалъ законнаго его разрѣшенія. Представленная въ третьей сценѣ смерть барона оказывается неизбѣжною. Слыша укоръ герцога и не считая себя въ правѣ отказать сыну, баронъ ищетъ исхода во лжи, но вызываетъ оскорбленіе со стороны оклеветаннаго сына. Это столкновеніе, объясняемое характеромъ и взаимными отношеніями дѣйствующихъ лицъ, убиваетъ барона, въ которомъ оскорбленъ и отецъ, и рыцарь, и вѣрноподданный, и скупецъ.—Пьеса *Моцартъ и Сальери* воспроизводитъ образъ зависти. Идеею служитъ вопросъ о сущности и взаимныхъ отношеніяхъ таланта и генія. Сальери, одаренный сильнымъ талантомъ, страдаетъ отъ глубокой страсти къ искусству и къ славѣ. Такія натуры, любя искусство для искусства, приносятъ ему въ жертву

всю жизнь, всѣ радости, всѣ надежды свои, готовы пойти въ рабство, закабалить себя какому-нибудь художнику, лишь бы онъ открылъ ему тайны своего искусства. Предметъ зависти Сальери—Моцартъ, безпечный художникъ, гуляка праздный. Онъ является со всею простотою, веселостью, съ полнымъ отсутствіемъ всѣхъ претензій, какъ геній, по своему простодушію не подозрѣвающій собственнаго величія, или не видящій въ немъ ничего особеннаго.—Неоконченная драма *Русалка* (1821—1831) беретъ содержаніе изъ славянской пѣсни Янышъ Королевичъ, сходной по сюжету съ балладой Мицкевича „Рыбка". Драма Пушкина поражаетъ соединеніемъ фантастическаго содержанія съ истинно драматическимъ положеніемъ лицъ, отчего въ удивительной гармоніи развивается чудное и сверхъ-естественное о-бокъ съ самымъ опредѣленнымъ содержаніемъ и съ картиною стараго русскаго быта (мотивъ пьесы сходенъ съ мотивомъ Евг. Онѣгина).

Г. Произведенія прозаическія.

§ 74. Прозаическія произведенія Пушкина можно раздѣлить на слѣдующія группы: 1) статьи, замѣтки критическія и историко-литературныя; 2) сочиненія историческія; 3) статьи автобіографическія.

Въ первой группѣ мы находимъ статьи самыя разнообразныя: онѣ или касаются общихъ вопросовъ по теоріи и исторіи словесности русской или иноземной или излагаютъ сужденія о дѣятеляхъ, начиная съ Гомера и оканчивая Дельвигомъ.—Изъ сочиненій историческихъ выдаются: Наброски исторіи Петра Великаго и Исторія Пугачевскаго бунта. Пушкина тревожила мысль о тѣхъ крутыхъ мѣрахъ, какія употреблялъ Преобразователь. Геніальный императоръ являлся ему олицетвореніемъ страшной бури, одинаково сметающей

передъ собою, безъ выбора и сожалѣнія, все, что ни встрѣчается на пути. *Исторія Пугачевскаго бунта*, изложенная легкимъ прозаическимъ слогомъ, не имѣетъ серьезнаго ученаго значенія. Это (по словамъ Анненкова) дѣльная, хорошо составленная докладная записка, для ознакомленія съ событіемъ. Всѣ краски, бытовыя подробности, вся живость изображенія этой любопытной эпохи, выпали на долю Капитанской дочки. — Статьи автобіографическія, вмѣстѣ съ огромнымъ количествомъ писемъ Пушкина, даютъ богатый матеріалъ для біографіи и характеристики великаго поэта. Болѣе любопытны Отрывки изъ лицейскихъ записокъ, Изъ Кишиневскаго дневника, Остатки автобіографіи и дневниковъ, Родословная Пушкиныхъ и Ганибаловъ. Путешествіе въ Арзерумъ содержитъ въ себѣ нѣсколько картинъ быта и личныхъ впечатлѣній наблюдательнаго путешественника.

§ 75. Значеніе Пушкина для русской литературы можно опредѣлить слѣдующими общими выводами. I) Хотя его поэзія не преслѣдовала никакихъ чуждыхъ искусству цѣлей, но она принесла русскому обществу великую пользу необыкновеннымъ богатствомъ содержанія, выраженнаго притомъ въ формѣ, вполнѣ художественной. Художественныя произведенія Пушкина, раскрывая истинную сущность человѣческаго духа, содѣйствовали нашему сознанію этой сущности. Какъ поэтъ русской дѣйствительности—и современной и отошедшей въ исторію,—Пушкинъ оказалъ вліяніе на народное самопознаніе, потому что русская природа и русскій человѣкъ явились у него во всей ихъ внутренней правдѣ. Можно сказать, что въ этомъ отношеніи поэтическая дѣятельность Пушкина предупредила дѣятельность научную, такъ какъ труды славянофиловъ, серьезно изучавшихъ наше прошлое и настоящее, опредѣлившихъ коренныя стихіи нашей народности, издавшихъ памятники народной жизни,—эти труды, говоримъ, начались позднѣе,

въ то время, когда поэтическое творчество Пушкина уже заявило себя капитальными созданіями 2) Художественная красота созданій Пушкина, доставляя духовное наслажденіе, воспроизводя въ каждомъ, нелишенномъ чувства изящнаго, то именно впечатлѣніе, какое испытывалъ самъ творецъ, послужила средствомъ для нашего эстетическаго развитія, безъ котораго образованіе остается неполнымъ. Конечно, говоря о красотѣ созданій великаго поэта, мы не разумѣемъ подъ этимъ только стиль, только музыкальность и изобразительность, доведенныя у Пушкина до высшаго совершенства, но художественность въ самомъ серьезномъ смыслѣ, состоящую, какъ извѣстно, въ полномъ соотвѣтствіи идеи съ формою.

Второстепенные лирическіе поэты Пушкинской школы.

§ 76. Пушкинъ былъ для всѣхъ поэтовъ, ему современныхъ, говоритъ Гоголь, точно сброшенный съ неба поэтическій огонь, отъ котораго, какъ свѣчки, зажигались другіе самоцвѣтные поэты. Вокругъ него образовалось цѣлое созвѣздіе, напримѣръ Дельвигъ, поэтъ—сибаритъ, который нѣжится всякимъ звукомъ своей почти эллинской лиры; Козловъ, гармоническій поэтъ, отъ котораго раздавались какіе-то дотолѣ неслыханные музыкально-сердечные звуки; Баратынскій, строгій и сумрачный поэтъ, который показалъ такъ рано самобытное стремленіе мысли къ міру внутреннему и о формѣ выраженія ихъ сталъ заботиться уже тогда, когда онѣ еще не вызрѣли въ немъ самомъ. Другихъ поэтовъ Пушкинъ просто создалъ, напримѣръ, антологическихъ, которые произвели понемногу, но это немногое напоминаетъ букетъ душистыхъ цвѣтовъ. Иные, подъ вліяніемъ Пушкина, стали перестраивать ладъ своихъ лиръ, напримѣръ Гнѣдичъ, Жуковскій. Наконецъ, сдѣлались поэтами даже тѣ, которые не рождены были таковыми, напримѣръ, Веневитиновъ и Хомяковъ

Изъ поэтовъ, составляющихъ „плеяду“ Пушкина, особенно отличался Языковъ. Съ появленіемъ первыхъ стиховъ его, всѣмъ слышалась новая лира разгула и буйства силы, свѣтъ молодого восторга и языкъ, который, въ такой силѣ совершенства и строгой подчиненности господину, еще не являлся доселѣ ни

въ комъ. Языковъ владѣлъ стихомъ, какъ арабъ дикимъ конемъ своимъ. Онъ одинъ постигнулъ въ совершенствѣ искусство слагать стихотворные русскіе періоды. Литературная дѣятельность Языкова обнимаетъ ровно четверть вѣка. Она естественно раздѣляется на два періода: первый—годы студенчества и вольной жизни въ Дерптѣ (1829). Въ это время стихъ Языкова дышетъ юностью и свободою духа. Стихи его—антологическіе, воспѣвающіе наслажденіе благами жизни. Второй періодъ принадлежитъ 30-мъ и началу 40-хъ годовъ. Дружба съ Пушкинымъ и дни, проведенные подъ кровомъ поэта въ Михайловскомъ, отразились въ поэзіи Языкова чудными строфами. Тутъ онъ далъ нѣсколько произведеній, весьма значительныхъ. Еще при переходѣ отъ антологическихъ стихотвореній, Языковъ начерталъ идеальный образъ поэта („Поэту"). Здѣсь онъ указалъ и путь къ поэтическому подвигу и неизмѣнныя условія для его совершенія: свѣтъ и жаръ могучей мысли и огнедышащее слово. Высокое призваніе поэта выражено въ стихотвореніи *„Землетрясеніе"* (1846). У Я. есть стихотворенія патріотическія. Онъ славилъ Россію, ея благородные порывы, которые считалъ задаткомъ прекраснаго и великаго. Съ особенной охотой онъ обращался ко временамъ бѣдствій, среди которыхъ могъ проявляться великій духъ народа; такова напр. эпоха освобожденія отъ татарскаго ига (Евпатій).

Отличительныя свойства поэзіи друга и товарища Пушкина по лицею Дельвига (1798—1831)—необыкновенное чувство гармоніи и классической стройности. Въ его стихотвореніяхъ нѣтъ ни глубины идеи, ни совершенства формы, но у него было стремленіе внести то и другое, изъ поэзіи древняго міра и русской народной поэзіи. Лучшіе сонеты его: „Н. М. Языкову и „Вдохновеніе". Любимая форма его была идиллія; въ постиженіи древняго міра онъ стоитъ между Гнѣдичемъ и Жуковскимъ. Міръ его поэзіи раскрывается въ трехъ областяхъ: а) Постиженіе античной красоты: идиллія и антологія; б) пѣсни въ народномъ духѣ; в) сонетъ и романсъ. Изъ антологій въ греческомъ духѣ выдаются „Къ мальчику", „Видѣніе", а изъ идиллій: Цефисъ", „Конецъ золотого вѣка", „Дамонъ". Въ пѣсняхъ, написанныхъ въ подражаніе народнымъ, уловлены оригинальные размѣры и схваченъ чародѣйный духъ лирики народной, напримѣръ пѣсни: „Соловей", „Сиротинушка дѣвушка", „Сонъ". Многія его пѣсни и сонеты положены на музыку и поются до сихъ поръ. Его можно считать предшественникомъ Фета и Полонскаго.

Баратынскаго Пушкинъ считалъ оригинальнымъ поэтомъ за то, что онъ мыслитъ и мыслитъ по своему правильно и независимо, между тѣмъ, какъ чувствуетъ сильно и глубоко. Гармонія

его стиховъ, свѣжесть слога, живость и точность выраженія должны поразить всякаго, хотя нѣсколько одареннаго вкусомъ и чувствомъ. Это (по словамъ Пушкина) первый нашъ элегическій поэтъ. Въ поэмѣ *„Эда“* съ необычайной глубиной развита женская любовь. Поэма *„Балъ“*, исполнена оригинальныхъ красокъ и прелестей. Тонъ его поэзіи вообще элегическій, меланхолическій. Разочарованіе въ „прельстительныхъ“ надеждахъ, мудрость покоя, глубокій пессимизмъ — вотъ содержаніе его элегій. Въ поэмѣ *Эда* привлекательны красоты Финляндіи. Баратынскаго особенно характеризуютъ стихотворенія: *Послѣдній поэтъ*, *Истина*, *Черепъ*, *На смерть Гете*, *Осень*, *На что вы дни*.

Иванъ Ивановичъ Козловъ сдѣлался поэтомъ вслѣдствіе несчастія: на 29-мъ году жизни онъ ослѣпъ и съ этого времени раскрылось его умственное зрѣніе. Онъ началъ писать унылыя элегіи и поэмы. Стихотвореніе *Прощанье Чайльдъ Гарольда съ родиной*, переложенное на ноты, поется иногда и теперь, равно какъ и другое *Вечерній звонъ*. Извѣстенъ также переводъ изъ Шенье— *Молодая узница*; поэмы: *Чернецъ* и *Наталья Долгорукая* еще до напечатанія были извѣстны въ рукописи и читались съ умиленіемъ.

Знакомство съ европейской наукой и философіей выразилось въ стихотвореніяхъ Веневитинова. Онъ умеръ 21 года, но успѣлъ возбудить общее сочувствіе и подать блестящія надежды. Это былъ болѣе философъ, нежели поэтъ; стихотворенія его отличаются серьезнымъ содержаніемъ, которое и служитъ доказательствомъ самостоятельности его развитія. Въ Сборникахъ можно найти его пьесы: *Поэтъ и другъ*, *Я чувствую, во мнѣ горитъ*... *Монологъ изъ Фауста: „Всевышній духъ, ты все мнѣ далъ“*... *„Къ тебѣ, о чистый духъ“!*...

Кольцовъ (1809—1842).

§ 77. Совершенно отдѣльно отъ группы послѣдователей Пушкина стоитъ Кольцовъ, котораго стихотворенія всѣ написаны въ духѣ народнаго поэтическаго творчества и составляютъ нѣчто среднее между народными безыскусственными пѣснями и художественными литературными стихотвореніями.

Алексѣй Васильевичъ Кольцовъ, сынъ воронежскаго мѣщанина, всю жизнь провелъ въ такой средѣ, которая и мѣшала его развитію и была причиной многихъ тревогъ и несчастій, такъ что своею славою Кольцовъ обязанъ былъ единственно необык-

новенной силѣ таланта. Пищу для его поэзіи доставляли красоты воронежской степи, гдѣ поэтъ нашъ проводилъ каждое лѣто, сельская жизнь, крестьянскій трудъ, дружба и любовь, не рѣдко сопровождавшаяся несчастными обстоятельствами. Изъ своихъ друзей онъ съ особенной любовью упоминаетъ о семинаристѣ Серебрянскомъ. На Кольцова обратилъ вниманіе молодой умный и даровитый помѣщикъ Станкевичъ (другъ Бѣлинскаго). Въ 1836 году по торговымъ дѣламъ отца, К. ѣздилъ въ Москву и Петербургъ. Большая часть литераторовъ смотрѣла на него, какъ на диковинку, какъ на поэта — прасола (торговецъ рогатымъ скотомъ, довѣренный) (сравни-прадѣдъ), что-конечно, не могло ему нравиться, но онъ былъ утѣшенъ вниманіемъ и заботами со стороны Жуковскаго и Пушкина, и это придавало ему смѣлости. Въ это время уже были извѣстны многія его стихотворенія, но борьба съ обстоятельствами была ему не подъ силу; хотя онъ много помогалъ своей семьѣ, почти заправляя всѣми дѣлами отца, но никакъ не могъ завоевать себѣ независимаго положенія и осуществить постоянную мечту—предаться поэзіи и заняться наукой, въ которой чувствовалъ постоянную нужду для рѣшенія возникавшихъ въ душѣ его вопросовъ. Поэтъ умеръ отъ чахотки на 34 году жизни.

Стихотворенія Кольцова раздѣляются на пѣсни и думы. Въ пѣсняхъ поэтъ касается различныхъ предметовъ русской природы и тѣхъ сторонъ внутренней жизни русскаго человѣка, о которыхъ говоритъ народная пѣсня, именно горемычной доли крестьянской дѣвушки и женщины, крестьянскаго труда и разгула, печалей и радостей сельскаго населенія. Въ думахъ содержатся размышленія о мірѣ и людяхъ, о наукѣ, о нравственномъ назначеніи человѣка. Сильный, но не развитый умъ Кольцова томился великими вопросами и, чувствуя себя не въ силахъ разрѣшить ихъ, обыкновенно старался успокоить себя или какою-нибудь риторическою фразою о высшемъ мірѣ, или ироническою выходкою противъ слабости ума человѣческаго. Но самые вопросы нерѣдко излагаются у Кольцова съ необыкновенной поэзіей, доходящей до высокаго. Особенное достоинство думъ Кольцова заключается въ чисто русскомъ народномъ языкѣ, вслѣдствіе чего онѣ могутъ быть полезны

для избранныхъ натуръ въ простомъ народѣ, представляя собою первую высшую ступень въ стремленіи простого русскаго человѣка къ нравственно-идеальному развитію.

Важнѣйшія пѣсни Кольцова: *Пѣсня пахаря*, *Не шуми ты рожь*, *Урожай*, *Косарь*, *Раздумье селянина*, *Лѣсъ* и пр. Многія изъ нихъ положены на музыку. Изъ думъ болѣе замѣчательны: *Великая тайна*, *Предъ образомъ Спасителя*, *Вопросъ*, *Поэтъ*, *Могила*.

Лермонтовъ. (1814—1841).

§ 78. Главнымъ представителемъ байронизма въ русской литературѣ слѣдуетъ признать Лермонтова, обладавшаго могучимъ поэтическимъ талантомъ, но, по краткости жизни, не успѣвшаго настолько освободиться отъ вліянія Байрона, насколько это удалось Пушкину.

1) Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ происходилъ отъ шотландской фамиліи Лермунтъ, но отецъ поэта, Юрій Петровичъ, былъ простой тульскій дворянинъ. Лермонтовъ родился въ 1814 году. Его мать скоро умерла, и ребенка взяла на воспитаніе бабушка, а такъ какъ отецъ на это не соглашался, то между ними нерѣдко происходили крупныя ссоры, а ребенокъ былъ ихъ свидѣтелемъ, и это тяжелымъ камнемъ ложилось на его впечатлительное сердце. Первые годы дѣтства Лермонтовъ провелъ въ селѣ Тарханахъ, Пензенской губерніи, въ имѣніи бабушки. Она иногда ѣздила вмѣстѣ съ внукомъ на минеральныя воды въ Пятигорскъ, и видъ кавказскихъ горъ приводилъ его въ восторгъ,

2) Въ 1827 году онъ былъ привезенъ въ Москву; тамъ его воспитывали иностранные гувернеры, которые познакомили его съ англійской и нѣмецкой литературой. На слѣдующій годъ онъ поступилъ въ университетскій пансіонъ, гдѣ усердно занялся поэзіей, подражая сначала Пушкину, а потомъ Байрону, котораго очень полюбилъ. Отъ него поэтъ усвоилъ себѣ мрачный пессимистическій характеръ поэзіи и не безъ гордости намекалъ въ своихъ стихахъ, что у него съ Байрономъ одна душа и однѣ и

тѣ-же муки. Такое настроеніе вовсе не было напускнымъ. Столкновенія бабушки съ отцомъ, необходимость быть между двухъ огней, пробудили еще въ ребенкѣ озлобленное настроеніе. Пріѣхавши въ Петербургъ, онъ поступилъ въ Школу гвардейскихъ подпрапорщиковъ и кавалерійскихъ юнкеровъ (нынѣ Николаевское кавалерійское училище). Вслѣдствіе страстности своей натуры, Лермонтовъ скоро подчинился вліянію окружающей молодежи, но она была ниже его по умственному развитію и идеальнымъ стремленіямъ, и такая жизнь постоянно тяготила даровитаго юношу; четыре года, проведенные въ Школѣ, онъ называлъ печальными и тяжелыми.

3) Въ 1834 году Лермонтовъ окончилъ курсъ и поступилъ въ Лейбъ-гвардіи Гусарскій полкъ. Эта блестящая служба постоянно привлекала богатую аристократическую молодежь, и Лермонтовъ скоро увлекся удовольствіями большого свѣта и не отставалъ отъ своихъ товарищей въ наслажденіяхъ столичною жизнью, но и этимъ скоро пресытился, почувствовалъ разочарованіе и пустоту. Въ это время онъ вошелъ въ сношенія съ тогдашними писателями, Жуковскимъ, Одоевскимъ, А. Н. Муравьевымъ,—авторомъ Путешествія по святымъ мѣстамъ. У него Лермонтовъ видѣлъ ту пальму, по поводу которой въ 1837 году написалъ *Вѣтку Палестины*. Тогда же одинъ изъ его друзей напечаталъ тайно отъ него въ Библіотекѣ для чтенія поэму его *Хаджи Абрекъ*. Такъ въ первый разъ явилось въ печати имя Лермонтова. Въ тотъ же годъ онъ глубоко былъ пораженъ смертью Пушкина. Въ написанной по этому поводу элегіи Лермонтовъ сурово, безпощадно относится къ обществу. Элегія во множествѣ списковъ распространилась по Петербургу, но враги Пушкина вооружились на автора. Л—а перевели на Кавказъ и только по ходатайству бабушки опять вернули въ гвардію. Лермонтовъ снова былъ окруженъ вниманіемъ, почетомъ, лестью, похвалами, завистью. Но шумъ свѣтской жизни не мѣшалъ ему заниматься литературой. Въ этотъ періодъ написаны: *Бородино*, *Казначейша*, *Пѣсня о купцѣ Калашниковѣ* и много мелкихъ стихотвореній. Поэзія Лермонтова произвела обаятельное дѣйствіе на современниковъ. Молодежь съ восторгомъ повторяла его стихи, Бѣлинскій горячо привѣтствовалъ юнаго поэта, въ которомъ предугадывалъ уже достойнаго преемника Пушкину.

4) Но среди блестящихъ успѣховъ въ свѣтскомъ обществѣ и литературѣ, надъ Лермонтовымъ разразилась новая гроза. Вслѣдствіе ссоры съ Барантомъ, сыномъ тогдашняго французскаго посланника, онъ былъ отправленъ на Кавказъ, гдѣ и участвовалъ въ дѣлѣ противъ горцевъ. Оно описано въ стихотвореніи

„*Валерикъ*“, напечатанномъ уже послѣ смерти автора. Лермонтову удалось только на нѣсколько мѣсяцевъ пріѣхать въ Петербургъ, Въ это время испытывалъ онъ не мало огорченій, вообще былъ грустенъ и въ откровенныхъ бесѣдахъ говорилъ объ ожидающей его близкой смерти. Снова вернувшись на мѣсто службы, онъ, по случаю болѣзни, взялъ отпускъ и поселился въ Пятигорскѣ. Въ Іюлѣ 1841 года напечатаны были два его стихотворенія: *Кинжалъ* и *Споръ*. Но въ то время, когда талантъ поэта стоялъ на высотѣ своего развитія и упрочивалась его слава, Лермонтовъ былъ убитъ на дуэли съ Мартыновымъ (15 Іюня того же года).

§ 79. По силѣ поэтическаго таланта и по разнообразію произведеній, Лермонтова можно поставить рядомъ съ Пушкинымъ, но по характеру поэзіи между ними огромная разница. Вліяніе Байрона, замѣтное на произведеніяхъ Пушкина, начиная съ Кавказскаго плѣнника, и потомъ скоро ослабѣвшее, проходитъ чрезъ всѣ сочиненія Лермонтова яркой красной нитью; только въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ замѣчается примиреніе съ жизнью и исканіе идеаловъ въ русской дѣйствительности. Глубоко проникая всѣ произведенія Лермонтова, байронизмъ придаетъ имъ значительное однообразіе. Элегіи проникнуты грустнымъ раздумьемъ надъ жизнью, чувствомъ пустоты и неудовлетворенности. Герои поэмъ страдаютъ отъ того же. Главное лицо романа *Герой нашего времени* спрашиваетъ, зачѣмъ онъ жилъ, для какой цѣли родился, и во многомъ отражаетъ на себѣ характеръ самого Лермонтова. Дѣйствующія лица въ пьесахъ драматическихъ напоминаютъ и автора поэмъ.

1) Въ лирическихъ произведеніяхъ, выражающихъ стремленія современнаго общества, высказаны мысли самыя безотрадныя. *Дума* (1838) характеризуетъ молодое поколѣніе. Оно является нравственно безсильнымъ, потерявшимъ энергію, изъѣденнымъ апатіею и скукой отъ недостатка разумной жизни и высшихъ интересовъ. Въ немъ мало знаній (если сказать про русское общество), но сомнѣній много; полное недовѣрія, оно осмѣяло лучшія надежды, благородныя стремленія и даже страсти.

Отъ этого оно состарится, равнодушное къ добру и къ злу. Суровый приговоръ надъ молодымъ поколѣніемъ, характеризуя западно-европейское общество, далеко не могъ относиться къ русскому обществу, которое заслуживало упрека не въ перезрѣлости, а скорѣе въ недозрѣлости, въ малознаніи. Стихотвореніе *„Первое января“* (1840) выражаетъ горечь и злость при видѣ пустоты и бездушія общества, собирающагося только для веселья, убивающаго время безъ всякой живой мысли, серьезной и опредѣленной цѣли. Рядомъ съ этимъ авторъ рисуетъ картину сельской жизни, посреди простой обстановки, съ чистымъ идеаломъ юности и красоты: вотъ въ чемъ находитъ утѣшеніе поэтъ, возмущенный пустотою свѣтской жизни общества. Въ стихотвореніи, посвященномъ памяти А. И. Одоевскаго (1839), Лермонтовъ оплакиваетъ смерть друга, съ которымъ на Кавказѣ „дѣлилъ тоску изгнанья“. Одоевскій былъ рожденъ для лучшихъ надеждъ ноэзіи и счастья, но рано попалъ въ море шумной жизни, и свѣтъ, не давши развиться его душѣ, связялъ его „коварными цѣпями“. Особенно ярко безотрадное состояніе поэта выражено въ стихотвореніи *Парусъ* (1822) и въ другомъ: *И скучно и грустно* (1840). Поэтъ касается всего, что есть лучшаго въ жизни: дружбы, желанія любви и страсти, и находитъ, что ни одна изъ этихъ сторонъ жизни человѣка не представляетъ собою ничего успокоительнаго, неизмѣннаго. Но всеобъемлющая душа поэта, отчаявшаяся найти идеалы въ окружающемъ обществѣ, находитъ отраду въ другихъ сферахъ духовной жизни. Такова область жизни религіозной (Молитва, Вѣтка Палестины). Другимъ цѣлителемъ душевныхъ ранъ служитъ природа. Сочувствіе Лермонтова къ природѣ выразилось не только въ томъ, что онъ нѣсколько разъ опысываетъ ея красоты, но и прямо указываетъ дѣйствіе ихъ на его наболѣвшее сердце. Это мы видимъ въ стихотвореніяхъ: *Когда волнуется желтѣющая нива* и *Выхожу одинъ я на дорогу.*

Сознавая въ себѣ избытокъ силъ, которыя рвутся на просторъ и не находятъ для себя дѣятельности, Лермонтовъ любилъ изображать эту физическую и нравственную силу, способную вездѣ карать зло и торжествовать надъ нимъ. Къ этимъ стихотвореніямъ относятся: *Два великана*, *Бородино*, *Споръ*, *Послѣднее новоселье*, *Бѣглецъ*, *Валерикъ*. Огорченное чувство находило для себя усладу и въ любви къ родинѣ; только не военная слава главнымъ образомъ привлекала его сочувствіе. Въ стихотвореніи *Родина* сказано, что его влечетъ къ себѣ безграничный просторъ лѣсовъ, степей и полей, разливы рѣкъ, подобные морямъ, печальныя деревни и избы, крытыя соломой, простая сельская жизнь, тяжелый трудъ, иногда сопровождаемый неизысканнымъ весельемъ. Въ сердцѣ Лермонтова встрѣчали отзвукъ и нѣжныя родственныя чувства. Въ *Казачьей колыбельной пѣснѣ* описывается мать казачка, женщина бѣдная, но утѣшающая себя безкорыстными материнскими мечтами, ожидающая найти въ своемъ ребенкѣ такого же героя, какъ его отецъ, закаленный въ бояхъ, гроза коварныхъ и кровожадныхъ враговъ родины.

Различіе между поэзіей Пушкина и поэзіей Лермонтова особенно видно въ двухъ стихотвореніяхъ: *Поэтъ* (*Кинжалъ*) и *Пророкъ*. Высокое назначеніе поэта руководить мыслью и стремленіями общества требуетъ отъ него постояннаго самоотверженія, энергической борьбы, а не уединенія съ гордымъ сознаніемъ своего высокаго назначенія. Лермонтовъ приглашаетъ осмѣяннаго пророка проснуться на голосъ мщенія, вырвать свой клинокъ изъ золотыхъ ноженъ и снять съ него ржавчину презрѣнія. Въ стихотвореніи *Пророкъ* изображается судьба провозвѣстника любви и правды, исполненнаго энергіи и доблести, истиннаго слуги Божія.

2) Эпическія произведенія Лермонтова, по характеру и направленію содержанія, однообразнѣе лирическихъ,

но за то въ нихъ больше единства и опредѣленности взглядовъ. Главныя дѣйствующія лица въ нихъ имѣютъ между собою большое сходство, выражая основныя черты байроновскаго разочарованія. Большею частью это поэмы, есть одна пѣсня и романъ въ прозѣ.

а) Поэма *Демонъ* была начата, когда поэту было только 16 лѣтъ. Потомъ она передѣлывалась и напечатана въ 1838 году. Въ основѣ поэмы лежитъ грузинское преданіе, украшенное личными воспоминаніями Лермонтова о красотахъ Кавказа; тутъ же видно вліяніе Байрона, мечты о любви и счастіи. Юный мощный духъ поэта плѣнился демонической силой печальнаго генія, особенно рѣзко выдающейся сравнительно съ немощью современнаго поколѣнія, дряхлѣющаго въ бездѣйствіи и апатіи. Не находя въ современномъ изнѣженномъ и немощномъ обществѣ демоническихъ характеровъ, Лермонтовъ изображалъ или горцевъ, необразованныхъ, дикихъ, но не утратившихъ природной силы, или лицъ историческихъ, идеализированныхъ народными преданіями.

Поэма *Измаилъ Бей* разсказываетъ исторію молодого горца, который посланъ отцомъ въ Россію и, чрезъ нѣсколько лѣтъ, разочарованный, возвращается подъ родной кровъ. Главный интересъ поэмы тотъ же самый, какъ и вообще у Лермонтова: съ одной стороны картины Кавказа и быта горцевъ, съ другой — характеристика героя. — Содержаніе поэмы *Бояринъ Орша* взято изъ эпохи Іоанна Грознаго. Здѣсь изображены два гордыхъ и суровыхъ характера: Орша и Арсеній. Страстно любя свою дочь, бояринъ Орша обрекаетъ ее, изъ чувства оскорбленной гордости, на страшную смерть отъ голода въ заточеніи за то, что она хотѣла тайно бѣжать съ любимымъ человѣкомъ. Арсеній мститъ и ему и своей родинѣ участіемъ въ нападеніи поляковъ на русскихъ. На полѣ битвы враги встрѣчаются. Арсеній, смягченный любовью, вспоминаетъ о дочери Орши, а Орша умираетъ такимъ же непримиримо гордымъ, какъ

жилъ. Съ злобной ироніей онъ посылаетъ Арсенія къ дочери. Арсеній скачетъ въ обитель боярина, но находитъ въ запертой свѣтлицѣ только тлѣющія кости дорогого существа. Повѣсть сильно напоминаетъ „Марьину рощу“ Жуков. съ такою разницею, что неопредѣленный романтизмъ замѣненъ здѣсь столь-же неопредѣленнымъ байронизмомъ.—Герой поэмы *Мцыри* молодой горецъ, воспитавшій свой могучій духъ среди величественной кавказской природы; привезенный русскимъ генераломъ въ грузинскій монастырь, онъ выросъ въ обители и уже готовъ принять монашескій образъ, какъ вдругъ убѣгаетъ изъ монастыря. Полумертвымъ его находятъ, приносятъ въ монастырь, и вотъ передъ смертью онъ разсказываетъ, что видѣлъ и что дѣлалъ на волѣ. Разсказывая о приключеніяхъ его бѣгства, поэтъ развертываетъ одну за другой величественныя и плѣнительныя картины природы. Это произведеніе есть превосходная описательная поэма и стоитъ гораздо выше „Садовъ“ Делиля, или „Четырехъ временъ года“ Томсона.

б) Содержаніе *Пѣсни о купцѣ Калашниковѣ* взято тоже изъ временъ Іоанна Грознаго, какъ и сюжетъ Боярина Орши. Здѣсь впервые въ нашей литературѣ блестящимъ образомъ выразилось гармоническое сочетаніе личнаго художественнаго творчества съ народно-историческимъ эпосомъ. Пѣсня вѣрна историческому и поэтическому характеру Грознаго; она исполнена высокаго драматизма, глубоко проникнута народнымъ духомъ и отличается красотами народнаго языка.

в) Романъ *Герой нашего времени* (1839—1840) есть правдивое изображеніе нравовъ и жизни современнаго Лермонтову русскаго общества. Представитель этого общества многими чертами напоминаетъ и Демона, и Мцыри, и Арсенія, но Печоринъ больше ихъ дѣйствуетъ и сталкивается съ разнообразными лицами. Дѣйствіе романа происходитъ на Кавказѣ. Дѣйствующія лица раздѣляются на двѣ группы: одну составляютъ здоро-

вые, крѣпкіе люди, нетронутые цивилизаціей; они являются случайно и участвутъ только въ эпизодическихъ разсказахъ. Другая группа—разнообразные типы современнаго общества и главный изъ нихъ—Печоринъ. Личность его является новой стадіей въ развитіи центральной героической личности поэмъ Пушкина — „Кавказскаго Плѣнника", „Алеко", „Онѣгина", „Сильвіо", „Швабрина", „Дубровскаго". Въ ней отраженіе западнаго романтизма и байронизма. Это типъ обще-европейскій, а у насъ, на почвѣ дѣвственно-крѣпостнаго быта, столь-же фантастическій, какъ самый налетъ и лоскъ этой цивилизаціи. Между нимъ и Онѣгинымъ—большое сходство: оба умны, богаты, разочарованы, озлоблены и, бездѣйствуя, или кипясь въ дѣйствіи пустомъ, оба скучаютъ; оба считаютъ людей игрушкою своихъ прихотей. Но есть между ними и разница. Всѣ дурныя черты Онѣгина въ Печоринѣ рѣзко преувеличены; Онѣгинъ же скорѣе—„добрый малый". Романъ Лермонтова дѣлится на отдѣльныя повѣсти, и каждая представляетъ цѣльное, законченное произведеніе, но всѣ соединены главнымъ лицомъ и однимъ общимъ названіемъ.

г) У Лермонтова были солидные задатки драматическаго таланта, который рельефно высказался и въ произведеніяхъ эпическихъ. Собственно къ драмѣ относится *Маскарадъ*. Пьеса привлекаетъ занимательностью завязки, естественнымъ ходомъ борьбы и отдѣльными сценами, полными драматизма.

Лермонтовъ есть представитель въ русской литературѣ байроновскаго разочарованія. Можетъ быть, впослѣдствіи онъ постепенно и отрѣшился бы отъ этого вліянія, воспроизводилъ бы родную дѣйствительность, на что есть много указаній въ его поэзіи. Принимая въ соображеніе огромный талантъ поэта, можно думать, что байроновское вліяніе уступило бы потомъ (какъ и у Пушкина) направленію вполнѣ самобытному.

Гоголь (1808–1852).

§ 80. Поэтическая дѣятельность другого корифея русской литературы XIX столѣтія — Гоголя, одинакова съ дѣятельностью Пушкина въ томъ смыслѣ, что та и другая имѣютъ своимъ предметомъ изображеніе русской дѣйствительности, только съ разныхъ сторонъ.

1) Николай Васильевичъ Гоголь родился въ Малороссіи, Полтавской губерніи, Миргородскаго уѣзда, въ деревнѣ Васильевкѣ. Онъ родился въ помѣщичьемъ семействѣ, отдѣленномъ отъ славной эпохи казацкихъ войнъ только двумя поколѣніями. Вліянія дѣтства были самыя благопріятныя для развитія Гоголя. Отъ стариковъ онъ могъ слышать преданія о томъ, что записано въ лѣтописяхъ; въ дѣтствѣ слыхалъ народныя украинскія пѣсни о казацкихъ подвигахъ, то заунывныя, то веселыя и проникнутыя юморомъ. Отецъ его былъ человѣкъ умный, бывалый, интересный разсказчикъ. Гости, посѣщавшіе ихъ домъ, привлекли вниманіе наблюдательнаго мальчика, и его художественная фантазія впослѣдствіи переработала ихъ въ типы. Домашняя же обстановка могла развить въ мальчикѣ и любовь къ театру. Помѣщики устраивали у себя домашніе спектакли, на которыхъ разыгрывались малороссійскія пьесы; нерѣдко ихъ сочинялъ самъ отецъ Гоголя.

2) На двѣнадцатомъ году Гоголя отдали пансіонеромъ въ Нѣжинскій лицей. Здѣсь онъ обнаружилъ свойства характера, унаслѣдованныя отъ отца: веселость, шутливость, юморъ, и скоро пріобрѣлъ расположеніе товарищей. Дѣятельность его выразилась въ разнообразныхъ стремленіяхъ: то онъ издаетъ рукописный журналъ, то занимается музыкой, устраиваетъ сценическія представленія. На шестнадцатомъ году Гоголь лишился отца. Съ этой потерею въ немъ пробуждаются заботы о матери, о домашнемъ хозяйствѣ, объ экономіи. Печальное событіе усилило въ юношѣ религіозное чувство, а цѣлью жизни онъ назначилъ себѣ трудъ и непремѣнно на общую пользу. Изъ лицея онъ вынесъ довольно скудный запасъ свѣдѣній, въ чемъ виновата отчасти была и школа, не умѣвшая воспользоваться природными задатками даровитаго юноши.

3) Въ 1828 году Гоголь поѣхалъ въ Петербургъ, куда его привлекали служба, страсть къ театру, надежда уѣхать за границу и наконецъ слава, какъ выраженіе сознанія внутреннихъ силъ. Но тамъ на первыхъ шагахъ онъ встрѣтилъ неудачи и по службѣ и по литературѣ, такъ что прежняя самоувѣренность смѣнилась

недовѣріемъ къ своимъ силамъ. Его утѣшила мысль ѣхать за границу. Онъ было и поѣхалъ, но скоро вернулся вслѣдствіе тоски по родинѣ. Его ободрило участіе покровительствовавшихъ ему Жуковскаго, Пушкина и Плетнева. Несмотря на первыя неудачи, онъ не оставлялъ заниматься литературой, и вотъ изъ-подъ его пера вышли наконецъ *Вечера на хуторѣ близъ Диканьки*, напечатанные въ 1831 г. Изданіе удостоилось одобренія со стороны Жуковскаго и Пушкина, которые своими замѣчаніями и совѣтами вообще приносили Гоголю много пользы. Осчастливленный успѣхомъ, Гоголь поѣхалъ на родину и тамъ воскресилъ дорогія воспоминанія дѣтства, изъ которыхъ сгруппировалъ матеріалы для повѣстей изъ средняго класса Малороссіи: *Старосвѣтскіе помѣщики*, *Ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ*, *Тарасъ Бульба* и *Вій* Для Тараса Бульбы онъ собиралъ народныя пѣсни и преданія, а, возвратясь въ Петербургъ, читалъ историческіе документы и сочиненія по исторіи Малороссіи. Эта кропотливая работа надъ историческими документами скоро ему наскучила, но въ то же время и мысль принести пользу отечеству его не покидала, и онъ сталъ задумывать какое-нибудь великое произведеніе въ художественномъ смыслѣ. Между тѣмъ пребываніе въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ въ Петербургѣ замѣтно отразилось на литературной его дѣятельности. Онъ въ это время написалъ самыя замѣчательныя повѣсти: *Невскій проспектъ*, *Портретъ*, *Шинель*, *Записки сумасшедшаго*. Сборникъ его повѣстей назывался *Арабески*. Повѣсть „Шинель" обнаруживаетъ тотъ знаменитый смѣхъ сквозь слезы, тотъ юморъ, который роднитъ Гоголя съ украинскими пѣснями и составляетъ главное отличіе поэзіи Гоголя. Въ 1836 году была напечатана и поставлена на сцену комедія *Ревизоръ* (изъ анекдота, разсказаннаго автору Пушкинымъ). Рѣзкіе отзывы петербургскихъ журналистовъ и даже нѣкоторыхъ друзей поэта очень его оскорбили и разстроили, несмотря на то, что пьеса имѣла огромный успѣхъ. Въ это же время въ его головѣ создалась тема *Мертвыхъ душъ* и, чтобы сдѣлать изъ этой темы произведеніе, великое по своей пользѣ, Гоголь нуждался въ покоѣ и удаленіи отъ мелочныхъ житейскихъ заботъ.

4) Для своего пребыванія Гоголь выбралъ Римъ, вѣчный городъ, богатый памятниками древности, бывшій средоточіемъ искусства и здоровый по климату. Но Гоголь недолго оставался на одномъ мѣстѣ, ѣздилъ по разнымъ городамъ Европы, заглядывалъ, на нѣсколько мѣсяцевъ и въ Россію, и все-таки не могъ поправиться физически, а главное морально; къ тому же въ это время пришла вѣсть о смерти Пушкина. Кромѣ потери друга и

руководителя, Гоголь былъ озабоченъ мыслью сочинить *Мертвыя души*, сюжетъ которыхъ какъ бы завѣщанъ былъ ему Пушкинымъ. Наконецъ въ 1842 году имъ былъ напечатанъ первый томъ знаменитой поэмы, упрочившей славу писателя. Но какъ ни поразительны картины русскаго общества, нарисованныя въ этой книгѣ, многія отступленія Гоголя показываютъ, что всѣ эти пошлыя лица тяготили и нравственно утомляли поэта, котораго душа рвалась представить высокое и прекрасное въ русской жизни. Этого прекраснаго Гоголь, конечно, не находилъ въ окружающей обстановкѣ, а, чтобы съискать его въ самомъ себѣ, надо было переродиться и кромѣ того узнать „тѣ вѣчные законы, которыми движется человѣкъ и человѣчество вообще". Для этой цѣли Гоголь принялся за чтеніе книгъ, гдѣ излагаются свойства души человѣческой. Дойдя до справедливой мысли, что вѣчныхъ законовъ бытія человѣческаго слѣдуетъ искать въ Откровенномъ христіанскомъ ученіи, Гоголь съ полнымъ энтузіазмомъ принялся читать Священное Писаніе и творенія святыхъ отцовъ церкви, чтобы образовать изъ себя истиннаго христіанина. Такая задача была не подъ силу его нравственно разстроенному организму, а жизнь въ Италіи, въ средоточіи католичества, и знакомство съ людьми, особенно расположенными къ этому ученію, вносили новыя противорѣчія въ волнующуюся душу Гоголя. Онъ сталъ усердно молиться и строго убѣждалъ къ тому же другихъ; кромѣ того писалъ къ друзьямъ возвышенныя письма, наполняя ихъ совѣтами, какъ жить, какъ угодить Богу, какъ очистить душу отъ всего низкаго и ничтожнаго. Понятно, что всѣмъ этимъ замедлилось продолженіе Мертвыхъ душъ, котораго публика ждала съ нетерпѣніемъ. Вдругъ Гоголь, совершенно неожиданно для всѣхъ, издалъ въ 1846 году *Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями*. Книга всѣхъ поразила своими странностями. Авторъ взялъ на себя тонъ проповѣдника, суроваго наставника; онъ одобрялъ многое, что порицали образованные люди, высказывалъ странныя понятія о религіи, о семейной жизни, о литературѣ, объявлялъ, что онъ сжегъ все, написанное имъ до сихъ поръ, и читателей просилъ сдѣлать то же, если у нихъ найдутся его сочиненія. Хотя современные критики и искренніе друзья хорошо понимали, что многое здѣсь высказано человѣкомъ болѣзненнымъ, съ разстроенными нервами, но оскорбились, и на автора Выбранныхъ мѣстъ посыпались не только безпощадныя критики, но и насмѣшки и сожалѣнія. Изъ Переписки же съ друзьями русскіе читатели узнали, что Гоголь, религіозно настроенный, собирается съѣздить въ Іерусалимъ, и въ самомъ дѣлѣ, послѣ долгихъ сборовъ, онъ исполнилъ свою мысль. На обратномъ

пути, чрезъ Константинополь, онъ пріѣхалъ въ Одессу и уже до самой смерти не оставлялъ русскихъ предѣловъ, большею частію проживая въ деревнѣ или въ Москвѣ. Но здоровье поправлялось очень мало, расположеніе духа не улучшалось, а трудиться Гоголь продолжалъ и читалъ друзьямъ отрывки изъ второго тома „Мертвыхъ душъ", которыя обрабатывалъ снова. Слушавшіе эти отрывки убѣдились, что художественный талантъ въ Гоголѣ не погибъ, какъ думали по прочтеніи „Переписки": надѣялись даже видѣть и третій томъ. Но противъ общаго ожиданія, поэтъ скончался въ Москвѣ, предварительно сжегши тѣ части поэмы, которыя оставались еще въ его рукахъ. До могилы довело его истощеніе силъ вслѣдствіе нравственнаго разстройства. Гоголь погребенъ на кладбищѣ Даниловскаго монастыря. На гробницѣ его вырѣзана надпись изъ пророка Іереміи: „Горькимъ моимъ словомъ посмѣюся".

§ 81. Послѣднее, по числу десятое, изданіе произведеній Гоголя сдѣлано профессоромъ Тихонравовымъ въ 1889 году въ пяти томахъ. Текстъ, по заявленію издателя, свѣренъ съ собственными рукописями автора и первоначальными его изданіями. Изданіе профессора отличается солидными учеными достоинствами.

Современные наши критики (Котляревскій), не признавая въ творчествѣ Гоголя никакихъ рѣзкихъ переломовъ или поворотовъ, дѣлятъ исторію его литературной дѣятельности на двѣ эпохи, изъ которыхъ одна характеризуется расцвѣтомъ преимущественно художественнаго творчества поэта, а другая — стремленіемъ его осмыслить и понять жизнь исключительно, какъ проблему нравственную и религіозную.

1. Первую группу произведеній Гоголя составляютъ три сборника повѣстей: Вечера на хуторѣ, Миргородъ и Арабески. По словамъ Бѣлинскаго, здѣсь совершенная истина жизни тѣсно соединяется съ простотой вымысла. Поэтъ не льститъ жизни, но и не клевещетъ на нее; онъ радъ выставить наружу все, что въ ней есть прекраснаго, человѣческаго, и въ то же время не скрываетъ ни мало и ея безобразія.

а) *Вечера на хуторѣ* содержатъ въ себѣ рядъ повѣстей, или очерковъ, Малороссіи, ея природы, нравовъ

и обычаевъ ея обитателей. Въ каждой повѣсти, кромѣ описанія природы и быта, находимъ поэтическія народныя вѣрованія и легенды. Серьезнаго гоголевскаго юмора здѣсь мало замѣтно: преобладаютъ простодушныя шутки, молодая искренняя радость, веселье, остроуміе. Лучшими изъ повѣстей считаются: „Майская ночь, или утопленница“ и „Ночь передъ Рождествомъ“.

б) *Миргородъ* содержитъ въ себѣ повѣсти: „Старосвѣтскіе помѣщики“, „Тарасъ Бульба“, „Вій“ и „Ссора Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ“.

аа) Старосвѣтскіе помѣщики есть прекрасная идиллическая повѣсть; въ первой части изображается патріархальная, тихая и спокойная жизнь мужа и жены, Афанасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны. Это люди добрые, простосердечные, радушные, счастливые взаимною любовью. Мужъ только занималъ гостей простодушными шутками и разсказами, а жена была вся погружена въ заботы о хозяйствѣ. Описаніе ихъ жизни занимаетъ первую половину повѣсти, а во второй разсказывается трогательная исторія ихъ смерти. Все изложеніе проникнуто юморомъ, возбуждая въ читателяхъ любовь, смѣхъ и сожалѣніе къ изображеннымъ лицамъ.

бб) Тарасъ Бульба—историческая повѣсть изъ жизни Малороссіи. Въ ней (особенно во второмъ изданіи) очень много историческихъ чертъ и картинъ быта. Здѣсь изображается героизмъ въ тѣхъ чертахъ, какими отличались казаки въ славную эпоху борьбы съ татарами, турками и поляками. Необыкновенно богатый поэтическими оборотами слогъ напоминаетъ южно-русскія пѣсни.

вв) Въ повѣсти *Вій* между прочимъ описывается жизнь бурсы, съ ея грамматиками, риторами, философами и богословами. Кромѣ бурсацкой жизни, любопытны характеры нѣкоторыхъ бурсаковъ и богатство фантастическаго элемента. Главнымъ образомъ авторъ излагаетъ народное преданіе о Віи, царѣ подземныхъ гномовъ,

дюжемъ, приземистомъ, косолапомъ чудовищѣ — человѣкѣ.

гг) Повѣсть о ссорѣ Ивана Ивановича съ Иваномъ Никифоровичемъ есть исторія тяжебнаго процесса, изумительнаго съ одной стороны ничтожествомъ поводовъ, а съ другой—долговременностью и ожесточеніемъ. Тонъ разсказа веселый, повидимому, простодушный, но онъ неожиданно оканчивается восклицаніемъ: „Скучно на этомъ свѣтѣ, господа!“ Конечно, скучно не отъ дурной погоды и дороги, а отъ мысли, что трогательная, примѣрная дружба отъ пустой причины прекращается на всю жизнь. Обѣ послѣднія повѣсти по сюжету сходны съ повѣстями Нарѣжнаго: *Бурсакъ* и *Два Ивана*, но гораздо выше ихъ по художественнымъ достоинствамъ.

в) Въ сборникѣ *Арабески* помѣщены повѣсти, навѣянныя впечатлѣніями частью петербургской жизни, частью пребыванія за границей, частью написаны во время профессорства автора. Изъ повѣстей серьезнаго вниманія заслуживаютъ: *Портретъ*, *Шинель*, *Записки сумасшедшаго*.

аа) Въ повѣсти „Портретъ“ выведенъ типъ художника въ борьбѣ съ прозою жизни и бѣдностью. Художникъ Чартковъ, преданный своему дѣлу, съ самоотверженіемъ служитъ искусству, терпя страшную бѣдность. Случайно получивши солидную сумму денегъ, онъ пустился гулять по трактирамъ, потомъ нанялъ себѣ на Невскомъ блестящую квартиру, просилъ журналиста напечатать громкую рекламу и скоро сдѣлался моднымъ живописцемъ; но успѣхъ въ свѣтѣ, котораго пошлымъ требованіямъ онъ умѣлъ угодить, уничтожаетъ въ немъ высокія стремленія: ихъ мѣсто заступаетъ желаніе денегъ, мимолетной свѣтской извѣстности, и талантъ его погибаетъ отъ пошлости окружающей жизни. Повѣсть, кромѣ бытовой стороны и общечеловѣческой идеи, имѣетъ близкое отношеніе ко взглядамъ Гоголя на значеніе искусства для дѣйствительности.

бб) Повѣсть *Шинель* внушена Гоголю анекдотомъ о бѣдномъ, но бережливомъ чиновникѣ. Герой повѣсти— Башмачкинъ—бѣдный, забитый чиновникъ, котораго всѣ занятія, интересы и наслажденія сосредоточиваются на переписываніи бумагъ. Рядомъ съ Башмачкинымъ выведено значительное лицо, котораго правиломъ была— строгость. Это былъ отъ природы хорошій человѣкъ, но важный чинъ совершенно сбилъ его съ толку. Въ немъ тоже видна тупость и преклоненіе передъ пустой формой, за недостаткомъ серьезной мысли.

вв) *Записки сумасшедшаго* сочинены подъ вліяніемъ чтенія неизданныхъ повѣстей князя Одоевскаго, подъ названіемъ „Домъ сумасшедшихъ“ и напечатанной „Послѣдній квартетъ Бетховена“. Герой повѣсти, чиновникъ Поприщинъ, началъ мѣшаться въ умѣ отъ того, что удостоился сидѣть въ кабинетѣ директора и чинить для него перья. Онъ приходитъ въ восторгъ и отъ убранства кабинета и отъ величественнаго вида директора и отъ красоты его дочери. Наконецъ онъ сходитъ съ ума, но, въ моменты просвѣтлѣнія, высказываетъ здравыя мысли, только не отъ себя, а черезъ собачку директора Меджи. Тутъ онъ узнаетъ людей въ настоящемъ свѣтѣ, понимаетъ, что они даже меньше, нежели обыкновенные люди, и только высокій чинъ да ордена ставятъ ихъ выше Поприщина.

2) Знаменитая комедія *Ревизоръ* поставлена въ первый разъ на сцену 19 апрѣля 1836 года. Пьеса, вполнѣ соблюдая всѣ условія драмы и въ частности комедіи и наконецъ требованія сцены, представляетъ крупныя особенности, поразившія публику и критику. Вмѣсто любви завязкою послужилъ „страхъ грядущаго вдали закона“. Нарушители его, принявъ ничтожнаго человѣка за ревизора, оказывали ему полное вниманіе, давали деньги и только тогда поняли, что они одурачены, когда было прочитано письмо мнимаго ревизора. Пьеса очень проста по содержанію и по завязкѣ. Но при этой про-

стотѣ плана и строгомъ единствѣ содержанія комедіи, которой все дѣйствіе сосредоточено на ожиданіи, пріемѣ и проводахъ ревизора, выведенные характеры обрисованы съ полнотою и правдивостью. Главныя дѣйствующія лица—Городничій и Хлестаковъ; второстепенныя лица—чиновники, дворяне, жена и дочь городничаго; еще ниже ступенью квартальные, купцы, унтеръ-офицерская вдова. Они выходятъ на сцену, чтобы сказать нѣсколько словъ, и мѣтко ими себя характеризуютъ. Полная драматизма и богатая сценическими эффектами, комедія „Ревизоръ" даетъ много случаевъ показать себя талантливому артисту.

3) Комедія *Женитьба* изображаетъ пошлые, мелочные интересы мелкаго чиновничества. Пьеса привлекаетъ типичностью выведенныхъ лицъ, глубокимъ юморомъ, мѣткимъ языкомъ.

4) Не въ сценическомъ отношеніи, а въ вопросѣ объ искусствѣ, очень важное значеніе имѣетъ пьеса *Театральный разъѣздъ*, написанная Гоголемъ съ цѣлью защитить комедію Ревизоръ отъ разныхъ обвиненій, которыя посыпались на нее со стороны зрителей и литературныхъ критиковъ, особенно Булгарина и Сенковскаго „Разъѣздъ" интересенъ въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, какъ сводъ самыхъ разнообразныхъ литературныхъ взглядовъ, господствовавшихъ въ русскомъ образованномъ обществѣ въ періодъ появленія *Ревизора*, во-вторыхъ, какъ группировка понятій самого Гоголя объ искусствѣ.

5) Важнѣйшее произведеніе Гоголя, поэма *Мертвыя души*, прежде нежели появиться на свѣтъ, прошло разныя цензурныя мытарства и наконецъ издана, только благодаря участію нѣкоторыхъ высокопоставленныхъ лицъ. Содержаніемъ перваго тома служитъ путешествіе чиновника, Павла Ивановича Чичикова, по разнымъ помѣщикамъ съ цѣлью купить у нихъ мертвыя души, т. е. списки крестьянъ, еще не вычеркнутыхъ изъ ревизскихъ

сказокъ, заложить ихъ въ Опекунскомъ совѣтѣ и, получивши деньги, купить настоящихъ крестьянъ. Объѣздивши помѣщиковъ, Чичиковъ возвращается въ губернскій городъ, чтобы совершить купчую крѣпость. Покупка мертвыхъ душъ составила предметъ общихъ разговоровъ, оживившихъ сонный городъ. Чиновники и дамы терялись въ догадкахъ касательно намѣреній героя. Кому-то пришло въ голову, что это—переодѣтый Наполеонъ, а почтмейстеръ съ своей стороны сказалъ, что это—капитанъ Копѣйкинъ. Разсказъ его о капитанѣ ничего не выяснилъ. Встревоженный такимъ оборотомъ дѣла, Чичиковъ рѣшился уѣхать изъ города и, когда онъ дорогой заснулъ, авторъ разсказываетъ его дѣтство, ученье въ городскомъ училищѣ и службу до покупки Мертвыхъ душъ. Первая часть оканчивается описаніемъ того, какъ несется тройка Чичикова и какъ, подобно ей, несется впередъ наша Россія, и ей даютъ дорогу другіе народы и государства.

Главныя лица, представленныя въ поэмѣ, суть помѣщики. Изображеніе ихъ поражаетъ своей типичностью. Кромѣ помѣщиковъ, Гоголь характеризуетъ и чиновниковъ, или отдѣльными типами (самъ Чичиковъ, полицмейстеръ, прокуроръ), или общими чертами. Онъ говоритъ о нихъ по случаю пріѣзда Чичикова въ губернскій городъ, потомъ по поводу встрѣчи у полицмейстера, совершенія купчей крѣпости въ казенной палатѣ, толковъ о мертвыхъ душахъ и наконецъ при повѣствованіи о прежней службѣ Чичикова. Замѣчательно, что авторъ не указываетъ ни губерніи, ни города, гдѣ происходитъ дѣйствіе поэмы, но онъ изображаетъ мѣсто дѣйствія, напримѣръ, улицы, бульваръ, трактиръ, номера, такими типичными чертами, что читателю очень легко ихъ узнать, хотя теперь, съ проведеніемъ желѣзныхъ путей, обстановка нашихъ городовъ отчасти измѣнилась.

Спустя нѣсколько лѣтъ, возвратившись изъ путе-

шествія въ Іерусалимъ, авторъ читалъ второй томъ поэмы Анненковымъ и Шевыреву. Они пришли въ восторгъ и говорили, что талантъ Гоголя сохранилъ свою прежнюю силу и доблесть. Смерть помѣшала Гоголю издать второй томъ: онъ появился на свѣтъ въ 1855 году. Въ этой части поэмы повѣствуется о томъ, какъ Чичиковъ опять ѣздитъ по помѣщикамъ, скупая мертвыя души. Наконецъ покупатель попадаетъ подъ судъ, его сажаютъ въ острогъ, но онъ жалѣетъ только о томъ, что съ нимъ нѣтъ его шкатулки, которая помогла бы ему откупиться и, можетъ быть, спрятать концы въ воду. На выручку героя явился добродѣтельный откупщикъ Муразовъ, который, какъ добрый геній, походатайствовалъ объ освобожденіи Чичикова и посовѣтовалъ ему уѣхать куда-нибудь подальше, гдѣ бы не знали всѣхъ его плутней и гдѣ бы онъ могъ, очистивъ свою совѣсть искреннимъ раскаяніемъ, начать новую жизнь подвигами христіанскаго милосердія. Хотя во второмъ томѣ видна прежняя сила таланта Гоголя, въ изображеніи русской помѣщичьей жизни и типовъ помѣщиковъ (Пѣтухъ, Тентетниковъ, Хлобуевъ, Бетрищевъ), но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя здѣсь не видѣть слѣдовъ душевнаго разстройства, въ грустномъ раздумьѣ, въ желаніи поучать, говорить о будущей своей дѣятельности на пользу русскаго общества. Во-второмъ томѣ мы уже встрѣчаемъ тѣхъ добродѣтельныхъ русскихъ людей, которыхъ поэтъ обѣщалъ выставить для сравненія съ великими людьми прочихъ народовъ. Есть серьезныя основанія думать, что авторъ имѣлъ въ виду написать и третій томъ.

Новѣйшіе изслѣдователи литературы (Тихонравовъ, Алексѣй Веселовскій) интересовались вопросомъ, подъ какими вліяніями создалась знаменитая поэма, вопросами о ея планѣ и идеѣ. Попытаемся сгруппировать важнѣйшіе ихъ выводы. Цѣлью поэмы, задуманной почти за 18 лѣтъ до ея появленія въ печати, было — служить широкою

бытовою картиною и философски объяснить смыслъ жизни. Развитіе этой темы совершалось постепенно, отражая на себѣ всѣ переходы въ творчествѣ и нравственномъ настроеніи автора и прерываясь томительными періодами недовѣрія къ себѣ и сомнѣнія. Въ первыхъ набросках слышался только простодушный смѣхъ, какой возбуждается забавнымъ анекдотомъ; только иногда прорывалась какая-то смутная тоска. Подавляемый богатствомъ матеріала, авторъ затруднялся, какую дать ему форму, и сначала имѣлъ въ виду представить коллекцію портретовъ провинціальныхъ чудаковъ, оригиналовъ и мелкихъ плутовъ. Слушая эти наброски и вдумываясь въ нихъ, Пушкинъ (а ему читалъ самъ Гоголь) не ограничивался только смѣхомъ, а тоже задумывался и грустилъ и даже сказалъ однажды при чтеніи „Боже, какъ грустна наша Россія!“ Онъ посовѣтовалъ автору сдѣлать изъ богатаго матеріала что-нибудь крупное и полезное, создать нѣчто, подобное Донъ-Кихоту, и назвать поэмой, разумѣется комической. Романъ Сервантеса намекалъ и на форму, форму странствованія съ разными встрѣчами и приключеніями. Тутъ не требовалось ни сложной фабулы, ни завязки, ни развязки. И въ Западной Европѣ такая простая форма была въ обычаѣ (Сентиментальное путешествіе Стерна, Вильгельмъ Мейстеръ), а у насъ Путешествіе Радищева изъ Петербурга въ Москву. На эту книгу указалъ Гоголю самъ Пушкинъ. Другой вопросъ былъ—что такое самъ герой поэмы? Постепенно выяснилось, что это будетъ торжествующій негодяй, который искусно раскидываетъ сѣти, предпочитая грубой, хищнической наживѣ обворожительную изворотливость и вкрадчивость. И этому были прецеденты: на Западѣ развившійся еще съ XVII вѣка „плутовской романъ“, а у насъ Повѣсть о Фролѣ Скобѣевѣ, Россійскій Жилблазъ и „Два Ивана“ Нарѣжнаго и „Иванъ Выжигинъ“ Булгарина. А участіе личности автора, выразившееся въ такъ на-

зываемыхъ „лирическихъ мѣстахъ“, — вліяніе того же Стерна, „Писемъ“ Карамзина и „Евгенія, Онѣгина“. Но литературныя вліянія—дѣло второстепенное;—главное—личность автора и подлинные факты, добытые наблюденіями автора, представителя „натуральной“ школы. Первый источникъ—характеръ самого автора, привыкшаго анализировать свой духовный міръ. А въ этомъ духовномъ мірѣ были два элемента: страстная, порою слишкомъ подпадающая людскимъ слабостямъ натура, и элементъ разсудочности, анализа, критики. Другая сторона—слогъ. Кудрявая витіеватость рѣчей Чичикова напоминаетъ объ обычной склонности Г. къ отборнымъ красивымъ фразамъ, полнымъ многословія и риторическихъ побрякушекъ. А слогъ Манилова напоминаетъ нѣкоторыя письма Г. къ матери Анализъ духовнаго міра другихъ людей имѣлъ то вліяніе, что типическія черты одного лица перешли на другое: такъ напр., городничій отразился въ „полицмейстерѣ, отцѣ и благодѣтелѣ города“, Тяпкинъ-Ляпкинъ — въ почтмейстерѣ, Анна Андреевна — прототипъ „просто пріятной дамы“, Хлестаковъ тоже ссудилъ нѣсколько чертъ и особенно свое лганье Ноздреву; совѣщаніе чиновниковъ есть и въ „Ревизорѣ“ и въ „М. душахъ“; наблюдательность автора выразилась въ томъ, что многія лица оказываются портретами лицъ дѣйствительныхъ: но это не были портреты (перечислены у Веселовскаго стр. 583—4); дѣйствительныя лица послужили только поводомъ, это были только типы, „всеобщіе знакомцы“. Гораздо сложнѣе этихъ типовъ были общіе матеріалы, изъ которыхъ сложилась картина русской жизни. Въ ея изображеніи замѣтно стремленіе къ „реализму“ и правдѣ, такъ какъ Гоголь успѣлъ тѣмъ временемъ перейти отъ романтизма къ серьезному изученію дѣйствительности. Его томила фальшь современныхъ романовъ и комедій „Русскаго мы просимъ!“ У насъ своихъ плутовъ много. Но у насъ много и честныхъ людей. Чтобы быть справедли-

вымъ, надо изображать тѣхъ и другихъ. Въ этихъ словахъ видно уже раздвоеніе задачи нравоописателя, присущее поэмѣ во всемъ ея дальнѣйшемъ развитіи. Таковы элементы поэмы, заимствованные изъ его внутренняго міра. А факты изъ окружающей дѣйствительности тоже были богаты и разнообразны. Вѣдь Гоголь, какъ извѣстно, много видѣлъ во время поѣздокъ, многихъ разспрашивалъ (бесѣда Чичикова съ трактирнымъ слугою), просилъ сообщать путемъ корреспонденцій, хотѣлъ найти „хорошаго ябедника“ и пр.

Когда Гоголь, пользуясь всѣми этими разнообразными матеріалами, пришелъ къ мысли создать поэму „величественныхъ, колоссальныхъ“ размѣровъ, тогда и первоначальный планъ его не удовлетворилъ. Въ чемъ же состоялъ новый планъ – на это можно отвѣтить сличеніемъ второго тома съ первымъ. Несомнѣнно авторъ имѣлъ въ виду среди порочныхъ лицъ поставить и добродѣтельныхъ, а первыхъ во второмъ томѣ представить улучшенными, болѣе облагороженными, просвѣтленными. Непригодный для практической жизни Маниловъ оживаетъ въ лицѣ Тентетникова, но въ него уже вложено облагораживающее начало. Хлобуевъ (переродившійся Маниловъ), подъ вліяніемъ увѣщаній Муразова, надѣваетъ сибирку, уходитъ надолго въ народъ собирать на церковь, тайно раздавать подаянія. Собакевичъ переродился въ Костанжогло, и грубыя черты его смягчаются трезвою философіею труда, близостью къ народу, ролью благодѣтеля края, ненавистника несправедливости. Сильно измѣнился и Чичиковъ вслѣдствіе раскрытія его плутней и заботъ Муразова, и если онъ не переродился окончательно и, при наступленіи болѣе благопріятныхъ обстоятельствъ, готовъ былъ приняться за старое, это показываетъ только, что Гоголь былъ истинный художникъ болѣе, нежели моралистъ. Приведенные здѣсь примѣры доказываютъ мысль Гоголя, что для всѣхъ, въ комъ еще не зачерствѣло

сердце, возможно спасеніе при условіи любви, но любви въ томъ возвышенномъ мистическомъ смыслѣ, какой она съ годами получила для Гоголя, т. е. направленной на служеніе ближнимъ. Въ третьемъ томѣ предполагалось полное торжество добра и тамъ будутъ дѣйствовать только свѣтлыя личности. Если мы при этомъ случаѣ припомнимъ, что авторъ, называя путеводителя, провожавшаго Чичикова съ его друзьями по гражданской палатѣ до залы „присутствія“ новымъ Виргиліемъ, „прислужившимся имъ, какъ нѣкогда Виргилій прислужился Данту, можно высказать предположеніе, что авторъ, какъ въ новомъ планѣ своего произведенія, такъ и въ его грандіозной идеѣ, находился подъ вліяніемъ великаго произведенія Данта. Но если припомнить, какого неглубокаго характера была религіозность Гоголя въ послѣдній періодъ его жизни, едва ли третій томъ поэмы прибавилъ бы что-нибудь къ его литературной славѣ.

6) Письма, помѣщенныя въ *Выбранныхъ мѣстахъ изъ переписки съ друзьями*, говорятъ о нашей церкви, духовенствѣ, о театрѣ, о русскихъ писателяхъ; особенно сочувственно написано объ Одиссеѣ Жуковскаго и о лиризмѣ нашихъ поэтовъ. Вскорѣ послѣ Выбранныхъ мѣстъ появилась *Авторская исповѣдь*. Она привлекательна искренностью больного, но еще очень богатаго духовными силами великаго писателя, и вѣрными сужденіями о процессѣ поэтическаго творчества, но отталкиваетъ читателя то глубокимъ смиреніемъ, то самомнѣніемъ и желаніемъ резонировать и поучать. Оба сочиненія, появившіяся въ разгаръ самой ожесточенной литературной борьбы, возбудили много споровъ. Въ результатѣ вышло, что меньшинство образованной публики и критика остались при томъ убѣжденіи, что Переписка и Исповѣдь доказываютъ просвѣтлѣніе автора, возвращеніе на путь истины. Большинство же читателей и критика прогрессивная, признавая несомнѣнными

великія заслуги Гоголя для русской литературы и для развитія русскаго общества, послѣднимъ его сочиненіемъ признавали „Мертвыя души“. Если взять во вниманіе мысли Гоголя о писателяхъ, о поэтическомъ творчествѣ, и разбирать всѣ его письма (изданныя только въ недавнее время), то истина, конечно, окажется въ срединѣ.

§ 82. Сравнивая двухъ писателей, начавшихъ собою самобытный періодъ русской литературы, можно сказать слѣдующее: 1) Гоголь гораздо менѣе, чѣмъ Пушкинъ, былъ знакомъ съ иностранными литературами и не имѣлъ передъ собою лучшихъ иноземныхъ образцовъ. Изъ русскихъ писателей на немъ замѣтно вліяніе одного изъ второстепенныхъ — Нарѣжнаго, но вліяніе очень слабое. 2) Пушкинъ любилъ воспроизводить поэтическую сторону дѣйствительности, показывать прекрасное въ природѣ и человѣкѣ. Гоголь воспроизводилъ противоположную сторону—низменную, пошлую, „тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, что ежеминутно передъ очами и чего не зрятъ равнодушныя очи“. Объ этомъ свидѣтельствуетъ самъ Гоголь въ одномъ изъ писемъ по поводу „Мертвыхъ душъ“ (изданіе Тихонравова, томъ IV, страница 87 и примѣчаніе на страницѣ 521) и въ самой поэмѣ по поводу двухъ писателей. 3) Художественно изображая разныя стороны жизни природы и человѣка, Пушкинъ возбуждалъ самыя разнообразныя чувства, надъ которыми господствовало эстетическое, пробуждаемое красотою въ высшемъ смыслѣ этого слова. Изображая во всей наготѣ пошлую сторону жизни, Гоголь не возбуждалъ одного негодованія, одного смѣха, одного сожалѣнія: могущественное дѣйствіе его картинъ на читателя характеризуется словами: юморъ, смѣхъ сквозь слезы. Это чувство—сложное. Элементы его: сочувствіе, смѣхъ, сожалѣніе и, въ слабой степени, негодованіе. Очевидно, такое впечатлѣніе, при изображеніи недостатковъ общества, весьма благотворно. Такимъ образомъ характеристику поэтической дѣятельности Го-

голя можно выразить коротко слѣдующими словами: юмористическое представленіе пошлой стороны русской жизни.

§ 83. Литературная дѣятельность Гоголя, по своему огромному вліянію на русское общество и на литературу, можетъ быть поставлена на одну степень съ дѣятельностью Пушкина. 1) Гоголь яснѣе своихъ предшественниковъ (и даже Пушкина) представилъ скудость образованія и нравственную немощь русскаго общества, погрязшаго въ мелочи. Въ основѣ его юмора лежитъ глубокое чувство скорби, происходящее отъ любви къ людямъ. 2) Такое изображеніе жизни принесло несомнѣнную пользу, потому что, выставляя недостатки общества на всенародный судъ, писатель тѣмъ самымъ устремляетъ читающаго въ сторону противоположную, въ сторону прекраснаго, разумнаго и нравственнаго, къ мысли о важности образованія, совершенствованія. 3) Представляя недостатки общества во всей ихъ поразительной наготѣ, Гоголь положилъ конецъ литературнымъ искаженіямъ дѣйствительности, собственнымъ примѣромъ осудилъ фальшивый идеализмъ, манерность и всякаго рода аффектацію. Наконецъ 4) Гоголь ввелъ въ свои произведенія психологическій анализъ, можетъ быть, вслѣдствіе своей привычки вдумываться въ свой духовный міръ.

Гоголь начинаетъ собою не новый періодъ русскій литературы, а новое ея направленіе, новую школу, которая въ 50-хъ годахъ называлась натуральною, а потомъ получила названіе реальной. Пушкинъ былъ только поэтъ — художникъ; Гоголь начинаетъ литературу съ сильнымъ общественнымъ оттѣнкомъ; хотя его личное міровоззрѣніе осталось неяснымъ, но великій поэтъ былъ выразителемъ глубокихъ стремленій своего времени и общества. Только съ Пушкинымъ поэзія наша поднялась на высоту, которая подобала ей, какъ независимой нравственной силѣ и вмѣстѣ выраженію національ-

ной жизни. Гоголь явился новымъ серьезнымъ и задушевнымъ приложеніемъ этого искусства къ жизненной дѣйствительности, какъ она представлялась его нравственному и художественному складу. У него искусство подошло въ плоть къ самой жизни, не только затронуло фантазію животрепещущимъ воспроизведеніемъ хорошо знакомыхъ картинъ и освѣтило ихъ смѣхомъ, но и возбуждало къ нравственному самонаблюденію и вызвало почти невѣдомые въ массѣ вопросы общественности. Рядомъ съ Гоголемъ, и Пушкинъ сохранилъ свое вліяніе на литературу, такъ что въ ней долго (да и теперь еще) оставались замѣтными оба направленія поэтическаго творчества.

Романъ, повѣсть и драма въ эпоху Пушкина и Гоголя.

§ 84. Какъ въ образованномъ обществѣ, такъ и въ массѣ полуобразованной, подъ вліяніемъ передовыхъ писателей первой половины XIX вѣка, замѣтно пробудилась охота къ чтенію. Обильную пищу доставляли ей иностранные романы, во множествѣ переводимые съ французскаго (многое читалось и въ подлинникѣ, потому что французскій языкъ знали хорошо, а это считалось признакомъ образованности). На эти произведенія былъ большой спросъ. Жуковскій говоритъ: „Раскройте Московскія Вѣдомости! О чемъ гремятъ книгопродавцы въ витійственныхъ своихъ объявленіяхъ? О романахъ ужасныхъ, забавныхъ, чувствительныхъ, сатирическихъ, моральныхъ и пр. Не бѣдна была талантами и русская словесность. Русскіе романы и повѣсти можно раздѣлить на историческіе и современные.

а) Начало историческому роману въ западной Европѣ положилъ Вальтеръ Скоттъ. Впрочемъ первые наши писатели историческихъ романовъ не у него учились: они воспитали свой талантъ на Исторіи Карамзина, на его сентиментализмѣ и на тѣхъ представленіяхъ и идеалахъ, которые высказывалъ этотъ передовой литераторъ. Важнѣйшими представителями историческаго романа были: Загоскинъ, Лажечниковъ, Масальскій, Кукольникъ, Николай Полевой. *Загоскинъ* пріобрѣлъ извѣстность романомъ *Юрій Милославскій или Русскіе въ 1612 году*. Герой романа—лицо второстепенное и довольно безцвѣтное, а главное лицо—Кирша. Трогательно изображены юродивый Митя и смерть боярина

Кручины-Шалонскаго. Чувства религіозное и патріотическое разлиты по всему роману, отдѣльныя картины дышатъ народнымъ духомъ, напримѣръ Мининъ на нижегородской площади. Прочіе романы Загоскина суть сколки съ Юрія Милославскаго и, если романъ *Рославлевъ* въ свое время пользовался значительною популярностью, то потому только, что сюжетъ его взятъ изъ эпохи войны 1812 года.

Лажечниковъ по таланту стоялъ выше Загоскина. Подобно Вальтеръ-Скотту, онъ внимательно изучалъ описываемую эпоху Романъ „Послѣдній Новикъ", вышедшій въ 1832 году, описываетъ время Петра Великаго. Авторъ самъ говоритъ, что онъ долго изучалъ эпоху и людей этого времени. „Самую мѣстность, нравы и обычаи страны описывалъ я во время моего двухмѣсячнаго путешествія, которое дѣлалъ, проѣхавъ Лифляндію вдоль и поперекъ, большею частію по проселочнымъ дорогамъ". Въ романѣ много подробностей, которыя закрываютъ главныхъ лицъ и ихъ дѣйствія. Но характеры лицъ, русскій лагерь, нѣкоторыя сцены въ Москвѣ, показываютъ въ сочинителѣ замѣчательный талантъ, напоминающій Вальтеръ-Скотта. Романъ *Ледяной домъ* (1835) изображаетъ эпоху царствованія императрицы Анны Іоанновны. Третье произведеніе, *Басурманъ*, заимствовано изъ временъ Іоанна III. Въ романѣ особенно удались сочинителю Іоаннъ III, бояринъ Образецъ (патріархальность, честная жизнь, ненависть къ нѣмцамъ), и Анастасія, дочь его.

Съ жадностью читались историческіе романы *Масальскаго*, напримѣръ „Регенство Бирона", романъ *Р. Зотова* „Таинственный монахъ", изъ временъ Петра Великаго. Но главное мѣсто, по количеству произведеній и популярности, принадлежитъ *Нестору Вас. Кукольнику*. Его повѣсти берутъ сюжетъ изъ разныхъ эпохъ русской жизни, особенно изъ эпохи Петра Великаго, или изъ прежней жизни Италіи.

Крупный дѣятель на пользу русскаго просвѣщенія, самоучка, журналистъ и критикъ *Н. А. Полевой* написалъ историческій романъ *Клятва при гробѣ Господнемъ* (1832). Здѣсь представлена Россія XV вѣка. Главныя лица изображены согласно съ духомъ ихъ времени, но рѣчи, нравы и весь бытъ средняго и низшаго класса людей списаны съ русскаго народа позднѣйшаго времени. Шемяка, злодѣй, типъ неправеднаго судьи, представленъ великодушнымъ. Въ романѣ большое значеніе дано гудошнику, который то ссоритъ князей, то шпіонитъ имъ, то обѣщаетъ свои услуги. Полевой подражалъ одному изъ романовъ Купера.

б) Литература романа современнаго была еще обширнѣе и читалась еще съ бо́льшимъ интересомъ. Этотъ родъ романовъ

раздѣлялся тогда на слѣдующія группы: романы съ приключеніями, или ужасные, гдѣ дѣйствуютъ привидѣнія, воскресшіе мертвецы, разбойники, убійцы; романы нравоучительные, сентиментальные, реальные. Такими романами, которые въ сотняхъ тысячъ продавались въ Москвѣ въ Никольскихъ рядахъ, прославились, кромѣ авторовъ, упомянутыхъ выше, историческихъ романовъ, еще: Булгаринъ, Бѣгичевъ, Гречъ, Нарѣжный, Калашниковъ, Марлинскій, Погорѣльскій, Сенковскій (Баронъ Брамбеусъ), Соллогубъ и пр. Гр. Соллогубу принадлежитъ между прочимъ повѣсть „Тарантасъ", гдѣ описываются ѣдущіе въ усадьбу Мордасы два помѣщика, старый, Василій Ивановичъ, славянофилъ, и молодой, Иванъ Васильичъ, западникъ. Они дорогою ведутъ горячіе споры о славянофильствѣ и западничествѣ. Выше всѣхъ этихъ писателей стоялъ не особенно популярный въ свое время, но съ художественнымъ талантомъ, князь *В. Ѳ. Одоевскій*. У него, кромѣ таланта, было чувство глубокое и сострадательное, умъ наблюдательный и оригинальный, знаніе человѣческаго сердца, знаніе общества, особенно высшаго съ его нерѣдко мишурнымъ блескомъ. Сначала Одоевскій писалъ аллегорическія повѣсти, проникнутыя дидактизмомъ и юморомъ. Впослѣдствіи его стала интересовать внутренняя жизнь художника, высшіе моменты его творчества, дивная и горестная судьба его. Въ пріемахъ изложенія въ немъ замѣтно близкое сходство съ Жанъ-Поль Рихтеромъ. Его лучшія произведенія этого времени: *Бригадиръ*, *Балъ*, *Насмѣшка мертвеца*. Авторъ изображаетъ противоположность между возвышенными стремленіями художественной натуры и пошлою дѣйствительностію. Повѣсть *Городъ безъ имени* нападаетъ на исключительно утилитарное направленіе общества, близкаго, вслѣдствіе этого, къ паденію. Въ *Импровизаторѣ* прекрасно развита мысль о безплодности и вредѣ знанія, если оно пріобрѣтено безъ труда и усилія, знанія, ведущаго къ самому пошлому и тѣмъ не менѣе мучительному скептицизму, результатомъ котораго всегда бываетъ искреннее примиреніе съ пошлостью внѣшней жизни. *Себастіанъ Бахъ*—родъ біографіи—повѣсти, въ которой жизнь художника представлена въ связи съ развитіемъ и значеніемъ его таланта.

Въ 30-хъ годахъ русскій театръ значительно обогатился. Въ этотъ періодъ появились Борисъ Годуновъ, Горе отъ ума и Ревизоръ, и кромѣ того съ первыхъ же годовъ царствованія императора Николая I совершился замѣчательный переходъ отъ ложно-классической драмы къ реальной. Въ это время во Франціи появилась мелодрама, съ ядами и кинжалами, съ трескучими эффектами, съ напыщенными фразами. Русскіе охотно ее перево-

дили, ставили на сцену, и публика шумно аплодировала. Особенно посчастливилось пьесѣ *Тридцать лѣтъ или жизнь игрока*, драмѣ Виктора Дюканжа, въ переводѣ Р. Зотова. Въ народныхъ театрахъ пьеса и теперь имѣетъ успѣхъ. П. Г. Ободовскій началъ переводомъ „Донъ-Карлоса" Шиллера свою продолжительную драматическую карьеру. Въ этотъ же сезонъ выступилъ, въ качествѣ переводчика, московскій актеръ Д. Т. Ленскій. Почти каждый годъ онъ поставлялъ три-четыре пьесы. „Благородный театръ" Загоскина и „Свадьба Фигаро", въ новомъ переводѣ Д. Баркова, сдѣлались модными пьесами сезона. Оригинальныя произведенія принадлежатъ Петру Каратыгину, напримѣръ: *Ложа перваго яруса, Булочная или Петербургскій нѣмецъ*, и В. Григорьеву: *Филатка и Мирошка, соперники*; эти пьесы игрались несчетное число разъ и постоянно возбуждали неудержимый хохотъ. Въ 1831 году открылся Александринскій театръ, и болѣе солиднымъ поставщикомъ репертуара явился Н. Кукольникъ. Онъ болѣе, чѣмъ кто либо изъ современниковъ, одаренъ былъ драматическимъ талантомъ, при свѣтломъ умѣ и прекрасномъ образованіи. Важная его заслуга уже въ томъ, что онъ выработалъ тотъ прекрасный стихъ, который чуждъ натянутости и подходитъ къ разговорному языку. Кукольникъ написалъ очень много историческихъ драмъ. Особенный успѣхъ имѣла пьеса: *Рука Всевышняго отечество спасла.* На сценѣ появлялись берега Оки, Казань, Н. Новгородъ, Москва и кремль съ его зубчатыми стѣнами и церквами; Мининъ съ Пожарскимъ, Заруцкій съ Мариной. Со сцены все это производило впечатлѣніе, но драма не выдерживаетъ критики при чтеніи, какъ наборъ рѣчей, не связанныхъ внутренней необходимостью. Лучшая пьеса Кукольника — трагедія *Генералъ поручикъ Паткуль*, которая долгое время ходила въ рукописи. Въ ней событія очерчены весьма близко къ исторіи, и роль Паткуля художественно выдержана отъ начала до конца. Много писалъ для театра и неутомимый *Н. А. Полевой.* Онъ смѣло, безцеремонно передѣлывалъ иностранныя пьесы, но, умѣя приспособляться къ сценѣ и къ талантамъ актеровъ, всегда пользовался большимъ успѣхомъ. Таковы его произведенія: *Графъ Уголино* и *Гамлетъ.* Въ народныхъ театрахъ Гамлетъ Полевого больше нравился, нежели настоящая трагедія Шекспира, въ лучшихъ переводахъ. Изъ самостоятельныхъ его произведеній *Дѣдушка русскаго флота* имѣлъ блистательный успѣхъ. Публика, наскучившая риторическими пьесами Кукольника, Ободовскаго, привыкшая видѣть на сценѣ ходульныхъ героевъ, обрадовалась, услышавъ живой языкъ и увидавъ простыхъ людей. Для публики интеллигентной ничего не было дано новаго, но для нея было достаточно Грибоѣдова и Гоголя.

Критика и журналы въ эпоху Пушкина и Гоголя.

§ 85. Въ тридцатыхъ годахъ въ нашей критикѣ боролись два направленія: классическое и романтическое. Представителемъ перваго былъ Мерзляковъ. Изъ критиковъ одного съ нимъ лагеря заслуживаетъ вниманія Князь П. А. Вяземскій. Изъ его критическихъ статей лучшія—о Державинѣ и Озеровѣ и отдѣльная книга „Фонъ-Визинъ". Критику классическую смѣнила романтическая, которая, при всей кратковременности, произвела рѣшительный переворотъ и въ теоріи и въ произведеніяхъ литературы. Она ограничивалась сличеніемъ красотъ и недостатковъ съ близорукою теоріею подражанія природѣ, но заговорила объ идеѣ, о народности, объ общихъ законахъ изящнаго. Она имѣла конечно и недостатки: неопредѣленность идей, шаткость и голословность сужденій, противорѣчія. Такъ, напримѣръ, она начала бранить послѣднія сочиненія Пушкина, передъ которымъ благоговѣла въ началѣ его поприща; она не поняла Лермонтова и Гоголя и изо-всѣхъ силъ старалась лишить ихъ права на уваженіе со стороны современниковъ и потомства. — Главные дѣятели романтической критики были Марлинскій и Полевой. Первый высказалъ свои положительныя понятія о критикѣ и литературѣ въ XI томѣ своихъ сочиненій и въ разборѣ романа Полевого „Клятва при гробѣ Господнемъ". Марл. имѣлъ изящный вкусъ и обнаружилъ его въ правильномъ взглядѣ на классицизмъ въ XVIII стол. на характеръ русскаго народа, сколько онъ отразился въ исторіи, на романы Булгарина „Дмитрій Самозванецъ" и „Петръ Выжигинъ".—Критическіе взгляды Полевого можно видѣть въ длинной статьѣ о Державинѣ, приложенной къ изданію его сочиненій, въ Очеркахъ русской литературы, въ Сынѣ Отечества и особенно въ Московскомъ Телеграфѣ. — Въ одно время съ Полевымъ выступилъ на критическое поприще знаменитый профессоръ Шевыревъ. Онъ сначала писалъ въ Московскомъ Вѣстникѣ. Здѣсь замѣтно знакомство съ нѣмецкими эстетиками и вообще съ нѣмецкой литературой. Здѣсь есть что-то похожее на принципъ и гораздо меньше произвольныхъ мнѣній, чѣмъ у Полевого, но, будучи по таланту ниже, Шевыревъ не имѣлъ вліянія на современную литературу. Въ Московскомъ Наблюдателѣ Шевыревъ говорилъ преимущественно объ итальянской литературѣ: разбирая русскихъ писателей, онъ болѣе говоритъ о Дантѣ, Петраркѣ и Тассѣ. Наконецъ въ Москвитянинѣ онъ заявилъ себя славянофиломъ; особенно это замѣтно въ сужденіяхъ о Лермонтовѣ и Бенедиктовѣ. Романтическая критика, ниспровергшая старые авторитеты, не имѣла подъ собою твер-

дой почвы. Разрушая старое зданіе, она не закладывала новаго. Это новое, такое же прочное, какъ классицизмъ, создавалось тамъ же въ Москвѣ, гдѣ училъ и критиковалъ Мерзляковъ.

§ 86. Въ эпоху Пушкина продолжалось изданіе Вѣстника Европы, Русскаго Вѣстника, Сына Отечества и газеты С.-Петербургскія Вѣдомости, но все это мало оказывало вліянія на общество. Вѣстникъ Европы, подъ редакціей Каченовскаго, главнымъ образомъ занимался русской исторіей и взялъ на себя задачу опровергать подлинность русской лѣтописи. Слѣдовательно подъ редакціей Карамзина, вліяніе журнала было благотворнѣе. Русскій Вѣстникъ, такъ успѣшно дѣйствовавшій при Глинкѣ въ патріотическомъ духѣ, съ 1824 г. потерялъ значеніе. Хотя въ немъ красовались имена Полевого, Кукольника и Греча, но главное мѣсто занимали сухія ученыя статьи. Изученіе Россіи продолжалось въ Сѣверномъ Архивѣ, который потомъ соединился съ Сыномъ Отечества, подъ редакціею Греча и Булгарина и на средства знаменитаго книгопродавца Смирдина. Въ критическихъ статьяхъ пренебрегали солидной нѣмецкой эстетикой, и руководились французами, напримѣръ, Филаретомъ Шалемъ. Лучшее здѣсь было — переводы изъ Гете Струговщикова. Старѣйшая и долго единственная газета С.-Петербургскія Вѣдомости значительно оживилась въ концѣ сороковыхъ годовъ; редакцію ихъ принялъ на себя Очкинъ. Съ цѣлью изученія Россіи Свиньинъ съ 1820 г. началъ издавать въ Петербургѣ Отечественныя Записки, гдѣ помѣщалъ матеріалы и ученыя изслѣдованія по русской исторіи. Журналъ сдѣлался занимателенъ съ появленіемъ въ немъ отдѣла Современная хроника Россіи.—Главною ареною ожесточенной борьбы романтизма съ отживающимъ классицизмомъ былъ Телеграфъ, издаваемый Полевымъ. Онъ просуществовалъ почти десять лѣтъ, пріобрѣлъ массу читателей изъ средняго класса, въ которомъ развилъ охоту къ чтенію и интересъ къ литературѣ, хотя, по недостатку опредѣленныхъ философскихъ и эстетическихъ началъ, мало содѣйствовалъ развитію науки. Публикѣ особенно нравилось отрицательное направленіе, стараніе ниспровергнуть старые авторитеты и отжившія теоріи, но грубый вкусъ редактора не отличалъ Пушкина отъ Кукольника, Жоржъ-Зандъ отъ Матюреня; плохой французскій критикъ Кузенъ считался у него чуть не геніемъ. — Когда, благодаря литературной дѣятельности Полевого, явилась у насъ масса читающей публики, даже въ провинціи, профессоръ Сенковскій (болѣе извѣстный подъ именемъ Барона Брамбеуса) и щедрый книгопродавецъ Смирдинъ стали издавать знаменитую Библіотеку для чтенія. Надо удивляться способности этихъ людей

видѣть, чего желаетъ публика, и умѣть отвѣчать на это желаніе. Они не имѣли въ виду возвышать общество, облагораживать его литературный вкусъ, а только доставлять занимательное чтеніе. Издатели добросовѣстно исполняли свои обѣщанія: аккуратно давали каждый мѣсяцъ по толстой книгѣ съ громкими именами, между которыми Пушкинъ стоялъ рядомъ съ Кукольникомъ, а Иванъ Выжигинъ, романъ Булгарина, — съ Тарасомъ Бульбой. Критическіе разборы и обозрѣнія блистали дешевымъ остроуміемъ и поражали громадною, но весьма сомнительною ученостью Сенковскаго. Серьезнымъ журналамъ трудно было соперничать съ Библіотекой для чтенія. Благодаря участію Смирдина. Сенковскій сталъ платить сотрудникамъ. Журналъ издавался долго, переходя потомъ изъ рукъ въ руки, но онъ никогда потомъ не имѣлъ такого значенія, какъ при Сенковскомъ.

Русская литература послѣ Пушкина и Гоголя.

§ 87. Въ эпоху Грибоѣдова, Пушкина, Лермонтова и Гоголя въ русской литературѣ вообще замѣтно оживленіе. Кромѣ возбуждающаго вліянія этихъ великихъ поэтовъ, оно имѣло и другія литературныя причины: 1) знакомство съ нѣмецкой философіей Канта, Шеллинга, Гегеля, отразилось во взглядахъ не только на развитіе искусства, но и на общіе законы жизни народовъ. 2), Переводы произведеній англійскихъ поэтовъ, Диккенса и Теккерея, способствовали облагораживанію литературнаго вкуса. 3) Изъ Англіи и Франціи перешли къ намъ въ переводѣ многія ученыя сочиненія, касавшіяся общественныхъ и экономическихъ вопросовъ. Наконецъ 4) изъ Франціи перешли къ намъ романы Жоржъ Зандъ, во множествѣ переводившіеся въ сороковыхъ годахъ и имѣвшіе вліяніе на рѣшеніе поднятаго въ это время женскаго вопроса.

Все это имѣло вліяніе на умственную жизнь русскаго общества, а потомъ и на литературу.

а) Въ литературѣ на первый планъ выступило „реальное“ направленіе, которое ведетъ начало отъ Лермонтова

и Гоголя. Оно называлось тогда „натуральнымъ“, въ отличіе отъ школы ложно-романтической, отличавшейся дѣланнымъ пафосомъ и искусственною колоритностью Марлинскаго, фальшивою народностью Кукольника и пошлымъ остроумничаньемъ Сенковскаго. Отъ Гоголя натуральная школа взяла только внѣшнюю сторону, живое, правдивое изображеніе пошлости жизни, а его оригинальныя тенденціи замѣнила общественными идеями французской философіи, ввела защиту труда отъ произвола капитала, эмансипацію женщины, борьбу съ невѣжествомъ, защиту честности, гуманности и проповѣдь гражданскаго долга.

б) Гораздо шире обнимали русскую жизнь и литературу два другихъ направленія: „славянофильское„ и „западническое“.

Первое направленіе было охранительное, сочувствовавшее всему русскому, даже старинному, чуждавшееся на первыхъ порахъ западно-европейской культуры. Направленіе западническое, прогрессивное, признавало возможность нашего движенія впередъ только при помощи Запада.

Оба эти направленія образовались изъ кружковъ молодежи, изучавшей Шеллинга и Гегеля. Основа обоихъ направленій была одна и та же—увлеченіе этой философіей и еще идеями французской публицистики тридцатыхъ годовъ. По ученію Шеллинга, каждая народность осуществляетъ въ своей жизни какую-нибудь идею, и только развитіе великой всемірной идеи дѣлаетъ народъ историческимъ. По ученію Гегеля, большинство народностей выражаетъ тѣ крайности, на которыя распадается всемірная идея въ своемъ развитіи. Но есть народности великія, которыя, при своемъ развитіи, примиряютъ крайности. Такою націею Гегель считалъ Германію, наши философы, патріоты — Россію. Послѣдняя должна осуществить гуманныя начала, по мнѣнію однихъ, самостоятельно, по мнѣнію другихъ, усвоивши сначала

европейскую культуру. Двоякое рѣшеніе этого вопроса и раздѣлило мыслителей на два лагеря.

1) Первымъ славянофиломъ можно назвать Карамзина, который въ своей „Запискѣ о древней и новой Россіи“ осуждалъ подражательность, проникшую въ русскую жизнь съ Петра Великаго; вторымъ—противника Карамзина, Шишкова, восхищавшагося славянскимъ языкомъ и писателями половины восемнадцатаго столѣтія. Самое названіе „Славянофилъ“ первый разъ было употреблено В. Л. Пушкинымъ (дядею поэта) въ его сочиненіи „Опасный сосѣдъ“. Славянофильство, какъ опредѣленная научная система, ведетъ свое начало съ литературной дѣятельности Ивана и Петра Кирѣевскихъ, Константина и Ивана Аксаковыхъ и Хомякова; впослѣдствіи къ нимъ присоединились Самаринъ, Кошелевъ, поэты Языковъ и Тютчевъ. Сферою ихъ дѣятельности были журналы Московскій Сборникъ, Русская Бесѣда и Москвитянинъ. Потомъ къ этому направленію примкнули Орестъ Миллеръ, Н. Н. Страховъ и Н. Я. Данилевскій, авторъ книги Европа и Россія. Въ слѣдующемъ фазисѣ своего развитія они назывались „почвенниками“, и сюда главнымъ образомъ слѣдуетъ отнести критика Аполлона Григорьева и крупнаго романиста Достоевскаго. Ихъ журналы — Время и Эпоха. Наконецъ оба названія смѣнились болѣе яснымъ и простымъ словомъ „народникъ“. „Народники“ признаютъ самобытность русскаго народа, значеніе личности въ историческомъ прогрессѣ, и отдаютъ предпочтеніе труду предъ капиталомъ. Нечего и говорить, что каждое названіе вносило въ понятіе и новые оттѣнки. Хотя убѣжденія славянофиловъ представляли крайности, преувеличенія, но мы должны признать ихъ великія заслуги въ отношеніяхъ нравственномъ и научномъ. Считая русскій народъ богоизбраннымъ, предназначеннымъ возродить Европу, славянофилы эту богоизбранность признавали результатомъ нравственныхъ качествъ, прису-

щихъ русскому народу: миролюбія, пристрастія къ земледѣлію, отвращенія къ военнымъ набѣгамъ. Въ своемъ народѣ они видѣли смиреніе, стремленіе къ простотѣ и къ правдѣ, отсутствіе гордости и заботы о внѣшнемъ блескѣ. Признавая союзъ народа съ государствомъ, славянофилы требовали свободы устнаго и печатнаго слова. Они горячо и искренно сочувствовали освобожденію крестьянъ. Наконецъ они дали толчекъ изученію народнаго быта, памятниковъ словесности и языка. Всѣ труды Рыбниковыхъ, Кирѣевскихъ, Гильфердинговъ и пр. являются результатомъ славянофильскихъ стремленій. Въ важныя эпохи подъема народнаго самосознанія и патріотизма (1812 годъ, оборона Севастополя, сербская война, подвиги Черняева и Скобелева), съ особенною силою и смѣлостью раздавался одушевляющій и ободряющій голосъ этихъ патріотовъ. Припомнимъ манифесты Шишкова, Растопчинскія афишки, статьи Глинки въ Русскомъ Вѣстникѣ, Русскій Вѣстникъ И. С. Аксакова, стихи Хомякова, Языкова, Тютчева, Розенгейма и пр.

Кромѣ вопросовъ историческихъ, политическихъ и нравственныхъ, славянофилы касались и вопросовъ литературныхъ. Большею производительностью въ этомъ отношеніи выдавался И. В. Кирѣевскій, почитатель Канта и потомъ Шеллинга, котораго письма о догматизмѣ и критицизмѣ перевелъ на русскій языкъ. Ему, какъ и предшественнику Бѣлинскаго, Надеждину, принадлежитъ отрицательное отношеніе къ русской литературѣ и предъявленіе къ ней требованія народности. Этой народности, по ихъ мнѣнію, не знали наши поэты вслѣдствіе безусловнаго пристрастія къ западному образованію и безотчетнаго предубѣжденія противъ русскаго варварства. Впослѣдствіи Кирѣевскій, подчинившись славянофильскому ученію Хомякова, нашелъ въ русской народности существенные элементы обновленія жизни и литературы, но подъ условіемъ усвоенія

того, что добыто развитіемъ всего человѣчества. Слѣд. Кирѣевскій, вмѣстѣ съ Надеждинымъ, были предшественниками Бѣлинскаго.—Слѣдующій въ этомъ направленіи критикъ былъ *А. С. Хомяковъ*, — публицистъ и богословъ, авторъ исполненныхъ пафоса громкихъ одъ въ духѣ его направленія и нѣсколькихъ глубокихъ стихотвореній философскаго характера. У него есть, и общія литературно-художественныя воззрѣнія, и историческій обзоръ литературы, и характеристики писателей, и разборы отдѣльныхъ произведеній. Въ общемъ онъ отрицаетъ теоріи чистаго искусства, требуетъ отъ него народности и общественнаго (по тогдашнему времени) обличительнаго направлеиія. Въ этомъ отношеніи Хомяковъ является предшественникомъ Добролюбова и вообще критики 60-хъ годовъ. Изъ отдѣльныхъ писателей Х. рѣзко отзывается о Пушкинѣ и Лермонтовѣ и съ особеннымъ сочувствіемъ относится къ Гоголю и С. Т. Аксакову.—*Ю. Самаринъ*, участвуя въ Москвитянинѣ, преимущественно полемизировалъ съ Современникомъ по вопросу о происхожденіи, значеніи и судьбѣ натуральной школы.—Сочиненія крупнаго славянофила *И. С. Аксакова* имѣли преимущественно публицистическій характеръ.

2) Пристрастіе къ западной цивилизаціи стало особенно замѣтно со времени Петра Великаго, но, какъ опредѣленное ученіе, западничество стало высказываться у насъ въ одно время съ славянофильствомъ, подъ вліяніемъ нѣмецкой философіи. Его развивали князь Одоевскій, Веневитиновъ и Иванъ Кирѣевскій (до отдѣленія славянофиловъ отъ западниковъ). Гораздо подробнѣе и рѣшительнѣе западническіе взгляды высказаны Чаадаевымъ въ его „Философическихъ письмахъ“, напечатанныхъ въ „Телескопѣ“ въ 1836 году. Потомъ сюда примкнули, со Станкевичемъ во главѣ, Надеждинъ, Бѣлинскій, Огаревъ и группа ученыхъ—Грановскій, Соловьевъ, Кавелинъ, Калачевъ, Павловъ. Станкевичъ своею нравственною личностью свѣтилъ современному поко-

лѣнію. Чѣмъ былъ Андрей Тургеневъ, другъ Жуковскаго, Батюшкова, Князя Вяземскаго, для поколѣнія, предшествовавшаго 1812 году, чѣмъ былъ Веневитиновъ для поколѣнія, принадлежавшаго къ 1825 году, тѣмъ сдѣлался Станкевичъ для молодыхъ людей сороковыхъ годовъ. Философія и поэзія поглощали всѣ интересы кружка. Шекспиръ, Гете и Шеллингъ были постоянно на языкѣ этихъ восторженныхъ почитателей искусства. Рядомъ съ ними, въ кружкѣ издавна пользовался великимъ уваженіемъ Гофманъ, который въ своихъ фантастическихъ повѣстяхъ часто обращался къ вопросамъ искусства и съ такимъ энтузіазмомъ и глубокимъ пониманіемъ говорилъ о нихъ, что сочиненія его были для кружка настоящимъ курсомъ эстетики. Наконецъ общею была у друзей и страсть къ театру. Въ области литературной критики, западническое направленіе выразилось въ критическихъ разборахъ, печатавшихся въ 40—50 годахъ въ Отечественныхъ запискахъ, Современникѣ, Русскомъ словѣ, Дѣлѣ и Вѣстникѣ Европы (начавшемся съ 1866 года и нынѣ еще издаваемомъ).

Критика сороковыхъ годовъ.

§ 88. Критика разсматриваемаго времени основана была на серьезномъ и глубокомъ знакомствѣ нашемъ съ современной нѣмецкой философіей. Подъ разными предшествовавшими вліяніями, лучшей части нашего общества было сродно чувство нравственнаго достоинства, стремленіе къ личной свободѣ, сознаніе необходимости умственнаго прогресса и убѣжденіе, что Пушкинъ былъ великъ тѣмъ, что былъ народенъ, какъ ни сильно было въ немъ западное вліяніе. Такимъ людямъ могла нравиться философія Шеллинга, по которой вселенная есть цѣльный міръ, полный величія, блеска, гармоніи. Изучить этотъ міръ, представляющій тождество

духа и матеріи, можно только интеллектуальнымъ созерцаніемъ, внутреннимъ непосредственнымъ чувствомъ. Проповѣдниками Шеллинговой философіи были: профессоръ М. Г. Павловъ и В. Ф. Одоевскій. Вокругъ послѣдняго собирались молодые люди, общими силами изучавшіе нѣмецкую философію. Это были упомянутые выше И. В. Кирѣевскій, Веневитиновъ, Шевыревъ и пр. Они составляютъ переходъ отъ романтизма къ кружку Станкевича съ Бѣлинскимъ въ главной роли. Къ этой переходной ступени принадлежалъ и профессоръ Надеждинъ (писавшій подъ псевдонимомъ Надоумки), представитель эстетической критики, а не философіи вообще. Его литературные приговоры были безапелляціонны и строги. Даже въ Евгеніи Онѣгинѣ онъ видѣлъ признаки вольнодумства, осуждалъ Пушкина за сочувствіе къ цыганамъ, и всѣхъ друзей великаго поэта называлъ „сонмищемъ нигилистовъ". Къ этому кружку принадлежалъ и Бѣлинскій, крупный представитель западническаго направленія, знаменитый критикъ сороковыхъ годовъ, истолкователь Пушкина. Сочиненія его, печатавшіяся въ *Московскомъ Наблюдателѣ*, въ *Молвѣ*, потомъ въ *Отечественныхъ запискахъ* и затѣмъ въ *Современникѣ*, долго были извѣстны только небольшому кружку образованной публики и уже со времени отдѣльнаго ихъ изданія (Солдатенковымъ и Щепкинымъ 1859—1861 г. въ 12 томахъ) стали оказывать вліяніе на изученіе и русской и иностранной литературы.

По словамъ Тургенева, въ жилахъ Бѣлинскаго текла кровь нашего великорусскаго духовенства. Отецъ его, кончившій курсъ въ Петербургской Медицинской Академіи съ званіемъ лекаря, служилъ въ Балтійскомъ флотѣ, былъ женатъ на дочери флотскаго офицера. Виссаріонъ Григорьевичъ Бѣлинскій родился въ 1810 году въ Свеаборгѣ. Вскорѣ послѣ появленія первыхъ критическихъ статей Бѣлинскаго въ *Молвѣ* и *Телескопѣ*, въ Петербургѣ начали ходить слухи о немъ, какъ о человѣкѣ

весьма бойкомъ, горячемъ, который ни передъ чѣмъ не уступалъ и нападалъ въ литературномъ мірѣ на все. По словамъ Тургенева, Бѣлинскій былъ дѣйствительно страстный и дѣйствительно искренній человѣкъ, способный къ увлеченію беззавѣтному, но исключительно преданный правдѣ, раздражительный, но не самолюбивый, умѣвшій любить и ненавидѣть безкорыстно. Невозможно себѣ представить, до какой степени Бѣлинскій былъ правдивъ съ другими и съ самимъ собою; онъ чувствовалъ, дѣйствовалъ, существовалъ только въ силу того, что онъ признавалъ за истину, въ силу своихъ принциповъ. Онъ обладалъ главными качествами великаго критика. Эстетическое чутье было въ немъ почти непогрѣшительно, взглядъ его проникалъ глубоко и никогда не становился туманнымъ. Въ одномъ изъ своихъ годичныхъ обозрѣній онъ помѣстилъ небольшую выноску, въ которой по одной Пѣснѣ о купцѣ Калашниковѣ, появившейся безъ подписи, предрекалъ великую будущность автору. Въ 1834 году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, начался въ „Молвѣ" рядъ статей, подъ названіемъ *„Литературныя мечтанія, Элегія въ прозѣ"*. Съ этихъ статей открывается серьезная литературная дѣятельность Бѣлинскаго. Главная мысль его: у насъ нѣтъ литературы въ истинномъ смыслѣ, какъ органа народнаго самосознанія. Лишь только завершится окончательное образованіе нашего общества, а оно уже близко, у насъ явится литература: въ настоящемъ времени зрѣютъ сѣмена для будущаго! и они взойдутъ и расцвѣтутъ, расцвѣтутъ пышно и великолѣпно по гласу чадолюбивыхъ монарховъ! И тогда будемъ мы имѣть свою литературу, явимся не подражателями, а соперниками европейцевъ. Съ „Литературныхъ мечтаній",—говоритъ академикъ Пыпинъ (умершій 26 Ноября 1904 года) начинается переломъ въ русской литературѣ. До Бѣлинскаго въ русской критикѣ еще не было такой цѣльности взгляда, силы убѣжденія и искренняго чувства. Въ 1835 году, во временное отсутствіе Надеж-

дина, Телескопъ и Молва перешли къ Бѣлинскому. Журналъ тотчасъ получилъ опредѣленное эстетическое направленіе. Всего больше придавали интересъ журналу статьи Бѣлинскаго: большая статья о русской повѣсти и повѣстяхъ Гоголя, критическія статьи о стихотвореніяхъ Баратынскаго, Бенедиктова и Кольцова. Съ прекращеніемъ „Телескопа“ въ 1836 году, Бѣлинскій могъ нѣсколько времени отдохнуть въ доброй семьѣ друзей и въ объятіяхъ сельской природы. Но философіей онъ увлекался по прежнему и кромѣ Шеллинга читалъ Канта, Гегеля, Фихте. Главное положеніе Гегеля“ что дѣйствительно, то разумно“ и наоборотъ, не только разрѣшало всѣ противорѣчія кружка шеллингистовъ, но и примиряло, сближало два элемента міровой сущности—духъ и матерію, идею и форму. Вліяніе нѣмецкой философіи и поэзіи отразилось и на критическихъ статьяхъ, которыя Бѣлинскій помѣщалъ на страницахъ „Московскаго Наблюдателя“; это былъ журналъ философско-эстетическій. Въ Гегелѣ изучавшіе его нашли то примирительное направленіе, которое отличало Бѣлинскаго конца 30-хъ годовъ. Оно начинаетъ сказываться въ 1836 году, но полное господство его приходится именно на то время, когда внѣшнія обстоятельства Бѣлинскаго были крайне бѣдственны. Журналъ „Московскій Наблюдатель“ далъ было ему надежду на улучшеніе матеріальныхъ дѣлъ, но журналъ продолжался не долго, и Бѣлинскій могъ существовать почти только поддержкою друзей — В. Боткина, К. Аксакова и Ефремова. Наконецъ Бѣлинскій сталъ мечтать о перенесеніи своей литературной дѣятельности въ Петербургъ. Мечта его исполнилась, когда Краевскій задумалъ издавать въ Петербургѣ Отечественныя Записки и пригласилъ къ участію Бѣлинскаго. Здѣсь взгляды его постепенно измѣнились. Здѣсь ему уже нельзя было никуда скрываться отъ дѣйствительности, приходилось прямо столкнуться съ нею, и это столкновеніе должно было оторвать его отъ чисто-

теоретическихъ разсужденій и перенести на почву практическую. Здѣсь-то и пришлось ему впервые увидѣть, что его положеніе: „Все существующее дѣйствительно, необходимо и разумно“ должно было подвергнуться долгой и мучительной пробѣ, и оно не выдержало этой пробы, и послѣ цѣлаго ряда нравственныхъ мученій, которыми для Бѣлинскаго всегда сопровождалась мѣна взглядовъ и убѣжденій, было сдано въ архивъ, какъ совершенно невѣрное и непригодное для жизни. Весь этотъ переломъ совершился въ теченіе перваго же года пребыванія Бѣлинскаго въ Петербургѣ, просто путемъ самостоятельнаго развитія, а не подъ вліяніемъ личныхъ отношеній къ Станкевичу или Герцену. Послѣдніе годы, когда Бѣлинскій работалъ въ Отечественныхъ Запискахъ, были и лучшими годами этого журнала. Въ 1840 году Бѣлинскій написалъ замѣчательный разборъ романа „Герой нашего времени“. Въ статьяхъ 1841 и 1842 годовъ новые взгляды замѣтно торжествуютъ, критика начинаетъ съ уваженіемъ говоритъ о французской литературѣ, о Жоржъ Зандѣ, произведеніями которой восторгалась, какъ нѣкогда Гофманомъ и Гете. Въ 1843 году былъ начатъ Бѣлинскимъ рядъ знаменитыхъ статей о Пушкинѣ и предшествовавшихъ ему поэтахъ; эти статьи составляютъ и до сихъ поръ единственный курсъ русской литературы. Здѣсь критическій геній его проявился во всей полнотѣ и зрѣлости. Между тѣмъ здоровье измѣняло труженику. Въ то же время въ Отечественныхъ запискахъ его мѣсто занялъ новый критикъ, Валеріанъ Майковъ (братъ поэта), оказавшійся съ сильнымъ критическимъ талантомъ, но, къ сожалѣнію, писавшій недолго (по причинѣ внезапной смерти). Онъ написалъ статью о стихотвореніяхъ Кольцова, послужившую поводомъ къ полемикѣ его съ Бѣлинскимъ. Въ этой полемикѣ обнаружилось, что Бѣлинскій, доселѣ враждебно относившійся въ славянофиламъ по поводу изданія сборника Кирши Дани-

лова, нашелъ возможность примиренія съ ними. Можетъ быть, это сочувствіе было результатомъ суроваго отношенія къ реальному направленію, а можетъ быть, слѣдствіемъ усиленія болѣзни у Бѣлинскаго и мысли о близости смерти,—явленіе, очень часто встрѣчающееся въ жизни человѣка. Съ физическими силами падали и силы духовныя. Онъ выходилъ изъ дому (на Лиговкѣ, въ домѣ Галченкова, недалеко отъ нынѣшняго вокзала Николаевской желѣзной дороги) рѣдко; дома, когда у него собирались пріятели, онъ мало одушевлялся и часто повторялъ, что ему уже недолго остается жить. Въ шестомъ часу 26 мая 1848 года его не стало. Нѣсколько словъ некролога, совершенно незначительныхъ, надолго остались единственнымъ упоминаніемъ имени Бѣлинскаго. Даже въ то время, когда условія печати стали измѣняться, когда общество и литература стали оглядываться и вспоминать недавнее прошлое, Бѣлинскій еще оставался „безыменнымъ критикомъ 40-хъ годовъ".

Бѣлинскій былъ у насъ представителемъ критики художественной, цѣлью которой была исторія прогресса художественнаго творчества, причемъ не только исключалось все, не входившее прямо въ эту область но почти исключались произведенія второстепеннаго достоинства, не представлявшія упомянутаго прогресса. Понятно, что внѣ этихъ строго очерченныхъ рамокъ останется многое, что при болѣе обстоятельномъ изслѣдованіи представитъ несомнѣнный и существенный историко-литературный интересъ.

Критическая дѣятельность Бѣлинскаго завершала старый періодъ неопредѣленности теоретическихъ понятій цѣльною системою критическихъ положеній, и онъ на многіе годы сохранилъ свое значеніе, какъ эстетическій истолкователь Пушкина и Гоголя, какъ общественной писатель; но въ спеціальной исторіи литературы скоро была почувствована неполнота его взгляда, что еще при его жизни было высказываемо Буслаевымъ,

начавшимъ новую школу въ изученіи словесности. Бѣлинскій, напримѣръ, оставилъ безъ вниманія всю старую до-петровскую литературу и народную поэзію, о которой ему приходилось упоминать только изрѣдка и случайно: въ его глазахъ до-петровская народная старина была только первобытной безсознательной эпохой, потерявшей интересъ съ тѣхъ поръ, какъ началась эпоха дѣйствительнаго просвѣщенія и возникла правильная литература; народная поэзія считалась дѣтскимъ лепетомъ въ сравненіи съ художественнымъ созданіемъ правильной искусственной литературы; кромѣ того изъ-за художественнаго интереса литературы Бѣлинскій не усматривалъ ея величайшаго интереса историко-культурнаго. А этотъ интересъ пробудился въ русскомъ обществѣ еще въ эпоху изслѣдованія старины и народности; тутъ очевидно возникла новая широкая наука, которой предстояло произвести рѣшительный поворотъ въ исторіи литературы.

Новыя явленія, сюда относящіяся, слѣдующія: 1) изученіе древней письменности. Его начали Шлецеръ, Татищевъ, продолжали Археографическая Экспедиція и Комиссія, и завершило образовавшееся при Александрѣ III Общество древней письменности; 2) возникновеніе вопроса о духовныхъ особенностяхъ народа и отличительныхъ чертахъ его міровоззрѣнія и быта (напримѣръ около этого времени былъ уже затронутъ вопросъ объ общинѣ); къ изученію историческому само собою примыкало изученіе бытовое, этнографическое (Древнія русскія стихотворенія Кирши Данилова, изданія Сахарова, П. Кирѣевскаго, Снѣгирева, Терещенко, Даля и проч.): 3) изученіе славянства (Востоковъ, Калайдовичъ, Добровскій, Шафарикъ, Копитаръ, Григоровичъ, Прейсъ, Билярскій, И. И. Срезневскій и проч.); 4) возникновеніе сравнительно-филологической науки (Гриммъ и нашъ Буслаевъ); 5) изученіе второстепенныхъ фактовъ исторіи быта, литературы, языка. (Чтенія Общества

исторіи и древностей россійскихъ, Русская Старина, Историческій Вѣстникъ и проч.); наконецъ 6) сравнительное изученіе жизни народовъ, путей развитія миѳологіи, религіи, права, языка.—Подъ всѣми этими новыми вліяніями взгляды на литературу настолько измѣнились, что художественная точка зрѣнія оказалась недостаточною.

Журналы сороковыхъ годовъ.

§ 89. Смѣнившій Отечественныя Записки Современникъ сначала издавался Пушкинымъ, потомъ Плетневымъ, а съ 1847 г.—Некрасовымъ. Журналъ вообще имѣлъ солидный характеръ, отличался основательной и благородной критикой. Когда подъ вліяніемъ нѣмецкой философіи въ русскую критику внесены были новые элементы, Современникъ остался при Карамзинскихъ понятіяхъ, но онъ возникъ къ новой жизни въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, въ эпоху Добролюбова, и имѣлъ сильное вліяніе на русскую публику.

Сферою дѣятельности тѣхъ русскихъ, которые знакомились съ нѣмецкой философіей, былъ сначала журналъ А. Измайлова Благонамѣренный, гдѣ помѣщались отрывки изъ сочиненій по философіи и эстетикѣ. Серьезнѣе, но кратковременнѣе была журнальная дѣятельность Шеллингистовъ, которые издавали Московскій Вѣстникъ и Телескопъ. Первый былъ основанъ по мысли Веневитинова, но вскорѣ послѣ его смерти журналъ сталъ наполняться историческими статьями и скучной полемикой съ Полевымъ. Телескопъ существовалъ болѣе пяти лѣтъ. Главнымъ дѣятелемъ въ немъ былъ эстетическій критикъ Надеждинъ (Надоумко). Въ 1834 году при Телескопѣ издавался еще журналъ Молва, въ которомъ и была помѣщена первая статья Бѣлинскаго Литературныя мечтанія. Телескопъ былъ прекращенъ вслѣдствіе напечатанія въ немъ Философическихъ писемъ Чаадаева.

Сочувствіе къ западно-европейскимъ идеямъ, выражавшееся въ Отечественныхъ Запискахъ сороковыхъ годовъ, въ Современникѣ и Телескопѣ, вызвало оппозицію со стороны защитниковъ русскихъ народныхъ началъ, послѣдователей Шишкова, предшественниковъ славянофильскго направленія. Такимъ характеромъ отличались: въ Петербургѣ Маякъ, а въ Москвѣ Москвитянинъ. Маякъ издавалъ съ 1840 года Бурачекъ. Этотъ ориги-

нальный журналъ изо всѣхъ силъ ратовалъ противъ пристрастія къ иноземному, противъ западничества. По мнѣнію Бурачка, для нашего развитія мы имѣемъ много родныхъ элементовъ. Всѣ они—въ народной поэзіи; старинные писатели, напримѣръ Сумароковъ, Херасковъ, Шишковъ, еще держались этого источника; между тѣмъ въ настоящее время для русской литературы насталъ вѣкъ мишурности, которой предвѣстникомъ былъ Батюшковъ, а утвердителемъ—Пушкинъ. Для оправданія своей мысли о превосходствѣ народной поэзіи предъ художественною, Маякъ печаталъ много простонародныхъ особенно малорусскихъ разсказовъ, преданій, повѣрій; но задняя мысль была причиною крупныхъ искаженій народности. Наконецъ Маякъ сдѣлался притчею во языцѣхъ, какъ впослѣдствіи, въ шестидесятыхъ годахъ, пресловутая Домашняя Бесѣда В. И. Аскоченскаго.—Москвитянинъ, издаваемый съ 1841 года Погодинымъ и Шевыревымъ, былъ гораздо серьезнѣе, хотя нельзя съ точностью опредѣлить его направленіе. Съ Маякомъ въ немъ было много сходства, какъ это показываютъ критическія статьи, напримѣръ Шевырева. Главная заслуга журнала, большею частью выходившаго въ 24-хъ книжкахъ, состояла въ томъ, что онъ издалъ множество памятниковъ нашей литературы, особенно восемнадцатаго и начала девятнадцатаго столѣтій.

Несмотря на весьма нелестные отзывы Бѣлинскаго о русской драмѣ, она въ 30—40 годахъ у насъ процвѣтала и дѣйствовала на общество не менѣе, какъ при Сумароковѣ и Фонъ-Визинѣ. Этимъ обстоятельствомъ объясняются успѣхи театральныхъ журналовъ Репертуара и Пантеона.

Между современными газетами руководительницею массы была знаменитая Сѣверная Пчела, издаваемая Булгаринымъ, вмѣстѣ съ Гречемъ. Послѣ смерти Булгарина Гречъ издавалъ Сѣверную Пчелу одинъ, а потомъ передалъ Усову вмѣстѣ съ своей типографіей. Гречъ помѣщалъ въ газетѣ преимущественно свои письма изъ-за границы. Сѣверная Пчела выходила очень исправно, но не имѣла, въ литературномъ смыслѣ, никакого опредѣленнаго характера и не выказывала участія никакой сильной руки. Разборы книгъ были большей частью благосклонные: они писались весьма часто пріятелями авторовъ; критика нападала преимущественно на слогъ, въ отношеніи котораго сами редакторы были дѣйствительно безукоризненны. Въ политическихъ новостяхъ Сѣверная Пчела ограничивалась перепечаткою изъ иностранныхъ газетъ, прибавляя свой собственный взглядъ, и публика не затруднялась въ сужденіяхъ: слова Греча и Булгарина были для нея законъ.—Гораздо лучше былъ Русскій

Инвалидъ. Онъ сообщалъ полныя и свѣжія политическія новости; фельетонъ его, преимущественно состоявшій изъ иностранныхъ извѣстій, былъ разнообразенъ и занимателенъ.

Литературные сборники или альманахи, введенные у насъ Карамзинымъ, пользовались вниманіемъ публики. Лучшею была Утренняя Заря Владиславлева. Содержаніе было занимательно, а гравюры великолѣпны. Въ 1844 году былъ изданъ альманахъ Соллогуба Вчера и сегодня. Тутъ помѣщены сочиненія Жуковскаго, Лермонтова, переводы Струговщикова изъ Шиллера и Гете. Но, благодаря усердію и щедрости Смирдина, лучшими по внѣшней сторонѣ и болѣе разнообразными по содержанію были сборники: Новоселье, Сто русскихъ литераторовъ и Русская Бесѣда. Первый томъ Новоселья изданъ въ 1833 году (по случаю перехода магазина Смирдина въ новое помѣщеніе). Но хорошаго здѣсь было только Домикъ въ Коломнѣ—Пушкина и Ссора—повѣсть Гоголя. Сборникъ Сто русскихъ литераторовъ изданъ Смирдинымъ какъ бы въ опроверженіе словъ Бѣлинскаго, что у насъ нѣтъ литературы. Сборникъ состоялъ только изъ повѣстей, притомъ написанныхъ русскими авторами. Даже знаменитый Шишковъ помѣстилъ повѣсть. Не обладая литературными достоинствами, изданіе Смирдина не опровергло мысли Бѣлинскаго. Когда, наконецъ, денежныя дѣла Смирдина разстроились, литераторы рѣшились помочь ему своими талантами и трудами. Они помогли ему издать одинъ за другимъ три тома сборника подъ названіемъ Русская Бесѣда. Но и здѣсь было больше хламу; лучшее: Аптекарша, повѣсть Соллогуба, Барыня, повѣсть Ивана Панаева.—Петербургскій сборникъ Некрасова по формату и изяществу напоминалъ Сто Русскихъ Литераторовъ. Въ немъ помѣщены Макбетъ въ переводѣ Кронеберга, первыя произведенія Тургенева, Антологіи Майкова, Бѣдные люди и Двойникъ Достоевскаго.

Литература сороковыхъ-семидесятыхъ годовъ.

§ 90. Главнѣйшими причинами оживленія литературы въ царствованіе императора Александра II были (какъ отчасти сказано и выше) усиленіе реальнаго направленія, дѣятельность школъ славянофильской и западнической, оживленіе періодической печати въ Москвѣ и Петербургѣ, наконецъ критическая дѣятельность Бѣлин-

скаго. Къ этимъ причинамъ, свидѣтельствующимъ о быстромъ умственномъ ростѣ общества, присоединились политическія: постепенно созрѣвшая потребность крестьянской реформы, крымская война, послѣдовавшія за ней широкія реформы, проникновеніе въ Россію изъ Западной Европы новыхъ политическихъ, общественныхъ и экономическихъ идей, усиленіе гласности и стремленіе открыть и уврачевать наши общественныя раны.

§ 91. Литературную эпоху, къ изложенію которой мы переходимъ, обозрѣватели раздѣляютъ на четыре неравномѣрныхъ періода. Первый (1848—1855), подъ вліяніемъ политическихъ событій въ Западной Европѣ, характеризуется строгостью цензуры, осторожностью и робостью въ выраженіи общественнаго мнѣнія, и завершается паденіемъ Севастополя, когда стали обнаруживаться недостатки нашего общественнаго строя. Второй періодъ (1855—1863) время пробужденія, подготовки освобожденія; рубикономъ этого періода является 19-го Февраля; эту именно эпоху имѣютъ въ виду, когда говорятъ о „Шестидесятыхъ годахъ". Это время дѣятельности Добролюбова, представителя реальной обличительной критики. Третій періодъ (1863—1868) имѣетъ сходство съ первымъ, такъ какъ политическія событія внутренней жизни имѣли сильное вліяніе и на характеръ цензуры и на общественное мнѣніе. Реальное направленіе критики усилилось. Но реформы продолжаютъ развиваться въ духѣ Положенія 19-го Февраля. Четвертый періодъ (1868—1884). Во внутренней жизни и въ литературѣ наступаетъ время болѣе спокойное. Значеніе пріобрѣтаютъ, съ одной стороны, Русскій Вѣстникъ, подъ редакціею Каткова и Леонтьева, и тамъ продолжается литературная дѣятельность писателей сороковыхъ годовъ, съ другой Отечественныя записки подъ редакціею Салтыкова (Щедрина). Здѣсь объединяются беллетристы школы шестидесятыхъ годовъ; возникаетъ умѣренно-либеральный органъ порядка и запад-

ничества—Вѣстникъ Европы Стасюлевича съ критикомъ Анненковымъ. Изъ газетъ главное значеніе имѣетъ Голосъ Краевскаго.

Важнѣйшіе писатели 40—70 годовъ.

§ 93. Крупные писатели этого времени заявили свою дѣловитость въ то время, когда еще продолжалась дѣятельность Лермонтова и Гоголя, и чуткая литературная критика высказывала касательно новыхъ писателей свои надежды. Время ее оправдало. Къ числу первоклассныхъ писателей эпохи относятся главные представители эпоса — Тургеневъ, Гончаровъ, Левъ Толстой, Достоевскій; лирики: Хомяковъ, Тютчевъ, Огаревъ, Майковъ, Фетъ, Полонскій, Алексѣй Толстой, Мей; драматурги: Островскій и тотъ же Алексѣй Толстой.

А. Писатели романовъ и повѣстей. (1818—1883).
И. С. Тургеневъ.

§ 93. Во главѣ писателей, изображавшихъ движеніе русскаго общества въ 40—70-хъ годахъ, первое мѣсто принадлежитъ Ивану Сергѣевичу Тургеневу.

Онъ происходилъ изъ древняго дворянскаго рода, родился въ Орловской губерніи и дѣтство провелъ въ помѣстьѣ, близъ города Мценска. Не мало видѣлъ онъ предъ собою признаковъ суроваго обращенія помѣщиковъ съ крестьянами и ненормальныхъ отношеній между своими родителями. Тургеневъ учился сначала дома, потомъ въ Москвѣ и наконецъ въ петербургскомъ университетѣ. Пріѣхавши въ Берлинъ, онъ примкнулъ къ кружку Станкевича, Грановскаго, изучалъ философію и особенно Гегеля, подъ вліяніемъ котораго сдѣлался ревнителемъ свободы, противникомъ крѣпостного права и западникомъ. Сближеніе съ Бѣлинскимъ принесло пользу обоимъ: Тургеневъ помогалъ ему понимать Гегеля, а Бѣлинскій скоро опредѣлилъ

направленіе поэтическаго дарованія Тургенева. Къ первымъ его повѣстямъ публика отнеслась равнодушно, но необыкновенный успѣхъ разсказа *Хорь и Калиныч* (1847) побудилъ его опять взяться за перо. Недовольный русской жизнью и особенно потрясенный смертію Бѣлинскаго, Тургеневъ въ 1848 году уѣхалъ за границу, думая никогда болѣе не возвращаться на родину, но въ 1852 году опять пріѣхалъ въ Москву, затѣмъ былъ въ деревнѣ и снова вернулся за границу, гдѣ сошелся съ семействомъ знаменитой артистки Віардо-Гарсіа и до самой смерти оставался въ дружескихъ къ нему отношеніяхъ. Послѣдніе годы онъ проживалъ близъ Парижа, въ Буживалѣ. Горячо любя свою родину, онъ еще третій разъ пріѣзжалъ въ Россію. Въ первый пріѣздъ онъ читалъ въ большихъ собраніяхъ нѣкоторые разсказы изъ „Записокъ охотника" и встрѣчалъ вездѣ шумныя оваціи; другой разъ, пріѣхавъ на открытіе памятника Пушкину, говорилъ рѣчь, читалъ стихотворенія Пушкина. Встрѣча ему была еще болѣе блестяща. Подъ конецъ жизни особенно усилилась его мучительная болѣзнь въ позвоночномъ хребтѣ; страдальца поддерживало только крѣпкое здоровье и наркотическія средства. Онъ умеръ 26 іюня 1883 года и съ необыкновенною торжественностью похороненъ 27 августа на Волковомъ кладбищѣ.

§ 94. До конца 50-хъ годовъ, т. е. до появленія повѣсти „Наканунѣ", сочиненія Тург. раздѣляются на три группы, одинаковыя по красотѣ, но не одинаковыя по внутреннему достоинству. 1. Очерки изъ народнаго быта. Сюда относятся тѣ изъ Записокъ охотника, гдѣ осуждается крѣпостное право: Бурмистръ, Контора, Свиданіе, Ермолай и Мельничиха, Два помѣщика, Льговъ. Въ остальныхъ только выражается живое сочувствіе къ крестьянамъ, благодаря человѣчности и мягкости образовъ: Бѣжинъ лугъ, Пѣвцы, Касьянъ съ Красивой Мечи 2. Разсказы, въ которыхъ выведены типы культурнаго класса, помѣщики средней руки, чиновники, военные, студенты. Изъ Записокъ охотника сюда относятся Мой сосѣдъ Радиловъ, Лебедянь, Татьяна Борисовна и ея племянникъ, Петръ Петровичъ Каратаевъ; изъ раннихъ повѣстей: Андрей Колосовъ, Претёръ, Три портрета, Пѣтушковъ, а изъ позднихъ: Три встрѣчи и Первая любовь. 3. Произведенія, изображающія лишнихъ людей: Гамлетъ Щигровскаго уѣзда, Дневникъ лишняго человѣка, Яковъ Пасынковъ, Затишье, Переписка, Фаустъ, Рудинъ, Ася и Дворянское гнѣздо. Къ послѣднимъ годамъ относятся: 1. Произведенія, изображающія новыхъ людей, практическихъ дѣятелей (Отцы и дѣти, Дымъ, Новь), 2. Повѣсти:

Пѣснь торжествующей любви и Клара Миличъ, 3. Рѣчь о Пушкинѣ, 4. Стихотворенія въ прозѣ.

§ 95. Уже въ первыхъ поэмахъ, написанныхъ стихами, виденъ сильный талантъ Т-ва и въ то же время отраженіе жизни русскаго общества. Здѣсь мы видимъ развѣнчаніе романическихъ идеаловъ, которымъ Тургеневъ поклонялся. Герой поэмы *Параша* напоминаетъ и Печорина и Онѣгина. Въ поэмѣ *Разговоръ* люди 40-хъ годовъ сопоставлены съ поколѣніемъ 20-хъ. Тутъ уже видно раздѣленіе людей на Донъ Кихотовъ и Гамлетовъ, которое проходитъ чрезъ всѣ сочиненія Тургенева, что выражено было впослѣдствіи въ его публичной лекціи, читанной въ 1860 году. Поколѣніе 20-хъ годовъ жаждетъ кипучей дѣятельности, отдается всѣмъ своимъ страстямъ и стремленіямъ. Люди 40-хъ годовъ исполнены сомнѣній и холоднаго отчаянія. Въ повѣсти *Три портрета* представляется стремленіе обнаружить, подъ мишурной оболочкой романическихъ типовъ, печальную русскую дѣйствительность. Въ лицѣ Лучинова, который напоминаетъ героевъ Байрона, одаренъ силою воли, терпѣливъ, скрытенъ и очаровательно любезенъ, представленъ и черствый эгоистъ. Поэма *Андрей Колосовъ* касается только что поднятаго въ 40-хъ годахъ женскаго вопроса. — Важнѣйшее произведеніе этого періода есть, безъ сомнѣнія, „Записки охотника". Это рядъ художественныхъ очерковъ, отчасти направленныхъ къ доказательству несправедливости крѣпостного права. Поэтому тутъ передъ нами два разряда людей—крестьяне и помѣщики. Здѣсь впервые народъ является передъ нами такимъ могущественнымъ и полнымъ силы элементомъ русской жизни, что заставляетъ уважать его и негодовать противъ ига, возложеннаго на такое богато одаренное племя. Помѣщики, напротивъ, являются безхарактерными, слабыми, или испорченными нравственно. Кромѣ разнообразныхъ типовъ „Записки охотника" привлекаютъ художественными описаніями

Пуриш

природы и блестящимъ слогомъ. Характеристику крестьянъ мы находимъ у Тургенева еще въ двухъ повѣстяхъ *Постоялый дворъ* и *Муму*. Въ послѣдней разсказана исторія дворника Герасима (глухонѣмого отъ рожденія), прачки Татьяны и башмачника Капитона Климова. Ихъ положеніе измѣнилось къ худшему по капризу барыни, которая желала, но не умѣла сдѣлать имъ добро.

Особое мѣсто занимаетъ очеркъ *Гамлетъ Щигровскаго уѣзда*, въ которомъ, какъ и въ повѣстяхъ: Андрей Колосовъ, Бретеръ, является въ новыхъ видахъ все тотъ же типъ русскаго интеллигента, который такъ долго занималъ Пушкина, преобразовался въ Печорина, принялъ опять новую форму въ Тентетниковѣ (вторая часть Мертвыхъ душъ) и, занимая потомъ всегда Тургенева, являлся у всѣхъ беллетристовъ 40-хъ годовъ. Онъ изучалъ Гегеля, знаетъ Гете наизусть и потому самому совершенно излишній среди упитанныхъ степныхъ помѣщиковъ. Такими же свойствами обладаютъ повѣсти этого періода: Затишье и Муму.

Второй періодъ совпадаетъ съ началомъ новой жизни, съ началомъ реформъ и быстраго роста жизни русскаго общества. Важнѣйшія произведенія этого періода—Яковъ Пасынковъ, Рудинъ, Фаустъ, Ася, Дворянское гнѣздо, Наканунѣ, Первая любовь, Гамлетъ и Донъ-Кихотъ (1855—60). Здѣсь изображаются нравственные недуги образованнаго общества, главнымъ образомъ происходящіе отъ крѣпостного права и совершеннаго отсутствія здоровой общественной дѣятельности. Герои этихъ романовъ и повѣстей—талантливыя натуры, которыя погубили свою молодость пустою жизнью, сдѣлались „лишними“ людьми, не знающими куда приткнуться. Таковъ Рудинъ, краснорѣчиво развивающій въ обществѣ свои идеи, но несостоятельный, когда надо дѣйствовать, малодушный при рѣшитель-

номъ шагѣ. Впрочемъ такіе люди въ извѣстную эпоху развитія общества, когда въ немъ надо сѣять новыя сѣмена, могутъ быть полезны. Таковъ и Лаврецкій (Дворянское гнѣздо), лучшій типъ помѣщика съ свойствами чисто славянской натуры, весьма симпатичный, исполненный кротости, нѣжной гуманности и добродушія, но онъ—не совсѣмъ „лишній“ человѣкъ: съ годами онъ ближе всматривается въ жизнь и, сознавая свою обязанность заботиться о крестьянахъ, прилагаетъ, сколько можетъ, усилія къ улучшенію ихъ быта. Въ романѣ Дворянское гнѣздо Тургеневъ является вполнѣ художникомъ. Изложенію данъ весьма стройный планъ. Всѣ подробности гармонично соединены въ одно чудное цѣлое; дѣйствующимъ лицамъ, и главнымъ и второстепеннымъ, приданы существенныя характеристическія свойства; Лаврецкій—главный герой, и Лиза—главная героиня, обрисованы яркими чертами. Но точно также и съ такой же любовью, обрисованъ учитель музыки Леммъ, лицо третьестепенное, мало имѣющее связи съ развитіемъ главнаго дѣйствія романа. На рубежѣ второго и третьяго періодовъ стоятъ Наканунѣ, Отцы и Дѣти, Дымъ. Эти три произведенія рисуютъ какъ бы зарожденіе, эмбріонъ движенія прогрессивной волны пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годовъ, его полный расцвѣтъ и наконецъ упадокъ и вырожденіе. Вглядываясь въ эти романы, можно замѣтить двойственность содержанія: художественная часть представляетъ перипетіи любви, улавливаетъ слабовольно-резонерскій типъ человѣка сороковыхъ годовъ. Здѣсь Тургеневъ стоитъ на высотѣ своего призванія, какъ истинный поэтъ-художникъ. Но рядомъ идутъ главы, страницы, картины, образы иного содержанія, новаго утилитарно-приземистаго типа разночинца-героя, собирающагося перестраивать міръ и Россію. Здѣсь какъ бы художественное чутье оставляетъ Тургенева. Поэтому трилогія не даетъ истиннаго воспроизведенія эпохи, пробуждаетъ

щемящее чувство досады на фальшь, и привлекаетъ только высоко-художественными образами вѣчной поэмы человѣческой любви. Повѣсть „Наканунѣ“ имѣетъ связь съ поднятымъ около того времени вопросомъ о правахъ женщинъ, ихъ самостоятельности и дѣятельности. Елена, выведенная въ этой повѣсти, оставляетъ отечество ради служенія бѣдствующимъ славянамъ.

Въ противоположность типамъ людей слабыхъ волею, „лишнихъ“, созданъ Инсаровъ, человѣкъ съ характеромъ, болгаринъ, посвящающій себя великому дѣлу—спасенію родины. Базаровъ герой романа „Отцы и дѣти“, реалистъ, совершенная противоположность отцамъ, идеалистамъ, романтикамъ. Отцы проводятъ жизнь въ удовольствіяхъ, доставляемыхъ поэзіей, музыкой, обожаніемъ красоты; Базаровъ почти аскетъ, преданный своей наукѣ—медицинѣ. Но типъ не вышелъ удачнымъ. Базаровъ—все высокое, идеальное,—вѣру, любовь, дружбу, простоту, искусство — считаетъ слабостью, празднымъ, а потому и вреднымъ препровожденіемъ времени. „Природа не храмъ, а мастерская, и человѣкъ въ ней—работникъ“. Романъ при своемъ появленіи вызвалъ цѣлую бурю. Преимущественно на него возстало молодое поколѣніе. Все это автора тревожило; въ немъ стали замѣтны задатки мрачнаго взгляда на русскую жизнь, что и выразилось въ романѣ *Дымъ*. Все людское, особенно русское кажется ему *дымомъ*. Десятилѣтній срокъ отдѣляетъ романъ Дымъ отъ романа Новь—послѣдняго изъ крупныхъ произведеній Тургенева. Въ эти десять лѣтъ Тургеневъ постоянно жилъ вдали отъ родины, на короткое время пріѣзжая иногда въ Россію. Къ произведеніямъ этого времени относятся двѣ довольно значительныя по объему повѣсти—Степной Король Лиръ и Вешнія воды, въ художественномъ отношеніи великолѣпныя, но неимѣвшія особенно сильнаго вліянія на русскую публику и критику. Романъ Новь представляетъ слѣдую-

щій фазисъ въ развитіи типа Базарова. Романъ состоитъ изъ двухъ частей и, какъ бы въ соотвѣтствіе этому, имѣетъ двухъ центральныхъ героевъ, Нежданова и Соломина, очевидно, поставленныхъ въ нѣкоторую противоположность другъ къ другу, для оттѣнка двухъ различныхъ вѣяній времени. Дѣйствіе Нóви происходитъ въ 1868 году и захватываетъ первые шаги внутренняго броженія въ Россіи, котораго судорожные порывы обнаружились гораздо позднѣе. Эти первые, шаги выразились въ формѣ стремленія „въ народъ", въ формѣ стремленія „опроститься", какъ охарактеризовалъ однимъ словомъ Тургеневъ это сложное явленіе. Герой первой части романа, Неждановъ—натура по преимуществу талантливая. Хотя онъ сочувствуетъ сближенію съ народомъ, но интересы эстетическіе у него на первомъ планѣ. Соломинъ—человѣкъ дѣловой, съ твердой выдержкой, устойчивый и настолько практическій, что, принося пользу, не забываетъ и своихъ выгодъ. Главныя лица, въ которыхъ идеализированы современные передовые люди, вышли не совсѣмъ удачны. А гдѣ авторъ не задавался никакой тенденціей, а только изображалъ бросавшіеся въ глаза типы, они вышли гораздо удачнѣе, напримѣръ Сипягинъ и его жена, Маркеловъ, раздражительный неудачникъ, Паклинъ, напоминающій резонеровъ старинной комедіи.

Въ сочиненіяхъ Тургенева мы находимъ полные типы русской женщины, но сфера, здѣсь изображаемая, есть міръ личнаго чувства, домашняго очага, отъ котораго въ 40-хъ годахъ женщина еще не отходила. Въ женскихъ типахъ замѣтны двѣ формы: пассивная и энергичная. Изъ пассивныхъ болѣе сочувствія возбуждаетъ Лиза въ Дворянскомъ гнѣздѣ. Существо сосредоточенное, свѣтлое, отчасти восторженное, она выросла подъ сильнымъ вліяніемъ своей няни, Анны Власьевны, въ которой между прочимъ было весьма развито религіозное чувство, выразившееся въ самонаказаніи, или

добровольномъ мученичествѣ за немногія радости, испытанныя въ жизни. Подъ вліяніемъ няни въ Лизѣ тоже развилась религіозная восторженность и сдержанность натуры. Вся проникнутая сознаніемъ долга, боязнью оскорбить кого бы то ни было, съ сердцемъ добрымъ и кроткимъ, она любила всѣхъ и никого въ особенности (конечно, до знакомства съ Лаврецкимъ); она любила одного Бога, восторженно, робко, нѣжно. Къ тому же разряду относится Елизарова въ Фаустѣ, Марья Александровна въ Перепискѣ. Имъ противоположенъ типъ женщины своевольной, капризной, измѣнчивой. Такова напримѣръ Ася, это—свѣжее, свободное дитя природы. Въ повѣсти Рудинъ на Асю походитъ Наталья, только въ Асѣ больше граціи, въ Натальѣ — твердости. Ася отличается подвижностью, Наталья — сдержанностью и способностью глубоко вдумываться въ предметъ и долго вынашивать въ головѣ идею или чувство. Въ Асѣ огонь вспыхиваетъ сильно и внезапно; въ Натальѣ этотъ огонь разгарается медленно, и дѣйствіе его долгое время скрывается отъ самой себя и отъ другихъ. Къ этому же разряду относится Зинаида въ повѣсти *Первая любовь*. Отъ всѣхъ этихъ типовъ отличается Елена Стахова въ *Наканунѣ*. Она обладаетъ серьезнымъ взглядомъ, умомъ, энергической волей, гуманными стремленіями сердца. Елена была посредницей между отцомъ и матерью и по очереди любила обоихъ. Туманное чувство росло и расширялось и отъ матери перешло на другіе предметы, на нищую Катю, худыхъ дворовыхъ собакъ, осужденныхъ на смерть котятъ и пр. Но и это ее не удовлетворяло: ей хотѣлось дѣла серьезнаго, крупнаго подвига, полнаго простора гуманному чувству. Понятно, что только великая идея Инсарова могла воодушевить Елену. Въ Иринѣ (героинѣ повѣсти *Дымъ*) мы не видимъ признаковъ новыхъ женщинъ. Главныя черты ея—измѣнчивость, безхарактерность, конечно, изящная, граціозная. Съ полнымъ искусствомъ

изображая различныя перипетіи въ чувствахъ Ирины, Тургеневъ еще разъ доказалъ свою способность къ изображенію женщинъ слабыхъ, нервныхъ, бросающихся изъ одной крайности въ другую. Какъ у всѣхъ талантливыхъ писателей 40—50-хъ годовъ, у Тургенева женщины являются лучше мужчинъ, можетъ быть, потому, что въ описываемый періодъ въ женщинѣ начало обнаруживаться сознаніе своего положенія. Возникалъ женскій вопросъ, и подъемъ духа женщины, въ виду открывающейся ей широкой дѣятельности, заставилъ скрыть отъ глазъ мелкія или дурныя стороны женскаго характера. Тургеневъ, какъ многіе писатели того времени, поэтическимъ чутьемъ угадалъ этотъ моментъ.

Тургеневу принадлежитъ нѣсколько комедій, но онѣ стоятъ ниже романовъ и повѣстей. Въ нихъ мало движенія, и онѣ интереснѣе въ чтеніи, нежели на сценѣ. Если нѣкоторыя изъ нихъ имѣли здѣсь значительный успѣхъ, это объясняется прекраснымъ типическимъ языкомъ, яркою бытовою живописью, отдѣлкою характеровъ, иногда глубокимъ юморомъ. Пьеса *Завтракъ у предводителя* превосходная, полная юмора картина помѣщичьихъ нравовъ добраго стараго времени. Пьеса *Мѣсяцъ въ деревнѣ*, по объему самое большое изъ драматическихъ произведеній Тургенева, имѣла успѣхъ не изображеніемъ тонкихъ чувствъ и романическихъ отношеній, а прекраснымъ языкомъ и простотою сюжета.

Къ послѣднимъ произведеніямъ Тургенева относятся 4 небольшіе разсказа „Сонъ“, „Разсказъ отца Алексѣя“, Пѣснь торжествующей любви“, „Клара Миличъ“, и „Стихотворенія въ прозѣ“. *Пѣснь торжествующей любви* есть изящная новелла; сюжетъ касается жизни Италіи въ эпоху Возрожденія. Читателя привлекаетъ яркій мѣстный колоритъ и способность автора перенестись воображеніемъ въ данную страну и данную эпоху. Повѣсть *Клара Миличъ* есть воспро-

изведеніе трагической исторіи одной пѣвицы, умершей во время представленія. Въ обѣ повѣсти авторъ внесъ мистическій элементъ.—*Стихотворенія въ прозѣ* суть, по словамъ самого автора, „стариковскія“ размышленія, проникнутыя элегически-спокойнымъ тономъ, присущимъ старости. Иногда авторъ и забываетъ о близости смерти и снова увлекается, чувствуя себя молодымъ и и бодрымъ („Лазурное царство“ — одна изъ лучшихъ фантастическихъ картинъ у Тургенева); та же юношеская бодрость и отвага въ стихотвореніи *Мы еще повоюемъ*. Это единственныя свѣтлыя точки въ морѣ грусти, нерѣдко переходящей въ пессимизмъ („Пиръ у Верховнаго Существа“, „Два четверостишія“, „Дуракъ“, „Черепья“). Изъ остальныхъ особенно интересны тѣ, которыя выражаютъ взглядъ автора на Россію и русскій народъ („*Чернорабочій*“, „*Бѣлоручка*“, „*Деревня*“, „*Два богача*“, „*Саша*“). Въ слогѣ стихотвореній необыкновенная плавность, почти пѣвучесть, такъ что по языку они вполнѣ соотвѣтствуютъ своему названію.

Тургенева слѣдуетъ признать самымъ плодовитымъ и крупнымъ писателемъ во всей европейской литературѣ второй половины XIX столѣтія. Сочиненія его многочисленны и разнообразны. Это—лѣтопись цѣлаго, весьма сложнаго періода русской жизни, параллельно которой развивался и его талантъ; онъ былъ послѣдователь Пушкина не только по изяществу формы, но и по содержанію своихъ навѣянныхъ жизнью произведеній. По простотѣ развитія идеи, онъ превосходитъ Л. Толстого, Достоевскаго, Гончарова, у которыхъ содержаніе сложнѣе. Т. былъ знатокъ русскаго народнаго быта и быта средняго дворянства; онъ зналъ ихъ жизнь и характеръ и понималъ языкъ; особенно народный языкъ у него простъ и правдивъ, обработанъ, какъ у Пушкина, а не вычуренъ и не утрированъ, какъ у нѣкоторыхъ писателей изъ народнаго быта. Онъ создалъ художественную повѣсть, привле-

кающую изящной стройностью, простотою, правдивостью, мягкостью и нѣжностью тона, нѣкоторой туманностью колорита, какъ воздухъ и небо средней полосы Россіи. Предметы у него не изображены сразу рѣзкими чертами, а являются постепенно; картины природы взяты большею частью изъ средней Россіи. Другая черта—способность изображать различныя измѣненія страсти. Тургеневъ являлся знатокомъ женскаго сердца, какъ это мы видимъ въ портретахъ Натальи, Лизы, Елены, Аси. Эти изображенія намъ понятны такъ же, какъ изображенія Татьяны и Ольги у Пушкина. Какъ эстетикъ, онъ былъ строгій реалистъ. Онъ боялся создавать образы, если не было подходящаго живого лица, и отъ поэзіи требовалъ почвы, общенія съ окружающей средой, правдивости, свободы, знанія. Подъ конецъ жизни онъ нерѣдко высказываетъ мрачный взглядъ, напримѣръ въ „Наканунѣ“ онъ говоритъ: „зачѣмъ мы живемъ?“ Можетъ быть, въ этомъ высказывалось вліяніе нѣмецкаго философа Шопенгауера. Помимо художественнаго значенія въ русской литературѣ и помимо моральнаго вліянія, Тургеневъ имѣлъ еще и другое значеніе: благодаря его произведеніямъ Европа узнала русскую жизнь въ нѣсколькихъ ея поколѣніяхъ. Сочиненія его переводились тотчасъ послѣ ихъ появленія и подвергались серьезной критикѣ, особенно у нѣмцевъ, которые раньше насъ составляли обширныя его біографіи. Имъ интересовались и французскіе писатели, изъ которыхъ ему особенно былъ близокъ Альфонсъ Доде.

И. А. Гончаровъ (1812–1891).

§ 96. Иванъ Александровичъ Гончаровъ, сынъ зажиточнаго купца въ Симбирскѣ, воспитанъ былъ подъ надзоромъ своего крестнаго отца, Якубова, отставного моряка, который своими разсказами внушилъ крестнику еще въ дѣтствѣ любовь къ морю и путешествіямъ. Съ девяти лѣтъ Гончаровъ учился въ

Москвѣ и, по окончаніи курса въ университетѣ, служилъ въ министерствѣ финансовъ. Первое произведеніе, которымъ онъ обратилъ на себя вниманіе, была повѣсть „Обыкновенная исторія“ (1847). Въ 1849 году былъ напечатанъ „Сонъ Обломова“, отрывокъ изъ романа. Въ 1852 году Гончаровъ отправился въ кругосвѣтное плаваніе, которое и описано въ книгѣ „Фрегатъ Паллада“. Самое замѣчательное произведеніе Гончарова, романъ *Обломовъ*, явилось въ 1858 году, а въ 1868 году напечатанъ романъ *Обрывъ*. Въ это время авторъ былъ редакторомъ „Сѣверной почты“. Въ 1873 году Гончаровъ вышелъ въ отставку, поселился въ Петербургѣ и весьма рѣдко посѣщалъ свою родину. Умеръ въ сентябрѣ 1891 года и погребенъ на новомъ Александро-Невскомъ кладбищѣ.

§ 97. Сочиненія Гончарова. а) Романъ *Обыкновенная исторія* имѣетъ отчасти автобіографическій характеръ, потому что Гончаровъ свои юношескія увлеченія изобразилъ въ романѣ въ лицѣ Адуева—племянника, мечтателя, человѣка вовсе не практическаго. Дядя его Петръ Ивановичъ Адуевъ, чиновникъ, идеалъ человѣка умнаго, твердаго, холоднаго. Кромѣ службы у него былъ еще заводъ, которымъ онъ управлялъ самъ. Въ романѣ мы видимъ характеристическія черты поэзіи Гончарова. У него нѣтъ скептицизма и рефлекса, напротивъ, спокойный взглядъ на жизнь, въ которую онъ впрочемъ глубоко не вникаетъ, а только созерцаетъ ея внѣшнее разнообразіе. Это объективный поэтъ—художникъ, воплотившій въ себѣ идеалъ чистаго искусства. Сравнивая его съ Тургеневымъ, мы должны сказать слѣдующее: у Тургенева преобладаютъ главныя характеристическія черты героевъ и анализъ ихъ внутренней жизни; у Гончарова—внѣшная пластика изображенія мелкихъ подробностей жизни, какъ у Гоголя. Другая черта — стремленіе къ широкимъ обобщеніямъ, тоже какъ у Гоголя. Образы Тургенева конкретны, ни одинъ типъ не группируетъ въ себѣ свойствъ людей 40-хъ годовъ: необходимо знать и Рудина и Лаврецкаго; у Гончарова, напротивъ, въ Райскомъ (Обрывъ) сгруппированы главныя типическія черты представителей 40-хъ годовъ и

всего современнаго поколѣнія, Другая отличительная черта поэзіи Гончарова—сопоставленіе типовъ: рядомъ съ отрицательнымъ типомъ стоитъ положительный. Въ Обыкновенной исторіи это—дядя и племянникъ, и въ ихъ борьбѣ выражена борьба стараго поколѣнія съ новымъ, Обломову противоположенъ Штольцъ, Райскому—Маркъ Волоховъ.

б) Романъ *Обломовъ* произвелъ сильное впечатлѣніе на образованное общество, потому что былъ изданъ въ эпоху возбужденія умовъ послѣ крымской войны и за три года до освобожденія крестьянъ. Каждый читатель нашелъ въ романѣ портретъ собственной лѣности, недостатка иниціативы. Обломовъ—чисто русскій человѣкъ; ему даже лѣнь наслаждаться; по-барски изнѣженный, трусливый, онъ боится сдѣлать первый шагъ, пассивно подчиняется первому энергическому призыву, не рѣшается даже на отпоръ, когда кто-нибудь посягаетъ на его счастіе. Но рядомъ съ этимъ мы находимъ въ немъ искренность, открытость характера, простоту, чистоту и дѣвственность. Кромѣ того онъ уменъ, неподдѣльно уменъ, онъ вѣрно смотритъ на современное движеніе, за которымъ не могъ угнаться. Ему противоположенъ Штольцъ. Это человѣкъ неугомонный; онъ постоянно хлопочетъ, бѣгаетъ, пріобрѣтаетъ, говоря, что жить—значитъ трудиться. Онъ лицо въ нѣкоторомъ родѣ невымышленное, а дѣйствительное: такихъ людей, которые, благодаря чисто нѣмецкому воспитанію, наживаютъ въ нѣсколько лѣтъ сотни тысячъ, очень не мало въ Россіи. Обломовы охотно имъ подчиняются и очень рады, что есть кому за нихъ трудиться. Ему предшествовалъ Бельтовъ въ романѣ Искандера „Кто виноватъ“. Къ числу лицъ, изображеніемъ которыхъ авторъ занимается особенно охотно, относится Захаръ, слуга Обломова, остатокъ многочисленной дворни.

в) Романъ *Обрывъ* есть сложное, изумительно гармоничное по общему плану и выработкѣ подробностей

произведеніе. Тѣмъ не менѣе Гончаровъ отдалъ въ этомъ романѣ дань и тендеціозности, покусившись отразить въ немъ героя современности—нигилиста шестидесятыхъ годовъ въ лицѣ Марка Волохова. Какъ и у Тургенева и у Писемскаго (что увидимъ впослѣдствіи), изображеніе новаго человѣка, радикала-разночинца, вышло неудачнымъ, почти каррикатурой, пародіей. Дѣло объясняется тѣмъ, что писателямъ сороковыхъ годовъ такой типъ былъ недоступенъ. Они были способны изображать только застывшіе въ законченномъ обликѣ бытовые типы, выражавшіе коллективную національную, сословную и профессіональную личность. Но тамъ, гдѣ все бурлило и клокотало, гдѣ ломались бытовыя формы и падали устои вѣковаго строя, тамъ это художество было безсильно. Изображеніе такой жизни было доступно главнымъ образомъ Достоевскому. Романъ Обрывъ былъ задуманъ еще въ концѣ сороковыхъ годовъ, писанъ въ теченіе двадцати лѣтъ, появился же въ 1868 году, когда совершился колоссальный переворотъ, измѣнившій весь строй русской жизни, составъ русскаго общества, его настроеніе, міросозерцаніе. Отражались эти великія движенія жизни и въ творчествѣ Гончарова, портя стройность рисунка и понижая художественное достоинство изображенія. Художникъ какъ бы цѣпляется за убѣгающую жизнь вѣковыхъ сословныхъ типовъ и страшится наступающаго новаго строя, въ которомъ чувствуетъ безсиліе своего искусства. Это чувствовали всѣ художники сороковыхъ годовъ. Поэтому невольно уходящая жизнь рисовалась у нихъ во всей упоительной роскоши поэзіи, а новые люди и новое время сіяютъ у нихъ дикимъ и опаснымъ обрывомъ, хотя Гончаровъ рисуетъ этотъ „обрывъ“ въ романтическомъ стилѣ. Въ первой части романа, которую можно назвать вступленіемъ, описывается скучающій и строгій домъ въ Петербургѣ, съ безконечной амфиладой комнатъ, тяжелыми, какъ сар-

кофаги, шкафами фамильнаго серебра и пожилыми фамильными же слугами. Въ этомъ домѣ обитаетъ съ двумя старушками, дальними родственницами Райскаго, безстрастная, какъ статуя, красавица Бѣловодова. Она получила блестящее воспитаніе, подчиняется свѣтскимъ приличіямъ, подавляя всякую вспышку чувства, и приличнымъ замужествомъ придаетъ себѣ еще болѣе блеску. Во второй части мѣстомъ дѣйствія становятся живописные берега Волги; авторъ рисуетъ тихія обольстительныя картины мирной деревенской жизни и счастливо доживающую свой вѣкъ бабушку Райскаго съ ея двумя уже расцвѣтшими внучками, Марѳинькой и Вѣрой.

Изъ дѣйствующихъ лицъ романа героемъ слѣдуетъ признать Райскаго. Онъ есть типъ сороковыхъ годовъ; въ немъ мы видимъ проснувшагося Обломова: онъ даровитъ, впечатлителенъ, воспріимчивъ, въ немъ есть стремленіе къ прекрасному, онъ понимаетъ, что ему нужно дѣлать, сочувствуетъ благу человѣчества, но не имѣетъ силы воли, чтобы энергически бороться за свои идеи. Другой герой—бабушка Татьяна Марковна (см. о ней ниже). Крупнымъ лицомъ слѣдуетъ признать Марка Волохова, молодого человѣка прогрессиста, живущаго подъ надзоромъ полиціи. Онъ поражаетъ грубыми эксцентричностями своего поведенія. Это, какъ говоритъ Достоевскій, „хищный“ типъ, противоположный смирнымъ. Этимъ онъ отличается отъ типа Базарова, съ которымъ его напрасно смѣшивали. Базаровъ былъ отрицатель и пожалуй реалистъ, этотъ же—хищникъ и хищникъ одичалый, хотя и далеко не потерявшій головы. Маркъ есть болѣе вѣрное, чѣмъ Базаровъ, воплощеніе всѣхъ теорій и умствованій, волновавшихъ въ 60-хъ годахъ молодые умы. Впрочемъ въ изображеніи его есть что-то неопредѣленное вслѣдствіе того, что авторъ сначала хотѣлъ изобразить либерала, котораго сослали въ провинцію, вслѣдствіе чего онъ

озлобился. Оконченъ же романъ въ то время, когда чудовищныя идеи, рѣзкія сужденія о вопросахъ религіи, нравственности, жизни общественной и семейной, желаніе своими словами и поступками показать пренебреженіе къ требованіямъ современной жизни, непріятно поражали Гончарова и многихъ писателей 40-хъ годовъ, воспитанныхъ на лучшихъ началахъ.

Описаніемъ отношеній Райскаго сначала къ Марѳинькѣ, а потомъ къ Вѣрѣ, занята большая часть романа. Кромѣ ихъ, есть много лицъ второстепенныхъ, которыхъ авторъ описываетъ съ неподражаемымъ мастерствомъ и весьма сочувственно. Вообще его слабость—останавливаться на лицахъ, событіяхъ и картинахъ второстепенныхъ. Предметомъ безконечныхъ разговоровъ Марка и Вѣры служитъ любовь, на которую Вѣра смотритъ возвышенно. Этотъ взглядъ перешелъ къ ней по преданію, которое твердо хранится въ русской семьѣ и совершенно необходимъ для семейнаго счастія. Напротивъ взгляды Марка грубо-эгоистичные и согласить ихъ со взглядами Вѣры невозможно. Выдающійся интересъ романа—картины старой деревенской помѣщичьей жизни, и въ этомъ Гончаровъ является крупнымъ художникомъ, широко обобщающимъ свои наблюденія и рисующимъ картины съ чисто русскимъ добродушнымъ юморомъ.

Въ 1857 году Гончаровъ описаніе своего путешествія въ Японію издалъ въ книгѣ „Фрегатъ Паллада". Книга настолько богата по содержанію и художественна по изложенію, что издавалась потомъ нѣсколько разъ. Въ 70-хъ годахъ Гончаровъ написалъ нѣсколько статей, которыя издалъ потомъ подъ названіемъ *Четыре очерка*. Изъ нихъ *Милліонъ терзаній* есть разборъ комедіи Грибоѣдова „Горе отъ ума", по случаю бенефиса актера Монахова. Статья *Литературный вечеръ* выражаетъ взгляды представителей различныхъ литературныхъ и общественныхъ направленій, высказываемые по поводу

чтенія одного великосвѣтскаго романа. Въ „Нивѣ“ 1888 года Гончаровъ помѣстилъ нѣсколько очерковъ подъ общимъ названіемъ „Слуги“. Это сочиненіе заключаетъ въ себѣ характеристики разныхъ лицъ, бывавшихъ у Гончарова въ разное время въ услуженіи.

Гончаровъ не меньше Тургенева обладалъ способностью анализировать внутренній міръ женщинъ. Въ Обломовѣ видную роль играютъ Ольга Ильинская и Агафья Матвѣевна Пшеницына, у которой Обломовъ долго жилъ на хлѣбахъ. Ольга необыкновенною ясностію, простотою и изумительной гармоніею своего сердца и воли, поражаетъ насъ; въ ней болѣе, нежели въ Штольцѣ, можно видѣть намекъ на новую русскую жизнь; отъ нея можно ожидать слова, которое сожжетъ и развѣетъ обломовщину. Полюбивши Обломова, она скоро нашла въ немъ прекрасные задатки ума и сердца и стала надѣяться на его нравственное перерожденіе. Видя безуспѣшность своихъ попытокъ, она съ горестью сказала, что ошиблась въ немъ. Но какъ ни художественно изображена Ольга, другая женщина, уже вовсе не идеальная, Агафья Матвѣевна, представлена гораздо натуральнѣе, тѣмъ болѣе, что въ изображеніи такихъ женщинъ особенно силенъ былъ талантъ Гончарова. Въ романѣ *Обрывъ* женскихъ лицъ больше и въ изображеніи ихъ авторъ обнаружилъ сильный талантъ. Такова напримѣръ бабушка, Татьяна Марковна. Въ ней представлена старая, консервативная Россія. Несмотря на неизмѣнныя привычки и правила, которыхъ она строго держалась, въ ней заключался такой запасъ родственныхъ чувствъ, что въ душѣ радуешься за тотъ избытокъ нѣжности и любви, который, какъ солнечное сіяніе, охватилъ бобыля Райскаго. Когда любовь Вѣры и Марка Волохова привела къ несчастной развязкѣ, бабушка глубоко скорбѣла за Вѣру, принимая вину на себя, признавалась даже, что и сама не чужда упрековъ. Соотвѣтственно всѣмъ лучшимъ представленіямъ

или идеаламъ русской женщины, въ ней тоже была эта чувствительность совѣсти, этотъ избытокъ глубоко нравственнаго стыда, который дѣлаетъ женщинъ, во имя привязанности къ роднымъ, къ семьѣ, къ будущему поколѣнію,—консерваторами въ любви. Это пламенное чувство, попросту называемое родственнымъ, и есть основа характера Татьяны Марковны. Марѳинька привлекаетъ наивностью; это натура дѣвственная, нетронутая образованіемъ. Она—невѣста Викентьева, и авторъ мастерски рисуетъ ихъ тихую, счастливую любовь, соединенную съ полнымъ согласіемъ во взглядахъ на идеалъ счастья. Вѣра противоположна Марѳинькѣ. Это—блѣдная брюнетка, съ искрящимся взоромъ и умнымъ, тонкимъ выраженіемъ въ лицѣ. Она отличается своеобразнымъ характеромъ и ей тѣсно въ домашней обстановкѣ (о Бѣловодовой было говорено выше).

Л. Н. Толстой (род. 1828).

§ 98. Въ лицѣ Тургенева мы видимъ по преимуществу западника и либерала, довольно смѣлаго; Гончаровъ есть представитель интересовъ средняго класса, преимущественно петербургскаго чиновничества. Между тѣмъ въ Львѣ Николаевичѣ Толстомъ гораздо шире выразился духъ времени. Какъ въ художникѣ, мы видимъ въ немъ строгій анализъ, скептицизмъ и проникновеніе народными идеалами. И взглядъ на жизнь у него иной. Страстное влеченіе къ простотѣ, естественности, силѣ и правдивости непосредственныхъ явленій жизни—это идеалъ Толстого. Въ окружающей средѣ онъ не могъ ни съ чѣмъ примириться, ни на чемъ успокоиться; въ будущемъ, въ прогрессѣ Европы, онъ также не видѣлъ свѣта, вслѣдствіе чего обратился назадъ, сталъ искать успокоенія въ вѣрованіяхъ древнихъ мудрецовъ и въ христіанской религіи, которую понималъ по своему.

Оставивши мысль, что человѣчество постепенно стремится къ совершенствованію, Толстой ограничился заботами о самосовершенствованіи, и только въ 80-хъ годахъ этотъ идеалъ соединился въ немъ съ идеею практическаго служенія своему народу. Увлеченіе идеаломъ самосовершенствованія объясняется между прочимъ тѣмъ, что юность графа Толстого (мы говоримъ о его литературной дѣятельности въ 40—60 годахъ) протекла въ такую эпоху, когда въ этомъ идеалѣ видѣли сущность русскаго прогресса.

Графъ Левъ Николаевичъ Толстой родился въ 1828 году въ селѣ Ясная Поляна, Крапивенскаго уѣзда, Тульской губерніи. Послѣ домашняго воспитанія онъ учился въ Казанскомъ и затѣмъ Петербургскомъ университетѣ. Въ 1851 году онъ поступилъ юнкеромъ въ артиллерію и четыре года провелъ на Кавказѣ, ежегодно участвуя въ зимнихъ походахъ и вынося наравнѣ съ солдатами всѣ тяжести строевой службы. Здѣсь онъ научился изображать съ удивительной силой типы русскихъ солдатъ. Кавказская природа и боевая жизнь, полная приключеній, дѣйствуя на воображеніе, пробудили въ графѣ Толстомъ творческую дѣятельность. Во время Севастопольской осады въ 1855 году онъ принимаетъ участіе въ сраженіи при рѣкѣ Черной и при послѣднемъ штурмѣ Севастополя. Плодомъ этого участія явились *Севастопольскіе разсказы*. Въ 1856 году, по окончаніи войны, онъ вышелъ въ отставку и ѣздилъ нѣсколько разъ за границу. Послѣ освобожденія крестьянъ поселился въ деревнѣ, былъ мировымъ посредникомъ, ревностно занимался народными школами и даже сталъ издавать педагогическій журналъ *Ясная Поляна*. Въ 1859 году вышелъ въ свѣтъ романъ *Война и миръ*, а въ 1876 году — *Анна Каренина*. Въ послѣдніе годы графъ написалъ небольшой духовно-нравственный разсказъ для народнаго чтенія, драму изъ народнаго быта *Власть тьмы*, а изъ жизни образованнаго общества—*Плоды просвѣщенія* и романъ *Воскресеніе*. Великій писатель, крупный представитель литературы 40—60-хъ годовъ, здравствуетъ и донынѣ.

§ 99. Литературная извѣстность упрочилась за графомъ Толстымъ съ начала 50-хъ годовъ, когда появились *Дѣтство* и *Отрочество*. Не этимъ сочиненіямъ слѣдуетъ приписать автобіографическій характеръ, а скорѣе другимъ: *Утро помѣщика*, *Казаки*, *Альбертъ*, *Люцернъ*, и характеристикѣ Николая Ростова и княжны

Марьи (Война и миръ), напоминающихъ отца и мать писателя. Изъ разсказовъ „Дѣтство“ и „Отрочество“ самыя чистыя, дѣйствительно плодотворныя впечатлѣнія получены мальчикомъ отъ людей простыхъ—старухи няньки Натальи Савишны, юродиваго Гриши и полуобразованнаго гувернера нѣмца. Дурное вліяніе произвели образованный гувернеръ французъ и великосвѣтскій кругъ. Повѣсти „Дѣтство“ и „Отрочество“ представляютъ исторію постепеннаго извращенія хорошей дѣтской натуры. Дѣтство героя проходитъ въ деревнѣ, но на первомъ планѣ не патріархальный бытъ (на этомъ обыкновенно останавливаются біографы героевъ), а воспитаніе мальчика. Отрочество и юность проходятъ уже въ Москвѣ. Тутъ является новое лицо, студентъ Нехлюдовъ, который дружится съ героемъ повѣсти. Это типъ незаурядный: у него есть выдающіяся стремленія—жить нравственно, сдерживать свои порывы и увлеченія. Но все-таки въ немъ проглядываетъ барство, которое давило самые добрые задатки.

2) Сопоставленіе двухъ міровъ—культурнаго, съ его барской подкладкой, и народнаго—непочатаго, съ особенной яркостью выступаетъ въ повѣсти *Казаки* (1852). Помѣщикъ Оленинъ, „болѣющій цивилизаціею“, уѣзжаетъ на Кавказъ и поступаетъ на службу къ Гребенскимъ казакамъ — раскольникамъ. Авторъ мастерски описываетъ могучую горную природу, тревожную, своеобразную жизнь казаковъ, составляющихъ свободную общину. Типическія лица — казаки Ерошка и Лукашка. Первый наивно преданъ своимъ грубымъ инстинктамъ и въ то же время злобно относится къ людямъ и сострадателенъ къ животнымъ. Лукашка—типъ разбойничьей удали. Въ немъ хвастовство силой, молодостью, здоровьемъ, безстрашіемъ. То же сопоставленіе двухъ міровъ, но уже на почвѣ боевой жизни, представляютъ разсказы: *Набѣгъ*, *Рубка лѣса* и *Очерки Севастополя*. Въ послѣднемъ авторъ говоритъ, какъ участникъ и

очевидецъ той народной эпопеи, которая разыгралась въ Крыму. Здѣсь не историческія событія на первомъ планѣ, а опять параллель культурнаго и простого героизма: русскаго офицера изъ среды интеллигентной и простого солдата. „Очерки“ до сихъ поръ составляютъ предметъ интереснѣйшаго чтенія.

3) Изъ произведеній, навѣянныхъ наблюденіями надъ европейскимъ прогрессомъ, первое мѣсто занимаетъ *Люцернъ*. Здѣсь сначала описывается природа Швейцаріи и все придуманное людьми, чтобы приспособить природу къ ихъ удобствамъ и вкусамъ. Потомъ описываются гуляющіе чопорные англичане. Къ этой компаніи подходитъ странствующій нищій, пѣвецъ—итальянецъ, и въ продолженіе часа поетъ пѣсни и играетъ на гитарѣ, но ему не только ничего не подаютъ, а даже смѣются надъ нимъ. Въ повѣсти *Два гусара* авторъ выводитъ типъ особаго рода парижскаго comme il faut, перенесеннаго на почву стараго гусарскаго молодечества.

4) Наблюдая шумное движеніе русскаго общества своего времени и картину европейскаго прогресса, графъ Толстой нѣсколько разочаровался и, уединившись въ Ясную Поляну (1861), сталъ заботиться о самосовершенствованіи, самообразованіи, занялся хозяйствомъ и старался вникнуть въ нужды крестьянъ, въ ихъ нравственную жизнь и въ развитіе ихъ дѣтей. Результатомъ его педагогическихъ занятій была значительная педагогическая литература, выразившаяся въ журналѣ *Ясная Поляна*, въ сочиненіи отдѣльныхъ педагогическихъ статей, выражающихъ взгляды автора на цѣли и средства воспитанія, и наконецъ книгъ для народнаго чтенія. Вся эта обширная педагогическая литература, выражающая мысли, иногда очень глубокія, но нерѣдко парадоксальныя, производила сильное впечатлѣніе на современное общество, особенно на педагоговъ.

5) Важнѣйшее произведеніе графа Толстого есть историческій романъ *Война и миръ*. Это не столько ро-

манъ, сколько эпопея, изображающая русскую жизнь начала нынѣшняго столѣтія, сосредоточивавшуюся тогда въ великосвѣтскихъ людяхъ общества и выразившуюся, какъ въ крупныхъ историческихъ событіяхъ, такъ и въ мелкихъ фактахъ общественной, частной и семейной жизни. Эти разнообразныя картины связываются между собою цѣлью автора — представить жизнь, состоящую изъ двухъ крайностей: съ одной стороны цвѣтущія силы, счастье, торжество молодого народа, покрытаго славой, съ другой—его слабость, безхарактерность, уступчивость, отсутствіе уваженія къ самому себѣ и позорное нравственное холопство. Но хотя недостатки русскаго человѣка этого переходнаго времени выступаютъ ярко, романъ, какъ истинно художественное произведеніе, проникнутъ мягкимъ сочувственнымъ взглядомъ, теплымъ участіемъ къ изображаемымъ здѣсь типамъ. Въ романѣ находимъ нѣсколько элементовъ. Первый элементъ самый лучшій—это художественный, гдѣ авторъ только разсказываетъ или описываетъ; здѣсь онъ достигаетъ геніальнаго величія. Таковы напримѣръ описаніе пожара Москвы, Бородинское сраженіе, смерть Андрея Болконскаго, катанье на тройкахъ, зима въ деревнѣ. Эти картины напоминаютъ живопись эпохи Возрожденія. Не меньше поражаетъ читателя рядъ типовъ, изображающихъ великосвѣтское общество эпохи. Одни изъ нихъ, какъ напримѣръ, Курагинъ, Долоховъ, представляютъ весьма низкую степень нравственности. Здѣсь мы находимъ развѣнчиваніе демоническаго типа, который въ 30—40-хъ годахъ былъ въ ореолѣ. Другую группу составляютъ карьеристы, вродѣ Бориса Друбецкаго, Берга, которые наживаются и выслуживаются; они сдержанны и почтительны, вполнѣ порядочные люди, но не лучше представителей первой группы. Къ третьей группѣ относятся Ростовы, которые способны безкорыстно любить, подъ вліяніемъ минуты совершить высокій подвигъ, но у нихъ наивный взглядъ на жизнь,

зависимость отъ настоящей минуты, вѣчная жажда широкаго веселья и счастья. Наконецъ четвертую группу представляютъ люди, путемъ чтенія и размышленія развившіе въ себѣ умственные и нравственные интересы. Таковы князья Болконскіе: отецъ, дочь Марія и сынъ Андрей; таковъ и Пьеръ Безуховъ. Чтобы рельефнѣе представить нравственную неустойчивость всѣхъ этихъ лицъ, авторъ ставитъ рядомъ съ ними людей, живущихъ непосредственной жизнью. Такъ геройству князя Андрея противопоставляется истинное и какъ бы безсознательное геройство артиллериста Пушина, философія Пьера Безухова кажется бреднями передъ свѣтлымъ міровоззрѣніемъ и здоровымъ народнымъ смысломъ Каратаева.

Другой элементъ составляетъ философія автора, сначала, въ первыхъ книгахъ романа, высказываемая героями, а потомъ сгруппированная во второй части произведенія. Яснѣе всего ее высказываетъ въ одномъ мѣстѣ князь Андрей. По его мнѣнію, нѣтъ и не можетъ быть никакой военной науки, и потому не можетъ быть никакого такъ называемаго военнаго генія, потому что условія и обстоятельства войны не извѣстны— все зависитъ отъ судьбы; всѣ актеры отечественной войны, и русскіе, и французы, и Наполеонъ, и Барклай, и Кутузовъ, и русскій народъ—все это пѣшки въ рукахъ судьбы. Ихъ страсти, замыслы, цѣли, ихъ одушевленіе, тутъ не причемъ. Все совершается такъ, какъ оно совершилось, не потому, чтобы кто-нибудь изъ совершающихъ хотѣлъ этого, или дѣлалъ для этого что-нибудь, а потому, что такъ должно было быть. Эта военная философія автора впрочемъ не какой-нибудь изолированный мотивъ. Она стоитъ въ тѣсной связи съ общимъ характеромъ его философскаго воззрѣнія на жизнь и его пониманіе жизни. Онъ фаталистъ, но не въ томъ цѣльномъ восточномъ значеніи этого слова, которому свойственна вѣра слѣпая, чуждая всякаго раз-

сужденія: фатализмъ графа Толстого—это чадо нашего времени, фатализмъ резонерствующій, выражающій собою не сплошную вѣру, а итогъ несчетнаго множества сомнѣній, недоразумѣній и отрицаній. Убѣжденный, что историческія явленія нельзя объяснять научнымъ путемъ, авторъ все-таки пытается объяснять ихъ—предназначеніемъ. Далѣе онъ отвергаетъ иниціативу только, какъ факторъ, имѣющій свою долю значенія въ событіяхъ историческихъ.

Къ счастью авторъ Войны и мира не всегда смотритъ на жизнь съ такой точки зрѣнія. Онъ — поэтъ и художникъ въ десять тысячъ разъ болѣе, нежели философъ. И никакой скептицизмъ не мѣшаетъ ему, какъ художнику, видѣть жизнь во всей полнотѣ ея содержанія, со всѣми ея роскошными красотами, и никакой фатализмъ не мѣшаетъ ему, какъ поэту, чувствовать энергическій пульсъ исторіи въ тепломъ, живомъ человѣкѣ, въ лицѣ, а не въ скелетѣ философическаго итога. Благодаря этому одному взгляду и этому теплому чувству и на зло его странной, почти уродливой философіи, мы имѣемъ теперь картину, полную правды и красоты, картину, которая перейдетъ въ потомство, какъ памятникъ славной эпохи.

6) Въ то время, когда писался романъ Анна Каренина, особенно сдѣлалось замѣтнымъ, что литераторъ-художникъ становится мыслителемъ, размышляющимъ о разныхъ противорѣчіяхъ нравственной жизни человѣка, но художественный талантъ писателя по прежнему на первомъ планѣ. Авторъ рисуетъ здѣсь великосвѣтскую жизнь нашего времени, со всѣми подробностями, выводя массу характеровъ и типовъ, исчерпывающихъ до глубины представленія большого свѣта. Вмѣстѣ съ этимъ и нравоучительная сторона, хотя и не выступающая на первый планъ, остается видною въ теченіе всего романа и особенно ярко сказывается въ послѣднихъ частяхъ, гдѣ мы видимъ изображеніе семейной

жизни Анны и Вронскаго. По содержанію романа видно, что графъ Толстой, удалившись въ деревню и женившись, продолжалъ лелѣять въ душѣ своей идеалъ образованнаго барина-хозяина, живущаго въ деревнѣ, въ удаленіи отъ вѣяній общества. Сообразно этому идеалу, онъ дѣлитъ героевъ романа на двѣ группы, считая болѣе положительными тѣхъ, которые крѣпче держатся выработанныхъ образованіемъ учрежденій и менѣе увлекаются суетными свѣтскими страстями и мелочными интересами дня. Къ лучшимъ людямъ относятся К. Д. Левинъ, семья князей Щербатскихъ, Свіяжскій, отчасти Сергѣй Ивановичъ Кознышевъ, ищущій, подобно самому Толстому, идеаловъ въ народѣ, но только теоретическимъ путемъ, чему Толстой не вполнѣ сочувствуетъ и потому не рѣдко относится къ Кознышеву иронически. Изъ всѣхъ этихъ лицъ особеннаго вниманія заслуживаетъ К. Левинъ, имѣющій автобіографическое значеніе. Въ немъ Толстой подробно и весьма художественно выразилъ свой идеалъ самосовершенствованія, сближенія съ народомъ и труда на одной съ нимъ почвѣ. Левинъ ищетъ связи съ народомъ практически, не бросая своего прямого дѣла, своихъ обязанностей хозяина, но напротивъ, берется за дѣло и дѣлаетъ даже пожалуй больше, чѣмъ нужно. Между тѣмъ Кознышевъ-теоретикъ, ставящій народъ на пьедесталъ, но въ сущности не знающій его. Левинъ старается дѣлать то, что дѣлаетъ народъ, т. е. работать въ полѣ; даже и во время отдыха примѣняется къ народу въ его суровомъ образѣ жизни. Онъ чувствуетъ несправедливость своего избытка, сравнительно съ бѣдностью народа, и не хочетъ позволять себѣ роскоши. Въ нравственной жизни Левинъ заслуживаетъ серьезнаго вниманія съ религіозной ея стороны. Толстой, очевидно, считаетъ, что истинно русскій человѣкъ не можетъ жить безъ религіи, и атеизмъ есть только временное его состояніе— одно изъ увлеченій молодости.

7) Когда былъ оконченъ романъ Анна Каренина, Толстому было почти 60 лѣтъ. Съ этого времени въ немъ усиливается дѣятельность мыслителя: философскіе и религіозные вопросы, преимущественно въ практическомъ примѣненіи, занимаютъ его сильнѣе, чѣмъ дѣятельность художника, и онъ пишетъ нѣсколько философско-религіозныхъ трактатовъ, пытаясь разрѣшить тревожные вопросы, всегда глубоко интересующіе мыслящаго человѣка. Авторъ разсуждаетъ здѣсь совершенно своеобразно, мѣшая религію съ политико-экономическими теоріями, народными убѣжденіями, личными взглядами, и не можетъ успокоиться, видя въ жизни на каждомъ шагу противорѣчія этимъ совершенно оригинальнымъ взглядамъ. Таковы статьи: *О народной переписи*, *Исповѣдь*, *Въ чемъ моя вѣра*, *Въ чемъ счастье?* Нѣкоторыя изъ этихъ сочиненій (иные даже въ рукописи) быстро распространялись въ образованномъ обществѣ и до того увлекали, что многіе даже стали подражать образу жизни графа (толстовцы). А критика, и духовная и свѣтская, съ своей стороны серьезно отнеслась къ идеальнымъ понятіямъ Толстого, что и выразилось во множествѣ критическихъ статей. Но талантливый авторъ не удовлетворился разсужденіями: въ подтвержденіе своихъ взглядовъ, онъ съ 1881 года написалъ цѣлый рядъ мелкихъ повѣстей для народа, изданныхъ въ небольшихъ дешевыхъ брошюрахъ фирмою *Посредникъ*. Таковы напримѣръ: *Чѣмъ люди живы*, *Богъ правду любитъ, да не скоро скажетъ*, *Упустишь огонь—не потушишь*, *Свѣчка* и пр. Всѣ эти разсказы отличаются простотою и прекраснымъ языкомъ, но въ нихъ очень много чудеснаго элемента, обличающаго въ авторѣ желаніе поддѣлаться подъ народныя легенды и сказки. Пьеса *Первый винокуръ*, имѣетъ драматическую форму.

8. Въ послѣдніе годы талантъ гр. Толстого съ необыкновенной силой выразился въ 2 разсказахъ и 2 драматическихъ произведеніяхъ: одинъ разсказъ *Смерть*

Ивана Ильича. Здѣсь описывается преждевременная *смерть отъ случайной болѣзни* человѣка, который всю жизнь стремился къ карьерѣ и комфорту. Крайній реализмъ въ описаніи болѣзни Ивана Ильича выкупается свѣтлою личностью кухоннаго мужика Герасима, составляющаго единственный теплый лучъ въ этомъ холодномъ, пустомъ, исключительно комфортабельномъ царствѣ. Другое сочиненіе, драма изъ крестьянской жизни *Власть тьмы* (1882 г.) изображаетъ печальную картину безнравственности и борьбы изъ-за грубыхъ интересовъ. Свѣтлое лицо—Акимъ — является какимъ-то полуидіотомъ. Главную роль играютъ женщины, большею частью дурныя, и онѣ ходятъ тоже во тьмѣ; это—дикари, руководимые грубыми инстинктами.

Пьеса изображаетъ съ потрясающимъ реализмомъ крестьянскую среду. Тенденціозность не мѣшаетъ художественности. Главными лицами пьесы можно признать Акима и Матрену. Акимъ постоянно говоритъ о Богѣ, о законѣ, о душѣ. Но это не резонеръ старинныхъ комедій, не Стародумъ, а человѣкъ, который, самъ будучи нравственно-стойкимъ и чистымъ, и въ то же время непрактичнымъ, наивнымъ, въ житейскомъ смыслѣ глупымъ, повторяетъ доставшіяся ему по наслѣдству исконныя правила народной морали. На Акима походитъ его сынъ Никита, слабый, безхарактерный; онъ также отвращается отъ зла инстинктивно. Матрена выше всего ставитъ умъ, конечно, только практическій. Она все презираетъ, кромѣ ума. Зло не страшитъ ее потому, что кажется умнымъ; добро она презираетъ, считая его „простотой“, глупостью. Такъ думаютъ въ настоящее время и многіе изъ интеллигентовъ. Матрена выведена на сцену съ тѣмъ, чтобы „разсудить всѣ дѣла“, съ заранѣе обдуманнымъ хитрымъ планомъ дѣйствія, съ ясно намѣченными цѣлями. По намѣреніямъ автора, Никита дѣлаетъ зло подъ давленіемъ Матрены, но въ концѣ концовъ жалость беретъ въ немъ верхъ

надъ слабостью воли и трусливымъ характеромъ „Глупое добро“ беретъ верхъ надъ умнымъ зломъ.

Въ драматической же формѣ написана пьеса изъ великосвѣтской жизни *Плоды просвѣщенія*. Послѣдній его романъ *Воскресеніе* помѣщался въ „Нивѣ“ 1902—3 годовъ; здѣсь разсказывается продолженіе исторіи того же Нехлюдова, который въ первый разъ выступилъ въ разсказѣ *Юность*. Авторъ хотѣлъ изобразить человѣка, который дошелъ до внутренней правды, но это автору не удалось, хотя Нехлюдовъ выражается почти тѣми же словами, какъ и Левинъ (тоже искавшій правды). Авторъ видитъ воскресеніе или просвѣтленіе Нехлюдова, между тѣмъ онъ воскресъ уже тогда, когда рѣшился ѣхать за Катей въ Сибирь. Но описательная сторона прекрасна, по обыкновенію. Впрочемъ, юристы находили, что подробности судебнаго процесса изображены мѣстами не правильно.

Знаменитому писателю принадлежитъ, какъ извѣстно, цѣлый рядъ религіозныхъ, и философскихъ трактатовъ, касающихся общественныхъ экономическихъ и педагогическихъ вопросовъ. Въ этихъ трактатахъ видно вліяніе не только современной автору духовной жизни русскаго общества, но и современныхъ ему скандинавскихъ писателей и англійскаго критика Рёскина. Къ области эстетики относится вышедшій въ 1897 году трактатъ *Что такое искусство*? Едва ли сужденія своеобразнаго философа доказываютъ его уваженіе къ излагаемому сюжету! А между тѣмъ эти теоретическіе взгляды не могли же отразиться на послѣднихъ произведеніяхъ. Разсказъ „Хозяинъ“ и работникъ“ и романъ „Воскресенье“, не смотря на колоссальный даже всемірный ихъ успѣхъ, являются плодомъ рефлексіи, проникнуты поученіемъ и узкой сатирой. Фальшь проникаетъ и героя „Воскресенья“, Нехлюдова, который здѣсь опять является на сцену въ роли пресловутаго „толстовца“.

Ѳ. М. Достоевскій (1821—1881).

§ 100. Внѣшнее, но важнѣйшее отличіе Достоевскаго отъ предыдущихъ писателей состоитъ въ томъ, что то были помѣщики, развившіеся подъ вліяніемъ деревенскаго быта, и люди болѣе или менѣе обезпеченные; Достоевскій же происходилъ изъ средняго чиновничьяго класса, былъ нервный сынъ города и принадлежалъ къ разнообразнѣйшему классу мыслящаго пролетаріата.

Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій родился въ Москвѣ. Отецъ его былъ лѣкарь въ городской больницѣ, мать была купеческаго рода. Довольно многочисленная семья жила въ весьма скромной квартирѣ изъ двухъ комнатъ, передней и кухни. Нравы семьи были строго религіозные, но отношеніе къ дѣтямъ было ласковое. Мальчикъ съ дѣтства былъ болѣзненнымъ, впечатлительнымъ до того, что ему по временамъ „мерещилось" (галлюцинаціи), и всю жизнь страдалъ падучей болѣзнью. Дѣтство его проходило при обстоятельствахъ, благопріятствовавшихъ развитію: въ домѣ родителей устраивались литературныя чтенія, при которыхъ позволялось присутствовать и дѣтямъ; читали Карамзина, Жуковскаго, Пушкина. Лѣтомъ семья Достоевскаго жила въ деревнѣ. Въ 1834 году Достоевскій вмѣстѣ съ старшимъ братомъ отданъ былъ въ пансіонъ, гдѣ были хорошіе преподаватели, а въ 1837 году, пятнадцатилѣтнимъ юношей, пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ въ военное инженерное училище. По окончаніи курса опредѣленъ былъ на службу, но скоро оставилъ ее, почувствовавъ въ себѣ другія призванія. Въ 1845 году написана была первая его повѣсть *Бѣдные люди*. Бѣлинскій расхвалилъ ее и предсказалъ автору блестящую литературную будущность. Въ 1849 году Достоевскій былъ арестованъ, какъ замѣшанный въ тайномъ политическомъ обществѣ. Назначенная ему по суду смертная казнь была замѣнена четырехлѣтней каторгой. Какъ человѣкъ глубоко вѣрующій и высоко нравственный, Достоевскій перенесъ терпѣливо свою тяжелую участь, находя утѣшеніе и подкрѣпленіе въ библіи, единственной книгѣ, разрѣшенной ему въ острогѣ. Здѣсь просвѣтлѣла и окрѣпла душа его, очистилось его сердце и прониклось любовью ко всѣмъ несчастнымъ. Достоевскій возвратился изъ Сибири въ 1859 году въ Петербургъ. Здѣсь онъ принялъ живое участіе въ журналѣ „Время", который издавалъ его родной братъ. Въ 1860 году вышелъ романъ *Униженные и оскорбленные*, въ 1861—*Записки изъ мертваго дома*, въ 1865—романъ *Преступленіе и наказаніе*. 1867 годъ Достоевскій

пробылъ заграницей и тамъ написалъ романы *Идіотъ* и *Бѣсы*. Въ 1876 году сталъ выходить *Дневникъ писателя*—рядъ статей о русской современности. По своимъ взглядамъ и убѣжденіямъ, высказаннымъ въ Дневникѣ, Достоевскій—„народникъ"; онъ преклоняется предъ душою русскаго народа, какъ носящаго въ себѣ Христа. „Народъ нашъ при всей своей темнотѣ остался непоколебимо вѣренъ прямому смыслу Евангелія". Въ 1877 году прекратилось изданіе Дневника, и Достоевскій началъ печатать новый романъ *Братья Карамазовы*—семейную хронику, въ которой выведено множество типическихъ лицъ. Послѣднимъ славнымъ его дѣломъ была рѣчь при открытіи памятника Пушкину въ Москвѣ въ 1881 году. Достоевскій скончался въ томъ же году и погребенъ весьма торжественно на старомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры. Надъ могилой поставленъ памятникъ съ художественно исполненнымъ бюстомъ покойнаго писателя.

§ 101. Характеръ творчества Достоевскаго зависѣлъ отъ двухъ причинъ. Достоевскій принадлежалъ, какъ мы уже сказали, къ молодому пролетаріату и былъ болѣзненный сынъ города со всею его печальною и мрачною обстановкою. Эти вліянія выразились прежде всего во внѣшности его произведеній: у него нѣтъ стройности, законченности, какъ у Тургенева, Толстого, Гончарова; произведенія его неуклюжи: какъ будто у него не было времени обдѣлать ихъ вслѣдствіе нужды въ деньгахъ. Отъ этого онъ и написалъ очень много; по количеству съ нимъ можетъ сравняться только Писемскій. Другая черта—отсутствіе художественныхъ элементовъ, напримѣръ, описаній природы, сценъ любви, женскихъ типовъ. Описательный элементъ у него обыкновенно слабъ; примѣты лицъ только перечислены и трудно одно отличить отъ другого; частыя повторенія, языкъ—однообразный; писатель большею частію говоритъ отъ себя. И по содержанію онъ отличается отъ писателей одной съ нимъ школы. У нихъ сюжетъ простъ, лицъ немного, и главный интересъ—различныя перипетіи любви. У Достоевскаго сюжетъ весьма запутанный и множество лицъ. Мѣстомъ дѣйствія является большой городъ съ узкими улицами и грязными подвалами и углами, вообще трущобами, которыя онъ отлично зналъ, и нѣтъ картинъ

природы, на которыхъ бы можно было успокоиться. Его описанія больше напоминаютъ Диккенса, нежели Жоржъ Зандъ. А главное, чѣмъ онъ отличается отъ другихъ писателей—это психологическій анализъ, особенно способность понимать людей душевно больныхъ. По свидѣтельству ученыхъ, Достоевскій опередилъ точную науку, и въ его романахъ встрѣчаются самые разнообразные типы людей этого рода.

По выраженнымъ идеаламъ, литературную дѣятельность Д—аго можно раздѣлить на два періода: первый отъ 1846 до 1854 года,—второй отъ 1854 до 1880 года. Въ первомъ періодѣ Достоевскій изображаетъ русскій прогрессъ, а во второмъ относится къ нему скептически и яркими мрачными красками изображаетъ людей, увлекавшихся прогрессомъ, но не имѣвшихъ ни умственной, ни нравственной силы приложить его къ дѣлу. Въ произведеніяхъ этого періода, у него не замѣтно крайностей сланянофильства и отрицанія, видны правдивое, подобно Гоголю, изображеніе печальныхъ сторонъ жизни, суровый взглядъ на русское барство и гуманное отношеніе къ нищей братіи.

Выведенные Достоевскимъ типы Аполлонъ Григорьевъ дѣлитъ на двѣ группы: первая группа—типъ *кроткій*, типъ человѣка, полнаго самоотверженія, готоваго все простить. Таковы: герой *Униженныхъ и оскорбленныхъ*, а—въ *Идіотѣ* князь Мышкинъ. И между женщинами есть типы кроткіе, любящіе до самоотверженія, напримѣръ, мать Раскольникова и Соня въ *Преступленіи и наказаніи*, хроменькій—въ *Бѣсахъ*. Другой типъ - *хищные*: это эгоисты, руководящіеся страстями и не отступающіе ни передъ Божескими, ни передъ человѣческими законами, напримѣръ Ставрогинъ въ *Бѣсахъ*, Дмитрій Карамазовъ, а изъ женщинъ Грушенька, Матрена Ивановна въ *Братьяхъ Карамазовыхъ* и Вѣра въ *Бѣсахъ*.

Вышедши на свободу, Достоевскій снова началъ писать. Первое сочиненіе было *Дядюшкинъ сонъ*, слѣдую-

щее—*Село Степанчиково*, а послѣднее—первый номеръ возобновленнаго Дневника.

а) Изъ произведеній перваго періода самое замѣчательное есть повѣсть *Бѣдные люди*. Она изложена въ формѣ переписки бѣдняка чиновника Макара Алексѣевича Дѣвушкина, съ такою же бѣдною, обиженною судьбою Варенькой. Этотъ бѣднякъ, несмотря на свое безвыходное положеніе, нисколько не ропщетъ на судьбу, и всѣ мысли и заботы его устремлены на то, чтобы облегчить положеніе дѣвушки, которой онъ преданъ всѣми силами души. „Честь и слава молодому поэту, говоритъ Бѣлинскій: муза котораго любитъ людей на чердакахъ и въ подвалахъ и говоритъ о нихъ обитателямъ раззолоченныхъ палатъ: вѣдь это тоже люди, наши братья“.

б) Первое произведеніе второго періода, романъ *Униженные и оскорбленные*, можно сказать, во многомъ повторяетъ Бѣдныхъ людей. Затѣмъ слѣдуютъ—*Записки изъ мертваго дома*—произведеніе, по своему содержанію единственное во всей европейской литературѣ. Жители этого страшнаго дома — преступники. Днемъ шумъ, ругательство, звонъ цѣпей, чадъ и копоть, бритыя головы, клейменныя лица; ночью,—сонный говоръ, бредъ, въ которомъ слышатся воровскія слова, ножи, топоры“. На преступниковъ Достоевскій смотритъ глазами народа, какъ на „несчастныхъ“, и въ нихъ способенъ подмѣтить добрыя человѣческія черты, — искру Божію. Въ Запискахъ не мало лицъ, возбуждающихъ къ себѣ сочувствіе, напримѣръ, величавая фигура старика—раскольника, который проживаніе въ каторгѣ считалъ спасительнымъ подвигомъ. Таковъ горецъ Алей, мягкій, добрый юноша, младшій изъ трехъ братьевъ, жившихъ въ острогѣ, выучившійся тамъ читать и писать, прочитавшій Евангеліе и полюбившій Христа.

в) Въ романѣ *Преступленіе и наказаніе* (1865) талантъ автора достигаетъ высочайшей степени своего

развитія. По анализу человѣческой души, особенно болѣзненнаго ея настроенія, этотъ романъ можно поставить высоко даже въ общеевропейской литературѣ. Борьба жизни съ теоріею доведена здѣсь до послѣдней степени напряженія, и побѣда остается за жизнію. Теорія Раскольникова—сознаніе своего умственнаго превосходства передъ другими людьми, презрѣніе къ человѣчеству, въ жизни котораго нѣтъ правды и смысла, и наконецъ право устроить свое счастье и счастье близкихъ, хотя бы путемъ насилія. Это насиліе, выразившееся въ преступленіи, авторъ раскрываетъ съ изумительною психологическою тонкостью. Съ одинаковою правдою раскрываетъ онъ и постепенное созрѣваніе злодѣйскаго замысла въ умѣ молодого человѣка и цѣпь нравственныхъ мукъ, заставляющихъ его потомъ заявить о преступленіи, и наконецъ путь, которымъ онъ уже въ ссылкѣ доходитъ до нравственнаго возрожденія.

г) Во всѣхъ произведеніяхъ Достоевскаго сильно развитъ психологическій элементъ и самымъ глубокомысленнымъ въ этомъ отношеніи является романъ *Идіотъ*. Цѣль романа, по словамъ автора, представить поразительно прекраснаго человѣка. Главное лицо романа—князь Мышкинъ, послѣдній остатокъ захудалаго рода, круглый сирота, воспитывающійся, по милости друга своего отца, въ уединеніи, за границей, болѣзненный мальчикъ, потомъ юноша, который возрасталъ вдали отъ свѣта. Всѣ считаютъ его за идіота, но онъ на самомъ дѣлѣ очень уменъ, только прямодушенъ и чистъ, какъ рѣка. Онъ является у Достоевскаго прямымъ представителемъ того „царства не отъ міра сего“, оторванность отъ котораго есть, по взгляду автора, главное бѣдствіе нашего міра. Это тотъ же любимый народомъ сказочный Иванушка-дурачокъ, оказывающійся на самомъ дѣлѣ только человѣкомъ, не выносящимъ зрѣлища чужого горя, постоянно забывающимъ себя для другихъ. Романъ изобилуетъ самыми разно-

образными типами. Изъ нихъ рѣзче всего выдѣляется сынъ купца старовѣра, наслѣдовавшій его милліоны, Парфенъ Рогожинъ, глубокая, сосредоточенно страстная, замкнутая фигура. Послѣдняя сцена романа, когда безумный Рогожинъ сидитъ вмѣстѣ съ кроткимъ „идіотомъ“ у трупа красавицы, запершись въ домѣ со спущенными занавѣсами, обставивъ трупъ „букетами“, по мнѣнію западныхъ критиковъ, не имѣетъ себѣ подобной во всей всемірной литературѣ. Романъ страдаетъ длиннотами, но по необыкновенной оригинальности является однимъ изъ лучшихъ произведеній десятилѣтія, послѣ „Войны и Мира“ и „Преступленія и наказанія“.

д) Въ романѣ *Бѣсы* (1871—2), получившемъ названіе отъ евангельскаго разсказа о бѣсахъ, изгнанныхъ Христомъ изъ бѣсноватаго, изображается больное общество. Умственно слабое, оно не могло усвоить новыхъ идей и извратило свою жизнь. Сфера романа—полуобразованное захолустье, точнѣе сказать, подполье, съ его нравственнымъ и житейскимъ разгильдяйствомъ. Въ описываемомъ кружкѣ собрались личности изъ самыхъ разнообразныхъ общественныхъ слоевъ: тутъ и сынъ аристократки Варвары Петровны, и вышедшій изъ крѣпостного званія Шатовъ, и инженеръ Кириловъ, и отставной капитанъ Лебядкинъ, и молодой офицерикъ Экель. Ихъ всѣхъ „заѣла идея“, и про каждаго изъ нихъ можно сказать тоже самое, что сказано авторомъ про Шатова: его вдругъ поразитъ какая-нибудь сильная идея, и тутъ же разомъ точно придавитъ его собою иногда даже навѣки. Дѣйствующія лица становятся жертвою непосильной умственной задачи, фанатиками-идеи, кривыми путями внѣдрившейся въ слабосильный мозгъ.

е) Въ повѣсти *Подростокъ* описываются люди, которые съ малолѣтства безъ разбора читаютъ разныя „умныя книжки“, рано начинаютъ надъ ними размышлять, задумываются и наконецъ озлобляются, нигдѣ не

видя хорошихъ людей. Впрочемъ герой находитъ наконецъ хорошаго человѣка въ лицѣ Макара Ивановича Богомолова изъ дворовыхъ. Бесѣды его примиряютъ героя съ жизнью, и онъ хочетъ учиться. Изображать людей, подобныхъ Макару Ивановичу, и чрезъ нихъ пробудить героя, вывести его на путь истинный—есть любимая идея Достоевскаго, въ извѣстное время враждебно относившагося къ западной цивилизаціи на русской почвѣ.

ж) Въ романѣ *Братья Карамазовы* (1879) выражена идея, что, еели люди страдаютъ и требуютъ матеріальной и духовной помощи, то имъ надо помогать тотчасъ же, не ожидая, когда они наконецъ разовьются и сами обезпечатъ себя; въ противномъ случаѣ несчастный или наложитъ на себя руки, или сойдетъ съ ума отъ безвыходнаго положенія. Чтобы предотвратить развитіе этого уродства, надо возвратиться къ нормальнымъ вѣрованіямъ и понятіямъ простого русскаго человѣка. Этого мало: по личному характеру и обстановкѣ жизни, Достоевскій къ простотѣ русскаго народа присоединилъ еще его православныя убѣжденія и чистую вѣру въ Христа. Послѣ этого понятно, что старецъ Зосима и Алеша Карамазовъ занимаютъ видное мѣсто въ романѣ. Помимо чисто-художественнаго и психологическаго значенія, романъ полонъ еще идейнаго содержанія. Центромъ здѣсь является поэма въ прозѣ „Легенда о великомъ инквизиторѣ“.

з) Достоевскій до самой смерти былъ горячимъ приверженцемъ женскаго движенія, говоря, что въ русской женщинѣ заключена одна наша огромная надежда, одинъ изъ залоговъ нашего обновленія. Возрожденіе русской женщины, говоритъ онъ, въ послѣдніе двадцать лѣтъ оказалось несомнѣннымъ; подъемъ въ запросахъ ея былъ высокій, откровенный и безбоязненный. Она твердо объявила свое желаніе участвовать въ общемъ дѣлѣ и приступила къ нему не только безкорыстно, но и самоотверженно. Въ жаждѣ высшаго образованія она про-

явила серьезность, терпѣніе и представила примѣръ величайшаго мужества (какіе женскіе типы особенно выдаются у Достоевскаго, объ этомъ сказано выше).

и) Изъ произведеній послѣднихъ лѣтъ жизни Достоевскаго особенно выдаются *Дневникъ писателя* и *Рѣчь*, произнесенная въ Москвѣ по случаю открытія памятника Пушкину въ 1881 году. Дневникъ писателя, издававшійся съ 1876 года до самой смерти Достоевскаго, имѣетъ характеръ ежемѣсячной газеты, наполненъ собственными статьями издателя, по поводу возникшей тогда сербско-турецкой войны; кромѣ того, тамъ есть статьи беллетристическія и автобіографическія. Въ Дневникѣ высказаны такія убѣжденія, которыя сближаютъ Достоевскаго съ славянофилами и доказываютъ въ авторѣ знаніе русской жизни и русскаго характера, знаніе, поражающее свѣтлостью и глубиною.

і) Рѣчь при открытіи памятника Пушкину произвела сильное впечатлѣніе на русское общество и на литературныя партіи, особенно на славянофиловъ и западниковъ. Ораторъ считалъ Пушкина явленіемъ пророческимъ. Оно способствовало освѣщенію нашей жизни новымъ направляющимъ свѣтомъ. Первый періодъ литературной дѣятельности Пушкина изображаетъ „историческаго скитальца въ родной землѣ, необходимо явившагося въ оторванномъ отъ народа обществѣ нашемъ“. Оторванные отъ почвы, эти „лишніе люди“ или скитаются безъ дѣла, или бросаются на что-нибудь не подходящее, „пока не выйдутъ на спасительную дорогу сближенія общества съ народомъ“. Во второй періодъ эти люди начинаютъ сближаться съ русской жизнью, сначала пока въ лицѣ Татьяны, которую, впрочемъ, мало еще понимаютъ, но думаютъ видѣть въ ней осуществленіе своего идеала. Къ третьему періоду относятся произведенія, гдѣ засіяли идеи всемірныя, отразились поэтическіе образы другихъ народовъ и воплотился ихъ геній.

Сирда.

Б. Важнѣйшіе лирическіе поэты.

§ 102. Несмотря на то, что въ разсматриваемый періодъ русское общество было поглощено заботами объ улучшеніяхъ во внутренней жизни, объ исцѣленіи „общественныхъ ранъ“, стремленіе къ идеалу, желаніе отыскать его въ природѣ, въ преданіяхъ старины, даже въ современной жизни людей, не тронутыхъ цивилизаціей, это стремленіе не ослабѣвало въ русскомъ обществѣ, и это общество съ живѣйшею благодарностію относилось къ поэтамъ, представителямъ, чистаго искусства на ихъ произведеніяхъ отдыхая отъ житейскихъ волненій. Изъ лириковъ этого времени заслуживаютъ особеннаго вниманія Хомяковъ, Тютчевъ, А. К. Толстой, Майковъ, Фетъ (Шеншинъ), Полонскій, Мей и Огаревъ. Всѣ они (кромѣ Тютчева) были почти сверстники, потому что всѣ родились около 1820 года.

А. С. Хомяковъ (ум. въ 1860 г.).

§ 103. Алексѣй Степановичъ Хомяковъ былъ, какъ извѣстно, однимъ изъ первыхъ славянофиловъ; онъ возбуждалъ общее уваженіе и удивленіе въ своемъ кружкѣ. Это былъ человѣкъ съ большимъ умомъ, съ блестящей способностью къ діалектикѣ, съ весьма разнообразными свѣдѣніями, начиная отъ богословія и кончая сельскимъ хозяйствомъ. Хомяковъ писалъ и стихотворенія, выражающія нѣсколько вычурнымъ языкомъ славянофильскія чувства. Въ стихотвореніи „Мечта“ выражается грустная дума при взглядѣ на Западъ. Въ стихотвореніи „Россія“ смиренная родина предпочитается гордому Риму, и за это смиреніе Богъ поручилъ ей безкровный судъ. Въ стихотвореніи „Труженикъ“ поэтъ уговариваетъ утомившагося пахаря не отходить на отдыхъ, пока не пропашетъ окончательно нивы для Господняго посѣва. Всѣ эти стихотворенія дышатъ теплотою чувства.

Ѳ. И. Тютчевъ (1803—1873 года).

§ 104. Ѳедоръ Ивановичъ Тютчевъ учился въ Московскомъ университетѣ, потомъ служилъ около 20 лѣтъ по дипломатической части, жилъ почти все время за границей и велъ знакомство съ европейскими мыслителями и государственными людьми. Остальное время жизни провелъ въ Петербургѣ, сначала въ званіи цензора, а потомъ Предсѣдателя иностр. цензуры. Продолжительное пребываніе за границей, гдѣ Тютчевъ и женился, дало ему матеріалъ для нѣсколькихъ стихотвореній, но все-таки въ душѣ своей онъ безспорно оставался русскимъ, любящимъ даже и бѣдную природу своей родины и благоговѣющимъ предъ высокимъ назначеніемъ Россіи. Это выражено въ стихотвореніяхъ *Теперь тебѣ не до стиховъ... Тогда лишь въ полномъ торжествѣ... Восходъ солнца, Разсвѣтъ*. Поэтъ вѣрилъ, что настанетъ время, когда Русь соберетъ во-едино всѣ славянскія племена, да не силою оружія, а силою мощной любви. Кромѣ красоты формы, которою Тютчевъ не уступитъ ни Майкову ни Фету, и кромѣ любви къ родинѣ, въ Тютчевѣ привлекаетъ глубина мысли. Это былъ поэтъ — мыслитель. Въ стихотвореніяхъ *Пошли Господь тому отраду... Слезы*, выражена человѣческая ограниченность, самообожаніе и въ то же время несостоятельность отдѣльныхъ попытокъ человѣческаго разума. Стихотвореніе *Море и утесъ* въ яркомъ образѣ рисуетъ безплодность революціонныхъ идей и незыблемость установившейся у насъ царской власти.

А. К. Толстой (1817—1875).

§ 105. Графъ Алексѣй Константиновичъ Толстой дѣтство свое провелъ въ Малороссіи, которую считалъ своею родиною. Девяти лѣтъ съ своими родителями пріѣхалъ онъ въ Петербургъ и допущенъ былъ въ

кругъ дѣтей, составлявшихъ воскресное общество цесаревича (впослѣдствіи императора Александра II). Съ десяти лѣтъ и до семнадцати, когда выдержалъ выпускной экзаменъ въ московскомъ университетѣ, онъ безпрестанно путешествовалъ съ своими родителями за границей. Посѣщая въ это время музеи, графъ Толстой развилъ въ себѣ страстную любовь къ искусству и къ Италіи. Съ 1855 года онъ началъ печатать свои лирическія и эпическія произведенія. Въ 1863 году напечаталъ историческій романъ Князь Серебряный потомъ (1865—70) написалъ свою знаменитую драму Борисъ Годуновъ, въ трехъ частяхъ (трилогіяхъ). Изъ нихъ Смерть Іоанна Грознаго и Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ до сихъ поръ ставятся на сцену. Источникомъ вдохновенія Толстого служили народныя легенды, преданія и лѣтописи русской старины. По своимъ взглядамъ онъ примыкалъ къ славянофиламъ: подобно имъ, любилъ русскій народъ, русскую старину и сердечно желалъ, чтобы разумныя начала древней Руси не приносились въ жертву европейской цивилизаціи. Многія его произведенія, по складу, строю и другимъ пріемамъ, напоминаютъ нашихъ старинныхъ гусляровъ. Нѣкоторыя изъ нихъ берутъ содержаніе изъ народныхъ пѣсенъ и былинъ, напримѣръ: *Ходитъ спѣсь надуваючись*, *Какъ бы знала я*, *кабы вѣдала*, *Алеша Поповичъ*, *Садко*, *Змѣй Тугаринъ*. Выдающуюся группу его стихотвореній составляютъ описанія природы, особенно малороссійской. Есть у него наконецъ произведенія, заимствованныя изъ религіозныхъ преданій, напримѣръ, поэма Іоаннъ Дамаскинъ, Грѣшница, Пантелей цѣлитель. А. Толстому принадлежитъ способность вдумываться въ окружающія явленія, напримѣръ въ стихотвореніи: „*Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ*“, поэтъ не ограничивается изображеніемъ малороссійской природы; ея упоительныя картины наводятъ его на размышленія объ исторической судьбѣ этого края. „*Курганъ*“ (въ

стихотворенiи этого имени), на который поэтъ натолкнулся въ степи, точно также наводитъ его на цѣлый рядъ размышленiй о ничтожествѣ и скоротечности земной славы. Другая особенность — соединенiе веселости съ грустью; это видно въ только что названныхъ стихотворенiяхъ. Хотя Графъ Толстой есть представитель чистаго искусства, онъ въ своихъ стихотворенiяхъ откликается на цѣлый рядъ вопросовъ русской дѣйствительности. Напримѣръ въ стихотворенiи Богатырь онъ въ лицѣ этого сермяжнаго богатыря изображаетъ исконнаго врага русскаго народа, сломившаго много его силъ, тотъ самый синiй кувшинъ, о которомъ говоритъ наша народная пѣсня. Въ произведенiяхъ его выразилось и движенiе 60-хъ годовъ. Въ былинѣ о богатырѣ Потокѣ авторъ подвергъ добродушному осмѣянiю современное направленiе русской умственной жизни. Его Потокъ богатырь не понимаетъ что значитъ какой-то прогрессъ, и подъ слово „прогрессъ, какъ въ чаду и дыму, лѣтъ на двѣсти еще засыпаетъ! „Замѣчательно, что очень многiя изъ его пѣсенъ и романсовъ положены на музыку, напримѣръ: „*Благословляю васъ лѣса*“ (изъ Iоанна Дамаскина), „*Гаснутъ дальней Альпухары*“... „*То было раннею весной*“ и пр. Ему же принадлежитъ драматическая трилогiя: „Смерть Iоанна Грознаго“ (1858), „Царь Борисъ“ (1863), „Царь Ѳедоръ Iоанновичъ“ (1869) и историческiй романъ „Князь Серебряный“ (см. о нихъ ниже).

А. Н. Майковъ (1821—1897).

§ 106. Аполлонъ Николаевичъ Майковъ происходилъ отъ старинной дворянской фамилiи. Отецъ его былъ офицеръ, раненый въ Бородинскомъ сраженiи, а потомъ самоучкой сдѣлавшiйся крупнымъ художникомъ. Три брата Майковы извѣстны были въ литературѣ. Дѣтство

свое провелъ поэтъ въ подмосковной усадьбѣ отца, близъ Троицкой лавры. Потомъ семья переселилась въ Петербургъ. Домъ ихъ посѣщали литераторы и художники. По окончаніи курса въ университетѣ, ѣздилъ за границу, восторгался Римомъ и его памятниками, слушалъ лекціи въ Парижѣ, увлекался славянскимъ вопросомъ, посѣтилъ Прагу. Возвратившись изъ-за границы, служилъ библіотекаремъ въ Румянцевскомъ музеѣ, потомъ перешелъ въ Комитетъ иностранной цензуры, гдѣ и служилъ до смерти. Майковъ поэтъ былъ знатокъ живописи и музыки. Композиторъ Сѣровъ, по его совѣту, сдѣлалъ измѣненія въ оперѣ *Юдифь*, вставивъ въ нее нѣсколько арій, нарочно сочиненныхъ поэтомъ. Литературная дѣятельность А. Н. Майкова началась тотчасъ послѣ Пушкина и Лермонтова. Первый, кто открылъ въ немъ поэтическій талантъ, былъ Бѣлинскій, обратившій вниманіе на его небольшую пьеску: *Когда ложится тѣнь прозрачными клубами*, напечатанную въ Одесскомъ Альманахѣ 1840 года. Это было стихотвореніе антологическое. Майковъ продолжалъ въ этомъ родѣ, вдохновляясь античнымъ искусствомъ, сонмомъ греческихъ боговъ, красотою природы, сознаніемъ молодой жизни. Ко всему дурному, страстному, онъ былъ менѣе воспріимчивъ, нежели къ мягкому, легкому, ласкающему слухъ, убаюкивающему душу. Важнѣйшія его антологіи: Октава, Пустыннику, На мѣстѣ семъ дикомъ, Все думу тайную въ душѣ моей питаетъ, Овидій, Искусство, Дитя мое, ужъ нѣтъ благословенныхъ дней... Но Майковъ скоро раздвинулъ сферу своей дѣятельности и создалъ пьесы, болѣе крупныя по объему, болѣе широкія по замыслу. Таковы: Очерки Рима, представляющіе картину древняго міра и современной Италіи, воспоминанія былого и сцены изъ современнаго быта. Чисто художественнымъ характеромъ отличаются стихотворенія Клермонтскій соборъ, Саванарола, Приговоръ, Картинка, Три смерти. Въ

послѣднемъ представлена предсмертная бесѣда трехъ римлянъ: Сенеки, Луція и Лукана, приговоренныхъ къ смерти безумнымъ тираномъ. Это типичные представители языческаго Рима въ эпоху его разложенія. Къ этой же эпохѣ относится трагедія: Два міра, гдѣ умирающій Римъ изображенъ въ лицѣ умирающаго, по волѣ Цезаря, богатаго патриція Деція, и новообращенныхъ христіанъ—стараго воина Марцелла и молодой прелестницы Лиды. Съ теченіемъ времени отъ классическаго міра М. перешелъ къ славянскому, котораго изображеніе и дѣлается постепенно главнымъ предметомъ его поэзіи. Послѣднія стихотворенія его, вполнѣ сохраняющія красоту формы, пластичность образовъ, звучность стиха, были писаны по поводу нѣкоторыхъ важныхъ событій въ жизни славянскаго и русскаго міра и, прочтенныя авторомъ въ торжественныхъ собраніяхъ Славянскаго благотворительнаго общества, произвели эффектъ. Наконецъ у него есть рядъ стихотвореній, изображающихъ русскую природу, напримѣръ: Поля, Весна, Нива и пр. Они давно служатъ украшеніемъ литературныхъ сборниковъ.

Подъ вліяніемъ предчувствія близости смерти лирика Майкова получила возвышенный христіанско-философскій характеръ, сохраняя прежнюю художественность. Произведенія этого времени собраны въ нѣсколько сборниковъ. Въ своихъ стихотвореніяхъ поэтъ обращается къ міру „откровеній изъ царства вѣчной юности и красоты“, воспоминая „сіяющіе мраморы“, святую лиру и кристальный стихъ Пушкина“. Въ нѣкоторыхъ стихотвореніяхъ М. опредѣляетъ сущность искусства и высокое призваніе поэта. Ангелъ велитъ ему скрыться въ пустыню, чтобы тамъ сберечь огонь лампады, повѣренной ему; когда люди познаютъ тщетность суеты и будутъ понимать истину и свѣтъ, тогда будетъ чѣмъ имъ возжечь свои свѣтильники. Въ другомъ стихотв. Майковъ передаетъ тѣ образы, лучи и

звуки, въ которые облекается для него таинственный міръ, а къ вратамъ его уже приблизился старецъ поэтъ. Въ 1888 году Майковъ написалъ послѣднюю свою поэму „Брингильда“ изъ миѳическихъ преданій скандинавской Старой Эдды.

А. А. Фетъ (Шеншинъ) (1820—1892).

§ 107. Афанасій Афанасьевичъ Фетъ окончательное образованіе получилъ въ Московскомъ университетѣ, слушалъ Шевырева, Грановскаго, Погодина. Служилъ сначала въ военной службѣ, а потомъ долго жилъ въ деревнѣ, серьезно занимался хозяйствомъ и писалъ о деревенскомъ бытѣ статьи подъ названіемъ: Изъ деревни. По таланту Фетъ стоялъ ниже Майкова, но онъ былъ вполнѣ представитель поэзіи чистаго искусства, которому служилъ усердно, не отклоняясь въ сторону и не отзываясь на современные вопросы. Его произведенія суть или самыя изящныя картины природы, или мимолетныя психическія движенія. И все это исполнено художественной прелести. Главными характеристическими произведеніями слѣдуетъ считать „*Шопотъ, робкое дыханье*“... „*Люблю я пріютъ вашъ печальный*“— ода, проникнутая отрадою сельскаго спокойствія. Стихотвореніе *Фантазія* по своей волшебной поэзіи не уступитъ первоклассным произведеніямъ во всей европейской литературѣ. Стихотвореніе: „*На зарѣ ты ее не буди*“, положенное на музыку, извѣстно всѣмъ. Очень важную заслугу Фета составляютъ прекрасные въ стихахъ переводы Горація (удостоенные Уваровской преміи), Ювенала, Персія, Катулла и пр. Ученики-классики много ему благодарны за то, что онъ облегчилъ ихъ занятія латинскимъ языкомъ.

Въ 80-хъ годахъ Фетъ выпустилъ нѣсколько сборниковъ своихъ стихотвореній подъ общимъ заглавіемъ

Вечерніе огни. Здѣсь предъ нами 80-лѣтній поэтъ— все тотъ же знакомый намъ волшебно-влюбленный Фетъ, въ старческихъ напѣвахъ котораго живетъ юный духъ, какъ въ пѣсняхъ Анакреона или юношескихъ восторгахъ старца Гомера предъ красотой Елены.

Я. П. Полонскій (1820—1898).

§ 108. Яковъ Петровичъ Полонскій учился въ Рязанской гимназіи, потомъ въ московскомъ университетѣ, служилъ по иностранной цензурѣ. Первое собраніе стихотвореній Полонскаго вышло въ 1843 году подъ названіемъ Гаммы. Онъ, по словамъ Бѣлинскаго, обладалъ чистымъ элементомъ поэзіи, но у него замѣтно разнообразіе мотивовъ. Служеніе чистому искусству выразилось въ поэмахъ, въ картинахъ кавказской природы, въ элегіяхъ, наполненныхъ философскими размышленіями, въ стихотвореніяхъ на разные случаи, и даже въ одахъ, написанныхъ на юбилеи. Самое крупное изъ этихъ произведеній есть шуточная поэма: „Кузнечикъ-музыкантъ", изданная въ 1863 году. Содержаніемъ поэмы служитъ любовь кузнечика къ бабочкѣ, потомъ измѣна бабочки и любовь ея къ соловью. Когда, спустя нѣсколько времени соловей убилъ ее, кузнечикъ отыскалъ и похоронилъ молодую сильфиду, которую такъ горячо любилъ. Въ этомъ шуточномъ, фантастическомъ разсказѣ можно подмѣтить сердечную боль поэта и грустное недовольство міромъ, въ которомъ нѣтъ нигдѣ постояннаго и полнаго счастья. Въ своихъ отношеніяхъ къ общественной неправдѣ и угнетенію Полонскій остался грустно незлобивъ и, сообразивъ, что обличеніе ему не подъ силу, выразилъ свой протестъ противъ дѣйствительности тѣмъ, что создалъ свой особый идеальный міръ, населилъ его особыми существами, придалъ имъ мысли и страсти, заставилъ ихъ

волноваться, радоваться и страдать по-человѣчески. Наконецъ у него есть стихотворенія, написанныя подъ вліяніемъ поэзіи народной. Они полны поэтическаго одушевленія, отличаются художественностью и простотою, напоминающей русскія народныя пѣсни, напримѣръ: *Солнце и мѣсяцъ, За окномъ въ тѣни мелькаетъ, Затворница, Смерть малютки, Подойди ко мнѣ, старушка.*

Въ 80-хъ годахъ маститый поэтъ, у котораго по пятницамъ собиралось много писателей, издалъ два сборника своихъ стихотвореній: „На закатѣ“ и „Вечерній звонъ“. Здѣсь, кромѣ мелкихъ пьесъ, помѣщены баллада „Кассандра“ и разсказъ въ стихахъ „Анна Галдина“, по размѣру стиха напоминающая камаринскую. Въ поэмѣ—балладѣ „На каланчѣ“ изображаются поэтическія грезы сторожа на пожарной вышкѣ, и поэтъ уподобляется этому сторожу. Предчувствія смерти и глубокое утомленіе отъ пережитыхъ волненій долгой жизни выражены въ двухъ пьесахъ „Сѣрые годы“ и „Выжатые лимоны“. Послѣдняя показываетъ какую-то старческую безнадежность и въ то же время обличаетъ искусство, нашедшее поэзію въ выжатыхъ лимонахъ.

Л. А. Мей (1822—1862).

§ 109. Левъ Александровичъ Мей былъ сынъ обрусѣвшаго нѣмца, родился въ Москвѣ, учился въ Александровскомъ лицеѣ, служилъ нѣкоторое время чиновникомъ въ канцеляріи московскаго Генералъ-губернатора, потомъ инспекторомъ второй московской гимназіи. Съ 1850 года переѣхалъ въ Петербургъ и занялся литературой. Мей былъ знатокъ русскаго языка, страстно любилъ его и изучилъ во всѣхъ оттѣнкахъ и особенностяхъ. Въ то же время это былъ замѣчательный лингвистъ. Приступая къ переводамъ съ ино-

странныхъ языковъ, онъ тщательно изучалъ подлинники, свѣрялъ разныя изданія, дѣлалъ обширныя выписки; какъ новые, такъ и древніе языки были ему вполнѣ извѣстны. Для двухъ своихъ пьесъ изъ эпохи Іоанна Грознаго, онъ перечиталъ множество лѣтописей и другихъ источниковъ, для драмы изъ римской жизни— всѣхъ историковъ, писавшихъ о Неронѣ и его времени. Произведенія его очень разнообразны. Онъ во первыхъ много перевелъ съ разныхъ иностранныхъ языковъ; взялъ нѣсколько сюжетовъ изъ библейской исторіи, напримѣръ, Самсонъ, Юдифь, Притча пророка Нафана, Слѣпорожденный, Отойди отъ меня, сатана. Тутъ описаны красоты различныхъ мѣстностей, которыя сатана указываетъ Іисусу Христу; изъ античнаго міра въ стихотвореніи *Цвѣты* описано пиршество, на которомъ Неронъ душитъ своихъ гостей подъ дождемъ цвѣтовъ. Многое Мей взялъ изъ русской жизни и исторіи. Во всѣхъ его сочиненіяхъ роскошная фантазія соединяется съ выразительною формою и прекраснымъ языкомъ. Произведенія, взятыя изъ русской исторіи, показываютъ въ авторѣ большую любовь къ народной поэзіи, знаніе и пониманіе духа русской исторіи. Таковы: Преданіе, отчего перевелись витязи на святой Руси, пѣсни: Про боярина Евпатія Коловрата, Про княгиню Ульяну Андреевну Вяземскую, Святой Александръ Невскій. Изъ этой же русской старины заимствованы сюжеты драматич. пьесъ *Царская невѣста* (1849) и *Псковитянка* (1861). Послѣдняя — лучшая. Она показываетъ знакомство автора съ учеными изслѣдованіями объ эпохѣ, именно о времени осады Пскова Іоанномъ. Эффектна картина народнаго вѣча; авторъ изучилъ ходъ событій и внутреннюю жизнь народа. Здѣсь рельефно представлены: удальство, неурядица, здравый смыслъ и отвага выдающихся лицъ. Языкъ „Псковитянки“ поразителенъ простотой и близостью къ народному говору. Нѣкоторыя его произведенія, какъ и Алексѣя Толстого, положены на музыку;

иныя дали матеріалъ для оперы. — Мей извѣстенъ еще какъ переводчикъ. Онъ отлично зналъ европейскіе языки и переводилъ Анакреона, Мильтона, Байрона и польскихъ, напр. Мицкевича и Сырокомли.

Н. П. Огаревъ.

§ 110. Выдающимся лирикомъ западническаго направленія можно признать Огарева, у котораго грустное чувство недовольства дѣйствительностью достигаетъ крайней степени. Его поэзія есть тоска сердца, безконечно нѣжнаго, способнаго любить и вѣрить, и разбитаго противорѣчіями дѣйствительности. Искренность его производитъ такое сильное впечатлѣніе на читателя, что онъ не замѣчаетъ пренебреженія къ стихотворной формѣ и къ ясности выраженія. Особенно сильно разочарованіе Огарева видно въ его „Монологахъ". Безотраднымъ чувствомъ проникнуты и тѣ стихотворенія, гдѣ поэтъ изображаетъ окружающую дѣйствительность. Его вдохновляютъ мрачныя картины бѣдности, нищеты, смерти, жестокой измѣны въ любви. Огаревъ напоминаетъ Лермонтова, но преимущество послѣдняго состоитъ, и въ большей художественности формы, и въ способности встрѣчать въ мрачной жизни свѣтлые лучи. Лучшими стихотвореніями Огарева можно признать, кромѣ Монологовъ, еще: Старый Домъ, Обыкновенная исторія, Изба, Когда встрѣчаются со мной...

В. Важнѣйшіе драматическіе писатели.

А. Н. Островскій (1823—1886).

§ 111. Общее оживленіе русской жизни и литературы въ 50—60 годахъ очень ярко отразилось и на состояніи нашей драматической поэзіи. Главною причиною было появленіе необыкновенно сильнаго таланта

въ лицѣ Островскаго. Знаменитые его предшественники—Пушкинъ, Грибоѣдовъ и Гоголь, не имѣли подражателей, а пьесы Полевого, Кукольника и имъ подобныхъ, имѣли успѣхъ только благодаря сильнымъ талантамъ артистовъ. Островскій вывелъ на сцену 50 пьесъ и все художественныхъ, доселѣ сохраняющихъ свое значеніе, подобно комедіямъ Аристофана и Мольера.

Александръ Николаевичъ Островскій родился въ Москвѣ. Отецъ его былъ частнымъ ходатаемъ по дѣламъ замоскворѣцкаго купечества, и слѣд. нравы его съ дѣтства изучены нашимъ писателемъ и потомъ выведены въ его комедіяхъ. По окончаніи курса въ первой московской гимназіи, гдѣ уже Островскій успѣлъ пристраститься къ театру, онъ поступилъ въ московскій университетъ, но курса не окончилъ и поступилъ на службу въ коммерческій судъ. Когда ему было 25 лѣтъ, появилось въ печати его произведеніе *Картина семейнаго счастія*, вслѣдъ затѣмъ комедіи *Свои люди сочтемся*, далѣе, *Не въ свои сани не садись* и пр. Кромѣ пьесъ бытовыхъ, Островскій написалъ нѣсколько историческихъ хроникъ. Въ послѣдніе годы жизни ему былъ порученъ московскій театръ и преобразованіе театральной школы, о чемъ онъ постоянно мечталъ. Переутомленный работою любимому дѣлу, Островскій скончался въ своемъ имѣніи Костромской губерніи, 2 іюня 1886 года.

Пьесы Островскаго можно раздѣлить на слѣдующія группы: 1) множество пьесъ бытовыхъ изъ жизни замоскворѣцкихъ купцовъ, мелкихъ чиновниковъ и дворянъ. Нѣкоторыя написаны имъ въ сотрудничествѣ съ другими, напримѣръ: драмы Василиса Мелентьева, Женитьба Бѣлугина, комедіи: Дикарка, Свѣтитъ да не грѣетъ. 2) Драматическія хроники: Козьма Захарьевичъ Мининъ-Сухорукъ, Воевода или сонъ на Волгѣ, Дмитрій Самозванецъ и Василій Шуйскій, Тушино. 3) Снѣгурочка, весенняя сказка въ четырехъ дѣйствіяхъ съ прологомъ; 4) пьесы переводныя: Усмиреніе своенравной—комедія Шекспира, двѣ переводныя комедіи испанскаго писателя Сервантеса и пр.

Очень многія изъ пьесъ Островскаго до сихъ поръ служатъ украшеніемъ русской сцены, давая возмож-

ность актерамъ выказать свой сценическій талантъ (Щепкинъ, Садовскій, Шумскій, Мартыновъ, Ермолова, Ѳедотова и пр.) и доставляя полные сборы. Нѣкоторыя дали матеріалъ для пьесъ музыкальныхъ.

Выдающимися особенностями многочисленныхъ бытовыхъ пьесъ Островскаго можно признать слѣдующія: 1) герои пьесы, какъ бы ни было глубоко ихъ нравтсвенное и умственное паденіе, никогда не забываютъ долга совѣсти, требованія высшихъ христіанскихъ добродѣтелей и высшаго нравственнаго закона, повелѣвающаго каждому помнить, что онъ человѣкъ, существо разумно-свободное, обязанное прежде всего быть нравственнымъ, въ христіанскомъ смыслѣ слова. Напримѣръ купецъ Гордѣй Карпычъ Торцовъ, въ пьесѣ *Бѣдность не порокъ*, грубый самодуръ, въ концѣ комедіи примиряется съ братомъ, котораго не хотѣлъ пускать къ себѣ въ домъ; онъ благодаритъ оборванца—брата за то, что тотъ „на умъ наставилъ". Подъ вліяніемъ добрыхъ чувствъ самъ плачетъ: „Просите всѣ, кому что нужно", говоритъ онъ: „теперь я сталъ другой человѣкъ". Катерина, жена купца Тихона Кабанова, въ драмѣ *Гроза*, угнетаемая несчастной страстью, проситъ мужа взять съ нея самую сильную клятву, чтобы она въ отсутствіе мужа осталась ему вѣрна; уступивъ одолѣвшей ее страсти, она безбоязненно исповѣдуетъ свой грѣхъ передъ народомъ, увидавъ на церковной паперти изображеніе геенны огненной; возвратившемуся мужу она съ первыхъ же словъ открываетъ мучившій ее грѣхъ; она проситъ наказанія себѣ за измѣну супружескому долгу. 2) Другая черта, придающая пьесамъ Островскаго естественность, реальность, есть соединеніе комическаго элемента съ трагическимъ. Съ перваго раза пьеса кажется смѣшною (особенно въ исполненіи Щепкина и Мартынова), а въ концѣ концовъ зрителю становится грустно и даже „за человѣка страшно". Рѣчь Тихона въ Грозѣ смѣшитъ всѣхъ, но, когда онъ увидѣлъ трупъ своей

жены Катерины, когда зарыдалъ надъ нимъ и захлебывающимся отъ слезъ голосомъ сказалъ матери: Маменька, вы ее погубили, вы, вы, вы", театръ пришелъ въ ужасъ. Тогда всѣ поняли, что правъ древне-греческій философъ Платонъ, сказавшій впервые, что есть тѣсная связь между смѣшнымъ и ужаснымъ, между комикомъ и трагикомъ. Въ комедіи *Бѣдность не порокъ* промотавшійся Любимъ Торцовъ неудержимо смѣшитъ своими выходками, но онъ же повергаетъ насъ въ печальное настроеніе духа, когда заступается за прикащика своего богатаго брата, Митю: всѣмъ становится жаль Любима Торцова, когда онъ падаетъ на колѣни передъ роднымъ своимъ братомъ, не велѣвшимъ пускать его въ домъ, и говоритъ: „Братъ, выдай Любушку за Митю—онъ мнѣ уголъ дастъ. Назябся ужъ я, наголодался. Лѣта мои прошли, тяжело ужъ мнѣ паясничать на морозѣ изъ-за куска хлѣба; хоть подъ старость-то да честно пожить". Знаменитый московскій актеръ Садовскій смѣшилъ до упаду въ началѣ пьесы, но съ той поры, какъ онъ заговорилъ о горькой судьбѣ Любима, онъ трогалъ зрителей до слезъ: 3) Представляя измѣненія въ судьбѣ героевъ, Островскій относился къ нимъ объективно. Онъ, можно сказать, довелъ реальную силу до совершенства. Онъ не старается провести какую-нибудь тенденцію, основать интересъ пьесы на искусно придуманной интригѣ; сюжетъ у него, повидимому, простой, однообразный, будничный, а между тѣмъ передъ глазами зрителя проходитъ потрясающая драма. У него нѣтъ заботы особенно эффектно оканчивать пьесу, такъ что занавѣсъ падаетъ не на какой-нибудь потрясающей картинѣ, а на пустой ничтожной сценѣ. Въ *Своихъ людяхъ* дѣло оканчивается не прощаніемъ Большова съ дѣтьми, а приглашеніемъ на открытіе магазина. Отсутствіе тенденціозности и стремленіе къ реальному изображенію жизни вноситъ въ пьесы Островскаго примирительное начало: какъ бы печально ни

кончилась пьеса, зритель не вынесетъ изъ нея безусловнаго и безотраднаго чувства при мысли, что правда страдаетъ, а зло торжествуетъ, и что жизнь окутана грязной тиной;—напротивъ, онъ убѣждается, что всѣ дѣла человѣческія, со всей ихъ суетой и пошлостью, оказываются ничтожными и сливающимися въ красотѣ Божьяго міра. Такой примирительный взглядъ нерѣдко высказываютъ у Островскаго самые убогіе люди, вродѣ слѣпого Архипа (Грѣхъ да бѣда) и неудачника Корпѣлова, который говоритъ, что жизнь мила не деньгами, а сама по себѣ. 4) Дѣйствующія лица въ комедіяхъ Островскаго раздѣляются на двѣ группы: къ одной принадлежатъ старшіе, богатые, своевольные; къ другой-младшіе, забитые, подневольные. Узломъ драматическаго дѣйствія обыкновенно служитъ женитьба или выходъ замужъ. При этомъ большею частію женихъ такъ называемый „благородный",—молодой промотавшійся дворянинъ, не умѣющій трудиться, или бѣдный чиновникъ, — ищутъ богатыхъ невѣстъ въ семьяхъ купцовъ; богатые старики стремятся жениться на молодыхъ бѣдныхъ дѣвушкахъ. Отсюда происходитъ рядъ забавныхъ сценъ, очень вѣрно рисующихъ нравы замоскворѣчья и провинціальныхъ городовъ. 5) Островскій создалъ новый родъ типовъ. Это—самодуры, которыхъ можно охарактеризовать ихъ же собственнымъ изреченіемъ: „Моему ндраву не препятствуй!". Болѣе выдающіеся самодуры изъ купцовъ: Большовъ, Брусковъ (Въ чужомъ пиру похмѣлье), Дикой, Кабанова (Гроза), Гордѣй Торцовъ (Бѣдность не порокъ). Самодуры изъ дворянъ: Вышневскій (Доходное мѣсто), Усланбекова (Воспитанница), Мурзавецкая (Волки и овцы), Гурмыжская (Лѣсъ) и пр. Вообще въ большинствѣ драмъ Островскаго развиваются предъ нами существенныя измѣненія въ судьбѣ героевъ, при чемъ авторъ не только не смѣется надъ ними, а совсѣмъ отсутствуетъ, и дѣйствующія лица говорятъ и дѣйствуютъ словно помимо его воли, какъ бы они говорили и дѣйствовали

въ самой жизни. Сюжеты большинства его пьесъ отличаются простотою поистинѣ классическою. Въ иной пьесѣ какъ будто совсѣмъ нѣтъ никакого дѣйствія. Не дѣйствіе пьесы разыгрывается, а сама жизнь течетъ на сценѣ—Остановимся на нѣкоторыхъ пьесахъ.

Семейная картина—(1847) самое первое, но одно изъ оконченнѣйшихъ произведеній Островскаго, прошла при появленіи своемъ почти незамѣченною. Еще менѣе замѣчено было новое отвошеніе къ дѣйствительности въ маленькомъ разсказѣ, помѣщенномъ въ „Очеркахъ замоскворѣчья", единственномъ произведеніи, вылившемся у Островскаго не въ драматической формѣ. Съ 1847 по 1855 годъ Островскій написалъ всего только девять произведеній и изъ нихъ только четыре давались на сценѣ. (Свои люди сочтемся, Не въ свои сани не садись, Бѣдность не порокъ, Не такъ живи, какъ хочется), но эти пьесы создали народный театръ, частью создали, частью выдвинули впередъ артистовъ, возбудили общее сочувствіе всѣхъ классовъ общества, измѣнили во многомъ взглядъ его на русскій бытъ, познакомили насъ съ типами, которыхъ существованія мы не подозрѣвали и которые тѣмъ не менѣе несомнѣнно существуютъ, познакомили съ отношеніями въ высшей степени новыми и драматическими, съ многоразличными сторонами русской души, глубокими, трогательными и нѣжными, до которыхъ никто еще не касался (слова Аполлона Григорьева). Въ комедіи *Свои люди* правдиво изображены нравы современнаго автору московскаго купечества. Особенно замѣчательны по художественной отдѣлкѣ плутъ Подхалюзинъ, обманывающій тестя, сваху, стряпчаго, и Липочка, дочь Большова, вкусившая вершковъ образованія въ пансіонѣ, ничего не находящая въ жизни выше танцевъ и относящаяся къ страданіямъ отца съ наглою жестокостію. Въ двухъ лучшихъ комедіяхъ: *Не въ свои сани не садись* и *Бѣдность не порокъ* сопоставлены такъ называемые „благородные"

образованные люди съ людьми, живущими по старинѣ. Представителемъ „образованія“ въ первой пьесѣ является отставной артиллеристъ Вихоревъ. Это—полное ничтожество сравнительно съ здоровымъ умомъ, честностью, добрымъ сердцемъ простого купца Русакова. Во второй пьесѣ такимъ лицомъ является богатый купецъ Гордѣй Карпычъ Торцовъ. Онъ хочетъ жить по благородному. Въ простую купеческую семью это стремленіе вноситъ только разладъ, горе и несчастіе. Гордѣй Карпычъ нашелъ подъ стать себѣ, въ женихѣ для своей дочери, стараго вдовца, московскаго фабриканта Коршунова, который ревностью вогналъ въ гробъ первую свою жену, обобралъ и пустилъ по міру Любима, брата Гордѣева. Состоялась бы эта свадьба, если бы не разстроилъ ея Любимъ Торцовъ. Пьеса „Бѣдная Невѣста“ изображаетъ тихую, незамѣтную жизненную трагедію; тутъ прекрасная, цвѣтущая молодая жизнь принесена въ жертву господства экономическихъ разсчетовъ. Несчастная невѣста понимаетъ всю тяжесть своего положенія. Ей приходится выносить съ одной стороны—неустанные попреки матери, съ другой—позорныя сцены подыскиваній жениха старымъ стряпчимъ, другомъ ея семейства, коллежскимъ секретаремъ Беневоленскимъ, и свахами, ходящими „по дворянству“ и „по купечеству“. Написанная въ 1855 году драма *Не такъ живи, какъ хочется* заимствована изъ народной жизни XVIII столѣтія. Дѣло происходитъ на масляницѣ и зрителя поражаетъ контрастъ между необузданнымъ разгуломъ и драмою въ семействѣ Петра Ильича (отсюда взятъ сюжетъ очень популярной оперы Сѣрова *Вражья сила*). Драма *Гроза* одна изъ лучшихъ пьесъ Островскаго. Здѣсь самодурство является въ лицѣ женщины—вдовы Кабанихи. Сама въ свое время испытавшая весь гнетъ, всю тяжесть подневольнаго положенія по отношенію къ своему мужу, она теперь рѣшительно подавляетъ собою всю семью. Отъ ея грубаго, сварливаго нрава

терпятъ положительно всѣ: и ея сынъ Тихонъ, и дочь Варвара, и невѣстка Катерина. Тихонъ—существо вообще безхарактерное, хотя правдивое и въ глубинѣ души благородное, совершенно забитъ авторитетомъ матери. Понятно, что отсюда выходитъ: Тихонъ только и мечтаетъ о томъ, чтобы вырваться, подъ предлогомъ дѣлъ, изъ дому и, въ эти блаженные моменты свободы, предается безпросыпному разгулу и пьянству, желая забыть свою семью и свое жалкое приниженное положеніе въ ней. Варвара готова прогулять и вечеръ и ночь и дѣйствительно прогуливаетъ, когда ей удается обманомъ усыпить бдительность матери, и совѣсть ея спокойна предъ всѣми этими продѣлками. Гораздо несчастнѣе ихъ жена Тихона Катерина, и источникомъ ея несчастія является ея глубокая, идеальная, любящая натура, которая тѣмъ съ большей силой чувствуетъ всякій малѣйшій гнетъ, всякое принужденіе.

Какъ Тургеневъ и Левъ Толстой, Островскій не брался за рѣшеніе женскаго вопроса, ограничиваясь правдивымъ, типичнымъ изображеніемъ русскихъ женщинъ, заботясь только, чтобы онѣ были вполнѣ реальны. Въ его произведеніяхъ предъ нами является цѣлый рядъ женщинъ разныхъ положеній и возрастовъ. Ихъ можно раздѣлить на двѣ группы: однѣ, владѣя готовыми „бѣшеными деньгами“, гордятся этимъ, презираютъ тружениковъ, самодурствуютъ. Переходъ отъ этихъ несимпатичныхъ женщинъ къ лучшимъ составляютъ тѣ, въ которыхъ, при всей ихъ суетности и тщеславіи, сохранилось сердце, способное любить. Увлекшись этимъ стремленіемъ и не слушая голоса разсудка, онѣ испытываютъ самую печальную судьбу, напримѣръ Вышневская (Доходное мѣсто), Лариса Огудалова (Безприданница), Болесова (Богатыя невѣсты). Типы лучшихъ женщинъ разнообразнѣе, и Остр. изображаетъ ихъ тщательнѣе, съ самыми мелкими чертами. Однѣ изъ нихъ самыя простыя, но кроткія и любящія

русскія дѣвушки, мечтающія о семейномъ счастіи. И въ самомъ дѣлѣ, изъ нихъ выйдутъ хорошія хозяйки и матери, но, конечно, при благопріятныхъ условіяхъ, особенно при матеріальныхъ средствахъ. Но и потерпѣвъ неудачу, онѣ имѣютъ достаточно силъ подчиниться своему долгу, покориться судьбѣ, напримѣръ Любовь Гордѣева (Бѣдность не порокъ). Такова же и Катерина въ Грозѣ. Наконецъ къ высшему разряду относятся тѣ женщины, у которыхъ преобладающимъ качествомъ является самопожертвованіе. Онѣ вовсе не имѣютъ вида какихъ-нибудь величественныхъ героинь, совершающихъ громкіе и красивые подвиги. Онѣ, повидимому, простыя, скромныя, иногда застѣнчивыя, робкія, но онѣ готовы пожертвовать всѣмъ для счастія своихъ и чужихъ. Такова напримѣръ Марья Андреевна Незабудкина (Бѣдная невѣста). Она полюбила бѣднаго чиновника Мерича, но потомъ, разочаровавшись въ немъ, вышла замужъ за противнаго Беневоленскаго, спасая свою мать отъ грозящаго ей разоренія. Но принеся такую жертву, она не пришла въ отчаяніе, а покорилась принятому на себя долгу. Такова же наконецъ и Лиза въ драмѣ *Пучина*, прокармливающая всю свою семью неусыпнымъ и неблагодарнымъ трудомъ; и она не является предъ нами какимъ-то совершенствомъ, а представлена со всѣми тѣми искушеніями, какія преслѣдуютъ на каждомъ шагу труженицу, пригвожденную къ швейной машинѣ.—Когда пьесы Островскаго съ такими женскими личностями представлялись на сценѣ, женскія роли удачнѣе другихъ исполнялись Ермоловой, Ѳедотовой, Стрепетовой и Савиной. Лучшее сочиненіе, гдѣ подробно разсмотрѣны бытовыя пьесы Островскаго, есть обширная критическая статья Добролюбова подъ названіемъ *Темное царство*.

Драматическому талантому Островскаго принадлежитъ нѣсколько историческихъ хроникъ, напоминающихъ Шекспира и Пушкина. Знаменитая пьеса Пуш-

кина была плодомъ геніальнаго прозрѣнія въ народную жизнь, а драмы его преемниковъ—результатомъ удачныхъ догадокъ, перемѣшанныхъ съ мечтательными представленіями. Историческая драма шестидесятыхъ годовъ явилась результатомъ ученыхъ изслѣдованій, выраженныхъ въ драмѣ поэтически. Важнѣйшія хроники Островскаго суть: Козьма Захарьичъ Мининъ-Сухорукъ, Воевода или сонъ на Волгѣ, Дмитрій самозванецъ и Василій Шуйскій, Тушино. Здѣсь мы видимъ историческую правду, глубокое пониманіе духа времени, знаніе русской народности, любовь къ исторіи своей родины. Въ хроникѣ *Козьма Мининъ* авторъ имѣлъ въ виду изобразить явленіе, получившее въ народномъ сознаніи характеръ святого дѣла, патріотическаго подвига. Кромѣ собственно историческаго преданія, хроника изображаетъ семейныя и общественныя понятія древней Руси, возведенныя на степень идеаловъ, вмѣстѣ съ поэтическимъ изображеніемъ тѣхъ нравственныхъ силъ, которыя проявляются въ жизни эпохи въ моменты высшаго ея напряженія. Изъ всѣхъ этихъ пьесъ, по разнообразію содержанія, на первое мѣсто слѣдуетъ поставить Воеводу. Тутъ мы видимъ духовенство въ лицѣ пустынника, бояръ въ лицѣ Большова и другихъ, судъ въ лицѣ думныхъ бояръ и дьяковъ, теремъ боярыни съ его косящетыми оконцами, мамками и сѣнными дѣвушками,—кудесниковъ, каликъ перехожихъ и разбойниковъ, разъѣзжающихъ по Волгѣ, чтобы защищать слабаго отъ сильнаго. Много разнообразныхъ картинъ. Съ одной стороны—теремъ, наводящій тоску, несмотря на пѣсни, сказки, угощенье, а съ другой Волга съ ея широкимъ просторомъ—съ одной стороны кремлевскія московскія святыни, а съ другой —захолустье Россіи, потонувшее во всяческой бѣдѣ. Это разнообразіе содержанія, объясняемое намѣреніемъ автора изобразить старинный бытъ, сообщаетъ пьесѣ утомительную растянутость, особенно на сценѣ.

§ 112. Графъ А. К. Толстой написалъ трилогію, упомянутую выше. Первая ея часть — Смерть Іоанна Грознаго, Іоаннъ Грозный, чувствуя приближеніе смерти, велитъ боярской думѣ избрать ему преемника. Хитрый Годуновъ убѣждаетъ бояръ просить Іоанна остаться на престолѣ. Царь соглашается, но, успокоившись отъ мрачныхъ думъ, онъ приходитъ къ мысли развестись съ нынѣшней супругой и жениться на племянницѣ англійской королевы. Такимъ образомъ честолюбивому плану Годунова угрожаетъ неудача. Тогда онъ подговариваетъ Битяговскаго волновать народъ, а кудесники въ то же время предсказываютъ царю смерть. Когда назначенный ими день смерти наступилъ, Годуновъ нарочно приводитъ Іоанна въ гнѣвъ,—и взволнованный царь умираетъ. Сюжетъ драмы основанъ на суевѣріи, но подробности —на описаніи послѣднихъ дней царя, сдѣланномъ Горсеемъ. Нельзя сказать, чтобы характеры царя и остальныхъ лицъ были особенно рельефны, но сюжетъ драматиченъ и много въ немъ сценическихъ эффектовъ.— Трагедію Царь Борисъ можно назвать лучшею. Въ ней рѣзко противоположны двѣ картины: торжество Бориса, вступившаго на престолъ; это — картина свѣтлая: Борисъ радостный, самоувѣренный, добрый, великодушный; онъ величественно принимаетъ пословъ; предъ нами трогательная любовь его къ Ксеніи, свѣтлыя мечты о будущемъ счастіи, о будущемъ просвѣщеніи Руси, о сближеніи съ Западомъ. А вотъ картины мрачныя: смуты бояръ, которые, завидуя счастію Годунова и сами помышляя о престолѣ, пользуются темнымъ углицкимъ дѣломъ и выставляютъ самозванца; распространяется слухъ, что царевичъ Дмитрій живъ и идетъ на царство; смута овладѣваетъ умами; города одинъ за другимъ передаются самозванцу; воеводы терпятъ пораженіе за пораженіемъ. Тревожныя обстоятельства отражаются и на Борисѣ: онъ мраченъ, подозрителенъ,

золъ, жестокъ; доносамъ, пыткамъ, казнямъ нѣтъ числа; семейные не узнаютъ его; Ѳедоръ и Ксенія напрасно взываютъ къ лучшимъ его чувствамъ. Мысль о совершенномъ беззаконіи не покидаетъ его совѣсти, душевныя страданія, душевный разладъ неумолимо преслѣдуютъ его и мѣшаютъ возможности твердо и неуклонно вести русскій народъ къ поставленной Борисомъ цѣли,—чтобы въ его царствованіе не было ни одного несчастнаго. Жертвою этого разлада онъ и погибаетъ. Замыселъ трагедіи прекрасный, обрисовка нѣкоторыхъ характеровъ, преимущественно второстепенныхъ, художественна, есть сцены превосходныя. Пьеса не уступаетъ Борису Годунову Пушкина. Много вредитъ трагедіи графа Толстого риторика, щедрою рукою разсыпаемая авторомъ по его произведенію.

Изъ этой же эпохи взято А. Толстымъ содержаніе исторической повѣсти *Князь Серебряный*. Сюжетъ ея слѣдующій. Царь Іоаннъ Грозный учреждаетъ опричину съ Малютой Скуратовымъ во главѣ. Недовольный ея своенравными поступками, Князь Серебряный, только что возвратившійся изъ Литвы, смѣло вооружается на нее и даже самому царю выражаетъ свое негодованіе. Серебрянаго поддерживаютъ Борисъ Годуновъ и Максимъ Скуратовъ, сынъ Малюты. Настоянія ревнителя правды имѣли успѣхъ. Въ первой части повѣсти описывается въ живыхъ картинахъ царская охота, бытъ „станичниковъ“ (опальныхъ разбойниковъ, заклятыхъ враговъ опричины), и выведена личность извѣстнаго Ѳедора Басманова. Трогателенъ эпизодъ побѣга и смерти Максима Скуратова. Въ послѣдней части представлена страшная казнь кн. Вяземскаго, Басмановыхъ, Морозова и другихъ, а также посольство Ермака по поводу покоренія Сибири. Повѣсть отличается добросовѣстнымъ изученіемъ эпохи и художественнымъ изложеніемъ событій.

§ 113. Въ одно время съ историческими драмами Островскаго, появились драмы Аверкіева (ум. 1905 г.): Каширская старина, Свобода Неволя, Фролъ Скобѣевъ. Достоинства драмъ Аверкіева—знаніе эпохи, серьезность замысла, глубина психологическаго анализа. Недостатки: растянутость стиха, многословіе, соединеніе грубаго тона, соотвѣтствующаго эпохѣ, съ педантизмомъ и напыщенностью. Наибольшій успѣхъ имѣла драма Каширская старина.—Заслуживаетъ еще вниманія пьеса Чаева „Димитрій Самозванецъ".

Г. Остальные выдающіеся писатели 40—70 годовъ.

§ 114. Произведенія только что разсмотрѣнныхъ крупныхъ писателей показываютъ, что, подъ разными вліяніями, отечественными и иноземными, литература наша въ 40—70 годахъ достигла самобытности и прочно поставила свою нравственно—общественную задачу. Это было уже не одно отвлеченное служеніе искусству, но въ особенности изученіе русской жизни, и съ этимъ вмѣстѣ стремленіе къ общественному и народному самосознанію. Изъ разнообразныхъ предметовъ, которые давали матеріалъ для романа, повѣсти и драмы, въ 40-хъ годахъ выдѣлились отношеніе къ угнетенному положенію крестьянства и только что возникшій женскій вопросъ (оба подъ сильнымъ вліяніемъ романовъ Жоржъ Зандъ). Первоклассные писатели многое сдѣлали для разъясненія этихъ сторонъ русской жизни. Къ нимъ примкнули и другіе съ меньшимъ, конечно, талантомъ, но на столько же образованные и несомнѣнно оказавшіе вліяніе на современное общество.

§ 115. Школа Славянофиловъ пробудила интересъ къ изученію народнаго быта, словесности и языка. Но еще до ихъ вліянія, изъ беллетристовъ, относящихся къ прежнему времени, значительною популярностью пользовался необыкновенный знатокъ народнаго

быта, поэзіи и языка, В. И. Даль (1801—1872), писавшій подъ псевдонимомъ Казака Луганскаго (онъ былъ нѣкоторое время лѣкаремъ въ луганскомъ заводѣ). Капитальную заслугу его составляютъ Сборникъ пословицъ, а еще большую — Толковый словарь живого Великорусскаго языка. Но разсказы его изъ простонароднаго и отчасти солдатскаго быта читались охотно. Лучшіе изъ нихъ *Булгары*, *Цыганка* и *Мичманъ Поцѣлуевъ*. Ему же принадлежатъ Физіологическіе очерки— *Водовозъ*, *Денщикъ*, *Чухонцы*, *Дворникъ*, *Колбасники* — *Бородачи*. Всѣ они отличаются правдивостью и наблюдательвостью.

§ 116. Изъ новыхъ писателей первое послѣ Тургенева мѣсто въ изображеніи крестьянскаго быта принадлежитъ, безъ сомнѣнія, Д. В. Григоровичу (1822—1899). Онъ происходилъ изъ дворянъ Симбирской губерніи, учился сначала дома, потомъ въ Москвѣ въ пансіонѣ, и наконецъ въ Военномъ Инженерномъ училищѣ, вмѣстѣ съ Достоевскимъ; имѣлъ страсть къ живописи, въ ней былъ знатокъ и долго состоялъ секретаремъ Общества поощренія художниковъ. Изъ повѣстей и разсказовъ, касающихся крестьянскаго быта, къ 40-мъ годамъ относятся: *Пахарь*, *Деревня*, *Антонъ Горемыка*, *Рыбаки* и *Переселенцы*. *Пахарь* скорѣе физіологическій очеркъ, нежели повѣсть. Здѣсь уже виденъ взглядъ Гр. на земледѣльческій бытъ. По его убѣжденію, только въ этомъ быту крестьянинъ можетъ сохранить свои прекрасныя качества: кротость, чистоту нравовъ, благочестіе, любовь къ порядку, разсчетливость, между тѣмъ какъ бытъ промышленный (особенно жизнь фабричная) только портитъ нравы простого народа. *Деревня* изображаетъ оборотную сторону медали. Здѣсь же мы видимъ прототипы дѣйствующихъ лицъ послѣдующихъ очерковъ: барина, торгаша и фабричнаго гуляки. —Повѣсть *Антонъ Горемыка* доставила автору громкую извѣстность; успѣхъ произведенія рав-

нялся успѣху романа Бичеръ-Стоу—Хижина дяди Тома. Герой повѣсти, измученный и забитый крестьянинъ, находится въ безвыходномъ положеніи подъ давленіемъ крѣпостного права. Кромѣ картинъ крестьянскаго быта и описаній природы, самый разсказъ весьма занимателенъ. Эти внѣшнія достоинства изложенія не выкупаютъ недостатка внутренняго: драматизмъ положенія Антона значительно ослабѣваетъ отъ двухъ обстоятельствъ: 1, Антонъ—существо забитое, слабое и къ борьбѣ не способное; 2, причина его несчастій не въ крѣпостномъ правѣ, а въ жестокомъ, немилосердомъ управляющемъ Никитѣ Федорычѣ (сами господа въ помѣстьѣ не живутъ). — Столь же популярна была въ свое время повѣсть *Рыбаки*. Здѣсь изображаются двѣ стороны крестьянской жизни: рыбачья и фабричная, отъ того и двѣ части. Въ первой мы видимъ все, характеризующее Григоровича: и картины природы, и сельскій бытъ, и извѣстные симпатичные типы. Самый художественный изъ нихъ и даже самый лучшій во всѣхъ повѣстяхъ Григоровича, это — рыбакъ Глѣбъ: въ немъ соединено все, что поэтъ нашелъ лучшаго въ рыбачьемъ и земледѣльческомъ быту нашихъ крестьянъ. Въ свое время Глѣба считали лучшимъ представителемъ славянскаго типа. Главный недостатокъ романа—растянутость, происходящая отъ того, что авторъ имѣетъ наклонность надолго останавливаться на излюбленныхъ картинахъ. Другой недостатокъ—несоотвѣтствіе идилліи на озерѣ съ трагическими событіями въ семействѣ Глѣба и сценами въ торговомъ селѣ Комаревѣ. Во второй части описаны темныя стороны фабричной жизни.—Романъ *Переселенцы* самъ авторъ назвалъ длиннымъ. Главное содержаніе его—переселеніе крестьянъ по капризу помѣщика изъ хорошаго, плодороднаго мѣста въ безплодное, въ необработанную глушь Саратовской губерніи. Занимательнаго много: картины природы, этнографическія описанія, много разнообразныхъ

приключеній и лицъ, поставленныхъ драматически и очерченныхъ вѣрно. Кромѣ растянутости, сюжетъ романа страдаетъ отъ несообразности положенія. Съ одной стороны помѣщикъ Бѣлицынъ и жена его-люди добрые, но они не знаютъ крестьянскаго быта; съ другой—крестьянинъ Лапша и его семейство — люди жалкіе, но больше по лѣности и вслѣдствіе обидъ со стороны брата — негодяя. Значитъ, переселеніе было необходимо тѣмъ болѣе, что въ новомъ мѣстѣ житье оказалось лучше. Очерки Григоровича принесли въ свое время большую пользу, пробудивъ въ образованномъ обществѣ любовь къ крестьянамъ и познакомивъ городского жителя съ ихъ бытомъ. Въ этомъ смыслѣ они полезны и для подростающаго поколѣнія.

Повѣсти изъ простонароднаго быта пріобрѣли Григоровичу извѣстность, но онъ увлекался и сатирическимъ направленіемъ. Въ 1845 году онъ напечаталъ въ Сборникѣ Некрасова *Петербургскіе шарманщики* и *Лотерейный балъ*. Тутъ мы видимъ отрицательное отношеніе къ великосвѣтскому обществу, къ чиновничьему быту, и въ то же время сочувствіе къ загнанному и обездоленному среднему классу. Въ разсказѣ *Неудавшаяся жизнь* изображается судьба Андреева, талантливаго художника, которому всѣ предсказывали самую блестящую будущность, но который принужденъ былъ сдѣлаться почтмейстеромъ въ провинціальномъ городишкѣ. Выше подобныхъ разсказовъ тѣ, гдѣ изображаются люди, ничего не дѣлающіе и проживающіе въ столицѣ на остатки прежняго своего богатства, а иногда и на чужой счетъ. Сюда относятся: *Похожденія Накатова*, *Школа гостепріимства*, *Столичные родственники*, *Свистулькинъ*. Изъ произведеній позднѣйшаго времени лучшими можно считать *Гуттаперчевый мальчикъ* (исторія маленькаго акробата) и *Акробаты благотворительности*.

§ 117. Къ сказанному передовыми писателями, Тургеневымъ, Гончаровымъ и пр. о семейномъ и общественномъ положеніи женщины трудно что-нибудь прибавить. Ихъ мысли оказали благотворное вліяніе на читателей, руководившихся до сего времени или суровыми взглядами Домостроя или убѣжденіемъ, что женщина призвана только украшать общество. Новый фазисъ въ женскомъ вопросѣ наступилъ подъ вліяніемъ проникшихъ къ намъ въ 40-хъ годахъ сочиненій, касавшихся политическаго, общественнаго и семейнаго строя, и отчасти романовъ знаменитой защитницы женскихъ правъ, Ж. Зандъ. Она развивала мысль, что женщина должна пользоваться въ обществѣ равными правами съ мужчиной и что слѣд. брачный союзъ, заключенный не по естественному влеченію, а изъ какихъ нибудь разсчетовъ, есть для однихъ преступленіе, а для другихъ—несчастіе. Въ настоящее время никто не сомнѣвается, что взглядъ Ж. Зандъ — слишкомъ односторонній, пристрастный. Она, напр. не берется глубже доискиваться причинъ угнетеннаго положенія женщины, обвиняя главнымъ образомъ грубость и эгоизмъ мужчины; ни историческія причины, ни недостатки воспитанія, ни свойства женскаго сердца не приняты во вниманіе. Но, благодаря распространенности у насъ новыхъ туманныхъ идей и художественности романовъ Ж. Зандъ, взглядъ ея (уже какъ реакція семейнымъ преданіямъ) быстро распространился въ русской публикѣ, и явились произведенія, имъ проникнутыя. Сюда относятся повѣсти Нестроева (псевдонимъ извѣстнаго историка Кудрявцева) *Сбоевъ* и *Безъ разсвѣта* (оба 1847). Болѣе замѣчательна въ художественномъ отношеніи повѣсть Дружинина *Полинька Саксъ* (1849). Въ разсказѣ много теплоты и знанія женскаго сердца. Смѣлые взгляды Ж. З. высказывалъ и шире положеніе женщины разсматривалъ Искандеръ (псевдонимъ писателя Герцена) въ сочиненіяхъ *По поводу одной драмы* и *Кто виноватъ?*

Въ какой степени русское общество увлеклось крайними взглядами Ж. З. и какія изъ этого произошли слѣдствія, это выразилось въ литературѣ 60-хъ годовъ.

III

Эпоха Императора Александра II.

§ 118. Печальная участь, постигшая крупнаго писателя 40-хъ годовъ, Достоевскаго, была не единичнымъ явленіемъ. И другіе весьма даровитые люди, которые впослѣдствіи пріобрѣли законныя права на благодарность русскаго общества, въ 40-хъ годахъ подверглись такой же печальной участи. Въ литературѣ наступило нѣкоторое затишье. Новое и весьма сильное оживленіе началось съ тѣхъ поръ, когда военныя и политическія послѣдствія Севастопольской обороны произвели могущественную перемѣну въ нашей внутренней жизни и когда, рядомъ съ этимъ, къ прежнимъ литературнымъ силамъ присоединились новыя.

17 апр. 1858 года вступилъ на престолъ Александръ II и имъ-то, въ концѣ 50-хъ и въ началѣ 60-хъ годовъ, предприняты были обширныя реформы, отвѣчавшія вѣковымъ нуждамъ русскаго народа. Таковы были освобожденіе крестьянъ, преобразованія судебныя и земскія, нѣкоторое облегченіе внѣшняго положенія печати; таково было наконецъ начало заботъ о народной школѣ. Понятно, что преобразованія, затронувшія весь составъ русской жизни, вызвали столкновеніе противоположныхъ порядковъ вещей и понятій тѣмъ болѣе, что при этомъ невольно пострадали интересы цѣлыхъ слоевъ общества. Серьезно опасались за успѣхъ реформы. Но факты оправдали мудрое правительство. Оно нашло въ представителяхъ общества людей, которые способны были помочь рѣшенію крестьянскаго во-

проса, разработать и исполнить планъ судебной реформы, здраво поставить дѣло земскаго самоуправленія; въ обществѣ нашлись ревностные дѣятели народной школы и т. д. Съ этой знаменитой эпохи прошло полстолѣтія, и исторія Россіи съ благодарностью вспоминаетъ людей, которые благородно, разумно и самоотверженно послужили великому дѣлу.

Писателей 60-хъ годовъ можно раздѣлить на двѣ группы. Одни изображаютъ борьбу новыхъ людей съ отживающимъ строемъ въ культурномъ обществѣ и въ высшихъ сословіяхъ. Такъ какъ идеи, во имя которыхъ ведется борьба, часто не практичны, и у борцовъ недостаетъ безпристрастія, отъ этого страдаетъ правдивость изображенія. Нерѣдко фальшь происходитъ отъ того, что авторы подчинились вліянію знаменитыхъ романовъ Шпильгагена, бывшихъ тогда въ модѣ. И типы изображенные ими, не всегда натуральны, потому что не изъ жизни взяты, а сочинены для воплощенія идеи.—Другіе изъ писателей этого времени, группа народническо-бытовая, подчинились художественному вкусу Щедрина-Салтыкова, писателя 50-хъ годовъ. Онъ ввелъ это направленіе въ художественныя рамки, и подъ его редакціей стала вырабатываться школа писателей, не похожая на беллетристику „Русскаго Слова“, издаваемаго Благосвѣтловымъ, и тѣмъ болѣе журнала „Дѣло“. Въ то же время „Русскій Вѣстникъ“ сталъ пріютомъ крупныхъ художественныхъ силъ старой школы сороковыхъ годовъ. Здѣсь изображались охранители, большею частью принадлежащіе къ очень древнему дворянскому роду, гордые, непреклонно твердые. Всѣ силы своей души они устремляютъ на борьбу съ неправдою и зломъ, на охраненіе коренныхъ основъ религіи, добродѣтели, семьи, собственности.

Подъемъ духа русскаго общества въ эпоху реформъ и общій интересъ къ политическимъ и общественнымъ вопросамъ, создали обширную обличительную

литературу, которую можно назвать публицистическою и тенденціозною. Этого характера не была чужда и литература 40-хъ годовъ, но въ ней мы видимъ больше разнообразія: у писателей и художественные пріемы и психологическій анализъ. У обличителей 60-хъ годовъ общественные вопросы стоятъ на первомъ планѣ, а остальное между прочимъ, но это не мѣшало ихъ успѣху потому что само общество и болѣе даровитые критики смотрѣли на литературу съ точки зрѣнія ея полезности, „утилитарности"... А описывая крестьянскій бытъ они рисуютъ крестьянина, какъ жертву всевозможныхъ притѣсненій и невзгодъ. Кромѣ того эта группа писателей изображаетъ бытъ средняго сословія, изъ котораго они большею частью сами происходятъ. Эти двѣ области представлены правдивѣе и художественнѣе.

§ 119. Во главѣ писателей обличительныхъ первое мѣсто занимаетъ писатель 50-хъ годовъ, воспитанный старой школой литераторовъ, Михаилъ Евграфовичъ Салтыковъ (писавшій подъ фамиліею Щедрина), (1826—1889).

Салтыковъ принадлежалъ къ старинному дворянству Тверской губерніи, учился сначала дома, потомъ въ Московскомъ Дворянскомъ Институтѣ, наконецъ въ Царскосельскомъ Лицеѣ, гдѣ между прочимъ писалъ стихи и про него говорили, что это будетъ второй Пушкинъ. По выходѣ изъ Лицея Салт. служилъ въ военномъ министерствѣ, но службою занимался мало. Въ 1848 году былъ отправленъ въ Вятку, гдѣ и занималъ различныя гражданскія должности. Послѣдній его постъ былъ—постъ вицегубернатора въ Рязани. Литературная извѣстность его началась съ 1856 года, когда онъ сталъ помѣщать въ Р. Вѣстникѣ свои знаменитые *Губернскіе Очерки*. Потомъ онъ вмѣстѣ съ Некрасовымъ издавалъ Современникъ и наконецъ былъ отвѣтственнымъ редакторомъ въ Отечественныхъ Запискахъ до ихъ закрытія въ 1884 году. Какъ на службѣ, такъ и въ журнальной дѣятельности онъ былъ съ виду человѣкъ суровый, иногда рѣзкій, но честный, добрый и отзывчивый на чужое горе.

Безпрерывная литературная дѣятельность Салтыкова началась по возвращеніи его изъ Вятки. Въ

Вяткѣ, гдѣ онъ пробылъ 7 лѣтъ, онъ хорошо изучилъ внутреннюю жизнь Россіи и народъ, и видѣлъ, какъ постепенно распадаются старые порядки. Вынесенныя изъ отдаленной глуши впечатлѣнія онъ изложилъ въ Губернскихъ очеркахъ. Очерки эти имѣютъ сходство съ Гоголевскими картинами провинціальной жизни, но изъ эпохи, болѣе поздней, передреформенной. Изъ выведенныхъ здѣсь типовъ старымъ является только типъ Хлестакова, или точнѣе, Тургеневскаго Гамлета, но подновленнаго современными вліяніями. Въ немъ есть внутреннее содержаніе, взгляды, благія намѣренія, чистоплотность и брезгливость, но онъ умѣетъ только говорить, а къ дѣлу не пригоденъ. А есть Гамлеты и отталкивающіе; они пропитаны желчью, какъ губернскіе мефистофели, иные съ грустью вспоминаютъ прошедшее и жалкими словами протестуютъ противъ настоящаго. Всѣ эти Лузгины, Корепановы, Горехватовы суть видоизмѣненія типа „лишнихъ людей". Они описаны въ очеркѣ *Талантливыя натуры*. Очень популярные въ свое время „Губернскіе очерки" могутъ не понравиться намъ сентиментализмомъ и псевдонароднымъ тономъ причитанья.

Въ слѣдующемъ періодѣ Салтыковъ описываетъ возрожденіе общества послѣ крымской войны. Дѣйствіе происходитъ въ городѣ Глуповѣ. Спокойная жизнь этого болота вдругъ возмущена слухомъ о приготовляющихся реформахъ, и всѣ заговорили, къ чему эти перемѣны? Хорошо было и такъ. Это говорили старые глуповцы и подозрительно посматривали на рисующихся либераловъ. Неожиданный „конфузъ" и недоумѣніе провинціальнаго общества представлены въ *Сатирахъ въ прозѣ*. Прочитавши въ газетахъ о сословномъ антагонизмѣ, старые глуповцы поняли, что имъ предстоитъ борьба съ крестьянами. Ихъ также тревожила новая для нихъ мысль о превосходствѣ вольнонаемнаго труда надъ крѣпостнымъ, о земскомъ самоуправленіи. Испугались нововведеній

и чиновники. Но какъ помѣщиковъ испугало данное имъ право свободнаго почина, такъ и чиновники разсчитывали на награды, если выразятъ сочувствіе преобразованіямъ и либеральному направленію, и вотъ предъ нами новый видъ Хлестакова.—Взглядъ писателя можно счесть пристрастнымъ, суровымъ. Вѣдь кромѣ „конфуза“ было въ русскомъ провинціальномъ обществѣ много серьезнаго, много симпатичнаго. Не даромъ знаменитая фраза „мы еще не созрѣли“, т. е. еще не подготовлены къ благодѣтельнымъ реформамъ, неспособны къ собственной иниціативѣ,—эта фраза вызвала негодующій протестъ.

Наконецъ прошли тревожные 60-е годы, главныя реформы совершились, опустились волны общественнаго движенія, наступило затишье. Но оно было скорѣе видимымъ, внѣшнимъ, а внутри броженіе далеко не прекратилось. Главная реформа, крестьянская, сильно потрясла дворянъ. Имъ, избалованнымъ выгодами крѣпостного права, пришлось изыскивать новыя средства существованія и въ то же время сохранить свое прежнее приличное положеніе. Большинство дворянъ прибѣгли къ самому простому средству: распродали имѣнія или отдали въ аренду, и съ деньгами или выкупными свидѣтельствами отправились въ Петербургъ, надѣясь тамъ жить по прежнему. Эти люди описаны въ *Дневникѣ провинціала въ столицѣ*. А тѣ, которые, оставшись дома, продолжали враждебно относиться къ крестьянской реформѣ и явно или тайно противодѣйствовать ей, описаны въ *Письмахъ изъ провинціи*. Между новыми разновидностями Гамлетовъ, ловчѣе Рудинскаго устраивающихъ свои дѣлишки, у Салтыкова выдаются *Ташкентцы* и *„Помпадуры“*. Ташкентцы „это — классическая страна барановъ, которые всегда готовы къ стрижкѣ, и послѣ этой операціи вновь обростаютъ съ удивительною быстротою. Тутъ не нужно ни чести, ни совѣсти, ни ума, ни наукъ, а хорошо развитый инстинктъ плотояд-

ности". Помпадуры тоже—ташкентцы, которые, получивши поверхностное образованіе, проведя свою молодость въ шумныхъ удовольствіяхъ столицы, не считали для себя обязательнымъ уважать чужія права, образованіе, науку, а только ревниво оберегать свои привилегіи. Занявши въ провинціи высокій постъ, они къ своимъ обязанностямъ относятся равнодушно и только любятъ краснорѣчиво развивать передовыя, прогрессивныя идеи. За очерками Ташкентцы и Помпадуры послѣдовали *Благонамѣренныя рѣчи*. Здѣсь описывается жизнь дворянина въ провинціи. Его никто не тронетъ, если онъ не будетъ „касаться" и только ограничится благоразумными и благонамѣренными рѣчами. Нѣкоторыя мѣста этого очерка изображаютъ жизнь помѣщиковъ въ деревнѣ послѣ эмансипаціи, въ такомъ печальномъ и ужасномъ видѣ, что невольно отнимутъ у читателя всякую охоту жить въ своемъ родномъ Чемезовѣ и день и ночь бороться съ какими—нибудь Деруновыми. По художественной выдержанности въ Благонамѣренныхъ рѣчахъ особенно выдается типъ кузины Машеньки. По самому внѣшнему своему виду совсѣмъ неземная, маленькая, воздушная, едва прикасающаяся къ полу, нѣжно звучащая—она оказывается такою практичною, такою скопидомкою, что, пожалуй, заткнетъ за поясъ и Дерунова и Кабаниху Островскаго. Въ разсказахъ *Дворянская хандра* и *Убѣжище Монрепо* описывается жизнь барина въ деревнѣ. Окруженный и стѣсняемый со всѣхъ сторонъ требованіями становыхъ и захватами разбогатѣвшаго мужика Разуваева, дворянинъ потерялъ возможность приносить пользу и успокаивалъ себя жалобами на этихъ вліятельныхъ сосѣдей.—Неумолимый сатирикъ Щедринъ ничему не давалъ пощады. Въ *Отголоскахъ* онъ между прочимъ строго относится къ нашему добровольческому движенію въ Сербію въ 1876 году и затѣмъ къ открытой войнѣ за освобожденіе славянъ. Толпа, по его сужденію: „мечется и плещетъ руками", находясь

„подъ тяготѣніемъ могущественнаго инстинкта, который даетъ ей силу нѣчто совершить". Иронія сатирика едва ли здѣсь была умѣстна.

Въ концѣ 70-хъ годовъ сила таланта Салтыкова проявилась весьма ярко въ замѣчательной эпопеѣ помѣщичьей жизни подъ названіемъ *Господа Головлевы*. Многое здѣсь вѣроятно навѣяно дѣтскими воспоминаніями, въ которыхъ сохранились тяжелыя картины стараго дворянскаго гнѣзда, гдѣ вся атмосфера была насыщена крѣпостнымъ правомъ: имъ опредѣлялись всѣ отношенія домашнихъ, къ нему стекались всѣ помыслы, всѣ чаянія, всѣ опасенія людей, охваченныхъ этой крѣпостной системой. Романъ есть исторія дворянской семьи, довольно зажиточной, которая, вмѣсто того, чтобы служить однимъ изъ твердыхъ камней въ основахъ государственнаго зданія, назначена только внутренно подгнивать и распадаться. Ее поддерживаетъ только мать семейства Арина Петровна, которая, благодаря уму и личной энергіи, довела уровень благосостоянія семьи до высшей степени, но она никому не передала своихъ хорошихъ качествъ. Главный ея недостатокъ,—отсутствіе любви и вслѣдствіе этого суровое отношеніе къ семьѣ и стѣсненіе личной свободы. Авторъ подробно описываетъ жизнь каждаго члена семьи, какъ они постепенно дичали и разрушались. На этомъ крупномъ произведеніи самымъ прочнымъ образомъ опирается литературная слава писателя.

Произведенія Салтыкова, написанныя въ 80 годахъ, по содержанію и характеру вполнѣ соотвѣтствуютъ эпохѣ, когда послѣ періода реформъ наступило время затишья. Сатира Салтыкова принимаетъ тонъ величаво-эпическій, соединяясь или съ глубокою скорбью или съ восторженнымъ паѳосомъ. Главное здѣсь—*Сказки*. Однѣ изъ нихъ суть разсказы, взятые изъ жизни, напр.: Игрушечнаго дѣла люди", „Недреманное око", „Деревенскій пожаръ". Другія можно отнести къ животному эпосу,

третьи напр.: „Христова ночь“, и „Рождественская сказка“—имѣютъ религіозный характеръ. Очевидно суровый обличитель сохранилъ религіозныя убѣжденія и вѣруетъ, что въ жизни человѣка есть интересы повыше борьбы изъ-за куска хлѣба. Въ „Рождественской сказкѣ“ выраженъ правильный взглядъ на Евангеліе, не похожій на то, какъ Божественную Книгу толкуетъ гр. Толстой.

§ 120. Крупнымъ представителемъ натуральной школы, суровымъ обличителемъ пошлости, „которой не зрятъ равнодушныя очи“, можно считать Алексѣя Ѳеофилактовича Писемскаго (1820—1881).

Писемскій былъ сынъ небогатаго дворянина Костромской губерніи. Отецъ его былъ суровый кавказскій маіоръ. Мать умѣла его сдерживать и правильно воспитывать дѣтей. Мальчикъ учился сначала въ Костромской гимназіи, гдѣ читалъ иностранные романы въ русскомъ переводѣ, потомъ поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ между прочимъ обнаружилъ въ себѣ способности артиста; особенно удачно онъ исполнялъ роль Подколесина въ Женитьбѣ Гоголя. Окончивши курсъ, П. служилъ въ разныхъ должностяхъ, и наконецъ въ 1874 году вышелъ въ отставку Врожденная нелюдимость, скромная карьера и часто недостатокъ средствъ дѣлали его угрюмымъ. Только семейная жизнь успокаивала его, потому что жена (изображенная въ лицѣ Евпраксіи во „Взбаламученномъ морѣ“) не только освободила его отъ заботъ по хозяйству и воспитанію дѣтей, но и старалась не мѣшаться въ его духовную жизнь, исполненную капризовъ и порывовъ. Послѣдніе годы своей жизни онъ провелъ въ Москвѣ, гдѣ вполнѣ обезпеченный, жилъ въ собственномъ домѣ, но расположеніе духа оставалось печальнымъ, между прочимъ отъ семейныхъ невзгодъ (у него умерло два взрослыхъ сына).

Писемскій былъ писатель чрезвычайно плодовитый. Онъ написалъ около 10 романовъ, десять драм. пьесъ, нѣсколько повѣстей и очерковъ. Изъ произведеній, касающихся русскаго общества, важнѣйшія—Боярщина (1847), Тюфякъ (1850), Тысяча душъ (1856), Старческій грѣхъ (1856), Взбаламученное море (1862), Люди сороковыхъ годовъ (1869), Масоны (1878); драматическія: Ипохондрикъ, Раздѣлъ, Ваалъ. Произведенія, изобра-

жающія крестьянскій бытъ: очерки Питерщикъ, Лѣшій и Плотничья артель (всѣ изданы въ 1856 году) и драма Горькая судьбина (1856).

У Писемскаго мы вовсе не находимъ ни тонкаго психологическаго анализа, какъ у Гончарова и особенно у Достоевскаго, ни художественныхъ описаній, какъ у Тургенева и Толстого; у него на первомъ планѣ подробный разсказъ интересныхъ приключеній въ непрерывной связи причинъ и слѣдствій, съ рѣзкою смѣною дѣйствующихъ лицъ. Писемскій очень близокъ къ Гоголю. Если главную тему Гоголя составляли пошлость и грязь нашей жизни, то Писемскій продолжалъ разрабатывать ту же тему, пользуясь бо́льшимъ просторомъ, предоставленнымъ литературѣ 60—70 годовъ. Онъ выдвигалъ предъ нами цѣлый рядъ гоголевскихъ личностей не изъ мелкихъ провинціальныхъ дворянъ и чиновниковъ, но изъ лицъ, стоящихъ на высокихъ общественныхъ ступеняхъ провинціальнаго и столичнаго большого свѣта.

Остановимся на важнѣйшихъ произведеніяхъ.

Герой повѣсти *Тюфякъ*,—Бешметовъ, своею безхарактерностью нѣсколько напоминаетъ гоголевскаго Подколесина. Хотя онъ—человѣкъ развитой, съ университетскимъ образованіемъ, но легко склоняется на торговую сдѣлку, придуманную разорившимся отцомъ невѣсты и поддерживаемую разными провинціальными барышнями. Весьма яркую картину провинціальныхъ нравовъ представляетъ важнѣйшее сочиненіе Писемскаго изъ перваго періода его литературной дѣятельности—романъ *Тысяча душъ*. Здѣсь излагается исторія Калиновича, который сначала былъ штатнымъ смотрителемъ уѣзднаго училища въ Эн—скѣ, потомъ разными правдами и неправдами разбогатѣлъ и возвысился до званія вице-губернатора въ томъ же городѣ; далѣе смѣлымъ и открытымъ преслѣдованіемъ разныхъ злоупотребленій отмстилъ людямъ, мѣшавшимъ его возвышенію, но наконецъ самъ

сдѣлался жертвою интригъ со стороны губернскихъ властей. Кромѣ главнаго содержанія романа, исполненнаго драматическаго движенія, ему придаютъ занимательность картины провинціальнаго быта, хорошо знакомаго автору. Такова напр. мирная картина отжившей старины въ уѣздномъ городѣ, и въ этой обстановкѣ вполнѣ свѣтлою личностью является старикъ Годневъ, прежній смотритель училищъ. Интересна картина сельскаго праздника, въ деревнѣ князя Ивана, и дома генеральши, гдѣ все прилично и важно снаружи, и гдѣ внутри одинъ порокъ, скаредность, ненормальныя отношенія между людьми. Лучшую часть романа составляетъ описаніе служебной дѣятельности Калиновича въ высшихъ должностяхъ въ провинціи. Кромѣ внѣшней стороны изображаемой жизни важна и та нравственная задача, которую поставилъ для себя авторъ — изобразить страсть къ деньгамъ, къ комфорту, къ значенію и блестящему положенію въ свѣтѣ. Эта страсть и олицетворена въ Калиновичѣ. Но въ немъ есть и другая крупная черта, онъ—энергичный представитель честнаго поколѣнія чиновниковъ, выступившихъ на борьбу съ добродушнымъ и невѣжественнымъ взяточничествомъ. Соединеніе этихъ свойствъ въ одномъ лицѣ объясняется реализмомъ автора: онъ не имѣлъ въ виду изобразить героя добродѣтели, а просто—современнаго человѣка со всѣми его достоинствами и недостатками. Въ соотвѣтствіе Калиновичу выведенъ Бѣлавинъ, богачъ, аристократъ по рожденію, человѣкъ съ свѣтлымъ и образованнымъ умомъ, съ тонкимъ художественнымъ тактомъ, но нѣсколько лѣнивый, не принимающій живого и дѣятельнаго участія въ добрѣ и злѣ, которыя въ жизни борются между собою. Но онъ сохранилъ нравственную чистоту и этою чертою рѣзко отличается отъ Калиновича.

Важнѣйшій романъ второго періода есть *Взбаламученное море*. Онъ написанъ тогда, когда окончательно выяснился типъ новыхъ людей — отрицателей (нигили-

стовъ), которыхъ первымъ представителемъ былъ Базаровъ. Писемскій, по обыкновенію, изображалъ ихъ крупными и рѣзкими чертами, не анализируя ихъ душевнаго міра, но рисуя своихъ героевъ въ разныхъ комическихъ или отталкивающихъ положеніяхъ. Главное лицо—Баклановъ, одинъ изъ вѣрнѣйшихъ типовъ литературы того времени, выросшій на нашей почвѣ, имѣющій отцовъ и дѣдовъ. На Бакланова походитъ Ленева, которая, умѣя пользоваться обстоятельствами, разбогатѣла, а потомъ роскошною жизнью опять все растратила. Другую картину представляетъ семейство Басардиныхъ, гдѣ являются разрушающимися коренныя начала семейной жизни. Въ то время, когда Баклановы, Леневы, Басардины, наслаждались жизнью, играли роль, внутри нашего общества началось сильное броженіе, поднялись вопросы административные, педагогическіе. Но Писемскій отнесся отрицательно и къ этому повороту, не придавая ему значенія. Такъ же онъ отнесся и къ гласности и къ женскому вопросу и даже къ тому обстоятельству, что эти и другіе общественные вопросы заинтересовали всю массу русскаго общества. Послѣ Взбаламученнаго моря П. написалъ еще 4 большихъ романа, которые впрочемъ мало прибавили къ его литературной славѣ. Въ романѣ *Люди сороковыхъ годовъ* авторъ затрагиваетъ крестьянскій вопросъ; *Мѣщане*—изображаютъ только что народившееся въ русскомъ обществѣ явленіе—достаточно окрѣпшаго русскаго буржуа.

Драматическое изображеніе современнаго общества представляютъ пьесы *Ипохондрикъ*, *Раздѣлъ* и *Ваалъ*. Тутъ реализмъ полный. Дѣйствующія лица какъ будто списаны съ натуры, но они чужды типичности, драматизма мало, но сценичности достаточно. Лучшая пьеса *Ваалъ*.

Преслѣдуя безпощадной сатирой разныхъ, вовсе не идеальныхъ мужчинъ, Писемскій тѣмъ съ бо́льшимъ сочувствіемъ относится къ женщинамъ, которыхъ съ этими личностями соединила судьба. Отношенія автора

къ нимъ въ высшей степени гуманны: всепрощеніе доведено въ нихъ до послѣднихъ предѣловъ. Отъ этого и изложеніе согрѣвается такимъ искреннимъ и глубокимъ чувствомъ, какое на первый взглядъ трудно было бы предположить въ этомъ безпощадномъ реалистѣ.

Изображеніе крестьянскаго быта находимъ въ повѣстяхъ *Плотничья артель* (1855). *Пытерщикъ*, *Лѣшій* и въ драмѣ *Горькая судьбина* (1859). Въ первой много картинъ быта и прекрасный портретъ человѣка—плотника Петра. Главная цѣль драмы Горькая судьбина—показать, что сознаніе поруганной чести вызываетъ изъ души человѣка всѣ ея силы къ защитѣ естественныхъ правъ безъ различія гражданскихъ сословій. Пьеса полна драматизма и впечатлѣніе производитъ тяжелое. Къ недостаткамъ относятся невыдержанность характеровъ и вычурность простонароднаго языка.

Многіе и другіе романисты пытались въ поэтическихъ картинахъ раскрывать смыслъ движенія шестидесятыхъ годовъ и всѣхъ его теченій, свѣтлыхъ и темныхъ, но это имъ большею частью не удавалось, хотя ихъ изображенія могутъ быть названы фотографически точными снимками съ разныхъ нигилистовъ. Сюда относятся первые романы Лѣскова (Некуда, На ножахъ). Его этнографическіе очерки гораздо важнѣе; Авенаріуса: Повѣтріе, Бродячія силы; впослѣдствіи и его имя пріобрѣло большее значеніе, особенно благодаря „Книгѣ былинъ", дѣтскимъ разсказамъ и литературнымъ воспоминаніямъ. Гораздо художественнѣе и правдивѣе изображено движеніе 60-хъ годовъ въ романѣ Клюшникова—Марево, вышедщемъ въ 1864 году. Тутъ описывается польское возстаніе, къ которому отнеслись сочувственно многіе русскіе мечтатели, видѣвшіе дома только гнетъ, а въ польскомъ возстаніи—свободу, поэзію. Изображая это сложное явленіе, авторъ нигдѣ не впалъ въ каррикатуру, остался художникомъ. Особенно замѣчательны сцены въ замкѣ крупнаго магната, лагерь повстанцевъ

въ лѣсу, набѣгъ ихъ на помѣщичью усадьбу. Герой романа Русановъ нѣсколько безцвѣтенъ. Это простой добрый и честный малый съ большимъ здравымъ смысломъ. Но образъ героини—Инны, одинъ изъ удачнѣйшихъ женскихъ силуэтовъ въ художественной литературѣ эпохи. Она—лицо положительное, занимается ботаникой, романовъ не читаетъ, кромѣ развѣ Диккенса, и то на сонъ грядущій. Превосходно описаны гимназистъ Коля и польскій патріотъ графъ Бронскій.

§ 121. Изъ лириковъ славной эпохи 60-хъ годовъ самымъ популярнымъ былъ Некрасовъ (1821—1877), съ одной стороны сатирикъ, „обличитель толпы", съ другой „печальникъ горя народнаго".

Некрасовъ былъ сынъ небогатаго помѣщика Ярославской губерніи, учился сначала въ мѣстной гимназіи, потомъ въ Петербургскомъ университетѣ, курса не окончилъ. Оставленный отцомъ почти безъ всякой помощи, бѣдствовалъ, нерѣдко ночевалъ съ нищими въ ночлежныхъ домахъ и даже подъ открытымъ небомъ; содержалъ себя писаньемъ прошеній и мелкихъ статей въ журналахъ. Когда Бѣлинскій въ 1840 г. прочиталъ его стихотвореніе *Въ дорогѣ*, онъ пригласилъ Некрасова участвовать въ Отеч. Запискахъ. Извѣстность его началась съ 60-хъ годовъ, когда вышло полное собраніе его стихотвореній. Съ 1847 по 1855 г. Некрасовъ издавалъ Современникъ, съ 1866 по 1877—Отечествен. Записки. Перенесенныя имъ въ юности невзгоды отразились и на его здоровьѣ и на душевномъ настроеніи, придавъ его творчеству отрицательный, негодующій характеръ. Какъ Тургеневъ, Некр. страстно любилъ охоту и лѣто проводилъ въ деревнѣ. Умеръ послѣ продолжительнаго недуга и похороненъ при огромномъ стеченіи народа въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Предметомъ сатирическихъ стихотвореній Некрасова служили отрицательныя стороны современной поэту жизни, напр. злоупотребленія крѣпостнымъ правомъ (Въ дорогѣ, Огородникъ, Забытая деревня, У параднаго подъѣзда), лихоимство чиновниковъ (Современная ода), жизнь не по средствамъ (Маша), обиды рабочихъ отъ строителей и подрядчиковъ, оторванность высшаго

сословія отъ народа, лѣнь, обломовщина, любовь къ фразѣ, разладъ слова съ дѣломъ. Всѣ хорошо помнятъ слова, сказанныя Некрасовымъ про героя поэмы „Саша“: „По свѣту рыщетъ, Дѣла себѣ исполинскаго ищетъ“. Эти обличительныя стихотворенія скоро пріобрѣтали популярность, потому что отвѣчали духу времени. Напр. *Бѣлый день занялся надъ столицей*, *Филантропъ*, *Несжатая полоса*, *Въ больницѣ*, *Поэтъ и гражданинъ*, *Убогая и нарядная*, *У параднаго подъѣзда*. Послѣднее стихотвореніе напоминаетъ „Вельможу“ Державина. При современникѣ Некрасовъ издавалъ сборникъ мелкихъ сатиръ и эпиграммъ, называемый *Свистокъ*. Кромѣ Стих. издателя тамъ помѣщались сатиры и другихъ поэтовъ и между прочимъ извѣстнаго критика 60-хъ годовъ Добролюбова.—Стихотворенія, касающіяся народнаго горя, представляютъ болѣе свѣтлыя стороны, потому что въ нихъ мы видимъ и красоты природы, и богатство силъ русскаго народа, и вѣру въ счастливое будущее („Нива, Школьникъ, Русь“). Бѣлая церковь на горѣ и „властительное пѣніе“ раздавшагося благовѣста пробудили умиленіе; поэтъ любитъ крестьянъ, плачетъ надъ больнымъ пахаремъ, надъ его несжатой полосой; много теплаго чувства въ стихотвореніяхъ *Крестьянскія дѣти*, *Коробейники*, *Морозъ—красный носъ*. Въ извѣстномъ стихотвореніи *Власъ* выражена твердая вѣра въ способность самой закоренѣлой русской души раскаяться, обновиться для лучшей жизни. Впрочемъ Достоевскій нашелъ въ ней фальшивыя мѣста, показывающія высокомѣрное отношеніе поэта къ религіозной жизни народа (Богомолки бабы умныя могутъ лучше разсказать (про адъ). Въ стих. *Тишина* правдиво и съ поэтическою силою изображено великое значеніе Севастопольской обороны; это—похвальная пѣснь духовной силѣ русскаго народа, доблести русскаго войска. Много умилительнаго находимъ въ поэмахъ Княгиня Трубецкая, Княгиня Волконская и въ большой поэмѣ *Русскія женщины*. Это

не простыя крестьянки, а знатныя дамы, жены, которыя сопровождали своихъ мужей, отправленныхъ въ ссылку за политическія преступленія, и дѣлили съ заключенными всѣ тягости ихъ жизни. Н—у принадлежитъ еще поэма изъ крестьянской жизни—*Кому на Руси жить хорошо*. Кромѣ крестьянъ являются и духовенство и помѣщики. Лучшая ея часть — Крестьянка. Здѣсь рисуется могущій образъ Савелія, богатыря святорусскаго, который нѣмца управителя за тиранство закопалъ живымъ въ землю и искупилъ свой самосудъ дореформеннымъ судомъ, тюрьмой, плетьми и каторгой.—Взглядъ на свою поэзію, какъ на поэзію народнаго горя, Некрасовъ выразилъ въ стих. *Муза*. Но богатыя содержаніемъ произведенія его не отличаются красотой формы: они не обработаны, не выдержаны, языкъ мѣстами книжный. Самъ поэтъ называетъ свой стихъ суровымъ, неуклюжимъ.

§ 122. Между писателями одного съ Некрасовымъ кружка и отчасти характера заслуживаетъ вниманія *А. А. Плещеевъ* (1825—1893), принадлежавшій къ старинному дворянству Костромской губурніи. Увлекшись, подобно многимъ изъ молодежи конца 40-хъ годовъ, политикой, онъ немало пострадалъ въ жизни. Въ лучшую пору ея, въ молодые годы, надѣясь на свѣтлое будущее, онъ проникнутъ былъ самыми радужными мечтами: призывалъ своихъ друзей двинуться впередъ безъ страха и сомнѣнья, на подвигъ доблестный, чтобы „подъ знаменемъ науки“ ихъ союзъ крѣпнулъ и развивался. Обстоятельства прекратили на время его дѣятельность. Когда она возстановилась, въ новыхъ пѣсняхъ поэта уже не было сильныхъ юношескихъ порывовъ и радостныхъ мечтаній; невзгоды наложили на музу поэта мрачную печать разочарованія, тоски и унынія. Къ числу выдающихся стихотвореній Плещеева можно отнести слѣдующія: *Весна, Быстро таютъ снѣга, Люблю я подъ вечеръ... Онъ шелъ без-*

ропотно., *Солдатъ*, *Нищіе*. Плещееву принадлежитъ много прекрасныхъ переводовъ изъ иностранныхъ поэтовъ, Гейне, Соути, Теннисона, Байрона, Гейббеля и пр.

§ 123. Разсматривая русскія комедіи, начиная съ Фонъ-Визина до Гоголя включительно, мы замѣчаемъ въ нихъ выраженіе общей идеи протеста противъ печальной дѣйствительности русской жизни. Но это — протестъ, такъ сказать, непосредственный. Съ началомъ царствованія Александра II сценическая литература наша вступаетъ въ новыя фазисъ: являются пьесы по преимуществу тенденціозныя, проводящія извѣстную опредѣленную идею. Въ этомъ нельзя не видѣть отраженія того возбужденнаго состоянія общественной мысли, которое началось съ эпохи Крымской войны. Это направленіе идетъ параллельно съ поступательнымъ движеніемъ нашей литературы и принимаетъ тотъ или другой оттѣнокъ, смотря по характеру журналистики, которой современная русская сцена по большой части служитъ вѣрнымъ эхомъ. Первыя обличительныя пьесы, касавшіяся взяточничества, суть „Чиновникъ“ графа Соллогуба, „Свѣтъ не безъ добрыхъ людей“, Львова и наконецъ „Мишура“ Потѣхина. По мѣрѣ того, какъ журналистика, при постепенно возрастающемъ у насъ вліяніи ея и значеніи, вызываетъ къ обсужденію насущныхъ общественныхъ вопросовъ, и сообразно тому, какъ само общество все пытливѣе и тревожнѣе относится къ разностороннимъ явленіямъ русской жизни, русскій театръ устремляется въ ту же сторону, заявляетъ тѣ же притязанія на разрѣшеніе вопросовъ жизни. Подражая въ формѣ театру, созданному у насъ Островскимъ, тенденціозный репертуаръ разсматриваемаго времени показываетъ, по духу, въ немъ господствующему, близкое родство съ тѣми общественными теоріями, которыхъ представителями служатъ журналы „Современникъ“ и „Русское Слово“. Важнѣйшими пьесами, доказывающими только что при-

веденную мысль, слѣдуетъ признать „Гувернера“ Дьяченки и „Противъ теченія“ Виктора Александрова (Крылова). По драматическому таланту ближе всѣхъ къ Островскому стоялъ *А. А. Потѣхинъ* (род. 1829). Онъ воспиталъ свое творчество въ хорошей литературной школѣ, именно натуральной, и руководился тремя дорогими ея завѣтами: художественнымъ реализмомъ, освободительными началами и стремленіемъ къ уразумѣнію народной жизни и возсозданію ея бытового и духовнаго уклада. Комедіи Потѣхина изъ средняго класса русскаго общества относятся къ числу обличительныхъ, тенденціозныхъ, и въ самый разгаръ обличенія пользовались значительнымъ успѣхомъ. Герой комедіи *Мишура* (1858)—Пустозеровъ, совѣтникъ губернскаго правленія, обладающій идеальнымъ безкорыстіемъ. Но цѣль автора—осмѣять Пустозерова, а не образецъ въ его лицѣ представить. Въ немъ есть крупные недостатки, которые вовсе не вяжутся съ безкорыстіемъ. Отдѣльныя сцены составлены умно, драматично, но не имѣютъ ничего общаго съ ходомъ пьесы. — Комедія *Отрѣзанный ломоть* (1865) сопоставляетъ старое и молодое поколѣнія, и типы стараго нарисованы удачнѣе, нежели молодого. Въ эпоху обличенія значительнымъ успѣхомъ пользовались комедіи Ник. Потѣхина—*Злоба дня* и *Мертвая петля*. Женскаго вопроса касаются пьесы А. Потѣхина *Испорченная жизнь* и *Чужая вина*, въ свое время имѣвшія большой успѣхъ и теперь нерѣдко возобновляемыя.

Кромѣ драматическихъ произведеній Островскаго и Потѣхиныхъ, можно въ 70-хъ годахъ указать выдающіяся пьесы: *Старый баринъ*, Пальма, *Блуждающіе огни*—Антропова, *Женитьба Бѣлугина*—Н. Соловьева. *Майорша* и *Фофанъ*—Шпажинскаго, *Нищіе духомъ*,—Ник. Потѣхина—*За монастырской стѣной* Н. С. Курочкина.

А. А. Потѣхинъ занимаетъ видное мѣсто въ изображеніи крестьянскаго быта. Въ 1856 году онъ вмѣстѣ

съ другими принималъ участіе въ экспедиціи литераторовъ къ окраинамъ Россіи и написалъ вслѣдствіе этого нѣсколько этнографическихъ статей. Поэтическое изображеніе крестьянскаго быта мы находимъ въ романѣ *Крестьянка*, въ повѣстяхъ *Титъ Софроновъ Казанокъ* (оба 1853), *Крестьянскія дѣти*, *Бурмистръ*, *Хворая*, *На міру*. Романъ *Около денегъ* впослѣдствіи былъ переділанъ авторомъ въ драму. Въ повѣсти Казанокъ изображенъ крестьянинъ, который, живя въ городѣ, выучился дѣлать часы, но городская жизнь и деньги испортили его нравственность. Пчеловодъ Онуфрій напоминаетъ Глѣба Савинова у Григоровича. У Потѣхина нѣтъ картинъ природы и описаній крестьянскаго быта. По количеству и объему произведеній Потѣхина, его можно считать однимъ изъ крупныхъ писателей о крестьянствѣ, но достоинству повѣстей мѣшаетъ тенденціозность. Въ комедіи *Чужое добро въ прокъ нейдетъ* изображается патріархальная семья, какъ у Островскаго. Отецъ—человѣкъ суровый, дѣти въ полномъ у него подчиненіи. Младшій сынъ Михаилъ тяготится этимъ и ищетъ свободы. Столкновеніе между ними вышло изъ-за случайно найденныхъ денегъ. Нравоучительный характеръ имѣетъ и драма *Судъ людской—не Божій*. Дочь зажиточнаго и гордаго крестьянина полюбила бѣднаго парня. Отецъ ее проклялъ. Когда вслѣдствіе этого дочь сошла съ ума, отецъ въ отчаяніи и сокрушеніи отправляется съ ея возлюбленнымъ на бомоголье въ Кіевъ; дѣвушка, встрѣтившись съ отцомъ на постояломъ дворѣ, приходитъ въ себя; отецъ ее прощаетъ, но она больше не соглашается выходить замужъ, потому что, увидѣвши во снѣ адскія муки, рѣшилась посвятить всю жизнь Богу и покоить старость своихъ родителей.

Меньше тенденціозности и больше сценическаго таланта видимъ въ пьесахъ Сухово-Кобылина и Манна. Сухово-Кобылинъ (родился 1820 г.) сынъ ветерана

1812 г. Окончивъ курсъ въ Московскомъ Университетѣ, драматургъ много занимался нѣмецкимъ идеализмомъ, и это философское направленіе сказалось на символикѣ его пьесъ, порожденныхъ непріятностями собственной его жизни, при чемъ онъ испыталъ на самомъ себѣ недостатки старыхъ судовъ и полицейскихъ порядковъ. Первая часть трилогіи, наиболѣе прославившая автора, „Свадьба Кречинскаго", появилась на сценѣ въ 55 году, вторая „Дѣло" въ 62 году, третья „Смерть Тарелкина" — въ 68 г. Свадьба Кречинскаго — вполнѣ художественное созданіе въ стилѣ легкой комедіи. Она изображаетъ продѣлки двухъ плутовъ, тонкаго и грубаго. Кречинскій ловокъ, искусенъ, наметался вокругъ игроковъ; гораздо проще другой плутъ, Расплюевъ, хвастунъ, человѣкъ безъ всякихъ нравственныхъ понятій, наивный, то дерзкій, то трусливый; онъ лучше былъ понятъ зрителями. Пьеса построена красиво, ловко развита интрига, у мѣста поставлены эффекты. Трилогія характерна для того гражданскаго подъема, который предшествовалъ реформамъ шестидесятыхъ годовъ.

Тогда же имѣли большой успѣхъ пьесы Манна *Паутина*, *Говоруны*, *Общее благо*. Въ первой изображена сложная судебная паутина, тормозящая судопроизводство. Впечатлѣніе ослабѣваетъ отъ обилія интриги и мѣстами водевильнаго характера сценъ, напоминающихъ пріемы Скриба. *Говоруны* имѣли большой успѣхъ. Публика рукоплескала каждой тирадѣ Ладушкина. Въ пьесѣ особенно удался петербургскій чиновникъ, который путемъ административнымъ улаживаетъ разныя житейскія затрудненія. Въ комедіи *Общее благо* обличаются эгоистическія стремленія провинціальнаго чиновничества, прикрываемыя фирмою общаго блага.

§ 124. Въ знаменательную эпоху государственныхъ реформъ и освобожденія крестьянъ на литературное поприще выступили новые писатели, собственно шести-

десятники. Это уже не помѣщики, воспитавшіеся въ Обломовкѣ на привольѣ, и широкимъ образованіемъ и поѣздками за границу развившіе въ себѣ эстетическое чувство и роскошный талантъ. Новые писатели происходили изъ средняго и даже низшаго класса возраждающагося русскаго общества, дѣтство и юность провели въ суровой бѣдности, нерѣдко въ нищетѣ, въ трущобахъ, учились урывками, видѣли больше побоевъ, нежели ласкъ, и, съ трудомъ выйдя на литературную арену, брали матеріалъ изъ окружавшей ихъ печальной обстановки, рисовали ее мрачными красками. Многіе изъ нихъ происходили изъ духовнаго сословія. Одна изъ характернѣйшихъ чертъ „семинарской" школы—„отреченіе отъ Пушкина", отъ эстетики, голый, аскетическій, суровый реализмъ и утилитаризмъ. Испытавши нищету, ужасы бурсы, холодъ и голодъ, эти люди дѣятельно проталкивались впередъ, удобно устраивались на новомъ мѣстѣ и очень заботились о комфортѣ, котораго имъ недоставало въ дѣтствѣ. Были писатели и изъ другихъ низшихъ сословій, мѣщанъ, мастеровыхъ, чернорабочихъ. Такихъ писателей —разночинцевъ появилось не мало въ 60-хъ годахъ; и хотя немногіе изъ нихъ дожили до нашего времени, но они внесли свою долю въ сокровищницу литературы и въ этомъ ихъ заслуга. Съ большею подробностью мы остановимся на выдающемся изъ нихъ, Помяловскомъ (1835—1863); объ остальныхъ только скажемъ по нѣскольку словъ.

Николай Герасимовичъ Помяловскій, сынъ дьякона въ Петербургѣ на Малой Охтѣ, дѣтство провелъ на рыбной ловлѣ и въ разговорахъ съ охтянами, учился въ Александро-Невскомъ духовномъ училищѣ и печальную картину своего воспитанія изобразилъ въ очеркѣ *Бѣгуны и спасенные*, гдѣ Карась есть его собственный портретъ. Учась потомъ въ семинаріи, преимущественно читалъ газеты и журналы и самъ издавалъ рукописный журналъ. По окончаніи курса не имѣлъ опредѣленныхъ занятій и только читалъ Современникъ, серьезно изучая критическія статьи Добро-

любова. Случайно посѣтивши университетскія лекціи, онъ скоро понялъ разницу между живой наукой и мертвой схоластикой. Участіе въ общественномъ движеніи выразилось въ томъ, что онъ примкнулъ къ воскреснымъ школамъ. Своеобразныя педагогическія понятія помѣшали ему устроить педагогическую карьеру. Литературная дѣятельность была счастливѣе. За романъ *Мѣщанское счастье* онъ получилъ изъ редакціи Современника большія деньги, которыя впрочемъ скоро пошли прахомъ. Находясь въ больницѣ, началъ другое свое произведеніе — *Молотовъ*, которое еще болѣе привлекло ему сочувствіе публики. Въ послѣдніе годы своей жизни Помяловскій проявилъ необыкновенную энергію. Онъ хотѣлъ составить общество литературнаго труда, чтобы изучать различныя сферы Петерб. жизни, особенно трущобы; посѣщалъ публичныя лекціи, участвовалъ въ литературныхъ чтеніяхъ, преподавалъ въ воскресной школѣ. Но онъ не оставлялъ и литературы. Въ послѣдніе 2—3 года написалъ остальные *Очерки бурсы*, *Поречане*, обдумывалъ большой романъ *Братъ и сестра*. Но здоровья, разстроеннаго безпорядочною жизнью и грубой привычкой къ пьянству, поправить не могъ и умеръ во время операціи въ клиникѣ на 28 году жизни. Біографія Помяловскаго отличается типическими чертами: такъ жили и умерли многіе изъ „новыхъ“ людей.

Помяловскій былъ очень сильный талантъ и еслибъ онъ дольше жилъ, вѣроятно онъ положилъ бы начало изображенію общества, вполнѣ реальному, безъ идеализаціи и каррикатуры. Изъ его произведеній очень сильное вліяніе на общество произвели *Очерки бурсы*, хотя Молотовъ и Мѣщанское счастье по художественнымъ достоинствамъ стоятъ выше. Успѣхъ Очерковъ объясняется тѣмъ, что въ это именно время подняты были разные педагогическіе вопросы и предприняты крупныя преобразованія, напр. корпуса превращены въ военныя гимназіи, открыты женскія гимназіи и пр. Герой главныхъ романовъ Помяловскаго Молотовъ—не дворянинъ, а разночинецъ; въ немъ представленъ мыслящій пролетаріатъ 60-хъ годовъ. У него есть прекрасныя качества: выносливость въ борьбѣ съ нищетой и невзгодами жизни, энергія въ стремленіи выйти въ люди и завоевать себѣ независимое положеніе. Авторъ не скрылъ

и его недостатковъ: щепетильности, плебейской гордости, недовѣрія къ людямъ, напускной развязности, слишкомъ ранняго развитія разсудочности и практическаго, утилитарнаго взгляда на жизнь. Идеалъ Молотова не высокъ: онъ мечтаетъ на старости лѣтъ отдохнуть на лонѣ мѣщанскаго счастья съ комфортомъ не особенно высокой пробы. Рядомъ съ Молотовымъ стоитъ Черевановъ, человѣкъ съ мрачнымъ взглядомъ на жизнь, напоминающій Тургеневскаго Гамлета.

§ 125. Много было и другихъ новыхъ писателей, реально изображавшихъ современное русское общество и имѣвшихъ обширный кругъ читателей. 1. *Шеллеръ* (1838—1900 г.), извѣстный подъ именемъ *Михайлова*, написалъ много большихъ романовъ. Важнѣйшіе изъ нихъ *Гнилыя болота* (1864), *Жизнь Шупова*, *Хлѣба и зрѣлищъ*. Выдающіеся его типы: помѣщикъ, деспотъ, злодѣй, мучитель жены, дѣтей и дворовыхъ; бабушка-княгиня, помѣшанная на приличіяхъ и презирающая мужика; чиновникъ, нажившійся на службѣ и осуждающій молодое поколѣніе и новые порядки. Пріемами изложенія Шеллеръ напоминаетъ Диккенса. 2. *Засодимскій* извѣстенъ большимъ романомъ изъ народной жизни *Хроника села Смурина*, изданнымъ подъ псевдонимомъ Вологдина. Авторъ съ большимъ успѣхомъ писалъ для дѣтей напр. Задушевные разсказы. Бывальщина, сказки; все это дѣтьми читается охотно 3. *Станюковичъ*, сынъ адмирала, морякъ, прославился Очерками морского быта. Его „Морскіе разсказы“ дышатъ простотой, поэзіей, правдой; мѣстами замѣтенъ тонъ добродушнаго морского бурбонства. 4. Здравствующій понынѣ литераторъ *П. Д. Боборыкинъ*, послѣдователь французскаго романиста Эмиля Золя, писалъ критическія и публицистическія статьи, разборы театральныхъ пьесъ и самъ написалъ нѣсколько романовъ и драмъ. Особенности его пріемовъ: онъ прекрасно схватываетъ чисто внѣшніе признаки того или другого лица: наружность, одежду, манеры, интонацію голоса, между тѣмъ особенности характеровъ, процессы внутренней психической жизни, меньше доступны его наблюдательности. Романы Боборыкина: Въ путь—дорогу, Земскія силы, Жертва вечерняя, Солидныя добродѣтели, Дѣльцы, Въ усадьбѣ и на порядкѣ. Въ первыхъ по времени романахъ проводятся идеи 40-хъ годовъ и видно вліяніе Тургенева. Герой—просвѣщенный и либеральный дворянинъ съ весьма приличными манерами. Авторъ наглядно указываетъ упадокъ земельнаго дворянства, ростъ и обогащеніе на счетъ его нашего „третьяго сословія“,

стремленіе фабрикантовъ осуществить утопіи Маркса и господство капитала. Все это представлено въ романахъ „Братья", „Китай Городъ". „Перевалъ", „Василій Теркинъ". Здѣсь видно вліяніе французскихъ писателей натуральной школы. По обычаю новыхъ писателей, и у Боборыкина дворяне изображены эгоистами, байбаками, а новые люди изъ купечества и разбогатѣвшаго крестьянства — умными, практическими, обладающими желѣзнымъ здоровьемъ. У него есть и представители 60-хъ годовъ; изъ недовольныхъ и брюжжащихъ они обратились въ жуирующихъ стариковъ; это въ повѣсти *Поумнѣлъ*. А въ разсказѣ *Изъ новыхъ* изображенъ человѣкъ, желающій увѣрить всѣхъ, что онъ вполнѣ русскій. Боборыкинъ, отличный знатокъ театра, написалъ нѣсколько драматическихъ пьесъ, но большимъ успѣхомъ онѣ не пользовались. Изъ послѣднихъ его произведеній заслуживаютъ вниманія 1) Вѣчный городъ. Это очерки Рима, гдѣ рядомъ живутъ классическая древность, католическое средневѣковье и современная цивилизація; 2). Романъ на Западѣ за двѣ трети вѣка (1900 г.) 5) *Евгеній Марковъ* (род. 1835 года) по таланту уступаетъ Боборыкину. Онъ писалъ очерки Крыма, Кавказа, критическія и публицистическія статьи. Болѣе извѣстенъ его романъ *Черноземныя поля*, потомъ *Берегъ моря*, *Барчуки*. Онъ раздѣляетъ взгляды писателей народниковъ, или почвенниковъ, доказывая, что городская жизнь портитъ людей, а народная среда возстановляетъ душевную гармонію. Герой романа *Черноземныя поля*, Суровцевъ, есть гуманный и либерально—энергическій помѣщикъ. Потерпѣвши въ земской дѣятельности неудачи, онъ успокаивается на скромномъ сельско-хозяйственномъ трудѣ и наслажденіи природою и любовью. 6) Неутомимый путешественникъ *В. И. Немировичъ-Данченко* (род. 1848 г.), хотя написалъ много романовъ, не только для взрослыхъ, но и для дѣтей и для народа о Божьей правдѣ, Бѣлый витязь, стихотворенія, но все это значительно ниже его *Очерковъ*, гдѣ тоже есть недостатокъ—пылкое воображеніе, отчего происходятъ преувеличенія и эффектный, не совсѣмъ натуральный мелодраматизмъ. Крупное произведеніе „Край Маріи Пречистой" (очеркъ Андалузіи) большой томъ въ 600 страницъ и съ рисунками. Много бытовыхъ и экономическихъ данныхъ. Часто останавливается на указаніи вреднаго вліянія іезуитовъ. Пьеса „Въ мечтахъ" развиваетъ идею, что мечты лучше дѣйствительности, грезы о счастьѣ радостнѣе самаго счастья, но въ развитіи идеи неясность 7) *Терпиоревъ*, болѣе извѣстный подъ псевдонимомъ *Сергѣя Атавы* помѣщалъ въ 1880 г. въ газетахъ, очерки помѣщичьей жизни и потомъ издалъ ихъ отдѣльной книгой подъ на-

званіемъ *Оскудѣніе*. Этого оскудѣнія касался и Салтыковъ (Щедринъ). Впослѣдствіи фельетоны Сергѣя Атавы описывали дворянское легкомысліе. И они потомъ изданы подъ именемъ Желтой книги,—сказаній о новыхъ княгиняхъ и старыхъ князьяхъ; рядъ очерковъ; подъ названіемъ „Потревоженныя тѣни"; это художественныя картины крѣпостныхъ нравовъ. 8) Усердный литературный дѣятель (тоже нынѣ здравствующій) *Н. А Лейкинъ*, въ нѣкоторыхъ журналахъ и газетахъ помѣстилъ огромное множество небольшихъ разсказовъ, въ которыхъ осмѣиваются темныя стороны русской жизни, особенно самодурство. Потомъ эти разсказы изданы были въ нѣсколькихъ сборникахъ, напр. Апраксинцы, Биржевые артельщики, Шуты гороховые, Неунывающіе Россіяне, Христова невѣста, Стукинъ и Хрустальниковъ, Голь перекатная, Въ гостяхъ у Турокъ, Гдѣ апельсины зрѣютъ и пр. Разсказамъ недостаетъ глубины и драматизма, много у него спѣшнаго газетнаго, шаржа, но знаніе купечества средней руки замѣчательное; авторъ успѣваетъ во-время коснуться злобы дня 9) Движенія 60-хъ годовъ коснулся и *Всеволодъ Крестовскій* (не псевдонимъ) (род. 1840 г.). Это былъ военный человѣкъ, гусарскій офицеръ, участвовавшій въ походахъ и знавшій военную жизнь. До поступленія въ военную службу онъ пріобрѣлъ извѣстность прекрасными переводами изъ Горація, Виргилія, Гейне. Въ 60-хъ годахъ всѣ читали его знаменитый романъ *Петербургскія трущобы*, въ которомъ разрабатывалась совсѣмъ новая область—жизнь столичнаго пролетаріата. Подъ вліяніемъ этого романа появились пьесы: Лейкина: „Не судьба"; Трофимова „На пескахъ" и „Честная компанія", Щигрова „Помолвка въ Галерной Гавани". Движенія 60 хъ годовъ касаются романы *Панургово стадо* и *Двѣ силы*; потомъ они были изданы подъ однимъ общимъ заглавіемъ *Кровавый пуфъ* (1875). Затѣмъ Крестовскій занялся еврейскимъ вопросомъ и посвятилъ ему два романа *Тьма Египетская* и *Тамара Бендавидъ*. Участвуя въ 80 годахъ въ нашихъ военныхъ экспедиціяхъ въ Бухару, Самаркандъ и Персію, онъ помѣщалъ въ журналахъ описаніе своихъ впечатлѣній. Ему же принадлежитъ историч. романъ „Дѣды" изъ временъ Императора Павла I.

§ 126. Литература женскаго вопроса не остановилась на томъ неопредѣленномъ пунктѣ, на который поставили ее романисты 40—50 годовъ. Увлекшись новыми идеями о свободѣ не только въ любви, но и въ общественной жизни, женщины нѣсколько разъ пытались устроить и свою жизнь „на новыхъ началахъ", но дѣлали на каждомъ шагу ошибки, совершали преступле-

нія, принимали даже участіе въ политикѣ и за все это жестоко наказывались не только неудачами, но и уголовною карою. Къ сожалѣнію, литература, коснувшаяся отрицательной стороны женскаго вопроса, едва коснулась положительной, отрадной, между тѣмъ какъ на нее уже было указано Тургеневымъ въ „Наканунѣ“ и другими А лучшая сторона выразилась преимущественно въ томъ самоотверженіи, которое проявили женщины, можно сказать, на свой страхъ пріѣзжавшія въ Петербургъ на разные курсы и поступавшія потомъ въ сестры милосердія и въ сельскія учительницы. На положеніе сестры милосердія есть намеки у Л. Толстого въ описаніи осады Севастополя, у Берга въ Запискахъ объ осадѣ Севастополя, а первые трудные и опасные шаги сельской учительницы изображены въ пьесѣ Н. Соловьева „На порогѣ къ дѣлу“. Изъ новыхъ писателей, принимавшихъ участіе въ рѣшеніи женскаго вопроса, важнѣйшіе Авдѣевъ и Слѣпцовъ (ум. 1878 г.). Авдѣеву принадлежатъ романы „*Подводный камень*“ (1860) и „*Межъ двухъ огней*“. Онъ развиваетъ тѣже мысли, какія высказывали Ж. Зандъ и наши Дружининъ и Искандеръ. Авдѣеву принадлежатъ еще: романъ *Тамаринъ*; это Лермонтовскій Печоринъ въ новой стадіи своего развитія, и другой „ *Въ сороковыхъ годахъ*“. Онъ любопытенъ изображеніемъ кружковъ Бѣлинскаго и особенно Искандера. Ближе отнесся къ женскому вопросу Слѣпцовъ. Онъ много содѣйствовалъ практическому рѣшенію его, всѣми способами помогая женщинамъ, которыя охотно обращались къ нему за содѣйствіемъ, искренно его любили и уважали. Въ романѣ „*Трудное время*“ (1865) въ лицѣ Щетинина изображенъ вновь народившійся типъ помѣщика — пріобрѣтателя, проникнутаго либеральными стремленіями. При изображеніи жены его, авторъ показалъ способность къ психологическому анализу. Она съ юности мечтала о такой пользѣ, гдѣ бы личное счастье было соединено съ

общимъ благомъ. Но заботы о хозяйствѣ поглощали столько времени, что общественная дѣятельность ограничилась устройствомъ школы. Изъ картинъ вновь народившейся жизни съ блестящимъ талантомъ описано земское собраніе.

§ 127. Въ литературѣ, изображающей крестьянскій бытъ, появились новые талантливые писатели, которымъ удалось познакомить публику со сторонами быта, еще мало изслѣдованными. Вездѣ въ нихъ мы видимъ близкое знакомство съ жизнью и сочувствіе къ крестьянству. Не останавливаясь на этнографическихъ очеркахъ, изъ коихъ иные возвышаются до значительной степени художественности (сочиненія Небольсина, С. В. Максимова), скажемъ о выдающихся романахъ и повѣстяхъ.

Писательница Марко Вовчокъ (Марковичъ) въ изображеніи крестьянъ держалась убѣжденій славянофильскихъ и любила изображать людей кроткихъ, покорныхъ судьбѣ. Ея повѣсти и разсказы носятъ характеръ идиллическій; народный бытъ представленъ въ радужномъ цвѣтѣ, взглядъ на отношенія помѣщиковъ къ крестьянамъ пристрастный; по свойству своего таланта, авторъ обращается чаще всего къ печальнымъ явленіямъ крестьянской жизни, обнаруживая при этомъ способность глубоко проникать въ душу страдающаго, особенно женскаго сердца. Этой психологической стороной Марко Вовчокъ превосходитъ Григоровича, у котораго на первомъ планѣ разсказъ и описаніе. Лучшее произведеніе *Три доли*. Содержаніемъ служитъ любовь трехъ дѣвушекъ къ парню, человѣку дурному; онѣ страдаютъ и грустятъ. Хороши тоже разсказы *Павло Чернокрылъ* и *Не подъ пару*. Здѣсь рѣшается общечеловѣческій вопросъ о неравенствѣ браковъ. Интересна *Сказка о девяти братьяхъ разбойникахъ*. Еще въ дѣтствѣ они жили въ крайней бѣдности; побывавши съ матерью на ярмаркѣ, увидѣли довольство, отъ чего родилась завистъ, потомъ случились неудачи въ работѣ, на которую при-

шлось уйти, чтобы кормиться. Мать, поджидая ихъ, умерла. Сестра Галя вышла замужъ; мужа братья убили, а Галя сошла съ ума и утопилась. Эффектный конецъ ослабляетъ впечатлѣніе очень занимательной сказки. Любопытны разсказы, въ которыхъ представлено отношеніе помѣщиковъ къ крестьянамъ (Игрушечка, Катерина). Въ *Запискахъ причетника* видимъ знаніе быта духовенства и объективность изображенія.

Въ эпоху отрицательнаго взгляда на современную жизнь досталось и крестьянамъ, которыхъ изображали порочными, грубыми, чуть не идіотами. Въ глазахъ противниковъ крестьянской реформы (газета Вѣсть) такая тенденція имѣла успѣхъ. Сюда относятся сочиненія *Н. Успенскаго*, *П. И. Якушкина*, *Слѣпцова*, *П. Благовѣщенскаго* и знаменитыя *Сцены И. Ѳ. Горбунова*, *Н. В. Успенскій* (двоюродный братъ Глѣба Успенскаго, тоже писателя изъ крестьянскаго быта) происходилъ изъ духовнаго званія, учился въ семинаріи, потомъ нѣсколько времени въ Медиц. академіи и университетѣ. Ему принадлежатъ небольшіе разсказы, изображающіе преимущественно темныя черты крестьянскаго характера. Мужика испортили бѣдность и невѣжество; онъ—забитый, тупоумный, пьяница. Читателю только смѣшно и по временамъ жалко. Когда въ 1861 году Некрасовъ издалъ разсказы Успенскаго отдѣльной книжкой, критика похвалила автора за правдивое, безпристрастное изображеніе крестьянскаго быта. Когда же отношенія къ крестьянству улучшились, разсказы Н. Успенскаго потеряли свою популярность. *Якушкинъ* (1820—1872) происходилъ изъ зажиточной семьи Орловскихъ дворянъ; всю жизнь они скитался по русской землѣ, собирая пѣсни, наблюдая народную жизнь. Его дѣятельность распадается на два періода: сначала онъ только собиралъ народныя пѣсни, и его сборники были предметомъ серьезнаго обсужденія, а потомъ и самъ принялся за беллетристику, писалъ путевыя письма изъ разныхъ мѣстъ, помѣ-

щая ихъ въ журналахъ. Таковы, напримѣръ „*Великъ Богъ земли русской*“ (1866), „*Бунты на Руси* (1868). „*Прежняя рекрутчина* и *солдатская жизнь*“ и пр. Въ этихъ очеркахъ нѣтъ поэтическаго творчества: это—случайныя фотографіи, большею частью анекдотическаго характера, но у него совершенно новое объективное и безпристрастное отношеніе къ народу, пониманіе его характера, типичность языка. Еще замѣчательная черта его разсказовъ: они носятъ общественный характеръ, соотвѣтствуютъ горячимъ злобамъ дня. Напр. въ разсказѣ *Великъ Богъ земли русской* сгруппированы слухи и разговоры, предшествовавшіе крестьянской реформѣ и возбужденные ея ожиданіемъ. — Въ разсказахъ *Слѣпцова* главное вниманіе обращено на отношеніе къ крестьянину администраціи, начальства. Хотя въ этихъ отношеніяхъ не мало и трагическаго, но главное впечатлѣніе разсказовъ—юморъ. По словамъ гр. Л. Н. Толстого, Слѣпцовъ и Чеховъ (см. ниже). — лучшіе послѣ Гоголя представители юмора. Въ разсказѣ *Ночлегъ* мужикъ платитъ деньги писарю, чтобы его (крестьянина) поскорѣе высѣкли. У Слѣпцова есть еще *Письма объ Осташковѣ*. Авторъ описываетъ между прочимъ общественную библіотеку, которой никто не посѣщаетъ, думу, которая всего боится, и пр. Письма заключаются описаніемъ богатой Ниловой пустыни. Разсказъ *Н. Благовѣщенскаго Странница* изображаетъ грубые предразсудки простонародья и страшный вредъ изувѣрства. Знаменитые разсказы *Горбунова* производятъ очень сильное смѣхотворное впечатлѣніе въ его собственномъ исполненіи на сценѣ. При чтеніи эффектъ значительно теряется.

Въ сторонѣ отъ этихъ двухъ направленій — сентиментальнаго и смѣхотворнаго — стоитъ направленіе, такъ сказать, оффиціальное, административное, котораго починъ принадлежитъ самому правительству, снаряжавшему экспедиціи для изученія народнаго быта

въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Въ экспедиціяхъ участвовали Гончаровъ, Писемскій, С. В. Максимовъ, Г. П. Данилевскій и пр. Этому послѣднему (1829—1890) (подъ псевдонимомъ Скавронскаго) принадлежатъ два этнографическихъ романа *Бѣглые въ Новороссіи* и *Бѣглые воротились*, гдѣ мы находимъ описаніе степей, въ которыя убѣгали отъ помѣщиковъ и отъ рекрутчины крестьяне. Но тамъ ждали ихъ новыя притѣсненія со стороны разнаго рода кулаковъ; они подвергали бѣжавшихъ еще болѣе тяжкому рабству съ правомъ на ихъ жизнь и смерть. Романъ *Девятый валъ* описываетъ внутреннюю жизнь женскихъ монастырей. Спустя пять лѣтъ Данилевскій обратился къ сочиненію историческихъ романовъ. Важнѣйшіе изъ нихъ *Мировичъ* (1879) *Сожженная Москва* (1885—6), *Черный годъ* (1888). Какъ и вообще въ историческихъ романахъ, авторъ не всегда стѣсняется исторіею, сближая факты и историческія лица, которыя въ дѣйствительности не сближались. И въ романѣ *Мировичъ*, герой не только знакомъ съ Ломоносовымъ, но оказывается, что великій писатель даже подстрекаетъ его освободить Іоанна Антоновича. Романъ *Сожженная Москва* изображаетъ эпоху, уже исчерпанную гр. Л. Толстымъ, но во второй части являются новые типы и совершенно новая точка зрѣнія.—*Черный годъ* описываетъ Пугачевскій бунтъ. Пугачевъ представленъ бродягою, душегубцемъ, возвысившимся только благодаря народному движенію.—Русскій Вѣстникъ въ 70-е годы явился органомъ, гдѣ находили пристанище не столько чистые художники, сколько художники-самобытники, какъ Мельниковъ, Лѣсковъ (Стебницкій) и проч. Сочиненія *Павла Ивановича Мельникова* (1818—1883), писавшаго подъ псевдонимомъ Андрея Печерскаго, тоже суть результатъ оффиціальнаго изученія народнаго быта. Мельниковъ происходилъ изъ стариннаго дворянскаго рода. Служа въ Нижн. Новгородѣ, онъ сблизился съ

мѣстнымъ архіепископомъ Іаковомъ, знатокомъ исторіи и раскола, надѣлившимъ чиновника рѣдкими рукописями и матеріалами, хранящимися въ мѣстныхъ архивахъ. Съ 1841 года М. началъ серьезно изучать расколъ, ѣздилъ по самымъ глухимъ мѣстамъ, гдѣ особенно расколъ сосредоточивался, знакомился съ начетчикамн, съ хранителями древнихъ книгъ. Въ званіи чиновника особыхъ порученій этотъ знатокъ раскольничьяго быта нерѣдко предлагалъ мѣры противъ раскола и, участвуя въ нихъ, пользовался своимъ знаніемъ. Въ 1851 году Мельниковъ выступилъ на литературное поприще съ повѣстью *Красильниковы*, уже подъ псевдонимомъ Андрея Печерскаго, потомъ написалъ *Старые годы* и *Медвѣжій уголъ*. Въ *Старыхъ годахъ* нарисована картина жизни большого барина, знатнаго помѣщика начала XVIII столѣтія. Думаютъ, что здѣсь изображенъ извѣстный помѣщикъ села Лыскова, князь Грузинскій. Но талантъ Мельникова вполнѣ развернулся въ обширномъ произведеніи, распавшемся на два тѣсно связанные между собою романа: *Въ лѣсахъ* (1872—73) и *На горахъ* (1875—1880). Въ нихъ приведены въ стройный порядокъ богатые этнографическіе матеріалы и создана широкая картина русской преимущественно раскольничьей жизни. Мельниковъ, съ полною объективностью, безъ всякой обличительной цѣли, какъ спокойный художникъ, рисуетъ и обыденную и праздничную обстановку этой милліонной общины, ведущей своеобразную жизнь. Тутъ и богатый домъ старовѣра тысячника, и женская старообрядческая обитель, и дѣвичьи супрядки и свадьба „уходомъ“, религіозныя бесѣды начетчиковъ, зимница лѣсовщиковъ посреди дремучей трущобы, тайная служба въ раскольничьей молельнѣ и въ скитахъ старцевъ, промышляющихъ „золотымъ дѣломъ“, т. е. поддѣлкою ассигнацій. Предъ читателемъ проходитъ цѣлый рядъ характерныхъ лицъ: умный и честный „тысячникъ“ Потапъ Максимычъ Чапуринъ и его дочь, красавица На-

стя, суровая мать—игуменья Манеѳа, продувной приказчикъ Алешка, увлекающій и дочь хозяина и молодую вдовушку - раскольницу; веселыя уставщицы и канонницы съ ихъ „метаньями“ предъ матушкой, богомольцы, послушница Фленушка, устраивающая свадьбы и пр. Въ главную нить сочиненія вплетается цѣлый рядъ народныхъ легендъ о Громѣ гремучемъ и веселомъ Ярилѣ, о хмѣлевыхъ ночахъ и невидимомъ городѣ Китаѣ. Сказанія старообрядческихъ паломниковъ, пѣсни дѣвушекъ на вечеринкахъ и на Красной Горкѣ и причитанье плакушъ на похоронахъ — все переноситъ читателя въ среду нашего исконнаго народнаго быта. Оказывается, что матеріала у Печерскаго было больше, нежели сколько внесено въ романы. Онъ намѣревался описать артель гвоздарей, положеніе Павловскихъ швецовъ по деревнямъ, охоту за рябчиками, пропившуюся раскольничью обитель Кутилину и пр. Описанія природы проникнуты мѣстнымъ колоритомъ, напр. описаніе Ветлужскихъ лѣсовъ съ ихъ непроходимыми чащами. Языкъ у Мельникова тоже народный, съ обиліемъ пословицъ, поговорокъ и присловій, и вовсе не отзывается искусственностью. Въ этомъ отношеніи съ нимъ соперничаетъ только Островскій.

Крупное явленіе представляютъ романы *Н. С. Лѣскова*, долго писавшаго подъ псевдонимомъ *М. Стебницкаго*. Сначала его оригинальный талантъ выразился въ произведеніяхъ, обличавшихъ отрицательныя стремленія молодого поколѣнія, напр. романъ *Некуда* (1865). Онъ нѣсколько сходенъ съ Дымомъ Тургенева и Взбаламученнымъ моремъ Писемскаго. Въ длинномъ рядѣ разнообразныхъ типическихъ лицъ авторъ представилъ цѣлый омутъ, который втягивалъ въ себя самые разнородные элементы изъ общества, переживавшаго переходную эпоху — и недозрѣлыхъ юношей, схватившихъ верхушки знаній и сбитыхъ съ толку непонятыми либеральными идеями, и людей, не довольныхъ своимъ семейнымъ или общественнымъ положеніемъ, и тѣхъ, которые жадно искали истины и безкорыстно желали добра. Изъ дѣйствующихъ лицъ выдаются Лиза Бахерева, симпатичная институтка, оторвавшаяся отъ семьи и погибшая въ кружкѣ увлекающейся молодежи, гдѣ не нашла того, что нравилось ей

издалека. Дальще идти было „некуда“. Впослѣдствіи Лѣсковъ обратился къ другимъ сторонамъ русской жизни, остановившись на жизни духовенства и вообще на религіозныхъ сюжетахъ. Изъ первой группы замѣчателенъ романъ *Соборяне* 1876). Это своеобразный міръ русскаго провинціальнаго духовенства. Типичное лицо протопопа Туберозова и оригинальная фигура дьякона Ахиллы, героевъ романа, принадлежатъ къ лучшимъ созданіямъ русской литературы. Сюда же относятся *Мелочи архіерейской жизни*, сфера, доселѣ не тронутая литературой. Очень оригинальны разсказы изъ житій святыхъ. Матеріаломъ послужили не только Четьи-Минеи и Прологи, но и народныя легенды и „отреченныя“ Христіанскія повѣсти. Сюда относятся напр. *Христосъ въ гостяхъ у мужика*. Картинами быта и нравовъ интересенъ вышедшій въ 1890 году романъ изъ египетской жизни *Гора*. Это первые вѣка христіанства, когда Христіане уже не скрывались въ катакомбахъ, а даже занимали общественныя должности, но были ненавидимы толпою. Особенность изложенія у Лѣскова представляетъ своеобразный языкъ, по свидѣтельству автора ему приходится вѣрить), взятый отъ народа, который, выучившись грамотѣ, передѣлываетъ на русскій ладъ иностранныя слова напр мелкоскопъ (микроскопъ); много такихъ словъ въ разсказѣ о тульскомъ лѣвшѣ и о стальной блохѣ.

Нѣкоторые писатели изъ народнаго быта въ своихъ сочиненіяхъ касались отношенія крестьянъ къ другимъ сословіямъ, экономическихъ и общественныхъ сторонъ ихъ быта, необезпеченности, безправія, зависимости отъ разнаго рода кулаковъ. Это было преимущественно въ 60—70 годахъ, когда въ Отечественныхъ запискахъ раздался громкій и убѣдительный призывъ интеллигенціи въ деревню въ замѣчательныхъ „Письмахъ изъ деревни„ А. Н. Энгельгарда (1882—1893). Сюда слѣдуетъ отнести Рѣшетникова, Левитова, Наумова и Погосскаго. 1. *Рѣшетниковъ*, сынъ дьячка въ Екатеринбургѣ, служилъ сначала писцомъ, потомъ почтальономъ, терпѣлъ ужасную нужду, оскорбленія, даже побои, и все это озлобляло его противъ людей. Повѣсть *Между людьми* имѣетъ авто-біографическій характеръ. Извѣстность пріобрѣлъ онъ повѣстью *Подлиповцы*, гдѣ представлена исполненная лишеній, опасностей, неутомимыхъ и тяжкихъ трудовъ, жизнь крестьянъ, идущихъ толпами бурлачить на Чусовую, Каму и другія рѣки европейской Россіи. Реальность описаній внѣ всякаго сомнѣнія, но художественности мало. Другіе хотя и большіе романы *Ставленникъ*, *Глумовы*, *Гдѣ лучше*, *Свой хлѣбъ* — стоятъ ниже. Они растянуты, чужды типичности. Это прозаическіе очерки обыденной жизни. 2. *А. И. Левитовъ* тоже духовнаго зва-

нія, изъ Тамбовской губерніи, учился больше, основательнѣе Рѣшетникова, былъ знакомъ съ литераторами и пользовался расположеніемъ Аполлона Григорьева. Онъ велъ жизнь совершенно жалкую, въ нищетѣ, въ странствованіяхъ по городамъ и трущобамъ. Произведенія его суть лироэпическія импровизаціи, красивыя по формѣ, музыкальныя. Учительствуя въ Шенкурскѣ, онъ написалъ *Степные очерки*, содержащіе въ себѣ воспоминанія о далекой родинѣ. Впечатлѣніе ихъ грустное. Предъ нами льются слезы непокрытой нищеты, заброшеннаго сиротства, возмутительныхъ, иногда кровавыхъ драмъ. Другая группа очерковъ подъ названіемъ *Горе селъ, деревень и городовъ* изображаетъ скитанія поэта по меблированнымъ комнатамъ, чердакамъ и подваламъ обѣихъ столицъ. Все, имъ написанное, было прямымъ выраженіемъ пережитаго и перечувствованнаго самимъ авторомъ. Это— главная черта произведеній Левитова. Слогъ его оригинальный. напр., О, миръ вамъ, люди покоробленные, а чаще, какъ дуга, согнутые всесильной нуждой. Миръ вашимъ снамъ, озлобленно тревожнымъ, ногамъ вашимъ, вѣчно снующимъ и ничего не выхаживающимъ, всегдашней злобѣ вашей желаю скораго угомона" 3. *Наумовъ* (род. 1835 г.) сибирякъ, тоже изъ духовныхъ. Лучшіе изъ его разсказовъ изданы въ трехъ сборникахъ: *Сила солому ломитъ*, *Въ тихомъ омутѣ*, *Въ забытомъ краю*. Дѣйствующими лицами являются у него преимущественно крестьяне сибиряки, люди отважные, предріимчивые. И они тоже страдаютъ, но не отъ крѣпостного права, а отъ кулачества, отъ разбогатѣвшихъ крестьянъ. Поэтому картины народнаго горя и безправія тамъ поразительнѣе. Лучшіе изъ разсказовъ *У перевоза*, *Деревенскій торгашъ*, *Юродивая*. 4) Вниманія заслуживаетъ А. Ѳ. Погосскій, солдатскій писатель. Онъ, подобно Мельникову, прикоснулся къ самымъ родникамъ народной жизни. Богатство языка у него идетъ объ руку съ чисто-русскими народными настроеніями. Эпическая наивность его веселыхъ побасенокъ драгоцѣнна своей высокой правдой. Онѣ напоминаютъ сказки Пушкина о *Балдѣ*, *О медвѣдихѣ*. Погосскій, изъ дворянъ Витебской губерніи, учился въ гимназіи, потомъ служилъ рядовымъ и прошелъ суровую школу солдатской службы эпохи Императора Николая I. Въ этой тяжелой службѣ онъ провелъ восемь лѣтъ, и при этомъ запасся знаніемъ народа и въ особенности солдата, и сердце его наполнилось самою теплою любовью и сочувствіемъ къ нему. Все это и отразилось въ его повѣстяхъ и художественныхъ разсказахъ. Потомъ Погосскій 20 лѣтъ служилъ въ Департаментѣ Корабельныхъ лѣсовъ. Сочиненія его для солдатъ имѣютъ форму наставленій, сказокъ и разсказовъ. Въ *Солдатскихъ за-*

нѣткахъ авторъ простымъ языкомъ объяснялъ солдату его службу; въ разсказѣ *Доблестное народное дѣло* описывалъ начавшія тогда возникать общества трезвости и привѣтствовалъ ихъ съ радостью. Повѣсть *Воскресныя школы* показываетъ, что Погосскому принадлежитъ мысль о нихъ; онъ же затѣмъ былъ ихъ учредителемъ и главнымъ дѣятелемъ. Лучшимъ его произведеніемъ считается повѣсть *Сибирлетка*, полная юмора.

§ 128. Рядомъ съ писателями изъ дворянъ и разночинцевъ, подъ вліяніемъ движенія 40—60-хъ годовъ, появились немногіе писатели изъ народа. Изъ нихъ заслуживаютъ вниманія Шевченко и Никитинъ.

Тарасъ *Григор. Шевченко* (1814—1861), сынъ крѣпостного крестьянина Кіевской губерніи, съ малолѣтства обнаружилъ необыкновенное дарованіе и охоту къ живописи. Художники, напр. Венеціановъ, и поэты, Жуковскій и Григоровичъ, помогли ему выйти на волю, посвятить себя живописи и даже получить званіе свободнаго художника. Подобно многимъ другимъ выдающимся людямъ 40—60-хъ годовъ, и ему пришлось изъ художника сдѣлаться рядовымъ и 10 лѣтъ тянуть солдатскую лямку.—Поэзія Шевченко, по преимуществу лирическаго характера, отличается и отъ дворянской хандры Некрасова и отъ пѣсенъ и думъ Кольцова тѣмъ, что у него нѣтъ ни оторванности отъ народной жизни, ни раздвоенности. Въ немъ видимъ переходъ отъ народнособирательнаго творчества къ личному. Сюжеты для своей поэзіи онъ беретъ изъ народныхъ легендъ и преданій. Шевч. превосходитъ Кольцова еще тѣмъ, что яснѣе его сознаетъ интересы передового общества и за это его можно назвать вообще русскимъ поэтомъ, а не украинскимъ. Сочиненія его дѣлятся на 4 разряда. Къ первому относятся баллады и пѣсни сентиментальнаго характера, напр. *Утоплена*, *Причина*, *Русалка*, *Тополя*. Главное ихъ содержаніе—судьба дѣвушки, покинутой или мачехой или молодымъ казакомъ. Второй разрядъ—изображеніе народнаго горя подъ гнетомъ крѣпостного права. Лучшее — поэма *Катерина*. Къ

третьему разряду относится группа произведеній историческаго содержанія, воспѣвающихъ времена казацкой вольности, эпоху защитниковъ народной свободы и мстителей за ея поруганіе. Поэтъ клеймитъ позоромъ не только ляховъ и евреевъ, но и своихъ пановъ и гетмановъ, считая врагами народа и тѣхъ казацкихъ старшинъ, которые гнались за личными выгодами, а не за интересами народа. Таковы двѣ большія поэмы *Гайдамаки* и *Гамалѣя* и нѣсколько мелкихъ. Четвертый разрядъ — прозаическіе разсказы уже на великорусскомъ нарѣчіи.

Иванъ Сав. Никитинъ (1824—61), землякъ Кольцова Отецъ его, изъ духовныхъ, приписался къ мѣщанству, промышлялъ торговлей и содержалъ за городомъ постоялый дворъ. Сынъ занялся охотой и писалъ стихи. Патріотическое стихотвореніе *Русь* и религіозное *Моленіе о. чашѣ*, напечатанныя въ началѣ крымской войны, привлекли вниманіе публики. Критика заинтересовалась имъ только тогда, когда въ 1868 году появилась поэма *Кулакъ*. Лирическій талантъ Никитина вовсе не оригинальный. Онъ подражалъ Кольцову, Некрасову, Фету. Произведенія его — двухъ разрядовъ. Въ однихъ онъ поэтъ Пушкинской школы и преимущественно изображаетъ пейзажи родного края. Другой разрядъ — стихотворенія изъ народнаго быта, напоминающія Кольцова. У Никитина нѣтъ силы чувства и широты картинъ; вмѣсто нихъ меланхолія и надрывающая душу грусть; въ содержаніи находимъ изображеніе народнаго горя и гнетъ самодурства.

§ 129 Между обличительными лириками былъ въ свое время популяренъ, хотя не одобряемъ ни цензурою, ни критикою, поэтъ изъ военныхъ, Розенгеймъ (умеръ 1887 г.). Первый успѣхъ выпалъ на долю его гражданской элегіи: „Что ты вздыхаешь, читая газету“. Слѣдующія элегіи „Воевода“, „Недоимка“, „Плачъ откупщика“ читались даже на публичныхъ эстрадахъ. Изъ

его произведеній на первомъ планѣ стоятъ стихотворенія, проникнутыя гражданскимъ паѳосомъ, напримѣръ, „Лермонтову“, „Послѣдняя элегія“, „19 Февраля“, „Пріятель, поэтъ и посторонній“. Другую группу представляютъ баллады—былины на народныя темы, напримѣръ „Русалка“, „Старый городъ“, Гремячая башня“, „Іерей, „Невидимый городъ“. Конечно они стоятъ ниже подобныхъ произведеній Мея и Графа А. Толстого.

Историческій романъ.

§ 130. Заимствованныя изъ отечественной исторіи поэтическія-произведенія Льва Толстого, Алексѣя Толстого, Островскаго и Данилевскаго, обогатили литературу и способствовали усиленію въ обществѣ любви къ родной старинѣ. Въ этомъ же направленіи дѣйствовали и нѣкоторые второстепенные поэты 1. Извѣстный историкъ *Н. И. Костомаровъ*, благодаря богатству фантазіи и глубокому знанію исторіи, дѣлалъ попытки въ поэтической формѣ воспроизводить эпохи, которыя излагалъ въ своихъ ученыхъ трудахъ. Болѣе другихъ заслуживаютъ вниманія двѣ повѣсти *Сынъ* (1865) и *Кудеяръ* (1875). Въ первой дѣйствіе происходитъ во время Стеньки Разина, близъ Саранска, въ нынѣшней Пензенской губерніи. Сынъ желаетъ отомстить одному помѣщику за оскорбленіе, нанесенное матери. Онъ зажигаетъ усадьбу, но попадается и его казнятъ. Много картинъ тогдашней жизни: свадьба, воеводскій судъ, похороны, появленіе скомороховъ и представленіе ими воеводы въ смѣшномъ видѣ. Господствующій въ повѣсти мрачный тонъ, для котораго авторъ не щадилъ красокъ, производитъ тяжелое впечатлѣніе. Повѣсть *Кудеяръ* относится къ эпохѣ Іоанна Грознаго, именно ко времени перелома въ его внутренней жизни предъ смертью Анастасіи. Кудеяръ—личность загадочная; онъ сначала представляется чрезвычайно грубымъ, а потомъ всѣмъ распоряжается, такъ что многія дѣйствія царя являются слѣдствіемъ внушеній этого таинственнаго лица. 2. *Д. Л. Мордодцевъ* (ум. 10 іюня 1905 г.) сначала занимался изслѣдованіями по исторіи Малороссіи и Польши, издалъ Малороссійскій сборникъ Гайдамачина, а потомъ написалъ много историческихъ романовъ и повѣстей, напр. *Идеалисты и реалисты*, романъ изъ времени Петра Великаго. *Двѣнадцатый годъ*, *Царь и гетманъ*,

Видно званіе исторіи, интересный разсказъ, но въ то же время видна растянутость и свобода фантазіи въ группировкѣ лицъ и событій, напр. въ *Двѣнадцатомъ годѣ* многіе писатели, начиная съ Державина и кончая ребенкомъ Пушкинымъ, толпою гуляютъ по аллеѣ въ Лѣтнемъ саду. 3. *Е. П. Карновичъ* былъ извѣстенъ, какъ добросовѣстный изслѣдователь по исторіи Польши, какъ авторъ сочиненій: Загадочныя личности XVIII вѣка, Замѣчательныя богатства Россіи, но историческіе романы его не были популярны. Бо́льшаго вниманія заслуживаютъ *Мальтійскій орденъ, Любовь и корона, Придворное кружево.* 4. Ближе къ намъ по времени и болѣе замѣчателенъ по таланту графъ *Саліасъ-де-Турнемиръ.* Въ первыхъ его романахъ видно подражаніе Тургеневу въ описаніи картинъ природы и въ изображеніи женскихъ типовъ. Послѣ долгаго молчанія Саліасъ вначалѣ 70-хъ годовъ выступилъ съ романомъ *Пугачевцы.*. Авторъ видимо усердно изучалъ историческіе матеріалы; замѣтенъ и талантъ. Съ большимъ мастерствомъ написаны картины Казанскаго общества, броженіе въ народѣ-начало смуты, взятіе Казани, портреты Бибикова и Суворова, Въ романѣ замѣтно вліяніе гр. Толстого и московской беллетристической школы, развившейся подъ руководствомъ Русскаго Вѣстника. Героемъ является гордый, отважный охранитель, князь Данило Хвалынскій, родословную котораго авторъ описываетъ подробно. Тамъ же дѣйствуетъ опальный московскій бояринъ Соколъ Уздальскій, тоже славный своими предками, но играющій роль нигилиста XVIII стол., участвующаго въ тайныхъ обществахъ, гдѣ подготовлялся пугачевскій бунтъ. Самозванцемъ явился не прямо Пугачевъ, а какой-то Вячеславъ, внукъ мятежнаго Соколъ-Уздальскаго... опять что-то въ родѣ таинственнаго монаха. Такою же тенденціозностью страдаютъ и другіе его историческіе романы, напр. *Поэтъ Державинъ, Бригадирская внучка Аракчеевскій сынокъ, Петербургское дѣйство.* Это—лучшій романъ, но и онъ очень растянутъ.

Въ области исторической драмы мы находимъ пьесы. доказывающія въ авторахъ знакомство съ историческимъ бытомъ, пониманіе элементовъ, изъ которыхъ слагается общественная жизнь и драматическаго характера изображаемой эпохи. Но сюда относятся только упомянутыя выше произведенія Мея А. К. Толстого и Островскаго.

§ 131. Много матеріала для поэтитескаго воспроизведенія давала эпоха Екатерины II, но цензурныя условія стѣсняли поэтовъ, и только въ 80-хъ годахъ изъ этой эпохи явилось нѣсколько произведеній, особенно изъ семейной

жизни. Первое мѣсто принадлежитъ *С. Т. Аксакову*. Въ своемъ развитіи сильный талантъ Сергѣя Тимофѣевича Аксакова (1791 - 1859) перешелъ отъ ложноклассицизма прямо къ натуральной школѣ Гоголя, минуя направленіе романтическое. Свой литературный талантъ Аксаковъ развилъ во время продолжительнаго пребыванія въ Москвѣ подъ вліяніемъ Павлова, Надеждина, своего родного сына Константина Сергѣевича (одного изъ корифеевъ славянофильства), наконецъ Гоголя, съ которымъ былъ очень близокъ. Въ 1840 году онъ началъ *Семейную хронику*, отрывки изъ которой были напечатаны въ 1846 году въ Московскомъ сборникѣ; въ 1847 году появились *Записки объ уженьѣ рыбы*, въ 1848-мъ *Записки ружейнаго охотника Оренбургской губерніи*, въ 1856-мъ въ полномъ видѣ Семейная хроника и воспоминанія, наконецъ въ 1858 г. Дѣтскіе годы Багрова внука. Въ этихъ произведеніяхъ, отличавшихся правдивостью, объективностью, была оглядка на наше прошлое, чуждая сентиментализма 30-хъ годовъ и тенденціозности — 60-хъ. Читатели охотно прощали автору растянутость изложенія и ненужныя повторенія, увлекаясь тѣми живыми страницами, въ которыхъ онъ представлялъ правдивые типы Багровыхъ, Куралесовыхъ, описывалъ свое гимназическое и университетское образованіе, передавалъ свѣжія впечатлѣнія природы, окружавшей его дѣтство. Онъ былъ природный сынъ русской степи и, когда заговоритъ о ней, предъ читателемъ возстаютъ чудныя картины. Эти описанія природы занимаютъ въ сборникахъ для дѣтей почетное мѣсто рядомъ съ отрывками изъ Записокъ Охотника Тургенева и разсказовъ Григоровича. Семейная хроника есть важнѣйшее сочиненіе Аксакова. Въ ней представлены типы добраго стараго времени, Степанъ Михайловичъ Багровъ, Софья Николаевна Зубова, бабушка Прасковья Ивановна и пр. Въ Воспоминаніяхъ (это вторая часть Хроники) преимущественно говорится о личныхъ впечатлѣніяхъ

автора, но интересны воспоминанія о А. С. Шишковѣ, Шушеринѣ (актерѣ) и поэтѣ Державинѣ. Дѣтскіе годы Багрова внука имѣютъ прекрасное воспитательное значеніе. Дѣтямъ очень полезно ихъ читать. Относительно слога и вообще изложенія сочиненій С. Аксакова должно сказать, что они образцовы по правильности, чисто русскому складу, народному ритму и музыкальности.

Картины изъ семейной жизни стариннаго дворянства можно найти въ сочиненіяхъ Тургенева напр. Три портрета, у Григоровича (Проселочныя дороги), у Потѣхина (Бѣдные дворяне), у Салтыкова (Пошехонская старина). У Аксакова находимъ болѣе правдивости въ описаніи.

Серьезнаго вниманія заслуживаютъ написанныя съ необыкновеннымъ сочувствіемъ, доходящимъ до пристрастія къ доброму старому времени, сочиненія Соханской (1825--1884), писавшей подъ псевдонимомъ Кохановской. Въ эпоху отрицанія Кохановскую осуждали за это сочувствіе къ патріархальному быту, потому что видѣли въ немъ только элементы отталкивающіе, рѣзко и тоже въ свою очередь пристрастно обрисованные поэтами. Пристрастіе Кохановской несомнѣнно, но во всякомъ случаѣ привлекательныхъ свойствъ у этой замѣчательной писательницы очень много. Таковы напр. во 1-хъ идеальное представленіе. Авторъ выводитъ передъ читателемъ по преимуществу свѣтлыя и добрыя стороны въ жизни человѣка; во 2-хъ, любовь къ народной поэзіи и народнымъ обычаямъ. Дѣйствующія лица находятъ лучшее и благороднѣйшее наслажденіе въ пѣніи народныхъ пѣсенъ и въ играхъ, которыми сопровождаются праздники; въ 3-хъ религіозность, проникающая всѣ повѣсти Кохановской; наконецъ въ 4-хъ своеобразный языкъ, богатый оборотами, близкими къ народному языку. Въ этомъ сходство Кохановской съ Аксаковымъ, Печерскимъ, Островскимъ. Важнѣйшія ея произведенія: *Послѣ обѣда въ гостяхъ* (1857) и *Провинціальная галлерея портретовъ* (1859). Въ первой разсказывается исторія замужства

противъ желанія, но безъ всякихъ внѣшнихъ приключеній, безъ кинжаловъ и крови, и даже почти безъ слезъ. Героиня повѣсти Любовь Архиповна протестовала молча: она впала въ какое-то окаменѣлое летаргическое состояніе, при которомъ человѣкъ становится равнодушенъ ко всему окружающему и только чувствуетъ ненависть къ тому, кого прежде только не любилъ. Таково было отношеніе Любови Архиповны къ мужу. Къ этой исторіи прибавлены эпизоды, напр. разсказъ о подсудкѣ (помощникѣ судьи) Черномъ, пѣвцѣ чародѣѣ, пѣснями котораго увлекался весь городъ. — Въ другой повѣсти изображается барская старина. Авторъ рисуетъ портретъ бабушки предводителя, Анны Гавриловны, съ котикомъ на колѣняхъ и съ маленькимъ столикомъ возлѣ, на которомъ лежали рогулечка изъ слоновой кости и связка снурковъ. Анна Гавриловна представлена столѣтней старушкой, отъ которой вѣетъ чѣмъ-то отраднымъ, успокаивающимъ: видно, что эта благодушная распространяющая вокругъ себя миръ, старость была завершеніемъ свѣтлой, невозмутимой жизни, полной сладкаго очарованія, Въ „Галлереѣ“ описывается и отецъ старушки съ неизмѣннымъ своимъ спутникомъ Комариной силой, чѣмъ-то въ родѣ холопа наперсника, жалкое исчадіе спѣсиваго и дикаго барства. Повѣсти Кохановской, написанныя художественно и съ необыкновеннымъ сочувствіемъ къ старинѣ и къ народному быту, представляютъ для юношества занимательное и поучительное чтеніе.

§ 132. Въ періодъ суроваго обличенія поэзія чистаго искусства, какъ и слѣдовало ожидать, занимала второстепенное мѣсто; мало появлялось людей, созданныхъ „для звуковъ сладкихъ“, но читатели вполнѣ были удовлетворены тѣмъ, что написано было до сего времени: вѣдь время Пушкиныхъ, Майковыхъ, Фетовъ, еще не прошло: ихъ произведенія читались и пѣлись съ прежнимъ наслажденіемъ. Изъ чистыхъ поэтовъ 60—70-хъ

годовъ мы можемъ назвать развѣ Щербину и нѣсколькихъ переводчиковъ Николай Ѳедоровичъ Щербина (1821—1869) родился въ Землѣ Войска Донского. Отецъ его былъ малороссъ, а мать гречанка. Учился онъ въ Таганрогской гимназіи, а потомъ въ Харьковскомъ университетѣ. Онъ пріобрѣлъ извѣстность такъ называемыми „Греческими стихотвореніями", содержаніемъ которыхъ послужили преимущественно предметы искусства, греческая миѳологія и античная природа. Уступая Майкову относительно формы, Щербина, какъ грекъ по природѣ, лучше зналъ греческую жизнь и литературу. Изъ его стихотвореній выдаются Клефты (горные независимые жители Греціи), Ночь въ Венеціи, Эллада и пр. Ему принадлежитъ еще обширный сборникъ для народнаго чтенія, Пчела, выдержавшій до 1875 года 4 изданія.

Изъ переводчиковъ, у которыхъ было не только знаніе подлинника, но и поэтическій талантъ, выдавались Гербель, Вейнбергъ, Михайловъ, Курочкинъ, Минаевъ. 1. *Гербель Н. В.* (1827—1883) происходилъ изъ Швейцарской семьи, появившейся въ Россіи еще при Петрѣ Великомъ. Литературная дѣятельность его выразилась сначала въ переводахъ изъ иностранныхъ писателей, преимущественно изъ Байрона, потомъ онъ перевелъ Слово о Полку Игоревѣ; переводъ понравился даже ученымъ своею близостью къ подлиннику, а обыкновеннымъ читателямъ—художественностью. Въ концѣ 50-хъ годовъ Гербель занялся обширнымъ трудомъ, изданіемъ въ русскомъ переводѣ лучшихъ иностранныхъ поэтовъ. Переводить помогали ему и другіе; кромѣ того собралъ всѣ лучшіе переводы, сдѣланные до него и разбросанные въ разныхъ журналахъ. Такъ онъ издалъ сочиненія Шиллера, Гете, Шекспира, Байрона и славянскихъ поэтовъ съ біографіями. Его собственныя сочиненія изданы въ 1857 году въ Сборникѣ подъ названіемъ *Отголоски*. 2. *П. И. Вейнбергъ* (род.

1830 г. и понынѣ здравствующій) съ 1858 года помѣщалъ свои оригинальныя и переводныя произведенія въ разныхъ журналахъ подъ псевдонимомъ Камень Виногоровъ. Съ 1864 года онъ принялся за переводъ Шекспира и въ теченіе 3 лѣтъ перевелъ 9 его пьесъ, кромѣ того изъ Байрона — Сарданапалъ, изъ Шелли-Ченчи, изъ Гуцкова—Уріэль Акоста, драму, которая и до сихъ поръ дается на сценѣ, потомъ издалъ сочиненія Гете и Гейне въ русскихъ переводахъ, первыя въ 6, а вторыя въ 12 томахъ. Въ началѣ 80 годовъ издавалъ журналъ Изящная литература и наконецъ издалъ сборникъ для выразительнаго чтенія. 3. *М. П. Михайловъ* (1826—1864). Кромѣ повѣстей, статей критическихъ объ американскихъ и англійскихъ поэтахъ, ему принадлежатъ переводы изъ Гейне, Томаса Гуда, Ленау, Теннисона, Лонгфелло. Переводы его признаются лучшими: это доказывается тѣмъ, что многіе изъ нихъ помѣщаются въ сборникахъ для учениковъ высшихъ классовъ, напр. Сонъ невольника изъ Лонгфелло, Пѣсня о рубашкѣ Томаса Гуда, Скованный Прометей Эсхила. Къ лучшимъ его произведеніямъ относится Книга пѣсенъ Гейне. 4. *В. С. Курочкинъ* (1831—1875) пріобрѣлъ громкую извѣстность переводами изъ французскаго писателя Беранже. Въ свое время у насъ, благодаря этимъ прекраснымъ переводамъ, повсюду распѣвали: Какъ яблочко румянъ... Воротился ночью мельникъ... Два гренадера. Старый Капралъ. Кромѣ Беранже Курочкинъ переводилъ изъ Мольера, Вольтера, Барбье, Борнса, Шиллера. Ему принадлежалъ еще знаменитый сатирическій журналъ *Искра*, имѣвшій до 10,000 подписчиковъ; онъ былъ наполненъ мелкими стихотвореніями, касавшимися современныхъ явленій русской жизни, которая въ это время била самымъ живымъ ключемъ. 5. Ниже Курочкина по таланту стоялъ одинъ изъ сотрудниковъ Искры *Д. Д. Минаевъ* (1835—1889). Его собственныя стихотворенія помѣща-

лись тамъ подъ разными псевдонимами: Обличительнаго поэта, Темнаго человѣка, Михаила Бурбонова. Минаевъ много переводилъ съ французскаго и англійскаго, даже цѣлыя поэмы (напр. изъ Байрона Донъ-Жуанъ, Чайльдъ Гарольдъ, Беппо, Манфредъ, Каинъ); стихъ у него гладкій и блестящій, но, не зная языковъ, переводилъ съ подстрочныхъ переводовъ. Вообще стихомъ онъ владѣлъ въ совершенствѣ, способенъ былъ къ импровизаціямъ съ богатыми риѳмами, но все это производило мимолетный эффектъ и скоро забывалось.

§ 133. Какъ для литературы 40-хъ годовъ авторитетомъ служилъ Бѣлинскій, такъ и въ 60-хъ годахъ достоинства литературныхъ произведеній опредѣлялись сужденіями Добролюбова, автора „Темнаго царства" (подъ этимъ именемъ извѣстенъ его разборъ бытовыхъ драмъ Островскаго). *Николай Александровичъ Добролюбовъ* (1836—1861) сынъ священника въ Нижнемъ Новгородѣ, учился сначала въ семинаріи, гдѣ читалъ очень много книгъ и усердно писалъ длинныя сочиненія по исторіи русской церкви; окончательное образованіе получилъ въ Главномъ Педагогическомъ Институтѣ, гдѣ велъ суровую замкнутую жизнь; по окончаніи курса участвовалъ въ періодическихъ изданіяхъ, преимущественно въ Современникѣ. Бѣлинскій во второй періодъ своей критической дѣятельности, какъ извѣстно, не отвергая эстетическаго достоинства литературныхъ произведеній, требовалъ еще, чтобы они соотвѣтствовали жизни, удовлетворяли ея потребностямъ. Этой точки зрѣнія на литературу держался и Добролюбовъ. По его мнѣнію, цѣль искусства и литературы—служебная. Обѣ эти сферы, заимствуя матеріалъ изъ чистой науки, предлагаютъ то, что нужно сдѣлать, или, пользуясь частными фактами жизни, описываютъ то, что сдѣлано или дѣлается. При такомъ характерѣ литература сближается съ публицистикой. Такъ смотрѣлъ и Добролюбовъ. Напр. по поводу сочи-

ненiй С. Т. Аксакова, онъ разсматривалъ жизнь старинныхъ помѣщиковъ, объяснялъ, отчего она была такая, а не другая, каково ея значенiе, но мало касался литературныхъ прiемовъ автора. Такъ поступали и другiе критики реальной школы; ихъ статьи не были критикою въ собственномъ смыслѣ: это былъ цѣлый рядъ нравственныхъ или публицистическихъ трактатовъ по поводу произведенiя. Такимъ публицистическимъ характеромъ отличаются статьи Добролюбова, напр Темное царство (объ Островскомъ). Лучъ свѣта въ темномъ царствѣ (по поводу Грозы Островскаго). Когда же придетъ настоящiй день? (Наканунѣ Тургенева). Слѣд. Добролюбовъ скорѣе былъ публицистъ, нежели критикъ; на первомъ планѣ у него анализъ влiянiя общественной жизни на личность. Онъ касается и вопросовъ педагогическихъ (О значенiи авторитета въ воспитанiи, Собранiе литературныхъ статей Н. И. Пирогова, Всероссiйскiя иллюзiи, разрушаемыя розгами (Отъ дождя да въ воду), и вопросовъ внутренней жизни (Литературныя мелочи прошлаго года, Народное дѣло) и внѣшней политики (По поводу одной очень обыкновенной исторiи, Изъ Турина, Отецъ Александръ Гавацци и его проповѣдь). Добролюбовъ писалъ и стихи, помѣщая ихъ въ Свисткѣ Некрасова подъ псевдонимомъ Конрада Лилiеншвагера. Въ нихъ прорывалась его душа, ищущая счастья и наслажденiй.

Совершенно другого характера была критическая дѣятельность Аполлона Григорьева и Н. Н. Страхова. *Ап. Григорьевъ* (1822—1864) сначала участвовалъ во Москвитянинѣ, потомъ въ Русскомъ Словѣ и наконецъ въ журналахъ М. Достоевскаго—Время и Эпоха. Въ журналѣ Время, кромѣ обширныхъ критическихъ статей, Григ. помѣстилъ начало своей автобiографiи. Это былъ человѣкъ съ честными народными инстиктами, всегда враждовалъ съ пороками барства, родившимися на почвѣ крѣпостного права, и сочувствовалъ

всякому, просто, естественно развившемуся явленію. Въ своихъ критическихъ статьяхъ Григ. высказывалъ вѣру въ жизнь и искусство. Жизнь идетъ по неизмѣннымъ законамъ, не подчиняясь теоріямъ, и ее только надо изучать, а не передѣлывать. Эта мысль была вліяніе Шеллинга, желавшаго постигнуть тайну жизни человѣка и природы. Свою критику Григорьевъ называлъ *органическою*. Художественное произведеніе есть органическое проявленіе внутренняго міра самого художника, живущаго въ связи съ народной жизнью. — При изученіи произведеній искусства надо пользоваться пріемами естественныхъ наукъ, смотрѣть на произведеніе искусства, какъ на организмъ. Григорьевъ даже бралъ термины оттуда, напр. народную поэзію называлъ растительною, драмы Эсхила—допотопными сравнительно съ драмами Шекспира. Григорьевъ первый взглянулъ на Пушкина, какъ на поэта народнаго, въ Островскомъ видѣлъ огромный талантъ. Изображаемые въ поэзіи типы дѣлилъ на двѣ группы: кроткихъ и хищныхъ.—Г. владѣлъ и поэтическимъ талантомъ. Кромѣ мелкихъ стихотвореній, онъ перевелъ изъ Шекспира Сонъ въ лѣтнюю ночь и Ромео и Джульетта, а изъ Мольера Школа мужей.

Н. Н. Страховъ (1828—1896) былъ большой знатокъ естественныхъ наукъ, философъ и литературный критикъ одного направленія съ Ап. Григорьевымъ. При началѣ своей литературной дѣятельности Страховъ, писавшій подъ псевдонимомъ Косицы, встрѣчалъ насмѣшки, но съ тѣхъ поръ, какъ здравые взгляды почвенниковъ распространились въ обществѣ, оно относится къ Страхову съ уваженіемъ. Лучшее его критическое сочиненіе есть разборъ романа Л. Толстого Война и миръ, разборъ вполнѣ эстетическій, безпристрастный, свободный отъ тенденціи.

Несмотря на то, что въ 60-хъ годахъ былъ очень силенъ общественный подъемъ и возбужденіе, и ре-,

формы быстро слѣдовали одна за другой, критика была довольно слаба: не касаясь вопросовъ психологическихъ и эстетическихъ (а къ послѣднимъ относясь даже съ пренебреженіемъ), она обратилась въ публицистику, стала подробно разбирать разные общественные, экономическіе, педагогическіе вопросы. Всѣ эти вопросы до такой степени сильно интересовали русское общество, что ихъ смѣло можно назвать жгучими. Неудивительно, что многія критическія статьи были полемическаго характера, касались личности, рылись въ тайникахъ сердца, поднимали домашнія дрязги, и въ выраженіяхъ не стѣснялись; критическія статьи нерѣдко наполнены были чуть не площадною бранью. Такимъ характеромъ отличались особенно критическія статьи „Русскаго Слова“ и „Дѣла“.

Беллетристика 80-хъ (1881—1894) годовъ.

§ 134. Въ беллетристикѣ 80-хъ годовъ замѣчаются тѣ же явленія, которыя характеризовали вторую половину 70-хъ годовъ. Подъ вліяніемъ совершившихся, но конечно еще не вошедшихъ глубоко во внутреннюю жизнь общества и народной массы, реформъ, измѣнились положеніе и характеръ образованнаго, или какъ теперь принято говорить, „интеллигентнаго“ общества. Дворяне-помѣщики, сначала прожившіе въ Петербургѣ, Москвѣ и заграницей „выкупныя свидѣтельства“ и скоро обѣднѣвшіе, разочаровались, иные даже озлобились, но потомъ принуждены были стѣснить себя матеріально и какъ нибудь устроиться въ новомъ положеніи, чтобы другія сословія, вѣками пріученныя къ труду, не перегнали ихъ относительно выгодъ цивилизаціи. Среднее сословіе, вышедшее изъ духовенства, мелкаго чиновничества, низшаго купечества и крестьянъ, продолжало учиться и работать, улучшать свой бытъ, прі-

обрѣтая недвижимость въ городахъ или скупая (при содѣйствіи Общественныхъ Банковъ) обѣднѣвшія дворянскія усадьбы, такъ что, рядомъ съ разными Деруновыми и Колупаевыми, появились, но уже не помѣщики, а землевладѣльцы изъ разночинцевъ. Проникнувшись новыми экономическими взглядами, а иные, увлекшись ученіемъ Л. Толстого о личномъ трудѣ, внесли въ деревенскую жизнь свѣжую, благотворную струю. Къ этимъ признакамъ жизни русскаго общества, почти одинаковымъ въ концѣ 70-хъ и въ началѣ 80-хъ годовъ, присоединилось нѣчто новое. Въ интеллигенціи стало замѣтно стремленіе къ философскому мышленію, выразившееся въ появленіи новыхъ писателей-философовъ, въ пробужденіи интереса къ философскимъ вопросамъ и въ успѣхѣ журнала *Вопросы философіи и психологіи*, предпринятаго Гротомъ (сыномъ академика). Когда увидѣли, къ какимъ послѣдствіямъ привело господство матеріализма и позитивной философіи, явилась реакція, возвращеніе къ основнымъ началамъ религіи и нравственности. Раньше всѣхъ къ нимъ обратились Достоевскій и Л. Толстой, а въ 80-хъ годахъ Влад. Сергѣевичъ Соловьевъ, сынъ знаменитаго историка. Въ жизни народной массы, вслѣдствіе уничтоженія крѣпостного права, явились тоже новыя черты. Коренныя свойства народнаго характера, подмѣченныя еще въ Ильѣ Муромцѣ, потомъ постепенно открываемыя въ народѣ Карамзинымъ, славянофилами и изслѣдователями народнаго быта и изображенныя Тургеневымъ, Григоровичемъ и другими, оказались на-лицо. Къ этому присоединились: 1) пріобрѣтенная, дарованною отъ Правительства свободою, самостоятельность въ жизни общественной и экономической; 2) усиленіе общины; 3) сознаніе тѣхъ удобствъ и выгодъ, какія доставляетъ грамотность. Явились, конечно, и неизбѣжныя неудобства, съ которыми приходилось считаться: 1) произволъ и безправіе разнаго рода „начальства“, начиная отъ стано-

вого пристава (особенно его письмоводителя) и кончая волостнымъ писаремъ; 2) господство кулачества, которое, благодаря толстому карману, держало въ своей кабалѣ всѣхъ обездоленныхъ и бобылей. Бо̀льшая свобода, пріобрѣтенная крестьяниномъ съ одной стороны и только что указанныя неудобства съ другой, заставили многихъ бросать деревню и бѣжать въ большіе города, чтобы тамъ разными способами заработать кусокъ хлѣба или пристроиться навсегда или наконецъ (въ рѣдкихъ случаяхъ) возвратиться въ деревню и обзавестись домкомъ рядомъ съ Деруновымъ. Къ этимъ явленіямъ общественной и экономической жизни крестьянина прибавилась, въ соотвѣтствіе интеллигенціи, важная нравственная черта—усиленіе религіознаго чувства. Мы не входимъ въ разсмотрѣніе его причинъ, его признаковъ, и не поднимаемъ вопроса, имѣло ли оно вліяніе на улучшеніе нравственности: мы только констатируемъ фактъ.

Отъ общаго обзора переходя къ литературѣ, ограничимся нѣсколькими выдающимися фактами. О томъ, что въ 80-хъ годахъ сдѣлано предшествовавшими писателями, сказано достаточно. Остановимся на писателяхъ, только что заявившихъ о себѣ.

А. Писатели романовъ и повѣстей.

§ 135. Первый изъ писателей, обратившихъ на себя вниманіе своимъ талантомъ, былъ *А. О. Новодворскій* (1853—1882), писавшій подъ псевдонимомъ *А. Осиповича*. Онъ былъ изъ мелкихъ дворянъ, дѣтство провелъ въ бѣдности, самъ развилъ себя чтеніемъ книгъ и перебивался уроками. Онъ заявилъ о себѣ эпизодомъ *Изъ жизни ни павы ни вороны*, напечатаннымъ въ Отеч. Запискахъ. Здѣсь описываются тревоги современнаго поколѣнія; это—дворяне, которые отстали отъ одного

берега, а къ другому не пристали. Креетьянъ у нихъ нѣтъ, выкупныя деньги истрачены, хозяйство или развалилось или перешло въ руки толстосумовъ. Недоучившаяся молодежь высоко о себѣ думаетъ, считаетъ себя въ правѣ наслаждаться жизнью, ничѣмъ этого не заслуживши.

Современникъ Новодворскаго необыкновенно симпатичный и популярный *В. М. Гаршинъ* (1855—1881) былъ гораздо талантливѣе и образованнѣе Новодворскаго. Близость къ семьѣ извѣстнаго педагога А. Я. Герда была очень полезна для умственнаго и нравственнаго развитія молодого человѣка; учился онъ въ Горномъ институтѣ, былъ потомъ добровольцемъ, участвовалъ въ сраженіяхъ и получалъ раны. Съ послѣднимъ обстоятельствомъ связано и начало его литературной извѣстности. Въ „Отеч. Зап.“ 1877 года онъ напечаталъ разсказъ *Четыре дня.* Здѣсь описана смерть солдата, который 4 дня оставался на полѣ сраженія съ разбитыми ногами, безъ пищи и воды. Гаршинъ называлъ свои произведенія стихотвореніями въ прозѣ и отрывочными воплями и признавался, что больше любитъ говорить о себѣ, нежели о внѣшнемъ мірѣ. Это было вѣрно только отчасти. Субъективны у него *Четыре дня, Трусъ, Ночь, Красный цвѣтокъ,* а объективны *Встрѣча, Надежда Николаевна, Гордый Аггѣй, Деньщикъ и офицеръ.* Въ „Красномъ цвѣткѣ“ изображенъ съумасшедшій; онъ бросается изъ окна второго этажа, чтобы сорвать цвѣтокъ, въ которомъ сосредоточено страданіе человѣчества. Нѣкоторые герои напоминаютъ самого Гаршина и Тургеневскаго Гамлета. Кромѣ размышляющихъ военныхъ, у него есть Гамлеты-художники, которые, будучи несомнѣнно талантливы, относятся съ сомнѣніемъ къ своему призванію; а другіе наоборотъ высоко цѣнятъ свое искусство, которое для нихъ цѣлый міръ. Въ разсказѣ *Ночь* изображается герой въ послѣдній періодъ своей жизни, когда судьба дала ему

цѣлый рядъ горькихъ разочарованій; но, какъ Гамлетъ, онъ своимъ положеніемъ рисуется и говоритъ, что умираетъ съ презрѣніемъ къ людямъ, называя ихъ кривляющимися обезьянами. Какъ видно, сочиненія Гаршина имѣли тѣсную связь съ его жизнью, и этимъ объясняется, между прочимъ, ихъ популярность.

Такихъ же гамлетовъ изображаетъ *М. Н. Альбовъ*. Первое по важности сочиненія его есть *День итога*, написанный подъ вліяніемъ романа Преступленіе и наказаніе. Въ противоположность Раскольникову, Гласковъ (герой повѣсти) страдаетъ слабостью нервовъ, щекотливымъ самолюбіемъ и нравственнымъ безсиліемъ. Неудача въ любви приводитъ его въ отчаяніе. Онъ бросаетъ всѣ свои планы, учебныя занятія, скитается безъ всякой цѣли по городу. И всетаки онъ красуется на своемъ пьедесталѣ и съ презрѣніемъ относится къ жалкимъ смертнымъ, дѣйствующимъ во имя самыхъ скромныхъ цѣлей. Преобладаніе рефлексіи — главная черта въ произведеніяхъ Альбова. Большею объективностью отличаются разсказы *До пристани*, *Невѣдомая улица*, *Конецъ Невѣдомой улицы*. Сфера поэзіи Альбова — низшее петербургское духовенство и мѣщане. Съ Альбовымъ имѣетъ сходство Баранцевичъ. Ему принадлежатъ повѣсти *Порванныя струны* (1878), *Дебютъ*, *Прахъ*, *Горсточка земли* и романъ *Чужакъ* (1882). Съ задушевною болью онъ описываетъ „Сумерки и гниль петербургской голодной“ интеллигентной жизни. Въ 1904 году Марксомъ изданъ Сборникъ разсказовъ Баранцевича, подъ названіемъ „Свободные сны“. Описывается жизнь финляндца, служащаго въ „Компаніи омнибусовъ“. Сидя за конторкой, онъ вспоминаетъ свою суровую родину и воображаетъ себя собственникомъ большого океанскаго парохода. У автора есть симпатичныя черты — доброе, душевное отношеніе къ своимъ героямъ, пониманіе людского горя и умѣнье возбудить къ нему сожалѣніе.

Разсмотрѣнные писатели отличаются субъективностью и пессимизмомъ. Они говорятъ преимущественно о себѣ, въ лицѣ героевъ изображаютъ свои собственныя страданія. Но были и другіе, которые отъ обѣднѣвшаго барина перешли къ изображенію другихъ сословій и рѣзко отдѣлили жителя столицы отъ жителя деревни. Сюда относится во первыхъ Петропавловскій, извѣстный подъ псевдонимомъ Каронина. Сочиненія его — разсказы изъ народнаго быта и картины причудъ „толстовцевъ". Повѣсти его *Мой міръ*, *На границахъ человѣчества*, *Барская колонія;* во вторыхъ Эртель. Онъ сначала изображалъ жизнь объективно, напр. въ *Запискахъ степняка* и въ повѣсти *Минеральныя воды*. Въ послѣдней описывается купеческій сынъ Шугаевъ, который выросъ среди степного приволья и воспитался подъ вліяніемъ своего отца, либерала-самоучки. Ѣдучи на минеральныя воды лѣчиться, молодой человѣкъ знакомится въ вагонѣ съ разными типическими личностями, напр., съ вылощеннымъ, не въ мѣру услужливымъ купчикомъ-дѣльцомъ, предводителемъ дворянства — говорливымъ представителемъ партіи „возстановленія сословія", банковымъ воротилой съ греко-молдавской фамиліей Зилотти и его дочерью, просвѣщенной дѣвицей, знакомой съ Тэномъ и г-жей Аданъ; при ней дѣвица „безъ состоянія", курсистка Вохина, приглашенная для совмѣстнаго путешествія. Съ 1887 года на талантѣ Эртеля замѣтно вліяніе тенденцій народническихъ и еще болѣе — Л. Толстого, напр., въ романѣ Гарденины, ихъ дворня, приверженцы и враги (1889). — Къ названнымъ писателямъ близокъ *Г. А. Мачтетъ*, который писалъ сначала очерки Сибирской жизни (Вторая правда, Мы побѣдили, Мірское дѣло). Здѣсь двѣ группы людей, интеллигенція и народъ, негодяи и честные, волки и овцы; первые стремятся господствовать, вторые терпѣливо переносятъ страданія. Эта знакомая тенденція особенно замѣтна въ романѣ *И одинъ въ полѣ не воинъ*.

Романъ читается съ большимъ интересомъ и увлекаетъ рядомъ истинно драматическихъ картинъ.

§ 136. Но не всѣ молодые писатели отличались такимъ пессимистическимъ взглядомъ на жизнь и стремленіемъ проводить идеи Л. Толстого. Болѣе сильные изъ нихъ шли своимъ путемъ. Сюда можно отнести В. Г. Короленко, И. Н. Потапенко, Мамина—Сибиряка и кн. Голицына (Муравлина). 1. *Короленко* воспитался подъ вліяніемъ южнаго солнца, яркихъ красотъ малороссійской природы; онъ привлекаетъ искренностью и юморомъ. Онъ имѣетъ большое сходство съ Гаршинымъ: въ высшей степени искренній, проникающій все ихъ міросозерцаніе идеализмъ и тонкое эстетическое чутье. Дѣйствіе разсказовъ Короленко происходитъ или въ городкахъ югозападнаго края или въ сибирской тайгѣ; дѣйствующими лицами являются нищіе, живущіе на старомъ заброшенномъ кладбищѣ, каторжники, сектанты. Первое произведеніе Короленко есть *Сонъ Макара* (1885). Полуякутъ, полурусскій дикарь, напившись пьянъ наканунѣ Рождества, заснулъ у себя дома, и ему пригрезилось, что заснулъ въ тайгѣ и его ведутъ къ великому Тайону на судъ. Разсказъ полонъ глубокой бытовой и философской правды. Въ томъ же году напечатаны *Очерки сибирскаго туриста*, описывающаго разбойничьи притоны въ сибирскихъ лѣсахъ. Повѣсть *Въ дурномъ обществѣ* изображаетъ исторію безпріютнаго мальчика въ городкѣ югозападнаго края. Онъ попалъ къ бродягамъ, которые поселились въ развалинахъ стараго замка, а потомъ, выгнанные оттуда, перешли въ подземные склепы заброшеннаго кладбища. Лучшимъ произведеніемъ Короленко считается *Слѣпой музыкантъ*. Все дѣйствіе разсказа происходитъ въ душѣ героя и представляетъ картину его умственнаго и музыкальнаго развитія при недостаткѣ зрѣнія. Зрительныя впечатлѣнія онъ пытается выразить звуками. Есть мѣста трогательныя, напримѣръ, описаніе дѣйствія, произве-

деннаго на слѣпца впервые услышанной народной пѣсней. Въ разсказѣ *„Не страшно“* ѣдущіе въ вагонѣ офицеры, бесѣдуя между собою, развиваютъ мысль, что люди иногда своими совершенно законными дѣйствіями причиняютъ страшное зло, а признать ихъ виновными нельзя (смѣта, убавляющая жалованье стрѣлочника, переутомленіе, приводятъ къ крушенію поѣзда). Это— новая варіація на тему „Кто виноватъ?“ Разсказъ *„Безъ языка“* описываетъ крестьянина изъ Волынской губерній, который, зная только свой родной языкъ, попалъ въ Америку, блуждалъ среди чуждыхъ ему людей и горевалъ. Высшей степени творчества талантъ Короленко достигъ въ двухъ небольшихъ разсказахъ: *„Старый звонарь“* и *„Ночь предъ свѣтлымъ праздникомъ“*. Въ 1904 году Короленко написалъ *„Письма о деревнѣ“*, гдѣ онъ старается указать причины крестьянскаго оскудѣнія и средства помочь. Къ практикуемымъ въ настоящее время средствамъ онъ присоединяетъ мѣры финансовой политики, именно поправить дѣло денежной поддержкой въ крупныхъ размѣрахъ и ослабленіемъ вывозной торговли, такъ какъ деревню убили свободный ввозъ хлопка и свободный вывозъ кормовыхъ сѣмянъ. Въ томъ же году въ сборникѣ „Къ свѣту“ Короленко помѣстилъ хватающій за душу разсказъ изъ Сибирскаго быта. Авторъ извлекъ изъ „Записной книжки“ воспоминаніе о типичной дѣятельности одного изъ мѣстныхъ „администраторовъ-феодаловъ“, засѣдателя, на отвѣтственности котораго находится, по его словамъ, цѣлое, такъ сказать, государство. 2. *Потапенко* началъ мелкими разсказами, изъ которыхъ лучшій *Святое искусство* — описываетъ нравы заднихъ рядовъ петербургской литературы и доказываетъ мысль, что талантъ можно развивать только образованіемъ и полезнымъ трудомъ. Въ 1890 году напечатаны *На дѣйствительной службѣ*, *Здравыя понятія*, *Секретарь его превосходительства*. Въ первой повѣсти изображается молодой чело-

вѣкъ, окончившій курсъ въ духовной академіи и промѣнявшій блестящую карьеру на скромный постъ сельскаго священника, мечтающаго осуществить высокій идеалъ своего призванія. Въ повѣсти прекрасно изображены не только подвижничество отца Варлаама, но и комическій переполохъ, который произвело это подвижничество въ озадаченномъ и сбитомъ съ толку причтѣ. Совсѣмъ противуположный типъ представляетъ Кремчатовъ, герой *Здравыхъ понятій*. Руководясь „здравыми понятіями", онъ медленно, постепенно устраиваетъ свое счастье. Но, достигши наконецъ полнаго счастья, герой выражаетъ какое-то недовольство: этимъ авторъ и выражаетъ свою главную мысль, что для полнаго счастья мало одного холоднаго ума; нуженъ честный, нравственный взглядъ на жизнь, руководство совѣсти. Въ III томѣ его сочиненій (1904) помѣщенъ одинъ романъ и 8 разсказовъ. Почти всѣ они говорятъ о нашемъ духовенствѣ. Изъ прежнихъ писателей этой сферы коснулся Лѣсковъ. Оба они одинаково знаютъ духовенство и относятся къ нему одинаково сочувственно. Разница въ манерѣ творчества. Лѣсковъ глубже вникаетъ въ бытъ духовенства и описываетъ его въ связи съ крупными общественными движеніями и съ вопросами объ организаціи русской церкви. Потапенко рѣдко выходитъ изъ роли бытовика. Лѣсковъ началъ писать поздно. На его очеркахъ видна печать диллетантизма и романтизма, замѣтны вычурность слога и несвойственный автору юморъ. Потапенко даетъ ровный, спокойный, идиллическій разсказъ, проникнутый юморомъ, и онъ производитъ цѣльное, опредѣлительное впечатлѣніе. Герои, представленные здѣсь, мало извѣстны публикѣ, и это придаетъ имъ новый интересъ. Въ VII томѣ помѣщенъ романъ *„Два счастья"* и нѣсколько разсказовъ. Между тѣмъ какъ подъ вліяніемъ реализма натуралистической школы, русскіе беллетристы усердно отыскиваютъ во всѣхъ сферахъ жизни всякую грязь и

тину мелочей, Потапенко не убоялся взглянуть на жизнь благожелательнымъ взоромъ и среди сѣрой, на видъ однообразной толпы выдѣлить лицъ, сіяющихъ нравственной красотой, даже не надѣляя ихъ слабостями, что, конечно, было бы натуральнѣе. Таковъ, напримѣръ, романъ *„Дочь курьера“*. Это міръ департаментскихъ сторожей и курьеровъ, мелочной, ограниченный, жадный до подачекъ. И въ этой-то сферѣ рисуется прекрасная дочь курьера. Это какой-то цвѣтокъ, выросшій на кучѣ грязи. Во всѣхъ ея поступкахъ видны врожденное благородство и деликатность. Ей не чужды и высшіе умственные интересы. Кончается тѣмъ, что героиня уходитъ въ деревенскую глушь трудиться. Такою же сказкою можно назвать романъ *„Два счастья“* гдѣ тоже находимъ идеализацію дѣйствительности, что вообще въ манерѣ Потапенко. Развѣ нѣтъ того же въ героѣ повѣсти „На дѣйствительной службѣ“ или въ героинѣ разсказа *„Генеральская дочь?“*. Нельзя не заявить, что всѣ разсказы Потапенко отличаются сухостью изложенія, отсутствіемъ поэтическаго элемента, напримѣръ, описаній красотъ природы, лиризма.

Самостоятельность есть и въ сочиненіяхъ *Мамина Сибиряка*. Это скорѣе этнографъ, описывающій бытъ Уральско-Сибирской горной промышленности. Авторъ, самъ охотникъ, ночуетъ въ сараѣ съ спутникомъ, исконнымъ обыватэлемъ горнозаводскаго городка, и обыватель разсказываетъ ему судьбу одной дворянской семьи (разсказъ *Проза*). Въ разсказѣ *Летные* (Бѣглые) авторъ описываетъ скитанія трехъ бродягъ, пріютившихся на пустынномъ островкѣ. Крестьяне ближней деревни вступаютъ съ ними въ переговоры въ обезпеченіе взаимной безопасности, и это даетъ автору случай описать бытъ крестьянъ и природу. Все описаніе согрѣто теплымъ и гуманнымъ отношеніемъ автора къ несчастнымъ людямъ. Разсказъ *Гнѣздо пауковъ* описываетъ провинціальную кассу ссудъ, устроенную на новыхъ началахъ однимъ

купцомъ съ компаніею. Весь интересъ повѣсти сосредоточивается на изображеніи двухъ дѣтей купца, которыя также играютъ въ кассу ссудъ, что при безхитростномъ разсказѣ, производитъ тяжелое впечатлѣніе. 4. Грустныя картины испорченности высшаго общества, вырожденіе русскаго служилаго сословія, вымираніе княжескихъ семей, описываетъ кн. Голицынъ (Муравлинъ). Лучшіе его очерки *Убогіе и нарядные* (1884) и *Теноръ*. Здѣсь изображается слабость разныхъ психопатовъ, увлекающихся заѣзжимъ теноромъ (явленіе только въ 80-хъ годахъ возникавшее) Разсказы Муравлина часто не выдержаны, скороспѣлы, но написаны съ паѳосомъ, съ возмущеннымъ гражданскимъ чувствомъ.

§ 137. Въ концѣ 80-хъ годовъ въ газетахъ и иллюстрированныхъ изданіяхъ стало появляться множество небольшихъ разсказовъ, сжатыхъ, занимающихъ 2—3 номера, но вполнѣ законченныхъ. Вѣроятнѣе всего это объясняется вкусомъ публики и общими законами развитія таланта, который начинаетъ съ маленькаго, а кончаетъ большимъ. Можетъ быть, и авторы очерковъ впослѣдствіи перейдутъ къ большимъ романамъ или даже къ научной прозѣ. 1. Главнымъ мастеромъ въ этой легкой прозѣ слѣдуетъ признать *А. П. Чехова* (умершаго въ Баденъ-Вейлерѣ 2 іюля 1904 года, въ самый разгаръ русско-японской войны). Въ некрологѣ его („Новое Время“ 3 іюля) сказано: это выдающійся художникъ-писатель, большая творческая, культурная, прекрасная сила. Писатель вдумчивый, оригинальный, замѣчательный драматургъ, задушевный человѣкъ, тонкій юмористъ, глубокій психологъ, почти философъ въ своей рисовкѣ будней мелкой жизни, писатель, особенный по техникѣ, часто миніатюристъ и живописецъ слова. Онъ сначала писалъ въ юмористическихъ журналахъ легкіе наброски подъ псевдонимомъ Антоній Чехонте. Многіе его разсказы, помѣщавшіеся сначала въ иллюстрированныхъ газетахъ и въ Сѣверномъ Вѣст-

никѣ, потомъ изданы въ Сборникахъ: Первые разсказы, Въ сумеркахъ, Хмурые люди. Разсказы Чехова, при всей фельетонности, обнаруживаютъ сильный талантъ, блестятъ художественнымъ юморомъ, но не связаны какой-нибудь серьезной идеей. Нѣкоторые представляютъ очень талантливое развитіе анекдота. Лучшіе тѣ, гдѣ къ анекдоту присоединена картина нравовъ. Напр., въ разсказѣ *Пѣвчіе* жители маленькаго городка пожелали встрѣтить важнаго посѣтителя стройнымъ церковнымъ пѣніемъ, а онъ захотѣлъ, чтобы обѣдню отслужили скорѣе, слѣдовательно, безъ пѣвчихъ. Есть и психическій анализъ, особенно въ изображеніи простыхъ натуръ и дѣтей. Простые люди описаны въ разсказахъ *Агафья*, *Вѣдьма*, *Панихида*, а дѣтская психологія — *Событіе*, *Ванька*, *Дома*. Въ послѣднемъ представленъ отецъ, который прибѣгаетъ къ разнымъ педагогическимъ пріемамъ, чтобы доказать семилѣтнему сыну Сережѣ вредъ куренья, но къ цѣли приводитъ сказка, казавшаяся самому разсказчику смѣшною и наивною. Въ концѣ 1891 года Чеховъ написалъ довольно большую повѣсть *Дуэль*, гдѣ мастерски описалъ нѣсколько типовъ, напр., Лаевскаго, похожаго на „лишнихъ людей“ 40-хъ годовъ, Фонъ-Корена, зоолога, натуры стойкой, твердой, суровой; онъ мечтаетъ о трудныхъ путешествіяхъ съ научною цѣлью; его возмущаетъ паденіе нравовъ, и для возстановленія ихъ онъ считаетъ необходимымъ ссылать и казнить безнравственныхъ людей. Очень хорошъ молодой дьяконъ, мягкій, гуманный, непосредственный человѣкъ. Онъ и фонъ-Коренъ — двѣ крайности, какъ Ленскій и Онѣгинъ, и поэтому они скоро другъ друга поняли, скоро сошлись и ведутъ безконечные споры. Въ лицѣ дьякона и Марьи Константиновны, простой и доброй женщины, хотя нѣсколько комичной, выражаются гуманныя тенденціи автора. Элементъ пессимизма и мистики глубоко проникаетъ такія вещи, какъ „Палата № 6-й“, „Черный

монахъ", и пьеса „Чайка". Очень хорошо у него изображеніе животныхъ въ „Каштанкѣ". Какъ дивно передана смерть гуся Ивана Ивановича и тотъ ужасъ, который посѣщеніе смерти вселяетъ въ людей и на животныхъ, равняя ихъ въ этомъ чувствѣ! Въ годъ смерти Чехова издана: повѣсть „*Синій чулокъ*" и поставлена на сцену драма „*Ивановъ*". Въ повѣсти развивается психологія любви. Все идетъ благополучно, остается устроить бракъ, но жениху приходитъ въ голову мысль, что его „ловятъ". Начинается душевный разладъ и дѣло расходится. Мужчина заговорилъ въ женихѣ сильнѣе, нежели человѣкъ. Онъ позволяетъ любить себя, но не высказываться, пока онъ самъ не разрѣшитъ. Въ драмѣ „Ивановъ" на фонѣ уѣзднаго захолустья показано трагикомическое содержаніе жизни. Нѣкоторые страдальцы погибаютъ отъ слишкомъ напряженной общественной дѣятельности, страстности въ трудѣ „для общества", идеи жить во имя общаго блага. Ивановъ въ одинъ годъ постарѣлъ. Авторъ желаетъ придать герою историческое значеніе, изображая дѣятеля 80-хъ годовъ. Но тогда люди были крѣпче. Ихъ могла сломить внѣшняя сила, но внутренній огонь не погасалъ. Герой жалуется на переутомленіе, на то, что поднялъ бремя непосильное, не соблюлъ душевной гигіены. Такое разочарованіе и раскаяніе не нужно, потому что не всегда же неудачи ведутъ къ унынію. Поэтому Ивановъ, какъ лицо историческое, не типиченъ. Пьеса можетъ быть названа историческою развѣ по отношенію къ автору, такъ какъ проливаетъ свѣтъ на исторію его души: въ „Ивановѣ" видно недовѣріе Чехова къ дѣлу, къ дѣятелю, къ дѣловитости, къ этому довольству самимъ собой, къ этой безжалостной неумолимой честности между тѣмъ какъ бездѣлье (которому положили начало еще Печоринъ и лишніе люди Тургенева) меланхолично, задумчиво грустно и этимъ привлекательно. Люди такого сорта стоятъ, повидимому, выше суетливой толпы

съ ея лихорадочною дѣятельностью. Но Чеховъ вовсе не идеализируетъ своего героя, и Ивановъ, какъ Гамлетъ, самъ смѣется надъ собственной „гнусной меланхоліей“. — Чехову принадлежитъ еще пьеса „Вишневый садъ“. Купцы, арендующіе дворянское имѣніе, рубятъ завѣтные вишневые сады и заколачиваютъ старыя дворянскія гнѣзда. Пьесу можно назвать элегіею, нѣжною, хрупкою. Въ ней нельзя искать глубокой фабулы или страстнаго движенія: она привлекаетъ тонкостью рисунка и мягкими переливами мечтательнаго колорита.

Разсказы *Ив. Щеглова* (псевдонимъ) изображаютъ большею частью военный бытъ и напоминаютъ Л. Толстого, но они самостоятельны, а не подражаніе. Таковы напр. *Первое сраженіе*, *Поручикъ Поспѣловъ*, *Неудачный герой*. Эти разсказы, вмѣстѣ съ военными же разсказами Гаршина, могутъ служить комментаріями къ картинамъ погибшаго въ русско-японской войнѣ художника Верещагина. Проза войны выступаетъ здѣсь на первый планъ. Изъ-за побѣдителей, со славой „павшихъ на полѣ битвы“, виднѣются искалѣченные, больные, забитые, умирающіе безвѣстно и безславно. Враги, съ которыми приходится имѣть дѣло, не японцы и хунгузы, а — неприготовленность, нераспорядительность, и рядомъ съ ними — стремленіе къ наживѣ. Но интересъ разсказовъ — не въ идеѣ, а въ картинахъ и сценахъ, исполненныхъ движенія и правды. Въ разсказѣ *Первое сраженіе* повѣствуется о томъ, какъ батарея, одна рота за другой, гибнетъ при движеніи къ вершинѣ горы, которая только что потеряна нашими войсками и отбивается у турокъ. Два разсказа *Идиллія* и *Жареный гвоздь* также заимствованы изъ военнаго быта, но изъ болѣе мирнаго времени. Во одно время съ разсказами Щеглова вышелъ въ свѣтъ его романъ *Гордіевъ Узелъ*, гдѣ повѣствуется о томъ, какъ артиллерійскій капитанъ, слушатель академіи, полюбившій простую дѣвушку, за-

хотѣлъ на ней жениться и поэтому принужденъ знакомиться съ ея родственниками, лакеемъ, кухаркой; встрѣтивши съ ихъ стороны грубость, а со стороны дѣвушки пренебреженіе, онъ кончаетъ жизнь самоубійствомъ. — Разсказы Щеглова изъ жизни другихъ сословій: *Корделія*, *Миньона*, *Петербургская идиллія*, *Дачный мужъ*, *Миръ праху*. Онъ далъ рядъ драматическихъ произведеній: „Въ горахъ Кавказа“, „Затерянный мудрецъ“, „Красный цвѣтокъ“, „Женская чепуха“ и еще романъ „Милліонъ терзаній“.

Господствовавшая въ литературѣ 80-хъ годовъ форма очерковъ и небольшихъ разсказовъ выдвинула еще нѣсколько болѣе или менѣе талантливыхъ писателей: А. В. Круглова, Бѣжецкаго, К. К. Случевскаго (болѣе извѣстнаго какъ лирика), Льдова и проч. Кругловъ — беллетристъ и стихотворецъ. Разсказъ „Домна ректорша“ описываетъ бытъ семинаристовъ, живущихъ на частной ученической квартирѣ. Ректоршу всѣ любятъ, какъ родную мать. Изъ стихотвореній его извѣстно: „А изъ рощи, рощи темной пѣснь любви несется“. Бѣжецкій —авторъ прекрасныхъ разсказовъ „Военные на войнѣ“. К. К. Случевскій (отецъ) сначала былъ лирическій поэтъ чистаго искусства съ патріотическимъ направленіемъ. Его поэзію скорѣе можно сравнить съ патріотизмомъ Пушкина, нежели съ славянофильствомъ Хомякова. Быту и характеру русскаго народа онъ посвящаетъ цѣлый рядъ стихотвореній, напримѣръ „Полдень“, „На завалинкахъ у хатъ“, „Люблю я службу“, „Полдневный часъ“. Послѣднее оканчивается мыслью о тяжести крестьянскаго труда. Не менѣе удачно изображаетъ Случевскій холодный, далекій сѣверъ съ его скалами, глыбами льда, странными животными и непонятными для насъ обитателями. Его „Отголоски съ Мурманскаго берега“ полны оригинальной красоты и поэзіи. Порою онъ страдаетъ небрежностью формы, прозаизмомъ, порою — вычурностью. Очень хороши его бал-

лады-фантазіи, сказки и поэма „Въ снѣгахъ“. Случевскій — философъ, и его прозаическая поэма „Профессоръ безсмертія“ одна уже могла бы сдѣлать ему имя. Изъ послѣднихъ его произведеній интересны „Пѣсни изъ уголка“. Потомъ онъ перешелъ къ прозѣ. Его разсказы проникнуты мыслью о таинственной связи между собою событій, связи, сплетающей прошедшее, настоящее и будущее въ одинъ неразрывный клубокъ. Въ другихъ разсказахъ выражены мысли о загробной жизни, которая представляется ему со всѣми подробностями, какъ бы осязаемою. Стремленіе постигнуть тайны загробнаго существованія уживаются у него съ благожелательнымъ, почти любовнымъ отношеніемъ ко всѣмъ проявленіямъ жизни.— Изъ произведеній Льдова выдаются его шутливые стишки для дѣтей, и дѣти усердно ихъ запоминаютъ.

§ 138. Изображеніе простонароднаго быта въ 80-хъ годахъ основывалось на проникновеніи въ главныя свойства народнаго характера. Лучшіе писатели Глѣбъ Успенскій и Златовратскій. *Глѣбъ Успенскій* (изъ духовныхъ, умеръ 24 марта 1902 года) владѣлъ выдающимся талантомъ. Это былъ знатокъ русской интеллигенціи съ ея вѣчно больною совѣстью, разладомъ между словомъ и дѣломъ. Онъ былъ народникъ. Его идеалъ — патріархальный бытъ, но только въ мечтѣ, а, при анализѣ крестьянской жизни, онъ является врагомъ народническихъ иллюзій и указываетъ эфемерность народныхъ устоевъ. Подъ конецъ жизни Успенскій разочаровался въ цивилизаціи Западной Европы, у которой нечего перенимать, а надо развить свои исконныя начала. Онъ сожалѣлъ о разложеніи старыхъ формъ крестьянской жизни, напримѣръ, общиннаго быта. Когда выстроили желѣзную дорогу и вокзалъ, патріархальная жизнь исчезла. Слѣдовательно, Успенскій писатель переходной эпохи. Литературная дѣятельность его началась съ 1866 года, помѣщеннымъ въ „Совре-

менникѣ“ разсказомъ „Нравы Растеряевой улицы“. Это рядъ очерковъ и сценъ, типичная галлерея характеристическихъ лицъ, описанныхъ съ мягкимъ юморомъ. Изображаются мелкіе чиновники, провинціальные мѣщане, которыхъ жизнь проходитъ въ борьбѣ за существованіе, или изображается энергическій протестъ души, проснувшейся подъ дѣйствіемъ новыхъ идей и стремящейся къ свѣту и правдѣ. Прекрасно изображена семья генерала Качалова, умнаго дѣятеля, не терпящаго лжи, и за это домашніе называютъ его извергомъ. Типиченъ чиновникъ Толоконниковъ, съ больнымъ самолюбіемъ, дома самодурствующій надъ покорной женой. Хорошо описано, какъ въ семьѣ проводится зимній вечеръ. Въ „Разореньѣ“ описывается растерявшееся общество, потрясенное реформами и новыми вѣяніями, тревоги, опасенія и неосновательныя надежды („Наблюденія Михаила Ивановича“). Послѣ довольно продолжительнаго пребыванія за границей Гл. Успенскій перешелъ къ изображенію крестьянской жизни. Сначала онъ описывалъ крестьянина обезпеченнаго, котораго наблюдалъ въ одномъ изъ уѣздовъ Самарской губерніи, и смотрѣлъ на него болѣе безпристрастно. А подъ вліяніемъ новыхъ идей, которыя онъ называлъ „табличкой умноженія“, проникся сочувствіемъ, и „табличка“ заговорила. Оказалось напр., что крестьяне помѣщичьи (въ очеркѣ *Черная работа*) являются не въ примѣръ трудолюбивѣе и нравственнѣе, чѣмъ крестьяне казенные, искони жившіе на полной свободѣ. Очеркъ *Не въ привычкѣ дѣло* тоже разрушилъ „табличку умноженія“. Образованный человѣкъ отправился въ деревенскую глушь, чтобы трудиться наравнѣ съ крестьянами и испытать всѣ ихъ неудобства. Но крестьяне, не понявши его высокихъ цѣлей, назвали его чудакомъ, потворствовали ему, наконецъ обобрали. Подобныхъ героевъ, начитавшихся умныхъ книжекъ, между прочимъ сочиненій гр. Л. Толстого, и пожелавшихъ „опроститься“, слиться съ

народомъ, и наконецъ потерпѣвшихъ неудачу, было много въ 60—70 годахъ, и литераторы, въ родѣ Глѣба Успенскаго, умѣли подмѣтить ихъ и изобразить. Господство кулачества описано въ очеркѣ *Деревенская неурядица*. Переѣхавши изъ Самарской губерніи въ Новгородскую, преимущественно земледѣльческую, Успенскій отыскалъ здѣсь важную силу — силу „Земли", которая заставляетъ мужика трудиться въ потѣ лица и въ этомъ трудѣ искать нравственнаго оздоровленія. Это описано въ очеркѣ *Власть земли* (1882).

Н. Н. Златовратскій по происхожденію принадлежалъ къ сельскому духовенству Владимірской губерніи. Во время обученія пользовался совѣтами дядей, студентовъ и товарищей Добролюбова, и читалъ много книгъ изъ дворянской библіотеки. Онъ смотрѣлъ на жизнь болѣе объективно, изображалъ въ крестьянахъ положительныя черты, какъ будто идеализировалъ, разсуждая, какъ подъ этими положительными чертами будетъ развиваться крестьянинъ, получившій свободу. Въ 1874 году Златовратскій написалъ большой романъ *Крестьяне присяжные* и привлекъ къ себѣ общее вниманіе. Онъ ищетъ общественныхъ и нравственныхъ основъ для спокойной и счастливой жизни. Эти основы, по его мнѣнію, заключаются въ созданныхъ народомъ формахъ общежитія — общинѣ и артели, въ которыхъ господствуетъ единство въ духѣ любви и братской солидарности, въ общихъ трудахъ и въ пользованіи ихъ результатами. Въ концѣ литературной дѣятельности оба писателя сходятся во взглядахъ: у Успенскаго господствуетъ власть земли, и если человѣкъ ей не подчинится, онъ лишается самостоятельности; у Златовратскаго — подчиненіе вѣчнымъ общиннымъ порядкамъ; мужикъ хорошъ, когда имъ подчиняется, когда еще не сдѣлался „умственнымъ" человѣкомъ. Картины народнаго быта сгруппированы у Златовратскаго въ сочиненіяхъ подъ двумя заглавіями: *Деревенскія будни* (1882) и *Устои, исторія одной*

деревни (1884). Златовратскій рисуетъ нѣсколько типовъ людей, которые захотѣли отдѣлиться отъ общины и устроить самостоятельную жизнь. Таковъ напр., *Сысой Строгій*, *Борисъ*, *Петръ*. Послѣдній, добывши для своихъ односельчанъ посредствомъ суда землю, не захотѣлъ дѣлить ее по старинному обычаю, обезпечивая всѣхъ одинаково, а захотѣлъ разбить ее на большіе участки и давать во временное пользованіе только настоящимъ „хозяйственнымъ" мужикамъ. Бѣдняки, конечно, на это вооружились, и ихъ сторону приняли старинные люди, общинники.

§ 139. Въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, особенно въ „Нивѣ„ и „Всемірной Иллюстраціи" появилось много историческихъ романовъ, въ которыхъ трудно искать исторической достовѣрности, но занимательности достаточно, благодаря фантазіи авторовъ. 1) Плодовитѣе другихъ въ этомъ отношеніи оказался сынъ историка и братъ философа Всеволодъ Соловьевъ. Его романы *Княжна Островская*, *Юный Императоръ*, *Капитанъ гренадерской роты*, *Сергѣй Горбатовъ* и проч. рисуютъ и благонамѣреннаго героя, доблестнаго патріота, и крамольниковъ, и какую—нибудь мало извѣстную, но очень вліятельную таинственную личность. 2) Романъ М. А. Загуляева *Русскій якобинецъ* представляетъ очень занимательное чтеніе. Дѣйствіе происходитъ во Франціи во времена Террора. Эпоха и люди этого времени обрисованы очень вѣрно и живо, при чемъ автору, пишущему въ первомъ лицѣ, прекрасно удалось воспроизвести тонъ, взгляды и манеру изложенія мемуаровъ XVIII вѣка.

Б. Лирическіе писатели.

§ 140. Большая часть новыхъ писателей, современниковъ движенія 60—80 годовъ, были люди молодые, живо принимавшіе къ сердцу все, что предъ ними происходило; отъ этого неудивительно, что лириковъ у насъ было много, произведенія ихъ издавались цѣлыми сборниками; печаталось часто безъ всякаго выбора, и хорошее и дурное. Иные сборники не были даже замѣчаемы, ни публикой, ни критикой. Остановимся на поэтахъ, болѣе выдающихся.

На первомъ мѣстѣ надо поставить тѣхъ, которые выражали современное настроеніе общества, настроеніе скорбное, унылое, но не безотрадное; у нихъ есть исканіе правды и свѣта, надежда на лучшія времена. Самый талантливый и болѣе популярный выразитель думъ и чувствъ современнаго молодого поколѣнія былъ *С. Я. Надсонъ* (1862—1887). Онъ много бѣдствовалъ и страдалъ душевно и физически, много лѣчился, но человѣкъ былъ симпатичный и былъ любимъ своими товарищами и знакомыми. Ему дали возможность ѣхать за границу, что, впрочемъ, не принесло ему пользы. Умеръ онъ въ Крыму.

Сочиненія Надсона въ продолженіе 5 лѣтъ выдержали 10 изданій. Причина такого необыкновеннаго успѣха заключается во 1-хъ въ личности самого автора, представившаго собою типъ поэтической натуры; во 2-хъ читателей привлекала форма стихотвореній его, музыкальный стихъ, изящная прелесть, граціозность образовъ, искренняя задушевность лиризма. Его поэзію особенно характеризуетъ стихотвореніе *Другъ мой, братъ мой*. Поэтъ убѣждаетъ страдальца, кто бы онъ ни былъ, не падать духомъ, хотя бы неправда полновластно царила надъ омытой слезами землей; настанетъ пора, когда погибнетъ Ваалъ и вернется на землю любовь, но не подъ гнетомъ цѣпей, а съ яркимъ свѣточемъ

славы, и тогда не будетъ ни слезъ, ни вражды, ни меча, ни позорныхъ столбовъ. Въ его поэзіи выразились стремленія переживаемой эпохи, жажда дѣла и страданья, призывъ своего поколѣнія на борьбу съ порокомъ, надежда на личное счастье, даже на общій миръ и довольство, на побѣду истины и торжество любви (*Весенняя мечта*, конецъ стих. *Грезы*). Но, говоря о человѣкѣ, Надсонъ не забываетъ и природы, которая нерѣдко успокаивала, убаюкивала его и внушала ему страницы, полныя задумчивой нѣги, напр., стихи *Въ глуши*, *Отрывокъ*, *Долго въ ясную ночь*, *Облако*, *Въ безлунную ночь*. Глубокое проникновеніе чувствомъ не мѣшало ему заботиться о формѣ своей лирики, передѣлывать произведенія нѣсколько разъ для приданія имъ пѣвучести, а главное сжатости. Въ 1902 году вышелъ новый сборникъ его стихотвореній подъ заглавіемъ Недопѣтыя пѣсни. Мотивы прежніе: тоска одиночества, жажда ласки, мучительное недоумѣніе передъ жизнью. Слогъ здѣсь уже довольно прозаическій. Поэтъ *Виленкинъ* (подъ псевдонимомъ *М. Н. Минскаго*) превосходилъ другихъ лириковъ своего времени широтой и разнообразіемъ содержанія поэзіи, но главный источникъ его вдохновенія — любовь въ самомъ широкомъ смыслѣ, любовь, торжествующая надъ ненавистью и злостью, ведущая къ прощенію и примиренію. Предметъ его любви — весь русскій народъ, вся Россія, а не одно крестьянство. Обращается же онъ по преимуществу къ молодежи, напр., къ товарищу, который не лукавитъ умомъ, не гнушается сердцемъ и потому не можетъ выдержать житейской битвы. Въ стихотвореніи *Послѣдняя воля* умирающій другъ проситъ приходить къ его могилѣ и сообщать вѣсти о томъ, что творится въ оставленной имъ отчизнѣ. Поэтъ касается и своего призванія. Въ стихотвореніи *Весталка*, жалобѣ на упадокъ древняго величія, на безуміе черни, противопоставляется суровый голосъ всегда неизмѣннаго

долга. Но и въ эпохи грустнаго разочарованія поэтъ находитъ утѣшеніе въ природѣ, поддается ея чарамъ, прислушивается къ ея успокаивающему голосу (На высотѣ, На кораблѣ, Вечеръ). Другая область, въ которой Минскій находитъ тишину и душевный миръ, это — область личнаго чувства, область любви, хотя и грустной, напоминающей Гейне, имѣвшаго, какъ извѣстно, сильное вліяніе на русскихъ лириковъ при воспѣваніи любви.

Въ 1887 г. вышелъ сборникъ стихотвореній Константина Михайловича Фофанова. Сборникъ обратилъ на себя вниманіе, хотя при несомнѣнномъ дарованіи поэта, стихи его поражали неряшливостью и небрежностью. Когда же въ 1896 году вышло пять частей его стихотвореній: „Маленькія поэмы“, „Этюды въ риѳмахъ“, „Снѣгурочка“, „Майскій шумъ“ и „Монологи“, знатоки дѣла увидѣли громадный шагъ впередъ, сдѣланный поэтомъ со времени перваго сборника. Оказалось, что это поэтъ истинный, какъ Надсонъ и Гаршинъ, поэтъ напоминающій Майкова и Фета. Таковы напримѣръ, „Майскій шумъ“, „Весенняя запѣвка“, „Разлука“. Кромѣ лирическихъ стихотвореній у него удачны баллады и сказки въ стихахъ. Въ 4-е изданіе его сочиненій вошелъ цѣлый томъ прозы. Превосходна его повѣсть „Архивъ графини Д.“ разительная картина свѣтскихъ нравовъ. „Недоконченная повѣсть“, помѣщенная въ „Вѣстникѣ Европы“, рисуетъ эпоху Севастополя и возрожденіе 50-хъ годовъ. — Поэтъ — гражданинъ Жемчужниковъ занимаетъ почетное мѣсто въ нашей поэзіи. Гражданская ода его всегда — плодъ глубокаго убѣжденія и искренняго чувства.

Не безъ основанія обозрѣватели русской лирики конца столѣтія останавливаются на стихотвореніяхъ поэта, печатающагося подъ двумя буквами К. Р. Его муза сохраняетъ преданія сороковыхъ годовъ, и стихи привлекательны обработанностью формы и оригиналь-

нымъ колоритомъ. Особенно интересны пьеска „Письма про алые цвѣты“ и поэмы „Себастіанъ мученикъ“ и „Будда“. Произведенія 90-хъ годовъ еще обработаннѣе, напримѣръ, „Въ дѣтской“. Этому же автору принадлежитъ переводъ „Гамлета“ съ обширными комментаріями.

Господство субъективнаго пессимизма въ лирикѣ 80-хъ годовъ мѣшало выступать поэзіи обличительной, которая играла такую видную роль въ 60-хъ годахъ. Мы можемъ указать только на *В. П. Буренина*, писателя весьма разнообразнаго. Его лирическія произведенія въ первый разъ вышли въ 1881 году въ сборникѣ подъ названіемъ *Стрѣлы*. Въ немъ нѣсколько отдѣловъ: поэмы въ стихахъ (Новый Донъ Жуанъ, Весенняя гирлянда), современныя басни, гдѣ авторъ описываетъ разныхъ современныхъ общественныхъ и литературныхъ дѣятелей, сатиры вродѣ Некрасова и наконецъ драматическія пародіи, напр., на Моцарта и Сальери. Во всѣхъ этихъ произведеніяхъ видны чуткость къ злобамъ дня, остроуміе, легкій, гибкій стихъ, способный принимать всѣ свойства пародируемаго автора.

Кромѣ элегіи и отчасти сатиры, въ лирикѣ 80-хъ годовъ можно видѣть и другія направленія, даже стремленіе къ чистому искусству, соединяемое съ заботою о красотѣ формы, изяществѣ стиха. 1) Стихотворенія *А. Н. Апухтина* (1860—1893) привлекаютъ художественною простотою. У него нѣтъ того разнообразія, какое находимъ у Надсона и Минскаго. Въ настроеніи его преобладаетъ меланхолія; воспоминаніе о прошломъ счастьѣ, ощущеніе холода и тумана въ настоящемъ, предчувствіе еще бо́льшого мрака — эти мотивы звучатъ особенно сильно, только иногда уступая мѣсто мотивамъ радостнымъ и свѣтлымъ. Но нигдѣ обаяніе тишины, забвенія, вѣчнаго покоя, смѣнившаго страстную жажду жизни, не выражено у Апухтина такъ образно и ярко, какъ въ небольшой поэмѣ, посвященной Вене-

ціи. Поэтъ живо чувствуетъ русскую природу (*Проселокъ*, *Ночь въ монастырѣ*). Въ стихотвореніи *Ночь въ монастырѣ* описывается борьба съ невѣріемъ и сомнѣніемъ, но еще яснѣе освѣщена напрасная борьба съ тѣмъ чувствомъ, которое привело героя поэмы въ монастырь и опять вызываетъ его оттуда на тернистый путь и на вольное мученье.

Указанными писателями далеко не исчерпывается область лирики 80-хъ годовъ. Свой кругъ читателей имѣли Величко, Козловъ, Голенищевъ-Кутузовъ кн., Цертелевъ. Таланту *Величко* принадлежатъ Восточные мотивы, изъ которыхъ лучшіе — притчи, напр., Ахметъ, На минаретѣ, Слѣпецъ, переводы изъ Гафиза и Саади. Стихотворенія *А. А. Голенищева-Кутузова* отличаются красивой мелодичной формой и симпатичной мыслью. Лучшія: *Прошумѣли весеннія воды, Снилось мнѣ небо лазурное, чистое... Для битвы честной и суровой... П. А. Козловъ* сначала писалъ лирическія стихотворенія, потомъ переводилъ съ англійскаго; капитальный трудъ въ этой области Донъ Жуанъ (1889). Кн. *Цертелевъ* извѣстенъ переводами изъ Восточной поэзіи. *В. С. Лихачевъ* — даровитый переводчикъ. Переводы его изъ Мольера увѣнчаны Академіей. Богатство лирики 80-хъ годовъ побудило журналъ „Русская Мысль“ издать въ 1890 году цѣлый сборникъ стихотвореній подъ названіемъ *Послѣ Пушкина*. Здѣсь помѣщены лучшія произведенія 74 лириковъ, расположенныхъ въ азбучномъ порядкѣ. Изъ этого списка къ новымъ поэтамъ 80-хъ годовъ принадлежитъ около 20.

В. Писатели драматическіе.

§ 141. Въ драматической поэзіи 80-ые годы не представили ничего выдающагося, но театры не пустовали, потому что Горе отъ ума, Ревизоръ и драмы Островскаго сохранили интересъ и для новаго поколѣнія, осо-

бенно благодаря правдивому исполненію ихъ на сценѣ. Изъ новыхъ писателей публика охотно смотрѣла пьесы Виктора Крылова, Сухово-Кобылина, Сумбатова, Шпажинскаго. Въ 1883 году по женскому вопросу имѣли успѣхъ пьеса Суворина и Буренина „Медея", а въ слѣдующемъ Модеста Чайковскаго „Лизавета Николаевна". Тому же автору принадлежитъ „Симфонія", изображающая внутреннюю жизнь Петербургскаго музыкальнаго міра. Критику гражданскаго судебнаго процесса представляетъ пьеса Ѳедотова „Про бѣлаго бычка". Актерскій міръ изображенъ въ пьесѣ Сумбатова „Мужъ знаменитости". Въ 1886 году всѣ сочиненныя тогда драмы затмила собой почти балаганная пьеса, роскошно поставленная подъ названіемъ „Волшебныя пилюли", хотя бо́льшаго вниманія заслуживали бы „Горящія письма" Гнѣдича. Въ 1887 году успѣхъ имѣли „Вторая молодость" Невѣжина, „Эгмонтъ" Гете въ переводѣ Виктора Крылова, „Смерть Агриппины", Буренина и „Виндзорскія проказницы" Шекспира въ переводѣ Вейнберга. Въ 1888 г. была возобновлена при роскошной и исторически вѣрной обстановкѣ „Псковитянка" Мея и дана 14 разъ; но особенный успѣхъ имѣла „Ольга Ранцева", передѣланная изъ романа Маркевича „Четверть вѣка назадъ". Крупный успѣхъ выпалъ на долю драмы Суворина „Татьяна Рѣпина". Пьеса основана на истинномъ происшествіи и по содержанію нѣсколько сходна съ „Кларою Миличъ" Тургенева. Въ пьесѣ въ яркихъ и правдивыхъ чертахъ представлено драматическое положеніе актрисы, которая чувствуетъ себя женщиной, но на которую никто такъ не смотритъ; она ищетъ любви, а встрѣчаетъ только поклоненіе ея таланту. Въ 1889 году поставлены пьесы: Антона Чехова „Ивановъ», Шпажинскаго „Въ старые годы" и Буренина „Забава Путятишна"; это первая попытка обратить народную былину въ драматическое произведеніе. Въ 1891 году поставлены „Плоды просвѣщенія" графа Л. Толстого. Пьесу дали 18 разъ, но она и теперь часто появляется

на сценѣ, равно какъ и „Власть тьмы“. Въ промежуткахъ между этими пьесами опять неувядающіе Грибоѣдовъ, Гоголь, Островскій и рядомъ съ ними Потѣхины, Викторъ Крыловъ, Сухово-Кобылинъ, Шпажинскій. Ихъ произведенія, полныя драматизма и сценическихъ эффектовъ, сохраняютъ интересъ для публики независимо отъ роскошной обстановки.

§ 142. Представителями критики 80-хъ годовъ можно считать Скабичевскаго и Буренина. Бывшему сотруднику „Отечеств. Записокъ“ *А. М. Скабичевскому* (нынѣ здравствующему) принадлежатъ два тома критическихъ статей, Исторія новѣйшей русской литературы (нѣсколько изданій) и Исторія русской цензуры. Начало его критической дѣятельности совпадаетъ съ проявленіемъ реалистическаго міровоззрѣнія, какъ реакціи идеализму 40-хъ годовъ. Статьи сюда относящіяся: Русское недомысліе (1862—67), Новое время и старые боги (1867). Изъ критическихъ статей, собранныхъ въ двухъ томахъ (1890), самыя обширныя посвящены роману Гончарова Обрывъ, Льву Толстому, Гл. Успенскому, русскому роману. Написанныя ясно и обстоятельно, критическія статьи Скабичевскаго составляютъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе для русской литературы. Викторъ Петровичъ Буренинъ (род. 1841 г.), въ литературѣ выступилъ съ юмористическими стихами въ 1862—66 г. въ „Искрѣ“, много переводилъ изъ западныхъ поэтовъ. Съ 1865 г. писалъ блестящіе фельетоны подъ литерою Z Хотя у него есть прекрасная работа о Тургеневѣ, но не въ положительныхъ оцѣнкахъ его главная сила. Пародія, памфлетъ, ѣдкая насмѣшка, бичующій сарказмъ, вотъ гдѣ онъ порою неподражаемъ, тонокъ, порою ядовитъ. У него есть вѣрный вкусъ, критическое чутье, большой здравый смыслъ и обширная литературная эрудиція. Кромѣ того Буренинъ стоитъ совершенно внѣ всякихъ партій и направленій, что въ критикѣ составляетъ весьма существенное достоинство.

Краткій очеркъ литературы послѣдняго времени (1894—1904).

§ 143. Благополучное царствованіе Императора Николая II (вступившаго на престолъ 21 октября 1894 г.) приходится какъ разъ къ концу только что пережитаго нами 19-го столѣтія и къ первымъ годамъ 20-го. Нельзя не согласиться съ тѣми мыслителями, которые, обозрѣвая жизнь человѣческаго общества конца истекшаго столѣтія, видятъ въ ней признаки утомленія воли и мысли, оскудѣніе вѣры въ себя, вѣры въ тѣ великія идеи, которыми человѣчество движется. Объясненія современнаго состоянія русскаго (да и общеевропейскаго) общества мы коснемся ниже; теперь скажемъ только, что намъ, русскимъ, не до того: мы теперь заняты рѣшеніемъ труднѣйшей, можетъ быть, для всего человѣчества, задачи, — грандіозной борьбы нашей на Дальнемъ Востокѣ. Чѣмъ она, эта борьба, разрѣшится, — извѣстно одному Богу, а пока несомнѣнно, что она потребовала отъ насъ величайшаго напряженія всѣхъ умственныхъ, нравственныхъ и матеріальныхъ силъ, и вся ея тяжесть легла на насъ, русскихъ, между тѣмъ какъ остальная Европа пока только смотритъ на насъ съ тревожнымъ вниманіемъ и надеждою на лучшій исходъ ожесточенной борьбы.

§ 144. Прежде нежели перейти къ литературѣ послѣдняго десятилѣтія, бросимъ легкій взглядъ на истекшій XIX вѣкъ.

Литература наша во все истекшее столѣтіе, проявляя очевидные признаки самобытнаго развитія, не чуждалась въ то же время благотворнаго вліянія культуры и словесности народовъ Западной Европы. Едва ли будетъ ошибкою, если мы скажемъ, что въ 18-мъ столѣтіи болѣе сильно вліяла на насъ культура народовъ романскаго племени, преимущественно французовъ, а въ 19-мъ — германскаго, нѣмцевъ и отчасти скандинавовъ.

Стоитъ только припомнить имена Канта, Шеллинга, Гегеля, Нибура, Либиха, Шиллера и Гете, Гумбольта, Маркса, Шопенгауэра, Ницше, Гауптмана, Метерлинка... Старшія поколѣнія еще доживаютъ остатками шеллингіанства, на которомъ взросли славянофильство и народничество и даже религіозная философія Ясной Поляны, между тѣмъ молодежь питается остатками гегельянства въ видѣ „Марксизма". Основное и преимущественное качество нѣмецкой (большею частью протестантской) культуры въ томъ, что она всякое явленіе чувства, безсознательнаго творчества, исключительныхъ качествъ духа и генія, проводитъ черезъ сознаніе и, разложивъ на простыя, удобопонятныя формулы, дѣлаетъ достояніемъ массъ. Изъ поэтовъ Скандинавскихъ довольно упомянуть Ибсена и Бьернсона. Мрачная, прямолинейная муза этихъ драматурговъ влила особую тягостную струю въ сумерки утомленнаго вѣка, но по крайней мѣрѣ она говорила о правахъ добра, о подвигѣ долга, о суровой справедливости, и явилась костылемъ больному духу вѣка. — Вліянія англійскихъ поэтовъ (Стивенсона, Киплинга) нельзя и сравнивать съ тѣмъ, что досталось на долю Диккенса и Теккерея.

Вліяніе французское было сильно и очень прочно до франко-русскаго союза. Оно выразилось въ лицѣ Бальзака, Жоржъ-Зандъ и Огюста Конта, на писателяхъ 40—60 годовъ, а въ лицѣ Флобера, Доде, Золя и проч. на писателяхъ 70—80 годовъ.

Очень остроумно обозрѣватели культуры истекшаго столѣтія сравниваютъ его начало съ концомъ. Люди 20—30 годовъ, въ пору расцвѣта нашей поэзіи и прозы, въ пору Пушкина и Гоголя, воспитали свои мысли на твореніяхъ Гегеля, величайшаго, всеобъемлющаго мыслителя германской философіи. Въ наши дни мы встрѣчаемъ въ русскомъ обществѣ многочисленныхъ поклонниковъ и послѣдователей ученія Ницше, котораго своеобразная философія, развившаяся не на хри-

стіанской, а на буддійской почвѣ, встрѣтила отпоръ въ лицѣ послѣдняго гегельянца по философскимъ убѣжденіямъ, Владиміра Соловьева. Соловьевъ смѣло и удачно опровергалъ „жалкіе“, по его словамъ, нападки Ницше на христіанство, а взгляды Соловьева основывались на томъ высокомъ ученіи о Богочеловѣкѣ, которое было воспринято чистымъ сердцемъ русскаго племени, еще на зарѣ своего историческаго бытія, въ прекрасныхъ формахъ и образахъ эллинскаго гармоническаго духа. Ницше объявилъ себя открытымъ врагомъ всего строя моральныхъ понятій христіанства, пытался заложить основы новой антихристіанской нравственности. У русскаго философа было къ счастью также множество послѣдователей, такъ что смерть Ницше и Соловьева почти въ одно и то же время (въ 1900 г.) глубоко потрясла русское интеллигентное общество.

Въ экономической жизни русскаго общества конца вѣка выдающимся явленіемъ слѣдуетъ признать проникновеніе въ него подъ именемъ „русскаго марксизма“ или „неомарксизма“, новаго движенія мысли, которое быстро охватило молодое поколѣніе и отразилось въ цѣломъ рядѣ научныхъ и публицистическихъ сочиненій (особенно журнальныхъ статей), а отчасти и въ беллетристикѣ. Это движеніе мыслей получило названіе отъ философа-экономиста Карла Маркса, который въ своемъ сочиненіи „Капиталъ“ доказываетъ, что благосостояніе страны находится въ зависимости „единственно“ (монизмъ) отъ греческаго слова μόνος одинъ) отъ экономическаго строя, а не отъ господства высшихъ нравственныхъ идеаловъ. Но экономическій строй, по этой теоріи, можетъ быть проченъ и вести къ общему благосостоянію только тогда, когда все богатство страны (т. е. капиталъ въ самомъ обширномъ смыслѣ) будетъ сосредоточено въ нѣсколькихъ рукахъ (идея экономическаго строя Англіи), а не распредѣляться по мелочамъ во

всемъ населеніи. Русскіе марксисты, безъ сомнѣнія, искренніе патріоты, искренно желавшіе осчастливить свою родину, ухватились за средство, рекомендуемое Марксомъ, но никакъ не могли примирить его ученіе, во-первыхъ, съ нравственными идеалами, лежащими въ основѣ человѣческаго прогресса, во-вторыхъ, съ русскимъ экономическимъ строемъ, по которому важнѣйшая по количеству часть населенія (крестьяне) надѣлена земельными участками, безъ права отчуждать ихъ даже тогда, когда они въ тягость. Попытки разобраться въ этихъ противорѣчіяхъ и составляютъ главное содержаніе сочиненій русскихъ марксистовъ. Въ литературѣ изящной важнѣйшимъ выраженіемъ этого движенія мысли можно считать сочиненія Вересаева, Л. Андреева и упомянутую выше повѣсть П. Д. Боборыкина „Братья". Марксизмъ не имѣлъ у насъ прочнаго успѣха и исчезъ такъ же быстро, какъ появился. Это и понятно. Россія въ своей исторіи и въ современномъ хозяйственномъ строѣ замѣтно отличается отъ европейскихъ государствъ, что лучше всего доказывается существованіемъ „народничества" (см. о немъ ниже) — особаго литературнаго направленія, которое, быть можетъ, съ нѣкоторыми преувеличеніями, стремится подчеркнуть самобытность русской жизни. Однако работа мысли, возбужденная марксистами, не прошла даромъ. Она напомнила одну великую плодотворную идею (впрочемъ, высказанную многими учеными и помимо Маркса), идею о глубокой связи экономическихъ устоевъ съ политическими и религіозными формами, о необходимости полнаго согласованія идеаловъ экономическаго, политическаго и нравственнаго.

Главные черты „народничества" точно опредѣлены марксистами. Они подвели всѣхъ народническаго духа писателей подъ такіе признаки: 1) признаніе самобытности русскаго народа; 2) особый взглядъ на творческую роль личности въ историческомъ процессѣ;

3) отрицательное отношеніе къ капитализму. Эти признаки дѣйствительно характеризуютъ народничество въ широкомъ смыслѣ. Писатели, къ нему принадлежащіе, подраздѣляются на нѣсколько группъ, изъ которыхъ важнѣйшія: собственно народники (Златовратскій), славянофилы (К. и И. Аксаковы, Хомяковъ), почвенники (Аполл. Григорьевъ, Н. Я. Данилевскій, Страховъ, Достоевскій) и проч. Энгельгардта, автора „Писемъ изъ деревни, относятъ къ независимымъ. Онъ близокъ къ Златовратскому, но по взглядамъ — шире. Кромѣ тысячелѣтней земской общины, онъ принимаетъ во вниманіе еще и тысячелѣтнее государство, видитъ въ немъ заложенныя великія начала. Роль государства — всѣхъ равнять, причемъ это равненіе не можетъ быть по отношенію къ кому-либо неправдой или обидой. Государство — главный земельный хозяинъ, чуждый эгоизма, проникнутый началомъ общественной пользы и справедливости. Но и это болѣе широкое міросозерцаніе не принимаетъ во вниманіе третьей великой силы, заключающейся въ коренныхъ началахъ народнаго характера. — Ученіе славянофиловъ включаетъ въ себя еще тысячелѣтнюю церковную общину.

Рядомъ съ народничествомъ въ русскомъ обществѣ конца вѣка стало замѣтно оживленіе націоналистическаго самосознанія. 26 января 1901 года былъ утвержденъ уставъ „Русскаго Собранія“ въ Петербургѣ, первый § котораго выражаетъ цѣль — содѣйствовать выясненію, укрѣпленію въ общественномъ сознаніи и проведенію въ жизнь исконныхъ творческихъ началъ и бытовыхъ особенностей русскаго народа. Истинный патріотъ долженъ только радоваться учрежденію такого Собранія и пожелать ему бо́льшей самостоятельности, независимости и въ то же время бо̀льшаго безпристрастія въ произносимыхъ при разныхъ случаяхъ ораторскихъ рѣчахъ. Въ нихъ иногда невольно встрѣчаются сужденія, напоминающія Хомякова, Ив. Аксакова и пр.

Но неужели за это слѣдуетъ порицать только что возникшее общество? Можно надѣяться, что съ теченіемъ времени великая идея самобытности, развиваемая теперь прекрасными рѣчами и адресами, пробудитъ творчество и дастъ обильные и вполнѣ самостоятельные плоды.

Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчается оживленіе, почти замершихъ при Александрѣ III, симпатій русскаго общества къ славянству; съ другой стороны русскій языкъ сталъ пріобрѣтать значеніе языка всеславянскаго. Это — прочнѣйшая изъ всѣхъ возможныхъ побѣдъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ культурная и политическая роль русскаго языка, какъ языка не только великорусскаго племени и языка государственнаго, имперскаго въ предѣлахъ Россіи, но и какъ языка всеславянскаго и мірового, въ смыслѣ одного изъ языковъ интеллигенціи человѣчества, открылась такъ ясно, такъ вразумительно, что только сознательное нежеланіе видѣть или безнадежная косность мысли можетъ отвернуться отъ совершившагося факта.

Наряду съ языкомъ и наша изящная словесность, наша наука оказываются такими крупными величинами, что знакомство съ ними уже обязательно не только для славянина, но и для каждаго цивилизованнаго человѣка вообще. Германо-Романскій западъ не можетъ пренебрегать сокровищами русскаго духа. А для славянъ знаніе русской рѣчи и сокровищъ русской мысли сугубо важнѣе. Вся русская литература и наука въ цѣломъ для младшихъ славянскихъ народностей имѣютъ великое культурно-просвѣтительное значеніе. Обогащенный идеями, образами, понятіями, какъ античныхъ культуръ, такъ и германо-романскаго запада, русскій языкъ однако органически усвоилъ и переработалъ въ смыслѣ своей самобытности, подъ угломъ своего національнаго своеобразія, всѣ эти понятія, идеи, образы, — работа для остальныхъ славянъ оказавшаяся трудною. Даже богатый словами и литературою польскій языкъ, заимствуя чужія понятія, идеи, не могъ выразить ихъ такъ легко

и самостоятельно, какъ языкъ русскій, а наводнился словами французскими, нѣмецкими, латинскими.

Рядомъ съ культурно-просвѣтительнымъ значеніемъ русской рѣчи, а черезъ нее и русской мысли, стоитъ и политическое ея значеніе для всего славянства. Русскій языкъ, какъ языкъ общенія славянъ, какъ языкъ дипломатическій, является могучимъ оплотомъ славянскаго духовнаго единства. Сознаніе этого единства пробудитъ въ русскомъ народѣ интересъ къ литературѣ и языку другихъ славянъ, и тамъ найдутся понятія, образы, термины, русскимъ не чуждые, и перенесеніе ихъ въ въ русскій языкъ будетъ способствовать обогащенію его родственными элементами и удаленію элементовъ чужихъ, инородческихъ.

Изъ области сближенія съ другими славянами любопытно замѣчаемое въ послѣднее время сближеніе русскихъ съ поляками, которое ярко сказалось при открытіи памятника въ Варшавѣ Мицкевичу, совпавшемъ со всероссійскимъ празднованіемъ столѣтія со дня рожденія нашего Пушкина (въ 1899 г.). Свидѣтели Варшавскаго торжества, проникнутые сознаніемъ славянскаго единства, вспомнили еще разъ своего великаго поэта, но не озлобленнаго душой, пѣвца ненависти, разочарованія, байронизма, а мирнаго, благосклоннаго, освященнаго для насъ симпатіей и пріязнью Пушкина и созвѣздія пушкинской плеяды поэтовъ русскихъ, поэта славянина, поэта-христіанина. Пушкина и Мицкевича роднитъ не сочувствіе Байрону, а племенное родство, которое, какъ извѣстно, очень рѣзко обнаружилось въ сочувствіи ихъ къ пѣснямъ Западныхъ славянъ и къ русской народной пѣснѣ.

Разсмотрѣнныя только что нами направленія литературы находятся въ связи съ нашей общественной и экономической жизнью. Параллельное имъ такъ называемое „декадентство“ съ его особымъ, своеобразнымъ, уродливымъ, вычурнымъ стилемъ, отразилось на нашемъ

искусствѣ конца вѣка. Можетъ быть, это всецѣло стиль и вкусъ отдаленнаго Востока, только примѣненный къ европейскому глазу, или оно есть вліяніе извращеннаго вкуса какой-нибудь школы на Западѣ Европы, напримѣръ во Франціи. Какіе же признаки этого стиля? Въ книгѣ Энгельгардта (т. II, стр. 483—4) приведена его характеристика. Это есть искусство, достигшее полной зрѣлости и даже перезрѣлости, доцвѣтающее въ лучахъ заходящаго солнца старѣющей цивилизаціи. Стиль этого искусства — вычурный, сложный, ухищренный, полный тончайшихъ оттѣнковъ, намековъ, теряющій простоту формъ и подобный перезрѣлымъ и блекнущимъ плодамъ. Онъ воспринялъ цвѣта всѣхъ палитръ, звуки всѣхъ клавіатуръ, усиливается сдѣлать достояніемъ мысли почти неуловимое, а потому контуры его едва намѣчены, смутны, исчезаютъ въ убѣгающихъ тонахъ. Таковъ стиль латыни временъ упадка и Византійской школы послѣдней формы греческаго искусства. Стиль декаденса любитъ сумракъ мыслей, рои таинственныхъ тѣней, чудовищныя мечты, темныя фантазіи и пр. и пр. Всѣ эти черты декадентства едва ли приложимы къ русскому искусству; не есть ли они явленіе наносное, результатъ моды, за которою мы всегда такъ охотно гоняемся. Неужели наша цивилизація — старѣющая, наша культура — перезрѣлая? Мы сами думаемъ о себѣ иначе; кажется, такъ же думаетъ о насъ и Западная Европа.

Высказанное здѣсь нами сомнѣніе въ прочности декадентства какъ будто подтверждается фактами. Это направленіе выразилось въ самыхъ отталкивающихъ и безобразно крикливыхъ формахъ. Началась его проповѣдь въ журналѣ Сѣверный Вѣстникъ, редактируемомъ А. Волынскимъ; въ немъ участвовали Соллогубъ, Гиппіусъ (Мережковская) и пр. А современный поэтъ Бальмонтъ можетъ быть названъ типичнымъ представителетъ стиля. Въ 1903 году изданъ сборникъ его стихо-

твореній: „Будемъ какъ солнце—Книга символовъ“. Въ ней около 200 стихотвореній, но ни одно не производитъ впечатлѣнія. Это какой-то потокъ гремящихъ фразъ, уродливыхъ образовъ, страннаго языка, напримѣръ „свѣты, сумраки, вздохнутъ полусонно, предвѣщательный, дни заемные и пр. Другой сборникъ „Только любовь“—такая же запутанная неуловимая поэзія. Ему же принадлежитъ сборникъ статей „Горныя вершины (1904); содержаніе его разнообразно: о художникѣ Францискѣ Гойя, озаглавленное авторомъ „Поэзія ужаса“, этюды о „Цвѣтахъ зла“ Ш. Бодлера, о драмахъ Кальдерона. Здѣсь мы находимъ или оригинальныя или неопредѣленныя мысли, и слогъ наполненъ уже примелькнувшимся арсеналомъ сравненій, образовъ, метафоръ. На произведеніяхъ этихъ писателей, усердно издаваемыхъ фирмою „Скорпіонъ“, равно какъ и на общественно-политическихъ идеалахъ „марксистовъ“ можно прослѣдить то несомнѣнное оскудѣніе мысли и творчества въ русской литературѣ, которымъ ознаменовано послѣднее десятилѣтіе вѣка.

§ 145. Изъ беллетристовъ молодой школы первое мѣсто принадлежитъ несомнѣнно А. И Чехову, недавно умершему (см. о немъ выше стр. 301) заслуживаютъ вниманія еще слѣдующіе писатели: талантливый живописецъ и колоритный разсказчикъ изъ средне-азіатскаго быта — Каразинъ: „Въ камышахъ“, „Двуногій волкъ“, „На далекихъ окраинахъ“. Здѣсь описываются похожденія нашихъ туркестанскихъ піонеровъ. Всякое піонерство имѣетъ двѣ стороны: казовую, положительную, геройскую, и другую—отрицательную, авантюристскую. Послѣднюю и изображаетъ Каразинъ. Картины и эскизы связаны между собою рамантическою фабулою, но ни она ни выведенные характеры не отличаются глубиною. Типы изображены довольно небрежно. Но все это изложено привлекательно.

Беллетристы Гаринъ — Михайловскій, авторъ тенденціозныхъ, но интересныхъ „семейныхъ хроникъ“;

Свирскій, авторъ сборника въ трехъ томахъ „Погибшіе люди“, гдѣ онъ съ глубокимъ знаніемъ описалъ міръ трущобный, тюремный, нищихъ, процойцъ. Изъ публицистовъ обращали на себя вниманіе публики: М. О. Меньшиковъ, В. В. Розановъ, С. Н. Сыромятниковъ и даровитые фельетонисты—Дорошевичъ и Амфитеатровъ. Сборникъ его сочиненій „Житейская накипь“ (1904) содержитъ статьи на разныя темы, случайно всплывавшія на поверхность житейскаго моря: журнальный міръ, судъ, врачебная этика, отношенія между старымъ и молодымъ поколѣніями и пр.

§ Быструю и громадную извѣстность получилъ въ концѣ вѣка писатель Пѣшковъ, пишущій подъ псевдонимомъ „Максимъ Горькій“. Онъ родился въ Нижнемъ Новгородѣ, въ семьѣ носильщика. Потерявъ по пятому году отца, а потомъ и мать, служилъ мальчикомъ въ башмачной лавкѣ, поваренкомъ, учился урывками, попадалъ въ среду босяковъ, работалъ въ Тифлисѣ въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ. Въ октябрѣ 1892 года въ газетѣ „Кавказъ“ появилось первое сочиненіе Горькаго, „Макаръ Чудра“. Въ Нижнемъ Новгородѣ онъ познакомился съ В. Г. Короленко, которому обязанъ тѣмъ, что попалъ въ большую литературу. Во всякомъ случаѣ передъ нами „самородокъ“, такъ называемый писатель—„самоучка“. Въ толстыхъ журналахъ Горькій появляется съ 1895 года, а съ осени 1898 года произведенія его печатались исключительно въ журналѣ „Жизнь“. Это были уже объемистыя повѣсти—„Ѳома Гордѣевъ„, „Мужики“. *Драматическія пьесы* его даже ставятся на сцену, но пользуются успѣхомъ вовсе не заслуженнымъ. Сюжетъ пьесы „На днѣ“ слишкомъ растянутъ безконечными разговорами. Дѣйствіе происходитъ въ подвалахъ и въ ночлежныхъ домахъ—сфера очень мало извѣстная, что и придаетъ ей интересъ. Въ зрителѣ пробуждается состраданіе къ людямъ, прозябающимъ въ удушливой атмосферѣ этихъ задворковъ общества,

этихъ людей, стоящихъ на границѣ животнаго прозябанія. Въ пьесѣ „Мѣщане“ очень мало драматизма. Разговоры—рядъ афоризмовъ и сентенцій, нахватанныхъ изъ книгъ и сшитыхъ бѣлыми нитками. Сюжета почти нѣтъ. Всѣ эти повѣсти и пьесы дали М. Горькому, можно сказать, всемірную извѣстность. Но критики говорятъ о немъ неодинаково. По мнѣнію однихъ, это безусловно крупный и талантливый художникъ. У него сочная кисть и свѣжія краски. Пишетъ онъ мазками, безъ лишнихъ словъ, безъ всякой риторики. Всего двумятремя штрихами онъ передаетъ цѣлую, вполнѣ реальную картину. Юморомъ скрашены у него самыя трагическія положенія. Юморъ этотъ — чисто народный, русскій юморъ. Пробѣгая разсказъ за разсказомъ, вы не можете не обратить вниманіе..... на разнообразіе его типовъ. Не съ такимъ восторгомъ отнеслись къ М. Горькому Буренинъ и князь Урусовъ. Напримѣръ, по словамъ послѣдняго, авторъ „Ѳомы Гордѣева“ — закоренѣлый романтикъ, воспитанный въ самыхъ плохихъ традиціяхъ русской крѣпостной журналистики. Романтизмъ виденъ въ фальшивомъ колоритѣ всего романа. Безвкусіе автора и его туповатое отношеніе къ природѣ, слабая индивидуализація личностей и изобиліе ругательствъ (маскирующихъ вялость вымысла) также должны быть поставлены въ счетъ недостатковъ. Сочиненія его не богаты и по содержанію — пьянство, грубое пѣніе, описанныя гораздо хуже, нежели въ „Пѣвцахъ“ Тургенева или у Левитова (см. выше), съ которымъ по манерѣ есть сходство у Горькаго, такія картины, да еще съ какою-то самоувѣренностью, гордостью — отталкиваютъ читателя. Разсказы его какъ будто напоминаютъ мелодраму и разбойничьи романы; Кукольникъ и Марлинскій — вотъ его школа. Но отличіе въ томъ, что разбойники и нищіе старой мелодрамы говорятъ благородныя сентенціи, а „босяки“ Горькаго — ругаются и обличаютъ, гордясь «свободой»

жеста, костюма, рѣчи, поступковъ... и ихъ общественнаго положенія. Ругательства, которыми осыпаютъ герои Горькаго крестьянство и интеллигенцію, вообще трудящихся людей — отвратительны. „Все дѣлай. Валяй, кто во что гораздъ, а для того, — надо дать волю людямъ... полную свободу (конечно, въ смыслѣ босяковъ"). Горькій въ рѣчи своихъ героевъ нерѣдко влагаетъ своеобразно понятыя идеи Ницше о сверхъ-человѣкѣ. Въ эпоху обличительной сатиры Щедрина, изъ М. Горькаго могъ бы образоваться средней руки бытовой писатель на темы изъ жизни „босяковъ".

Изъ новыхъ беллетристовъ должно отмѣтить выдающееся дарованіе Будищева, соединяющаго съ яркостью образовъ еще наклонность къ разработкѣ сложныхъ психологическихъ темъ. Кромѣ сборника разсказовъ „Степные Волки", среди которыхъ прелестенъ — „Малиновка", можно указать его романы „Пробужденная совѣсть" и „Лучшій Другъ".

§ 146. 1900 года 31 іюля скончался поэтъ-философъ Владиміръ Соловьевъ. Онъ учился сначала на Историко-филологическомъ факультетѣ, а потомъ въ Духовной Академіи, имѣлъ званіе доктора философіи, преподавалъ нѣсколько времени въ университетѣ и, подобно Грановскому, пользовался симпатіями слушателей, которыхъ увлекала его духовная аскетическая красота, его пламенная рѣчь. Для 80-хъ годовъ и конца столѣтія Владиміръ Соловьевъ является центральною личностью, подобно Чаадаеву, Веневитинову, Станкевичу, Грановскому—для первой половины вѣка. Въ немъ именно былъ тотъ темпераментъ русскаго вождя мысли, который выражается полнымъ безкорыстіемъ и самозабвеніемъ, преданностью только идеалу и духовной свободой.

Въ первыхъ своихъ философскихъ сочиненіяхъ онъ является славянофиломъ и націоналистомъ, защитникомъ и толкователемъ нравственныхъ авторитетовъ

христіанства, церкви и государства. Потомъ онъ перешелъ въ лагерь западниковъ, критиковалъ славянофиловъ и знаменитую книгу Данилевскаго Россія и Европа, даже увлекался идеею соединенія церквей и католицизмомъ. Соловьеву принадлежитъ во-первыхъ цѣлый рядъ философскихъ трудовъ, написанныхъ отъ 1874 по 1889 г. „Кризисъ западной философіи противъ позивитистовъ", „Чтенія о Богочеловѣчествѣ", „Критика отвлеченныхъ началъ", „Три рѣчи въ память Достоевскаго", „Религіозныя основы жизни", „Исторія и будущность теократіи", „Очерки изъ исторіи русскаго самосознанія". Кромѣ богословско-философскихъ трактатовъ Соловьевъ написалъ много стихотвореній. Въ годъ его смерти вышло третье изданіе. Онъ не обладалъ, конечно, глубокимъ даромъ поэта, однако, стихи его прекрасны. Въ нихъ много чувства, мысли, хорошая форма, благозвучіе, изящный вкусъ. Стихотвореніе его Ex oriente lux всѣмъ памятно. Здѣсь онъ напоминаетъ Россіи, что усиливая свое вліяніе на Востокѣ, она должна руководиться примѣромъ не Ксеркса съ его завоеваніями, а Христа съ Его проповѣдью человѣколюбія. Намѣченныя еще за три года до смерти важныя работы философа: „Теоретическая философія", „Оправданіе Истины" и вмѣстѣ съ тѣмъ задуманный коментарный переводъ Св. Писанія не могли подвинуться далеко впередъ. Остановился и переводъ твореній Платона. У русскаго общества въ наши дни и въ данной области мысли это былъ едва ли не единственный работникъ, вполнѣ вооруженный знаніями въ уровень современному ихъ росту, настоящій ученый и докторъ, но къ тому же одаренный литературнымъ краснорѣчіемъ, талантомъ публициста и поэта, и свободный духомъ отъ всякой рутины.

§ 147. Остановимся еще на нѣкоторыхъ литературныхъ произведеніяхъ конца XIX и начала XX столѣтія. Литература этого времени не даетъ намъ какихъ-нибудь обширныхъ по объему, глубокихъ по содержа-

нію и оригинальныхъ по стилю произведеній, какими дарили насъ Тургеневъ, Гончаровъ, Достоевскій, Печерскій и проч. Это суть большею частью повѣсти, разсказы, а большинство очерки, часто безъ искусно придуманной фабулы, но они касаются самыхъ разнообразныхъ сферъ русской жизни и интересны потому, что описываютъ бытъ, вовсе намъ незнакомый. Очень возможно, что изъ-подъ пера этихъ авторовъ выйдетъ впослѣдствіи и нѣчто капитальное, выдающееся [1]).

I. А. Изъ писателей, изображающихъ русское общество, заслуживаютъ вниманія, по нашему мнѣнію, слѣдующіе:

I. Бунинъ. Разсказы 2 тома (1903). Герои его жизнерадостные, любящіе самый процессъ жизни, родную страну, природу. Но они чувствуютъ себя оторванными отъ жизни (можетъ быть это „лишніе люди“ Тургенева?). Хотя авторъ имъ сочувствуетъ, но не идеализируетъ, а изображаетъ правдиво. Описанія проникнуты любовью къ природѣ, которую авторъ рисуетъ тонкими, нѣжными штрихами.—Есть у него и лирика. Первый сборникъ стихотвореній Бунина вышелъ въ 1897 году подъ названіемъ „Подъ открытымъ небомъ“. Они привлекаютъ простотой, гармонирующей съ нашимъ буднично-сѣренькимъ пейзажемъ: описываются весеннее половодье, занесенные снѣгомъ хутора и ря-

---

[1]) Заранѣе просимъ благосклонныхъ читателей, которые удостоятъ вниманія нашу книгу, извинить насъ за крупные недостатки предстоящаго краткаго обзора,—извинить, какъ относительно выбора писателей (почти всѣ они еще живы и здравствуютъ), такъ и группировки ихъ и ихъ сочиненій. Но мы старались держаться одного: какъ ни разнообразны произведенія котораго-нибудь изъ нихъ по изображаемой сферѣ и по направленію, мы старались говорить о немъ въ одномъ мѣстѣ, а не разбрасываться. Не претендуемъ и на самостоятельность работы: мы пользовались критическими статьями и даже краткими рецензіями, которыя находили въ періодическихъ изданіяхъ.

домъ съ этимъ счастливыя настроенія молодой здоровой души. Въ сборникѣ „Листопадъ“ уже находимъ черты декадентства: „теплый запахъ крышъ“; тонкихъ штриховъ онъ ищетъ не въ природѣ, а въ душѣ человѣка.

2. Въ настоящее время многіе подражаютъ Чехову. Это видно въ „Повѣстяхъ и разсказахъ“ Лазаревскаго Б. Лучшіе именно тѣ, которые написаны въ духѣ Чехова: „Сирэнъ“, „Человѣкъ“, „Отъѣздъ“, „Любовь Константиновна“, „Счастье“. Во всемъ видна всеопрокидывающая, жестокая рука слѣпого темнаго случая, страшная власть безсознательнаго, стихійнаго начала жизни, то досадная, то пугающая нескладица людскихъ отношеній, тоскливое недоумѣніе передъ жизнью. Послѣдній разсказъ „Элегія“ занимаетъ самостоятельное мѣсто. Герой испытываетъ неудобства отъ искренняго признанія женѣ относительно прежней своей любви.

3. Владиміръ Голиковъ. Разсказы. Авторъ правдиво изображаетъ трагическіе моменты. Содержаніе прямо взято изъ жизни, а не выдумано и не разукрашено фантазіей. Всевозможныя противорѣчія, на которыя осужденъ человѣкъ во время своего земного странствованія—таковъ основной мотивъ этой жизненной трагедіи, развертывающейся на страницахъ его разсказовъ. Въ нѣкоторыхъ чувствуется настоящая сила и паѳосъ. Особенно яркій разсказъ „Ожесточенный“. Изображается рабочій, больно обиженный своимъ начальствомъ. Разсказъ „Дѣти“ дышетъ простодушнымъ юморомъ.

4. П. П. Гнѣдичъ. Его разсказы. „Бѣглые“, „Недвижимая собственность“, „Мать“, „Прыгунъ“. У Гнѣдича есть почти всѣ данныя для того, чтобы сдѣлаться настоящимъ сатирикомъ: онъ умѣетъ улавливать носящіяся въ воздухѣ вѣянія и настроенія, наблюдать смѣшныя и слабыя стороны переживаемыхъ обществомъ моментовъ; но у него какъ будто не хватаетъ желанія взять въ руки

сатирическій бичъ и смѣло имъ замахнуться. Въ характерѣ его творчества не находится нотки негодованія противъ пошлостей тѣхъ лицъ, которыхъ онъ выставляетъ на посмѣяніе. Въ результатѣ, вмѣсто очерковъ, пересыпанныхъ крупной сатирической солью, является рядъ картинъ, въ которыхъ видны наблюдательность и остроуміе автора, но эти картины не нарушаютъ равновѣсія души читателя и не потревожатъ обычнаго мирнаго сна даже тѣхъ лицъ, которыя могутъ себя узнать въ изображеніяхъ Гнѣдича. Самымъ крупнымъ и по объему и по значенію произведеніемъ его должно признать въ этомъ сборникѣ разсказъ „Недвижимая собственность". Это эпопея похожденій чиновника Былинкина, который, занимаясь въ департаментѣ дѣлами „о кочующихъ инородцахъ", вовсе не имѣлъ понятія о землѣ, о землевладѣніи. Сдѣлавшись случайно владѣтелемъ недвижимой собственности, онъ вдругъ почувствовалъ тягу къ землѣ, даже припомнилъ выученное въ дѣтствѣ: „въ потѣ лица обрабатывать землю". Узнавши на практикѣ всѣ неудобства землевладѣнія, онъ испугался этого новаго образа жизни и сказалъ, что ему ничего не нужно, кромѣ „кочующихъ инородцевъ". Въ галереѣ портретовъ, нарисованныхъ авторомъ, выдаются очаровательная Татьяна Гриппигъ, занимающаяся отдачею денегъ подъ проценты, чудакъ философъ Скалопендровъ, старуха помѣщица Креузова, всегда и всѣмъ недовольная. Большая часть остальныхъ разсказовъ черпаетъ содержаніе изъ быта художниковъ. Въ разсказѣ „Бѣглые" говорится о двухъ русскихъ художникахъ, которые, не будучи въ состояніи переносить неудобства русской жизни, бѣжали въ Парижъ Въ разсказѣ „Пуховъ" съ очевиднымъ умѣньемъ, увѣренно и тонко, нарисованъ портретъ пунктуальнаго до смѣшного и добросовѣстнаго человѣка. Въ разсказѣ „Мать" описывается заботливая мамаша, которая каждый годъ ѣздитъ въ Парижъ, въ надеждѣ выдать тамъ

свою дочь замужъ. „Прыгунъ“ это—эстетическій критикъ, „всегда идущій впереди современныхъ теченій“, и многихъ увлекающій за собою, а собственно говоря—пустой фразеръ, болтунъ, фокусникъ.

5. В. Я. Свѣтловъ „Всѣ цвѣта радуги“. Содержаніе пестрое. Лучшіе тѣ разсказы, которые изображаютъ военныхъ. Передъ нами обстановка юнкерскаго училища съ великовозрастными корнетами, занимающимися травлей новичковъ или „звѣрей“ съ начальствомъ, презирающими всѣ науки, кромѣ верховой ѣзды— все изображено живо и интересно. Изъ портретовъ выдаются франтоватый юнкеръ Кальмъ, деньщикъ Завьяловъ. Авторъ оказывается слабѣе тамъ, гдѣ не опирается на непосредственныя наблюденія.

6. Любичъ-Кошуровъ. Картинки современной жизни съ 37-ю рисунками (1902)“. „Картинки“ своеобразны и симпатичны. Изображается горе маленькихъ людей и маленькое добро, которое они дѣлаютъ. Авторъ отыскиваетъ по Россіи едва замѣтные огоньки любви и братства: школу, пріютъ для дѣтей арестантовъ, общество пособія, народные спектакли, гдѣ бѣдный людъ можетъ забыться.

7. Яблоновскій. Ему принадлежитъ юмористическій разсказъ „Въ консультаціи“ (1903). Помощникъ присяжнаго повѣреннаго Зарубинъ принимаетъ бѣдныхъ кліентовъ и даетъ имъ совѣты въ ихъ неравной борьбѣ съ жизнью и съ людьми. Тутъ передъ читателемъ дефилируютъ ряды типичныхъ представителей некультурности и бѣдноты. Дѣвочку выгоняютъ изъ школы, потому что отецъ не вноситъ платы; Зарубинъ пишетъ письмо благодѣтельницѣ, и дѣвочка хочетъ заплатить за это. Между прочимъ инженеръ Яворскій разсматриваетъ „Дѣла“ консультаціи и находитъ массу записей о несправедливыхъ дѣйствіяхъ; особенно много жалобъ на то, что не даютъ паспорта. Кочегаръ жалуется на желѣзную дорогу, требуя за увѣчья. Вообще въ разсказѣ

много бытовыхъ чертъ, фактовъ нарушенія закона и самоуправства со стороны представителей правосудія. Характеристическія явленія школьной жизни часто даютъ матеріалъ для поэтическаго изображенія. Между очерками Яблоновскаго одинъ называется „Изъ гимназической жизни". Описывается гимназія большого города на югѣ Россіи и связь ея съ обществомъ. Верхніе слои мѣстнаго общества преслѣдуютъ рутину и вносятъ въ жизнь училища облагораживающій элементъ, стараясь оградить юношескія сердца отъ тлетворныхъ вліяній. Краски (какъ это бываетъ нерѣдко въ изображеніи школьной жизни) значительно сгущены. Юноши оказались честными, благородными, вполнѣ цѣльными натурами, но соблюдать гимназическіе порядки не считаютъ нужнымъ: это вѣдь пустыя формальности (!).

8. Рышковъ Викторъ. Разсказы (1903). Изображаетъ большею частью жизнь Петербургскаго чиновника. Тутъ мы видимъ борьбу мелкихъ самолюбій, чинопочитаніе, карьеру путемъ связей и заискиванія; все выражено шутливымъ тономъ легкой сатиры. Въ разсказѣ „Маленькій Гамлетъ" хорошо описаны дѣти, проблески въ нихъ сознанія своей личности и чувство обиды при встрѣчѣ съ ложью и несправедливостью.

9. Разсказы В. Л. Дѣдлова (1904) извѣстны уже давно, но теперь они значительно переработаны, что указываетъ на художественную добросовѣстность автора. Здѣсь меньше идеализаціи: герои оказались обыкновенными, даже пошлыми людьми. Въ новомъ сборникѣ много превосходныхъ разсказовъ, юморъ своеобразный, добродушный, напримѣръ, въ изображеніи двухъ шестиклассниковъ гимназистовъ „Кресчендо - диминуендо" — глубокая меланхолія. Въ очеркѣ „Свѣдущій человѣкъ" нѣсколько мастерскихъ типовъ чиновничьяго міра.

10. Наживинъ Иванъ—талантливый и правдивый писатель. Онъ глубоко сочувствуетъ обиженнымъ и угнетеннымъ и ярко рисуетъ отрицательныя стороны нашей

цивилизаціи; это мы видимъ въ разсказѣ „Передъ разсвѣтомъ“. Разсказъ „Въ госпиталѣ“ содержитъ картины страданій, зрѣлище чужой боли, могучую въ усталой и замученной душѣ любовь къ человѣку. Разсказъ „У дверей жизни“ повѣствуетъ о томъ, какъ въ буржуазномъ семействѣ у кормилицы умерла оставленная въ деревнѣ дочь-дѣвочка, и мать страшно горюетъ, а горюющая кормилица при ребенкѣ, конечно, не желательна. Героемъ разсказа „Два старика“ является милліонеръ—лѣсопромышленникъ, сначала простой мужикъ, затѣмъ приказчикъ и наконецъ кулакъ, Илья Иванычъ. Ему уже шестьдесятъ восемь лѣтъ; у него внуки, правнуки. Дѣдъ ходитъ въ поддевкѣ и ситцевой рубахѣ, дѣти—„члены благотворительныхъ обществъ, холопствуютъ за медаль, за орденъ, внуки—отчаянные спортсмены“. На склонѣ дней мужикъ чувствуетъ полную неудовлетворенность. Много сдѣлалъ онъ людямъ зла, много принесъ въ жертву тому милліону, который ему въ дѣйствительности ни на что не нуженъ. Его тяготитъ и полное одиночество, какъ слѣдствіе нравственной отчужденности, и взаимное непониманіе, которое существуетъ между имъ и сыновьями. Другой старикъ—ночной сторожъ, съ которымъ бесѣдуетъ милліонеръ въ одну изъ безсонныхъ ночей. Сторожъ не понимаетъ тоски Ильи Иваныча и тяготится тѣмъ, что во время продолжительнаго „душеизліянія“ ему приходится стоять. Вышедшій въ 1902 году сборникъ „Дешевые люди“ въ первой половинѣ содержитъ путевыя впечатлѣнія на нашей обширной родинѣ. Картины получаются полныя. Авторъ требуетъ настоящаго просвѣщенія, а не—велосипедовъ. Изъ разсказовъ лучшій „Рабыня“. Описываются скитанія гувернантки. Въ разсказѣ „Авангардъ“ описываются звѣрства, какія во имя культуры совершаются въ далекихъ странахъ, напримѣръ, въ Америкѣ. Лучшій разсказъ „На волѣ“, гдѣ матросъ описываетъ свои бродяжническія похожденія и при этомъ

развиваетъ босяческую философію лучше М. Горькаго. Въ разсказѣ „Въ стѣнахъ“ повѣствуется о монахѣ, который рвется на волю.

II. Повѣсти и разсказы Тимковскаго (томъ I, изд. 2-е, 1904 г.). Особенно выдается разсказъ „Малыя дѣла и большіе вопросы“. Студентъ Лукинъ, сотрудникъ городского попечительства о бѣдныхъ, посѣщалъ жилища столичной бѣдноты, съ цѣлью опредѣлить степень нужды и размѣры необходимой помощи; восхищался общими собраніями, особенно тѣмъ, что всѣ собрались дѣло дѣлать. Но скоро онъ почувствовалъ, что ему чего-то не хватаетъ... широкаго, большого дѣла. „Большіе вопросы“ останутся отвлеченными и мертвыми, если ихъ рѣшеніе не будетъ стремиться облечься въ плоть житейскихъ мелочей. Истинно велико только то, что способно рано или поздно войти въ жизнь, осуществиться. А въ нашей русской жизни именно замѣчается разобщенность общихъ формулъ, только волнующихъ кровь, и мелкихъ дѣлъ, требующихъ одной механической работы. — Въ другомъ разсказѣ „Сергѣй Шумовъ“ много бытовыхъ чертъ изъ жизни въ гимназическомъ пансіонѣ. Много типовъ учениковъ и учителей. Все это интересно въ виду надвигающейся школьной реформы. Но свою задачу авторъ поставилъ въ условія, болѣе важныя. Шумовъ переживаетъ тяжелую семейную драму, впечатлѣнія которой проходятъ для него въ рамкахъ гимназической жизни. Много деталей, и онѣ описаны правдиво, даже прямо мастерски.

12. Очеркъ Тычино „Бабья доля“ (1904 г.) описываетъ жалкую судьбу одинокой и покинутой женщины. Дѣйствіе происходитъ въ родильномъ пріютѣ, гдѣ на каждомъ шагу физическое и моральное страданіе. По достиженіи опредѣленнаго срока родильница выходитъ на свободу, гдѣ, можетъ быть, ее ждутъ новыя страданія. Изъ сестеръ милосердія выдается беззавѣтно преданная своему долгу сестра Пущина. Сторону комическую представляютъ молодыя усердныя, но

неопытныя сестры. — Разсказъ того же писателя „Исповѣдь“ оригиналенъ по замыслу и хорошо выполненъ. Молодая дѣвушка въ дѣтствѣ глубоко вѣрила, и ей страстно хотѣлось вернуть религіозное чувство, которое заглушили жизнь и чужое вмѣшательство. Ея мать тоже вѣрила и сохранила святое чувство, а несчастье (смерть ребенка) только укрѣпило эту вѣру. Подробно описано, какъ дѣвочка исповѣдывалась у стараго священника.

Б. Изъ произведеній, описывающихъ положеніе дѣтей въ семьѣ, заслуживаютъ вниманія сочиненія Телешова (1903). Авторъ еще молодой человѣкъ, но въ его сочиненіяхъ уже видны наблюдательность, правдивость, любовь къ описываемымъ людямъ, живость изображенія. „Дѣти“—лучшее изъ его произведеній. Сестра богатаго холостяка Березина бросила мужа; она привозитъ оставленныхъ дѣтей къ Березину на его попеченіе. Холостякъ протестуетъ, видя, что его жизни грозитъ чуть не погромъ. Но дѣлать нечего: приходится перемѣнить образъ жизни, нанять няньку, чаще сидѣть дома, бесѣдовать съ дѣтьми. Присутствіе дѣтей смягчило, облагородило холостяка, внесло въ его жизнь порядокъ, чистоту. Эта перемѣна описана просто, правдиво, искренно, такъ что, когда дѣти одно за другимъ умерли, холостякъ еще горше почувствовалъ свое одиночество и безполезность своей одичавшей жизни.—Хорошъ тоже разсказъ „Сухая бѣда“! здѣсь на фонѣ разгульной жизни Ирбитской ярмарки, рисуется трогательный образъ кроткой и забитой дѣвушки. 2. Повѣсти и разсказы Е. А. Сковороды (1904) проникнуты гуманнымъ чувствомъ и участіемъ къ судьбѣ изображаемыхъ лицъ. Лучшій разсказъ „Бунтовщицы“. Представлена ученическая жизнь, и главная роль принадлежитъ ученицѣ гимназіи. Она явилась коноводомъ маленькаго возмущенія изъ-за урока танцевъ. По этому поводу описана дѣтская жизнь со всѣми волненіями и школьные по-

рядки. Въ разсказѣ „Предпраздничныя письма“ дѣти разныхъ темпераментовъ и характеровъ, наканунѣ большихъ праздниковъ, пишутъ къ родственникамъ письма по своему выбору; оказывается, что одни пишутъ къ богатымъ и вліятельнымъ, чтобы задобрить, другія къ тѣмъ, кого больше любятъ. 3. Разсказы Березинцева представляютъ картины школьной жизни. Описываются продѣлки учениковъ съ учителями. Многія сцены удачны, типы учителей и учениковъ разнообразны. 4. Нѣсколько произведеній касаются студенческой жизни. Евгеній Чириковъ съ веселымъ, легкимъ юморомъ описываетъ студентовъ, которые собираются просвѣщать провинцію, бороться съ невѣжествомъ. Разсказъ „На порукахъ“ слабѣе. Описывается тяжелая жизнь студента, котораго прислали на поруки къ родителямъ въ провинціальный городъ. Взаимное непониманіе. Другіе его разсказы: „Ранніе всходы“, „Калигула“, „Въ отставку“. Принадлежащія автору пьесы драматическія показываютъ хорошее знакомство съ провинціальной жизнью, напримѣръ съ судьбами провинціальной газеты; описывается умѣренный и аккуратный цензоръ, подвластный всѣмъ вліяніямъ и настроеніямъ. Въ пьесѣ „Друзья гласности“, изображается грустное положеніе нашей провинціальной печати. Представлено довольно каррикатурно, но несомнѣнно горькое чувство истины. Описанъ благотворительный пріютъ, гдѣ дѣтей сѣкутъ крапивой; избиваемый редакторъ, цензоръ, не знающій, что пропустить и какъ всѣмъ угодить. Сотрудникъ газеты нашелъ гдѣ-то несуществующій недородъ. 5. Въ разсказѣ Анатолія Каменскаго „Дипломъ“ студентъ Кузьминъ, не можетъ, по разнымъ причинамъ, выдержать экзамена и получить дипломъ, а между тѣмъ жена и старые родители ждутъ его окончанія курса. Разсказъ интересенъ по мысли и изложенъ правдиво.

В. Попадается произведенія посвященныя описа-

нію міра педагогическаго, гувернантокъ, сельскаго учителя, учительницы; послѣднихъ всякій (даже волостной писарь) критикуетъ, но онѣ не смѣютъ жаловаться, опасаясь грубаго мщенія снизу или выговора сверху за неумѣнье уживаться. 1., Разсказъ Щукина „Тетрадки" довольно каррикатурно рисуетъ жизнь учителя, замученнаго службой и сварливой женой, которая и дома не даетъ ему покоя. Наконецъ онъ заболѣлъ. Дочка, маленькая дѣвочка, хочетъ чѣмъ-нибудь помочь ему, но мать не допускаетъ, чтобы „не заразилась". 2. Теплотою и задушевностію привлекаютъ разсказы Тищенко. Незамысловатая фабула развивается легко и спокойно. Особенно хороши картины гнетущей нужды и возбуждаемое ими настроеніе. Очеркъ „Хлѣбъ насущный" разсказываетъ о бѣдствіяхъ сельскаго учителя. Несомнѣнно, положеніе сельскихъ педагоговъ во многихъ случаяхъ угнетенное, и если изображеніе его рѣдко попадаетъ на страницы газетъ и журналовъ, причина въ опасеніи преслѣдованія. И приходится терпѣть, надѣясь на участіе земства, которое, безъ сомнѣнья, принимаетъ необходимыя мѣры, какъ это видно изъ ежегодныхъ отчетовъ. А что есть много и отрадныхъ исключеній въ жизни этихъ тружениковъ доказывается заявленіями самихъ крестьянъ о томъ, какъ учительницы (больше, нежели учителя) заботятся о ихъ „ребятишкахъ". Есть указаніе и въ литературѣ. 3. Лемке въ разсказѣ „Изъ жизни школьной учительницы перваго призыва" описываетъ Малоземову, которая счастлива своей дѣятельностью и говоритъ Некрасову, что учительницѣ „На Руси жить хорошо". Пѣвецъ „народнаго горя" посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ (о Лемке см. еще ниже въ обзорѣ изученія литературы), 4. Очеркъ И. Петрова „Старый профессоръ" (1902 г.) напоминаетъ нѣсколько „Скучную исторію" Чехова (напримѣръ разговоръ профессора съ университетскимъ швейцаромъ). Герой имѣетъ въ прошломъ нѣкоторыя неблаговидныя

воспоминанія и отъ этого не можетъ пользоваться полнымъ спокойствіемъ совѣсти. Подводятся итоги жизни. И книги его—старье: теперь покупаютъ сочиненія его молодого соперника. Одиночество и уныніе изображены рельефно.

Г. Въ небольшомъ числѣ очерковъ отразился бытъ нашего духовенства (только сельскаго) и духовныхъ училищъ. 1. Разсказъ М. Ф. Лубинскаго „Не судьба“ правдиво передаетъ исторію проф. Егорьевскаго, который съ юныхъ лѣтъ питалъ склонность къ духовному званію (къ которому принадлежали и отецъ и всѣ предки), но впечатлѣнія дѣйствительности и горькая судьба отца все больше и больше удаляли его отъ традиціоннаго пути. Его смущало и тяжелое стѣснительное положеніе раскола. Кончилось тѣмъ, что Егорьевскій выбралъ карьеру доктора и теперь онъ уже профессоръ. 2. Гусеву-Оренбургскому принадлежатъ два разсказа. Первый „Могила“. Станичные казаки, во главѣ со старикомъ „епутатомъ“, пришли просить батюшку о. Даніила уйти отъ нихъ, такъ какъ онъ постоянно пьянствовалъ и по цѣлымъ недѣлямъ не исправлялъ требъ. Но въ этомъ селѣ погребена его супруга, и она является ему въ сонномъ видѣніи. Пришлось оставить. Между тѣмъ случился большой праздникъ и опять—пьянство. Прихожане обратились съ жалобой къ архіерею, но и онъ оказался снисходительнымъ и терпѣливымъ.—Разсказъ „Жалоба“ почти въ такомъ же родѣ, только подробнѣе описанъ пріѣздъ архіерея, неудачная обѣдня, волненіе регента, проповѣдь батюшки. На вопросъ владыки, довольны ли прихожане своимъ священникомъ, поднялся ропотъ, особенно за поборы, но и о. Стефанъ хорошо „откозырялъ“. 3. Елеонскій Г., самъ происходя изъ духовнаго званія, отлично знаетъ его бытъ. Въ разсказѣ „Суслинское торжество“ священникъ Мордовской деревни, „нечаянно“ созвавъ къ себѣ гостей, по „нечаянной“ иниціативѣ благочиннаго, устроилъ

подписку на сооруженіе школы. Нѣкоторые изъ гостей, „подъ пьяную руку“ подписались. И вдругъ сюрпризъ: священникъ обратился къ земскому начальнику, чтобы принять мѣры къ уплатѣ. Въ разсказѣ „Вожделѣнное преуспѣяніе“ ярко и художественно описано духовное училище. 4. Въ разсказахъ Н. Таранчука „Дьяконъ Назарій“, „Іерей Макарій“ видно вліяніе причудливой манеры Лѣскова. Авторъ въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ находитъ таинственность и мистическій элементъ. Въ обыкновенную жизнь дьякона Назарія входитъ воспоминаніе о таинственной незнакомкѣ, которая оставила ему рукопись дневника, а онъ и занимаетъ большую часть романа. Но описано искренно, видно знаніе быта, юморъ и интересъ къ важному значенію духовенства. Герой другого разсказа—бывшій семинаристъ, вольнодумецъ и грубіянъ. Въ обоихъ разсказахъ видна мысль о пробужденіи духовенства. 5. Серьезный характеръ представляетъ книга Н. И. Соловьева: „Православное духовенство. Очерки, повѣсти и разсказы“. Въ 1902 году вышло второе изданіе. Тема важная—общественное значеніе духовенства. О его прошломъ написано много, а о недавнемъ, особенно современномъ положеніи—мало. Есть только оффиціальные отчеты, цифровыя данныя. Все, что писалось, было разсмотрѣно только духовной цензурой. Хотя общественное мнѣніе и существовало, но оно выражалось большею частью рѣзко, пристрастно, односторонне. Въ литературѣ въ 60-хъ годахъ заговорили было о духовенствѣ по поводу изданной за-границей книги „О русскомъ духовенствѣ“. Книга Соловьева выражаетъ полное сочувствіе къ той тяжелой обстановкѣ, въ которой живутъ эти люди, обремененные семействомъ, воспитывающіе въ своихъ дѣтяхъ мужество въ борьбѣ съ нуждою и закаляющіе ихъ характеръ. Впрочемъ авторъ имѣетъ въ виду, главнымъ образомъ, прежнее время, время крѣпостного права, и описываетъ отношеніе къ

духовенству помѣщиковъ, грубыхъ и жестокихъ самодуровъ. Начальство не защищало и, такъ какъ безобразія оставались ненаказанными, то и духовенство лишалось всякаго уваженія. Впрочемъ начальство (изъ монашества) многаго не соображало. Благонадежнаго священника въ награду перевели въ городъ, а онъ конечно, привыкъ къ деревнѣ. При вступленіи въ должность онъ сказалъ на какомъ-то странномъ славянскомъ языкѣ рѣчь, въ которой выразился, что „грады суть источники нечистоты грѣховной". Можно ли съ такими взглядами вліять на пасству? Да и деревенская жизнь не безукоризненна: духовенство не борется съ пьянствомъ, съ несправедливостями „міра", съ кулачествомъ, небрежно относится къ церковной школѣ, а противъ земской интригуетъ, и вся дѣятельность его ограничивается исправленіемъ требъ. Но литература свѣтская мало касается духовенства, а общество интересъ къ религіи ограничиваетъ посѣщеніемъ религіозныхъ внѣбогослужебныхъ бесѣдъ.

Д. § 148. Въ изображеніи низшихъ слоевъ народонаселенія, крестьянъ, ремесленниковъ, рабочихъ на заводахъ и фабрикахъ, мы также не встрѣчаемъ объемистыхъ романовъ, какъ было въ 50—60 годахъ, а только очерки и разсказы, но зато содержаніе ихъ разнообразнѣе: въ нихъ находимъ или описаніе печальныхъ сторонъ быта, или характеристику обитателей отдаленныхъ окраинъ, или, наконецъ, изображеніе людей, не по своей винѣ попавшихъ въ исключительное положеніе. Во всемъ видно отличное, по собственнымъ наблюденіямъ, знаніе быта, но рядомъ съ этимъ часто отсутствіе художественности, такъ что поэтическое произведеніе получаетъ характеръ этнографическаго очерка. Остановимся на нѣкоторыхъ произведеніяхъ этого рода. 1. Разсказъ И. Соколова „Глубина Россіи" (1903 г.) описываетъ, какъ призывъ къ войнѣ 1877—8 года отразился на крестьянской психологіи. Не зная, въ чемъ сущность

дѣла, крестьяне бранили „англичанку“, которая стремится овладѣть Константинополемъ, а турокъ за то, что они хотятъ забрать „Софію премудрую“. Земляки гибли на войнѣ, а деревня не шелохнулась. Своему царю крестьяне приписывали желаніе отнять у англичанъ землю и подѣлить ее между русскими мужичками. Думаемъ, что въ настоящее время нашъ крестьянинъ лучше понимаетъ политику. 2. Е. И. Любичъ. „Изъ жизни“, разсказы и наброски (1902),—безхитростные по фабулѣ и теплые по настроенію. Главная тема—отдаленность отъ родины и тоска по ней. Мужъ гдѣ-то въ Туркестанской степи стоитъ на часахъ, а жена тоже скучаетъ, ѣдучи на пароходѣ; но она скоро утѣшилась, приставши къ веселой компаніи пароходной прислуги. Въ набросках много лиризма и картинъ малороссійской природы 3. С. Т. Семеновъ. „Въ родной деревнѣ“, очеркъ „Дѣдушка Илья“ и др. разсказы. Надежда Чигалдаева (Преступники) драма (1904). Положительная сторона произведеній Семенова—знаніе быта, такъ какъ онъ самъ жилъ радостями и невзгодами крестьянской среды. Очерки могутъ быть названы маленькой энциклопедіей деревенской жизни въ разныхъ отношеніяхъ. Авторъ не скрываетъ и темныхъ сторонъ этой жизни—бѣдности, невѣжества, пьянства. Къ „благонадежному концу“ герои приходятъ не легко, а черезъ цѣлый рядъ паденій и уклоненій отъ прямого пути. Таковъ смыслъ разсказа „Невѣста“. Въ разсказѣ „Бабы“ дѣйствіе развивается драматически, такъ какъ мирная семейная жизнь крестьянской четы совсѣмъ было рушится отъ появленія въ домѣ молодой дѣвушки, работницы, но потомъ, послѣ разныхъ столкновеній и ссоръ, дѣло опять „образуется“. Интересны выводимые авторомъ типы деревенскихъ искателей правды въ родѣ дѣдушки Ильи. Но въ обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ изъ интеллигентовъ авторъ оказывается слабѣе. 4. Нѣсколько разсказовъ описываютъ жестокую расправу крестьянъ

съ конокрадами. Разсказъ Яблоновскаго „Конокрадъ“ больше интересенъ фабулой, нежели психологической и художественной обработкой. Разсказъ „Стрѣлочникъ Яковъ“ талантливо, но довольно растянуто описываетъ бытъ низшихъ желѣзнодорожныхъ служителей, которые оказываются виноватыми во всякой катастрофѣ. Стрѣлочникъ завидуетъ своему товарищу, которому перерѣзало ногу, и онъ за увѣчье получилъ тысячу рублей. Вся семья живетъ въ вагонѣ, и дѣти постоянно хворaютъ; одинъ ребенокъ даже замерзъ. Этому писателю лучше удаются изображенія молодого поколѣнія—отроковъ, подростковъ. 5. Разсказы А. Куприна указываютъ на молодой разносторонній талантъ. Видно тонкое пониманіе красоты, но рядомъ съ этимъ недодѣланность, недостатокъ художественной мѣры. Въ разсказѣ „Ошибка“ описываются мученія крестьянина, хотя только подозрѣваемаго въ конокрадствѣ. Ему наконецъ удалось бѣжать, но онъ при этомъ завязъ въ желѣзной рѣшеткѣ окна и умеръ. Крестьяне представлены какими-то лютыми звѣрями. Къ чему такія жестокости? У крестьянина и безъ того много горя. Въ другомъ разсказѣ описывается громадный заводъ и рядомъ съ нимъ хвойный лѣсъ и благоухающая весенняя ночь. Тоска, грусть и рѣдкія радости жизни. Особенно удалось изображеніе психологическихъ процессовъ и рѣдко уловимой сѣти чувствъ и мыслей. Лучшій разсказъ „Одиночество“ напоминаетъ сочиненіе Мопассана подъ тѣмъ же заглавіемъ и „Одинокихъ людей“ Гауптмана. Въ большомъ разсказѣ „Молохъ“ нѣжная натура инженера Боброва страдаетъ отъ грубой дѣйствительности. Онъ служитъ на огромномъ заводѣ и терпитъ отъ соціальной несправедливости, а бороться не въ силахъ. Пробудилась было въ немъ любовь и съ ней надежда на счастье, но дѣло разстроилось отъ появленія новаго лица. Описаны пикникъ у начальниковъ и безпорядки на заводѣ. Въ разсказѣ „Лѣсная глушь“ дѣйствіе происходитъ въ

лѣсу, у костра, и состоитъ изъ разсказовъ крестьянъ охотниковъ. 6. Жестокость крестьянъ описана въ очеркахъ Бѣлорѣцкаго. Въ очеркѣ „Въ сумасшедшемъ домѣ“ (1903) мужики держатъ на привязи въ хлѣву помѣшаннаго. Онъ сорвался съ цѣпи и побѣжалъ въ поле. Когда врачъ захотѣлъ было помѣстить его въ психіатрическую лечебницу, больного отравили, въ увѣренности, что тамъ ему будетъ хуже, чѣмъ на цѣпи въ хлѣву. Во второй части описана и лечебница, но замѣтно преувеличеніе. Впрочемъ отдѣльные эпизоды описаны ярко и выразительно. Здѣсь очевидно проведена мысль, что простому народу нужнѣе хлѣбъ и знаніе, нежели—микстура. 7. Разсказы Серафимовича описываютъ жизнь героевъ тяжелаго труда, безъисходной нужды и молчаливаго горя. Таковъ разсказъ „Въ камышахъ“. Это мѣстность (а ихъ въ Россіи еще много), гдѣ право собственности на землю не подтверждено никакими документами. Поэтому на мужиковъ, которые, считая себя вправѣ, стали гдѣ-то „въ камышахъ“ косить траву, напали якобы законные владѣльцы и въ жестокой дракѣ убили. Въ очеркѣ „Подъ уклонъ“ кондукторъ разсказываетъ свою жизнь, которой сфера—вагонъ и станція: тутъ у него и домъ, и церковь, и семья. 8. О писателѣ Елпатьевскомъ извѣстно вообще мало, но это писатель съ привлекательнымъ дарованіемъ. Онъ не задается широкими задачами, но старается проникнуть въ тайны жизни и человѣческой души. У него несложная фабула, пріемы простые, но произведенія оставляютъ сильное впечатлѣніе. Въ первомъ томѣ заключаются сибирскіе разсказы. Хотя эта область достаточно изображена въ русской литературѣ, начиная съ знаменитыхъ „Записокъ изъ мертваго дома“, но и у Елп. есть много оригинальнаго, свѣжаго. Въ разсказѣ „Уголовные дворяне“ описывается бытъ интеллигентовъ, людей „съ прошлымъ“, замкнутыхъ въ мертвую жизнь сибирской тайги. Въ разсказѣ „Савелій“ находимъ картины тю-

ремной жизни. Изображаются арестанты, ожидающіе воли. Отъ очерка „Окаянный городъ“ вѣетъ ужасомъ: тоска, голодъ, пьянство, но авторъ не переходитъ въ отвратительное. Во второмъ томѣ — жизнь въ провинціи. Въ соч. „Миша“ изображается судьба не унывающаго, но уже окончательно прогорѣвшаго уѣзднаго дворянина. Разсказъ „Спирька“—исторія разжившагося захолустнаго кулака. Въ разсказѣ „Служащій“ дѣйствуютъ приказчики, конторщики, бухгалтеры и пр. Приказчикъ не умѣлъ удержаться на своей должности, интересовался „Пѣсенниками“, зазвонистыми повѣстями, унижался передъ хозяиномъ и ко всему этому любилъ выпить. Его мало по малу вытѣснилъ новый приказчикъ Ножечкинъ, самостоятельный, понимающій свои права, дѣятельный членъ мѣстнаго „Общества приказчиковъ“.— Очеркъ „Апельсинщикъ“ изображаетъ „неспокойнаго“, рабочаго, потомъ продавца апельсиновъ. Онъ сначала работалъ на фабрикѣ, но вынужденъ былъ уйти, потому что заболѣлъ чахоткою. Теперь ему и легче и выгоднѣе но разнозчикъ недоволенъ тѣмъ, что приходится обманывать покупателей, и его опять тянетъ на фабрику къ честному труду. — Центральная фигура разсказа „О. Кириллъ“—монахъ, священникъ, нѣкогда въ семинаріи превосходившій товарищей своею даровитостью. Смерть жены и ребенка сдѣлали изъ отца Кирилла полу-блаженнаго, но въ лучшемъ смыслѣ слова: онъ всѣмъ помогаетъ, раздаетъ послѣднюю одежду, послѣдній грошъ. 9. Очерки и разсказы Тана. Три тома. Авторъ описываетъ глухіе углы сѣвера съ ихъ вольными и невольными обитателями, или передаетъ впечатлѣнія поѣздки по Манчжуріи, по свободной Америкѣ. У него во всемъ замѣтно затаенное чувство пошатнувшейся вѣры въ жизнь, въ непреложность ея поступательнаго движенія. Первый томъ „Изъ хроники города Пропадинска“, второй „По бѣлу свѣту“, третій „Чукотскіе разсказы“. Въ „Хроникѣ“ авторъ главное внима-

ніе обращаетъ на психологію цѣлыхъ группъ, а не отдѣльныхъ лицъ. Полярные дикари и русскіе ссыльные промелькнули, и читателю остается общее, впрочемъ, довольно сильное впечатлѣніе среды. Но душевный міръ культурнаго человѣка, насильно перенесеннаго въ среду дикарей и поставленнаго лицомъ къ лицу съ суровой и жестокой природой, такъ своеобразенъ, такъ полонъ психологическихъ проблемъ, что нельзя не поблагодарить писателя, который попытался описать эту странную группу людей, близкихъ къ намъ по общимъ воззрѣніямъ, но очень далекихъ по быту и по формамъ жизни. Но отдѣльныя лица болѣе оригинальны, нежели типичны. Веревцовъ, живя въ безплодной странѣ, не зная культурныхъ растеній, запасаетъ ягоды, грибы, дикій лукъ. Кирилловъ не носитъ бѣлья и покрывается звѣриными шкурами, какъ троглодитъ. Молодые энергичные культурные люди, брошенные въ сказочную глушь, поставлены въ необходимость выдерживать самую элементарную борьбу съ природой, и они борются и съ радостью говорятъ: „кто умѣетъ бороться съ морозомъ и пургой, тотъ пригодится потомъ на всякую борьбу“. Во второмъ томѣ довольно растянуто передаются впечатлѣнія поѣздки по Манчжуріи и свободной Америкѣ. Разсказъ „На каникулахъ“ описываетъ цѣлую группу людей, заброшенныхъ въ сѣверную глушь. Рыбаки обледенѣлыми неводами ловятъ Нельму въ полярной рѣкѣ, стараясь забыть о томъ, что есть иной міръ, теплый, свободный. Чукотскіе разсказы удачнѣе: авторъ оставляетъ свой апатичный тонъ, и у него являются интересныя картины. Описаны „восемь племенныхъ дикарей“ съ ихъ своеобразной жизнью. Здѣсь нѣсколько типовъ чукчей, собирающихся ежегодно на ярмарку. Описаны ихъ пьянство и поведеніе разнаго рода начальниковъ. Хороша сказка: „Кто первый пролилъ на землѣ кровь“ 10. Преимущество предъ очерками Тана представляютъ сочиненія Носилова. Онъ

изображаетъ бытъ Вогуловъ. Это писатель оригинальный и въ то же время настроенный поэтически. Всѣ его сочиненія написаны художественно и интересно. По его описанію, Вогулы—дикари и полу-дикари, схоронившіеся въ своей приполярной глуши, между низовьями Оби и сѣвернымъ Ураломъ. Очерки Носилова выше очерковъ Короленко, описавшаго Якутовъ и бѣглыхъ сахалинцевъ большею частью изъ собственной головы, слогомъ Тургенева. У Носилова нѣсколько страницъ посвящено трагикомическимъ попыткамъ пріобщить дикарей къ благамъ цивилизаціи. 11. Брусянину Вас. принадлежатъ „Очерки Петербургской жизни", „Злосчастные", „Божьи рабы". У героевъ „Петербургской жизни" нѣтъ жажды сильной борьбы; они пассивны, инертны. Въ разсказѣ „Около барина" старый капитанъ, одержимый подагрой, заѣдаетъ жизнь молодому, добродушному деньщику малороссу, своимъ невыносимымъ брюжжаніемъ и жестокою сварливостью. Въ очеркѣ „Злосчастные" описываются жертвы стихійной силы и человѣческой злобы. Судорабочій тяжелымъ лотомъ раздробилъ себѣ ногу. Съ двумя рублями его оставили въ чужомъ большомъ городѣ. Ногу ампутировали, но положеніе нисколько отъ этого не улучшилось. Картина пожара является преувеличенною. Разсказъ „Божьи рабы" развиваетъ мысль, что люди должны покорствовать Богу, а не людямъ. Старый лѣсникъ всю жизнь служилъ людямъ и только подъ старость понялъ, что люди—„Божьи рабы". Онъ вспомнилъ свои кровавые подвиги на угрюмыхъ Балканахъ, или какъ онъ, въ качествѣ лѣсного сторожа, преслѣдовалъ Башкиръ за порубку лѣса или таскалъ въ контору собиравшихъ грибы въ лѣсу помѣщика. 12. Дѣйствіе разсказа Осиповича „Дамка" (1904) происходитъ на полярной тундрѣ, которая спокойно заснула въ объятіяхъ пушистыхъ снѣговъ, гдѣ морозъ, часто безъ вѣтра, доходитъ до 60°. Здѣсь артель изъ 47 человѣкъ, имѣющая упряжки

изъ 15 собакъ, занимается хозяйствомъ. Одинъ изъ нихъ, Нахмани, любитъ собаку Дамку. Но его о ней заботливости выпало тяжкое испытаніе. Всѣмъ приходится страдать отъ холода и голода. Чѣмъ кормить Дамку? А у ней скоро будутъ щенята. Рѣшили уморить ихъ голодомъ. Живо описана полярная страна и сѣверное сіяніе. 13. Полное собраніе повѣстей и разсказовъ Сѣрошевскаго Вацлава. 2 тома. Первый называется „Среди лѣсовъ". Изъ разсказовъ второго тома выдаются „Предѣлъ скорби", „Бокаръ", „Янгъ-Хунгъ-Цзы" (китайскій чортъ), „Ку́ли". Всѣ они прекрасны, проникнуты сочувствіемъ къ людскому страданію, порожденному стихійной силой культурной борьбы. Въ разсказѣ „Предѣлъ скорби" описывается жизнь прокаженныхъ Якутовъ. Остальные три разсказа рисуютъ культурныя, политическія и экономическія столкновенія Китая съ Западной цивилизаціей. Разсказъ „Обратный путь" описываетъ семью ссыльныхъ, возвращающуюся домой изъ далекой сибирской окраины. Они ѣдутъ по берегу Лены. Обстановка путешествія тяжела и ужасна, но рядомъ съ этимъ привлекательны нѣжныя и тонкія волненія души, радость, смѣхъ. Въ юрту, гдѣ ѣдущіе остановились на отдыхъ, приходитъ товарищъ, уже освобожденный, но не получившій права вернуться на родину. Имъ даже передъ нимъ совѣстно. Поѣхали дальше, торопятся къ пароходу, но опоздали. Разсказъ изображаетъ живые типы полудикихъ людей далекаго Сѣвера, своеобразные пейзажи и грустную долю невольнаго Одиссея. 14. Кону Феликсу принадлежатъ „Сказки изъ сибирской жизни". Онъ самъ живетъ въ Якутской области. Сочиненія его — этнографическіе очерки, но изложены художественно и проникнуты глубокою вѣрою въ человѣка. Лучшіе: „Подъ дамокловымъ мечемъ", „Несчастный". Во второмъ описывается полякъ, съ голоду и неудачъ начавшій торговать водкой среди бѣдняковъ — поселенцевъ и Якутовъ. 15.

Сборникъ очерковъ Добротворскаго „Въ глуши Башкиріи“ выражаетъ прекрасныя мысли, но въ немъ мало художественности. Бѣдные туземцы или переселившіеся туда изъ отдаленныхъ мѣстъ производятъ тяжелое впечатлѣніе. Лучшіе—смерть Хаджи Ишана, богатаго и уважаемаго всѣми башкира. 16. Разсказы Качіони „Въ дебряхъ Крыма“ (1902) составляютъ большой томъ, около 600 страницъ. Всѣхъ разсказовъ—6. Беллетристика здѣсь смѣшана съ этнографіей. Лучшее—„На заоблачныхъ пастбищахъ“. Описывается бытъ чабановъ, которые съ огромными стадами овецъ передвигаются отъ подошвы Чатыръ-Дага до его вершины. 17. Немоловскій Мих. разсказываетъ про „Телеграфистку“, которая гордилась и радовалась, что поѣхала на службу. Но служба скучная, однообразная, въ степи, описана трогательно, потому что героиня не жалуется и развлекаетъ себя тѣмъ, что играетъ со сторожемъ въ дурачки, возится съ котенкомъ, удитъ рыбу. 18. Измаиловъ Влад. Заводскіе очерки. Много типовъ рабочихъ и сценъ горькаго ихъ быта. Десятилѣтняя дѣвочка лежитъ больная. Мать уже умерла, а отецъ переживаетъ безработицу. Въ другой комнатѣ укоряютъ молодую дѣвушку за то, что полюбила бѣднато безвѣстнаго парня. Особенно трогателенъ разсказъ „Междуусобица“. Героиня — жена рабочаго. Онъ пьетъ и играетъ въ карты; бьетъ жену за то, что она прячетъ деньги. Въ сборникѣ „Знаніе“ напечатанъ разсказъ „Уловительницы“, живая жанровая сценка изъ быта фабрично-заводскихъ рабочихъ. Уловительницы это—жены и матери рабочихъ, пришедшія къ фабрикѣ въ день выдачи заработка, чтобы кое-что „уловить“ на хозяйство. 19. Повѣсть А. Погорѣлова „Омутъ“ талантливо раскрываетъ яркую и широкую картину неправды. Сфера—горные заводы, гдѣ добываютъ золото и въ то же время царятъ несправедливости и обиды. Горный инженеръ Угаринъ (тайный совѣтникъ), благообразный и благо-

душный, а защиты отъ него нѣтъ, беретъ взятки изящно и поэтому не можетъ остановить того, кто беретъ ихъ грубымъ способомъ. Въ мѣстной газетѣ напечатали контрактъ богача съ казной, для нея не выгодный и оскорбительный. Стали доискиваться, кто его напечаталъ. Статью выбросили; газета принуждена была измѣнить свой характеръ, но скоро и прекратилась. Все описано бытовыми чертами; цѣлый рядъ лицъ и сценъ типичныхъ. Но изложеніе проникнуто идеальнымъ стремленіемъ. 20. „Переломъ“ разсказъ изъ рудничной жизни (1904). Бывшій штейгеръ Желтышевъ разсказываетъ о томъ, какъ человѣкъ перевоспиталъ себя и одинъ своей самоотверженной добротой побѣдилъ озлобленность другого. Основной сюжетъ—тяжелыя сцены въ шахтѣ. 21. Въ разсказѣ Мельницкаго Ник. „По Американски представленъ уголокъ фабричной кочегарни, въ знойную атмосферу которой изъ раскрытаго окна вторгается струя холоднаго воздуха. Директоръ требуетъ отъ мастеровыхъ грамотности, а тѣ просятъ „ослобонить“. 22. Разсказы Николая Лаврова „Въ нефти“ (1904)—нашъ нефтепромышленный міръ и его дѣятели, или правильнѣе, дѣльцы, повидимому, близко знакомые автору. Наброски живые, видна способность подмѣчать характерныя черты и наглядно изображать ихъ. Рядъ темныхъ личностей, преимущественно восточнаго происхожденія, снѣдаемыхъ страстью къ наживѣ и ни передъ чѣмъ не останавливающихся Манера писать-Бретъ Гарта, можетъ быть, по одинаковости сферы; но у Лаврова нѣтъ любовнаго отношенія къ людямъ, какъ у американца. 23. Въ разсказахъ Радлова „Живая фотографія“ изображается фабричный бытъ, хорошо извѣстный автору. Здѣсь семь небольшихъ разсказовъ. Есть хорошо выдержанные типы, напримѣръ, старый кузнецъ, бывалый, суровый, но сжившійся съ своей работой; еще лучше хожалый Антипъ слабый, хворый, запуганный. Фабричный шумъ оглу-

шаетъ и спутываетъ его. Когда за неспособность его опредѣлили ночнымъ сторожемъ, суевѣрнаго страха прибавилось. Недурно описаны мальчики, которыхъ изголодавшіеся родители посылаютъ на тяжелую фабричную работу—чистить котлы.

Е. § 149. Нѣсколько разсказовъ посвящено описанію тюремнаго быта. 1. Разсказъ Фаресова А. И. „Въ одиночномъ заключеніи“ описываетъ тюремныя мытарства русскаго политическаго арестанта 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Книга носитъ автобіографическій характеръ, подобно книгѣ Сильвіо Пеллико „Мои темницы“. На первомъ планѣ субъективная сторона—испытанныя авторомъ „увлеченія и нравственныя страданія“; но внѣшнихъ фактовъ эпохи народническаго движенія, въ которомъ герой, повидимому, участвовалъ, равно какъ личности дѣятелей,—не видно. Но много зато найдемъ для характеристики судебнаго строя и темничныхъ порядковъ. Ужасна картина одиночнаго заключенія (арестантъ еще молодой человѣкъ). Авторъ описываетъ режимъ одной изъ Московскихъ тюремъ (Пугачевскую башню). 2. Въ разсказѣ Беренштама „Ахиллесова пята“—сюжетъ тотъ же. Тишина, однообразіе; какой-то шумъ тишины, стукъ мельницы, голосъ дѣда. Ощущается только собственное присутствіе, стукъ собственныхъ ногъ. Наконецъ и это тяготитъ. 3. Въ повѣсти П. Березина „Таежная встрѣча“ разсказывается, какъ студентъ Черновъ, попавшій въ тайгу, конечно, не по собственной волѣ, встрѣтилъ трехъ разбойниковъ, которые его подстерегали, чтобы, когда наступитъ ночь, ограбить и убить. Одного онъ убилъ, другого ранилъ, перевязалъ рану, накормилъ, какъ его, такъ и третьяго разбойника, а убитаго похоронилъ. Кажется, онъ сдѣлалъ все, къ чему принудили его обстоятельства, и всетаки онъ всю жизнь потомъ будетъ вспоминать свое преступленіе; никто его не винитъ, но онъ самъ себѣ простить не можетъ и его мучитъ совѣсть. 4. Сочиненіе Дорошевича В. М. „Сахалинъ“,

первый томъ (1903)—живая захватывающая картина нашей каторги. Это островъ отчаянія и безправія. Читателя поражаютъ дикій ужасъ и идеальное самоотверженіе. Интересно между прочимъ описаніе театра. Любопытно сравнить сочиненіе Дорош. съ очеркомъ Чехова подъ тѣмъ же заглавіемъ. 5. Записки арестанта" А. И. Свирскаго. Отдѣльныя статьи называются: „Шатуны", „Подаяніе", „Адвокатъ". Здѣсь наглядно изображенъ внѣшній процессъ жизни и тотъ внутренній процессъ духа, когда обыкновенный человѣкъ дѣлается преступникомъ, напримѣръ роковая случайность и неожиданная встрѣча толкаютъ юношу на кровавый путь. Основная мысль разсказовъ—глубокое несоотвѣтствіе между преступленіемъ и наказаніемъ. Сюжетъ изложенъ живо, драматично. 6. Разсказъ Емельяненко „На краю свѣта" (1904). Гдѣ-то въ отдаленной тайгѣ живетъ сосланный. За нимъ „доглядываютъ" его хозяева - крестьяне по порученію старосты и земскаго. Но онъ не опасенъ; апатично смотритъ онъ въ окно. Вотъ пріѣхалъ другой сосланный, школьный товарищъ перваго, закутанный въ мѣха, такой же миніатюрный и безпомощный. Онъ взялъ на себя чужую вину „принадлежности къ тайному сообществу", одиннадцать мѣсяцевъ просидѣлъ въ тюрьмѣ и пріѣхалъ въ тайгу больной, хилый, слабый.

Ж. § 150. Отношенія Россіи къ двумъ обширнымъ государствамъ Азіи, къ Китаю и Японіи, завершившіяся ожесточенной войной, уже давно служили поводомъ къ ознакомленію съ этими странами. Литература явилась обширная, разнообразная, но сохранившая характеръ или ученыхъ изслѣдованій, или этнографіи, и рѣдко доходившая до художественнаго творчества. Теперь еще рано исторіи литературы говорить объ этомъ подробно, и мы укажемъ только на нѣкоторыя произведенія. Есть очерки, посвященные русско-японской войнѣ. Таковы, напримѣръ, сочиненіе Л. Андреева,

описывающее ужасныя сцены раненыхъ и лишившихся разсудка, напр. „Красный глазъ“; такія описанія естественно побуждаютъ русскихъ читателей желать прекращенія войны, а упомянутый авторъ довольно популяренъ. Есть очерки Сахалина, Манчжуріи, Японіи, Китая, есть книга С. Комарова „Японскіе студенты“, Морисса Джона „Молодая Японія“ переводъ съ Англійскаго Чудновской.

1. Сочиненіе Юдифи Готье „Сестра Солнца“, переводъ съ французскаго, Ольги Трачевской. Романъ рисуетъ бытъ и нравы японцевъ XVII столѣтія. Сначала идетъ очеркъ исторіи страны Восходящаго солнца, объясняется поворотъ на новую дорогу. Содержаніе интересно, но страненъ восторженный тонъ, съ которымъ авторъ говоритъ объ историческихъ дѣятеляхъ Японіи, называя ихъ геніальными, великими. Фабула романа заключается въ исторіи взаимной любви принца Нагато и жены верховнаго сына боговъ, Микадо. Герой совершаетъ невѣроятные подвиги храбрости, все знаетъ, все предвидитъ, предотвращаетъ все возможныя опасности.

2. Въ разсказѣ „За океаномъ“ (Міръ Божій 1904) описываются русскіе, которые бьются въ Америкѣ за существованіе и тоскуютъ по родинѣ. На чужбинѣ сближаются русскіе, евреи, поляки. Это—хорошій матеріалъ для описанія людей, оставившихъ родину, но всей душой стремящихся къ ней. 3. Очерки и наблюденія Владыченко надъ американской жизнью называются „За счастьемъ и правдой“. Описываемый бытъ поражаетъ русскаго путешественника необыкновенною благоустроенностью, даже на окраинахъ города. Въ Нью-Іоркѣ—350 народныхъ школъ. Люди, получающіе высшее образованіе, не требуютъ субсидій отъ правительства. Благотворительность стремится улучшить жизнь, а не бросать бѣднымъ крохи. 4. Тверской описываетъ, напротивъ, темныя стороны американской жизни, взяточничество, злоупотребленія въ городскомъ хозяйствѣ, подкупы. Только широкая гласность помогаетъ открывать ихъ.

§ 151. Въ разсказѣ Г. Т. Хохлова „Бѣловодское царство“ съ предисловіемъ В. Г. Короленко (1903) открывается новая и весьма любопытная страничка нашего старообрядства. У одной его секты живетъ наивная вѣра что гдѣ-то на Востокѣ существуетъ христіанское Бѣловодское царство, въ которомъ сохранилась особенная, „настоящая“ іерархія, съ благодатью, преемственною отъ самихъ апостоловъ, и догматами, и обрядами „древняго“ до-никоновскаго православія; исканія этой іерархіи восходятъ къ первымъ десятилѣтіямъ послѣ начала раскола, когда не принявшее „никоніанской прелести“ населеніе осталось безъ паствы и должно было такъ или иначе рѣшать вопросы іерархической преемственности, что и повело къ дробленію старообрядства на различныя теченія. Часть раскольниковъ осталась вѣрна прежнему отрицанію іерархіи и надеждамъ на какія-то идеальныя, чистыя „іерархическія“ формы. На почвѣ этой-то жгучей духовной жажды и возникла легенда о сказочномъ „Бѣловодскомъ царствѣ“. Отыскивать это царство и отправили въ 1898 году сектанты трехъ человѣкъ изъ Кирсановскаго поселка. Они проѣхали черезъ Одессу, Константинополь, побывали во многихъ мѣстностяхъ Азіи и черезъ Красноярскъ вернулись. Объ этомъ путешествіи узналъ въ бытность свою на Уралѣ В. Г. Короленко и предложилъ одному изъ участниковъ, казаку Г. Т. Хохлову, описать его, тѣмъ болѣе, что у Хохлова сохранился веденный имъ краткій дневникъ. Такъ создалось описаніе, напечатанное въ 28 томѣ записокъ Р. Георг. Общ. Нѣкоторыя страницы этой любопытной работы живо передаютъ настроеніе убѣжденныхъ, но постигнутыхъ разочарованіемъ искателей миѳическаго царства.

II. § 152. Лирическая поэзія послѣдняго времени мало представляетъ новаго. Поэты продолжаютъ пѣть унылыя пѣсни неопредѣленнаго характера, описываютъ впечатлѣнія природы, оплакиваютъ горькую участь раз-

ныхъ пасынковъ судьбы; декаденты и символисты говорятъ языкомъ боговъ, недоступнымъ смертному. Къ многочисленной группѣ лириковъ, о которыхъ упомянуто выше, присоединилось нѣсколько новыхъ, поющихъ тѣмъ же унылымъ или неяснымъ тономъ. Нѣкоторые изъ нихъ заслуживаютъ вниманія.

1. Стихотворенія Негри Ада называемыя Maternitait— описываютъ слезы и горе, выпадающія на долю многихъ матерей изъ народа, угнетенныхъ ярмомъ нужды и непосильнаго труда. Видны гуманныя отношенія автора къ обездоленнымъ, но не видно боевого настроенія и увѣренности въ побѣдѣ. 2. Глубоко прочувствованныя стихотворенія принадлежатъ И. Лебедеву. Онъ жалуется, что жизнь прошла въ тревогѣ и борьбѣ. Лучшее „Пѣсни о смерти", имѣющія автобіографическое значеніе, и „Вольныя думы". 3. Въ лирикѣ Вл. Жуковскаго есть нѣкоторый оттѣнокъ изысканности, что сближаетъ его поэзію съ декадентствомъ, напримѣръ „Опечаленный гномъ" прощается съ елочкой, которую собираются срубить, и цѣлуетъ ей нѣжно иголочки и лѣснымъ говоритъ языкомъ". Но въ творчествѣ поэта мы находимъ родные и близкіе намъ мотивы, и картины родной природы описаны весьма яркимъ, красивымъ, звучнымъ языкомъ.4. Поэзія Мих. Гербановскаго (Лепестки" 1903), ясна уму и сердцу читателя. Природа жизнерадостная и веселая; на лонѣ ея такъ и хочется нѣжиться и мечтать, и любовь непосредственная, наивная и измѣнчивая, какъ природа,—вотъ главные мотивы, вдохновляющіе автора. На эти темы въ сборникѣ не мало красивыхъ и граціозныхъ стихотвореній, напримѣръ: „Увидалъ ароматный цвѣтокъ", Грустно видѣть увяданіе". „Какъ отголоски въ звучной дали", „Безъ любви, какая-то свѣтлая, еле замѣтная нить". Наряду съ ними попытки автора касаться общественныхъ темъ, страданій униженныхъ и оскорбленныхъ, оканчиваются полной неудачей: стихи становятся натянутыми и вялыми;

мысль не идетъ дальше элементарнаго шаблона. Переводы автора звучны и гладки, но въ нихъ недостаточно чувствуется, такъ сказать, ароматъ подлинника.

III. § 153. Въ описываемое нами послѣднее время театры посѣщались охотно, но литература драматическая не можетъ похвастать какими-нибудь новыми капитальными пьесами. Ставились на сцену произведенія уже прежде и давно написанныя: очень рѣдко—Островскій, для котораго, вѣроятно, не являлось даровитыхъ исполнителей, чаще произведенія В. Крылова, Буренина, „Плоды Просвѣщенія“ и „Власть Тьмы“ Л. Н. Толстого, „Царь Федоръ Іоановичъ“ А. К. Толстого, „Ивановъ“ Чехова, наконецъ, пьесы пресловутаго М. Горькаго, хотя онѣ вовсе не заслуживаютъ такой популярности, и только подходятъ подъ настроеніе общества. Изъ новыхъ пьесъ очень немногія заслуживаютъ вниманія. 1. Автору Н. Соломко принадлежатъ небольшія драма и этюды. Авторъ еще вовсе неизвѣстенъ, но дарованіе у него уже замѣтно. Таковъ, напримѣръ, этюдъ „Отцы“, Вьюга, Новый годъ. Другіе инженеры поѣхали встрѣчать праздникъ, а одинъ остался доканчивать дѣла. Наступилъ буранъ и ѣхать нельзя. Инженеръ вспоминаетъ свою жизнь: онъ бросилъ семью и кочуетъ съ постройки на постройку. Къ утру является развлеченіе печальнаго свойства: находятъ трупъ башкирца, искавшаго заблудившагося сына. Это — драма родительской любви. 2. Печальную картину семейнаго разлада представляетъ пьеса Найденова „Дѣти Ванюшина“ (1902). Люди стонутъ подъ игомъ реальнаго несчастья. Семья — очагъ вражды и смуты. Отецъ все время занятъ былъ дѣлами и мало думалъ о дѣтяхъ, которыя и жили-то въ другомъ этажѣ. Мать—женщина слабая, хотя и богомольная. Дѣти вовсе ея не уважаютъ. Младшій сынъ Алексѣй упрекаетъ отца, что онъ не воспиталъ ихъ, не ласкалъ, не вникалъ въ ихъ внутренній міръ. Отецъ кончаетъ жизнь самоубій-

ствомъ—конецъ эффектенъ, но ходомъ пьесы не подготовленъ. Пьеса очень драматична, но впечатлѣніе оставляетъ несомнѣнно тяжелое. 3. Комедія Фоломѣева *„Злая яма“*. Много трагическаго элемента. Изображается гибель молодой дѣвушки ради малолѣтняго брата. Столичная бѣднота. Съ сюжетомъ связана семейная драма прачки Ивановны. Авторъ обнаруживаетъ наблюдательность. Къ недостаткамъ относятся избитые эффекты и книжная рѣчь простого народа. 4. Сказка въ пяти дѣйствіяхъ „Пробужденіе“ Фальковского. Судя по идеѣ и пріемамъ построенія, по смѣшенію символизма съ дѣйствительностью, пьеса очевидно написана подъ вліяніемъ моднаго норвежскаго писателя Ибсена. Главное лицо Львинцевъ, „извѣстный писатель, публицистъ, общественный дѣятель“. Онъ былъ сначала бѣденъ, жилъ среди нищеты и несчастій и этотъ міръ вдохновилъ его. Наконецъ онъ возвысился, такъ что жизнь бѣдняковъ сдѣлалась для него чѣмъ-то отдаленнымъ, чуждымъ. Постепенно въ душу его проникаетъ идея, что „ложь“ господствуетъ въ литературѣ и общественной дѣятельности. Слово это даже пишется всюду передъ его глазами невидимой рукой. Львинцевъ бросается въ благотворительность, но и тутъ—ложь; въ пятомъ актѣ онъ поступаетъ въ артель крючниковъ, что однако его не успокоило. Въ концѣ концовъ онъ прозрѣваетъ: оказывается, что собственная рука его вездѣ писала слово „ложь“, и это былъ обыкновенный случай сомнамбулизма; въ послѣднемъ актѣ много разсужденій и резонерства, что однако не помѣшало успѣху пьесы. 5. Любопытный фактъ. Въ началѣ 1903 года были поставлены въ Москвѣ старыя пьесы конца XVII и начала XVIII столѣтій, напримѣръ, „Комедія о Навуходоносорѣ“ Симеона Полоцкаго съ серьезными рефератами Шамбинова. Актеры нарочно играли неувѣренно, напримѣръ, грубовато комически или напряженно-трагически. Игрою интересовались и взрослые.

IV. § 154. Поэтическія произведенія, которыхъ содержаніе авторы брали изъ исторіи, мало представляютъ интереса. Публика совершенно справедливо удовлетворяется капитальными сочиненіями Л. Толстого, Островскаго, А. К. Толстого, Аверкіева, Мея, Г. П. Данилевскаго. Напримѣръ хроники Островскаго и Трилогія А. Толстого неоднократно возобновляются для гастролей талантливыхъ артистовъ въ Москвѣ, на театрѣ Корша, а въ Петербургѣ, въ Маломъ театрѣ. Впрочемъ нѣкоторыя новыя произведенія, взятыя изъ исторіи, могутъ быть упомянуты 1. Историческая повѣсть А. И. Лаврова „Изъ дали вѣковъ". Дѣйствіе происходитъ на озерѣ Ильменѣ, въ Новгородѣ и въ Скандинавіи, въ періодъ родового быта славянъ. Главная тема „вопросъ о варягахъ". Перемѣшаны всѣ гипотезы по этому вопросу и прибавлена любовная интрига съ колдунами, колдуньями и перуновой рощей. Замѣтно вліяніе Карамзина, подражаніе языку лѣтописи и рядомъ съ этимъ приподнятый тонъ 2. Царь Іоаннъ Грозный, Историческая хроника въ трехъ частяхъ Л. Жданова. Не легко представить прошлое въ живыхъ и яркихъ образахъ, въ которыхъ пылкій полетъ фантазіи не подавлялъ бы исторической правды. Авторъ изображаетъ Грознаго такъ, какъ его изображаютъ историческіе памятники, противорѣчивымъ и загадочнымъ. Но живое изложеніе: умѣлый діалогъ, множество выраженій, взятыхъ изъ старинныхъ памятниковъ — все это дѣлаетъ хронику Жданова произведеніемъ занимательнымъ и полнымъ историческаго интереса. 3. Мережковскій написалъ двѣ средне-вѣковыя итальянскія новеллы: „Любовь сильнѣе смерти„, „Наука любви". Здѣсь описаны бытъ и нравы маленькаго итальянскаго городка XVI столѣтія. Интереснѣе историческая повѣсть Микель - Анжело. 4. Историческая трагедія Ѳедора Зарина „Рагузала" (Послѣдній ударъ) охватываетъ событія во Франціи въ дни второго отреченія Наполеона, и заглавіе опредѣ-

ляется измѣной Наполеону маршала Мармона, который носилъ титулъ Рагузскаго. Въ трагедіи попадаются довольно сильныя сцены, обрисовывающія колебаніе и смущеніе Мармона прежде, чѣмъ онъ рѣшается на измѣну своему благодѣтелю. Хороши сцены, въ которыхъ изображается Наполеонъ, остающійся великимъ и во время своего паденія. Трагедія обнаруживаетъ въ авторѣ тщательное изученіе мемуаровъ.

§ 155. Въ послѣднее время на аренѣ поэтической дѣятельности появилось нѣсколько даровитыхъ писательницъ, пріобрѣвшихъ сочувствіе образованнаго общества. Прежде, нежели остановиться на нѣкоторыхъ изъ нихъ, выскажемъ нѣсколько общихъ замѣчаній. Въ характеристикѣ ихъ творчества найдется нѣсколько чертъ, свойственныхъ всѣмъ имъ. Съ одной стороны мы видимъ искреннюю и притомъ сознательную любовь къ тому дѣлу, которому онѣ служатъ, серьезное къ нему отношеніе, съ другой—субъективность творчества. Рѣзкая объективная изобразительность жизни и ея проявленій замѣняется здѣсь въ лучшемъ случаѣ искреннимъ лиризмомъ, въ худшемъ—фотографичностью, рѣдко замѣтною у писателей. Еще общая черта: послѣдующія произведенія большею частью слабѣе первыхъ. Все, что просилось и рвалось вонъ изъ души—сказано, и наступаетъ моментъ, когда авторъ начинаетъ повторять себя, свои образы, мѣняя лишь внѣшнюю обстановку, подробности; картины и характеры повторяются, утрачивается индивидуальность, на сцену выступаетъ шаблонъ. Причина этого заключается, вѣроятно, въ недостаточной интенсивности таланта, развивающагося постепенно, изъ поколѣнія въ поколѣніе, причемъ важнымъ условіемъ является широкое знаніе жизни, умѣнье проникать въ ея сложныя явленія и глубоко заглядывать въ душу человѣка. А эти условія женщина начала пріобрѣтать только недавно. До сихъ поръ сфера, доступная наблюденію женщины, тѣсна и ограниченна:

бракъ, любовь, семья, положеніе женщины—вотъ краеугольные камни женскаго творчества, основные мотивы, преобладающіе въ произведеніяхъ писательницъ. Еще важное условіе—научное образованіе. У современной женщины его достаточно, такъ какъ большая часть современныхъ писательницъ прошли серьезную школу, и общій уровень образованности ихъ стоитъ не ниже, если только не выше, общаго же уровня образованности нашихъ современныхъ писателей. Только соединеніе всѣхъ благопріятныхъ условій, съ теченіемъ времени, постепенно, поможетъ развитію въ женщинѣ литературнаго таланта, а дано ей этого таланта отъ природы нисколько не меньше, какъ мужчинѣ.

Скажемъ по нѣскольку словъ о писательницахъ выдающихся. I. Очерки и разсказы О. М. Ольнемъ (1904). Лучшій очеркъ Warum? Молодой инженеръ Голубинъ пріѣзжаетъ въ незнакомый городъ и случайно находитъ квартиру въ домѣ Звонищевыхъ. Это старая аристократическая семья, изъ которой сохранились только бабушка, ея сынъ — чудакъ паничъ, и внучка, молодая, богато одаренная отъ природы дѣвушка Лиза; она является центральнымъ лицомъ очерка. Ея поэтическій образъ, описанный съ замѣчательною граціею и изящной простотой, производитъ чарующее впечатлѣніе; въ представленіи читателя онъ гармонически сливается съ мотивомъ шумановскаго Warum?. Этотъ мотивъ слышится въ очеркѣ съ съ самаго появленія Голубина въ домѣ и упорно настойчиво звучитъ на всемъ протяженіи очерка, гармонируя съ настроеніемъ и отношеніями дѣйствующихъ лицъ; чувствуется какая-то задумчивая грусть, сладость и мука тревожнаго вопроса Warum?. Когда Голубинъ все болѣе и болѣе увлекается Лизой, а она ему можетъ отвѣчать только теплой дружбой, задумчиво-грустный мотивъ мелодіи Шумана, снова и снова повторяясь, звучитъ въ ушахъ и сердцахъ.—Изъ остальныхъ раз-

сказовъ самый большой „Иванъ Ѳедоровичъ“. Это городской судья. Онъ живетъ одиноко, скучно, чувствуя постоянную усталость отъ жизни, постоянное раздраженіе, недовольство собой. Сознавая правоту подсудимаго, — онъ обвиняетъ въ угоду формальной правдѣ; увѣренный въ фальшивости своего письмоводителя, — не рѣшается устранить его. 2. „Дневникъ русской женщины“ соч. Дьяконовой Елиз. На первомъ планѣ стоятъ отношенія писательницы къ французу доктору, къ которому она обращалась за совѣтами, когда ее слишкомъ одолѣвали приступы нервныхъ страданій. Она мечтала выйти за него замужъ и вмѣстѣ съ нимъ вернуться на свою родину въ Костромскую губернію, чтобы общими силами помогать русскому народу. Кромѣ интереса психологическаго, мы встрѣчаемъ здѣсь рядъ живыхъ описаній, касающихся жизни французскаго студенчества, а отчасти и артистической богемы. Два мѣсяца, проведенные въ Англіи, дали автору поводъ нарисовать нѣсколько интересныхъ картинъ изъ англійской жизни. 3. Яркостью и свѣжестью таланта привлекаютъ произведенія В. Никуличъ. Первое ея произведеніе, трилогія „Мимочка на водахъ“ показываетъ въ авторѣ способность черпать свои наблюденія непосредственно изъ жизни. 4. О. А. Шапиръ—одна изъ самыхъ плодовитыхъ писательницъ. За свою свыше 20 лѣтнюю дѣятельность она сотрудничала во всѣхъ толстыхъ журналахъ либеральнаго направленія, начиная съ Отечественныхъ Записокъ. Въ повѣстяхъ и романахъ (Безъ любви, Мишура, Инвалиды и новобранцы) постоянно затрагиваются современные вопросы. 5. Вербицкая А. А. писательница по женскому вопросу; лучшія ея произведенія изъ этой области „Разладъ“, „Пробужденіе“, „Освободилась“ проникнуты искренностью, но страдаютъ отсутствіемъ мѣры, растянутостью. 6. М. В. Крестовская, предназначавшая себя для сцены, оттуда и брала сюжеты. Ей принадле-

жать—очеркъ „Уголки театральнаго міра“ и большой романъ „Артистка“. 7) Щепкина-Куперникъ—писательница разнообразная: у ней есть стихи и проза, драмы и публицистика (Лялина мама, Отрава, Марія Ивановна, Ничтожные міра сего, Незамѣтные люди). Ея беллетристика слабѣе лирики, хотя и въ послѣдней чувствуется искренность. Нѣкоторые переводы ея прекрасны. 8. Крандіевская А. Р. привлекла къ себѣ вниманіе читателей сборникомъ „То было раннею весной“. Вездѣ видно, что авторъ вдумывается въ изображаемыя явленія, характеры рисуетъ ярко и колоритно, стиль картинный и хорошо выработанный. 9) Интересны разсказы Нелидовой. Разсказъ „Послѣднее путешествіе“ описываетъ смерть двухъ студентовъ въ Крыму отъ чахотки. Прекрасно представленъ контрастъ между роскошной природой и картинами преждевременной одинокой смерти. Другой умирающій счастливѣе: За нимъ ухаживаетъ дѣвушка, тоже больная. Они открыли окно: оттуда пахнуло роскошнымъ югомъ, но въ то же время раздалось похоронное пѣніе; больная его услышала, но не сказала умирающему, чтобы не опечалить его еще больше. Вотъ новый сюжетъ: Фельдшерица работаетъ на фабрикѣ: аптекарь отпускаетъ ей дурныя лѣкарства. Она жалуется, и аптекарь мститъ ей невѣрно составленнымъ лѣкарствомъ. Еще картина: студентъ Нитцшеанецъ презиралъ все слабое, но, увлекшись состраданіемъ, пріютилъ у себя двухъ сиротъ и ухаживаетъ за ними. Все описано реально, но мягко по-женски. 10. Разсказы О. Давыдовой берутъ содержаніе изъ школьной жизни, напримѣръ „Изъ воспоминаній учительницы“ (1904). Въ послѣднее время развилась довольно разнообразная педагогическая литература, заглянувшая въ уголки средней школы. Эта литература раскрыла передъ нашими глазами нѣсколько примѣровъ калѣченія дѣтской души въ разнаго рода учебныхъ заведеніяхъ теперь (1905), конечно, оказывается, что на

это калѣченіе имѣютъ вліяніе и другія не менѣе сильныя причины: необразованная семья, товарищи... (нельзя же все валить на школу!) Это мы видимъ въ очеркахъ О Давыдовой. Авторъ очень просто разсказываетъ пережитую коллизію юношескихъ надеждъ и намѣреній съ сухимъ и не всегда разумнымъ педантизмомъ, царившимъ въ одной изъ провинціальныхъ женскихъ гимназій. „Воспоминанія“ не есть плодъ художественнаго творчества, зато въ нихъ нѣтъ ничего выдуманнаго и форма изложенія указана самимъ авторомъ, который хотѣлъ держаться какъ можно ближе къ дѣйствительности. Учительница пріѣхала на службу въ гимназію и сразу почувствовала себя чужой и одинокой. Свѣжему человѣку здѣсь дышать трудно. Даже „батюшка“, насмѣшливо прищуривши глазъ, спросилъ: „Вы курсистка будете“? И съ ученицами мѣшали сойтись, съ первыхъ шаговъ поселивши въ нихъ къ ней недовѣріе. Слишкомъ не натурально представленъ предсѣдатель педагогическаго совѣта. Можетъ быть, все это и вѣрно дѣйствительности, но за то не типично. Еще: авторъ явственно подчеркиваетъ свою свѣжесть и развитость сравнительно съ остальнымъ персоналомъ. 11. Переводчикова А. В. разсказываетъ про народную учительницу, которая несла эту тягость двадцать лѣтъ. Теперь она переживаетъ тоже не легкіе дни, но не теряетъ бодрости и вѣры въ идеалы лучшихъ дней, любитъ природу, вѣритъ въ полезность осмысленнаго труда. 12. Въ разсказѣ О. Руновой „Съ благотворительной цѣлью“ (1904) изображается обычная драма нужды, калѣчащей и унижающей душу. Полозьевъ, съ женой и дѣтьми пріѣхалъ въ Петербургъ учиться пѣнію. Живетъ въ крайней бѣдности. Его пригласили участвовать въ благотворительномъ концертѣ и обѣщали 25 руб., но не заплатили, потому что сборъ оказался незначителенъ. 13. Въ очеркахъ Поливановой „Изъ жизни обездолѣнныхъ“ описываются, какъ мелкіе служащіе на желѣзныхъ до-

рогахъ: простые стрѣлочники и сторожа, такъ и аристократія: начальники станціи, телеграфисты. Герои большею частью—жертва случайностей, но въ описаніи нѣтъ мелодраматическихъ эффектовъ: умираютъ просто, какъ обыкновенные русскіе люди. 14. Первыя произведенія В. І. Дмитріевой навѣяны деревней, которую она знаетъ и любитъ, и эти качества придаютъ произведеніямъ писательницы особую яркость и симпатичность. Герои ея—земская учительница, фельдшерица, студентъ. Много живыхъ сценъ, проникнутыхъ сочувствіемъ и юморомъ, но образы главныхъ героевъ блѣдны и нѣсколько присочинены. Въ разсказѣ „Тучки" видимъ живое сочувствіе къ людямъ „тучкамъ", которыхъ гоняетъ съ мѣста на мѣсто „судьбы ли рѣшеніе, зависть ли тайная, злоба ль открытая". 15. Разсказы О. Всеволодской проникнуты бодрымъ тономъ и колоритностью. Разсказъ Пикадоръ" изображаетъ испанскую жизнь. 16. Галина — писательница лирическая. Описываются думы кроткой дѣвушки, которая влачитъ жизнь въ провинціальной глуши: описываются неудачная любовь и картины бѣдной природы сѣвера. 17. Лохвицкой принадлежитъ нѣсколько выпусковъ стихотвореній. Главное ихъ достоинство—красота стиха и образа, чувство мѣры, отсутствіе вычурности, но содержаніе не отличается разнообразіемъ. Лучшія произведенія: „Свѣтъ вечерній". „Волшебное кольцо", „Сонъ", „Средніе вѣка". Здѣсь описываются процессы вѣдьмъ, колдовства, средне-вѣковой мистицизмъ,—тема вообще благодарная, но взгляды автора узкіе и односторонніе. 18. Пьеса Изабеллы Гриневской „Бабъ" есть драматическая поэма изъ исторіи Персіи. Авторъ пожелалъ познакомить русскую публику съ грандіозной личностью и замѣчательной проповѣдью персидскаго пророка новѣйшихъ временъ Али-Мохаммеда, получившаго имя Бабъ (дверь, т. е. дверь истины). Однимъ изъ существенныхъ элементовъ его проповѣди была эмансипація восточной женщины, что

писательница и выставила на первый планъ, а потомъ проповѣдь мира и согласія между людьми. Поэма производитъ сильное и ярко поэтическое впечатлѣніе, вызывая въ душѣ читателя высокія и трогательныя чувства. На сценѣ драма можетъ быть эффектна.

V. § 156. Не богато послѣднее время переводами иностранной поэтической литературы. Конечно, многое съ нѣмецкаго, французскаго и англійскаго переведено было по нѣскольку разъ и прежде, а изъ новѣйшаго, знатоки со многимъ даже не сочли нужнымъ знакомить русскую публику. Выдаются довольно солидныя драматическія произведенія изъ нѣмецкой и скандинавской литературъ. Вотъ нѣсколько указаній. 1. Разсказы Октава Мирбо съ предисловіемъ Б. А. Витмера. Авторъ, поборникъ справедливости, извѣстенъ по участію въ дѣлѣ Дрейфуса. Разсказы его, впервые появляющіеся на русскомъ языкѣ, представляютъ его скептикомъ и обличителемъ. Основное ихъ настроеніе—безнадежное презрѣніе къ людямъ, изуродованнымъ нелѣпою жизнью. Мастерски изображены всевозможныя извращенія и фальшь, на которую обреченъ современный человѣкъ, подъ давленіемъ богатства или бѣдности и всякихъ сомнительныхъ профессій. 2. Романъ Георга Эберса „Человѣкъ бо есмь"—замѣчательная картина борьбы внутренняго человѣка съ человѣкомъ физіологическимъ, борьбы великаго духа, парящаго вверхъ, съ матеріею, пригибающею его къ землѣ. Романъ, конечно, старинный, но онъ представляетъ полный интересъ въ настоящее смутное время, когда человѣчество ушло впередъ отъ сложившихся традицій, и жизнь его полна внутренняго разлада. 3. Въ 1904 году вышелъ переводъ Фауста Гете, принадлежащій П. И. Вейнбергу. Несовершенство многихъ прежнихъ переводовъ подало Вейнбергу мысль дать русской публикѣ точный, дословный переводъ прозаическій. Переводчикъ усиленно старался сохранить строжайшую близость къ буквѣ подлинника;

это хорошо для подстрочниковъ, гдѣ не задаются никакими литературными цѣлями. Понятно, что переводъ вышелъ тяжеловѣснымъ и не совсѣмъ изящнымъ. Лучшими вышли сцены комическія и реальныя, слабѣе— сцены лирическія; трагическій паѳосъ тоже соблюденъ. Авторъ не побоялся перевести и вторую часть, хотя она считается туманной. 4. Романъ Францева „За правду" есть варіація на распространенную въ Германіи исторію Бранденбургскаго купца Кольгаза, который въ 1532 году поѣхалъ на ярмарку въ Лейпцигъ. Его ограбили и отняли лошадей. Нигдѣ не найдя защиты, онъ сталъ защищаться самъ: грабилъ, жегъ, держалъ всѣхъ въ страхѣ; наконецъ, его поймали и повѣсили. Произведеніе напоминаетъ нѣсколько повѣсть Пушкина „Дубровскій". Авторъ выражаетъ идею, что тотъ, кто отстаиваетъ свое право, тотъ борется за право общее. Другая варіація того же романа принадлежитъ Клейсту. Она переведена на русскій языкъ О. Ф. Брандтъ. Въ романѣ Францева есть черты быта Карпатскаго простонародья; у Клейста этотъ элементъ значительно сокращенъ. 5. Въ послѣднее время русская публика интересовалась драматическими произведеніями нѣмецкаго писателя Гауптмана. Нѣкоторыя изъ нихъ написаны подъ вліяніемъ моднаго теперь норвежскаго писателя „Ибсена и носятъ соціальный характеръ. Выдающійся успѣхъ у насъ имѣли „Ткачи", „Ганнеле", „Потонувшій колоколъ" и „Бѣдный Генрихъ". „Потонувшій колоколъ" переведенъ Бальмонтомъ. Сюжетъ „Бѣднаго Генриха", переведеннаго три раза, взятъ изъ стариннаго нѣмецкаго преданія о графѣ Генрихѣ фонъ-Ауэ, который заболѣлъ проказою и былъ спасенъ бѣдною дѣвушкой, дочерью его мызника; узнавши, что въ Салерно есть врачъ, который можетъ исцѣлить прокаженнаго кровью невинной дѣвушки, она рѣшается пожертвовать своей жизнью для спасенія графа. Исцѣленіе совершается, но безъ кровавой жертвы, а

только раскаяніемъ графа, признавшаго, что проказа есть наказаніе, ниспосланное небомъ за властолюбіе. Основная идея драмы свѣтлая и примирительная. Оба главныхъ лица разными путями искали побѣды духа: графъ считалъ себя первымъ изъ людей и не смирялся даже передъ Богомъ; дѣвушка Оттогеба поглощена жаждою безстрастнаго подвига и не допускаетъ надъ собою власти земныхъ чувствъ. Оба пришли къ безднѣ отчаянія, и только тогда, когда въ нихъ торжествуетъ любовь, когда жажда подвига съ одной стороны, а съ другой—соблазнъ себялюбивой гордости и власти смѣняются страстнымъ желаніемъ не самому восторжествовать, а спасти жизнь другому, только тогда происходитъ чудо, т. е. оба возрождаются для свѣтлой земной жизни. Гауптманъ въ „Бѣдномъ Генрихѣ" проповѣдуетъ спасительность живой любви къ человѣку и показываетъ, что внѣ ея, какъ бы ни были высоки порывы духа, нѣтъ спасенія, а есть только смятеніе, борьба и отчаяніе. 6. Творчество нѣмецкаго писателя Артура Шницлера—анализъ нравственной боли, создаваемой тѣмъ, что всѣ идутъ врознь, что въ отношеніяхъ людей другъ съ другомъ проявляются только обособленность желаній каждаго, сознательный или безсознательный обманъ. Кто не ищетъ разрѣшенія въ понятіи объ абсолютномъ добрѣ внѣ человѣка, кто не чувствуетъ связи между зломъ жизни и абсолютнымъ добромъ, къ которому стремится душа человѣка, тотъ роковымъ образомъ осужденъ на безъисходный пессимизмъ. Борьба противорѣчащихъ началъ находитъ разрѣшеніе въ гармоніи, скрытой за предѣлами явленій, но открывающейся внутреннему сознанію. Трагическаго міропониманія у Шн. нѣтъ, и потому его творчество ограничивается очень тонкимъ, умнымъ и въ художественномъ отношеніи блестящимъ анализомъ душевныхъ переживаній съ заключенными въ нихъ контрастами. Автора прославили—трилогія „Зеленый попугай"

и пьесы: „Анатоль“, „Забава“, „Живые часы“. Новая пьеса „Одинокій путь“ рѣшаетъ вопросъ объ эгоизмѣ и альтруизмѣ. 7. Въ приложеніи къ Новому Времени 1904 года помѣщался очень занимательный романъ Клары Фибихъ „Спящее войско“, переводъ съ нѣмецкаго М. Н. Д-ской. 8. Очень усердно ставились въ послѣднее время на сценѣ пьесы Меттерлинка, хотя сильнаго впечатлѣнія не производили. Авторъ — бельгіецъ. Въ его произведеніяхъ мало дѣйствія и движенія. Онъ писалъ ихъ въ убѣжденіи, что истинною жизнью мы живемъ не въ тѣ мгновенія, въ которыя нами овладѣваетъ страсть, между тѣмъ, несомнѣнно, что пьесы, чуждыя страсти и движенія, не должны появляться на сценѣ, съ подвижностью которой не могутъ мириться пьесы, лишенныя дѣйствія. Въ пьеѣ „Слѣпые“ дѣйствующія лица только разговариваютъ, и движеніе наступило тогда, когда проводникъ ихъ оказался мертвымъ. Въ пьесѣ „Непрошенная“ дѣйствующія лица—вещи въ комнатѣ. Когда приходитъ болѣзнь и затѣмъ смерть, то похороннымъ звономъ звенятъ часы, качается встревоженная лампа, не можетъ закрыться испуганная дверь, съ деревьевъ падаютъ листья и соловьи умолкаютъ. Въ пьесѣ „Смерть Тентажиля“ дѣйствіе происходитъ въ фантастическомъ замкѣ. Королева (смерть) не появляется, а только ея служанки (можетъ быть, парки?); драма символизируетъ тщетную и слабую борьбу смертныхъ противъ этой неумолимой слѣпой силы. Ей не жаль, ни молодости, ни любви, ни самоотверженія. Главное отсутствующее лицо драмы,—сестра маленькаго Тентажиля, Игрэнъ, символизируетъ этотъ безплодный протестъ. Но духъ не поддается власти.— 9. Въ послѣднее время интересъ пріобрѣли скандинавскіе писатели. Лагерлефъ Сельма, Шведка, молодая писательница, дочь народа-хлѣбопашца. Въ романѣ „Іерусалимъ“ разсказывается, какъ цѣлая деревня мужиковъ изъ Далекарліи эмигрировала въ Америку, чтобы, вдали

отъ страны мѣди и желѣза, создать государство Христовой правды и братской любви. Романъ „Геста Берлингъ“ есть исторія покаянія верха надъ народомъ. Привилегированныя сословія отказываются отъ своихъ привилегій, чтобы съ лица земли исчезла неправда. Описывается жизнь 12 авантюристовъ, называемыхъ кавалерами. Они живутъ на счетъ доброй благодѣтельницы. Поэма „Чудеса Антихриста“—разработка средневѣковой старинной легенды о видѣніи императора Октавіана. Противополагаются два періода въ исторіи человѣчества: средніе вѣка, жившіе мечтою о „Божьемъ Царствѣ“ на небесахъ; они служили Христу, Царю небеснаго рая,—а современная европейская демократія пытается создать царство Христово на землѣ и служитъ—Антихристу, символу земного счастья и земного равенства. Во всѣхъ сочиненіяхъ Лагерлефъ выразилась мечта объ этомъ царствѣ на землѣ. 10. Съ норвежскаго переведены романы Іонасъ Ли: „Дочери командора“, „Отверженный“, „Погибшая жизнь“. Въ романахъ яркость красокъ, жизненность фабулы. Первый романъ есть тяжелая драма изъ жизни высшаго круга норвежскаго общества. Это—мучительный крикъ противъ жестокихъ предразсудковъ высшаго круга. Страдаютъ золотыя сердца, которыя не могутъ вытравить изъ глубины души искренность и подчиняютъ лучшіе порывы „правиламъ высшаго свѣта“, считающаго трудъ едва ли не порокомъ. Идея не новая, но правдивая, и бытъ провинціальнаго норвежскаго общества представленъ рельефно. 11. Въ настоящее время популярны драматическія произведенія Генриха Ибсена, датскаго писателя. Драмы его коротки, лаконичны, но производятъ сильное впечатлѣніе; главный герой непремѣнно совершаетъ преступленіе, или преступленіе таится въ его прошломъ. Въ вышедшемъ въ 1904 году 7-мъ выпускѣ заключаются пьесы „Строитель Сольнесъ“, „Маленькій Эйольфъ“, „Когда мы мертвые пробуждаемся“. Драмы

снабжены обширными комментаріями, разъясняющими символы пьесъ. 12. Переведенный съ англійскаго романъ Г. Дж. Уэлльса „Пища боговъ“ представляетъ строго логическое развитіе дѣйствія на основѣ обыкновенныхъ фактовъ. Его задача—прослѣдить первые шаги развитія на землѣ „гигантизма“, явившагося результатомъ важнаго изобрѣтенія, сдѣланнаго двумя учеными. Особое вещество, которое они назвали „пищею боговъ“, будучи введено въ развивающійся организмъ, противодѣйствуетъ всѣмъ, задерживающимъ его ростъ вліяніямъ; и вездѣ, гдѣ оно начинаетъ оказывать свое дѣйствіе, являются гигантскіе экземпляры, какъ въ области животнаго, такъ и растительнаго царствъ. Дѣти, вскормленныя на пищѣ боговъ, достигаютъ небывалой величины; крысы, наглотавшіяся этой пищи, становятся опасными звѣрями. Романъ является какъ-бы облеченнымъ въ символическую форму укоромъ, брошеннымъ измельчавшему и въ своихъ поступкахъ, и въ помыслахъ, и побужденіяхъ, человѣчеству. Расти согласно волѣ Божіей есть вѣчный законъ жизни! Сырости изъ этихъ щелей и трещинъ, вырваться изъ этого мрака на просторъ и свѣтъ всей вселенной—вотъ ея задача!

Нельзя сказать, чтобы эти серьезнаго направленія писатели читались у насъ особенно охотно; они чужды нашего быта, мало содержатъ въ себѣ увлекательнаго, захватывающаго, но не дурно было бы, если бы Ибсены, Бьернсоны и имъ подобные писатели замѣнили у насъ Евгенія Сю и обоихъ Дюма, а безсмертные геніи, съ Гомеромъ и Шекспиромъ во главѣ, тоже не были заброшены русскою учащеюся молодежью!

Представленная нами въ краткомъ обзорѣ литература послѣдняго времени, разбросанная по журналамъ и газетнымъ приложеніямъ, составляетъ предметъ чтенія для взрослой публики. Но и учащаяся молодежь однимъ процессомъ чтенія уже не ограничивается: она уже „изучаетъ“ словесность. Начало этому „изученію“ положили

не сами учащіеся, а лучшіе педагоги съ Стоюнинымъ во главѣ, авторомъ замѣчательныхъ книгъ, напр. О преподаваніи русской литературы (первое изданіе 70-хъ годовъ), Руководство для теоретическаго изученія словесности. Затѣмъ послѣдовали труды Скопина, Судовщикова, Максимова, Острогорскаго, и пр. и пр. Если книги Стоюнина издавались чуть не до 5 разъ, значитъ на нихъ былъ спросъ со стороны самихъ учащихся. Съ своей стороны издатели, напр. Вольфъ, Глазуновъ Ефремовъ, Марксъ, Морозовъ, Павленковъ, Суворинъ и пр. помогли дѣлу изученія родной словесности изданіемъ (въ 12 томахъ или отдѣльными выпусками) прозведеній отъ Пушкина до Щедрина, и учащіеся стали изъ этихъ сборниковъ составлять свои маленькія библіотечки. Но вся эта работа не имѣла офиціальнаго характера до послѣдняго времени, когда наконецъ Мин. Нар. Просв. освободило отъ остракизма критическія статьи Бѣлинскаго и произведенія знаменитыхъ писателей 40-хъ годовъ; послѣ этого и преподаватели словесности стали собираться для обсужденія вопросовъ: какихъ писателей и какія ихъ произведенія изучать. Теперь русская литература послѣ Гоголя входитъ въ курсъ изученія отечественной словесности.

§ 157. Для полноты обзора литературы намъ остается кратко разсмотрѣть, что въ послѣднее время было сдѣдано для ея изученія.

А. Относительно народнаго творчества можно указать на слѣдующія изданія. 1. Н. Е. Ончуковъ издалъ „Печорскія былины“, записанныя имъ въ 1902 году на низовой Печорѣ. Былинъ сто одна. Хотя это произведенія уже извѣстныя, но въ данной мѣстности никто ихъ еще не записывалъ. Есть и новыя, напр., на смерть Имп. Александра I. 2. Языку былинъ посвящена обстоятельная статья В. И. Чернышева. 3. Архангельскія былины и историческія пѣсни, собранныя А. Д. Григорьевымъ (1904). Двѣ части. Въ

первой—поморскія былины, во второй—Пинежскія и еще историческія пѣсни. Наблюденія Гр. подтверждаютъ гипотезу В. Ѳ. Миллера о преобладающемъ вліяніи скомороховъ, этихъ „потѣшниковъ“ и веселыхъ людей нашей старины на процессъ образованія былиннаго репертуара. Почему именно въ Архангельской губерніи сохранились былины, собиратели соглашаются съ объясненіемъ Гильфердинга: удаленность отъ остальной Россіи и невольный досугъ вслѣдствіе того, что главныя занятія жителей—рыбная ловля и охота, и наконецъ отсутствіе грамотности. Особенно интересны историческія пѣсни, напримѣръ о Петрѣ Великомъ. Есть даже нотныя записи напѣвовъ при помощи фонографа. Въ концѣ алфавитный списокъ былинъ и обзоръ варіантовъ. 4. „Сборникъ народныхъ пѣсенъ“ Данилова вышелъ въ Кіевѣ. Эти пѣсни записаны только въ одномъ селѣ, но сборникъ представляетъ типическую картину современнаго состоянія пѣсни въ деревнѣ, степени устойчивости старыхъ элементовъ, упадка творчества, вторженія элементовъ и мотивовъ чуждыхъ и новыхъ. Въ сборникѣ можно найти новыя уродливыя пѣсни, наполненныя страшными искаженіями языка. Въ малороссіи онѣ обратились въ шутки и пародіи. Есть напримѣръ пародія на Пушкинскую „Черную шаль“. О крѣпостномъ правѣ сохранилось немного пѣсенъ. Произведенія общественнаго, сословнаго и профессіональнаго характера, постепенно, съ измѣненіемъ условій быта, исчезаютъ. Болѣе постоянная область чувства устойчивѣе, и вызванные ею звуки и образы дольше живутъ въ народной памяти. 5. „Великорусскія пѣсни, записанныя Линевой“ изд. Ак. Наукъ (1904). Обширные сборники произведеній народной словесности долго изучались или съ филологической или съ музыкальной стороны, и только въ послѣднее время сдѣланы попытки согласовать эти цѣли на одномъ взаимно-цѣлесообразномъ изученіи. Въ этомъ смыслѣ сборникъ

г-жи Линевой долженъ занять почетное мѣсто. При помощи фонографа, какъ „записной книжки“, она записала многоголосную народную пѣсню безъ всякихъ измѣненій и прикрасъ. Всего записано 23 пѣсни лирическаго и затѣмъ бытоваго характера. Къ сборнику приложенъ цѣлый рядъ весьма цѣнныхъ соображеній. 6. Академія же Наукъ издала собранныя В. Ѳ. Миллеромъ Историческія пѣсни (Извѣстія 1904 г.), записанныя въ Сибири, напр. объ Ив. Грозномъ, Кострюкѣ, Ермакѣ, Скопинѣ Шуйскомъ, Стенькѣ Разинѣ, Борисѣ Петровичѣ Шереметьевѣ и пр. Пѣсни сопровождаются объясненіями. 7. Марковъ А. пріобрѣлъ почетную извѣстность записями „Бѣломорскихъ былинъ“. Ему же принадлежитъ изслѣдованіе о бытовыхъ чертахъ былинъ (1904). Изъ произведеній народнаго эпоса онъ извлекаетъ черты экономическаго, общественнаго, религіознаго и семейнаго быта. По его мнѣнію, былины сложились въ XII столѣтіи, а окончательно сформировался былевой эпосъ въ XIII—XIV столѣтіяхъ. 8. Иллюстровъ І. И. издалъ „Сборникъ Россійскихъ пословицъ и поговорокъ“. Кіевъ (1904). Это есть результатъ многолѣтняго труда и ревностной любви къ сокровищамъ русской рѣчи. Въ этой книгѣ во-первыхъ объединена и сгруппирована обширная литература о пословицахъ и поговоркахъ и во-вторыхъ матеріалъ приведенъ въ систему. Можетъ быть, съ этой системой не всякій согласится, но зато есть алфавитный указатель, какъ пословицъ, такъ и источниковъ, откуда онѣ взяты. 9. Того же предмета касаются книги: а, Ермолова „Народная сельско-хозяйственная мудрость въ пословицахъ, поговоркахъ и примѣтахъ“ и б, Симони „Старинные сборники пословицъ и поговорокъ“.

Б. По исторіи литературы до-Петровскаго времени трудно указать много капитальнаго. 1. Академикъ Пыпинъ издалъ Повѣсть о Горѣ злосчастіи по единственному списку первой половины XVIII столѣтія,

имъ же найденному. 2. А. Е. Бѣляевъ во второй разъ издалъ Житіе Протопопа Аввакума, написанное имъ самимъ. Автобіографія любопытна паѳосомъ идейнаго мученичества, оригинальностью языка, народнымъ юморомъ, представляющимъ контрастъ съ трагичностью основного тона. 3. Академія Наукъ издала первый томъ изслѣдованій И. Н. Жданова. Сюда вошли работы, посвященныя изученію древне-русской письменности, отчасти народной поэзіи, напр. „Матеріалы для исторіи Стоглаваго собора", „Русская поэзія въ до-Монгольскую эпоху", „Литература Слова о полку Игоревѣ", „Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи". Диссертація Жданова „Русскій былевой эпосъ" издана раньше. 4. Г. П. Георгіевскій помѣстилъ въ Извѣстіяхъ Ак. Наукъ двѣ драмы Петровскаго времени о Петрѣ, Златыхъ ключахъ, и объ Эсѳири. 5. Въ 1903 году Ак. Наукъ начала изданіе сочиненій Имп. Екатерины II на основаніи подлинныхъ рукописей и съ объяснительными примѣчаніями А. Н. Пыпина (за смертью его работа не докончена). 6. Дѣятельность сотрудника Императрицы въ дѣлѣ воспитанія, И. И. Бецкаго, послужила матеріаломъ для сочиненія П. М. Майкова. „Опытъ біографіи" (1904). Это—строго-объективное и фактическое изысканіе. Много архивнаго матеріала, вслѣдствіе чего общая характеристика просвѣтительныхъ идей эпохи въ связи съ Западнымъ вліяніемъ оказалась болѣе слабою. 7. Нѣсколько добросовѣстныхъ трудовъ принадлежитъ В. В. Сиповскому. Онъ во-первыхъ издалъ двѣ русскія повѣсти XVII –XVIII ст.— о Фролѣ Скобѣевѣ и Саввѣ Грудцынѣ. При изданіи сохранены бытовыя краски, народный юморъ, особенно мѣткіе народные обороты. Другое сочиненіе его „Изъ исторіи русскаго романа и повѣсти. Часть I, XVIII в.". Авторъ не побоялся неблагодарной работы библіографическаго подбора и привелъ въ наличность значительное количество уже давно исчезнувшаго изъ памяти

матеріала. Много интересныхъ наблюденій и выводовъ, напр., что жизнеописаніе Ваньки Каина выдержало болѣе десяти изданій, а Ричардсонъ не повторялся. Въ переводѣ романовъ поражаетъ хронологическая непослѣдовательность относительно школъ и направленій. Авторъ ясно представляетъ намъ первые шаги русскаго романа. Напр. старый романъ (классическій, рыцарскій, новелла) не зналъ поученія: онъ былъ объективенъ, строго эпиченъ. Когда въ поэзіи стала проявляться личность автора, тогда и романъ сталъ играть служебную роль,—сперва у религіи, потомъ у морали, но въ то же время онъ сталъ сближаться съ дѣйствительностью.—Автору принадлежитъ еще обширный трудъ; „Карамзинъ, авторъ" Писемъ русскаго путешественника". 1899.

В. Много серьезныхъ трудовъ посвящено литературѣ XIX столѣтія. Во-первыхъ къ послѣднему времени относится нѣсколько изданій нашихъ первоклассныхъ писателей, начиная съ Жуковскаго и кончая Чеховымъ. Въ этомъ отношеніи можно припомнить имена Ефремова, Тихонравова, Л. Поливанова, Маркса (издателя Нивы)и пр. Во-вторыхъ написано много сочиненій для характеристики отдѣльныхъ писателей и литературныхъ направленій; не мало появилось общихъ обзоровъ литературы, какъ систематическихъ, такъ и въ видѣ словарей въ алфавитномъ порядкѣ. 1. Въ 1901 году Глазуновъ напечаталъ X-е изданіе сочиненій Жуковскаго подъ редакціей Ефремова. Тутъ много новаго. Что издано по смерти поэта, то свѣрено по оригиналамъ, прибавлено до 70 стихотвореній, приложенъ цѣлый рядъ прозаическихъ статей. Сочиненія расположены въ хронологическомъ порядкѣ. Жуковскому же посвященъ капитальный трудъ академика А. Н. Веселовскаго: „В. А. Жуковскій. Поэзія чувства и сердечнаго воображенія" (1904). Эту книгу вызвало пятидесятилѣтіе со дня смерти поэта. Работа представляетъ

весьма крупное явленіе въ исторіи литературы; скорѣе характеристика, нежели біографія. Но индивидуальный портретъ Ж. не былъ въ намѣреніяхъ автора; онъ, какъ самъ говоритъ, старался направить анализъ не столько на личность, сколько на общественно-психологическій типъ, къ которому можно отнестись отвлеченнѣе, безъ лицепріятія. Жуковскій именно принадлежитъ къ числу такихъ личностей, которымъ трудно дать опредѣленный портретъ и которыя сливаются съ фономъ по крайней мѣрѣ ближайшихъ современниковъ По мнѣнію автора, лучшее у него—небольшія стихотворенія, вызванныя опредѣленнымъ переживаніемъ и полныя искренняго чувства. Всякій знаетъ, напримѣръ какъ повторяется въ стихахъ Ж. мотивъ воспоминанія. „привѣтъ былому, вѣрность минувшему". Даже „упованія", надежды его, звучали не призывомъ грядущаго, а скорѣе откликомъ прошлаго („Опять ты здѣсь, мой благодатный геній"). Все содержаніе книги почтеннаго академика, повидимому, доказываетъ, что поэзія Ж-аго не романтизмъ, а скорѣе сентиментализмъ. „Нѣтъ энергическихъ тоновъ, нѣтъ бури и натиска" (стр. 30). Болѣе другихъ интересны въ книгѣ слѣдующіе очерки: Пора самообразованія и душевнаго одиночества, Лирика чувства и личные мотивы, Общественные взгляды Ж., Народность и народная старина въ поэзіи Ж.—Если читатель захочетъ восполнить впечатлѣнія, почерпнутыя изъ книги о Жуковскомъ, самостоятельнымъ знакомствомъ съ его жизненною обстановкою, онъ можетъ обратиться къ „Уткинскому сборнику писемъ Ж-аго, М. А. Мойеръ и Е. А. Протасовой", изданному въ томъ же 1904 году.—Въ исторіи поэзіи очень любопытна изданная Веселовскимъ въ 1889 году книга „Три главы изъ исторической поэтики". Говорится о томъ, какъ поэзія постепенно развилась изъ языческихъ религіозныхъ пѣсенъ.

а). Изданіемъ сочиненій Пушкина занимаются Ефремовъ, Морозовъ, Павленковъ, и пр. а., Изданіе Ефремова

въ 6-ти томахъ (1903). Здѣсь, по словамъ издателя, собрано все, что появилось до сихъ поръ въ печати съ именемъ поэта и что могло быть провѣрено, исправлено и дополнено на основаніи сохранившихся рукописей поэта или несомнѣнно подлинныхъ списковъ. Существуютъ изданія отдѣльныхъ его сочиненій для учащихся съ руководящими вопросами и выписками изъ критическихъ статей, въ особенности Бѣлинскаго, сдѣлавшагося наконецъ общимъ достояніемъ. б. Большую услугу оказалъ въ этомъ отношеніи Зелинскій, издавшій два тома „Русской критической литературы о произведеніяхъ А. С. Пушкина (1899)". Ему же принадлежатъ сборники критическихъ статей о Лермонтовѣ, Гоголѣ, Достоевскомъ, Л. Н. Толстомъ и Тургеневѣ. Нѣкоторые изъ этихъ сборниковъ достигли 3-го изданія,—явный признакъ, что они приносятъ пользу.

3. Еще больше посчастливилось Гоголю. а. Въ 1901 году подъ редакціею В. И. Шенрока вышли въ 4 томахъ „Письма Гоголя". Сборникъ гораздо полнѣе изданнаго Кулишемъ въ 1857 году. Такъ какъ времени прошло много, то понятно, что въ настоящемъ изданіи объяснены иниціалы и всякія сокращенія. Строго соблюдена хронологія. Много разночтеній, варіантовъ и полезныхъ примѣчаній. Письма раздѣлены на 8 періодовъ. б. Въ 1902 году В. В. Каллашъ издалъ сочиненія: „Основныя черты личности и творчества Н. В. Гоголя", „Гоголь въ русской поэзіи. Сборникъ стихотвореній". (1902). Великій писатель мало возбуждалъ къ себѣ симпатіи вслѣдствіе скрытности и себялюбиваго характера. Но правильнѣе искать причины отчужденія въ самомъ творчествѣ. Творчество Пушкина свѣтлое и ясное, доступное громадному числу и всякому уровню читателей. Пушкинъ былъ привлекательный повѣствователь, блестящій лирикъ. Темы Гоголя не всякому бросались въ глаза, юморъ его требовалъ извѣстной

высоты пониманія. Онъ нерѣдко наводилъ на серьезное раздумье. в. Въ 1903 году Н. Котляревскій издалъ „Очеркъ изъ исторіи русской повѣсти и драмы". Научное изученіе Гоголя, какъ художника и человѣка, представляетъ по разнымъ причинамъ весьма трудную задачу. Авторъ задался цѣлью выяснить вопросъ о томъ, какое положеніе занимаютъ произведенія Гоголя въ ряду современныхъ ему памятниковъ словеснаго творчества, какую роль игралъ онъ въ той общей работѣ, которая была направлена на сближеніе литературы съ жизнью. Изложеніе отличается изяществомъ, столь рѣдкимъ въ ученыхъ изслѣдованіяхъ. Изъ очерковъ болѣе слабою и далеко не полною можно считать характеристику Пушкина, который, по мнѣнію Котляревскаго, при своей замѣчательной способности на все въ мірѣ откликаться, всего рѣже откликался, какъ художникъ, на запросы современной ему русской жизни. г. Въ томъ же году вышло сочиненіе Д. Н. Овсянико-Куликовскаго „Вопросы психологіи творчества". Говорится о Гейне, Гете, Пушкинѣ, Гоголѣ, Чеховѣ. Въ трудѣ важны, какъ общія соображенія, такъ особенно методъ изслѣдованія, своеобразный, непосредственно изслѣдующій творчество писателя въ его существѣ. Недостаетъ общаго историческаго освѣщенія". Гоголя авторъ называетъ художникомъ экспериментаторомъ, который въ своихъ произведеніяхъ даетъ субъективно созданный подборъ извѣстныхъ фактовъ въ особомъ освѣщеніи, вслѣдствіе чего изучаемая художникомъ сторона жизни выступаетъ ярко и отчетливо. Пушкина онъ считаетъ художникомъ наблюдателемъ, преслѣдующимъ правдивое изображеніе жизни такою, какъ она есть. Далѣе свойства творчества Гоголя развиваются подробнѣе. Книга представляетъ собою попытку внести отчетливость въ область психологіи творчества, не легко поддающуюся логическимъ опредѣленіямъ и

безпристрастному анализу. Произведенія великихъ художниковъ слова могутъ быть разсматриваемы съ разныхъ точекъ зрѣнія: 1) историко-литературной, 2) общечеловѣческой, 3) психологически-художественной, какъ особаго вида работы мысли. Съ этой послѣдней точки зрѣнія авторъ анализируетъ геніальность Пушкина, примѣняя принципъ экономіи умственнаго труда къ искусству вообще и къ поэзіи въ частности. Въ этомъ случаѣ работа мысли направляется отъ частнаго къ общему, отъ конкректнаго къ отвлеченному, отъ индивидуальнаго къ типичному. Въ этомъ и состоитъ экономія мысли, сбереженіе умственной энергіи. Пользуясь терминомъ изъ физики, авторъ геніевъ мысли: Гераклита, Демокрита, Декарта, Спинозу... называетъ аккумуляторами умственной энергіи. Онъ останавливается преимущественно на Гете и Гейне, а изъ русскихъ на Тургеневѣ и Чеховѣ. Тургеневу посвящена еще отдѣльная книга „Этюды о творчествѣ Тургенева“ изданіе 2, 1904 года. Едва ли впрочемъ сказанное удовлетворитъ читателя. Авторъ черезъ-чуръ расчленяетъ, разнимаетъ Тургенева, разбираетъ по косточкамъ и суставчикамъ. Почти половина отдѣла занята женскими типами, которые онъ распредѣляетъ по весьма подробной системѣ. А на вопросъ: вѣрны ли эти типы дѣйствительности— отвѣчаетъ не ясно. Такъ же интересна въ частностяхъ и сомнительна въ выводахъ другая половина книги, посвященная типамъ Базарова и Соломина. Во второмъ изданіи книги о Тургеневѣ прибавлено введеніе и выдержки изъ критической литературы. Авторъ говоритъ о связи западничества Тургенева съ его пессимизмомъ и отрицательнымъ націонализмомъ. И то и другое возникло на почвѣ вѣкового наслѣдственнаго отчужденія отъ русской жизни нашихъ дворянъ, что у Тургенева явилось въ болѣе смягченной формѣ.—д. „Памяти Гоголя“. Это научно-литературный сборникъ, изданный Историческимъ обществомъ Нестора лѣтописца, подъ

редакціею Н. П. Дашкевича; по обширности и разнообразію матеріала онъ занимаетъ выдающееся мѣсто въ ряду юбилейныхъ изданій.

4) О писателяхъ сороковыхъ годовъ многое можно найти въ упомянутыхъ выше изданіяхъ Зелинскаго. Кромѣ того можно обратить вниманіе еще на нѣкоторые труды. а) Ляцкому принадлежатъ „Критическіе очерки“ о сочиненіяхъ Гончарова (1904). Авторъ, пользуясь только сочиненіями Гончарова и критическими отзывами, развиваетъ оригинальную мысль, что Гончаровъ—писатель субъективный, говоритъ только о себѣ только то, что самъ пережилъ, и въ герояхъ раскрылъ только свой внутренній міръ. Отсюда у автора произвольныя предположенія и натяжки. Хорошее—удачная классификація матеріала. б) Л. Шестовъ, разбирая сочиненія Достоевскаго и книгу Ницше (Философія трагедіи), говоритъ, что Д. есть представитель той внутренней трагедіи души, которая ничего общаго не имѣетъ съ трагедіею страстей и внѣшнихъ коллизій жизни. Критикъ послѣдовательно объясняетъ, какъ постепенно у Д. развился этотъ взглядъ, указываетъ связь этого взгляда съ теоріею Ницше „По ту сторону добра и зла“. Можно надѣяться, что сомнѣнія и пессимизмъ двухъ мыслителей XIX вѣка суть явленія переходныя. Настанетъ время возвращенія къ трезвой дѣйствительности и тогда создадутся новые идеалы. в) О гр. Л. Н. Толстомъ такъ много, за и противъ, было написано у насъ и за границей, что въ 1903 году, къ 75—лѣтію его, даже появились библіографіи, напримѣръ 1) Витовта Юлія „Гр. Л. Н. Толстой въ литературѣ и искусствѣ“; указано все, что о немъ написано у насъ и за границей. Есть недостатки, напримѣръ, много лишняго, многаго недостаетъ, нарушены пріемы библіографіи; г) Драгоманова П. Д. „Гр. Л. Н. Т., какъ писатель всемірный и распространеніе его произведеній въ Россіи и за границей“. Здѣсь содержатся только общіе ста-

тистическіе выводы, не видно строгой системы. Но отдѣльныя цифры любопытны, напр., нѣмецкихъ переводовъ было 201, французскихъ 156, англійскихъ 73, болгарскихъ 45 и гр. д. Очень полезенъ трудъ Зелинскаго „Русская критическая литература, хронологическій сборникъ критико-библіографическихъ статей о произведеніяхъ гр. Л. Н. Толстого". е. Любопытна книга Е. Цабеля, переведенная съ нѣмецкаго Вл. Григоровичемъ. Авторъ принадлежитъ къ числу иностранныхъ критиковъ, наиболѣе близко знакомыхъ съ нашей литературой, а вмѣстѣ и наиболѣе компетентныхъ ея цѣнителей. По мнѣнію Цабеля, къ числу писателей, имѣвшихъ большое вліяніе на гр. Л. Н. Т., принадлежитъ Руссо. Подобно ему и Т. борется противъ отчужденія отъ природы, требуетъ, чтобы мы отказались отъ культуры со всѣми ея пороками и вернулись къ простотѣ жизни и къ простодушію. Но есть между ними и различіе. Руссо отличался неустойчивымъ характеромъ и не особенно большою любовью къ правдѣ, противорѣчіемъ между теоріею и практикою. Графъ Толстой, напротивъ, неуклонно стремится къ тому, что разъ призналъ истиннымъ и хорошимъ; онъ добрый человѣкъ, образцовый отецъ семейства, обладаетъ характеромъ, готовымъ на самопожертвованіе. Но Цабель съ сомнѣніемъ относится къ „философскому мистицизму" графа, къ понятіямъ его объ искусствѣ, къ планамъ преобразовать жизнь человѣчества, между тѣмъ художественное творчество его ставитъ высоко.

5) Въ 1903 году вышло третьимъ изданіемъ сочиненіе В. Н. Александровскаго „Некрасовъ и его поэзія". Такъ какъ этотъ поэтъ вызывалъ много противорѣчивыхъ сужденій, то авторъ и рѣшился въ нихъ разобраться. Одни видѣли въ Некрасовѣ могучаго поэта-пѣвца протестующаго духа, истиннаго пророка и выразителя духа своего времени съ его скорбными думами, съ его тревожнымъ озлобленіемъ и уныніемъ, но иногда и съ сугубою вѣрою. Другіе вовсе отвергали у Некра-

сова поэтическій талантъ, видѣли у него только холодное риторство, искусно приспособлявшееся къ условіямъ времени. Противорѣчіе въ сужденіяхъ о немъ объясняется тѣмъ, что Некрасовъ былъ редакторомъ-издателемъ двухъ самыхъ видныхъ въ свое время журналовъ, Современника и Отечественныхъ Записокъ, и слѣдовательно стоялъ въ центрѣ горячей журнальной борьбы въ эпоху великихъ реформъ. Его часто судили по личнымъ и партійнымъ отношеніямъ.

Изъ писателей новѣйшихъ большая часть критическихъ разборовъ касается произведеній Чехова, Л. Андреева и особенно М. Горькаго; ему посвящено почти столько же статей, какъ и—гр. Л. Н. Толстому.

Нѣсколько цѣнныхъ трудовъ написано въ качествѣ общихъ обзоровъ литературы. Остановимся на нѣкоторыхъ изъ нихъ. 1) В. А. Мякотинъ. „Изъ исторіи русскаго общества. Этюды и очерки“ (1902). Статьи, здѣсь помѣщенныя, составляютъ исторію идейнаго движенія, совершавшагося въ нѣдрахъ русскаго общества въ послѣднія три столѣтія. Тутъ выведены протопопъ Аввакумъ, князь М. М. Щербатовъ, Радищевъ, Пушкинъ, Грановскій, Кавелинъ. Конечно, шести „Этюдовъ и очерковъ“ недостаточно для цѣли автора, но отрывочность эпизодовъ искупается единствомъ точки зрѣнія и даже настроенія. Это такая же солидная книга, какъ сборникъ П. Н. Милюкова „Изъ исторіи русской интеллигенціи“. Обѣ книги одна другую дополняютъ. 2) Гуковскій.—„Критическія статьи. Новыя вѣянія и настроенія (1902)“. Авторъ, по отдѣльнымъ художественнымъ произведеніямъ, старается угадать основныя теченія и идеалы, которые характеризуютъ наше время. Особенно хорошо разобрана драма Ибсена „Когда мы мертвые проснемся“. По взгляду Гуковскаго, современный человѣкъ стремится быть правдивымъ, свободнымъ и сильнымъ. Конечно, въ этомъ желаніи, какъ во всякомъ молодомъ порывѣ, много наивнаго, задорнаго, много

смѣшного и крикливаго. Но авторъ убѣжденъ, что людямъ свободнымъ, правдивымъ и сильнымъ принадлежитъ будущее. 3) Ѳ. Д. Батюшковъ. „Критическіе очерки и замѣтки". Авторъ иногда довольно удачно сравниваетъ писателей, напримѣръ Пушкина съ Расиномъ, драму Борисъ Годуновъ—съ Аталіей. Въ построеніи драмы Пушкина онъ видитъ вліяніе классической поэтики. Дидактизмъ Пушкина онъ объясняетъ общимъ у русскихъ писателей обычаемъ рѣшать нравственные вопросы при помощи художественныхъ образовъ. Мысль о ненарушимости правъ личности, геніально развитая впослѣдствіи Достоевскимъ въ „Преступленіи и наказаніи", составляетъ паѳосъ Пушкинской драмы. Другія статьи касаются Владиміра Соловьева, Н. К. Михайловскаго, Короленко, Л. Н. Майкова. 4) А. К. Бороздинъ. „Литературныя характеристики. XIX вѣкъ". Томъ I. Книга состоитъ изъ ряда очерковъ, строго продуманныхъ и отчетливо изложенныхъ. Одни очерки посвящены общимъ обзорамъ различныхъ періодовъ русской литературы, а другіе останавливаются на творческой дѣятельности и общественныхъ взглядахъ крупныхъ русскихъ писателей, начиная съ Карамзина. 5) Д. Д. Языковъ. „Обзоръ жизни и трудовъ русскихъ писателей и писательницъ". Выпускъ I. Второе исправленное изданіе. Здѣсь между прочимъ находится обстоятельная хронологическая канва творчества Достоевскаго съ литературою о немъ, доведенною до 1902 года, затѣмъ—Пирогова, Писемскаго и нѣкоторыхъ другихъ писателей, которые, безъ кропотливой библіографической работы, совершенно затерялись бы. 6) Алексѣй Веселовскій. „Этюды и характеристики". Второе изданіе 1903 года. Читатель испытываетъ эстетическое наслажденіе отъ чтенія книги, которая заключаетъ въ себѣ весьма рельефные портреты „рыцарей духа", титановъ, потомковъ Прометея, полныхъ духовной силы, благородства и любви къ людямъ. Но такъ

какъ съ ореоломъ, окружающимъ рыцарей духа, неразрывно связаны и муки Прометея, оттого чувствуется грустный колоритъ, которымъ окрашены портреты. Съ особенной любовью авторъ останавливается на сложныхъ загадочныхъ личностяхъ и типахъ міровой литературы. Это—Джонатанъ Свифтъ, Бомарше, Дидро, Вольтеръ, Джордано Бруно, В. Гюго, Додэ, Ибсенъ... Есть представители и русскаго величія: Фонвизинъ, Радищевъ, Чаадаевъ, Грибоѣдовъ, Гоголь, Пушкинъ. Во всемъ изложеніи видна способность автора подмѣтить типическія черты писателей, понять историческую ихъ обстановку, оживить портретъ жанровой картиной—все это есть плодъ и таланта и глубокой эрудиціи. 7) „Къ свѣту“ научно-литературный сборникъ подъ редакціей Лѣтковой и Ѳ. Д. Батюшкова. Содержаніе сборника разнообразно: статьи по женскому вопросу съ историко-литературными этюдами, научныя статьи съ беллетристическими очерками и стихотвореніями. Въ беллетристическомъ отдѣлѣ встрѣчаются имена Короленко, Боборыкина, О. Шапиръ, Куприна, Чуминой и пр. 8) „Подъ знаменемъ науки“. Сборникъ въ честь Стороженко (1902). И здѣсь содержаніе разнообразно: говорится о Бомарше, Рескинѣ, Мицкевичѣ, Гоголѣ, Бѣлинскомъ, Тургеневѣ, о русскомъ романѣ сравнительно съ европейскимъ и пр. 9) Николаевъ (1902) говоритъ про себя, что онъ—одинъ изъ стариковъ, которые пережили тяжелую эпоху умственной смуты 80—90 годовъ и теперь еще переживаемую. Тогда писали Михайловскій, Шелгуновъ и другіе болѣе скромные дѣятели. И у всѣхъ была одна идея, что интеллигенція и ея дѣтище—литература, вернутся къ идеалу стариковъ, а этотъ идеалъ—всестороннее развитіе личности, гарантія ея правъ, активность общества для достиженія этихъ правъ. 10) Н. Н. Буличъ, бывшій въ 60-хъ годахъ профессоромъ Казанскаго университета, авторъ книги „Сумароковъ и современная ему критика“

(1854), издалъ лекціи по литературѣ, читанныя имъ въ Казани въ началѣ 70-хъ годовъ. Это скорѣе исторія общественнаго движенія, нежели литературы; поэтому онъ преимущественно разсматриваетъ писателей, помогавшихъ развитію идей, напримѣръ Лагарпа, Шишкова, Дашкова, Растопчина, С. Глинку, указываетъ вліяніе университетовъ и журналовъ на общество. 11) Лемке издалъ „Очерки по исторіи русской цензуры 19 столѣтія". Четыре части (Эпоха обличенія, цензура преслѣдующая, негласный комитетъ по дѣламъ печати, время Булгарина). Авторъ изображаетъ печальное матеріальное положеніе журналиста, зависящаго отъ издателя, а трудъ требуется спѣшный, горячій, который измочаливаетъ газетнаго труженика. Въ книгѣ много эпизодовъ даже документовъ изъ эпохи Головнина, Валуева. Описываются самоувѣренность и задоръ въ началѣ Крымской войны. Печальныя событія вызвали реакцію противъ квасного патріотизма: явилась сатира и была встрѣчена сочувствіемъ. Въ статьѣ его-же „Думы журналиста" Р. Мысль 1903 года, освѣщены темныя стороны нашей журналистики. Авторъ даетъ живо написанныя иллюстраціи къ юридическому положенію печати. Хорошо изложена характеристика печати провинціальной. Лемке не скрываетъ и другой причины стѣсненія—меркантильнаго духа издателей. 12) Н. И. Коробка „Личность въ русскомъ обществѣ и литературѣ начала 19 вѣка. Пушкинъ и Лермонтовъ" (1903). Очерки его отличаются вдумчивымъ отношеніемъ автора къ своему предмету, опредѣленностью угла зрѣнія и теплотою и искренностью общественнаго чувства. Здѣсь поставленъ и въ основныхъ чертахъ, живо и интересно, разрѣшенъ вопросъ о пробужденіи личности въ началѣ 19 столѣтія, о первыхъ проблескахъ ея сознанія и дальнѣйшей неблагопріятно сложившейся судьбѣ ея развитія. Авторъ взялъ только двухъ писателей, совершенно обошелъ историческій матеріалъ, далеко не исчерпалъ,

историко-литературнаго, не коснулся подлинныхъ документовъ, но и то, что авторъ далъ, представляетъ живой интересъ. Другое его сочиненіе „Очерки литературныхъ настроеній (Бальмонтъ, М. Горькій, Мережковскій, Достоевскій и Гр. Л. Н. Толстой)". 1903 г. Сначала авторъ касается литературы конца вѣка. Общественныя явленія этого времени, хотя писано о нихъ довольно, еще не успѣли выясниться, но есть несомнѣнные признаки: смутность мысли, отсутствіе принциповъ дрябло-пессимистическое отношеніе къ жизни. Отъ твореній этого „упадочника" (декадента) вѣетъ могильнымъ холодомъ, хотя многое изложено талантливо. Характеристики и генеалогія героевъ этого направленія отъ Онѣгина и Печорина, чрезъ Обломова до Павлика Дольскаго (у Апухтина), довольно вѣрны. Добролюбовъ считалъ ихъ разновидностью Обломова. Конечно, въ разные періоды общественной жизни, типъ празднаго („лишняго") человѣка окрашивался различно: напримѣръ прежде это была романтическая разочарованность, теперь — Ницшеанство. Описавши общественную почву развитія извращеній личности праздныхъ людей, цѣлое ученіе и поэтическія школы: символизмъ, декадентство, авторъ задается вопросомъ, какія условія привели къ этому, и объясняетъ—упадкомъ дворянства, какъ сословія (?), паденіемъ интеллигентнаго уровня, политическаго и экономическаго значенія. Павликъ Дольскій уже пережитокъ Онѣгина, износившагося, одряхлѣвшаго. Онъ явился въ эпоху, далеко ушедшую впередъ. Впрочемъ декадентство, съ которымъ авторъ связываетъ Апухтина, только одной стороной можетъ примыкать къ генеалогіи Онѣгина, Печорина и Обломова. Другая сторона декадентства развилась сама по себѣ. Недавно одинъ защитникъ символизма (параллельнаго съ декадентствомъ), въ числѣ причинъ литературнаго поворота, создавшаго это направленіе, указывалъ на „безвременье" 80-хъ годовъ, причину не ясную. Интересны и другія статьи. Говоря

о М. Горькомъ, авторъ видитъ у него стремленіе—раскрыть въ своихъ герояхъ, павшихъ и заброшенныхъ людяхъ, исканіе свѣта и сознанія, стремленіе найти въ худомъ лучшее. Разбирая одно изъ сочиненій Мережковскаго, онъ указываетъ странности его фантастическаго мистицизма, ишущаго „символическаго“ въ Пушкинѣ. 13. Вопроса объ упадкѣ словесности касается и Новополинъ въ сочиненіи „Въ сумеркахъ литературы и жизни“ Харьковъ 1902. Сначала онъ хочетъ разобраться въ вопросѣ объ упадкѣ нашей литературы, о причинахъ болѣзненныхъ настроеній, и затѣмъ разсматриваетъ отдѣльныхъ писателей, выражавшихъ эти настроенія: Надсона, Гаршина, Короленко, Потапенко, Гр. Л. Н. Толстого, Чехова, разсуждаетъ о ницшеанствѣ, марксизмѣ, символизмѣ, и оканчиваетъ изображеніемъ „Похода“ новѣйшей литературы противъ 60 70-хъ годовъ. Дѣятели двухъ послѣднихъ десятилѣтій отрицали всѣ традиціи прошлаго, какъ въ жизни, такъ и въ литературѣ. Напримѣръ фраза: „теперь не время широкихъ задачъ“—это ударъ широкимъ идеаламъ 40-хъ годовъ. Походъ противъ гласнаго суда, городского и земскаго самоуправленія, есть разрушеніе колоссальныхъ работъ 60-хъ годовъ; теорія „опрощенія“ разрушаетъ вѣру въ силу интеллигенціи. Характеръ пришибленности, леденящій нашу мысль, чувство и волю, отражается и на литературѣ. Въ ней нѣтъ широкаго захвата, какъ въ 60-е годы. Писатели облюбовали крошечные уголки и заимствуютъ оттуда небольшіе разсказы, гдѣ дѣйствуютъ три—четыре лица. Выборъ сюжетовъ случаенъ. Нѣтъ общаго въ произведеніяхъ одного писателя. Преобладаетъ фотографія или очевидное подражаніе Достоевскому, Тургеневу, Толстому. Авторы прославляютъ средняго человѣка, проповѣдуютъ непротивленіе злу, равнодушіе къ добру и злу, марксизмъ. Во всемъ этомъ авторъ видитъ вырожденіе, которое видитъ и въ Западной Европѣ; а причисляя сюда заимствованіе съ За-

пада, Ницшеанство и проч. теряетъ надежду на лучшее будущее. Едва ли мы обязаны раздѣлять такое грустное настроеніе. Во первыхъ сравненіе нашей жизни съ Западно-Европейской, примѣненіе къ намъ началъ политической и экономической жизни западныхъ государствъ, большею частью оказывались неудачными, а разные Марксизмы и декадентства скоро вышли изъ моды. Въ нашей литературѣ, очень скромной, очень небогатой первоначальными образовательными средствами, но имѣющей свои я сныя обязательныя просвѣтительныя задачи, всѣ эти нововведенія не находятъ твердой почвы. 14. „Критико-біографическій словарь русскихъ писателей и ученыхъ“ С. А. Венгерова продолжался и въ 1904 году. Вышелъ уже шестой томъ, но онъ не лучше предъидущихъ. Это уже не словарь, а историко-литературный сборникъ, дающій матеріалъ самаго разнообразнаго сорта, какъ обработанный, такъ и въ сыромъ видѣ. Весьма любопытны автобіографіи, напримѣръ Булича (отца), Амфитеатрова, Бальмонта, Зайцева—извѣстнаго дѣятеля шестидесятыхъ годовъ.

Заключеніе.

Издаваемый нами очеркъ историческаго развитія русской словесности составлялся въ тяжкое время упорной и еще не оконченной войны съ Японіею. Каковъ будетъ исходъ этой войны—извѣстно одному Богу. Если этотъ исходъ окажется для насъ неблагопріятнымъ, мы откровенно смѣло глядя впередъ, скажемъ, что одною изъ причинъ такого исхода были наши собственныя внутреннія неустройства, на которыя неуклонно и искренно указывала наша обширная обличительная литература, и самоотверженно примемся за ихъ устраненіе. И, мы смѣло надѣемся, возродится къ новой жизни необъятное по пространству Русское Государство, въ которомъ обитаетъ около ста милліоновъ населенія, почти не тронутаго цивилизаціей, но сильнаго наивною вѣрою въ Бога, искреннею предан-

ностью Престолу и любовью къ своей бѣдной, многострадальной родинѣ. Надъ этою громадою населенія стоитъ сложившаяся изъ разныхъ слоевъ русскаго общества интеллигенція, выросшая на коренныхъ началахъ русской жизни, воспитанная европейской цивилизаціей и создавшая обширную художественную литературу.

А Царскимъ Указомъ 18 февраля сего года, призывающимъ „зрѣлыя силы общественныя“ къ участію въ законосовѣщательной работѣ, начинается новая эпоха въ исторіи Россіи. Будемъ надѣяться, что въ эту новую эпоху, наше отечество, слѣдуя по пути самобытнаго развитія и не разрывая связи съ прошлымъ, сумѣетъ создать новыя, болѣе счастливыя, условія жизни. Тогда и художественная литература, оставаясь по прежнему вѣрнымъ отраженіемъ дѣйствительности, обнаружитъ бо́льшую, чѣмъ теперь, душевную бодрость и радость жизни и болѣе твердую вѣру въ родную жизнь и исторію.

6 авг. 1905 г.

Важнѣйшія опечатки.

Стр.	строка	Напечатано	Должно читать
62	10 снизу	Гораціо	Горацію.
99	10 сверху	Памоэнсъ	Камоэнсъ.
116	9 „	его взглядъ П. на поэта.	высказался взгядъ П. на поэта.
171	11 „	теоріи	теорію
183	16 „	А. Писатели романовъ и повѣстей (1818—1883). И. С. Тургеневъ.	А. Писатели романовъ и повѣстей. И. С. Тургеневъ. (1818—1883).
184	7 снизу	Претеръ.	Бретеръ.
221	12 „	въ трилогіяхъ.	въ трилогіи
277	19 „	ему	(ему
303	4 „	на животныхъ	въ животныхъ.

А.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АВТОРОВЪ.

А.

Аблесимовъ. 68.
Авдѣевъ, 270.
Авенаріусъ, 257.
Аверкіевъ, 241. 359.
Аксаковъ, И. С. 169, 321.
Аксаковъ, К. С. 170, 321.
Аксаковъ, С. Т., 233—4, 289.
Александровскій, 382.
Александровъ, В. (Крыловъ), 262.
Алексѣй Веселовскій, см. Веселовскій Алексѣй
Альбовъ, М. Н., 295.
Альфредъ де-Мюссе, 97.
Амартолъ Георгій. Греческая хроника. 21.
Амфитеатровъ, 326.
Анакреонъ, 226, 229.
Андре Шенье, 111.
Андреевъ, Леонидъ, 353.
Андрей Печерскій (Мельниковъ), 274—6, 284.
Антроповъ, 262.
Аполлонъ Григорьевъ, см. Григорьевъ Апол.
Аполлонъ Майковъ, см. Майковъ Ап.
Апухтинъ, 313—4.
Аристотель, 91, 92.
Аристофанъ, 230.
Аріостъ 121.
Атава, С. (см. Терпигоревъ).
Афанасьевъ, 55.

Б.

Байронъ. 97. 99, 111, 112, 116, 119, 124, 122, 123, 139, 142, 229, 261, 286, 254, 288, 323.
Бальзакъ 318.
Бальмонтъ 324.
Баранцевичъ, 295.
Баратынскій, 133, 134—5.
Барбье, 287.
Батюшковъ, К. Н., 91, 100, 103, 109.
Батюшковъ, Ѳ. Д. 384, 385.
Бенитцкій, 90.
Беранже, 287.
Бергъ 270.
Березинцевъ. 338.
Березинъ, П. 352.
Беренштамъ. 352.
Бичеръ-Стоу, 243.
Благовѣщенскій, Н., 272, 273.
Благосвѣтловъ, 247.
Боборыкинъ, П. Д., 267—8. 320.
Богдановичъ, 66, 121.
Бокаччіо, 100.
Борнсъ, 287.
Бороздинъ 384.
Бретъ-Гартъ. 351.
Брусянинъ. 348.
Будищевъ. 328.
Булгаринъ, 152.
Буличъ Н. Н. 385.
Бунинъ. 330—1.
Буренинъ. 313. 315, 316, 327.
Бьернсонъ. 318, 371.

Бѣжецкій, 305.
Бѣлинскій. 173—179, 214, 223, 226, 258, 270, 288.
Бѣлорѣцкій, 345.
Бѣляевъ, А. Е. 375.
Бюргеръ, 93, 94, 97.

В.

Вальтеръ Скоттъ. 97, 98.
Василій Великій, 20.
Вейнбергъ, П. И. 286—7, 366.
Величко, 314.
Венгеровъ, 389.
Веневитиновъ, 135, 328.
Вербицкая. 362.
Вергилій, 269.
Веревкинъ, 68.
Вересаевъ, 320.
Веселовскій, Александръ 376—7.
Веселовскій, Алексѣй, 108, 384.
Викторъ Гюго, 97.
Викт. Крыловъ, 315.
Виленкинъ (Минскій), 311.
Винкельманъ, 95.
Витовтъ Юлій, 381.
Владиміръ Мономахъ, 26—7.
Владыченко, 354.
Волынскій, А. 324.
Вольтеръ, 89, 287.
Всеволодская, 365.
Всеволодъ, Крестовскій, (не псевдонимъ) 269.
Вяземскій, Кн. 112.

Г.

Гамильтонъ, 121.
Гаринъ-Михайловскій, 325.
Гаршинъ, 294—5.
Гауптманъ, 344, 367.
Гафизъ, 314.
Гегель, 318.
Гедеоновъ, 88.
Гейббель, 261.
Гейне, 261, 269, 287. 312.
Георгіевскій, Г. П. 375.
Георгій Амартолъ и его хроника, 21.
Георгъ Эберсъ, 366.
Гербановскій, 356.
Гербель, 30, 286.
Гете, 97, 286, 315, 366.
Гильфердингъ, 373.
Гиппіусъ (Мережковская), 324.
Глинка, С. издатель Р. Вѣстника, 88.
Глинка, Ѳ., авторъ духовныхъ стихотвореній, 89.
Гнѣдичъ, Н. И. Переводчикъ Гомера, 92.
Гнѣдичъ, П. П. 315, 331—2.
Гоголь, 145—161, 230, 2. 3, 254, 283, 316, 318, 379.
Голенищевъ-Кутузовъ, 314.
Голиковъ, Влад., 331.
Голицынъ, кн. (Муравлинъ) 301.
Гольдсмитъ, 89.
Гомеръ, 92, 99, 226, 371.
Гончаровъ, 108, 193—200 212, 245, 254, 274, 316, 330.
Горацій, 225, 269.
Горбуновъ, 273.
Горчаковъ, сатирикъ, 91.
Горькій, М. (псевдонимъ писателя Пѣшкова), 326—7.
Готье (Юдифь), 354.
Грановскій, 225, 328.
Грей, Томасъ, 93.
Грибоѣдовъ, 91, 93, 104—108, 125, 316.
Григоровичъ, Д. В., 242—4, 263, 271, 272, 283, 284, 292.
Григорьевъ, А. Д., 373.
Григорьевъ, Аполлонъ, критикъ, 234, 289—290, 321.
Гриневская, 365.
Гуковскій, 383.
Гусевъ-Оренбургскій, 340.
Гуцковъ, 287.
Гюго, Викторъ, 97.

Д.

Давыдова, О. 363—364.
Даль (Казакъ Луганскій), 242.
Данилевскій, Г. П. (Скавронскій), 274, 281.
Данилевскій, Н. Я. 321, 329.
Даниловъ, 373.
Даніилъ, игуменъ, 26.
Дашкевичъ, 381.
Дашковъ, Д. В., 86, 93.

Делиль, 143.
Дельвигъ, 131, 133, 134.
Державинъ, 60—65, 115, 259, 282.
Диккенсъ, 213, 267.
Димитрій, митроп. Ростовскій, 36.
Дмитріева, В. І., 365.
Дмитріевъ, Ив. Ив., 86.
Добролюбовъ, 55, 237, 259, 288—9, 308.
Добротворскій, 350.
Доде, 318.
Долгоруковъ, Н. М., сатирикъ, 87, 91.
Дорошевичъ, 326, 352.
Достоевскій, М. М., редакторъ журналовъ Время и Эпоха, 211.
Достоевскій, Ѳ. М., 123, 129, 211—218, 246, 254, 292, 321, 381.
Драгомановъ, 381.
Дружининъ, 245, 270.
Дьяченко, 262.
Дѣдловъ, В. Л., 334.

Е.

Евгеній Марковъ, 268.
Екатерина II. Характеръ эпохи, 52—54.
Екатерина II, какъ писательница, 55—6.
Елеонскій, 340.
Елпатьевскій, 345.
Емельяненко, 353.
Епифаній Славинецкій, 36.
Ермоловъ, 374.
Ефремовъ, издатель, 55.

Ж.

Ждановъ, И. Н., 375.
Ждановъ, Л., 359.
Жемчужниковъ, 312.
Жидята, Лука, 22.
Жоржъ Зандъ, 213, 241, 245, 270, 318.
Жуковскій, В. А. 37, 92—100, 103, 121, 133, 134, 376.
Жуковскій, Вл., 356.

З.

Загоскинъ, 161—2.
Загуляевъ, 309.
Заринъ, 359.
Засодимскій, 267.
Зейдлицъ, 97.
Зелинскій, 378.
Златовратскій, 308—9, 321.
Золя, Эмиль, 267, 318.

И.

Ибсенъ, 318, 367, 370.
Измайловъ, В., 87.
Измайловъ, Влад., 350.
Иларіонъ, проповѣдникъ, 22.
Иллюстровъ, 374.
Искандеръ (Герценъ), 245, 270.

І.

Іоаннъ Грозный, 32, 33.
Іоаннъ Златоустъ, 20.
Іонасъ Ли, 370.

К.

К. Р., поэтъ, 312—3.
Казакъ Луганскій (Даль), 242.
Каллашъ, 378.
Кальдеронъ, 325.
Каменскій, 338.
Кантемиръ, писатель, 41—42.
Капнистъ, 67—8.
Каразинъ, 325.
Карамзинъ, 22, 79—85, 94, 103, 130, 376.
Каронинъ (псевдонимъ Петропавловскаго), 296.
Карновичъ, Е. П., 282.
Каченовскій, 86, 93.
Качіони, 350.
Кириллъ Туровскій, проповѣдникъ, 22.
Клейстъ, 367.
Клушинъ, 68
Клюшниковъ, 257—8.
Княжнинъ, 67, 87.
Князь Голицынъ (Муравлинъ), 301.

Князь Курбскій. Переписка его съ Іоанномъ Грознымъ, 33.
Козловъ, И. И., современникъ Пушкина, 133. 135.
Козловъ, П. А., 314.
Кольцовъ, 135—7, 279, 280,
Комаровъ, С., 354.
Конрадъ Лиліеншвагеръ (псев! Добролюбова), 289.
Конъ Феликсъ, 349.
Коробка, 386.
Короленко, В. Г., 297—8, 326, 348.
Косица (псевдонимъ критика Н. Н. Страхова). 289—290.
Костомаровъ, Н. И., 281.
Котляревскій, Н., 379.
Кохановская, (Соханская), 284—5.
Коцебу, 91.
Кошанскій, 115.
Крандіевская, А. Р., 263.
Крестовская, М. В., 362.
Крестовскій, Всеволодъ (не псевдонимъ), 269.
Кругловъ, 305.
Крыловъ, В. (Александровъ) 357.
Крыловъ, И. А., 91. 101—103.
Кукольникъ. 88, 230, 327.
Кулишъ, 378.
Купринъ, 344.
Курочкинъ, В. С., 287.
Курочкинъ, Н. С., драм. писатель, 262.

Л.

Лавровъ, А. И., 359.
Лавровъ, 351.
Лагерлефъ Сельма. 369—70.
Лазаревскій, Б., 331.
Ламартинъ, 97.
Лафонтенъ, Авг., баснописецъ, 66, 101, 102,
Лебедевъ, И., 356.
Левитовъ, 277—8, 327.
Лейкинъ, Н. А., 2 9.
Лемке, 359, 386.
Ленау, 287.
Лермонтовъ, 93, 97, 106, 137—144.
Лессингъ. 95.
Линева, 373—4.
Лихачевъ, 314.
Ломоносовъ, 44—49, 274.
Лонгфелло, 287.
Лохвицкая, 365.
Лубинскій, 340.
Лука Жидята, проповѣдникъ, 22.
Лукинъ, 68.
Львовъ, 261.
Льдовъ, 305, 306.
Лѣсковъ (Стебницкій), 257, 274, 276—7, 299.
Любичъ, Е. И., 343.
Любичъ-Кошуровъ, 333.
Ляцкій, 381.

М.

М. Горькій, 326—8.
Майковъ, Апол. Никол., 30, 222 225.
Майковъ, П. М., 375.
Макаровъ, современникъ Карамзина, критикъ, 86.
Максимовъ, Н. Я.
Максимовъ, С. В., писатель народникъ, 271, 274.
Максимъ Грекъ, писатель XVI стол., 32.
Макферсонъ, 100.
Маминъ-Сибирякъ, 297, 300—1.
Маннъ, 263, 264.
Маркевичъ, 315.
Марко Вовчокъ (Марковичъ), 271—2.
Марковъ, А., 374.
Марковъ, Евг., 268.
Марксъ, Карлъ, 319.
Мачтетъ, 296.
Мей, Л. А., 227—9, 281, 282.
Мельниковъ (Андрей Печерскій), 274—6, 283.
Мельницкій, 351.
Меньшиковъ, М. О., 326.
Мережковскій, 359.
Мерзляковъ, 87, 92.
Меттерлинкъ, 369.
Миллеръ, В. Ѳ., 373, 374.
Милюковъ, П. Н., 384.
Минаевъ, Д. Д., 287—8.
Минскій (псевдонимъ Виленкина), 311—2, 313.

Минъ, переводчикъ Сл. о П. Игоревѣ, 30.
Митрополитъ Филаретъ, 20.
Михайловъ, М. П., переводчикъ, 287.
Михайловъ (Шеллеръ), 267.
Мицкевичъ, 131, 229, 323.
Мопассанъ, 344.
Морловцевъ, 281—2.
Морисъ Джонъ, 354.
Муравлинъ (псевдон. Кн. Голицына), 301.
Муравьевъ, А. Н., путешественникъ ко Св. мѣстамъ, 26, 138.
Муравьевъ—Апостолъ, 92
Муравьевъ, Мих. Никит., 74.
Мусинъ-Пушкинъ, 90.
Мюссе (Альфредъ де-), 97.
Мякотинъ, 383.

Н.

Надеждинъ, 283.
Надсонъ, 310—11, 312, 313.
Наживинъ, 334—5.
Найденовъ, 357.
Нарѣжный, 90, 150.
Наумовъ, 277, 278.
Нахимовъ, 91.
Небольсинъ, 271.
Невѣжинъ, 315.
Негри Ада, 356.
Некрасовъ, 129, 243, 258—60, 279, 289, 313, 383.
Нелидова, 363.
Немировичъ-Данченко, 268.
Немоловскій, Мих., 350.
Несторъ, лѣтописецъ, 22.
Нестроевъ, 245.
Никитинъ, 279, 280.
Николаевъ, 385.
Никуличъ, В., писательница, 362.
Ницше, 318, 381.
Новиковъ, Н. И., 54—55, 68.
Новодворскій (Осиповичъ), 293
Новополинъ, 388.
Норовъ, А. С., путеш. къ св. мѣстамъ, 26.
Носиловъ, 347—8.

О.

Ободовскій, Платонъ, 88.
Овсяниковъ-Куликовскій, 379.
Огаревъ, П. П., 229.
Огюстъ Контъ, 318.
Одоевскій. Кн. В. Ѳ, 151, 163.
Озеровъ, 87.
Октавъ Мирбо, 366.
Ольнемъ, писательница, 361—2.
Ончуковъ, 372.
Осиповичъ, 348.
Островскій, 229—238, 262, 284, 289, 314, 316.
Острогорскій, 372.

П.

Павловъ, 283.
Пальмъ, 262.
Переводчикова, 364.
Петровъ, И., 339.
Петропавловскій (Каронинъ), 296.
Петръ Могила, 33.
Печерскій, Андрей, 274—6.
Писемскій, 129, 212, 253—6, 276.
Платонъ Ободовскій, 164.
Плещеевъ, А. А., 260—1.
Погорѣловъ, 350.
Погосскій, 278—9.
Полевой, Н. Ив., 88. 162, 164.
Поливанова, 364
Полонскій, 134, 226—7.
Помяловскій, 265—7.
Потапенко, И. Н., 298—300.
Потѣхинъ, А. А., 261, 262, 263.
Потѣхинъ, Ник., 262.
Пушкинъ, А. С., 92, 97, 100, 109—133, 137, 139, 144, 145, 237, 248, 265, 365, 318, 323, 378, 384.
Пыпинъ, 375.
Пѣшковъ (М. Горькій), 326—8,

Р.

Радловъ, 351.
Растопчинъ, Гр., 88.
Рёскинъ, англ. критикъ, 210.
Ричардсонъ, 76, 89.

Розановъ, В. В., 326.
Розенгеймъ, 280—1.
Рунова, 364.
Руссо, Ж. Ж., 76, 89, 382.
Рышковъ, 334.
Рѣпнинъ, 89.
Рѣшетниковъ, 277.
Рюкертъ, 97.

С.

Саади, 314.
Саліасъ, Графъ, 282.
Салтыковъ (Щедринъ), 247, 248—53, 269, 284.
Свирскій, 326, 353.
Свѣтловъ, 333.
Семеновъ, С. Т., 343.
Сенковскій (Баронъ Брамбеусъ), 152.
Серапіонъ, проповѣдникъ, 22.
Серафимовичъ, 345.
Сервантесъ, 230.
С. Атава (Терпигоревъ), 268—9.
Сильвестръ, продолжатель Нестер. лѣтописи, 23.
Сильвестръ, священникъ, сочинитель Домостроя, 32.
Сильвіо Пеллико, 352.
Симеонъ Полоцкій, 35, 358.
Симони, 374.
Сиповскій, В. В., 375.
Скабичевскій, критикъ. 316.
Скавронскій (Данилевскій, Г. П.). 274.
Сковорода, 337—8.
Скопинъ. 372.
Скоттъ (Вальтеръ), 97.
Случевскій, К. К. (отецъ). 305.
Слѣпцовъ, 270, 272, 273.
Соколовъ, И., 342.
Соллогубъ, 324.
Соллогубъ, графъ, 261.
Соловьевъ, Влад., 292, 319, 328—330.
Соловьевъ. Всевол., романистъ, 309.
Соловьевъ, Н., драм. писатель, 262, 270.
Соловьевъ, Н. И., авторъ книги «Православное духовенство», 341.
Соломко, 357.
Соханская (Кохановская), 284—5.
Станкевичъ, 136, 171, 328.
Станюковичъ, 267.
Стебницкій (Лѣсковъ), 276—7
Стернъ, 78, 89.
Стефанъ Яворскій, проповѣдникъ времени Петра В., 40—1.
Стоюнинъ, 372.
Страховъ, критикъ, 289, 290, 321.
Суворинъ, 315.
Судовщиковъ, 372.
Сумароковъ, 49—52, 87.
Сумбатовъ, 315.
Сухово-Кобылинъ, 263—4, 315.
Сырокомля, 229.
Сыромятниковъ, С. Н., 326.
Сѣрошевскій, 349.

Т.

Танъ, 346—7.
Таранчукъ, 341.
Тверской, 354.
Телешовъ, 337.
Терпигоревъ (С. Атава), 268—9.
Тимковскій, 336.
Тихонравовъ, 148, 376.
Тищенко, 339.
Толстой, А. К. гр., 219, 220—2, 239, 240, 357.
Толстой, Л. Н. гр., 200—210, 212, 254, 270, 274, 292, 296, 316, 382.
Томасъ Гудъ, 287.
Томсонъ, 143.
Трофимовъ, 269.
Тургеневъ, 183—193, 212, 236, 254, 270, 276, 283, 284, 315, 316, 327.
Тычино, 336.
Тютчевъ, Ѳ. И., 219, 220.

У.

Урусовъ, Кн., 327.
Успенскій, Гл., 306—8, 316.
Успенскій, Н. В., 272.
Уэльсъ, Джонъ, 371.

Ф.

Фальковскій, 358.
Фаресовъ, 352.
Феофанъ Прокоповичъ, проповѣдникъ времени Петра В., 40.
Фетъ (Шеншинъ), 134, 225—6, 280, 312.
Фибихъ Клара, 369.
Филаретъ, Митрополитъ, 20.
Флоберъ, 318.
Флоріанъ, 89.
Фоломѣевъ, 358.
Фонъ-Визинъ. 56—60, 93.
Фофановъ, 312.
Францевъ, 367.

Х.

Хвостовъ, Гр., 91.
Хемницеръ, 67.
Херасковъ, 66, 89.
Хмѣльницкій, 91, 108.
Хомяковъ. 219, 305, 321.
Хохловъ, 355.

Ц.

Цабель, 382.
Цертелевъ, кн., 314.

Ч.

Чаевъ, 241.
Чайковскій, Мод., 315.
Чернышевъ, В. И., 372.
Чеховъ, 273, 301—4, 315. 339, 353.
Чехонте (псевдонимъ Антона Чехова), 301.
Чириковъ, Евгеній, 338.

Ш.

Шаликовъ, Князь, 87.
Шамбиновъ, 358.
Шапиръ, О. А., 362.
Шаховской, А., 87, 88, 91, 104, 108.
Шевченко, 279—80.
Шевыревъ, 165.
Шекспиръ, 130, 237, 287, 290, 315.
Шеллеръ (Михайловъ), 267.
Шенрокъ, 378—9.
Шеншинъ, (Фетъ), 134, 225—6, 280, 312.
Шенье, Андре, 111, 112.
Шестовъ, Л., 381.
Шиллеръ, 97, 99, 286, 287.
Шишковъ, А. С., 86, 88, 284.
Шлегель, 96, 129.
Шницлеръ, 368.
Шпажинскій, 262, 315.
Шпильгагенъ, 247.

Щ.

Щегловъ, Ив., 304.
Щедринъ (Салтыковъ),
Щепкина-Куперникъ, 363.
Щербина, 286.
Щигровъ, 269.
Щукинъ, 339.

Э.

Эберсъ, Георгъ. 366.
Эмиль Золя, 267.
Энгельгардтъ, А. Н., авторъ Писемъ изъ деревни, 277, 321.
Эртель, 296.
Эсхилъ, 287, 290.

Ю.

Ювеналъ, 115, 225.
Юдифь Готье, 354.

Я.

Яблоновскій, 333, 344.
Языковъ, Д. Д., 384—5.
Языковъ, Н. М., 112, 133—4.
Якушкинъ, 272—3.

Ѳ.

Ѳедотовъ, 315.
Ѳеодосій Печерскій, святой, проповѣдникъ, 22, 25.

Б.

Алфавитный указатель литературныхъ произведеній и предметовъ, упоминаемыхъ въ книгѣ.

А.

А изъ рощи, рощи темной... стих. Круглова. 305.
Авангардъ, разск. Наживина, 335.
Авраамій Смоленскій, 25.
Агарь, 22.
Агафья, разск. Чехова, 302.
Аглая, сборникъ Карамзина, 74.
Адвокатъ, соч. Свирскаго, 353.
Азбуковникъ, 19.
Акробаты благотворительности, разск. Григоровича, 244.
Алеко (въ Цыганахъ Пушк.), 123, 144.
Александръ II-й, 246—7.
Александръ Македонскій, 19.
Александръ Невскій, 25.
Александръ I-й, Императоръ, 70—72.
Александръ Свирскій, 31.
Алексѣй, человѣкъ Божій. Стихъ о немъ. 31.
Алеша Поповичъ, младш. богат., 10.
Алеша Поповичъ, былина Гр. А. К. Толстого, 221.
Анатоль, пьеса Шницлера, 369.
Анахронизмы въ былинахъ, 7.
Анна Галдина, разсказъ въ стихахъ Полонскаго, 227.
Антологич. стих. Пушкина, 115.
Антоній Римлянинъ, 25.
Антонъ Горемыка, ром. Григоровича, 242—243.
Анчаръ, стих. Пушкина, 119.
Аопиды, сборникъ Карамзина, 74.
Апельсинщикъ, разс. Елпатьевскаго, 346.
Апокрифъ, 20.
Апраксинцы, очерки Лейкина, 269.
Арабески, сборникъ повѣстей Гоголя, 148, 150.
Аракчеевскій сынокъ, ром. гр. Саліаса, 282.
Арапъ Петра В., пов. Пушкина, 109.
Арзамасъ, литерат. общество, 94.
Арзерумъ (путешествіе въ), соч. Пушкина, 132.
Арсеній, въ поэмѣ Лермонтова, Бояринъ Орша, 142—3.
Артистка, ром. М. В. Крестовской, 363.
Архангельскія былины, сборникъ Григорьева, 372.
Архивъ Графини Д., пов. Фофанова, 312.

Афишки гр. Растопчина, 88.
Ахиллесова пята, разск. Беренштама, 352.
Ахметъ, притча Величко, 314.
Аѳонская гора, 26.

Б.

Баба-Яга, нар. сказка, 13.
Бабъ, пьеса Гриневской, 365.
Бабы, разск. Семенова, 313.
Бабья доля, разск. Тычино, 336.
Баклановъ у Писемскаго, 256.
Балъ, поэма Баратынскаго, 135.
Баратынскому, посланіе Пушкина, 120.
Барская колонія, пов. Петропавловскаго, 296.
Барчуки, ром. Евг. Маркова, 268.
Батюшкову, посланіе Пушк., 120.
Бахчисарайскій фонтанъ, поэма Пушкина, 122.
Бедуинъ, пов. Бенитцкаго, 90.
Безприданница, пьеса Островскаго, 236.
Безсмертіе души, ода Держав. 64.
Безумныхъ лѣтъ... стих. Пушк., 118.
Безъ разсвѣта, разск. Нестроева, 245.
Безъ языка, пов. Короленко, 298.
Бенно, поэма Байрона, 124.
Берегъ моря, ром. Евгенія Маркова, 268.
Бесѣда любителей россійскаго слова, 8.
Бесѣда трехъ святителей, 20.
Библія, 24.
Биржевые артельщики, очерки Лейкина, 269.
Біогр. Гоголя, 145—148.
Біографія Грибоѣдова, 104—5.
Біографія Державина, 60—61.
Біографія Жуковскаго, 93—5.
Біографія Карамзина, 73—5.
Біографія Кольцова, 135—6.
Біографія Лермонтова, 137—9.
Біографія Ломоносова, 44—5.
Благодарность Фелицѣ, ода. Держав. 63.
Благонамѣренныя рѣчи, очерк. Щедрина, 251.
Благословляю васъ лѣса.... Стих. г. А. К. Толстого, 222.
Блудный сынъ, комедія Симеона Полоцкаго, 35—6.
Блуждающіе огни, пьеса Антропова, 262.
Бова Королевичъ, народн. сказка, 37.
Бова, стих. Пушк., 116.
Богатый и Лазарь, притча о нихъ, 30.
Богатыри русскіе, 7—9.
Богатырская пѣсня, 3, 7—10.
Богатырь, стих. гр. А. К. Толстого, 222.
Богатыя невѣсты, пьеса Островскаго, 236.
Богачъ. Стих. о Богачѣ и Лазарѣ, 1, 31.
Богъ, ода Державина, 64.
Боже, Царя храни, гимнъ Жуковскаго, 94.
Бодлеръ, Ш., 325.
Божьи рабы, очеркъ Брусянина, 348.
Бокаръ, разск. Сѣрошевскаго, 349.
Борисъ, разск. Златовратскаго, 309.
Борисъ Годуновъ, драма Пушкина, 24, 83, 112, 114, 129—130.
Борисъ Годуновъ, трилогія гр. А. К. Толстого, 221.
Борисъ и Глѣбъ. Стихъ о нихъ, 31.
Бородино, стих. Лермонтова, 138, 141.
Бородинская годовщина, стих. Пушкина, 113, 120.
Бородинъ, композиторъ, 30.
Бояринъ Орша, поэма Лермонтова, 93, 142, 143.
Боярщина, соч. Писемскаго, 253.
Братъ и сестра, ром. Помяловскаго, 266.
Братья Карамазовы, ром. Достоевскаго, 212, 213, 217.

Братья, пов. Боборыкина, 268, 320.
Бретеръ, пов. Тург. 184.
Бригадирская внучка, ром. гр. Саліаса, 282.
Бригадиръ, ком. Фонъ-Визина, 57.
Брингильда, поэма Ап. Майк., 225.
Бродячія силы, ром. Авенаріуса, 257.
Брожу ли я... стих. Пушк., 117.
Будда, поэма К Р.. 313.
Будемъ какъ солнце. Сборникъ стих. Бальмонта, 325.
Булгары, разск. Даля. 242.
Бунтовщицы, разск. Сковороды, 337.
Бунты на Руси, разск. Якушкина, 273.
Бурмистръ. пов. Потѣхина, А. А., 263.
Бурсакъ, пов. Нарѣжнаго, 90, 150.
Буря мглою небо кроетъ... стих. Пушк., 119.
Бывальщина, соч. Засодимскаго, 267.
Были и небылицы, сочин. Имп. Екат. II., 55.
Былина или богат. пѣсня, 3, 7—10.
Быстро таютъ снѣга, стих. Плещеева, 260.
Бытовая пѣсня, 3. 5—7.
Бытовыя сказки. 14.
Бѣглецъ, стих. Лерм., 141.
Бѣглые разск. П. П. Гнѣдича, 332.
Бѣглые воротились, ром. Данилевскаго, Г. П., 274.
Бѣглые въ Новороссіи, ром. Данилевскаго, 274.
Бѣгуны и спасенные Очеркъ Помяловскаго, 265.
Бѣдная Лиза, пов. Карамз. 77.
Бѣдная Маша, пов. А. Измайлова, 87.
Бѣдная невѣста, пьеса Островскаго, 235.
Бѣдность не порокъ, пьеса Островскаго, 231, 232, 233, 234, 237.
Бѣдные дворяне, пов. Потѣхина, 284.
Бѣдные люди, пов. Достоевскаго, 211, 214.
Бѣдный Генрихъ, пьеса Гауптмана. 367.
Бѣлавинъ у Писемскаго, 255
Бѣлкина повѣсти, 113, 128—9.
Бѣловодское царство, разск. Хохлова, 355.
Бѣломорскія былины, собранныя А. Марковымъ, 374.
Бѣлый день, стих. Некрасова, 259.
Бѣсы, ром. Достоевскаго, 212, 213, 216.
Бѣсы, стих. Пушк., 129.

В.

Ваалъ, драма Писемск. 256.
Валерикъ, стих. Лерм. 141.
Ванька, разск. Чехова, 302.
Варіанты въ былинахъ, 7.
Варлаамъ и Іоасафъ, народный стихъ, 31.
Warum? очеркъ О. М. Ольнемъ, 361
Василиса Мелентьевна, пьеса Островскаго, 230.
Василій Буслаевичъ, богатырь, 10.
Василій Теркинъ, ром. Боборыкина, 268.
Вдохновеніе, стих. Дельвига, 134.
Векфильдскій священникъ, ром. Гольдсмита, 89.
Велесъ, богъ славянъ, 29.
Великая тайна, дума Кольцова, 137.
Великое Зерцало, сборникъ повѣстей, 37.
Великорусскія пѣсни, собр. Линевой, 373.
Великъ Богъ земли Русской, разск. Якушкина, 273.
Вельможа, ода Державина, 63, 259.
Вельможѣ (къ), стих. Пушк., 120.
Весенняя гирлянда, поэма Буренина, 313.

Вссенняя запѣвка, стих. Фофанова, 312.
Весенняя мечта, стих. Надсона, 311.
Весна, стих. Ап. Н. Майкова, 224.
Весна, стих. Плещеева, 260.
Весталка, стих. Минскаго, 311.
Вечера на хуторѣ, сборникъ повѣстей Гоголя, 146, 148.
Вечернее размышленіе, ода Ломоносова, 47.
Вечерній звонъ, стих. Козлова, И. И., 135.
Вечерній звонъ, стих. Полонскаго, 227.
Вечеръ, стих. Минскаго, 312.
Взбаламученное море, ром. Писемскаго, 255, 276.
Вигель. Записки его, 124.
Видѣніе Мурзы, ода Державина, 62, 63.
Видѣніе, стих. Дельвига, 134,
Виндзорскія проказницы, пьеса Шекспира 315.
Вирши, 34.
Вишневый садъ, пьеса Чехова, 304.
Вій, пов. Гоголя, 146, 149.
Владиміръ возрожденный, поэма Хераскова, 89.
Власть земли, очеркъ Гл. Успенскаго, 308.
Власть тьмы, драма Л. Н. Толстого, 209, 316, 357.
Власъ, стих Некрасова, 259.
Вновь я посѣтилъ... стих. Пушкина, 118.
Водовозъ, очеркъ Даля, 242.
Водопадъ, ода Держав., 63.
Воевода, пьеса Островскаго, 230, 238.
Воевода, стих. Розенгейма, 280.
Военные на войнѣ, разсказы Бѣжецкаго, 305.
Вожделѣнное преуспѣяніе, разск. Елеонскаго, 341.
Вознесеніе Господне, народный стихъ, 30.
Война и миръ, Л. Н. Толстого, 203—6.
Волки и овцы, пьеса Островскаго, 233.
Волшебныя пилюли, пьеса, 315.
Вольга богатырь, 7.
Вольныя думы, стих. Лебедева, 356.
Вопросъ, стих. Кольцова, 137.
Вопросы психологіи творчества, соч. Овсяникова-Куликовскаго, 379.
Вопросы философіи и психологіи, журн. Грота, 292.
Воротился ночью мельникъ, стих. Беранже, 287.
Воскресеніе, ром. гр. Л. Н. Толстого, 210,
Воскресныя школы, повѣсть Погосскаго, 279.
Воспитанница, пьеса Островскаго, 233.
Воспоминаніе въ Ц. Селѣ, стих. Пушк., 110, 115.
Восточные мотивы, стих. Величко, 314.
Восходъ солнца, стих. Тютчева, 220.
Вражья сила, опера Сѣрова, 235.
Времена года, поэма Томсона, 76.
Временникъ, 22.
Время, журналъ, 289.
(Всадникъ) Мѣдный, пов. Пушкина, 127.
Все думу тайную... стих. Ап. Майкова, 223.
Всевышній духъ... монологъ изъ Фауста, перевед. Веневитиновымъ, 135.
Всемірная Иллюстрація, 309.
Встрѣча, разск. Гаршина, 294.
Всѣ цвѣта радуги, сборникъ разсказовъ Свѣтлова, 333.
Всѣхъ цвѣточковъ болѣ... пѣсня Дмитріева, 86.
Всякая всячина. журналъ Козицкаго. 54, 55.
Вторая молодость, пьеса Невѣжина, 315.
Вторая правда, разск. Мачтета, 296.
Въ безлунную ночь, стих. Надсона, 311.
Въ больницѣ, стих. Некрас., 259.

Въ гостяхъ у Турокъ, очеркъ Лейкина, 269.
Въ глуши, стих. Надсона, 311.
Въ глуши Башкиріи, сборникъ Добротворскаго, 350.
Въ горахъ Кавказа, пьеса Щеглова, 305.
Въ госпиталѣ, разск. Наживина, 335.
Въ дебряхъ Крыма, разсказъ Качіони, 350.
Въ дорогѣ, стих. Некрасова, 258.
Въ дурномъ обществѣ, пов. Короленко, 297.
Въ дѣтской. стих. К. Р., 313.
Въ забытомъ краю, сборникъ Наумова, 278.
Въ камышахъ, соч. Каразина, 325.
Въ камышахъ, разск. Серафимовича, 345.
Въ консультаціи, разск. Яблоновскаго, 333.
Въ лѣсахъ, ром. Андр. Печерскаго, 275—6.
Въ мечтахъ, пьеса Немировича-Данченко, 268.
Въ надеждѣ славы и добра, стих. Пушкина, 120.
Въ нефти, разсказы Лаврова, 351.
Въ одиночномъ заключеніи, разск. Фаресова, 352.
Въ отставку, разск. Чирикова, 338.
Въ путь-дорогу, ром. Боборыкина, 267.
Въ родной деревнѣ, очеркъ Семенова, 343.
Въ снѣгахъ, поэма Случевскаго, 306.
Въ старые годы, пьеса Шпажинскаго, 315.
Въ стѣнахъ, разск. Наживина, 336.
Въ сумасшедшемъ домѣ, разск. Бѣлорѣцкаго, 345.
Въ сумеркахъ, сборн. разсказовъ Чехова, 302.
Въ тихомъ омутѣ, сборникъ Наумова, 278.
Въ усадьбѣ и на порядкѣ, ром. Боборыкина, 267.
Въ чужомъ пиру похмѣлье, пьеса Островскаго, 233.
Выборныя россійскія пословицы, изд. Имп. Екатер. II, 56.
Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями, Гоголя, 147, 158.
Выжатые лимоны, стих. Полонскаго, 227.
Выхожу одинъ я на дорогу, стих. Лерм., 140.
Вѣдьма, разск. Чехова, 302.
Вѣнчаніе Леля, стих. Держав., 64.
Вѣстникъ Европы, журн. Карамзина, Каченовскаго, Жуковскаго, 78—9.
Вѣтка Палестины, стих. Лерм., 140.
Вѣчный городъ, очеркъ Боборыкина, 268.

Г.

Гадатель, басня Хемницера, 67.
Гадательныя пѣсни, 3.
Гайдамаки, поэма Шевченко, 280.
Гайдамачина, сборникъ Мордовцева, 281.
Галичу, стих. Пушк., 115.
Гамалея, поэма Шевченко, 280.
Гамлетъ, Тургенева, 267.
Ганнеле, пьеса Гауптмана, 367.
Гарденины, ром. Эртеля, 296.
Гаснутъ дальней Альпу-Хары, стих. гр. А. К. Толст., 222.
Гдѣ апельсины зрѣютъ, очерки Лейкина, 269.
Гдѣ лучше? ром. Рѣшетникова, 277.
Генеральская дочь, разск. Потапенко, 300.
Герой нашего времени, романъ Лерм., 143—4.
Геста Берлингъ, ром. Лагерлефъ, 370.
Глубина Россіи, разск. И. Соколова, 342.
Глумовы, ром. Рѣшетникова, 277.

Глѣбъ рыбакъ у Григоровича, 243, 263.
Гнилыя болота, ром. Михайлова, 267.
Гнѣдичу, Н. И., посланіе Пушкина. 120.
Городокъ, стих. Пушкина, 115.
Горсточка земли, разск. Баранцевича, 295.
Горькая судьбина, драма Писемскаго, 257.
Горящія письма, пьеса О. О. Гнѣдича, 315.
Господа Головлевы, соч. Щедрина, 252.
Грезы, стих. Надсона, 310—11.
Гремячая башня, стих. Розенгейма, 281.
Греческія стихотворенія Щербины, 286.
Гробъ Анакреона, стих. Пушк., 115.
Гроза, пьеса Островскаго, 231, 235, 289.
Грѣшница, поэма гр. А. К. Толстого, 221.
Губернскіе очерки Щедрина, 249.
Гувернеръ, ком. Дьяченко, 262.
Гусаръ, стих. Пушк., 127.
Гуттаперчевый мальчикъ. разсказъ Григоровича, 244.

Д.

Дажь-богъ, славянское божество, 29.
Дамка, разск. Осиповича, 348.
Дамонъ, стих. Дельвига, 134.
Дачный мужъ, разск. Щеглова, 305.
Два великана, стих. Лерм., 141.
Два гренадера, стих. Беранже, 287.
Два Ивана, пов. Гоголя, 150.
Два Ивана, пов. Нарѣжнаго, 90.
Два міра, трагедія Ап. Майкова, 224.
Два старика, разск. Наживина, 335.
Два счастья, разск. Потапенко, 299—300.
Дворникъ, очеркъ Даля, 242.
Дворянская хандра, соч. Щедрина, 251.
Двуногій волкъ, соч. Каразина, 325.
Двѣ силы, ром. Всев. Крестовскаго, 269.
Двѣнадцатый годъ, ром. Мордовцева, 281.
Двѣнадцать спящихъ дѣвъ, баллада Жуковскаго, 98.
Дебютъ, разск. Баранцевича, 295.
19-е февраля, стих. Розенгейма, 281.
Девятый валъ, ром. Данилевскаго, Г. П., 274.
Декадентство, 323—4.
Дельвигу, посланіе Пушкина, 120.
Демонъ, поэма Лерм., 142.
Денщикъ, очеркъ Даля, 242.
Денщикъ и офицеръ, разск. Гаршина, 294.
День итога, разск. Альбова, 295.
Деревенская неурядица, очер. Гл. Успенскаго, 308.
Деревенскій пожаръ, сказка Щедрина, 252.
Деревенскій торгашъ, разск. Наумова, 278.
Деревенскія будни, разск. Златовратскаго, 308.
Деревня, разск. Григоровича, 242.
Деревня, стих. Пушк., 118.
Дешевые люди, сборникъ Наживина, 335.
Дидона, комедія Княжнина, 67.
Дикарка, пьеса Островскаго, 230.
Димитрій Самозванецъ, пьеса Чаева, 241.
Дипломъ, разск. Каменскаго, 338.
Дитя мое, стих. Ап. Майкова, 223.
Для береговъ отчизны дальней, стих. Пушк. 120.
Для битвы честной и суровой,

стих. Голенищева-Кутузова, 314.
Дмитревскій, актеръ, 51.
Дмитрій Донской, траг. Озерова, 87, 88.
Дмитрій Самозванецъ, народныя пѣсни про него, 12.
Дмитрій Самозванецъ, пьеса Островскаго, 238.
Дневникъ писателя, соч. Достоевскаго, 212, 218.
Дневникъ провинціала въ столицѣ, Щедрина, 250.
Дневникъ русской женщины, соч. Е. Дьяконовой, 362.
До пристани, разск. Альбова, 295.
Доблестное народное дѣло, разск. Погосскаго, 279.
Добрый совѣтъ, стих. Пушк., 115.
Добрыня Никитичъ, 8, 9.
Долго въ ясную ночь, стих. Надсона, 311.
Дома, разск. Чехова, 302.
Домикъ въ Коломнѣ, пов. Пушкина, 113.
Домна ректорша, разск. Круглова, 305.
Домострой, соч. священника Сильвестра, 32, 245.
Домъ сумасшедшихъ, Одоевскаго, 151.
Донъ Жуанъ, перев. П. А. Козлова, 314.
Донъ Жуанъ, поэма Байрона, 288.
Доходное мѣсто, пьеса Островскаго, 233, 236.
Дочери Командора, ром. Іонасъ Ли, 370.
Дочь курьера, разск. Потапенко, 300.
Древняя русская вивліофика, изд. Новикова, 68.
Другъ мой, братъ мой, стих. Надсона, 310.
Дружеское общество Новикова, 73—4.
Друзья гласности, разс. Чирикова, 338.
Дубровскій, пов. Пушк., 144, 367.
Дубъ и трость, басня Дмитріева, 86.
Дубъ и трость, басня Крылова, 101.
Дуэль, пов. Чехова, 302.
Дума, стих. Лерм. 139.
Думы журналиста, статья Лемке, 386.
Духовный стихъ, 3, 30.
Духовныя драмы, 34.
Душенька, поэма Богдановича, 66.
Духъ журналовъ, журналъ, 88.
Дымъ, Тургенева, 276.
Дьяконъ Назарій, разск. Таранчука, 341.
Дѣдушка Илья, очеркъ Семенова, 343.
Дѣды, ром. Всев. Крестовскаго, 269.
Дѣло, журналъ, 247.
Дѣло, ком. Сухово-Кобылина, 264.
Дѣльцы, ром. Боборыкина, 267.
Дѣти, разск. Голикова, 331.
Дѣти, разск. Телешева, 337.
Дѣти Ванюшина, пьеса Найденова, 357.
Дѣтскіе годы Багрова внука, соч. С. Т. 10, Аксакова, 283.
Дюкъ Степановичъ, богатырь, 10.
Дядюшкинъ сонъ, пов. Достоевскаго, 21..

Е.

Евангеліе Остромирово, 20.
Евгеній, романъ А. Измайлова, 90.
Евгеній Онѣгинъ, ром. Пушкина, 110, 112, 114, 124—6, 131, 302.
Евпатій, стих. Языкова, 134.
Егорій Храбрый, духовный стихъ, 31.
Ex oriente lux, стих. Влад. Соловьева, 329.
Елена, романъ, 89.
Ермакъ, поэма Дмитріева, 87.
Ермолова, актриса, 231, 237.

Ж.

Жалоба, разск. Гусева-Оренбургскаго, 340.
Жалоба Цереры, элегія Жуковскаго, 94, 98.
Жареный гвоздь, разсказъ Щеглова, 304.
Желаніе, стих. Пушкина, 115.
Желтая книга, С. Атавы, 269.
Женитьба Бѣлугина, пьеса Островскаго и Н. Соловьева, 250, 262.
Женитьба, комедія Гоголя, 152, 253.
Женихъ, стих., Пушк., 129.
Женская чепуха, пьеса Щеглова, 305.
Жертва вечерняя, ром. Боборыкина, 267.
Живая фотографія, разск. Радлова, 351.
Живописецъ, журналъ Новикова, 54—5.
Животный эпосъ, 15.
Живые часы, пьеса Шницлера, 369.
Жизнь, журналъ, 326.
Жизнь анахорета, стих. Ѳ. Глинки, 89.
Жизнь Шупова, ром. Михайлова, 267.
Житейская накипь, сборникъ, сочиненій Амфитеатрова, 326.
Житія святыхъ, 24.
Жуковскій, В. А., сочиненія Адра Веселовскаго, 376—7.
Жуковскому, посланіе, Пушк., 120.

З.

За монастырской стѣной, пьеса Курочкина Н. С., 262.
За океаномъ, разсказъ, 354.
За окномъ въ тѣни мелькаетъ, стих. Полонскаго, 227.
За правду, ром. Францева, 367.
За счастьемъ и правдой, очерк. Владыченко, 354.
Забава Путятишна, пьеса Буренина, 315.
Забава, пьеса Шницлера, 369.
Забытая деревня, стих. Некрасова, 258.
Заводскіе очерки Измайлова Владим., 350.
Задонщина, умильная повѣсть, 25.
Задушевные разсказы, Засодимскаго, 267.
Замокъ Смальгольмъ, балл. Жуковскаго, 99.
Записки арестанта, соч. Свирскаго, 353.
Записки изъ мертваго дома, Достоевскаго, 211, 214, 214. 345.
Записки объ осадѣ Севастополя, Берга, 270.
Записки объ уженьѣ рыбы, соч С. Т. Аксакова, 283.
Записки охотника, Тургенева, 283.
Записки причетника, сочин. Марко Вовчокъ, 272.
Записки руж. охотника, С. Т. Аксакова, 283.
Записки степняка, Эртеля, 296.
Записки сумасшедшаго, соч. Гоголя, 146, 150, 151.
Записная книжка, Короленко, 298.
Затворница, стих. Полонскаго, 227.
Затерянный мудрецъ, пьеса Щеглова, 305.
Збитеньщикъ, опера Княжнина, 67.
Здравыя понятія, разск. Потапенко, 298—9.
Зеленый попугай, трилогія Шницлера, 368.
Землетрясеніе, стих. Языкова, 134.
Земля. Сила „Земли“, 308.
Земскія силы, ром. Боборыкина, 267.
Зимній вечеръ, стих. Пушк., 118.
Злая яма, пьеса Фоломѣева, 358.
Злоба дня, ком. Потѣхина Ник. 262.
Злосчастные, очеркъ, Брусянина, 348.

Змѣй Тугаринъ, былина гр. А. К. Толстого, 221.
Знаніе, сборникъ, 350.
Зритель, журн. Крылова, 101, 102.

И.

И одинъ въ полѣ не воинъ, ром. Мачтета, 296.
И скучно, и грустно, стих. Лерм., 140.
Ивановъ, пьеса Чехова, 303, 315.
Иванъ Грозный, народная истор. пѣсня, 11.
Иванъ Ѳедоровичъ, разск. О. М. Ольнемъ, 362.
Ивиковы журавли, балл. Жуковскаго, 98.
Игрушечка, разск. Марко Вовчокъ, 272.
Игрушечнаго дѣла люди, соч. Щедрина, 252.
Идеалисты и реалисты, ром. Мордовцева, 281.
Идиллія, разск. Щеглова, 304.
Идіотъ, ром. Достоевскаго, 212, 213, 215.
Изба, стих. Огарева, 229.
Изборникъ Святослава, 20.
Измаилъ Бей, поэма Лерм., 142.
Изъ воспоминаній учительницы, разск., О. Давыдовой 363.
Изъ гимназической жизни, разск. Яблоновскаго, 334.
Изъ дали вѣковъ, пов. Лаврова, 359.
Изъ жизни, разск. Любича, 343.
Изъ жизни обездоленныхъ, разск. Поливановой, 364.
Изъ жизни ни павы ни вороны, разск. Новодворскаго, 293.
Изъ жизни школьной учительницы, разск. Лемке, 339.
Изъ исторіи русскаго романа и повѣсти, В. Сиповскаго, 375.
Изъ Кишиневскаго дневника, соч. Пушкина, 132.
Изъ новыхъ, разск. Боборыкина, 268.
Изъ хроники города Пропадинска, соч. Тана, 346—7.
Иліада, Гомера, 2, 92.
Илья Муромецъ, 9, 292.
Илья Муромецъ, сказка Карамзина, 77.
Ипохондрикъ, драма Писемск., 256.
Исканіе Бога, стих. Ѳ. Глинки, 89.
Искра, журн. Курочкина, 287, 316.
Искусство, стих. Ап. Майкова, 223.
Исповѣдь, разск. Тычино, 337.
Исповѣдь Руссо, 56.
Испорченная жизнь, пьеса Потѣхина А. А., 262.
Истина, стих. Баратынскаго, 135.
Историческая пѣсня, 3, 10—12.
Историческія пѣсни, собр. В. Ѳ. Миллеромъ, 374.
Историческія сказанія, 25.
Историческое похв., слово Импер. Ек. II, Карамзина, 79.
Исторія бѣдной Марьи, сентиментальная повѣсть, 87.
Исторія Государства Россійскаго, Карамзина, 74, 79—83, 88.
Исторія и будущность теократіи, соч. Влад. Соловьева, 329.
Исторія Пугачевскаго бунта, соч. Пушкина, 131—2.

І.

Іерей, стих. Розенгейма, 281.
Іерей Макарій, разск. Таранчука, 341.
Іерусалимъ, ром. Лагерлефъ, 369—70.
Іоаннъ Грозный, 32, 33, 281.
Іоаннъ Дамаскинъ, поэма гр. А. К. Толстого, 221.
Іоаннъ, экзархъ Болгарскій, 19.
Іосифъ Прекрасный, народный стих., 1, 30.

К.

Кабы знала я... стих. Гр. А. К. Толстого, 221.
Кавказскій плѣнникъ, поэма Пушк., 117, 122, 144.
Кавказъ, газета, 326.
Кадмъ и Гармонія, ром. Хераскова, 89.
Казакъ, стих. Пушк. 116.
Казачья колыб. пѣсня, стих.. Лерм., 141.
Казначейша, стих. Лерм , 138.
Каибъ, восточная повѣсть Крылова, 91, 102.
Каинъ, поэма Байрона, 288.
Какъ перевелись богатыри, народная былина, 10.
Какъ яблочко румянъ, стих. Беранже, 287.
Калигула, разск. Чирикова, 338.
Калиновичъ у Писемскаго, 254.
Калинъ Царь, историч. пѣсня, 9.
Каменный гость, драм. сцены Пушкина, 129.
Камень Виногоровъ (псевдон. П. И. Вейнберга), 287.
Камоэнсъ, драм. сцена Жуковскаго, 99.
Капиталъ, соч. К. Маркса, 319
Капитанская дочка, пов. Пушкина, 113, 132, 127—8.
Капитанъ гренадерской роты, ром. Всевол. Соловьева, 309.
Каратыгинъ, В. А., актеръ, 88.
Карелія или заточеніе Марѳы Іоанновны Романовой, поэма Ѳ. Глинки, 89.
Картина семейнаго счастья, пьеса Островскаго, 230, 234.
Картинка, стих. Ап. Майкова, 223.
Картинки, сочиненія Любича-Кошурова, 333.
Кассандра, баллада Полонскаго, 227.
Касьянъ святой, легенда, 31.
Катерина, поэма Шевченко, 279.
Катерина, разск. Марко Вовчокъ, 272.
Каширская старина, пьеса Аверкіева, 241.
Каштанка, разск. Чехова, 303.
Кинжалъ, стих. Лерм., 139, 141.
Кириллъ и Меѳодій, просвѣтители Славянъ, 18.
Китай Городъ, ром. Боборыкина, 268.
Кіевская школа, 33.
Кладбище, стих. Карамзина, 78.
Клара Миличъ, пов. Тургенева, 191, 315.
Клариса, ром. Ричардсона, 76.
Клеветникамъ Россіи, стих. Пушкина. 113, 121.
Клермонтскій соборъ, стих. Ап. Майкова, 223.
Клефты стих. Щербины, 286.
Книга былинъ, Авенаріуса, 257.
Княгиня Волконская, стих. Некрасова, 259.
Княгиня Трубецкая, поэма Некрасова, 259.
Княжна Островская, романъ Всевол. Соловьева, 309.
Князь Игорь, опера Бородина, 30.
Кн. Мышкинъ у Достоевскаго въ Идіотѣ, 215.
Князь Серебряный. ром. гр. А. К. Толстого, 221, 240.
Ко второму сосѣду, стих. Державина, 64.
Когда волнуется...стих. Лерм., 140.
Когда встрѣчаются со мной, стих. Огарева, 229.
Когда ложится тѣнь... стих. Ап. Майкова, 223.
Когда мы мертвые пробуждаемся, пьеса Ибсена, 370.
Козицкій, издатель журнала Всякая всячина, 54.
Козьма Захарьевичъ Мининъ, пьеса Островскаго, 230, 238.
Колбасники-Бородачи, очеркъ Даля, 242.
Коляда — языч. праздникъ, 3,
Комедія о Навуходоносорѣ, Симеона Полоцкаго, 35, 358.
Кому на Руси жить хорошо, поэма Некрасова, 260.

Конецъ золотого вѣка, стих. Языкова. 134.
Конецъ Невѣдомой улицы, разсказъ Альбова, 295.
Конокрадъ, разск. Яблоновскаго 344.
Корделія, разск. Щеглова 305.
Коробейники, стих. Некрасова, 259.
Косарь, стих. Кольцова. 137.
Край Маріи Пречистой, очерки Немир.-Данченко, 268.
Красильниковы, пов. Андрея Печерскаго, 275.
Красный глазъ, разск. Л. Андреева, 354.
Красный цвѣтокъ, пьеса Щеглова, 305
Красный цвѣтокъ, разск. Гаршина, 294.
Крестьяне присяжные, ром. Златовратскаго, 308.
Крестьянка, ром. Потѣхина, А. А., 263.
Крестьянскія дѣти, пов. Потѣхина. А. А., 263.
Крестьянскія дѣти, стих. Некрасова, 259.
Кресчендо-диминуендо, разск. Дѣдлова, 334.
Кризисъ зап. философіи, соч. Влад. Соловьева, 329.
Критика Буренина, 316.
Критика въ эпоху Импер. Алекс. 1-го, 72—3.
Критика Р. Слова и Дѣла, 290—1.
Критика отвлеченныхъ началъ, соч. Влад. Соловьева, 329.
Критико-біографич. словарь Венгерова, 389.
Критическіе очерки о сочиненіяхъ Гончарова, Ляцкаго, 381.
Критическіе очерки и замѣтки Ѳ. Д. Батюшкова, 384.
Крымъ, разсказы Качіони, 350.
Ксенія Годунова, пѣсня про нее, 12.
Кто виноватъ?.. ром. Искандера. 245, 298.
Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ? разсужденіе Жуковскаго, 93.
Кто первый пролилъ на землѣ кровь, разск. Тана, 347.
Кубокъ, балл. Жуковскаго, 94, 98.
Кудеяръ, пов. Костомар., 281,
Кузнечикъ, стих, Держав., 64.
Кузнечикъ-музыкантъ, поэма Полонскаго, 226.
Кулакъ, поэма Никитина, 280.
Кули, разск. Сѣрошевскаго, 349.
Купальскія пѣсни, 5.
Курганъ, стих. гр. А. К. Толстого, 221.
Къ вельможѣ, стих. Пушк., 120.
Къ мальчику, стих. Дельвига,
Къ морю, стих. Пушк., 134, 119.
Къ свѣту, сборникъ Лѣтковой и Ѳ. Д. Батюшкова, 385.
Къ тебѣ, о, чистый духъ... стих. Веневитинова, 135.
Къ уму своему, сатира Кантемира, 41.

Л.

Лазарь, стих. о Богачѣ и Лазарѣ, 31.
Легенды народныя, 31.
Леда, стих. Пушкина, 115.
Ленева у Писемскаго, 256.
Ленора, баллада Бюргера, 93, 94.
Ленскій, 125, 302.
Лепестки, сборн. стих. Гербановскаго, 356.
Лермонтову, стих. Розенгейма, 281.
Летные (Бѣглые), разск. Мамина-Сибиряка, 300.
Либералистъ, 89.
Лизавета Николаевна, пьеса Мод. Чайковскаго, 315.
Лиса проповѣдница, басня Дмитріева, 86.
Листопадъ, сборникъ стих. Бунина, 331.
Лихоимецъ, ком. Сумарокова, 51.
Лицинію, стих. Пушкина, 115.
Личность въ р. обществѣ и

литературѣ, соч. Н. И. Коробки, 386.
Ложно-классическое направленіе. Внесеніе его въ р. литер. 43.
Лотерейный балъ, разск. Григоровича, 244.
Лучшій другъ, ром. Будищева, 328.
Лѣсная глушь, разск. Куприна, 344.
Лѣсъ, пьеса Островскаго, 233.
Лѣсъ, стих. Кольцова, 137.
Лѣтопись Нестора, 22—24.
Лѣтопись села Горохина, соч. Пушкина, 113, 128.
Лѣшій, разск. Писемскаго, 254. 257.
Любимъ Торцовъ въ пьесѣ Островскаго, 232, 235.
Люблю я подъ вечеръ, стих. Плещеева, 260.
Люблю я пріютъ вашъ... стих. Фета 225.
Люблю я службу, стих. Случевскаго, 305.
Любовь Гордѣевна (у Островскаго), 237.
Любовь и корона, ром. Карновича, 282.
Любовь Константиновна, разсказъ Лазаревскаго, 331.
Любовь одна... стих. Пушкина, 115.
Любовь Психеи и Купидона, пов. Лафонтена, 66.
Любовь сильнѣе смерти, новелла Мережковскаго, 359.
Люди сороковыхъ годовъ, соч. Писемскаго, 253, 256.
Людмила, баллада Жуковскаго, 93, 98.

М.

Майорша, пьеса Шпажинскаго, 262.
Майская ночь, пов. Гоголя, 149.
Майскій шумъ, стих. Фофанова, 312.
Макаръ Чудра, соч. М. Горькаго, 326.
Маленькій Гамлетъ, разск. Рышкова, 334.
Маленькій Эйольфъ, пьеса Ибсена, 370.
Маленькія поэмы, Фофанова, 312.
Малиновка, разск. Будищева. 328.
Малыя дѣла, разск. Тимковскаго, 336.
Малыя Четьи-Минеи, соч. Дим. Ростовскаго, 36.
Мальтійскій орденъ, ром. Карновича, 282.
Мальчику (къ), стих. Дельвига, 134.
Мамаево побоище, умильная повѣсть, 25.
Манфредъ, поэма Байрона, 288.
Марево, ром. Клюшникова, 257—8.
Марксизмъ, 319—20.
Марксъ, 268.
Мартыновъ, актеръ, 231.
Марьина роща, пов. Жуковскаго, 87, 93, 143.
Марѳа Посадница, пов. Карамзина, 77.
Маскарадъ, драма Лермонт., 144.
Масоны, соч. Писемскаго, 253.
Maternitait, стих. Негри Ада, 356.
Мать, разск. П. П. Гнѣдича, 332.
Маша, стих. Некрасова, 258.
Медвѣжій уголъ, ром. Андрея Печерскаго, 275.
Медея, пьеса Сувор. и Бурен., 315.
Между людьми, пов. Рѣшетникова, 277.
Междуусобица, разск. Измаилова Влад., 350.
Межъ двухъ огней, романъ Авдѣева, 270.
Мелочи архіерейской жизни, Лѣскова, 277.
Мальникъ, опера Аблесимова, 68.
Мертвая петля, ком. Потѣхина, Ник., 262.
М. души, поэма Гоголя, 146, 147, 148, 152—4.
Метафизикъ, басня Хемиицера, 67.

Мечта, стих. Хомякова, 219.
Мечты, мечты! стих. Пушкина, 115.
Микель Анжело, пов. Мережковскаго, 359.
Микула Селяниновичъ, богатырь, 7, 8.
Мильонъ терзаній, ром. Щеглова, 305.
Милліонъ терзаній, соч. Гончарова, 108.
Мимочка на водахъ, соч. В. Никуличъ, 362.
Минеральныя воды, пов. Эртеля, 296.
Минувшихъ дней очарованье... стих. Жуковскаго, 98.
Миньона, разск. Щеглова, 305.
Миргородъ, сборникъ повѣстей Гоголя, 148, 149.
Мировичъ, ром. Данилевскаго, 274.
Миръ праху, разск. Щеглова, 305.
Мистерія, 34.
Мистицизмъ въ литературѣ въ эпоху Имп. Алек. I-го, 89.
Михаилъ Бурбоновъ (псевдонимъ Д. Д. Минаева), 288.
Михаилъ, Черниговскій, народная повѣсть, 25.
Мичманъ Поцѣлуевъ, разск. Даля, 242.
Миша, разск. Елпатьевскаго, 346.
Мишура, ком. Потѣхина, А. А., 261, 262.
Миѳическія сказки, 13—14.
Мірское дѣло, разск. Мачтета, 296.
Младшіе богатыри, 7.
Могила, разск. Гусева-Оренбургскаго, 340.
Могила, стих. Кольцова, 137.
Модная жена, сказка Дмитріева, 86, 90.
Модная лавка, ком. Крылова, 101, 102.
Мое завѣщаніе дѣтямъ, стих. Пушкина, 115.
Моему Аристарху, стих. Пушкина, 115.
Мои темницы, соч. Сильвіо Пеллико, 352.
Мой міръ, пов. Петропавловскаго, 296.
Моленіе о чашѣ, стих. Никитина, 280.
Молитва, стих. Лерм., 140.
Молодая узница, стих. И. И. Козлова, 135.
Молодая Японія, соч. Мориса Джона, 354.
Молотовъ, ром. Помяловскаго, 266-7.
Молохъ, разск. Куприна, 344.
Мольеръ. Переводы изъ него Лихачева, 314.
Монологи Фофанова, 312.
Монологъ, стих. Огарева, 229.
Монологъ изъ Фауста: Всевышній духъ... стих. Веневитинова, 135.
Море и утесъ, стих. Тютчева, 220.
Морозъ-красный носъ, стих. Некрасова, 259.
Морскіе разсказы Станюковича, 267.
Морю (къ), стих. Пушк., 119.
Московскій журналъ, Карамзина, 74.
Моцартъ и Сальери, драм. сцены Пушк. 129, 130.
Моцартъ и Сальери, пародія Буренина, 313.
Мочаловъ, актеръ, 88.
Мстиславъ, трагедія Сумарокова, 50.
Мужики, пов. М. Горькаго, 326.
Мужъ знаменитости, пьеса Сумбатова, 315.
Муза, стих. Некрасова, 260.
Мцыри, поэма Лермонт., 143.
Мы побѣдили, разск. Мачтета, 296.
Мышь, удалившаяся отъ свѣта, басня Дмитріева, 86.
Мѣдный Всадникъ, повѣсть Пушкина, 92, 127.
Мѣщане, пьеса М. Горькаго, 327.
Мѣщане, соч. Писемскаго, 256.
Мѣщанская драма, 91.
Мѣщанское счастье, романъ Помяловскаго, 266.

Н.

На взятіе Варшавы, ода Державина, 63.
На волѣ, разск. Наживина, 335—6.
На высотѣ, стих. Минскаго, 312.
На горахъ, ром. Андрея Печерскаго, 275—6.
На границахъ человѣчества, пов. Петропавловскаго, 296.
На далекихъ окраинахъ, соч. Каразина, 325.
На днѣ, пьеса М. Горькаго, 326.
На другой день, повѣсть Бенитцкаго, 90.
На дѣйствительной службѣ, разск. Потапенко, 298, 300.
На завалинкахъ у хатъ, стих. Случевскаго, 305.
На закатѣ, стих. Полонск., 227.
На заоблачныхъ пастбищахъ, разск. Качіони, 350.
На зарѣ ты ее не буди, стих. Фета, 225.
На каланчѣ, поэма - баллада Полонскаго, 227.
На каникулахъ, разск. Тана, 347.
На кораблѣ, стих. Минскаго, 312.
На краю свѣта, разск. Емельяненко, 353.
На минаретѣ, притча Величко, 314.
На міру, пов. Потѣхина, А. А., 263.
На мысѣ семъ дикомъ, стих. Ап. Майкова, 223.
На ножахъ, ром. Лѣскова, 257.
На пескахъ, пьеса Трофимова, 269.
На порогѣ къ дѣлу, пьеса Н. Соловьева, 270.
На порукахъ, разск. Чирикова, 338.
На развалинахъ замка въ Швеціи, стих. К. Н. Батюшкова, 100.
На рожденіе на сѣверѣ Порфиророднаго Отрока, ода Державина, 62.
На смерть Гете, стих. Барат., 135.
На смерть кн. Мещерскаго, ода Державина, 65.
На что вы дни, стих. Баратынскаго, 135.
Наблюденія Михаила Ивановича, соч. Гл. Успенскаго, 307.
Наброски исторіи Петра Вел.—Пушкина, 131.
Навуходоносоръ, комедія Симеона Полоцкаго, 35.
Надежда Николаевна, разск. Гаршина, 294.
Надежда Чигалдаева, драма Семенова, 343.
Наль и Дамаянти, поэма Жуковскаго, 99.
Наканунѣ, ром. Тургенева, 270, 289.
Наполеонъ, 89, 119.
Наполеонъ, стих. Пушкина, 121.
Наполеонъ, на Эльбѣ, стих. Пушкина, 116.
Народная легенда, 31.
Народничество, 320—1.
Наталья, боярская дочь, пов. Карамзина, 77.
Наталья Долгорукая, поэма И. И. Козлова, 135.
Наука любви, новелла Мережковскаго, 359.
Націоналистическое сознаніе, 321.
Не въ привычкѣ дѣло, очеркъ Гл. Успенскаго, 307.
Не въ свои сани... пьеса Островскаго, 230, 234.
Не любо не слушай... пьеса А. Шаховского, 91.
Не подъ пару, разск Марко Вовчокъ, 271.
Не страшно, разск. Короленко, 298.
Не судьба, разск. Лубинскаго, 340.
Не судьба, пьеса Трофимова, 269.
Не такъ живи, пьеса Островскаго, 234, 235
Не шуми ты рожь... стих. Кольцова, 137.

Невидимый городъ, стих. Розенгейма, 281.
Невскій проспектъ, пов. Гоголя, 146.
Невѣдомая улица, разск. Альбова, 295.
Невѣста, разск. Семенова, 343.
Недвижимая собственность, разск. П. П. Гнѣдича, 332.
Недоимка, стих. Розенгейма, 280.
Недоконченная повѣсть, соч. Фофанова, 312.
Недопѣтыя пѣсни, сборникъ стих. Надсона, 311.
Недоросль, ком. Фонъ-Визина, 57—9.
Недреманное око, сказка Щедрина, 252.
Некрасовъ и его поэзія, соч. В. Н. Александровскаго, 382—3.
Некуда, ром. Лѣскова, 257, 276.
Неомарксизмъ, 319—20.
Непрошенная, пьеса Меттерлинка, 369.
Несжатая полоса, стих. Некрасова, 259.
Несчастіе отъ кареты, пьеса Княжнина, 67.
Несчастный, разск. Кона Феликса, 349.
Неудачный герой, разск. Щеглова, 304.
Неунывающіе Россіяне, очерки Лейкина, 269.
Ни павы ни вороны, очеркъ Новодворскаго, 293.
Нива, 309.
Нива, стих. Апп. Майкова, 224.
Нива, стих. Некрасова, 259.
Николай I, Императоръ, Его эпоха, 108—9.
Николай Чудотворецъ, 31.
Нилъ Сорскій, 31.
Нищіе, стих. Плещеева, 261.
Нищіе духомъ, пьеса Потѣхина, Ник., 262.
Новая Элоиза, ром. Руссо, 89.
Новый Донъ Жуанъ, поэма Буренина, 313.
Новый Стернъ, ком. Шаховховского, 87.
Ной. Легенда о немъ, 31.
Ночлегъ, разск. Слѣпцова, 273.
Ночь, разск. Гаршина, 294.
Ночь въ Венеціи, стих. Щербины, 286.
Ночь въ монастырѣ, стих. Апухтина, 314.
Ночь предъ свѣтлымъ праздникомъ, разск. Короленко, 298.
Нравы Растеряевой улицы, разск. Гл. Успенскаго, 307.
Нума Помпилій, ром. Хераскова, 86.
Нѣчто о наукахъ, разсужд. Карамзина, 73.

О.

О время!.. ком. Екатер. II, 55.
О гр. Л. Н. Толстомъ, сочиненія, 381—2.
О. Кириллъ, разск. Елпатьевскаго, 346.
О любви къ отечеству, разсужд. Карамзина, 79.
О старомъ и новомъ слогѣ, соч. Шишкова, 86.
Обзоръ жизни и трудовъ русск. писателей, Д. Д. Языкова, 384.
Обзоры литературы, Скабичевскаго, 316.
Облака, ром. Аристофана, 92.
Облако, стих. Надсона, 311.
Обличительный поэтъ (псевд. Д. Д. Минаева), 288.
Обратный путь, разск. Сѣрошевскаго, 349.
Обрядовая пѣсня, 3.
Общее благо, пьеса Манна, 264.
Обыкновенная исторія, пов. Гончарова, 194.
Обыкновенная исторія, стих. Огарева, 229.
Овидій, стих. Ап. Майкова, 223.
Огородникъ, стих. Некрасова, 258.
Одинокіе люди, соч. Гауптмана, 344.
Одинокій путь, пьеса Шницлера, 369.

Одиночество, разск. Куприна, 344.
Одиссея, поэма Гомера, 2, 99.
Одоевскій, А. И., 140.
Оды Ломоносова, 47—8.
Ожесточенный, разск. Голикова, 331.
Окаянный городъ, разск. Елпатьевскаго, 346.
Около барина, разск. Брусянина, 348.
Около денегъ, ром. Потѣхина, А. А., 263.
Октава, стих. Ап. Майкова, 223.
Октябрь ужъ наступилъ, стих. Пушк., 119.
Ольга Ранцева, пьеса, 315.
Омутъ, пов. Погорѣлова, 350.
Онъ шелъ безропотно, стих. Плещеева, 260.
Онѣгинъ Евгеній (см. Евгеній Онѣгинъ).
Опекунъ, ком. Сумарок., 51.
Оправданіе Истины, соч. Влад. Соловьева, 329.
„Опроститься", 307.
Опытъ біографіи Бецкаго, П. М. Майкова, 375.
Опытъ историческаго словаря о русскихъ писателяхъ, Новикова, 68.
Опять ты здѣсь... стих. Жуков. 98.
Ораторскія рѣчи въ Ю. З. литературѣ, 34.
Ораторскія сочиненія Ломон., 47.
Органическая критика Ап. Григорьева, 290.
Орлеанская Дѣва, драма Шиллера, пер. Жуковскаго, 99.
(Орша) Бояринъ, поэма Лерм., 142.
Освободилась, разск. Вербицкой, 362
Осень, стих. Баратынскаго, 135.
Оскудѣніе, ром. С. Атавы, 268—9.
Основныя черты личности и творчества Н. В. Гоголя, соч. Каллаша, 378.
Островъ Борнгольмъ, пов. Карамзина, 77.
Остромирово Евангеліе, 20.
Отверженный, романъ Іонасъ Ли, 370.
Отголоски. соч Щедрина, 251.
Отголоски съ мурманскаго берега, очеркъ Случевскаго, 305.
Отеч. записки, 248; 258.
Отойди отъ меня, сатана... стих. Мея. 228.
Отрывокъ, стих. Надсона. 311.
Отцы, пьеса Соломко, 357.
Отрѣзанный ломоть, ком. Потѣхина, А. А., 262.
Отъѣздъ, разск. Лазаревскаго, 331.
Очерки бурсы, соч. Помяловскаго, 266.
Очерки Замоскворѣчья, разсказъ Островскаго, 234.
Очерки изъ исторіи русскаго самосознанія. соч. Влад. Соловьева, 329.
Очерки изъ исторіи р. повѣсти и драмы, Н. Котляревскаго, 379.
Очерки Немировича-Данченко, 268.
Очерки Петербургской жизни, Брусянина. 348.
Очерки литературныхъ настроеиій, соч. Н. И. Коробки, 387.
Очерки по исторіи русск. цензуры, Лемке, 387.
Очерки Рима, стих. Ап. Майкова, 223.
Очерки сибирскаго туриста, соч. Короленко, 297.
Ошибка, разск. Куприна, 344.

П.

Павло Чернокрылъ, разск. Марко Вовчокъ, 271.
Палата № 6-й, разск. Чехова, 302.
Палея — изложеніе ветхозавѣтной исторіи, 19.
Паломникъ, 26.
Памяти или записи, 25.
Памятникъ, ода Державина, 62.

Памятникъ, стих. Пушкина, 117.
Памятникъ герою, ода Державина, 64.
Панихида, разск. Чехова, 302.
Пантелей Цѣлитель, поэма гр. А. К. Толстого, 221.
Пантеонъ иностранной словесности, сборникъ Карамзина, 74.
Пантеонъ россійскихъ авторовъ, сборникъ, Карамзина 74.
Панургово стадо, ром. Всевол. Крестовскаго, 269.
Параскева Пятница. Легенда, 31.
Парусъ, стих. Лермонт., 140.
Патерикъ, 25.
Паутина, пьеса Манна, 264.
Пахарь, разск. Григоровича, 242.
Первое сраженіе, разск. Щеглова, 304.
Первое января, стих. Лерм., 140.
Первые разсказы, сборн. разсказовъ Чехова, 302.
Перевалъ, ром. Боборыкина, 268.
Передъ гробницею святой... стих. Пушк., 120.
Передъ разсвѣтомъ, разск. Наживина, 335.
Переломъ, разск. изъ рудничной жизни, 351.
Переписка Гоголя съ друзьями, 148.
Переселенцы, ром. Григоровича, 242, 243.
Петербургская идиллія, разск. Щеглова, 305.
Петербургскій Меркурій, журн. Крылова, 101.
Петерб. шарманщики, разск. Григоров. 244.
Петербургское дѣйство, ром. Гр. Саліаса, 282.
Петровъ, другъ Карамзина, 74.
Петръ, разск. Златовратскаго, 309.
Петръ Вел. Заботы его о просвѣщеніи, 39—40.
Печоринъ у Лерм., 270.
Печорскія былины, сборн. Ончукова, 372.
Пикадоръ, разск. Всеволодской, 365.
Пиковая дама, пов. Пушк., 128.
Пиръ во время чумы, драм. сцены Пушкина, 129.
Пиръ Петра Великаго, стих. Пушкина, 120.
Письма Вл. Измайлова, 87.
Письма Гоголя, изд. Шенрока, 378.
Письма изъ деревни, А. Н. Энгельгардъ, 277, 321.
Письма изъ Москвы Муравьева-Апостола, 92.
Письма изъ провинціи, Щедрина, 250.
Письма о деревнѣ, Короленко, 298.
Письма объ Осташковѣ, Слѣпцова, 273.
Письма про алые цвѣты, стих. К. Р., 313.
Письма русскаго путешественника Карамзина, 74, 75—6, 83.
Питерщикъ, очерк. Писемскаго, 254, 257.
Пища боговъ, ром. Уэльса, 371.
Плачъ откупщика, стих. Розенгейма, 280.
Плетневу, посланіе Пушкина, 120.
Плоды просвѣщенія, ком. Л. Н. Толстого, 210, 315.
Плотничья артель, разск. Писемскаго, 254, 257.
Плѣнникъ (Кавказскій), поэма Пушкина, 122.
По Американски, разск. Мельницкаго, 351.
По бѣлу свѣту, сборникъ разсказовъ Тана, 346.
По поводу одной драмы, разск. Искандера, 245.
Повѣсти Карамзина, 77.
Повѣсти украшенныя, 25.
Повѣсти умильныя или украшенныя, 25.
Повѣсть о семи мудрецахъ, 37.
Повѣтріе, ром. Авенаріуса, 257.

Погибшая жизнь, ром. Іонасъ Ли, 370.
Погибшіе люди, сборникъ Свирскаго, 326.
Подаяніе, соч. Свирскаго, 353.
Подблюдныя пѣсни, 3.
Подводный камень, ром. Авдѣева, 270.
Подколесинъ у Гоголя, 253, 254.
Подлиповцы, пов. Рѣшетникова, 277.
Подойди ко мнѣ, старушка, стих. Полонскаго, 227.
Подростокъ, пов. Достоевскаго, 216.
Подъ дамокловымъ мечемъ, разск. Кона Феликса, 349.
Подъ знаменемъ науки, сборн. въ честь Стороженко, 385.
Подъ открытымъ небомъ, сборникъ стих. Бунина, 330.
Подъ уклонъ, разск. Серафимовича, 345.
Полдень, стих. Случевскаго, 305.
Полдневный часъ, стих. Случевскаго, 305.
Полинька Саксъ, разск. Дружинина, 245.
Полководецъ, стих. Пушк., 120.
Полтава, поэма Пушк., 126—7, 129
Поля, стих. Ап. Майкова, 224.
Помолвка въ Галерной гавани, пьеса Щигрова, 269.
Помпадуры, соч. Щедрина, 250.
Порванныя струны, разск. Баранцевича, 295.
Портретъ, пов. Гоголя, 146, 150.
Поручикъ Поспѣловъ, разск. Щеглова, 304.
Порѣчане, очеркъ Помяловскаго, 266.
Посланіе Импер. Александру 1-му, Жуковскаго, 94.
Посланія Апостольскія, 20.
Пословицы, 15—16.
Послѣ обѣда въ гостяхъ, разск, Кохановской, 284, 285.
Послѣ Пушкина, сборникъ стихотв., 314.
Послѣднее новоселье, стих. Лерм., 141.
Послѣднее путешествіе, разск. Нелидовой, 363.
Послѣдній квартетъ Бетховена, пов. В. Ѳ. Одоевскаго, 151.
Послѣдній поэтъ, стих. Баратынскаго, 135.
Послѣдняя воля, стих. Минскаго (Виленкина), 311.
Послѣдняя элегія, стих. Розенгейма, 281.
Потокъ, былина гр. А. К. Толстого, 222.
Потонувшій колоколъ, пьеса Гауптмана, 367.
Потревоженныя тѣни, очерки С. Атавы, 269.
Поумнѣлъ, пов. Боборыкина, 268.
Поученіе Влад. Мономаха, 26—27.
Похвала Розѣ, стих. Держав., 64.
Похвальная рѣчь... дѣдушкѣ, Крылова, 102.
Похожденія Накатова, разск. Григоровича, 244.
Почта духовъ, журн. Крылова, 101, 102.
Пошехонская старина, ром. Салтыкова, 284.
Пошли Господь тому отраду... стих. Тютчева, 220.
Поэзія, 2.
Поэзія ужаса, соч. Бальмонта, 325.
Поэту, стих. Пушк., 117.
Поэту, стих. Языкова, 134.
Поэтъ, стих. Кольцова, 137.
Поэтъ, (Кинжалъ), стих. Лерм., 141.
Поэтъ Державинъ, ром. Саліаса, гр., 282.
Поэтъ и гражданинъ, стих. Некрасова, 259.
Поэтъ и другъ, стих. Веневитинова, 135.
Поэтъ и чернь, стих. Пушкина, 116.
Православное духовенство, соч. Н. Соловьева, 341.

Прахъ, разск. Баранцевича, 295.
Преданіе, отчего перевелись богатыри, стих. Мея, 228.
Предпраздничныя письма, разск. Сковороды, 338.
Предъ образомъ Спасителя, стих. Кольцова, 137.
Предѣлъ скорби, разск. Сѣрошевскаго, 349.
Прежняя рекрутчина и солдатская жизнь, очеркъ Якушкина, 273.
Прекрасная Татьяна, сентимент. повѣсть, 87.
Преступленіе и наказаніе, ром. Достоевскаго, 211, 213, 214, 295.
Преступники (Надежда Чигалдаева), драма Семенова, 343.
Приговоръ, стих. Ап. Майкова, 223.
Придворное кружево, ром. Мордовцева, 282.
Притча пророка Наѳана, стих. Мея, 228.
Причина, баллада Шевченко, 279.
Причудница, сказка Дмитріева, 90.
Пріятель, поэтъ и посторонній, стих. Розенгейма, 281.
Про боярина Евпатія Коловрата, стих Мея, 228.
Про бѣлаго бычка, пьеса Ѳедотова, 315.
Про княгиню Ульяну Андреевну Вяземскую, стих. Мея, 228.
Пробужденіе, соч. Вербицкой, 362.
Пробужденіе, пьеса Фальковскаго, 358.
Пробужденная совѣсть, ром. Будищева, 328.
Провинціальная галлерея портретовъ, соч. Кохановской, 284—5.
Проза. Виды ея. 2.
Проза. Отличіе ея отъ поэзіи. 2.
Проза, разск. Мамина-Сибиряка, 300.
Прологъ, 25, 277.
Проповѣдь въ эпоху Петра Вел., 40.
Пророкъ, стих. Лерм., 141.
Пророкъ, стих. Пушк., 116.
Проселокъ, стих. Апухтина, 314.
Проселочныя дороги, ром. Григоровича, 284.
Протей, стих. Карамзина, 78.
Противъ теченія, пьеса В. Александрова, (Крылова), 262.
Профессоръ безсмертія, поэма Случевскаго, 306.
Прошумѣли весеннія воды, стих. Голенищ.-Кутузова, 314.
Прощаніе Чайльдъ-Гарольда съ родиною, стих. И. И. Козлова, 135.
Прыгунъ, разск. П. П. Гнѣдича, 331, 333.
Псковитянка, драма Мея, 228, 315.
Пугачевцы, ром. гр. Саліаса, 282.
Пустозеровъ въ ком. Потѣхина, Мишура, 262.
Пустыннику, стих. Ап. Майкова, 223.
Путешественникъ, стих. Жуковскаго, 98.
Путешествіе въ Арзерумъ, соч. Пушкина, 132.
Путешествіе въ полуденную Россію, соч. Вл. Измайлова, современника Карамзина, 87.
Путешествія ко св. мѣстамъ, 25.
Пуховъ, разск. П. П. Гнѣдича, 332
Пучина, пьеса Островскаго, 237.
Пчела, сборникъ въ древней русской словесности, 20.
Пчела, сборникъ Щербины, 286.
Пчела и мудрецъ, басня Хемницера, 67.
Пѣвецъ во станѣ русскихъ воиновъ, ода Жуковскаго, 87, 94, 97.

Пѣвецъ въ Кремлѣ, ода Жуковскаго. 97.
Пѣвцы, разск. Тургенева, 327.
Пѣвчіе, разск. Чехова, 302.
Пѣсни богатырскія, 3, 7.
Пѣсни бытовыя, 3.
Пѣсни изъ уголка, стих. Случевскаго, 306.
Пѣсни обрядовыя, 3.
Пѣсни о смерти, стих. Лебедева, 356.
Пѣснь Барда, ода Жуковскаго, 97.
Пѣснь о Вѣщемъ Олегѣ, баллада Пушк. 112, 123.
Пѣсня. Виды народн. пѣсенъ,3.
Пѣсня историческая, 3.
Пѣсня о Георгіи Черномъ, стих. Пушк., 129.
Пѣсня о Купцѣ Калашниковѣ, стих. Лермонт., 138, 143.
Пѣсня о рубашкѣ, стих. Т. Гуда, 287.
Пѣсня пахаря, стих. Кольцова, 137.
Пѣтухъ, котъ и мышенокъ, басня Дмитріевв, 86.
Пятница Параскева, легенда, 31.

Р.

Рабыня, разск. Наживина, 335.
Рагузала, траг. Зарина, 359.
Разбойничьи пѣсни, 7.
Разборчивая невѣста, басня Крылова, 101.
Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ, стих. Пушк., 116.
Раздумье селянина, стих. Кольцова, 137.
Раздѣлъ, драма Писемскаго, 256.
Разладъ, соч. Вербицкой, 362.
Разлука, стих. Фофанова, 312.
(Размышленіе) Вечернее о Божьемъ величествѣ, стих. Ломоносова, 47.
Размышленіе по случаю грома, ода Дмитріева, 87.
Разоренье, разск. Гл. Успенскаго, 307.
Разрядныя книги, 24.
Разсвѣтъ, стих. Тютчева, 220.
Разсказы Горбунова, 273.
Разсудокъ и любовь, стих. Пушкина, 115.
Ранніе всходы, разск. Чирикова, 338.
Расплюевъ въ ком. Сухова-Кобылина, Свадьба Кречинскаго, 264.
Ревизоръ. ком. Гоголя, 146, 151, 152, 314.
Религіозныя основы жизни, соч. Влад. Соловьева, 329.
Родина, стих. Лерм, 141.
Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ, 132.
Рожденіе красоты. стих. Державина, 64.
Рождественская сказка Щедрина, 253.
Рождество Христово. Духовный стихъ, 30.
Роза, стих. Пушкина, 115.
Романтизмъ, 95--7.
Романъ Дмитріевичъ и Марья Юрьевна, истор. пѣсня, 11.
Романъ на Западѣ. соч. Боборыкина, 208.
Романы въ эпоху Карамзина, 90.
Ромео и Джульетта, пьеса Шекспира, 290.
Россіада, поэма Хераскова, 66.
Россія, стих. Хомякова, 219.
Россія и Европа, соч. Н. Я. Данилевскаго, 329.
Росславъ, траг. Княжнина, 67.
Русалка, балл. Шевченко, 279.
Русалка, драм. сцены Пушк., 129, 130, 131.
Русалка стих. Розенгейма, 281.
Русланъ и Людмила, поэма Пушк., 110, 114, 121.
Русская амазонка, романъ, 89.
Русская критическая литература о Пушкинѣ, Зелинскаго, 378.
Русская мысль, журналъ, 314.
Р. Вѣстникъ, журналъ Каткова, 247, 248, 274, 282.
Русскій Вѣстникъ, С. Глинки, 88.
Русскій якобинецъ, романъ Загуляева, 309.

Русскія женщины, поэма Некрасова, 259.
Р. Слово, 247, 261, 289.
Русское Собраніе, 321.
Рустемъ и Зорабъ, поэма Жуковскаго, 95, 99.
Русь, стих. Некрасова, 259.
Русь, стих. Никитина, 280.
Рыбаки, идиллія Гнѣдича, 92, 370.
Рыбаки, романъ Григоровича, 242, 243.
Рыбка, баллада Мицкевича, 131.
Рыцарскія поэмы, 2.
Рѣдѣетъ облаковъ летучая гряда... стих. Пушк., 119.
Рѣчи ораторскія въ Ю. З. словесности, 34.
Рѣчь Достоевскаго при открытіи памятника Пушкину, 218.

С.

Саванарола, стих. Ап. Майкова, 223.
Савелій, разск. Елпатьевскаго, 345.
Савина актриса, 237.
Садко, богатый гость, богатырь Новгородскій, 10.
Садко, былина гр. А. К. Толстого, 221.
Садовскій, актеръ, 231, 252.
Сады, поэма Делиля, 143.
Самсонъ, стих. Мея, 228.
Сатира Дмитріева, Чужой толкъ, 86.
Сатирическія сказки, 14—15.
Сатиры въ прозѣ Щедрина, 249.
Сатиры Кантемира 41—2.
Сатиры Сумарок., 51.
Сахалинъ, очеркъ Дорошевича, 352.
Саша, стих. Некрасова, 259.
Сбоевъ, разск. Нестроева, 245.
Сборникъ народныхъ пѣсенъ, Данилова, 373.
Сборникъ росс. пословицъ и поговорокъ, Иллюстрова, 374.
Свадебныя пѣсни, 5.
Свадьба Кречинскаго, ком. Сухово-Кобылина, 264.
Сверчокъ, прозваніе Пушкина въ обществѣ Арзамасъ, 110.
Свистокъ, Некрасова, 259, 289.
Свистульникъ, разск. Григоровича, 244.
Свобода Неволя, пьеса Аверкіева, 241.
Свободные сны, сборникъ разсказовъ, Баранцевича, 295.
Свои люди, пьеса Островск., 230, 232, 234.
Свой хлѣбъ, ром. Рѣшетникова, 277.
Свѣдущій человѣкъ, очеркъ Дѣдлова, 334.
Свѣтитъ да не грѣетъ, пьеса Островскаго, 230.
Свѣтлана, балл. Жуковскаго, 94, 98.
Свѣтъ не безъ добрыхъ людей, ком. Львова, 261.
Святогоръ богатырь, 7.
Святое искусство, разск. Потапенко, 298.
Святой Александръ Невскій, стих. Мея, 228.
Себастіанъ мученикъ, стих. К. Р., 313.
Секретарь его превосходительства, разск. Потапенко, 298.
Село Степанчиково, Достоевскаго, 214.
Сельское кладбище, элегія Т. Грея, пер. Жуковскаго, 93.
Семейная картина, пьеса Островскаго, 234.
Семейныя хроники, соч. С. Т. Аксакова, 283.
Семейная хроника, соч. Гарина-Михайловскаго, 325.
Сентиментализмъ Карамзина, 84—85.
Сентиментальное путешествіе Стерна, 76.
Сергѣй Горбатовъ, ром. Всев. Соловьева, 309.
Сергѣй Шумовъ, разск. Тимковскаго, 336.
Серебрянскій, другъ Кольцова, 136.

Сестра Солнца, соч Юдифи Готье, 354.
Сибирлетка, пов. Погосскаго, 279.
Сила солому ломитъ, сборн. Наумова, 278.
Сильвіо (Пеликко), 144.
Силлабическій стихъ, 34.
Симфонія, пьеса Мод. Чайков., 315.
Синаксарь, 25.
Синій чулокъ, пов. Чехова, 303.
Сиротинушка дѣвушка, стих. Дельвига, 134.
Сирэнъ, разск. Лазаревскаго, 331.
Сіонскій Вѣстникъ, журналъ, 89.
Сказка, 12—15.
Сказка о девяти братьяхъ разбойникахъ, соч. Марко Вовчокъ, 271.
Сказки Екат. II, 56.
Сказки изъ Сибирской жизни, Кона Феликса, 349.
Сказки сатирическія, 14—15.
Сказки, соч. Щедрина, 252.
Скалозубъ въ ком. Горе отъ ума, 106.
Скобѣевъ Фролъ, повѣсть, 38.
Скованный Прометей, драма Эсхила, 287.
Скорпіонъ. Фирма, издававшая сочиненія декадентовъ, 325.
Скупой рыцарь, драм. сцены Пушк., 129, 130.
Скучная исторія, разск. Чехова, 339.
Славянскіе вечера, Нарѣжнаго, 90.
Словесность устная, 3.
Слово о древѣ Кусстномъ, 20.
Слово о Полку Игоревѣ, 27—30, 40.
Слогъ Карамзина, 83—4.
Служащій, разск. Елпатьевскаго, 346.
Слыхали ль вы... стих. Пушкина, 115.
Слѣпецъ, притча Величко, 314.
Слѣпой музыкантъ, пов. Короленко, 297.
Слѣпорожденный, стих. Мея, 228.
Слѣпые, пьеса Меттерлинка, 369.
Смерть Агриппины, пьеса Буренина, 315.
Смерть Ивана Ильича, гр. Л. Н. Толстого, 209.
Смерть Іоанна Грознаго, траг. гр. А. К. Толстого, 221, 239.
Смерть малютки, стих. Полонскаго, 227.
Смерть Тарелкина, ком. Сухово-Кобылина, 264.
Смерть Тентажиля, пьеса Меттерлинка, 369.
Снилось мнѣ небо... стих. Голенищева-Кутузова, 314.
Снѣгурочка, пьеса Островск., 230.
Снѣгурочка, стих. Фофанова, 312.
Соборяне, ром. Лѣскова, 277.
Событіе, разск. Чехова, 302.
Современная ода, стих. Некрасова, 258.
Современникъ, 248, 258, 261, 266, 288, 307.
Совѣтъ старика, басня Хемницера, 67.
Сожженная Москва, ром. Данилевскаго, Г. П., 274.
Солдатскія замѣтки, Погосскаго, 278.
Солдатъ, стих. Плещеева, 261.
Солидныя добродѣтели, ром. Боборыкина, 267.
Солнце и мѣсяцъ, стих. Полонскаго, 227.
Соловей Будимировичъ, богатырь, 10.
Соловей Разбойникъ, 9.
Соловей, стих. Дельвига, 134.
Соломоновы суды, 20.
Соломонъ, легенда, 31.
Сонъ, стих. Дельвига, 134.
Сонъ въ лѣтнюю ночь, пьеса Шекспира, 290.
Сонъ Макара, разск. Короленко, 297.
Сонъ невольника, стих. Лонгфелло, 287.
Спирька, разск. Елпатьевскаго, 346.

Споръ, стих. Лерм., 139, 141.
Спящее войско, ром. Клары Фибихъ, 369.
Сраженіе со змѣемъ, пов. Жуковскаго, 98.
Сраженный рыцарь, стих. Пушк., 116.
Среди долины ровныя.., пѣсня Мерзлякова, 87.
Среди лѣсовъ, разсказы Сѣрошевскаго, 349.
Ссора Ивана Ивановича, пов. Гоголя, 146, 149.
Ставленникъ, ром. Рѣшетникова, 277.
Старая Эдда, скандинавское преданіе, 225.
Старина, или богатырская пѣсня, 3, 7.
Старинные сборники пословицъ и поговорокъ, Симони, 374.
Старосв. помѣщики, пов. Гоголя, 146, 149.
Старческій грѣхъ, соч. Писемскаго, 253.
Старшіе богатыри, 7.
Старые годы, ром. Печерскаго, 275.
Старый баринъ, пьеса Пальма, 262.
Старый городъ, стих. Розенгейма, 281.
Старый домъ, стих. Огарева, 229.
Старый звонарь, разск. Короленко, 298.
Старый капралъ, стих. Беранже, 287.
Старый профессоръ, очеркъ И. Петрова, 339.
Степенныя книги, 24.
Степные волки, сборникъ разсказовъ Будищева, 328.
Степные очерки Левитова, 278.
Стефанъ Пермскій, 31.
Стихъ духовный, 3, 30.
Стоглавый соборъ, 32.
Строитель Сольнесъ, пьеса Ибсена, 370.
Столичные родственники, разсказъ Григоров., 244.
Стонетъ сизый голубочекъ... пѣсня Дмитріева, 86.
Странникъ Игумена Даніила, 26.
Странница, разск. Н. Благовѣщенскаго, 273.
Странствователь и домосѣдъ, поэма Батюшкова, 91.
Страшный судъ. Изображеніе его въ дух. стихѣ, 30.
Стрепетова актриса, 237.
Стрибогъ, славянское божество, 29.
Стрѣлочникъ Яковъ, разсказ. Яблоновскаго, 344.
Стрѣлы, сборникъ соч. Бурнина, 313.
Стукинъ и Хрустальниковъ, очерки Лейкина, 269.
Судъ людской — не Божій, драма Потѣхина, А. А., 267.
Суслинское торжество, разск. Елеонскаго, 340.
Сухая бѣда, разск. Телешова, 337.
Схоластика, 34.
Счастье, разск. Лазаревскаго, 331.
Съ благотворительною цѣлью, разск. Руновой, 364.
Сынъ, повѣсть Костомарова, 281.
Сысой Строгій, разск. Златовратскаго, 309.
Сѣрые годы, стих. Пе[illegible], 227.

Т.

Таежная встрѣча, разсказ. [illegible]резина, 352.
Таинственный посѣтитель, стих. Жуковскаго, 98.
Талантливыя натуры, Щедрина, 249.
Тамара Бендавидъ, ром. Всев. Крестовскаго, 269.
Тамаринъ, ром. Авдѣева, 270.
Тарасъ Бульба, пов. Гоголя, 146, 149.
Татьяна Рѣпина, пьеса Суворина, 315.
Ташкентцы, соч. Щедрина, 250.

Театр, разъѣздъ, пьеса Гоголя, 152.
Телеграфистка, разск. Немоловскаго, 350.
Темное царство, критическія статьи Добролюбова, 237.
Темный человѣкъ, (псевдон. Д. Д. Минаева), 288.
Теноръ, разск. кн. Голицына, 301.
Теосъ и Эсхинъ, элегія Жуковскаго, 93, 98.
Теоретическая философія, соч. Влад. Соловьева, 329.
Теперь тебѣ не до стиховъ, стих. Тютчева, 220.
Тетради, разск. Щукина, 339.
Тетъ Софроновъ Казанокъ, пов. Потѣхина, А. А., 263.
Тишина, стих. Державина, 64.
Тишина, стих. Некрасова, 259.
Ткачи, пьеса Гауптмана, 367.
То было раннею весною, сборникъ разсказовъ Крандіевской, 363.
То было раннею весной... стих. гр. А. К. Толстого, 222.
Тогда лишь въ полномъ торжествѣ, стих. Тютчева, 220.
Толкованіе на Евангеліе, 20.
Толстовцы, 208, 210.
Только любовь, сборн. стих. Бальмонта, 325.
Тополи, баллада Шевченко, 279.
Торжество Вакха, стих. Пушкина, [illegible]
Торжество [illegible]телей, балл. Жуковскаго, [illegible]
Трагедія ложной [illegible]ческая, 49—50.
Три доли, повѣсть Марко Вовчокъ, 271.
Три рѣчи въ память Достоевскаго, соч. Влад. Соловьева, 329.
Три смерти, поэма А. Майкова, 223.
Трилогія А. К. Толстого, 239.
Трудное время, ром. Слѣпцова, 270.
Трудолюбивая пчела, журн. Сумарокова, 51.
Труженикъ, стих. Хомякова, 219.
Трусъ, разск. Гаршина, 294.
Трутень, журн. Новикова, 54.
Тургеневъ, Андр. Ив., 93.
Тургеневъ, И. П., 73, 125.
Тучки, разск. Дмитріевой, 365.
Тушино, пьеса Островскаго, 230, 238.
Ты знаешь край, стих. гр. А. К. Толстого, 221.
Тысяча душъ, ром. Писемскаго, 254.
Тьма Египетская, ром. Всев. Крестовскаго, 269.
Тѣнь друга, элегія К. Н. Батюшкова, 100.
Тюфякъ, соч. Писемскаго, 253, 254.

У.

У дверей жизни, разск. Наживина, 335.
У параднаго подъѣзда, стих. Некрасова, 258, 259.
У перевоза, разск. Наумова, 278.
Убогіе и нарядные, очеркъ Кн. Голицына, 301.
Убѣжище Монрепо, соч. Щедрина, 251.
Уголки театральнаго міра, очеркъ М. В. Крестовской, 363.
Уголовные дворяне, разск. Елпатьевскаго, 345.
Узникъ, стих. Жуковск., 98.
Украшенныя или умильныя повѣсти, 25.
Уловительницы, разск. Измаилова, Влад., 350.
Умильныя или украш. повѣсти, 25.
Умирающій Тассъ, элегія К. Н. Батюшкова, 100.
Уму (къ) своему, сатира [illegible] темира, 41—2.
Ундина, повѣсть Жу[illegible] 94, 99.
Униженные и оск[illegible] ром. Достоевска[illegible] 214.

Уріэль Акоста, соч. Гуцкова, 287.
Урна, стих. Державина, 63.
Урожай, стих. Кольцова, 137.
Урокъ дочкамъ, ком. Крылова, 88, 101, 102.
Урокъ кокеткамъ, драм. произвед. кн. А. Шаховского, 91.
Усмиреніе своенравной, пьеса Шекспира, 230
Успокоенное невѣріе, ода Державина, 62, 64.
Устная словесность, 3.
Устои, исторія одной деревни. разск. Златовратскаго, 308
Утоплена, балл. Шевченко, 279.
Утопленникъ, балл. Пушкина, 123, 129.
Утреннее размышленіе... ода Ломоносова, 47.

Ф.

Фавнъ и Пастушка, стих. Пушк., 115.
Фантазія, стих. Фета, 225.
Фаустъ, Гете, 366.
Фелица, ода Держав., 62, 63.
Филантропъ, стих. Некрасова, 259.
Флоръ Силинъ, пов. Карамз., 77.
Фофанъ, пьеса Шпажинскаго, 262.
Францискъ Гойя, художникъ, 325.
Фролъ Скобѣевъ, повѣсть, 38.
Фролъ Скобѣевъ, пьеса Аверкіева, 241.

Х.

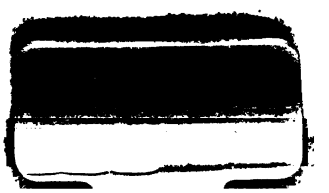
Хвастунъ, комедія Княжнина, 67.
[illegible]рая, пов. Потѣхина, А. А. [illegible]
[illegible] дяди Тома, ром. Бичеръ Стоу, 243.
[illegible]ъ, 152, 249, [illegible]
[illegible]аревичъ, [illegible] Екатер. II, 56.
Хлѣба и зрѣлищъ [illegible] хайлова, 267.
Хлѣбъ насущный, [illegible] щенко, 339.
Хмурые люди, сб[illegible] зовъ Чехова, 32.
Ходитъ спѣсь на[illegible] стих. гр. А. К. Толстого, 221.
Хожденіе Богородицы [illegible] мукамъ, 31.
Хожденіе Даніила, [illegible]
Хозяинъ и работник[illegible] гр. Л. Н. Толстого, [illegible]
Хоревъ, трагедія Сумарокова, 50.
Хороводныя пѣсни, [illegible]
Хорсъ, славянскій [illegible]
Храбрый Георгій. [illegible] стих. 2, 31.
Христова невѣста, [illegible] Лейкина, 269.
Христова ночь, сказ[illegible] кова, 253.
Христосъ въ гостяхъ у мужика, пов. Лѣскова, 277.
Хроника села Смурина, ром. Засодимскаго, 267.

Ц.

Царевичъ Хлоръ, [illegible] терины II, 56.
Царская невѣста [illegible] 228.
Царь, Борисъ, трагедія гр. А. К. Толстого, 221, [illegible]
Царь и Гражданинъ, ром. Мордовцева, 281.
Царь, [illegible] спасенный Новгородъ, поэма Хераскова, 66.
Царь Іоаннъ Грозный хро[illegible] Л. Жданова, 389.
Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ, тр[illegible] А. К. Толстого, 221, 357.
Цвѣтокъ, на гробъ моего А[illegible] това, соч. Карамзина, [illegible] 78.
Цвѣты, стих. Мея, 228.
Цвѣты зла, соч. Ш. Бодлер[illegible] 325,

89092541689

b89092541689a



89092541689

B89092541689A